

Твоя Помощница

30 ДНЕЙ

Игнис - верная слуга своего Господина. Заигравшись, она поддается собственным чарам и вызывает гнев Хозяина. Господин сковывает силу Игнис на тридцать дней. Ей нужно пережить это время, чтобы вернуть ЕГО милость. И это не кажется особо сложной задачей, но Игнис похищают, и теперь она, простая смертная, лишенная чар, оказывается среди врагов.

Пролог

Огонь. Его острые языки вылизывают поленья, сжигают в своей неутомимой страсти и сдыхают, как только поглотить становится нечего. Эту страсть можно разжечь до невероятных размеров, превратить в неутомимый пожар, ужасающий, но прекрасный в своей первозданной силе. А можно затеплить маленький огонек, тихий и незначительный. Он будет мирно светить, не причинив никому вреда, но умрет так же, как буйное пожарище. Огонь смертен, как всё живое, и также вечен, как боги.

Оторвав взгляд от камина, я поднялась с огромного ложа, еще хранящего запах чужого тела, полыхавшего так же отчаянно, как огонь. Правда, в отличие от огня, владелец пьянящего аромата вечен. Впрочем, даже Вечные однажды превращаются в прах. Убить можно и бога, если знать как. Криво усмехнувшись, я накинула на свое тело полупрозрачное черное одеяние. Прихватила со столика тяжелый золотой кубок, в котором еще оставалось вино, такое же бордовое, как кровь в венах, и такое же густое и тягучее. Новая ухмылка искривила губы, и кубок вернулся на стол.

Острый коготь вспорол вену, и несколько капель моей крови упало в вино. Забавная идея, ее воплощение еще забавней. Сделала глоток и легко рассмеялась, предвкушая предстоящее развлечение. Это самое любимое из моих развлечений. Не знаю почему, наверное, потому что наблюдать чужое падение приятно. А может потому, что наблюдая чужое падение, забываешь о глубине своего собственного.

Покачивая бедрами, я покинула спальню, по-прежнему сжимая кубок. Любопытно, почему мне раньше не пришла в голову эта идея? Впрочем, неинтересно. До этого у меня были другие выдумки. У меня вообще богатая фантазия. Завтра я придумаю что-нибудь новое, послезавтра еще что-то. Не люблю повторяться. За это меня любит ОН. За это себя люблю я. Его не люблю, и он это знает. Но ему моя любовь не нужна, только тело и фантазия. Впрочем, у него такая фантазия, что я вряд ли когда-нибудь смогу сравниться с ним, и вряд ли встречу кого-то лучше. Иногда я думаю, что будет, когда он потеряет ко мне интерес, и в этой спальне появится другое тело? Не знаю, никогда не могу найти ответ. Он не смысл моей жизни, он — мой господин и повелитель, и значит, будет пользоваться мной столько, сколько посчитает нужным. А я буду пользоваться его милостью.

Мои выходки забавляют его. Мне прощается то, что не прощается остальным. За это меня ненавидят и ждут падения, но прошло уже бесконечное количество лет, а я всё еще подле него. Возможно, завтра я стану одной из многих, но сегодня я его любимая игрушка... одна из многих, но единственная, к кому он не теряет интерес. Тогда пусть так будет и дальше. Пусть так будет вечно...

Я прошла мимо молчаливых стражей, опустивших глаза при моем появлении, но провожавших мою спину долгими пристальными взглядами. Запах их вождения всегда заполняет полутемный коридор после утех Господина. Удушливый, тяжелый, но пьянящий.

Иногда я задерживаюсь рядом с одним из стражей и с упоением втягиваю запах похоти, так же жадно, как он вдыхает мой аромат. Я вижу, как трепещут его ноздри, вижу, с какой силой он сжимает кулаки, чтобы устоять и не осмелиться на глупость, последнюю глупость в его жизни. Господин не прощает прикосновений к своей любимой игрушке. И когда кровь из ран от когтей на ладонях стража начинает капать на каменные плиты пола, я отхожу, прислушиваясь к тяжелому дыханию за своей спиной.

— Зачем ты дразнишь воинов? — как-то спросил меня Господин. — Ты знаешь, чем это может закончиться. Хочешь видеть смерть одного из них?

— Мой господин жалеет стражей?

— Твой господин желает знать, зачем ты их дразнишь.

— Скучно...

Да, мне скучно в его огромном и мрачном замке. Скучно в тяжеловесной роскоши покоев. Но на свободу я выхожу редко. Не знаю почему, но Господин не любит надолго отпускать меня. Наверное, ему тоже скучно, и, наверное, его забавляют мои выходки. Он не накричал на меня еще ни разу. Наказывал, когда считал, что я провинилась, но никогда не рычал так, как на остальных обитателей замка и земель, принадлежавших ему.

— Открой.

Громыкнул засов, скрипнула отворяемая решетка, прутья которой были толщиной в мою руку, и я шагнула в ледящую темноту подземелья. Я бываю здесь, но редко. Последнее время стала приходиться почти каждый день. Мой путь заканчивался у одной и той же двери — тяжелой, пахнущей ржавчиной. И как всегда я сначала привстала на цыпочки и заглянула в маленькое окошко, разглядывая обитателя сырых замшелых стен каменного мешка.

В темнице нет света, но он не нужен мне, чтобы увидеть. Несколько мгновений я смотрю на изможденное тело, висящее на цепях. Голова пленника свесилась на грудь. Отросшие волосы падают на лицо, и я не могу рассмотреть его. Впрочем, я знаю каждую его черточку, запомнила. И жесткую линию его губ, и прямой нос, и скулы, и подбородок, и глаза... Его глаза светло-серые, как металл, не знавший ржавчины. Пронзительные, когда-то ироничные. Сейчас нет, сейчас его глаза пусты, как бельма слепца. Я ломаю его раз за разом, поглощаю его разум, его чувства, его упрямство. Пью своего пленника, как терпкое изысканное вино.

Он пытается противостоять, но слишком измотан для той твердости и насмешки, которыми встретил меня первый раз. Он ожидал пыток палача, но получил намного хуже — меня. Не знаю, зачем я выпросила себе у Господина эту игрушку. Возможно, из-за прямого взгляда, в котором таилась издевка, возможно, из-за вызова, который был слышен в каждом слове нового пленника. Чтобы не двигало мной, но с выбором развлечения я угадала.

— Открой.

Страж, ждавший за моей спиной, громыкнул связкой ключей. Забавно, но в замке, где каждый камень пропитан магией, темницы закрываются на обычные замки. Всё просто, в подземелье магия исчезает, любая магия, кроме силы Господина.

— Свободен.

Страж шумно втянул носом воздух, бросил на меня взгляд исподлобья и спешно удалился, оставив меня наедине с моим развлечением. Толкнув тяжелую дверь, я вошла в каменный мешок, еще мгновение смотрела на мужчину, мало напоминавшего того могучего воина, которым он попал в замок, и сократила между нами расстояние.

— Пришла, — прошелестел его голос. Головы пленник так и не поднял. Я молчала,

ждала продолжения. Некоторое время царила тишина, затем он поднял голову и попытался разглядеть меня во тьме. — Я думал о тебе.

— Любопытно, — наконец отозвалась я и отошла к единственному факелу. Любовно огладила его, и факел затрещал, охваченный огнем. Эта сила принадлежит Господину. Он поделился ею когда-то со мной. Неслыханная щедрость, невероятная награда, не знаю чем заслуженная мной.

Обернувшись к пленнику, он закрыл глаза, тусклый свет ослепил его. Одинокая слеза скатилась по его щеке. Это боль от света, незначительная и безобидная.

— Что ты думал? — спросила я, вновь приближаясь.

Он осторожно разлепил веки и посмотрел на меня.

— Зачем ты приходишь сюда?

Я неопределенно пожала плечом.

— Ты был дерзок. — Затем коснулась кончиком пальца его щеки, собирая соленую каплю. — Прошло столько времени, а ты только задумался об этом?

— Времени нет, — усмехнулся пленник. — Оно остановилось в тот день, когда я попал сюда. Сначала я считал дни по твоим приходам, но усомнился в точности своих подсчетов и больше не считаю.

— На какой цифре ты остановился?

— Сотня, — ответил пленник и облизал сухие губы, прикрыв глаза. Он был обессилен, и мне подумалось, что стоит вновь подпитать его. — Зачем ты приходишь сюда?

— Я ответила.

Отошла на шаг, изучая взглядом тело, некогда бугрившееся мышцами. Сейчас от них ничего не осталось... жаль. Когда-то пленник был красив, теперь и от красоты ничего не осталось, кроме его глаз. Щетина покрывала впалые щеки, нужно распорядиться, чтобы ее убрали. И помыли.

— Ты сегодня на редкость разговорчив.

— Если я не буду разговаривать, я превращусь в зверя.

Борется. Всё еще борется за свою сущность. Разум по-прежнему светится в поблекших глазах. Это радует. Если бы он сдался, я бы потеряла к нему интерес.

— Зачем ты приходишь?

— А как ты думаешь?

Пленник усмехнулся, попытался выпрямиться, но цепи не позволили ему. Впрочем, благодаря цепям он мог стоять хотя бы так. Без них изможденный пленник уже не мог бы подняться на ноги.

— Тебя тянет ко мне, — наконец ответил мужчина. — С первого дня. С той минуты, когда ты впервые увидела. Тебя злит это, и вся твоя ярость достается мне.

Мои брови взметнулись вверх, а через мгновение я уже хохотала и никак не могла остановиться.

— Нет? — пленник не был смущен. — Тогда что? Ощущаешь свою ничтожность рядом с хозяином и идешь сюда, чтобы почувствовать себя хозяйкой? Ты кажешься себе значительней, когда терзаешь меня?

Мой смех оборвался. Я склонила голову к плечу, вновь рассматривая бывшего воина.

— Угадал?

— Любопытно, — протянула я и сделала шаг к пленнику, встав с ним лицом к лицу. — Ты уже потерял счет дням, от тебя мало что осталось, жизнь почти покинула тело, но

стараешься зацепить меня. Ты борец, мы оба это знаем. Но где заканчивается предел твоей прочности? За какой чертой ты перестанешь осознавать себя? — Я подняла руку и провела пальцами по плотно поджатым мужским губам. — Я знаю, о чем ты думал на самом деле. Понял, что пропасть уже близка и решил бороться. Мне это нравится.

— Ты забавляешься, — уверенно произнес пленник. — Я знаю. Всегда знал. Но для любой игры однажды наступает конец. Однако ты продолжаешь приходить, всё еще не пресытившись своим игрищами. Зачем?

Я приблизила к нему лицо настолько, что почти коснулась губ бывшего воина. Он судорожно вздохнул и попытался отстраниться.

— Ты борец, — повторила я. — Мне нравится твое сопротивление. Ты... вкусный.

— Что ты принесла сегодня?

— У тебя появился интерес, — отметила я. — Это мне тоже нравится. — Наконец отодвинулась и поднесла кубок к губам мужчины. — Вино. Я хочу, чтобы ты его выпил.

— Не просто вино, — пленник стал настороженным.

— Не просто, — я не стала лгать.

— Что в нем?

— Всего лишь толика меня, — я улыбнулась, вышло издевательски. — Я хочу, чтобы ты его выпил.

— Что там? — в голосе, некогда полном силы, послышалось напряжение.

— Выпей, узнаешь, — ответила я.

Свободная ладонь легла на затылок пленника. Он мотнул головой, звякнули цепи, но я сжала его волосы в кулак, не давая отвернуться. Мужчина замычал, губ он не разомкнул.

— Ты же знаешь, я получу то, что хочу, — произнесла я. — Зачем тебе боль?

Он смотрел мне в глаза, и взгляд пленника полыхал ненавистью. Я прижалась к нему, с тихим стоном вдохнув пьянящую ярость. Остро, жгуче... приятно. Отстранившись, улыбнулась.

— Так даже лучше. Продолжай сопротивляться, я хочу насладиться тем, что ты чувствуешь.

— Еда, — неожиданно произнес пленник. — Я для тебя еда.

И вновь я приблизила к нему лицо и шепнула в сомкнувшиеся губы:

— Ты мое наслаждение.

Пламя сорвалось с пальцев, скользнуло узким змеиным телом к ногам пленника, обвило их, и он закричал. Запах паленой кожи заполнил темницу и тут же развеялся. Я влила в раскрытый в крике рот вино. Воин захлебнулся, закашлялся, но проглотил большую часть. Теперь я окончательно отошла от мужчины и с интересом наблюдала за ним.

— Что меня ждет? — спросил пленник. Боль от ожогов он перестал замечать быстро. Терпеть бывший воин умел.

Не ответила. Стояла и наблюдала за капелькой пота, скатившейся с виска. Бледные щеки мужчины покрылись легким румянцем. Он гулко сглотнул, не сводя с меня взгляда, но теперь он смотрел не на лицо.

— Боги, — выдохнул пленник сквозь плотно стиснутые зубы и зажмурился. — Ты...

На моих губах снова заиграла легкая полуулыбка. Новая капля пота скатилась по лицу воина, переползла на шею, на ключицу... Он весь был покрыт испариной. Неожиданно для себя я судорожно вздохнула. Желание, которое должно было терзать только мою игрушку, передалось и мне.

— М-м-м, — он застонал и распахнул глаза, с жадным вожделением скользая взглядом по моему телу, плохо скрытому полупрозрачной тканью. Веки снова сомкнулись.

Сколько он сможет бороться с собой? Сколько будет сопротивляться охватившей его похоти? Я облизала губы, почти ощущая, как желание разливается в крови пленника, как разгорается огонь в его чреслах. Огонь желания, которое не будет удовлетворено.

— Тварь, — хрипло произнес мужчина. Веки распахнулись.

Я сделала шаг к нему, жадно потянула носом и не удержала мучительного стога. Его вожделение пахло необычно. Оно не было тяжелым, как похоть стражников, не сводило с ума, как желание Господина, чей терпкий аромат воспламенял меня с первого вдоха. Запах воина был пряным с ноткой горчинки, добавленной моей кровью. Он кружил голову, зачаровывал, манил, и я сделала еще один шаг, не удержав ответного стога. Я скользнула по своему телу ладонями, задержала их на груди и застонала громче, коснувшись напряженных сосков.

Шаг, еще шаг... Взгляд пленника полыхает подобно костру. Я ощущаю его так ясно, словно по моему телу скользят его руки. Остановилась, мотнула головой, пытаюсь отогнать наваждение. Кажется, это была моя самая неудачная выдумка. Прикрыла глаза, и теперь слушала хриловатое прерывистое дыхание воина. Его аромат вязал меня путами, притягивал, и не было сил устоять. Последний шаг я сделала, так и не открыв глаз. Приблизилась вплотную. Кажется, он выругался, а в следующее мгновение мои губы оказались в плену губ воина. Моя ладонь поползла по его телу вниз, накрыла через ткань штанов вздыбленный член. Мужчина застонал, не разорвав поцелуя. Его язык протиснулся мне в рот, ответила. Ответила, забыв о запрете Господина. Казалось, еще мгновение, и я отдамся своей игрушке...

Тяжелая железная дверь рухнула с грохотом на пол. Волна огня помчалась в нашу сторону. Зло ужалила меня и захлестнула пленника. Он закричал, а я оказалась прижата спиной к груди своего Хозяина.

— Это было лишним, — спокойно сказал Господин.

Я растерянно смотрела на воина, вновь обвисшего на цепях, лишившись сознания от боли. Сгоревшая одежда опала пеплом, кожу покрыли ожоги. Мой взгляд скользнул вниз, от желания ничего не осталось... жаль.

— Ты больше не придешь сюда, — всё также ровно сказал Господин. — Этот пленник мне больше не нужен.

— Ты убьешь его?

Ответа не последовало. Сильная рука обвила мою талию. Впрочем, я не обманывалась ни спокойствием Господина, ни тем, что ладонь его скользнула с талии на бедро, ласкающим движением огладила его и вернулась на прежнее место. Я нарушила запрет, позволила прикоснуться к себе... Великая Тьма и Бесконечный Хаос! Я сама испытала желание! К другому мужчине... Еще никогда и никого я не желала, только моего Хозяина. Бросила на него короткий осторожный взгляд.

Расслаблен, спокоен. Ни капли ярости или недовольства. Ответил чуть приподнятой бровью.

— Я провинилась, — сказала я.

— Да, — ответил он, на этом разговор закончился.

Спрашивать о наказании смысла не было. Голову не опустила, о пощаде не молила. Я осознавала свою вину, этого для Господина было достаточно.

— Зайди в купальню, — велел Хозяин, как только мы подошли к его покоям. — Мне не нравится запах светлого на тебе.

— Да, Господин, — я слегка поклонилась и невольно втянула носом, пытаясь уловить ускользающий аромат.

Темно-вишневые глаза сузились. Первая приоткрытая эмоция. Вроде ничего значительного, но теперь я точно знала, что он в бешенстве. Господин умеет прятать чувства даже от меня, но в этот раз я ощутила тонкую нотку запаха пожара, горечь пепла, и что-то еще. Незнакомое, странное, неожиданное, но отозвавшееся на языке остротой. Я сглотнула, не сводя взгляда с расширяющихся зрачков. Глаза Господина стали почти черными, и он приказал:

— Помойся.

Впервые за наше долгое сосуществование тон Хозяина отдал угрозой. Дольше медлить не стала. Вошла в купальню и замерла перед купелью. Исходившей паром. Перед внутренним взором появилось лицо пленника. Вспомнила запах его страсти и отчаянно мотнула головой, я всё еще хотела его. Спешно скинув свое одеяние, я шагнула в купель, выдохнула и опустилась в воду. Наконец смогла расслабиться и прикрыла глаза, раздумывая над тем, что произошло в каменном мешке темницы.

Почему я не устояла? Пресыщенная ласками Господина, я ощутила голод с тем, кто должен был насытить меня своими мучениями. Кровь в вине? Она стала той нитью, что протянулась от воина ко мне? В это мгновение поняла, что про забаву с вином я Хозяину не расскажу. Лишнее.

— Тебе жаль его?

Голос Господина прозвучал неожиданно, я едва сдержала испуганный вскрик. Открыв глаза, обнаружила его рядом с купелью. Хозяин смотрел на меня сверху вниз, и его чувства вновь были скрыты от меня.

— Тебе жаль, если пленник умрет?

— Это была моя забава, — ответила я.

— Тебе жаль его? — в третий раз спросил Господин, и я поняла, что именно он имеет в виду.

— Мне жаль лишится своей игрушки. Пленник неплохо питал меня, — честно ответила я. — Буду ли я сожалеть о нем? Нет, не буду.

Господин кивнул, принимая ответ. Наши взгляды так и остались переплетены в тугой жгут. Кажется, он что-то искал в моих глазах, и мне отчаянно захотелось, чтобы он отвернулся. Первой отвести глаза я не могла. Не сейчас, иначе он поймет, что мне есть, что скрыть от него. Облизав губы, я накрыла ладонью его член через ткань штанов, с удивлением обнаружив, что он возбужден. Аромат возбуждения Господин тоже скрыл от меня... Почему? Раздумывать не стала. Я встала на колени, стянула его штаны до середины бедер и завладела затвердевшей плотью. Не отстранился, позволил прикоснуться к себе, это дало надежду на то, что наказание будет не слишком суровым.

Ладонь Господина накрыла мой затылок, пальцы сжались в кулак, собрав волосы.

— Открой рот, — приказал он. — Смотри мне в глаза.

Я вновь встретилась со взглядом Хозяина, послушно открыв рот. Он толкнулся бедрами вперед, ткнулся членом в горло. Задыхнулась, попыталась не давиться и не закрыть глаз, но вышло плохо. Господин еще сильнее сжал мои волосы в кулак, и толкнулся повторно, снова и снова, не отводя немигающего взгляда от моего лица, по которому катились слезы от

спазмов. Глаза его разгорались, превращаясь в обжигающие угли. Кажется, он не получал удовольствия от происходящего. Я поняла это, почувствовав ярость вместо вожделения. Наконец, оттолкнул меня в сторону и отрывисто велел:

— Развернись. Поднимись в полный рост. Убери со спины волосы.

Он приказывал, я подчинялась. Его голос был равнодушным, взгляд смотрел сквозь меня, когда я на мгновение обернулась. Не лицо — маска, словно за моей спиной стояло одно из порождений Хаоса. Впрочем, наверное, так и было.

— Отвернись.

Я отвернулась...

— Боишься, — произнес он, скользнув ладонью по моей спине.

Вздогнула от ледящего холода, забравшегося под кожу. Тонкий иглы вонзились в поры, вспороли сосуды, вены и артерии, проникли в глубины моего существа. Я опустила взгляд. По животу расползлся морозный узор, оплетал бедра, змеился по ногам, и вскоре горячая вода стала холодной, подернувшись корочкой льда. В тщетной попытке согреться воззвала к огню, но он не откликнулся, не смог пробиться сквозь холод, затопивший мое тело. Тот, кто дарил пламя, теперь сковал его безжалостным льдом. Исчезли запахи чужих эмоций, пропал вкус чувств на языке. Тьма разлетелась рваными клоками, оставив меня пустой и... смертной. Слепляющая боль взорвала разум. Я закричала, полоснула пальцами по воздуху, словно он мог дать мне опору, и полетела в воду, разбив своим телом стылый лед.

Руки Господина подхватили меня, не дав захлебнуться. Он вытащил меня из купели и вынес из умывальни, так ничего больше не сказав. Меня трясло от холода, боль затухала, словно подернувшиеся пеплом угли. Сознание плыло, и то, что я уже лежу на кровати Хозяина, я поняла, когда он навис сверху уже полностью обнаженный. По его коже змеились огненные узоры. Они поднимались от узких бедер, переплетались на животе в причудливые линии, повторяя дорожки вен, ползли по груди, по широким плечам, по шее и, наконец, пламя охватило его целиком. Живой факел смотрел на меня черными провалами глаз.

Его жар согрел меня, но огонь в крови не проснулся. Внутри по-прежнему царил лед, и это вновь принесло боль. Холод внутри, жар снаружи. Я изогнулась, широко раскрыв рот, но ни звука не вырвалось наружу, моя боль осталась скована внутри меня. Живое пламя подалось ко мне, нагнулось еще больше, и его жар стал невыносим. Затрещали волосы, кожа покрылась отвратительными волдырями ожогов, и тогда Господин вошел в меня. Наверное, я бы умерла в то же мгновение, но холод скрывшийся внутри моего существа, рванул вперед, словно цепной пес, остужая боль, затягивая ожоги изморозью, мешая пламени уничтожить меня.

Господин брал, жестко вбиваясь в податливое безучастное тело, а я смотрела, как на месте ожогов появляется чернота. Сначала безобразные кляксы, но вот морозный узор растворяется в черноте, и она распускается цветами на ветках, прекрасными, как сама Тьма и бесконечными, как Хаос. Мое тело превратилось в цветущий сад, Его сад. Он взрастил его для себя через мою боль и бессилие, наполнил терпким благоуханием своей страсти, так знакомой мне. И когда аромат заполнил спальню, пришло наслаждение. Незнакомое, не испытанное мною ни разу. Оно разлилось по жилам стремительным потоком, затянуло в вязкий омут и унесло на дно темной всепоглощающей страсти.

Я изогнулась всем телом, закричала, забилась в путах острейшего оргазма, а через мгновение глухо застонал Господин. Его огонь вспыхнул особенно сильно и погас. Хозяин

прижался к моим губам, забрав возможность сделать хоть один вдох. И когда я забилась в новой агонии, тело его содрогнулось, излившись обжигающим семенем в мое лоно. Господин отпрянул. Я жадно втянула воздух и снова опустила на себя взгляд, узора не было. Моя кожа вновь была чистой.

— Что ты сделал со мной? — сипло спросила я.

— Одарил и покарал, — ответил он и поднялся с ложа.

Сердце постепенно замедляло бег, но дыхание всё еще хриплыми толчками вырывалось из горла. Я приподнялась на локте, не ощутив прежнего бессилия. После села и перевела взгляд на Господина.

— Мое наказание — боль?

— Я сковал твои чары, — ответил он, не глядя на меня. — Ты будешь обычной смертной тридцать дней.

— Я осталась без защиты...

— Да.

Он уже успел надеть штаны и рубашку. Взгляд темных глаз скользнул по мне, вновь равнодушный. Я приняла наказание. Не было смысла возражать, уговаривать, спорить. Решение, принятое один раз, Господин не менял никогда. Даже я была бессильна.

— Что означают цветы?

— Их тридцать, — ответил он, отбрасывая пряди огненно-красных волос на спину.

— Мои чары, — поняла я.

— Да.

— И? Чего мне ждать?! Пока они распустятся?

Я вскочила с ложа и устремилась за ним.

— Один день, один цветок. Какой распустится первым, не знаю даже я. Но знаю точно, что последним будет твое бессмертие. — Он остановился перед дверями и усмехнулся. — Помни, цветы могут вянуть.

— Если я растрою тебя, следующий цветок увянет, не распустившись, и я утрачу одну из своих сил?

— Да.

— А если завянет бессмертие?

— Ты умрешь.

— А если я умру раньше? — вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

Господин вернулся ко мне и обхватил пальцами подбородок, задирая мою голову кверху.

— Если бы мне нужна была твоя смерть, то не сохранил бы сейчас жизнь.

— Моя жизнь важна для тебя?

Он изогнул бровь, ответив насмешливым взглядом. Затем склонился, почти коснувшись моих губ своими губами, и шепнул:

— В тебе мой огонь. Этот дар ты получила единственная.

— Кто я для тебя?

— В тебе мой огонь, — повторил Господин и несильно оттолкнул меня.

После этого развернулся и вышел из покоев, оставив меня осмысливать произошедшее. Сразу стало холодно. Мурашки покрыли кожу, и я поняла, что замерзла впервые за несколько сотен лет, которые провела рядом с Господином. Спешно вернулась под одеяло, зачем-то отметив, что Его огонь жег только меня. Всё остальное так и осталось нетронутым.

— Бесконечный Хаос, — прошептала я, забираясь под одеяло с головой.

Нужно было подумать, как выжить эти тридцать дней среди Его слуг. Он обещал, что мне не причинят зла, но зависть может лишить здравого смысла, и удар в спину я получу... Без чар! Великая Тьма, я обычная смертная. И я бы сказала, что такого не могло случиться со мной, но Хозяин никогда не лжет. Но если цветы — это мои силы, то в чем тогда дар? И невесело усмехнувшись, осознав. Моя жизнь. Его дар — моя жизнь. Что ж, это действительно дар, и мне стоит сберечь его. С этой мыслью я провалилась в сон.

А проснулась от плеска воды в купальне. Некоторое время прислушивалась, думая, что вернулся Господин. Но вскоре поняла, что купальня пуста. Очередной плеск воды на пол заставил меня приподняться на локте. Забыв, что мне стоит быть осторожней, я решительно откинула одеяло, поднялась с постели и дошла до умывальни. Тихий плеск повторился.

Поджав губы, я распахнула дверь, но купальня и вправду была пуста, только в купели прошла легкая рябь. Я поджала губы, подошла к купали и задумчиво потерла подбородок, решая, чьи это проделки. Сделала еще пару шагов, глядя на купель, и оказалась в небольшой луже воды. Тихо выругавшись, я уже хотела отойти в сторону...

Вода тонкими струйками скользнула по ногам вверх. Оплела щиколотки, добралась до колен, я вскрикнула и полетела в купель, взметнув тучу брызг.

— Пришло время платить, — прошелестело над ухом, и я увидела глаза своего пленника на лице, сотканном из воды.

— Какого... — взвизгнула я.

Вода хлынула в рот, заполнила легкие, и мое тело вдруг стало невесомым. Расползлось, как ветхая ткань, растворилась в потоке, подхватившем меня. «Господин будет в бешенстве», — мелькнула последняя связная мысль, и сознание погасло, растекшись прозрачной водой.

Глава 1. День первый

Кап-кап... Кап... Кап... Озноб пробрался под кожу. Неприятный озноб, мерзкий. Я поежилась, звякнул металл, и глаза, наконец, открылись. Кап... С волос скатилась капля воды и гулко плюхнулась в натекащую лужицу в которой я стояла. Я мотнула головой, откидывая назад волосы. Они хлестнули плетями по обнаженной спине. Снова звякнул металл. Подняла взгляд на руку, она была закована в железный наруч. Посмотрела на вторую, то же самое. Меня растянули и подвесили на цепях. На ногах колодки, на шее тонкий обруч ошейника. Попыталась вывернуться, суставы обожгло болью, но увидела тонкую цепь, тянущуюся от ошейника к кольцу вбитому в стену.

Недоумение сменилось воспоминанием о похищении. Я закинула голову назад и хрипло рассмеялась. Смех перешел в кашель, когда от резкого движения ошейник впился в горло.

— Великая Тьма, — сипло произнесла я и замерла, прислушиваясь к тишине.

До меня донесся приглашенный звук голосов. Слов не разобрала, но поняла, что говорят несколько мужчин и одна женщина. Значит, не подземелье. Тянет теплом и запахом горящего дерева. Камин. Огонь... А следом пришла новая догадка. Мой похититель оставил меня рядом со своими покоями.

Сейчас я поняла, какую ценность имело мое прежнее зрение. Глазами простой смертной я видела темноту... Проклятье! Я ничего не видела, только то, что выхватывал

скудный блеклый луч, лившийся откуда из-за моей спины. Слепота — отвратительное чувство...

— Господин, — прошептала я, — призываю тебя...

Тишина. Он не слышал. И даже если я назову его имя, он не услышит, потому что забрал и этот дар. Ничего не оставил. Только хрупкую оболочку, которая утратит молодость и красоту даже раньше, чем истечет тридцать дней, потому что их срок вышел несколько сотен лет назад. И только бутон цветка бессмертия согревает надеждой на то, что я не рассыпалась прахом на тридцатый день своего наказания.

О чем я?! Когда придет время молодость и красота распустятся двумя цветами на моем теле. Но лучше бы открылся бутон, который вернет мне дар имени моего Господина.

«Назови его, и я приду, где бы ты ни была».

Настанет пора, и он придет за мной, но до той поры... Я снова пошевелилась, подергала руками, но разорвать оковы мне было не под силу, пока не под силу. Всему свое время...

«Времени нет. Это мираж, такой же мимолетный, как человеческая жизнь. Время не нужно тому, кто не считает мгновения».

ОН не считает мгновений, для него нет времени, а для меня часы вновь запустили свой бег, остановившийся так давно, что сама я вряд ли вспомню, сколько человеческих жизней протекло мимо, не затронув потоком незыблемую твердыню трона Вечного, у ног которого я сидела его верным зверем. Ручным, но опасным.

«Моя Игнис. Всегда».

Когда-то, еще до начала моего существования, меня звали иначе. Игнис — пламя. Это имя дал мне ОН, когда подобрал среди развалин дома. Наверное, это был мой дом. Память о человеческой жизни уже давно покинула меня. Я родилась снова со словами:

«Имя твое — Игнис».

ЕГО огонь вдохнул в меня ускользящую жизнь, соткал тело из ярких всполохов, изгнал холод Смерти. Я шагнула в этот мир из полыхающего пламени, ступила босыми ногами на ледяные камни Вечности. ОН говорил, что прекрасней зрелища не видел. Я много раз просила рассказать, как это было, но Господин никогда не делился со мной воспоминаниями, лишь улыбался и отвечал:

«Это только мое».

Что помню я о своем возрождении? Ни-че-го. Сколько это длилось, и длилось ли вообще? Кричала ли я, как все новорожденные, или улыбалась своему Создателю? Встретил ли он меня распростертыми объятьями, или же просто приказал следовать за собой? Ничего этого я не знаю. И единственное, что осталось в памяти, это три слова, сказанные в безмолвии притихших реальностей:

— Имя твое — Игнис.

Это были первые дары моего Господина. Жизнь и имя. Он дал мне их, ничего не взяв взамен. Просто подарил. И приготовил еще один дар, от которого я отказалась. Единственный, который не захотела принять... Помню, как застыла на самой высокой башне его замка. Господин стоял за спиной, так близко, что сквозь порывы зимнего ветра я ощущала жар его тела. Красные пряди расцвечивали черноту ночи, рассекали яркими росчерками и сплетались с моими волосами с черно-красные жгуты. Они извивались на ветру, словно разъяренные змеи, жалили кожу хлесткими ударами, когда бросались в лицо.

— Перед тобой целый мир, — говорил ОН, сжав пальцами мои плечи. — Выбери свой путь.

Я глядела на переливающиеся грани реальностей, ловила отражения будущих событий, которые произойдут в избранной мною жизни. Господин дарил мне Судьбу, какую я захочу. Я видела себя госпожой в высоком замке. Видела жалкой нищенкой в канаве. Видела любимой женой и счастливой матерью. Видела преданной и убитой. Путей было множество, и только одна грань не отражала ничего.

— Что это?

— Эта реальность еще не открыта. Ты можешь выбрать ее, и тогда каждый новый миг станет открытием. Возможно, там твоя жизнь, возможно, смерть. Даже я не могу увидеть того, что еще не предначертано.

— А если там ты?

Господин откинул голову назад, одним резким движением разорвав переплетенье наших прядей, и рассмеялся. Я молчала, ожидая, когда он ответит.

— Служение мне ты можешь избрать по доброй воле, но тогда иного пути у тебя уже не будет. Ничего из того, что ты увидела. Даже то, что могло свершиться за пустой гранью уже никогда не будет написано в книгу Судеб.

— Я выбираю тебя, — ответила я.

— Я дам тебе возможность подумать, — это всё, что ответил мне Господин.

И когда вновь мы поднялись на башню, и передо мной, подобно воздуху в летний зной, вновь плавилась Грани, я отвернулась от них и произнесла, глядя в темные глаза:

— Я выбираю тебя.

— Ты никогда не познаешь радость материнства.

— Я выбираю тебя.

— Ты не сможешь полюбить и быть любимой.

— Я выбираю тебя.

— У тебя не будет права выбрать иной путь.

— Я выбираю тебя.

— Ты не сможешь покинуть меня.

— Я выбираю тебя.

— Твоя жизнь будет принадлежать мне, и когда я посчитаю, что больше не нуждаюсь в тебе, ты умрешь.

— Я выбираю тебя.

— Ты никогда не станешь равной мне.

— Я выбираю тебя.

— Взгляни еще раз в Грани.

— Я выбираю тебя.

И он больше не отговаривал.

— Отныне твоя жизнь принадлежит мне. Выбор сделан. — Грани Реальностей истаяли в то же мгновение, я отказалась от своей судьбы, избрав служение ЕМУ.

— Мой Господин...

Я опустилась перед ним на колени и склонила голову, повинуюсь не столько знанию, как нужно стоять перед ним, сколько внутреннему чутью. Горячая ладонь накрыла мой затылок, пальцы зарылись в волосы:

— Моя Игнис. Всегда.

После этого развернулся и ушел, оставив меня стоять на коленях посреди продуваемой площадки смотровой башни. Наверное, тогда я любила его и, выбрав путь служения

Господину, ждала, что он полюбит в ответ. Человеческая сущность не до конца умерла во мне, она заставляла верить в чудо, толкнув сделать выбор, после которого не осталось ничего, кроме Вечного в его огромном черном замке. Чуда не случилось, но я все-таки сумела добиться того, чтобы стать первой в его нескончаемой темной рати. Несколько сотен лет преданности и веры в его могущество. И лишь один проступок. Но итогом стало мое пленение...

И всё же я жива! А значит, могу бороться. Со мной дары Господина и нужно лишь дать им время распусться на моем теле. Тогда никакие пути меня не удержат, и я смогу вернуться назад.

— Я вернусь к тебе, — прошептала я. — Вернусь.

Тряхнула головой, заставляя себя вернуться в реальность и стряхнуть воспоминания. Голоса всё еще доносились до меня, но теперь я слышала еще один звук — звук приближающихся шагов. Кто-то направлялся к моему узилищу. Я устремила взгляд в ту сторону, где шел невидимый мне человек. Дверь открылась, и мне в глаза ударил свет. На мгновение прикрыла их, но даже так я поняла, кто пришел навестить меня. Женщина.

Приятный цветочный аромат коснулся обоняния. Затем прошелестела ткань, процокали каблучки, приближаясь, и женщина остановилась напротив.

— Темная, — произнесла она с нескрываемым презрением.

Я усмехнулась и приоткрыла глаза. У нее были белые, как снег волосы, и голубые глаза, чистые, словно вода в ледяном источнике. Ее красивые чувственные губы брезгливо кривились. Незнакомка чувствовала свое превосходство. Впрочем, скорей, это была показная бравада, потому что в глубине глаз плескался испуг.

Наконец полностью раскрыв глаза, я приподняла брови, не скрыв насмешки.

— Чему ты радуешься? — воинственно спросила она.

— Представляю, как сожру тебя, когда выберусь отсюда, — ответила я, откровенно развлекаясь. — Выпью всю кровь, до капли. Из твоих костей мне сделают гребень, а из кожи сошьют перчатки.

Женщина отпрянула, прикрыв рот тыльной стороной ладони, слабо вскрикнув, но быстро взяла себя в руки. Придала лицу надменное выражение, и мою щеку обожгла пощечина. Мой хохот стал ответом на жалкую выходку беловолосой. Женщина боялась меня, но все-таки пришла посмотреть.

— Ты мерзкая! — выкрикнула она. Так гавкают дворовые шавки при виде скалящегося волка. — Ты — зло! Он должен был убить тебя...

— Эйволин!

Она вздрогнула и обернулась. В дверях стоял мой пленник. Уже отмытый, одетый. От измождения не осталось от следа. Даже удивительно, как быстро восстановился. Светлые длинные пряди срезаны. Вот таким он попал во дворец Господина в первый раз, таким оказался в каменном мешке. Красивый, холодный, высокомерный. Но мы познакомились поближе, и я узнала вкус всех его страхов...

Взгляд воина остановился на беловолосой, затем скользнул ко мне и вернулся к моей незваной гостье.

— Я запретил тебе заходить сюда.

— Я хотела посмотреть...

— Тебе не за чем смотреть на нее, — отчеканил мой бывший пленник, перевел взгляд на меня и скривил губы: — Ты слишком чиста, чтобы вдыхать зловоние Тьмы.

Я вновь откинула голову назад и расхохоталась, резко оборвала хохот, взглянула на Эйволин, опять смотревшую на меня и повторила:

— Съем, — клацнула зубами, и глупышка, взвизгнув, опрометью бросилась прочь.

Она убежала, воин остался. Он вошел в мое узилище и закрыл за собой дверь. Я изломила бровь, насмешливо следя за неспешным приближением. Мужчина остановился в двух шагах от меня. Взгляд некоторое время блуждал по моему телу.

— Твое тело и лицо совершенны, — неожиданно сказал он. — Но душа подобна выгребной яме.

Я изломила бровь и усмехнулась:

— А кто тебе сказал, что у меня есть душа?

— Да, души нет, — согласился воин, развернулся и вышел, с силой захлопнув за собой дверь.

Светильник, который принесла Эйволин и поставила на пол, пока рассматривала меня, забрать никто не удосужился, и я, наконец, огляделась. Повертела головой, насколько позволил ошейник, попыталась сдержаться, но все-таки рассмеялась. Это была купальня! Он подвесил меня в своей купальне! Любопытно... Смотреть, как мой похититель будет мыться — это пытка? Все-таки у светлых странные понятия о мести.

Покачав головой, я вспомнила слова Эйволин. Это вызвало очередной смешок. Очередной миф, созданный людьми и магами. Они делят мир на добро и зло. Свет и Тьма, извечное противостояние. Господин им непонятен, он сильнее, и это вселяет страх. Он иной, и это пугает. Мой Хозяин мог бы быть богом, но он не Творец. Сила Господина — разрушение. И потому его считают злом, и каждые сто лет находится тот, кто думает, что разгадал, как можно убить ЕГО. Глупцы! Господин забавлялся с каждым «избранным», позволяя подобраться к себе близко... Как воину, похитившему меня. Тот тоже считал, что сможет уничтожить Зло, но стал моей забавой. Теперь его забавой буду я, а Господин так и останется незыблем в своей власти. Мы все лишь песчинки у его ног.

Неожиданно дверь снова открылась, вырывая меня из размышлений. На пороге стоял похититель. Лицо его было непроницаемым. Он подошел ко мне, поджал губы и некоторое время смотрел в глаза, о чем-то думая. Затем шагнул в сторону, и наруч с левой руки слетел. Затем воин освободил правую руку. Оставшись без поддерживающей растяжки, я полетела на пол, бывший пленник ловить не стал. Он открыл колодки, освобождая и ноги. На мне остался только ошейник, не дававший покинуть пределы купальни.

Я села на полу, подтянула колени к груди и растерла запястья. Признаться, была озадачена. Ожидала пыток, издевок... ну, хоть чего-нибудь, но из всего возможного арсенала мне оставили лишь ошейник. Воин, ненадолго покидавший купальню, вернулся и кинул в меня кучей тряпья.

— Оденься.

На мой недоуменный взгляд похититель скрестил руки на груди и насмешливо изломил бровь.

— А ты чего ожидала? Я не воюю с женщинами. Даже с такими, как ты.

— А какая я? — спросила не без любопытства, разбираясь в тряпье. — У Эйволин отнял? Не плакала? Ногами не топала?

Он не ответил. Перестал усмехаться, развернулся и снова вышел. Плевать. Я поднялась в полный рост и проковыляла на сухой коврик. Затем оделась. Платье имело свободный крой и стягивалось на груди, так что мне удалось протащить его через ноги. Я оглядела себя и

усмеялась. Нет, Эйволин никто не трогал, одежда была простой, скорей, взятая у кого-то из служанок, но возмущаться я не стала. Главное, сухо и тепло. То что нужно в моем смертном теле. После изучила пальцами ошейник, подергала цепь и отползла к стене, перетащив за собой коврик. Если бы меня видел бургомистр Темнограда, его бы разорвало на части от смеха.

«Игнис, ты его шавка! Ты всего лишь его верная шавка!»

Так кричал он пред тем, как огненная плеть захлестнула ему шею и оторвала голову. Мне плевать на оскорбления, но бургомистр решил, что может не считаться с Господином. Непростительная глупость. А я действительно верная шавка. Первая сука в ЕГО своре которая порвет на части каждого, кто осмелился пойти против воли Хозяина. Мне вдруг отчаянно захотелось свернуться клубком и заскулить от тоски по ласкающей руке. Сильной, властной, обжигающе-горячей, но умевшей дарить ласку и нежность.

— Где же ты? — прошептала я, упершись затылком в стену и закрыв глаза.

Я не привыкла быть без НЕГО. Он всегда где-то рядом, я чувствую его силу. Знаю, что стоит позвать, и он появится. И даже когда я звала ради забавы, он приходил, насмешливо изгибал бровь и укоризненно качал головой, прощая маленькую шалость...

— Забери меня Хаос, — выругалась я, в сердцах ударив ладонью по коврику.

Шаги и негромкий разговор за дверью остановили мою разгорающуюся злость. Села ровно, скрестила ноги и уместила на коленях руки. Глаз не открыла, просто слушала голоса и усмеялась про себя:

— Говорят, она может обратиться в змею, обвить кольцами и переломать все кости...

— А я слышала, что она людей заживо пожирает...

— Зачем господин притащил эту в свой замок...

— Ой, мамочки...

Дверь открылась, но шаги возобновились не сразу. Дуры-служанки стояли на пороге и глазели на меня. Я осталась безучастна.

— Спит?

— Вроде спит.

— А если проснется?

— Ой, мамочки...

Они еще некоторое время толпились в дверях купальни, наконец, кто-то решился войти. Осторожные крадущиеся шаги приблизились и снова замерли.

— Спит она, — более уверенно произнесла самая смелая. — Давайте всё поставим и уберемся поскорей.

— А может ей сырого мяса и крови надо?

— Тихо ты, вдруг услышит и правда захочет.

— Ой, мамочки...

Они вошли. Что-то глухо ударилось о каменный пол. Звякнули приборы. Мне принесли еду, это я поняла не только по звукам, но и по аппетитному запаху тушеного мяса с ароматными приправами. Желудок отозвался урчанием, и в купальне тут же наступила мертвая тишина. Служанки некоторое время смотрели на меня, их напряженные взгляды я ощущала кожей.

— Нет, спит, — выдохнула смелая.

— Точно спит?

— Может ее палкой потыкать?

— Ой, мамочки...

Они снова задвигались, а я решила, что пришло время обнаружить свое бодрствующее состояние.

— С-с-с, — тихонько зашипела я.

— Ой, мамочки! — взвизгнули дружно служанки.

Я посмотрела на них из-под ресниц. Три женщины суетились у низкого маленького столика, четвертая застилала широкую скамью, готовя мне убогое, но все-таки ложе. Н-да. Яне была так добра к своей игрушке.

— С-с-с, — снова зашипела я.

Женщины вздрогнули и дружно обернулись ко мне. Я полностью открыла глаза, растянула губы в широкой ухмылке. Служанки попятились к дверям, не спуская с меня испуганных взглядов.

— Е-е-да-а, — протянула я и бросила тело вперед, громко звякнув цепью.

— А-а-а!!!

Вопль был омерзительным, от него заложило уши. Ошейник впился в горло, придушив меня и откинув назад, когда я рванула за верещавшими служанками. Я упала на спину и расхохоталась. Смех перешел в надсадный кашель. Перевернулась на бок, пока заходила от кашля, через который прорывался смех. После растянулась на спине, раскинув в стороны руки и ноги, шумно выдохнула и уставилась в потолок.

— Забавляешься?

Надо мной появилось лицо бывшего пленника. Я подмигнула ему и заложила руки за голову.

— Я смотрю, тебя не угнетает то, что ты оказалась в плену, — заметил он, присаживаясь на корточки.

— Нет, — помотала я головой, радостно скалясь, — тут весело. Пожалуй, я задержусь у тебя на денек-другой.

— Думаю, Игнис, ты задержишься здесь намного дольше. Посмотрим, насколько он дорожит тобой.

И вновь я рассмеялась, накрыв лицо ладонями. Воин остался невозмутим.

— Он пришел за тобой в темницу. Его ярость едва не поджарила меня, — продолжал мой похититель.

Перестав смеяться, я села, и воин чуть отпрянул в сторону, чтобы не встретиться со мной лбом. Наши взгляды встретились, и я невольно вспомнила причину, по которой Господин оказался в каменном мешке. Подалась к воину, втягивая носом его запах, но того головокружительного аромата, конечно, не уловила. Я пока не ощущала вкуса чужих чувств, да и бывший пленник не был возбужден. И все-таки дыхание прервалось, слишком ярким оказалось воспоминание о его страсти. На губах вспыхнул вкус поцелуя, и я поднялась на колени, приблизив лицо к лицу мужчины.

Он не отвел взгляда и не отстранился, лишь судорожно сглотнул и... принялся, совсем как я, пока этот дар не был скован волей моего Господина.

— Как странно, — тихо произнес воин. — Ты пахнешь... необычно.

Я облизала губы и протянула руку к его лицу. Вновь не отпрянул, лишь глубже втянул воздух. Мой взгляд не отрывался от плотно сжатых губ похитителя, а в памяти звучал глухой мужской стон, когда его язык ласкал мой...

— Проклятая Тьма! — вдруг выругался воин, резко поднимаясь на ноги. — Что ты

творишь, Игнис? Твои чары не действуют... — и осекся. Его взгляд уперся в меня, подобно острию меча, готового вспороть грудь. — У тебя нет чар! Я ведь прав?

Я снова села. Тряхнула головой, проясняя ее, скрестила ноги и с интересом смотрела на него, ничего не отвечая.

— Мне бы не удалось украсть тебя, если бы в тебе оставалась сила, — уверенно продолжал бывший пленник. — Это его наказание за то, что ты готова была отдаться мне, да? Снова будешь смеяться? Скажешь, что не имеешь для него ценности? Пришел за тобой, едва не сжег меня, после приказал убить, а тебя лишил чар. Что это если не ревность?

Вот теперь я не просто хохотала. Меня сотрясало от беззвучного смеха, на глазах выступили слезы, но я всё никак не могла успокоиться. Ревность! Моему Господину не знакомы человеческие чувства! Он не знает ни любви, ни ревности, ни боли, ни ненависти, ни презрения. Он никогда не лжет, даже если в этом будет для него польза. Пожалуй, мне впервые пришлось испытать на себе всю силу его ярости, если это было яростью. Скорей, сильное недовольство...

— Почему ты смеешься?

— Потому что ты не угадал, — ответила я, вытирая слезы. — Всё дело в том, что я принадлежу ему и лишь ему. Никто не смеет прикасаться ко мне. И я не могу прикасаться к кому-то, кроме него.

— Но это лишь доказывает...

— Что он не терпит, когда его женщин трогают чужие руки, ничего больше. Я одна из многих, глупец!

— И все-таки его сила лишь у тебя, — сухо ответил воин.

— Награда за преданность, — отмахнулась я. — Ни разу за все годы служения ему, я не нарушала его правил и законов.

Мой похититель прошелся по купальне, присел на бортик каменного бассейна и рассеянно провел ладонью по водной глади. Проследив за его движением, я поднялась на ноги. Ткань платья скользнула по бедру, и оно отозвалось легким зудом. Я незаметно почесалась и шагнула в сторону воина. Он обернулся на звук звякнувшей цепи.

— Как ты смог освободиться? — спросила я, но бывший пленник лишь пожал плечами. Однако я не желала отставать. — Ты не мог выбраться сам. Дверь...

— Лежала там, куда ее отбросило силой Темного повелителя, — усмехнулся воин.

— Господин сказал, что ты больше ему не нужен и умрешь.

— Я слышал. Стража решила, что я обессилен и никуда не денусь. Они кинули меня на тюфяк и ушли, не озаботившись ни тем, что я еще жив, ни тем, что дверь так и валяется на полу, — он развернулся ко мне лицом и теперь с явным интересом рассматривал. — Что было в том вине?

— Понравилось? — ухмыльнулась я.

— Чтобы ты не подмешала, но оно помогло мне, — уверенно ответил бывший пленник. — Я столько раз призывал свою силу, но она не отзывалась. Я пытался освободить себя, потом просто исцелиться, хотел защититься от тебя, но у меня ни разу это не вышло. А когда стражники переговаривались, что я даже выползти из темницы не смогу, я ощутил приток силы. Как только они ушли, сел и осмотрел себя. Следы от ожогов исчезали на глазах. Попытался встать на ноги и это вышло. Я призвал свою силу, но она вновь молчала. Тогда я вышел из темницы и пошел в противоположную сторону той, откуда слышал голоса стражи. Шел наугад, пока не услышал шум воды. Оказалось, что на улице идет дождь.

Знаешь, Игнис, я никогда не слышал лучшего звука, чем дробь капель по пыльному стеклу. Попытался открыть окно и оно поддалось и...

— Твоя сила.

— Да, она отозвалась на звук родной стихии, — усмехнулся водник.

— Но как нашел меня?

И ответ пришел сам. Моя кровь. Она привела его, словно пса на запах. Я сама указала ему путь к себе.

— Я был зол на тебя, безумно зол. Просто в бешенстве. Особенно за твою последнюю выходку. Ты окунала меня в мои страхи, испытывала твердость духа, обманывала лживыми видениями, я даже не могу вспомнить всего, через что ты провела меня. Но то, что почувствовал в последний раз... Это было гадко.

— Неужели? — усмехнулась я. — Желать меня было гадко?

— Я не хотел этого желания! — неожиданно зло воскликнул мужчина, и вода взметнулась над бассейном прозрачным куполом, но тут же вновь опала, обдав меня и водника ворохом брызг. — Не хотел мечтать о том, как я тебя... — он выдохнул и взял себя в руки. — Мне хотелось отплатить тебе за все унижения, через которые я прошел ради твоей забавы. В то же мгновение я ощутил тебя. Почувствовал отчетливо, словно ты сама зовешь меня. Ярость захлестнула сознание, родовая сила тело, и я очутился в купели. Вышел из купальни, увидел тебя спящей и хотел сразу забрать, но вдруг подумал, что я делаю? Зачем я потащу тебя с собой? Хотел свернуть шею, удавить, утопить, что угодно, лишь бы выплеснуть ярость, а потом остановился и задумался. Зачем убивать наживку? Твой хозяин слишком ясно дал понять, что ты важна для него. Сразу вспомнилось, что именно ты всегда выступаешь от имени Господина. И я вернулся в купальню. Если бы появился он, я бы исчез.

— И заманил меня, — кивнула я. — Хорошо. Вот я здесь, что дальше?

— Посмотрим, — пожал плечами воин и направился к дверям, кивнув на столик: — Поешь.

— Подожди, — я сделала несколько шагов следом, но ошейник впился в горло, и я остановилась. — Почему купальня?

Он остановился и с нескрываемой иронией посмотрел на меня.

— Это ведь лучше, чем темница, не так ли? Длины твоей цепи хватит, чтобы помыться. Кормят в моих покоях лучше, чем в подземелье. На лавке ты можешь спать. Почти гостья, мне посчастливилось меньше.

— И ошейник.

— Ты все-таки пленница.

— Но однажды я выберусь отсюда, — фыркнула я, когда дверь за воином закрылась, и снова почесала бедро.

Спустя некоторое время, когда я сытая уже лежала на своей лавке и раздумывала над глупой идеей с кровью в вине, бедро начало зудеть так, что я готова была лезть на стену. Задрала подол платья, намереваясь разодрать собственную кожу, но избавиться от раздражающего желания почесаться. Однако стоило опустить взгляд на место, изводившее меня, как я охнула и гулко сглотнула. Бутоны, похожий сейчас на большую уродливую родинку, набухал, наливался спелостью и продолжал дико зудеть.

Сколько времени я провела, вот так сидя с задранной кожей и наблюдая за бутоном? Мне это неизвестно. Но каждую секунду я молилась лишь об одном, чтобы это был дар имени моего Господина, чтобы он услышал мой зов и пришел. Меня мало волновало, что

будет с водником и его замком, но хотелось до зубного скрежета вернуться в родные стены. Пусть даже придется выдержать еще одно наказание за то, что дала свою кровь пленнику. Да! Даже в этом я готова была покаяться, лишь бы вновь ощутить заботу и близость Господина.

Кажется, спустя вечность, раздался тихий щелчок, и бутон начал раскрываться. Он разворачивался у меня на глазах, медленно и завораживающе. Черный цветок выпускал лепестки, змеился тонким стеблем по ноге вниз, покрывался листочками, тонкими и нежными. Знакомый аромат силы Господина заполнил обоняние, и я закинула голову назад, с наслаждением вдохнув ускользящий запах. А когда он растворился во влажном воздухе купальни, цветок поблек и начал таять, вновь скрываясь под кожей, вместе со стеблем и листьями. Одна из моих сил была вновь со мной, но какая...

Осторожно опустив подол, словно он мог повредить цветку, я прижала руки к груди и позвала:

— Вайторис.

Ничего. Не расползлась клубами тень в углу, пропуская Вечного. Не отозвался сумрак эхом его шагов. Дар его имени не проснулся.

— Вайтор, — в отчаянии позвала я повторно так, как называла на ложе. — Ну, услышь же меня!

Не услышал. Зарычав со злостью, я схватилась за цепь, тряхнула ее и...

— Бесконечный Хаос! Это издевка, да?!

Цепь растянулась, оставшись незыблемо прочной. Дар влиять на структуру предметов. Отлично! Просто отлично! То, что надо!!! Я задыхалась от бешенства. Абсолютно бесполезная сила, подаренная мне Господином ради забавы во время наших постельных утех. Тогда ему взбрело в голову сковать меня. Нет, не делал больно, но ласкал до изнеможения, когда я даже сипела через силу. Вот тогда я произнесла:

— Если бы я могла дотянуться до тебя!

— Дотянись, — рассмеялся он.

Я подергала скованными над головой руками:

— Ах, если бы я могла растянуть эти проклятые цепи!

— Всё, что пожелаешь, мое пламя, — ответил он, сверкнув глазами.

Я снова дернулась, и цепи растянулись. Господин встал с кровати и направился к двери.

— Вайтор!

— Ты ведь теперь можешь до меня дотянуться, — хмыкнул он, и Тьма оплела его, скрывая наготу подобно одежде. После этого Господин вышел из спальни. Я тогда растянула не только цепи, но и кольцо, через которое были пропущены оковы, и даже балку. Господина я нашла в трапезной. Там же на длинном столе и мстила...

Судорожно вздохнув от несвоевременных воспоминаний, помотала головой, отгоняя мысли о Господине, и поднялась с лавки. Криво усмехнувшись, я поддела двумя пальцами ошейник и стянула его через голову. После встряхнулась и направилась к двери. Раз уж я обрела свободу, поглядим, куда меня занесло. Я могла бы сказать, что сразу задумалась о побеге, и не солгала бы, но! Но я сразу откинула эту идею. Знали меня многие... очень многие, но любить как-то не спешили. Впрочем, это было понятно. Мой похититель был совершенно прав, я чаще других несла волю Господина в народ. Народ после этого на меня сильно обижался. Так что единственное, что сейчас может проложить мне путь до земель

Хозяйина — это застарелый человеческий страх, однако если станет известно, что я безобидней младенца, вряд ли я вообще далеко уйду. В общем, мысли о побеге я пока отложила.

Прислушавшись к звукам за дверь, я вышла в пустую спальню. Или же мой похититель еще не ложился, или у меня нет близких соседей. Скорей, второе. Ему нужна купальня, а там я. Судя по тому, что я уже узнала о своем бывшем пленнике, он не будет пользоваться купальней, в которой появился жилец. А я бы воспользовалась. Это было бы... забавно. Но пока мечты остались мечтами, и я вышла из дверей спальни, постояла, пытаюсь угадать, что и где находится. Наконец, услышала какой-то звук и пошла на него, но уже через мгновение хмыкнула и остановилась. Это был женский стон и отнюдь не боли.

Не удержалась. Приблизилась к дверям, за которыми слышались стоны, чуть приоткрыла и заглянула внутрь. На огромной кровати лежал мой похититель. Не скажу, что я ожидала увидеть кого-то другого. На нем, оседлав его бедра, извивалась Эйволин, ее я узнала по белоснежным волосам, серебристыми струями, спадавшими ей на спину. Свет огня в камине играл бликами на светлой коже, делая ее смуглей. Высокая полная грудь вздрагивала в такт движениям женщины. Воин поднял руки и накрыл груди Эйволин ладонями. Она застонала громче, и хозяин покоев рывком сел, прижался губами к шее... Чужая страсть завораживает, и я некоторое время любовалась ею, пока их губы не встретились, и мне вновь не вспомнился поцелуй пленника.

Сердито мотнув головой, я отпрянула от двери. Еще немного побродив по покоям, я вернулась в свою купальню, снова натянула ошейник и уселась на коврик, прижавшись затылком к прохладной стене. Перед глазами вновь встала картина чужих утех.

— Проклятый воин, — проворчала я и вздохнула: — Что же ты меня не слышишь, Вайтор?

Разумеется, он не ответил. Я перебралась на лавку, закуталась в одеяло и закрыла глаза. Спустя некоторое время, уже сквозь сон, я услышала, как дверь купальни открылась. Кто-то приблизился к лавке, некоторое время стоял рядом. Затем звякнула цепь, кажется, ее осторожно подергали, и до меня донесся голос бывшего пленника:

— Готов поклясться, что чувствовал ее в моей спальне.

— Вы, светлые, все с придурью, — сонно ответила я, зевнула и отвернулась на другой бок, скрывая ухмылку.

— Пожелания добрых снов от тебя точно не услышишь, — усмехнулся воин.

Я промолчала, и он покинул купальню. Вздохнув, я с чистой совестью провалилась в сон, надеясь, что завтра распустится что-нибудь более полезное. Огонь, например...

Глава 2. День второй

Это был странный сон. Мне снился черный замок, объятый огнем. Пламя ревели, словно обезумевший зверь, бесновалось, металось, прорезая тьму заревом. На воротах и на стенах не было стражи, на башнях лишь дозорные птицы, чья суть — огонь. Они равнодушно взирали на смертоносные языки, лижущие древние стены. Мне вдруг пришло в голову, что они почернели однажды от такого же точно пожара.

Шагнув к границе, рядом с которой начинали потрескивать волосы, грозя вот-вот вспыхнуть факелом, я остановилась, и огонь вдруг опал, пополз к ногам, словно истосковавшийся пес. Языки пламени преданно лизали руки, лицо, босые ноги, не причиняя

вреда. Я шагнула в черный зев ворот. Прошла знакомым двором, пустым и безжизненным. Зашла в проход, когда-то скрытый тяжелыми дверями, ныне лежавшими пеплом под ногами. Я вошла в замок и не узнала его. Великолепное убранство было выжжено до тла. Все пространство заполнилось запахом гари, от которого запершило в горле. Глаза защипало от едкого дыма, но я упрямо прошла дальше, сопровождаемая ластящимся огнем.

Поднялась к зале, где стоял каменный трон, пролезла сквозь покосившиеся двери и остановилась. Сам воздух показался мне густым и тяжелым. Судорожно вздохнув, я осторожно прошла дальше, с затаенным страхом поглядывая по сторонам.

— Вайторис, — шепотом позвала я.

Неожиданно послышался шорох, и из-за перевернутой глыбы трона поднялся тот, к кому я зывала. Он развернулся ко мне, и я вскрикнула, прикрыв ладонью рот. Никогда он еще не выглядел таким... смертным. Бледный, распущенные пряди спутались, даже на вечно гладком лице появилась щетина. Он приблизился ко мне. И каждый шаг моего Господина отдавался в груди гулкими ударами сердца. Казалось, если он остановится, то остановится и сердце.

— Игнис.

Он навис сверху, вглядываясь в мое лицо с неожиданной жадностью. Вишневые глаза почернели, став провалами, в который бесновалась Тьма. Голодная, ждущая, манящая. Я сглотнула и покачулась. Ладони накрыли плечи Вайтора, пальцы сжались, комкая рубашку в кулаках.

— Что здесь произошло? — сипло спросила я. — Где все?

— Здесь нет никого, кроме меня, — ответил он, чуть помедлил и, мазнув губами по моему виску, царапнул слух хрипотцой в голосе: — И тебя.

Я облизала вмиг пересохшие губы, ладони скользнули на широкую мощную грудь Вечного.

— Они все... сгорели?

— Здесь нет никого. Только я и мое пламя, — с нажимом повторил Господин, и я вдруг поняла:

— Это другая реальность!

— Можно сказать и так... — кривовато усмехнулся Вайторис, накрывая мою талию горячей ладонь, притяну к себе, зарылся пальцами второй руки мне в волосы, и наши губы встретились.

Что-то изменилось. Я распахнула глаза и увидела, как одна реальность сменяется другой, стекая вокруг нас, словно расплавленный воск по свече. Стены складывались, открывая звездное небо, безмятежный луг, прохладу летней ночи. На смену ревущему пламени-убийце пришло умиротворение ночного луга. Обоняния коснулся запах травы, стопы обожгло влагой, покрывшей траву алмазными капельками. Короткий вдох, когда уста разомкнулись, и вновь воск реальности потек, меняя ночной луг на знакомые стены.

— Вайторис, — простонала я и откинула голову назад, подставляя шею под горячие мужские губы.

Он целовал меня, рисовал губами незримые узоры на коже, обжигал касаниями языка. Я смотрела сквозь ресницы на завораживающую игру пламени в разверстой пасти чудовищного зверя, стоявшего в спальне Господина, нашей с ним спальни. Огонь... Он горел неправильно, не так, как обычно. Тягуче, медленно. Языки пламени переплетались, касались друг друга, ласкались... совокуплялись.

— Вайтор, — хрипло выдохнула я, когда серое платье служанки слетело с меня клоками пепла.

— Мое пламя, — шептал он, укладывая меня на ложе.

Я вслушивалась в его шепот, не понимая слов. Кажется, Вайторис говорил на незнакомом мне языке. Красные пряди скользнули по плечу, сорвав с моих губ новый протяжный стон. Я выгнулась ему навстречу, подставляя тело под ласкающие губы, и всё слушала незнакомые слова, лишь иногда узнавая свое имя.

— Игнис...

Я порывисто села, толкнула Господина на спину и нависла сверху, вглядываясь в голодную черную бездну его глаз.

— Верни мне мою силу, Вайтор, — взмолилась я, отмечая краем сознания, что он больше не выглядит потерянным. Вновь безупречный, прекрасный и... родной.

Он скинул меня с себя и навалился сверху. Губы заскользили по моему лицу, и я разобрала срывающийся от тяжелого дыхания голос:

— Не могу... Цепь предначертанных событий... Разорвана на изначальном витке... Всё изменилось... У меня нет... власти... повернуть вспять.

— Но я хочу вернуться!

— Хочу вернуть... Нужна... Моя Игнис...

Всё это он говорил, не прекращая ласкать меня, и последние слова я едва ли поняла верно, погруженная в омут желаний. Неожиданно ласки прервались, и Вайторис вновь навис сверху и произнес:

— Покажи мне.

В этот раз реальность сменилась так стремительно, что я едва успела заметить, только вдруг оказалась в теплой, почти горячей воде. Резкий рывок, и Вайтор развернул меня к себе спиной, прижал к каменному бортику. Я закусил губу и глухо застонала, ощутив, как возбужденная мужская плоть прижалась к ягодицам. Он откинул с моей спины волосы, провел ладонями до бедер, словно заново изучая мое тело. И вновь развернул, впиваясь в губы.

Обняла его за шею, так и не открыв глаз. Оттолкнулась от дна и оплела талию ногами. Огонь? Что вы знаете об огне? Вы ничего о нем не знаете, если не становились им. А я была огнем, полыхавшим в объятьях воды, показавшейся едва ли не ледяной, когда кожа горела от испепеляющих ласк, и хотелось лишь одного:

— Возьми меня...

— Игнис! — оглушающий рык Господина обрушился на меня, словно ледяная глыба. — Нет, Игнис! Не смей!

Веки дрогнули, и я уставилась в полубезумные, хмельные от вожделения синие глаза воина. Потемневшие от воды пряди прилипли ко лбу и скулам. С приоткрытых губ срывалось тяжелое частое дыхание. Он сделал шаг, вновь прижал к каменному бортику, и налитый желанием член ткнулся в меня. Еще мгновение...

— Не смей!!!

— Ах, — задохнулась я, когда опустила на возбужденную мужскую плоть...

Я дернулась и... скатилась с лавки на пол, ошалело озираясь вокруг себя. Бедро обожгло огнем боли, и я зашипела, скривилась. После уселась на скамью, продолжая морщиться. Боль не проходила, она продолжала разъедать бедро, вгрызалась в плоть, царапала клыками кость. Не выдержав, я задрала платье, чтобы взглянуть на место удара...

— Нет! — вскрикнула я, глядя на то, что творилось на моем теле.

Цветок, еще прекрасный и свежий вчера, вновь появился на поверхности кожи. Но он больше не цвел. Лепестки сохли и скручивались у меня на глазах. Стебель уродливо изогнулся, листики скользнули по ноге. Еще мгновение и цветок разлетелся хлопьями Тьмы, оставляя леденящий осадок в душе. Схватила за цепь, дернула и вскрикнула, когда ошейник впился в кожу.

— За что?! — воскликнула я. — Что я сделала?!

И тут же в ушах зазвучал рык Вайториса, и низ живота скрутило от жара, когда воспоминания принесли ощущение скольжения по стволу естества воина, которому я вновь чуть не отдалась... Или отдалась?

— Бесконечный Хаос! Но это же сон! — заорала я, с силой ударив кулаками по скамейке. — Это всего лишь проклятый сон! Я была с тобой! Я думала, что я с тобой. Вайторис! Тьма! Тьма! Тьма! Несправедливо!!! Да какого...

Я вскочила, пнула скамью, перевернув ее, добежала до столика и пнула его тоже. Купальня наполнилась моей ожесточенной бранью и грохотом. Я металась, насколько позволяла цепь, рычала, взвизгивала, не зная, как еще выплеснуть ярость. Наконец, остановилась и снова заорала в потолок:

— Значит, забрать меня ты не можешь, вернуть свои дары не можешь, а проследить и отнять то, что вернулось, запросто?! За что?! Разве я не служила тебе верой и правдой? Разве у тебя есть более преданный слуга, чем я?! Разве я предала тебя? За что ты так со мной? А-а-а!!!

Мой визг стал завершающей точкой, и я упала на каменный бортик бассейна, в котором чуть не отдалась своему похитителю... Во сне, Вайторис!!! В сердцах ударив ладонью по теплой воде, я, наконец, перестала буйствовать. Подтянула колени к животу, обняла их руками и прижалась щекой. Проклятый водник, как он-то оказался в моем сне? И почему сменил Господина, только что ласкавшего меня... Стоп!

Я перевела взгляд на бассейн, после огляделась по сторонам и мотнула головой. Очень захотелось разобраться со своим сном. Задумалась, глядя на водную гладь, исходившую слабым парком. За что же все-таки меня наказал Господин? Чем была последняя часть моего сна? Еще одной фальшивой реальностью, сотканной затаенными мыслями, или...

— Хватит, — буркнула я сердито. — Какие еще затаенные мысли?

У меня была лишь одна мысль — вернуться в черный замок. Потребность воссоединиться с Вайторисом уже начинала ощущаться, и сон лишь вновь раскалил тлеющие угли. Тоска всколыхнула душу, и я подняла лицо к потолку, тихо всхлипнув...

— Что? — возглас был полон неподдельного изумления.

Что я сделала? С неверием потрогала щеки, но они были сухи. Выдохнула шумно, с облегчением. Глупость какая! Я не плачу, никогда не плачу. Слезы — это боль, печаль, любовь, тоска. Ничего подобного я не чувствую уже несколько сотен лет. Гнев, страсть — то, что созвучно огню, вот мои чувства. А нехватку остальных, я восполняю, поглощая их. Этот дар Вайторис сделал на мой день возрождения.

«Тебе скучно, Игнис», — отметил он, наблюдая, как я верчу в пальцах кубок.

В день возрождения никто не смеет мешать нам с Господином. Он и я, его создание, остаемся вдвоем. В этот день Вайторис позволяет себе и мне немного больше, чем обычно. Иногда мы, прикрывшись иллюзией, появляемся на землях светлых, там, где есть праздник. Развлекаемся среди магов и простых смертных, ничем не выдавая своей сущности. Иногда

гуляем по землям Господина, просто бредем, взявшись за руки и молчим, потому что слова оказываются лишними. А бывает, что путешествуем в Гранях, наблюдая иные вариации реальности. Это бывает забавным, бывает скучным, когда как повезет.

В тот день возрождения не повезло и ничего любопытного нам не попало. Впрочем, ложе с лихвой восполнило пустой день, здесь скучно не бывает, но вот после... После я крутила в пальцах кубок и смотрела в окно, за которым сгустилась ночь.

«Тебе скучно, Игнис».

«Да».

«Тебе не понравились мои подарки?»

«Они великолепны, Господин. Каждый твой дар бесценен».

«Тогда я сделаю тебе еще один. Чего бы тебе хотелось, Игнис?»

Я пожала плечами, у меня не было желаний.

«Тогда я сделаю тебе дар на свое усмотрение».

Его губы дрогнули в едва заметной улыбке. Взгляд темно-вишневых глаз остановился на мне, и расширившийся зрачок отразил всполохи огня в камине. Я уже не могла отвести глаз, зачарованно наблюдая, как разгорается пламя. Следила за игрой извивающихся лепестков, наполненных обжигающей силой. Невольно подалась вперед и уловила странный аромат. Потянула носом сильнее и захлебнулась в сплетении терпкого, с изысканной горчинкой запаха силы Господина. Вдохнула полной грудью, и разум взорвался. Кажется, я потеряла сознание на короткое мгновение, или это реальность сжалась вдруг вокруг меня, окончательно погрузив в мир Вайториса. А пришла в себя сидя у него на коленях, когда слизывала этот запах с кожи. Рвала на нем одежду, чтобы добраться до тела. Пила его и никак не могла насытиться.

Вино? Какое вино? Я забыла о нем, пьяная от аромата Вайтора, сгустившегося от желания, уже бежавшего по его венам. Не помню, когда закончилась та ночь, она растворилась в стогах и бессвязном шепоте, в томных ласках и жестких толчках любовника внутри моего тела. Я плавала в его аромате, тонула в нем, жадно вдыхала и боялась упустить хоть каплю. И когда, полностью обессиленная, лежала на его груди, пытаюсь восстановить дыхание, единственное, что я смогла произнести хриплым полусшепотом, было:

«Спасибо».

Это действительно был бесценный дар, после которого жизнь заиграла новыми красками. Я научилась различать запахи силы, чувств, улавливать оттенки и нюансы, а после и использовать их. Даже когда дар различать правду и ложь подводил, затаенный запах страха и волнения выводил лжеца на чистую воду. Отныне для меня не было тайн. Правда, с того момента меня всё чаще называли шавкой, ищейкой, гончей... сукой, всё зависело от обстоятельств. Я не обижалась. Мне вообще не свойственна обида, особенно на тех, кто брызжет ядовитой слюной у моих ног. Это вызывает усмешку. Моя преданность Господину неоспорима, и всё, что я делаю, я делаю во имя его.

— Во имя твое, Вайторис, — прошептала я, прикрыв глаза. Затем распахнула их и с новым приливом ярости воскликнула: — Тогда почему ты отнимаешь то, что сам подарил?!

— Г-г-г... гос... госп-п-п-п...

Я резко обернулась к дверям, но успела лишь заметить выпученные от страха глаза служанки. Она пискнула, и дверь захлопнулась. Зло усмехнувшись, я полностью развернулась к входу в купальню и велела:

— Войди.

За дверью зашуршали, завозились, словно мыши в норе, почуявшие кота, сидящего снаружи. Невнятные голоса бормотали, кажется, спорили.

— Живо! — рявкнула и, странное дело, но дверь открылась, и три служанки влетели в купальню, глядя на меня огромными испуганными глазами.

Я уже порадовалась, что властность моего голоса осталась прежней, но...

— За какой Тьмой ты разгромила мою купальню?

Ко мне пожаловал сам хозяин замка. Сразу стало понятно, кто на самом деле загнул трех дурех в мои «покои». А еще было заметно, что водник зол, как сама бушующая Тьма.

— Привести в порядок, — чеканно велел он служанкам.

Женщины были бледны и явно собирались упасть в обморок немедленно, но...

— Живо! — гаркнул воин, невольно повторив мой недавний приказ. От его тона вздрогнула даже я. Голос водника оказался наполнен силой. Признаться, не ожидала...

Он повернул голову в мою сторону, одарил хмурым взглядом. После посмотрел на бассейн, тяжело сглотнул и рявкнул:

— Уйди оттуда.

Я изумленно приподняла брови, хмыкнула и не смогла не любопытствовать:

— С чего вдруг? Разве не для того я сижу в этой купальни, чтобы могла пользоваться водой? Помыться...

— Ты больше не будешь сидеть в купальне, — ледяным тоном произнес водник.

— А где я буду сидеть? В твоей спальне?

Честно, хотела договорить про то, что мне придется любоваться на его утехы, но глаза моего похитителя вдруг сверкнули ярким бликом, словно речная гладь, отразившая всполох света, затем синева стремительно потемнела до черноты, и вода, только что мирно заполнявшая бассейн, взметнулась вверх, закрутилась толстым жгутом и ринулась ко мне. Обвила кольцами, подобно змее, сдавила так, что затрещали ребра. Я вскинула на водника ошалелый взгляд, он ответил тем же. Похоже, мы оба были удивлены его возможностью придавать воде форму и плотность. Обычно водники такого не делали. Бесконечный Хаос! Он создал существо из воды, которое пялилось на меня белесыми голодными глазами!

И все-таки первой в себя пришла я, скрыв оторопь за насмешкой:

— Что дальше?

Глаза воина вновь сверкнули уже знакомым мне бликом, и он рублено произнес:

— Прочь!

Не могу сказать точно, что произошло в следующее мгновение, но водяной змей мгновенно раздулся, скрыв меня в огромном пузыре. Я уставилась на водника сквозь толщу воды, осознавая, что воздуха здесь нет. Сколько я продержусь? И продержусь ли? Вода давила на меня со всех сторон, подобно прессу. Прикрыла глаза и начала отсчет до своей смерти: «Один, два, три...».

Пузырь лопнул, вода хлынула в разные стороны, а я повалилась на холодные камни, умудрившись извернуться и встать на четвереньки, отчаянно закашлявшись. Колени и ладони, конечно, отбила, но боль ощутила не сразу. Некоторое время ушло на то, чтобы прийти в себя. После уселась в лужу, покривилась от ссадин, но усмехнулась:

— Заодно и помылась.

После огляделась. Великая Тьма, темница! Настоящая! Соломенный тюфяк в углу, кособокий стол у стены, один грубый стул, на котором восседала крыса.

— Брысь.

Крыса прыгнула со стула и деловито удалилась, всем своим видом показывая, что место хозяйки уже занято, и я всего лишь временный гость в ее жилище. Хотелось ответить, что мы еще посмотрим, кто тут гость, а кто хозяин, но как-то вовремя опомнилась и спорить с крысой не стала. Ну ее, лучше уж она, чем я. А меня бы лучше на свободу.

Я поднялась на ноги, доковыляла до отвоёванного стула и уселась на него. Неожиданно вспомнила об одной немаловажной детали. Пощупала шею, но ошейник был на месте, а вот цепь болталась. Я с любопытством осмотрела последнее звено. Его словно разрезали пополам. Похоже так и случилось, когда пузырь сомкнулся, поймав меня в ловушку. Хорошо еще, что я не додумалась высунуть руку или ног. Еще неизвестно, что стало бы с ними... Передернув плечами, я задрала подол, осмотрела разбитые колени и, подняв лицо к потолку, от души пожелала:

— Чтоб тебя перекорежило, изверг.

Изверг появился спустя четверть часа... наверное. Гроыхнул засов, дверь открылась, и вошел мрачный водник.

— Живая? — спросил он, заметил мой задранный подол, разбитые колени и поморщился: — Прости, я... не хотел. Не знаю, как это вышло.

— И что дальше? — спросила я, немного забыв, чем в прошлый раз закончилось мое любопытство. — Чем вообще я провинилась? Лавки и стола стало жалко?

— Нет, — хмуро ответил он, а мне вдруг пришла в голову забавная мысль.

После этой ночи меня как-то многого лишили. Вайторис забрал свой дар назад, воин отправил из купальни в темницу. И что, спрашивается, я такого сделала, что не угодила сразу двум мужчинам? Ну ладно Господин, он видел, как я позволяю...

— Бесконечный Хаос, — выдохнула я, тут же помотала головой и протянула: — Не-ет... Не может быть... Нет!

— Что — нет? — насторожился бывший пленник.

И я растерялась. Поняла, что не знаю, что сказать. Спросить, что ему снилось, или прямо: «Дорогой, не совокуплялся ли ты со мной этой ночью?». Да нет... Как?! Одно дело Вайтор. Во мне его кровь, его огонь, я принадлежу ему... Кровь? Не-е-ет, ну, нет же! Если его затащило в мой сон на самом деле, тогда Вайторис взбесился, выходит, не зря, и тогда я и... Великая Тьма, нет, нет и нет! Ничего не было. Не было!

— Ты плакать собралась?

— Обойдешься, — буркнула я, перестав страдальчески кривиться. — Меня будут кормить? Я уже чистая, можешь пощупать.

— Пощупать, — эхом отозвался водник, вдруг зло сплюнул и стремительно покинул темницу, бросив на ходу: — Сейчас накормят.

— Пощупать, — повторила я и замотала головой. — Ну уж нет, никаких щупать.

Вскоре к раздражению и злости на свой необдуманный поступок прибавился холод. В моей темнице было сыро, холодно и мрачно. И даже маленькое окошко под потолком не радовало скудным дневным светом, проникавшим внутрь, потому что кроме решетки на этом окошке ничего не было, и прохладный воздух гулял мерзким сквозняком, обещая мне скорую простуду.

Какой дар я ждала теперь? О, нет! Не дар имени Господина, с ним встречаться мне как раз резко расхотелось. Оказаться рядом с ним, зная, что он увидел в странной реальности, сотворенной сном, или им самим, мне совсем не хотелось. Испытать силу его гнева, будучи

смертной? Ну уж нет, увольте. Пусть сначала перебесится. А если умирать, то хотя бы с гордо поднятой головой, а не стоя на коленях. Так что пересижу бурю у водника, целей буду.

А вот дар огня мне бы совсем не помешал. Зубы уже выбивали дробь, меня трясло, как в лихорадке, и согреться не удавалось, сколько я не прыгала по своему узилищу то одной ногой, то на второй. Да и прыгала я босая, потому что обувью меня снабдить вчера забыли, а каменный пол, и без того ледяной, был еще и покрыт водой из лопнувшего пузыря. Убирать ее никто не спешил, а иначе исчезнуть в воде было некуда. Ни стока, ни тепла.

— Н-н-ненавижу в-вод-д-дника, — отстучала я зубами и забралась на стол с ногами, чтобы хоть так сбежать от воды.

Протяжно вздохнув, я прислушалась к себе. Нигде пока не зудело, не кололо, не жгло. Только холод. На злость и размышления сил уже не осталось, все мысли сосредоточились вокруг одного желания — согреться. Ничего так не хотелось, как сменить одежду, завернуться в теплое покрывало и усесться подле камина с кружкой горячего травяного настоя.

Ш-ш-ш. Я вскинула голову, вглядываясь в сумрак. Вода на полу шла рябью, больше ничего подозрительного не наблюдалось. Но рябь могла появиться от ветра, врывающегося в окошко, и особо значения этому я не придала. Подтянула колени к груди, натянула сверху подол, обняла их руками и сжалась в комочек, ища хоть какого-нибудь тепла. Перед глазами стояла спальня Вайториса и огромный камин в виде головы чудовища с беснующимся пламенем в распахнутой в оскале пасти...

Ш-ш-ш...

— Покажись! — громко произнесла я. Постаралась, чтобы окрик казался властным и угрожающим, но мне всего лишь хотелось скрыть неприятный испуг, скользнувший по позвоночнику стайкой мурашек.

Вода заволновалась сильнее...

— Бесконечный Хаос! — вскрикнула я, отползая к самой стене, у которой стоял стол.

Волнение воды продолжалось, оно становилось сильнее и сильнее, пока не появилось течение. Оно неспешно двинулось по кругу, вновь ускорившись. Вода вдруг отделилась от стен, поднимаясь в воздух, задела меня, и я едва не слетела со стола от неожиданной силы. А вскоре посреди темницы кружил настоящий вихрь, закручиваясь в спираль. Уплотнился, сузился, и вот уже по стенам, по потолку, по полу хлещет жгут воды. Он метался, словно объятый агонией, и мне пришлось скатиться со стола, чтобы не попасть под мощный удар. Жгут задел стол, и он отлетел, грохнул об стену и рассыпался на части. Забилась в угол, не в силах даже пискнуть. Слишком давно я не ощущала паники и даже сразу не поняла, что трясет меня уже от нее, а не от холода. О последнем я забыла, как только поняла, что в любое мгновение меня может расплющить и изломать, как убогий стол.

Я видела, как на верхнем конце жгута вытягивается морда с уже знакомыми белесыми глазами. Наконец водяной змей шлепнулся на пол и уставился на меня, приоткрыв прозрачную пасть, а в его чреве отчаянно билась захваченная в ловушку крыса. Это было жуткое зрелище. И, несмотря на всю мою толстокожесть, равнодушие и цинизм, я вдруг ощутила забытое — жалость.

Сделала осторожный шаг из своего угла, змей остался неподвижен, только, не отрываясь, смотрел на меня. Я выдохнула, поджала губы и боком протиснулась к стулу, упавшему, но чудом выжившему в том безумии, что недавно творилось в темнице.

Перехватив свое оружие, я выставила его перед собой ножками вперед. Змей поворачивал голову, следил за мной, но по-прежнему ничего не делал.

— Что смотришь, тварь? — спросила я.

Змеиный хвост дернулся, зашуршав по полу, но вновь создание водника не попыталось напасть. Лишь следило, не отводя глаз. Я перевела взгляд на тело змея. Крыса уже почти не боролась. Зверек вяло шевелил лапками, наконец, совсем замер и медленно поплыл по прозрачному телу. Загнала страх поглубже, одарила водяное чудище надменным взглядом, он не шевельнулся, и я рванула к тому месту, где виднелась несчастная крыса. Размахнулась, насколько позволили силы смертной, умноженные испугом и гневом, вернувшегося ко мне. На Вайториса, на воина, на проклятое порождение, на себя, в конце концов.

— Сдохни! — заорала я и опустила стул на тело змея.

Белоглазая голова взметнулась вверх, издав булькающий звук, а затем я услышала рев. Кажется, ему стало больно от того, что тяжелый стул перерубил водяное тело. Крысу вынесло потоком к моим ногам. Я подхватила зверька и бросилась назад в свой угол. Прижала крысу к себе не столько желая согреть, сколько от страха, потому что тварь вновь бесновалась, метаясь от стенки к стенке.

И пока голова билась в агонии боли, вода, разлившаяся из разорванного тела, начала стягиваться ручейками, латая образовавшуюся прореху, вновь собирая змея в единое целое. Я отупело смотрела на происходящее, осознавая невероятное — водник создал сущность. Не морок, не тварь, наполненную магией на время, пока от нее что-то требуется, и которая исчезнет, как только выполнит свою задачу. Нет, водяной змей не был кратковременным порождением, он был именно сущностью, способной ощущать боль, восстанавливаться и воссоздавать себя из бесформенной лужи. Только, похоже, мой похититель создал эту сущность неосознанно, слишком красноречив был его ошеломленный взгляд. Вновь шалости крови Вайториса, наполнявшей меня? Но... Но! Бесконечный Хаос, кровь Разрушителя не создает жизнь, она ее отнимает! Уж не знаю, как ему удалось вернуть меня к жизни, и это то, о чем он говорить отказывается, но все его создания, за исключением меня, такие же временные, как и у обычных магов.

Змей полностью восстановился и шлепнулся на каменный пол, как-то устало взглянув на меня. Я сильнее прижала к себе крысу и сузила глаза, готовая дать отпор, если он бросится. Не знаю какой, но сдаваться без боя не буду. Однако тварь вновь смотрела на меня, не двигалась с места. Только издала обиженный бульк и замерла. Я осторожно выдохнула. Опустила взгляд на тельце крысы и встретила со взглядом черных бусенок-глаз. Выжила. Все-таки выжила. Я опустила зверька на пол, но крыса проковыляла за меня и там осталась, спрятавшись от змея. Кажется, она посчитала меня своей защитой.

— Великая Тьма! — воскликнула я, вдруг поняв, что рада тому, что крыса не сдохла. Захотелось свернуть ей шею, или откусить голову, чтобы ощутить на языке вкус горячей крови и вспомнить, что я не знаю жалости и не радуюсь чужому спасению, и уж тем более никогда и никого не спасаю, но вместо этого стиснула кулаки и чуть сдвинулась, давая крысе устроиться поудобней. Это вызвало нервный смешок. — Я сплю, Бесконечный Хаос, я точно еще сплю!

Змей шевельнул хвостом и сдвинулся с места. Только не в мою сторону. Он повернулся в сторону двери. Я тоже перевела туда взгляд, а через несколько мгновений громыхнул засов, и в темницу вошел водник. Водяная тварь метнулась к нему, обвила ноги и забулькала что-то жалобное. Мой похититель опустил на него взгляд, протянул ладонь и погладил по гладкой

змеиной голове. А затем произнес:

— Обидела? Эта может.

То есть змей еще и жаловался на меня?! Мне показалось, что за моей спиной возмущенно завопилась крыса. Впрочем, мы обе промолчали. Я вглядывалась в лицо водника цепким взглядом, отмечая его растерянность. Кажется, что-то его изумляло, и отчего-то мне думалось, что оторопь бывшего пленника была того же рода, что и у меня и сейчас ластилась к хозяину, продолжая булькать, то ли радуясь, то ли ябедничая на меня, то ли всё вместе.

— Что было в том вине? — спросил водник, продолжая поглаживать водяную тушу, жмурившую белесые глаза. На меня он не смотрел. Точней, бросил один взгляд и больше не поворачивал головы.

— Моя кровь, — машинально ответила я, наблюдая за мужчиной.

— Я никогда не делал ничего подобного, — вдруг сказал воин. — И... я вижу его глазами. Ты спасла крысу. Неожиданно.

— Видишь? — переспросила я.

Он кивнул и все-таки повернулся ко мне. Взгляд синих глаз скользнул по моему лицу, опустился ниже, и я увидела, как у него дернулся кадык. Водник облизал губы, но мотнул головой и поглядел уже сердито:

— Прекрати, — велел он. — И зятяни шнуровку.

— Что? — не поняла я, проследила за мужским взглядом и хмыкнула.

Шнуровка расползлась, открыв мою грудь. Не полностью, но простор для фантазии появился.

— Прекрати гладить себя, — в его голос вернулась та сила, которая удивила меня еще в купальне.

— Я глажу? — переспросила я и поняла. Да, поглаживая правую грудь, потому что...

Нет, шнуровку я не зятянула, я рванула ворот в стороны, окончательно ослабляя его, после стянула платье с плеч, не обращая внимания на свою наготу, ее я стесняться перестала с того момента, как укоренилась в спальне Господина. Кстати, там я всегда была единственной. Остальных своих женщин Вайторис навещал в их покоях, а после уходил, никогда не оставаясь ни с кем до утра. Но не об этом. Я с жадностью осматривала себя, потому что, занятая змеем и его хозяином сосем не заметила, что почесываю себя. Зуд был пока ненавязчивым, едва ощутимым, потому не встревожилась.

— Ты ударилась, — бесцветно произнес воин, глядя на темное пятно, сейчас напоминавшее синяк чуть выше соска на правой груди. — Я позову целителя...

— Обойдусь, — грубо оборвала я. — Мне бы сухую одежду и горячую еду. Ты обещал.

— Обещал, — кивнул мужчина.

Он поджал губы, отвел глаза, и я с неожиданной ясностью поняла, что меня оставят в темнице. Даже если мой перенос сюда произошел в порыве гнева водника, то теперь сиюминутное решение укрепилось, потому что... потому что его голодный взгляд был слишком красноречив, а желание, которое почему-то так и не исчезло, мужчина изо всех сил старался подавить, это тоже было понятно по тому, какими злыми стали его глаза. Плевать. Совокупление с ним в мои планы тоже не входило. Подобная глупость могла мне слишком дорого стоить.

— Долго будешь тут торчать? — раздраженно спросила я.

— Я хотел понять... — Водник снова мотнул головой, повернулся в мою сторону и одарил тяжелым прямым взглядом. — Ты получишь всё необходимое. Тебе подготовили

комнату, но я передумал, ты останешься здесь. Скоро одежду и еду принесут сюда. На этом пока всё.

Он развернулся и направился к двери, змей остался на месте, и я вскочила на ноги: — Эй!

Тварь, сотворенная из воды, бросилась мне наперерез, не давая приблизиться к хозяину. Пасть угрожающе распахнулась, обнажив воронку в его горле.

— Эй! Ты!

— Что тебе, Игнис? — воин обернулся.

— Забери свою тварь, — потребовала я. — Здесь и так слишком мало места...

— Змей тебе не помешает, — ровно ответил мужчина.

— Эй!

Он сделал шаг к двери, но резко обернулся и отчеканил ледяным тоном:

— Меня зовут Скайрен из рода Аквеев. Понимаю, что такая мелочь, как мое имя тебя никогда не интересовала, но оно у меня все-таки есть.

— Я запомню, Скайрен Аквей, — с усмешкой ответила я.

— Ты невероятно мила, Игнис Сиел, — с издевкой произнес водник и покинул темницу.

Его змей отполз к дальнему углу, я вернулась в свой. Присела на корточки, и мне на колени вскарабкалась крыса. Я опустила взгляд на обнаженную грудь, «синяк» еще налился чернотой. Вздохнув, натянула обратно платье и закрыла глаза, чтобы не видеть белесый взгляд змея, вновь пялившегося на меня. Правда, когда я приподняла веки, он уложил голову на пол и теперь глядел на стену. Я вздохнула с облегчением.

Прислуга явилась не менее чем через полчаса после того, как ушел Скайрен Аквей. Не меня косили с опаской, кривились при виде крысы, сидевшей на моих коленях. Зверек расставаться со мной не желал ни в какую, а я не гнала. Мерзенькое животное сейчас было единственным, кто, кажется, решил не оставлять меня в одиночестве. Змей не в счет, его я старалась не замечать, поняв, что атаковать меня он не будет, но его взгляд, устремленный на меня с того мгновения, как появилась прислуга, нервировал. Аквей следил за мной глазами своей твари, должно быть, опасаясь, что я могу навредить его людям. И я обязательно наврежу, когда ко мне вернуться силы, потому что после выходки водника что-то изменилось.

Опаска осталась, но прежнего животного страха не наблюдалось. Наверное, увидев, с какой легкостью их господин справился со мной, служанки уже успели потрепать языками, потому что на змея смотрели с заметным уважением и восхищением. Ничего, когда проснется огонь, мы еще поглядим, сможет ли устоять замок...

Мысли об огне подстегнули зуд в правой груди. Стиснула зубы, чтобы не чесаться на глазах челяди, как блохастая дворняжка, но зуд нарастал, и теперь становилось всё сложнее. Мерзавцы, прислуживающие Аквею, словно чувствуя, что я едва могу дождаться их ухода, шевелились еле-еле, убирая останки старого слова, разбитого змеем, ставили новый. Потом накрывали его, потом сменили тюфяк на узкую жесткую кровать, застелили ее. Затем притащили лохань, наполнили ее горячей водой, положили на кровать сухую одежду. Шептались, изумляясь щедрости господина. Бросали на меня взгляды украдкой, снова шептались. До меня долетали слова: проклятая, поганая сука, злобная тварь, убийца...

Их эпитеты мало волновали меня, тем более подтвердить их я собиралась, как только вернуться мои силы. Но цветок продолжал пробиваться, и зуд уже сводил с ума. Я повернула

голову к змею, тарашившему на меня свои бельма, и сказала, обращаясь к его хозяину:

— Убери их. Бесят.

Змей повернул голову в сторону замершей прислуги, после посмотрел на меня и замер. Прислуга, застывшая изваяниями под взглядом водяной твари, вдруг встрепенулась, расправила плечи. Их взгляды, осторожные, но уже таящие насмешки, обратились ко мне. Я склонила голову к плечу, посмотрела в глаза худенькой женщины с ярко-рыжими волосами, и та, охнув, спряталась за широкой спиной бородатого мужика.

— Что вытарашилась, тварь? — с вызовом спросил он.

— Запоминаю, — ответила я.

— Ты ничего не можешь нам сделать, — чуть визгливо воскликнула черноволосая служанка. — Наш господин защитит нас.

— Уверена? — спросила я, чуть приподняв брови.

Женщина замолчала, бородатый сделал шаг в мою сторону, сжав кулаки. Крыса спрыгнула с моих колен, юркнула под подол, я осталась неподвижна.

— У меня давно чешутся руки, свернуть твою шею, — произнес бородач.

— Не выйдет, — усмехнулась я.

— Мне все только спасибо скажут, — ответил мужик, подступая еще ближе.

— Давай, Тернес! — взвизгнула черноволосая женщина. — Если бы могла, она бы уже испепелила нас!

— Точно! — оживилась рыжая. — Ее Господин отвернулся от нее. Где ее огонь? Где ее черная сила? Наш господин пленил эту тварь и бросил в темницу.

— Два дня уже здесь. Темный повелитель не идет за ней, и сама сбежать не может, — подхватил белесый детина.

Ублюдки. Дураки, но ума все-таки хватило осознать очевидное. Кажется, моя жизнь осложняется... И все-таки я осталась сидеть, переводя насмешливый взгляд с одного говорящего на другого, уже не обращая внимания на зуд и на шевеления моего подола, под которым возилась крыса. Зато бородач окончательно воспрял духом и устремился ко мне подстрекаемый остальной челядью.

— Ты не сможешь добраться до меня, — произнесла я с улыбкой.

— Посмотрим, — мрачно ответил тот, засучивая рукава, и...

Змей метнулся мужику наперерез. Движение это оказалось столь стремительным, что я невольно отпрянула, несильно приложившись затылком к стене. Голова твари нависла над бородачом, и он шарахнулся в сторону, избегая встречи с раскрытой пастью создания водника. Неожиданно завизжала рыжая. Мой взгляд оторвался от змея и устремился к служанке.

— Уберите! — визжала она. — Уберите эту мерзость!

Моя крыса стремительно подбежала к ней, оттолкнулась от пола и прыгнула на грудь. Рыжая открыла рот, вереща во всё горло, и крыса вцепилась ей в губу. Кровь потекла по подбородку, по шее, запачкала платье, и черноволосая, наконец, умерла. Схватив веник, она бросилась на помощь подруге, размахнулась... но крыса уже спрыгнула на пол, и удар веником пришелся по лицу заходящейся в крике рыжей.

Я протянула руку, и мой зверек забежал на ладонь, пробежался по руке и спрыгнул снова на колени. Змей стремительно развернул голову в мою сторону. Пожала плечами:

— А я просила их убрать.

Змей булькнул что-то в ответ, обернулся к челяди и неспешно пополз на них,

выпровоаживая из темницы. В глазах людей, пятившихся к дверям, сплелись ненависть и страх — моя любимая смесь. Вот так они всегда смотрят на меня, пусть так остается и впредь. А мое время еще придет. Не стоять этому замку. И назовут место, где останутся обугленные развалины, проклятым. Да, именно так.

Выпроводив прислугу, змей развернулся ко мне, угрожающе качнулся, но я отмахнулась:

— Можешь не пугать. Я тебе нужна целой и невредимой. Будешь охранять меня, как верный пес. Охранять и... — я посмотрела в глаза змея, потянула шнуровку, и платье расплзлось, приоткрыв грудь, — и желать. Ты ведь думаешь об этом, Скайрен Аквей? — тварь снова качнулась и уползла в свой угол. Там свернулся клубком, опустил голову на пол и замер, уже не глядя в мою сторону.

Положив крысу на ладонь, я поднялась с пола и направилась в первую очередь к лохани. Вода остывала быстро, сейчас пар, шедший от нее, был едва заметен.

— Последи, чтобы этот, — кивок на змея, — не подглядывал.

Крыса спрыгнула с ладони на пол и поднялась на задние лапки, не спуская со змея глаз. Усики ее забавно топорщились, и я хмыкнула, глядя на своего бдительного стража. Водяная тварь из угла что-то пробулькала и свернулась еще больше, демонстративно отворачиваясь от меня. Я скинула мокрое платье и залезла в лохань. Конечно, о том, чтобы вытянуться в ней в полный рост, речи не шло, пришлось сидеть, подтянув колени к груди, но теплая вода все-таки была невероятно приятна.

Я поплескала на себя, прикрыла глаза, наслаждаясь маленьким удовольствием. Купель в купальне Господина я постаралась не вспоминать. Немного согрелась, волнение, все-таки накрывшее меня во время всплеска злости у слуг, немного отпустило, и пальцы заскребли по груди. Зуд, словно решив, что о нем забыли незаслуженно, резко усилился. Я заскребла сильнее, зашипела. Тут же запищала крыса. Обернулась и встретилась со взглядом змея.

— Не подсматривай! — рявкнула я.

— Брль-буль, — ответил змей, отворачиваясь.

— Умница, — похвалила я крысу. — За верную службу нарекаю тебя Искрой.

Зверек пискнул и вновь замер столбиком. Я опустила взгляд на свою грудь, бутон уже имел четкие очертания, от него змеился наметок стебля, соскальзывая с груди и прячась где-то под ребрами. Похоже, скоро...

— Хоть бы огонь, — шепнула я и вновь почесала цветок.

Крыса пискнула, змей булькнул. Мой верный страж зорко следил за глазами Скайрена Аквея. Я потянулась к Искре, осторожно провела пальцем между ушей, грызун чуть дернулся, но своего поста не покинул. Это вызвало невольную улыбку, а вслед за этим...

— Бесконечный Хаос, — пробормотала я, наконец, отвлекаясь от цветка и своей мольбы.

Почему она слушается меня? Хорошо, после того, как я не дала крысе погибнуть, умный зверек остался рядом, решив, что рядом со мной безопасно, но всё остальное? Нападение на рыжую, слезка за змеем... Дара говорить со зверьем у меня никогда не было, как-то в голову не приходило, что их можно использовать, справлялась своими силами. Или это...

— Вайторис, — шепнула я в отчаянной надежде, что он, как и водник, нашел себе соглядатая.

Искра никак не отреагировала, похоже имя Господина для нее было пустым звуком.

— Водник? — с сомнением спросила я у пустоты.

Крыса оповестила писком, что змей снова смотрит на меня. Похоже, уловил имя хозяина... Интересно, а Аквей как-то слышит происходящее здесь? Не может же он постоянно следить за мной, все-таки хозяин обширных земель, дел у него и без меня немало. А если я позову через его порождение, водник явится? Только зачем он мне? Впрочем, узнать о том, что происходит с ним, любопытно, но на разговор я не настроена, да и не время. Цветок вот-вот раскроется.

Закончив плескаться и оттирать кожу, я выбралась из лохани, стараясь не поворачиваться к змею передом. Нет, не строила из себя скромницу, и целомудренность во мне тоже не проснулась, просто не хотелось посвящать его в свою маленькую тайну. Пусть думает, что я совсем лишена сил, если, конечно, он так думает. Потом будет «приятная» неожиданность.

Вытерлась холстиной, лежавшей вместе с одеждой. Побыстрее оделась, потому что холод вновь накинулся на меня, как только я вышла из воды. В этот раз мне принесли сорочку из простой ткани, кофту из шерсти и юбку. Про обувь вновь забыли, поэтому по полу я пробежалась на цыпочках, залезла на стул вместе с ногами и принялась за еду. Разумеется, она уже успела остыть, но голод был безумным, несмотря на холод, темницу и зуд.

— Искра, — позвала я.

Крыса, принюхивающаяся к запаху еду, наполнившему темницу, как только я сняла крышку с тарелки, наконец, опустила на все четыре лапки и поспешила ко мне. Запрыгнула на стол после моего кивка, и я выделила ей кусочек от птицы, приготовленной на вертеле. О слугах нужно заботиться, особенно о верных. В углу заворочался змей. Он несколько раз булькнул и как-то несмело подполз ближе. Взгляд белесых глаз мазнул по столу, по мне, по Искре, опять по мне, и змей... гулко сглотнул.

— То есть тебя еще и кормить надо? — возмущенно спросила я.

Змей сглотнул повторно. Я с сомнением оглядела его прозрачное тело в поисках хоть чего-нибудь, чтобы напоминало органы, не нашла, пожалала плечами и вновь вернулась к еде.

— Буль, — напомнил о себе змей.

— А не пойти ли тебе к твоему хозяину? — проворчала я, откусывая мясо с ножки.

— Буль... брль-буль.

Искра ухватила свой кусок и отбежала на другой край стола. Там, усевшись спиной ко мне и водяному созданию, возобновила трапезу. Я хотела последовать ее примеру, но... Но! Наглая морда с бельмами вместо глаз несильно толкнула меня в плечо, не позволяя забыть о себе. Я фыркнула, поднесла ко рту следующий кусочек, и толчок повторился. Да такой, что я едва не свалилась со стула.

— Великая Тьма! — взъярилась я и заорала, глядя в глаза змею:

— Аквей!

Змей обиженно заморгал и отполз назад в свой угол, однако взгляд его так и не отрывался от меня, мешая сосредоточиться на еде. Мне кусок в глотку не лез под этим укоризненным взглядом! Выругалась, развернулась к наглай твари и вонзила зубы в крылышко... змей сглотнул. Я зарычала от злости и швырнула в водяное чудище куском с блюда. Он ловко поймал подачку на лету, и я теперь наблюдала, как кусок неспешно плывет по змеиному телу, но вскоре водяное брюхо подернулось туманом, и кусок птицы исчез. Водяной мерзавец снова подполз ближе.

Свирепо швырнув надзирателю остатки еды, я злая и голодная перебралась на постель, забралась под теплое одеяло и отвернулась к стенке. В это мгновение счет к хозяину замка значительно вырос, его я собиралась убить собственными руками, даже если Вайторис вознамериться сделать это лично. Ох, Вайторис... Мысли о Господине вернули тоску, обиду и негодование. Увидеть его хотелось и не хотелось одновременно. А еще было страшно снова попасть к нему во сне. Гнев Господина, наверное, еще кипит, и получить наказание не хотелось до зубовного скрежета.

Я сдвинула ткань на груди, и посмотрела на бутон. Его чашечка еще была сомкнута. Зуд перешел в жжение, и я стиснула зубы и закрыла глаза, выжидая, когда всё закончится. Жжение всё усиливалось, заставляя меня шипеть в подушку. Искра крутилась на полу, ее писк был похож на тревогу. Змей ворочался в своем углу, несколько раз подползал и снова отползал, стоило крысе начать на него бросаться. Мой страж продолжал охранять меня. Только мне сейчас было не до верной крысы, и не до водяной твари, время от времени булькавшей из угла.

— Ну же, — простонала я, откидывая одеяло и порывисто садясь на своем жестком ложе. — Ну, давай же, давай!

Не выдержала и, содрав с себя кофту, упала животом на холодный пол. Прижалась грудью, почти блаженно застонав, когда жжение немного отступило.

— Что это, Вайтор? — прошептала я. — Еще один виток наказания за неосмотрительный поступок с пленником, или наказание за то, что произошло ночью? Но если ты можешь и дальше наказывать меня, почему не можешь вернуть? Что означают твои слова про разорванную цепь предначертанных событий? Почему не можешь почувствовать меня? Ты же говорил, что мой огонь приведет тебя даже под землю, если я буду там... Бесконечный Хаос! У меня нет огня, ты лишил меня его...

В это мгновение я почти ненавидела своего Господина. Злилась на него и не понимала. Просто совсем ничего не понимала. Что мешает всемогущему Вечному отыскать меня? Где его ищейки? Почему бездействует, если я ему нужна? Разве не знает, где находится замок Скайрена Аквея? Я вскинула голову и встретилась взглядом с Искрой, застывшей напротив меня. Но изумление от очередной ошеломляющей мысли так и не успело захватить меня, потому что бутон щелкнул, и цветок начал выпускать лепестки. Один за другим, совсем как вчерашний. Жжение прошло, сменившись невероятным облегчением, и я вернулась на кровать.

Сил на то, чтобы рыться во всех дарах Господина у меня уже не было. Измотанная болью, я мгновенно уснула. А проснулась от жара, охватившего всего тело. Это не было огнем. Мои глаза слезились, нос хлюпал, горло нещадно драло. Откинула одеяло, и меня мгновенно затрясло, укуталась, трести не перестало, но тело пылало всё сильнее.

— Что со мной? — сипло спросила я.

— Всего лишь обычная человеческая лихорадка, — неожиданно ответил знакомый голос. — Ты слишком хрупкая для Мирового Зла.

— Скайрен Аквей, — пробормотала я.

— Он самый, Игнис Сиел, — усмехнулся водник, поднимая меня с кровати.

— Я тебя потом всё равно убью, — сказала я, проваливаясь в забытие, и где-то на границе реальности услышала:

— Спорное утверждение.

Больше я не слышала ничего, и какой дар проснулся, так и не успела понять.

Глава 3. День пятый

Я бы рада что-то рассказать про третий и четвертый день, которые я прожила вдали от своего Господина, но... рассказывать оказалось нечего, потому что эти два дня сплелись в череду бредовых образов, сменявших друг друга, не давая ни мгновения отдыха. Я ныряла из одной реальности в другую, пыталась зацепиться хоть где-то, но поток жара уносил меня, не давая толком запомнить, где я находилась только что, и что вообще было настоящим, а что навеянным горячкой.

Время от времени я попадала в черный замок, объятый пожарищем. Только огонь больше не ластился ко мне, он жалил, кусал, хлестал наотмашь, пока я бежала по коридорам замка, пытаюсь... спрятаться от Вайториса, чьи шаги грохотали где-то за спиной, и голос, подобно разъяренному грому, обрушивался на меня взбешенным:

— Игнис! Игнис, не беси меня!

А я не могла остановиться. Мчалась по коридорам, шипела от каждого соприкосновения с огнем и мечтала поскорей сбежать из этого странного, пугающего, но отчего-то притягательного места. Наконец, огонь встал стеной, не пропуская меня дальше. Шаги Господина слышались совсем близко, и я зажмурилась и бросилась в пылающую бездну. Огонь принял меня в смертоносные объятия, воспламеняя в одно мгновение. Крик разорвал грудь, увяз в языках пламени и развеялся, не оставив даже пепла.

— Она вся горит, Скай. Не могу согнать жар...

— Тогда придумай что-нибудь. Ты лучший целитель во всей округе.

— Почему я вообще должен спасти суку Темного?

— Потому что я тебя прошу об этом.

— Зачем она тебе? Однажды он придет за ней.

— Я буду готов к встрече. А теперь вывернись на изнанку, но она должна очнуться. Она нужна мне живой.

— Скай, у меня руки не поднимаются. Это же Игнис Сиел — ядовитая гадина. Она столько погубила...

— Тьма, Рейф! Исцели ее! Я так часто тебя о чем-то прошу?

— Хочешь, исцеляй сам.

— Ты же знаешь, мне не дано такого дара.

— Скай, прости...

— Рейф, кажется, мы были друзьями? Вроде бы мой отец приговорил твою жену к смерти за то, что она хотела отравить свою сестру...

— Не думал, что ты напомнишь о своей помощи.

— Я тоже не думал, что ты скажешь мне «нет».

— Хорошо, я верну тебе эту гадюку. Но ты еще пожалеешь. Она сейчас там, где ей самое место — во Тьме.

— Приступай.

— Хорошо, Скай. Ох... Она очнулась, смотрит.

— Игнис?

Я встретила со взглядом потемневших синих глаз Аквея, второго мужчину я толком не могла разглядеть. Реальность расплывалась перед глазами, а вот Скайрен Аквей — нет. Его я видела четко... Наверное, дело в том, что его лицо я знала до мельчайшей черточки. Он

второй после Господина, кого я разглядывала во всех подробностях, и с кем проводила много времени рядом.

— Ты меня слышишь? — Я разлепила пересохшие губы, судорожно вздохнула и снова уплыла в испепеляющий жар.

И вновь я стояла под черными стенами древней твердыни. Пламя бросилось мне навстречу, пугая неизбежной мучительной смертью, но вдруг отступило и разошлось, пропуская в замок. Обернулась, чтобы увидеть, что находится за моей спиной, но не увидела ничего, там была чернота, словно замок был в этом мире единственным островком обитания. Впрочем, наверное, так оно и было. Наполнив грудь воздухом, как перед прыжком в воду, я шагнула в ворота замка.

Прошла двором, вошла в жилую часть, начала подъем по лестнице и вдруг остановилась, задумавшись, почему мое появление здесь всегда начинается одинаково? Почему я не появляюсь сразу там, где ждет меня Вайторис? Почему прохожу весь путь?

— Всё имеет свое начало, Игнис, — услышала я усталый голос и подняла голову.

Он стоял на верхней ступени и смотрел на меня. Его глаза — черная бездна. Такая же притягательная и отталкивающая, как весь этот замок в огне. Почему у него здесь всегда такие глаза? Почему замок горит? Почему...

— Слишком много вопросов. Это отдает человечинной.

— Ты сам сделал меня человеком, — ответила я и поднялась еще на несколько ступеней, но так и не дошла до Господина.

— Теперь я жалею об этом, — ответил он и сам сделал шаг навстречу.

— Так измени!

— Не могу, — Вайторис мотнул головой. — Нет власти.

— Но ты же забрал первый из вернувшихся даров!

— Всего лишь изначальное условие, — усмехнулся Господин, делая еще один шаг ко мне.

Я присела на ступеньку и обхватила руками голову.

— Не понимаю, Вайторис, я не понимаю!

Он спустился ко мне и присел рядом, широко разведя колени. Мы некоторое время смотрели на ревущее пламя, вновь скрывшее выход из замка. Господин вздохнул и уткнулся лбом мне в плечо.

— Мне тебя не хватает.

— Забери меня, — ответила я, не отводя взгляда от огня.

— Грани сместились, Игнис. Что-то произошло еще в изначальном витке событий, что-то разорвало цепь предначертанного и перемешало Грани.

Вайторис поднялся на ноги и протянул мне руку. Я вложила в его ладонь свою, встала со ступеньки и заглянула в глаза.

— Я испепелил три реальности, пытаясь найти тебя, — негромко произнес Господин. — Даже мне не всё дозволено, Игнис. Нарушение равновесия ведет к искажению Граней. Это может породить Излом, и тогда их поглотит Хаос. Непоправимо и опасно. Тогда я уже никогда не найду тебя.

— Почему я так важна для тебя? — спросила я, останавливаясь.

— В тебе мое пламя, — усмехнулся Вайторис.

— Во мне его нет ни искры, Вайтор, — зло бросила я, устремляясь вперед. — Ты забрал его.

— Невозможно забрать то, что живет в крови.

Я снова остановилась и развернулась к нему. То есть огонь по-прежнему со мной, и мне лишь нужно его разбудить?

— Изначальные условия были заданы. Изменить невозможно. — ответил вслух Господин и снова приблизился ко мне. Затем обнял мое лицо ладонями и спросил: — Что разорвало цепь, Игнис? Что сместило Грани? Дай ответ, и, возможно, я смогу вернуть к изначальной точке отсчета.

— Не знаю, — прошептала я, не в силах оторвать взгляда от его почерневших глаз.

— Ты мне лжешь, Игнис, лжешь, — произнес Вайтор так спокойно, что я вздрогнула от мгновенно проснувшегося страха.

— Я не лгу! — заорала я, чтобы скрыть за злостью испуг, и...

Вода захлестнула рот, нос, попала в легкие. Распахнула глаза, надо мной склонился Скайрен Аквей, только видела я его сквозь водяную толщу. Глаза водника сверкали бликами, но я не чувствовала его взгляда. Я чувствовала только одно, что меня топят. Удерживают под водой, и вырваться из хватки мне не хватает сил. Забилась, задергалась изо всех сил, и когда весь мир слился в яркий свет где-то далеко впереди, я рванула к нему. Вынырнула, вцепилась в первую попавшуюся опору и закричала так громко, как только смогла.

— Тьма! — рявкнули над ухом. — Теперь ты решила оглушить меня?

Я ошалело уставилась на Аквея, к которому прижалась грудью, намочив его белоснежную тонкую рубашку насквозь. Он насмешливо изломил бровь:

— Добро пожаловать в мир добра, злая Игнис. Будешь драться, оскорблять, попытаешься выцарапать мне глаза?

— Обязательно, — кивнула я.

— А я так и знал, — хмыкнул необычайно довольный водник. — Ты до отвращения предсказуема.

Я обиделась, по-настоящему, обиделась. Оттолкнула от себя Аквея и попыталась выбраться из бассейна, в который снова свалилась, как только опора исчезла. Скайрен некоторое время наблюдал за моими тщетными попытками, потому что вылезти мне сил не хватило. После хохотнул и протянул руку, чтобы помочь выбраться. Я уцепилась за его ладонь, и тогда водник произнес, сверкая неприкрытой иронией в синих глазах:

— Там были ступени. Но ты ведь упорная, да, Игнис? Лучше свернешь себе шею, чем оглянешься и пойдешь на компромисс, ведь так?

— Так, — мрачновато кивнула я и рывком стянула спасителя вниз. Жгучий прилив злости придал сил, и Скайрен Аквей рыбкой скользнул в воду.

Я навалилась сверху, топя его, сжала слабыми пальцами шею, но ощутила лишь воду. Аквей исчез. Растворился подо мной, сам став водой. Лишь одежда пошла ко дну бассейна.

— Скользкий гад! — выкрикнула я, вскакивая на ноги. Ударила кулаками по водной поверхности и вскрикнула, когда оказалась прижата животом к бортику.

Тут же вспыхнуло воспоминание — сон, приснившийся мне в первую ночь после пленения. Я замерла, вдруг остро ощутив все неровности каменного бортика. Осознала, что на мне надета лишь сорочка, промокшая насквозь и больше открывающая мое тело, чем скрывающее его. И то, как напряженно замер за моей спиной водник, я тоже почувствовала, как и его затвердевшую плоть, упирающуюся мне в ягодицы, обтянутые мокрой тканью.

Нужно было что-то сказать, что-то сделать. Наверное, высмеять Аквея и оттолкнуть его, но я продолжала лежать животом на бортике, прислушиваясь к участившемуся дыханию

мужчины, стоявшего за моей спиной, и едва сдерживала тихий стон... предвкушения. Внутри поднимался жгучий протест и угасал под наплывом воспоминаний о поцелуе моего пленника, уже настоящего поцелуя, который я украла у него в каменном мешке в замке Господина.

Вайторис... Разум ухватился за это имя, пытаюсь выдернуть безвольное тело из-под водника, но вот Скайрен отводит мои волосы, перекидывает вперед, открывая спину, и я закусываю губу, чтобы не вскрикнуть, настолько остро я чувствую тепло его ладоней, через мокрую ткань. Они скользят по моему телу, изучают, ощупывают. Рывок, и я уже смотрю ему в глаза, затуманенные пеленой желаний. Совсем как в том сне. Взгляд водника скользит по моему лицу, и я ощущаю его, как прикосновения кончиков пальцев, легкие, едва ощутимые, но до безумия волнительные...

— Проклятая Тьма, — хрипло выдохнул Скайрен.

— Бесконечный Хаос, — севшим голосом согласилась я.

Его ладонь накрыла мне затылок, я обвила руками шею своего похитителя, оттолкнулась от дна, подпрыгнула и обвила ногами узкую мужскую талию. Его глаза всё ближе, я теряюсь в этом голодном взгляде, таю, словно кусочек льда в горячей ладони, кажется, готовая...

«Игнис! Не смей!»

Крик Вайториса прогремел в моей голове очередным воспоминанием. Я замерла, когда губы водника почти коснулись моих губ, и он тоже замер. Мышцы мужчины напряглись, словно он проснулся одновременно со мной. Мы еще мгновение мерялись взглядами... И я полетела в воду, отброшенная руками, которые только что были готовы дарить наслаждение.

— Зачем ты это делаешь? — с яростью спросил Аквей. — Я исцелил тебя, а ты пытаешься отравить мне жизнь, толкая к измене! Такова твоя благодарность?

— Ты, действительно, думаешь, что я соблазняла тебя? — спросила я, стирая с лица воду.

Он одарил меня тяжелым взглядом, уперся ладонями в бортик и легко выпрыгнул из воды. Я прыгать не стала, решив воспользоваться ступеньями. Признаться, я была оглушена произошедшим. Слишком откровенные сцены рисовало воображение, слишком близка я была к падению, и слишком слабым оказалось раскаяние за едва несовершенное преступление.

— Сколько прошло времени? — спросила я вдруг осипшим голосом. — Сколько я в твоём замке?

«Изначальные условия», — так сказал в моем бреду Вайторис. Так сколько вернувшихся даров я проспала, сколько могла утратить сейчас?

— Ты пятый день в моем замке, — хмуро ответил водник, уже намотавший на бедра кусок мягкого полотна. Его одежда так и осталась в бассейне.

— Пятый день, — эхом повторила я и вскинула взгляд на Аквея, задав еще один вопрос, мучавший меня, пока Скайрен не сбежал. — Где находится твой замок? Почему я не могу вспомнить?

— Судя по тому, что ты всё еще здесь, даже вечная тварь не знает этого. Оказывается, он не такой уж и всемогущий. Удивительно, правда, Игнис? — с издевкой сказал водник, так и не ответив мне, и покинул купальню.

— И это прискорбно, — буркнула я, поднимая со скамьи второй кусок полотна.

Итак, я здесь пятый день. Решительно откинула мысли о едва не случившейся близости, думать нужно о важном. А с этим притяжением я разберусь после. Теперь мои размышления потекли по иному руслу.

Проспала два дара из оставшихся двадцати девяти. Впрочем, я так ничего и не знаю о том, что принес с собой цветок второго дня... Изначальные условия. Теперь хотя бы ясно, как увядают цветы. От Вайтора тут действительно уже ничего не зависит, он вплел условия лишения дара в основу своего наказания, которые разворачивают цветение вспять. Любопытно, куда он спрятал это плетение? Стебли? Листья? Чашечки — это дары. Чтобы цветок расцвел или увял необходимы условия. Сорви его, лиши влаги, и красота умрет... Да, должно быть, стебли. Но что дает питание для цветка, где семя, из которого произрастает дар?

— Кровь, — уверенно кивнула я сама себе.

И тут же вспомнила еще одни слова моего Господина: «Невозможно забрать то, что живет в крови». Его сила — огонь, моя сила — огонь. Во мне его кровь, во мне его пламя, его сила...

— Великая Тьма! — воскликнула я, озаренная неожиданной догадкой.

Огонь был во мне с момента возрождения! Вайторис всего лишь пробудил его и научил, как подчинить изначальною силу Мироздания. Каждый его дар не пришел извне — это пробуждение! Конечно, никто не получает подобных даров, потому что в них нет крови Вайториса. И его милость — это не подарок, это пробуждение силы! И это означает, что первый дар я не потеряла, он лишь вновь уснул, и тогда я могу его вернуть. И даже бессмертие... наверное.

— Стоп, — остановила я саму себя и вышла из купальни, попав в уже знакомую мне спальню.

Снова вернулась в купальню, заметила кольцо, вбитое в стену, с оборванной цепью и усмехнулась. Меня вернули назад. Ошейник сняли, устроили с удобствами... Неплохо. Осталось выяснить, какие силы я заполучила, и тогда можно будет уложить хаос в голове и уже хорошенько обдумать всё, что со мной произошло. И в первую очередь, что мне говорить Вайтору. Если хочу вернуться, а я хочу и очень, только жутковато. Но за это меня сложно судить. Не у каждого хозяином становится Вечный. Но об этом я подумаю после того, как приведу мысли в порядок.

Внимательно оглядевшись, я заметила свежую одежду. Это значительно повысило настроение. Я здорова, и вылечил меня, кажется, сам Скайрен Аквей, у меня есть сухое платье.

— И даже туфельки, — хмыкнула я, разглядывая обувь.

Не самые дорогие, но удобные, а главное, новые. То есть хозяин замка даже расщедрился для меня на обувь? А через пару мгновений поняла, что не только на обувь. Конечно, не богатые наряды Эйволин, но уже нечто более приличное, чем платья служанок. Нашла я и гребень, и пару лент, и шпильки. Очень неплохо.

Остановилась перед зеркалом, оглядела свое отражение, затем нахмурилась, вглядываясь в стеклянную поверхность, и охнула. После раздвинула смоляные, всё еще мокрые, пряди, выудила единственный седой волосок и без жалости выдернула... не ощутив боли. А затем пришло осознание, что я вижу слишком остро для обычного человеческого зрения.

— Два из трех вернувшихся, — потрясенно прошептала я. — Что третье?

То есть дары вернулись, пока я была в беспамятстве, и остались, несмотря на то, что я вновь желала другого мужчину. Любопытно... Тогда что в изначальных условиях, что стоит в основе подавления проснувшейся силы? Ах, как бы проверить...

— Нужно сначала узнать, чего я готова лишиться за маленький опыт, — вслух решила я.

Итак, я вижу так же хорошо, как Вайторис, таково было мое желание, когда взбесилась оттого, что не могу найти какую-то мелочь. Жаль, что это не относится к возможности видеть в темноте, это был отдельный дар после того, как я едва не свалилась в древнюю ловушку в заброшенной части замка Господина, где царит вечная темнота.

Второе — я не чувствую боль. Не совсем, но вырванный волос точно не замечу. Это желание пригодилось после того, когда я захотела чувствовать еще ярче и едва не сдохла от боли, прищемив палец. Чувственность мне нужна была для другого. После воплощения этих обоих желаний, мои ощущения уравнились, и стало совсем здорово. Что третье? Слух? Быстрота реакции? Ловкость, гибкость? Что?

Но точно не огонь, не красота и не молодость. Седой волос тому доказательство, это я про красоту и молодость. Огонь я чувствую, даже не призвав его. Я по-прежнему пустая.

— Так что же третье?

И выносливость я отбросила в сторону, вспомнив, как барахталась в бассейне. Тогда что третье? Чары вождения? Может, поэтому водник не устоял? Вспомнился его взгляд в первый и во второй дни моего пребывания в плену, и я усмехнулась. Хотя, может, тогда еще его влекла моя кровь. Искажение реальности? И ведь никак не проверишь без подопытного.

Устав мучиться догадками, я покинула спальню и удивленно присвистнула, меня не охраняли. Ну, почти. За дверями я обнаружила старого приятеля — водяного змея. Он вскинул голову, посмотрел на меня и булькнул, как-то очень уж жизнерадостно. Кажется, это чудище было мне радо. Я протянула руку и провела ладонью по его голове. Она оказалась гладкой и прохладной, но змей зажмурился и даже потерся о мое бедро носом.

— А где Искра? — спросила я.

Змей булькнул. Вздохнув, я развернулась и задумалась, где я могу найти Аквея. Тут же сознание отозвалось ответом на вопрос. Я уверенно зашагала в ту сторону огромных покоев, где не была во время своей ночной прогулки, когда сняла ошейник. Сделала несколько шагов и остановилась, шлепнув себя ладонью по лбу. Точно! Поисковик. Не заклинание-ищайка, а внутреннее чувство, которое подсказывало мне верный путь. Я всегда точно знала, куда идти, сколько, и где найти нужного мне человека или мага. Даже с Вайторисом срабатывало. Правда, когда я была в черном замке. За его пределами эта связь становилась более призрачной, но у меня оставался дар имени Господина, и он мог сам найти меня, если был очень нужен.

— Острое зрение, нечувствительность к боли, поисковик. Уже неплохо.

Змей полз следом за мной, не останавливая и не преграждая дорогу. Должно быть, попытайся я покинуть покои, и он встал бы на пути. Но Аквей был в своих комнатах, и этого мне вполне хватало. Я добралась до дверей маленького кабинета, причем, точно знала, что он маленький. Всё та же внутренняя уверенность. Остановилась, даже хотела для разнообразия постучать, а не входить, выбив ударом ноги дверь, но остановилась, услышав жалобные голосок Эйволин:

— Скай, после возвращения, ты стал слишком ненасытен.

— Соскучился, — ответил Аквей, но мне показалось, что я услышала нотку

раздражения.

— Я тоже соскучилась, — жарко воскликнула Эйволин, — но я теперь так редко занимаюсь любимыми делами. Ты призываешь меня столь часто, что я не успеваю вновь почувствовать желание. И ты стал такой... грубый. Порывистый. Я совсем не узнаю тебя.

— В этом ты одинока, я тоже мало узнаю себя, — ровно ответил водник и повысил голос: — Что тебе надо?

— Мне? Скай!

Я усмехнулась, слушая лепет опешившей женщины, тут же распахнула дверь и с любопытством посмотрела на взлохмаченную и помятую Эйволин. Мелькнула мысль, что страсти Господина эта мышка не выдержала бы и одного раза, на этом интерес к беловолосой женщине я потеряла.

— Мне нужно поговорить с тобой, — вежливо произнесла я, теперь глядя только на Аквея.

— Эйви, выйди, — велел водник, также не сводя с меня взгляда.

— Скай...

— Эйви, — он. наконец, обернулся к Эйволин, — милая, я скоро подойду... если ты уже готова продолжить нашу беседу.

— Ох, — судорожно вздохнула женщина, прижав ладони к груди. — Пожалуй, проведу тетушку.

Она бросила на меня взгляд украдкой и прошмыгнула мимо. У меня дико чесался язык съязвить что-нибудь этакое о подслушанном, но многозначительный взгляд водника растрогал меня до глубины души, и я решила промолчать, чтобы не разругаться раньше времени. Тем более нам как раз предстоял милый скандалчик после моей самоотверженной затеи. Но мне было жизненно необходимо выяснить границы дозволенного, точнее, не наказуемого.

— Что ты хотела? — равнодушно спросил Аквей, как только его блеклая подружка помчалась прятаться от возросших аппетитов любовника под юбкой какой-то тетушки. И снова у меня зачесался язык, но рука водника взметнулась вверх, и он предупреждающе произнес: — Лучше молчи.

Я закатила глаза. После скрестила руки на груди и криво ухмыльнулась.

— Ну? — с раздражением спросил Скайрен.

Показала, что мои уста замкнуты на ключ. Теперь глаза закатил Аквей.

— Говори, что хотела и убирайся обратно во Тьму, — рявкнул он.

— Отпускаешь? — с надеждой спросила я.

— Нет.

— Все-таки ты и вправду странный, — вздохнула я, — сам не знаешь, чего хочешь. — После вскинула на него глаза и закончила, чувственно понизив голос: — Или знаешь? А, Скай?

Он поджал губы, обжег злым взглядом.

— Что ты хотела, Игнис?

— А если хотела? — я прошла к столу и забралась на столешницу. — Что если я кое-что знаю...

— Что? — водник вновь стал хмурым.

Я сочувственно вздохнула:

— Жалеешь, что притащил меня?

— Потерплю, — усмехнулся Скайрен и, наконец, повернул ко мне голову. Я заметила, как его взгляд скользнул по моей скуле, опустился до уголка губ, затем ниже на шею, остановился на впадинке между ключицами, и водник произнес неожиданно хрипло: — Это твоя кровь, Игнис. Твоя проклятая кровь. Эйви права, я стал похож на похотливое животное. Неутолимое желание...

— А может всё дело в том, с кем его утолять?

— Я не изменяю своей невесте, — отчеканил Аквей.

— А я своему Господину, — ответила я и вновь позволила голосу звучать мягко, словно ласкающий бархат. — Я никогда не знала иного мужчину, только он... Кроме одного случая. В бассейне, во сне. В той самой купальне, в которой провела первые день и первую ночь в твоём замке.

— Что?

Скайрен, смотревший на мои губы, пока я говорила, вскинул вверх глаза, и наши взгляды встретились.

— Я тоже видела этот сон, — ответила я. — Чувствовала твои ласки, сходила с ума от поцелуев, совсем как сегодня. И так же ждала, когда...

— Хватит, — глухо оборвал меня водник. — Это был не сон?

Я пожала плечами и вновь поймала его взгляд:

— Или наше желание создало временную реальность, где мы...

— Хватит! — ладонь Аквея ударила по столу. — Чего ты добиваешься?

— Не могу забыть твой поцелуй, — и вот тут я была совершенно честна.

Завела руку за спину и вонзила ногти себе в ладонь, боли не было. Подумав о Эйволин, я сразу поняла, где находятся покои некой тетушки, и на спине мушки, ползущей в дальнем углу, разглядела белые крапинки. Пока дары были со мной. Нигде ни зудело, ни болело, и не жгло. Идем дальше.

Водник отвернулся от меня, сделал шаг к двери, но я соскочила со стола, опустила ему руку на плечо, но он скинул мою ладонь, распахнул дверь и указал мне:

— Пошла прочь.

Вот это было неприятно, но не смертельно. Я дошла до двери, но все-таки не пересекла порога, а остановилась напротив мужчины.

— Кстати, — начала я, словно ничего не произошло, — почему меня охраняет только змей?

— Тебе его мало? — не глядя на меня, спросил, Аквей.

— И всё же? — я оперлась ладонью на закрытую створку.

Водник проследил за моим движением, кривовато усмехнулся и с заметной неохотой ответил:

— Змей сожрал стражника. Заглотив всего разом. Еле уговорил его выплюнуть несчастного. С тех пор стража не выдерживает соседства с моим созданием.

— Он ведь сущность, — я пожала плечами. — Живая, хоть и из воды.

— Вот это-то и удивительно, — Скайрен посмотрел на меня, — ничего подобного я раньше делать не умел. Всегда был сильнейшим. Никто, кроме меня, не может обращаться в воду, но змей — это за пределами даже моих возможностей. Я потом снова пробовал, у меня ничего не вышло.

— Тогда ты был зол. Если захочешь, обращайся, я тебя снова чем-нибудь достану.

— Ты невероятно мила, — хмыкнул водник, заметно расслабляясь.

Я сделала шаг к нему, решив, что можно возобновить прерванный опыт, приблизилась вплотную, но Аквей посторонился и негромко велел:

— Уходи.

Проследила взглядом линию его губ, посмотрела в глаза и... послушно кивнула. Уже когда шла в сторону своей спальни, несколько раз ущипнула себя. Больно мне не было, а хотелось, чтобы очнуться. Меня выгнали, и я ушла?! Вот так просто? Послушно? Я?! С ума сойти! Я точно еще в бреду. Что за мягкость? Что за покладистость? У меня в голове теперь желе? «Отдает человечиной». Бр-р... Еще пару шагов, и я резко остановилась. Нет, не могу я так уйти. Развернулась.

— Вот это помнишь? — зло спросил Скайрен, вдруг оказавшийся позади меня. Сжал мне кулаке волосы на затылке, оттянул назад голову и впился в губы.

Нет, это совсем не был тот поцелуй, полный желаний и чувственности, и все-таки пол ушел у меня из-под ног. Вцепилась пальцами ему в плечи, не удержала полустон-полувсхлип. Позволила языку водника скользнуть мне в рот и с жаром ответила. Реальность поплыла, и то, что всё зашло дальше поцелуя, я поняла только тогда, когда руки Скайрена подхватили меня под ягодицы, поднимая вверх. Я с готовностью обхватила его бедра ногами и лишь коротко вскрикнула, когда он вдавил меня в холодную поверхность стены.

— Ненавижу тебя, — выдохнул он мне в губы. — Но хочу до одури.

Ответить я не смогла, потому что Аквей вновь целовал меня. Я откинула голову назад, и горячие влажные губы заскользили по моей шее, покрывая ее быстрыми смазанными поцелуями. Мой новый хрипловатый стон унесся к высокому потолку, а потом...

— Скай...

Дрожащий голосок прилетел откуда-то издалека и остался не услышан, Скайрен жадно целовал меня...

— Скай!

Он повернул голову, кажется, не сразу понял, что его невеста стоит недалеко от нас и смотрит, как ее жених собирается овладеть другой.

— Эйви, — все-таки отозвался водник. Мотнул головой, стремительно обернулся ко мне, туман желаний в его глазах таял, оставляя осознание происходящего.

Я увидела изумление, недоверие, потрясение, гнев и отчаяние. Всё это так быстро пронеслось в синих глазах, что я только успела сильнее сжать руки вокруг его шеи:

— Только посмей бросить меня на пол, — зашипела я, глядя ему в глаза. — Если помнишь, я ушла. Ты догнал меня.

Не бросил, поставил на ноги почти аккуратно. После этого поправил свою одежду и ледяным тоном ответил:

— Больше не догоню.

— Я опять переезжаю?

— Да, — бросил он и поспешил за рыдающей Эйволин, умчавшейся прочь из покоев.

Бежит в сад, поняла я. Отлично, поисковый дар всё еще со мной. Неплохо. Я прошла мимо змея, он пополз за мной, как-то укоризненно булькая.

— Помолчал бы, — отмахнулась я. — Даже я стражников не жрала.

— Брль-буль, — весомо ответил змей.

— Ты прав, с голодухи какую только дрянь в рот не потащишь, — согласилась я и снова посмотрела на него. — И где все-таки моя Искра?

Змей философски промолчал. Я одарила его подозрительным взглядом, но на морде

водяного создания царила невозмутимость. В спальню я его не пропустила, закрыв перед носом дверь. Сделала несколько шагов и обернулась на шум льющейся воды. Наглец просочился в щель под дверь бесформенным потоком, вновь собрался в знакомую форму змея, и я поняла — хвастается.

— Ты научился менять форму, — с уверенностью произнесла я.

Змей качнул головой, свернулся в клубок и замер, прикрыв глаза. Уже хотела возмутиться и прогнать его, но промолчала, сообразив, что бедолаге просто скучно. Аквею не до своего создания. Он вечно занят: то решает, как спасти мир, то терзает страстью свою невесту. А змей, обнаруживший немалый аппетит и непритязательность в еде, может, и рад бы ползать за создателем, но оставлен им охранять меня. И думаю, не просто так. Люди готовы меня порвать, особенно узнав, что опасная Игнис Сиел сейчас безобидней малого дитя. И пусть это временно, но свернуть мне шею могут в любую минуту, несмотря на запрет своего господина. Слишком сильны страх и ненависть, чтобы сдержаться, когда можно прослыть героем, раздавившим гадину. Однако Аквей, пусть и из собственных соображений, позаботился о моей безопасности, и теперь никто не осмелится сунуться ко мне. И это замечательно.

— Иди сюда, — велела я.

Змей открыл глаза и с готовностью приблизился. Что ж, охранник может стать защитником, а в ситуации, когда создатель мало заботится о своем создании, узник имеет возможность сделать врага союзником. Этим я и собиралась заняться.

— Тебе дали имя?

Змей печально булькнул. Впрочем, когда Аквею было заниматься созданной им тварью, он ублажал Эйволин. Неожиданно вспомнила, как она стонала, извиваясь на Скае, и ощутила жгучую неприязнь к бесцветной невесте своего похитителя. Настолько острую, что захотелось свернуть ее тонкую шейку.

— Этого еще не хватало, — проворчала я, машинально поглаживая гладкую голову нового приятеля. Всплеск эмоций был непонятен и неприемлем. Мое вечное равнодушие давало сбой за сбоем, это начинало напрягать. Затем опустила взгляд водяное создание и тряхнула головой, отгоняя невероятно приятное видение, как я вырываю живое горячее сердце из груди светлой мямли. После этого вернулась к насущному: — Итак, имени у тебя нет. Но всё живое должно иметь имя. Оно определяет местоположение сущности в книге Судеб, и, стало быть, тебя нужно именовать. — Змей слушал меня, не спуская глаз с лица. — Нарекаю тебя именем Венн, что означает друг.

Тело змея вдруг сверкнуло бликом, таким же, какой я видела в глазах Аквея, и от хвоста потекла белесая муть. Венн взвился, завыл, словно ощутил боль, а затем упал к моим ногам, замер и слабо булькнул. Только бульк этот был похож на вздох. Я оглядела его и присвистнула. Венн больше не был прозрачным, муть затянула все его тело, более всего напоминая... кожу.

— Венн, кажется, ты обретаешь плоть, — задумчиво произнесла я. — Любопытно...

Любопытно, как я смогла дать толчок к новому обращению? Или виной всему снова стала наша странная связь с Аквеем? Заломило в висках. Слишком много вопросов, слишком мало на них ответов. От бесконечного «почему?» голова шла кругом. И в это мгновение я ощутила дикую тоску по Вайторису, рядом с которым было всё просто и понятно. А что я не понимала, он объяснял, и вопросов не оставалось.

Теперь же отвечать было некому. Вряд ли Скайрен понимал больше моего, да и мало

верилось, что он снизойдет до разговора со мной, особенно после того, как чуть не взял меня, забыв обо всем на свете. О том, что я пленник и враг, о невесте, о змее, торчавшем неподалеку, о том, что нас может застать тот, кто вхож в покои хозяина замка. И самое поганое, что в этом мы были похожи. И, несмотря на то, что мной изначально двигал исследовательский интерес, желание ощутить в себе плоть водника оказалось слишком сильным, чтобы назвать это потребностью изголодавшегося тела. Кажется, нам и вправду стоит держаться друг от друга подальше. По крайней мере, пока я не пойму, как разорвать связь, зародившуюся в тот момент, когда я опоила изможденного пленника вином со своей кровью. Уж лучше мне дождаться в тишине и покое, когда распустятся все цветы на моем теле, после этого сравнять замок Аквея с землей и вернуться к Господину, чтобы вновь всё стало простым и понятным.

— Бесконечный Хаос, — судорожно вздохнула я, вспоминая, с какой жадностью Скайрен ласкал меня всего несколько минут назад.

Вот теперь мне хотелось свернуть шею не только Эйволин, но и самому Аквею. Возможно, уничтожь я его, исчезнет и наша связь. Я освобожусь от проклятого притяжения, и Господин не узнает того, что я сотворила.

— Какая замечательная идея... Очень хорошая идея.

Венн поднял на меня взгляд, но я лишь улыбнулась ему, ощутив, как тело расслабляется. У меня появилась хоть какая-то определенность и цель. Я даже задумалась, как повернуть свою затею, но душевный подъем тут же сменился унынием. Если я смогу убить Аквея сейчас, то не продержусь и часа, как меня разорвут на части его люди. И далеко, опять же, не уйду, потому что даже не представляю, где нахожусь, и как далеко отсюда замок моего Господина. Нет, пока я вынуждена набраться терпения.

Вот только терпения не было. Меня распирало, и что именно, понять было сложно. Хотелось крушить, хотелось убивать, хотелось хоть как-то выплеснуть свою ярость... Или хотя бы понять ее причину. Бесило всё: от собственного бессилия, к которому я не привыкла, до мыслей о том, что сейчас где-то в неведомом мне саду водник утешает свою невесту.

— Стоп!

Я уселась прямо на пол, протянула руку и прижала голову Венна к своим коленям. После прикрыла глаза и выдохнула. Ладонь скользила по макушке змея, и это нехитрое повторяющееся движение принесло некоторое успокоение. Мысли упорядочились, и я, наконец, смогла откинуть в сторону Аквея с его белесой Эйволин.

— Вайторис, — шепнула я. — Вайторис... Вайторис. Тридцать дней наказания. Цепь измененных событий...

Да! Всё верно! Нужно определить событий, произошедших после похищения... Нет первое звено — день наказания. Причина наказания, если быть совсем точной. Итак. Я смешала вино со своей кровью — первое звено. Напоила пленника и связала себя с ним, не подозревая этого — второе звено. Наказание, лишение силы — третье. Похищение — четвертое. Одно событие цепляется за другое. Неразрывные кольца свершившегося. Изменить можно будущее, прошлое уже оставило след в книге Судеб.

— Стоп! — вновь оборвала я себя. Венн подняла на меня глаза, но я не обратила на него внимания.

Что меня дернуло? Где странность? Где то несоответствие, что не позволяет думать дальше? Мучительно поморщилась, потерла лоб и вскрикнула:

— Цепь предначертанных событий разорвана на изначальном витке...

Но первый виток, первое звено, от которого начал считать Господин, было после наказания. То есть начало цепи — наказание. Значит, я неверно поняла, и изначальный виток не то мгновение, когда я вспорола себе когтем вену... Взгляд невольно остановился на человеческих ногтях. Вновь скривилась и перестала об этом думать, возвращаясь к упорядочиванию сумбура, творившегося в голове и в жизни.

Значит, то, что изменило ход событий, случилось после наказания... или во время него. Что происходило в тот момент, когда Вайторис, едва не испепелил меня? И ответ пришел сам. Пленника вынули из оков, швырнули на тюфяк и ушли, решив, что он никуда не денется. Но он делся. «Как только они ушли, сел и осмотрел себя. Следы от ожогов исчезали на глазах. Попытался встать на ноги, и это вышло», — прозвучал в моей голове голос Ская. «Чем бы ты меня не опоила...». Моя кровь усилила пленника, исцелила... усилила, поэтому понадобился лишь толчок, чтобы родовая сила откликнулась в том месте, где молчит любая магия, кроме силы Господина. Дождь. Он стал тем последним толчком... И что же у нас выходит?

А выходит...

— Бесконечный Хаос! — воскликнула я, и змей дернулся, испуганный моим вскриком.

Выходит, что толчком к смещению Граней послужило усиление Аквея. То есть я своими руками изменила существующую реальность. Сделала то, чего не должно было произойти. Изменила предопределенность событий. Что видел Вайторис? Как в одной из своих забав я убиваю пленника? Или же он просто должен был надоесть мне? Но от скуки и пресыщенности я решила сделать то, чего никогда не делать — поделиться своей кровью. Вайтор этого не предвидел, иначе не позволил бы мне посещать свою игрушку. Это было сиюминутное решение. Мое похищение стало всего лишь следствием, а не причиной. А значит, изменения ждут не только меня, но и весь мир, в котором мы живем, потому что меняется сама реальность. «Грани сместились». Естественно...

— Вайтор меня убьет, — с кривой усмешкой сообщила я змею. — Удавит своими руками.

И это не преувеличение, потому что теперь и его судьба могла измениться. Контроль над существующей реальностью был утрачен.

— Может самой из окна выпрыгнуть? Это будет даже не так больно.

Венн смотрел на меня осмысленным взором, и я отметила, что и глаза его теперь немного изменились, в них появилась легкая голубизна. Белый змей с голубыми глазами. И длина такая, что смог заглотить взрослого мужчину. Забавную сущность сотворил Аквей.

— Ты — следствие изменившейся реальности, и своим рождением обязан мне, так-то, — сказала я и ткнула пальцем в округлый нос змея.

Он фыркнул и... чихнул.

— Очень хорошо, — усмехнулась я, вытирая лицо.

Неожиданный звук заставил нас с Венном одновременно обернуться в сторону купальни. Мы переглянулись со змеем, и я поднялась на ноги, чтобы посмотреть, что там шуршит, но вдруг замерла, вспоминая, чем закончилось для меня подобное любопытство еще в черном замке. Однако Скайрен сказал, что он единственный мог обращаться водой... Впрочем, реальность меняется, и неизвестно, у кого и какой дар может проснуться теперь.

— Игнис, ты просто умница, — не без сарказма произнесла я. Затем указала на дверь купальни змею: — Проверь.

Венн величаво подполз к двери и остановился, не имея возможности открыть ее.

— Не притворяйся, — усмехнулась я. — Ты можешь пролезть и под дверью.

Он булькнул нечто невразумительное, но остался недвижим. Сердито сдвинув брови, я погрозила притворе пальцем и хотела сама открыть дверь, но сумасшедший змей вдруг угрожающе зашипел, не позволяя мне сделать это.

— Ополоумел? — возмутилась я, но попятилась. Кто его знает, что там за дверью? Возможно. Венн чувствует опасность...

Душераздирающий писк прервал мои мысли. Змей воровато оглянулся на купальню и усилил на меня запугивающее давление. Только не вышло. Я уперла кулаки в бока и насмешливо взглянула на него.

— То есть ты еще и ревнивец.

Венн издал невнятный звук, и я отвела в сторону его голову, перешагнула тело и все-таки открыла дверь купальни. Искра стремительно выскочила оттуда, запищала, несколько раз наскочив на моего стража. Змей забулькал в ответ. И чем бы этот скандал закончился еще неизвестно, но я подхватила Искру на руки и укоризненно покачала головой:

— А врал, что ничего про нее знаешь. Лжец.

— Буль.

— Отстань, — отмахнулась я.

Змей заискивающе зашаркал хвостом по полу, но я сделала вид, что не замечаю его, и уселась на кровать. Крыса, выпущенная мною из рук, забегала кругами по кровати, то заскакивая мне на колени и пища без умолку, то вновь начинала носиться, очень эмоционально что-то рассказывая мне. Венн терся башкой о мои ноги, булькал и пытался поймать взгляд. Наконец, Искра угомонилась, придавленная моей ладонью к постели, пискнула в последний раз и затихла, а снова вернулась к своим размышлениям.

Так. Первое звено мы нащупали, идем дальше. А дальше похищение и плен. Потом сон... Что в нем было, кроме того, что он закончился лишением первого из даров? И я вновь замерла, зацепившись за окончание сна. Только уже не думала об объятьях водника. В голове звучал голос Вайториса: «Покажи мне». Он хотел увидеть, где я нахожусь, это понятно хотя бы уже потому, что я вернулась в купальню, где тогда сидела на цепи. Но этого Господину явно было мало. Надеялся, что у меня перед глазами есть окно, и я могу показать ему то, что увижу из него?

Я резко поднялась на ноги, спугнув змея и встревожив Искру. Крыса, взбежав по моей руке, забралась на плечо и там замерла. Я направилась к окну, змей полз рядом, нарочито задевая мою ладонь.

— Подожди, — отмахнулась я. Мне уже было не до воспитательных мер. Весь мой интерес сосредоточился на оконном проеме.

Но каково же было мое разочарование, когда я увидела двор. Всего лишь замковый двор, и ничего, что могло быть дать зацепку. Но мой разум, вырвавшийся из сумбура происходящего и сумевший начать размышлять, подкинул новую идею. Я должна выбраться отсюда и найти что-то более существенное, чем двор своего узилища. Подумала об Аквее и сразу поняла, что он далеко от своих покоев. Отлично. Больше никто не осмелится меня остановить. Даже Венн. Хотя бы потому, что он сущность, а любой сущностью можно управлять. И шантаж по-прежнему один из лучших рычагов давления на упрямцев.

Я отошла от окна и направилась к выходу из спальни. Искра сидела на моем плече, цепко держась коготками, змей полз по пятам, но выйти ему я не позволила, вновь захлопнув дверь перед его носом. И дело было не только в том, что я хотела, чтобы Венн поверил в то, что я

продолжаю злиться на него за Искру, но и в том, что мне хотелось проверить, сможет ли змей после нового изменения в облике так же стать водой и выбраться из спальни.

Отойдя на несколько шагов, я остановилась, чтобы понаблюдать за действиями Венна. Поначалу он побился о дверь, немного повыл, давя на жалость. Но я чесала Искру за ушком и внимания на выходки змея не обращала. Потом за дверью всё стихло, а еще через мгновение послышался плеск воды. Удовлетворенно хмыкнув, я дождалась, пока хитрец соберется воедино, подмигнула ему и вновь направилась к выходу из покоев.

Недалеко до резных дверей из темного дерева Венн занервничал. Прополз вперед и закрыл мне дорогу, виновато глядя в глаза.

— Можешь больше не подходить ко мне, — ледяным тоном сказала я. — Пусть тебя развлекает твой хозяин. Для меня ты больше не друг.

Змей подполз ко мне, ткнулся носом в ладонь, но я отдернула ее. Сняла с плеча Искру и повернулась спиной к Венну, поглаживая крысу.

— Она пришла за мной. Защищала, оберегала, искала, добилась того, чтобы ее заметили. Искра мой настоящий друг, а ты лжец. Скользкий и холодный. Не хочу знать тебя. Впрочем, твой хозяин не слишком-то заботится о тебе. Значит, теперь ты останешься один. Ни я, ни Искра не будем замечать тебя.

Наше противостояние продолжалось еще некоторое время, и змей отступил. Страх одиночества, как и шантаж, еще один рычаг давления. Для змея, который оказался не обласкан своим создателем, нелюбим окружающими и нашел лишь в моем лице того, кто готов уделять ему внимание, боязнь лишиться своего единственного друга стала последней каплей. Он отодвинулся с прохода, больше не мешая мне. Я вернула Искру на плечо и подошла к двери. Короткое мгновение боролась с неожиданной растерянностью, но отмахнулась от нее и решительно распахнула дверь.

Стражники повернули головы и застыли с раскрытыми ртами, глядя расширившимися глазами на нашу маленькую процессию. Я вышла в коридор, гордо вздернув подбородок. На моем плече восседала крыса, за плечом возвышалась змеиня голова, остановить нас охотников не нашлось. Я прислушалась к себе и уверенно направилась в сторону лестницы, ведущей к переходу на крепостную стену. Выход из замка мне был не нужен. Только посмотреть окрестности.

Это была забавная прогулка. Во-первых, такой страх в человеческих глазах я давно не видела. Сейчас было отчаянно жаль, что я не могу уловить вкус эмоций, он был бы превосходен в своей густоте и насыщенности. Невольно облизнулась и сглотнула, вспоминая аромат чужих чувств. Пожилая женщина в богатых одеждах, попавшаяся из-за поворота мне навстречу, испуганно вскрикнула и отступила к стене, размазавшись по ней чернильным пятном. Аналогия была сильнее из-за ее темно-фиолетового платья. Она прикрыла рот ладонью, и я заметила на среднем пальце большой тяжелый перстень с таким же камнем. Украшение мне не понравилось. Не люблю массивных вещей. Глаза женщины показались мне чем-то знакомыми, но в сходстве я разобралась быстро. Она глядела на меня глазами Ская. Тетушка? Плевать. Я миновала ее, лишь мазнув взглядом по старухе, увешенной громоздкими драгоценностями.

Во-вторых, было приятно пройтись. Сидение в четырех стенах надоело до зубовного скрежета, пусть я и не помню два дня из пяти. Но, лишенная свободы передвижения, я изнывала от скуки, даже больше, чем в чертогах моего Господина. Да уж, получила приключение, хоть и не просила его. Ничего. Придет время, и всё вернется на круги своя.

Возможно, еще можно остановить перемены. «Нет власти». Или сейчас даже смерть Аквея ничего не остановит? Вайторис могущественен, он может вернуть себе власть над событиями. Лишь бы не сильно мучил...

Я так задумалась, что не сразу ощутила перемены. Уже вышла на стену, вдохнула полной грудью прохладный влажный воздух и схватилась за кого-то, ощутив головокружение. Легкое, но этого хватило, чтобы пошатнуться. Сильные пальцы сжались на моем локте и гневный голос отчеканил:

— За какой Тьмой ты притащилась сюда, Игнис?

Порывисто развернулась и встретила взгляд Скайрена Аквея. Попыталась отдернуть руку, но хватка оказалась слишком сильной. Искра пискнула и бросилась на моего тюремщика. Бросок... и крыса оказалась сжата во второй ладони водника.

— Ненадежная защита, — язвительно произнес Аквей и поднял руку, рассматривая трепыхающуюся крысу. Скривился: — Мерзость какая.

— Посимпатичней здешних обитателей, — с вызовом ответила я и вцепилась в руку водника, в которой была зажата Искра, прошипев: — Обидишь, отомщу.

— Угрожаешь? — насмешливо спросил Скай.

— Предупреждаю, — ответила я, глядя ему в глаза.

Бесконечный Хаос, не глаза, два синих озера. Чистых, прозрачных, глубоких настолько, что голова кружится, когда пытаешься разглядеть дно. Синие озера вдруг потемнели, водник как-то рвано вздохнул и облизал губы. Невольно подалась к нему, и пальцы, сжимавшие мужское запястье, обмякли, скользнули на кулак, сжимавший крысу. Хватка Аквея ослабла, и Искра вывернулась, упала на каменный выступ. Но это я отметила краем сознания, потому что в голове не осталось ни одной мысли, все они разлетелись куда-то, пока я всматривалась в глаза водника. Наши пальцы вдруг переплелись, и вторая ладонь Скай, державшая меня за локоть, оказалась на моей талии. И время растянулось, подобно густой карамели. В ней увязли все прочие звуки, кроме учащенного дыхания мужчины и гулких ударов моего сердца, отдавшихся гулом в ушах.

— Скай, — выдохнула я.

— Что? — в его голосе появилась хрипотца, задевшая что-то потаенное во мне, и по позвоночнику скользнула змейка мурашек, низ живота отозвался истомой...

— Что происходит? — спросила я полушепотом.

— Не знаю, — ответил он, сильнее сжимая мою ладонь.

Его лицо оказалось совсем близко, и я ощутила, что прижата к телу водника.

— Это всё моя кровь, да?

— Да, — глухо ответил мужчина, уже почти касаясь моих губ своими губами.

— Других причин быть не может.

— Не может, — эхом откликнулся Аквей.

— С этим надо что-то делать.

— Да.

— Сейчас...

— Прямо сейчас...

— Скай...

— Игнис...

Я уже ощущала его дыхание, теплое, ласкающее кожу...

— Тьма! — неожиданно рывкнул Аквей и резко отпрянул, глядя куда-то себе под ноги.

Я опустила рассеянный взгляд. Моя крыса, затаившая обиду, дождалась, когда мужчина потеряет бдительность, и укусила его за ногу, повиснув на штанине. Скайрен топнул ногой, скидывая Искру, но она уже сама спрыгнула и юркнула мне под подол, спрятавшись от гнева хозяина замка. Он вскинул на меня взгляд, и я увидела злость.

— Достала! — слово прозвучало хлестко, словно удар хлыста.

— Я... — в горле вдруг пересохло, и я так и не смогла договорить.

Аквей ожесточенно потер лицо ладонями, взлохматил себе волосы и велел:

— Убирайся.

— Куда? — отупело спросила я.

Водник обернулся к змею, притихшему за нашими спинами.

— За какой Тьмой ты ее выпустил? — осекся и склонил голову к плечу. — Что с моим змеем?

— Взрослеет, — усмехнулась я, наконец, придя в себя. Затем обошла Аквея и полуобернулась к нему: — Проводишь?

— Что?

— Доверишь одной пройти по твоему замку? — вот теперь нотка издевки все-таки проскользнула в голос.

— Нет, — рублено ответил водник, сжал пальцами мой локоть и потащил прочь со стены, выговаривая на ходу: — Мое терпение лопнуло, Игнис. Ты не ценишь ни удобств, ни доброты. Вытворяешь, что хочешь, рушишь всё, к чему прикоснешься. Осложняешь мне жизнь...

— Так верни меня назад и конец мучениям, — раздраженно сказала я. — Я не просила ни твоих удобств, ни доброты. У меня было всё, что мне было нужно.

— Правда? — с откровенной издевкой произнес Аквей, стремительно вышагивая по коридорам собственного замка. — Всё-всё? Тогда за какой Тьмой ты вцепилась в меня клещом? Зачем тебе понадобилась живая игрушка? Тоска заела? Скучно сидеть у ног своего Господина?

— Мне всего лишь нравился вкус твоих эмоций, — ответила я, едва успевая за ним. Я запыхалась и начинала откровенно злиться. А еще вдруг ощутила обиду. Меня можно было обвинить во многом, и это было бы правдой, но сейчас я кожей ощущала, что на мои плечи перекалывают собственную растерянность и бессилие перед происходящими переменами.

— Вкус эмоций? — водник неожиданно остановился, и я врезалась лбом в его плечо.

— Как так, Игнис? Ты жила рядом с Вечным, могущественным и великим. Его сущность — огонь, а тебе нужны были эмоции безымянного пленника? Я оказался вкусней твоего хозяина? Как такое возможно?

Я открыла рот, чтобы ответить, но вдруг с ужасом поняла, что у меня нет ответа. Наверное, всё дело в том, что Вайторис не часто делился своими чувствами, только на ложе, распаяя меня до размеров пожара, а водник не мог защититься... Или дело в том, что мне просто нравилось приходить к нему и заставлять отдавать мне свои эмоции до капли?

— Так в чем дело, Игнис? Твой господин оказался слишком пресным? Тьма! Любое блюдо приедается, если употреблять его часто, но ты вновь и вновь приходила ко мне, зачем?

— Я... не знаю, — сипло ответила я, снова чувствуя слабость и головокружение. Низ живота заныл, отдаваясь болезненной истомой, и я сжала ноги, испытав резкий прилив возбуждения. А затем пришло легкое жжение. И догадка вырвалась стоном сквозь стиснутые

зубы: — Цвето-ок.

— Что? — переспросил Скайрен. — Какой цветок?

— Шестой, — выдохнула я и первая устремилась назад к его покоям.

— Не понял, — мотнул головой Аквей. — Игнис!

Но я не слушала. Я спешила скрыться от чужих глаз, пока боль не скрутила меня на радость обитателям замка. Только боли не было. Было усиливающееся возбуждение, и жжение сейчас казалось, скорей, приятным, чем болезненным. Что за дар ко мне возвращается, я, кажется, уже догадывалась. Моя чувственность. Просто отлично! Именно ее мне и не хватало со всем этим притяжением к воднику. И когда Скайрен вновь отловил меня, сжав ладонями плечи, я прохрипела, борясь с искушением развернуться и впиться ему в губы:

— Отпусти. Убери руки.

— Что происходит, Игнис? — не внял мне водник. — Я хочу знать.

— Не отпустишь, узнаешь, — усмехнулась я. — И, боюсь, тебе это понравится. Тогда твоя блеклая Эйволин может вырвать себе волосы, но ты вряд ли сохранишь ей верность.

— Не смей... — заносчиво начал Аквей и вдруг резко отступил назад, шумно втягивая носом воздух. Затем отступил еще дальше, также шумно выдохнул и глухо произнес: — Я думал, что перестал чувствовать запахи.

— Я потом разберусь в том, что ты говоришь, — буркнула я, — а сейчас мне надо... спешить.

И помчалась вперед, безошибочно угадывая направление к покоям водника. Змей бесшумно полз за мной, шагов Аквея я не слышала. Кажется, он решил благоразумно переждать бурю, если, конечно, понял, что она уже близко. А она была невероятно близко. Вожделение перерастало в откровенную похоть, и теперь я боялась не боли, а накинуться на первую попавшуюся мужскую особь.

— Не подпускай меня ни к кому, — велела я змею. — И если буду угрожать, не слушай.

Венн пробурчал что-то по-своему, но я не вслушивалась. Шаги мои всё больше замедлялись, дыхание хриплыми рваными толчками вырывалось из горла. Горячая волна прошла по телу, и меня откинуло на стену, обжигшую холодом камня. Я прижалась к ней всем телом, прильнула щекой, надеясь хоть немного охладиться. Приближающиеся шаги услышала сквозь собственное тяжелое хриплое дыхание, развернулась и уставилась на водника, застывшего в нескольких шагах от меня. Уперлась затылком в стену и криво усмехнулась:

— Зря догнал.

— Тебе подготовили другие комнаты, — ответил он, настороженно следя за мной.

— Твои ближе.

— Нет, — Аквей мотнул головой. — Туда ты не пойдешь.

— Исчезни, — посоветовала я, пропустив его слова мимо ушей. — Лучше исчезни, Скай.

— Ты мне приказываешь? — изумился водник.

— Стараюсь не разрушить то, что ты готов разрушить сам, — вновь усмехнулась я и отлепилась от стены. — Исчезни, Скай, исчезни.

И снова устремилась в сторону его покоев.

— Игнис, стой! — голос Аквея прогремел под сводами его замка. — Не смей входить

туда!

Я остановилась и развернулась в его сторону, оглядывая мужчину голодным взглядом. Великая Тьма, до чего же он... хорош. Сделала шаг в его сторону, и Аквей, наконец, осознал, чем может закончиться очередное противостояние.

— Делай, что хочешь... пока, — махнул он рукой. — Только я первым зайду в покои, там Эйволин. Я обещал...

Оборвал сам себя, стремительно обошел меня по широкой дуге, кажется, даже затаив дыхание, и также стремительно умчался вперед. Я ослабилась, вдруг ощутив себя охотником, загоняющим дичь, хмыкнула и тут же мучительно застонала, борясь с очередным витком возбуждения. После собрала волю в кулак и продолжила свое бегство, мечтая о холодной воде и одиночестве, чтобы возвращение дара прошло незамеченным.

Но так и не дошла. Вновь привалилась к стене, а потом вновь услышала приближающиеся шаги. Это был незнакомец. Высокий, худощавый, синеглазый и светловолосый, как все водники. Не могу сказать, был ли он привлекателен, мой взгляд как-то миновал лицо, оценив стать и фигуру, красноречиво остановился на мужском пахе, и я облизала пересохшие губы.

Он остановился, глядя на меня немного ошарашенным взглядом. Понимаю, неожиданная встреча. Я подняла руку и поманила к себе незнакомца. Он несколько мгновений колебался, но после все-таки приблизился, коротко склонил голову и произнес:

— Мое имя...

— Плевать на твое имя, — прохрипела я, ухватила его за грудки, дернула на себя и, обняв одной рукой за шею, второй надавила на затылок, со стоном впиваясь в губы.

Мужчина опешил, но в замешательстве находился недолго. Одна его ладонь уперлась рядом с моей головой, вторая легла на талию, но долго там не задержалась. Скользнула на ягодицы, я не возражала.

— Чтобы это значило? — чуть насмешливо спросил он, отрываясь от моих губ.

— Не то, что ты возомнил, — неожиданно громыхнул голос Аквея за спиной незнакомца.

Он легко оторвал от меня второго водника и оттолкнул в сторону. Затем перевел на меня взгляд полный ярости:

— За какой Тьмой ты творишь? — гневно спросил он.

— Скай, если дама хочет... — донесся до меня насмешливый голос незнакомца.

— Дама не в себе, — ледяным тоном ответил Аквей. — Кажется, тебе было чем заняться?

Мой водник на мгновение обернулся к незнакомцу, и тот, склонив голову, быстро удалился.

— Ска-ай, — его имя сорвалось новым стоном с моего языка. — Не могу...

Больше не говоря ни слова, водник поднял меня на руки и понес к своим покоям. Я обернулась назад. Венн тряхнул головой и пополз за нами.

— Ты смотрел глазами змея, — поняла я.

— Смотрел, — буркнул Скайрен.

— Тогда понятно, — ответила я своим мыслям.

— Что тебе понятно?

— Венн должен был не допустить...

— Венн? Ты дала ему имя?

— Но ты ведь не удосужился... Скай...

Закончить я не успела. Стража распахнула перед ним дверь, и мы оказались в покоех. И первая, кого я увидела, была Эйволин. Она была бледней, чем тогда, когда я видела ее в первый раз. Губы водницы поджались в тонкую линию, кулаки сжались, и в глазах застыла такая ненависть, что если бы это был нож, то меня бы уже нашинковало на мелкие части.

— Скай, — дрожащим голосом начала Эйволин, — почему ты ее...

— Эйви, не сейчас, — раздраженно ответил водник и стремительно прошел к выделенной мне спальне. Открыл дверь ногой, прошел спальню насквозь и остановился у бассейна. Сердито произнес: — Охладись.

И я полетела в воду. Она оказалась ледяной, но вместо того, чтобы остудить, контраст между жаром внутри и холодом снаружи взвинтил мое желание настолько, что я едва не захлебнулась, когда меня сбило с ног. Но выручил меня всё тот же водник. Он пригнул следом в бассейн, схватил меня за шиворот и вытянул на поверхность.

— Да что с тобой?! — воскликнул он.

Мокрая ткань раздражала, мешала, давила на кожу, и я потянула его с плеч вниз. Скай понаблюдал за мной, после выругался и забрался на бортик, сохраняя между нами расстояние. Я не смотрела на него. Холодная вода, наконец, немного остудила мой жар, и я хотела увидеть цветок. Справилась с одеждой, но водная рябь мешала рассмотреть бутон, проступивший над лобком. Я вылезла из бассейна, наплевав на свою наготу, и взглянула на распускающуюся чашечку.

— Что это? — негромко спросил Аквей, подходя ближе.

Подняла на него взгляд, закусил губу и мотнула головой, так и не ответив.

— Он... живой?

— Да, — прошептала я.

Рука водника протянулась ко мне, но, кажется, он это даже не осознал, замороженный распускающимися лепестками. Кончик пальца обрисовал цветок по контуру, так и не задев его, и я охнула от захлестнувшей меня волны наслаждения от одного-единственного касания.

— Игнис... — наши взгляды встретились, и меня снова потащило на самое дно потемневших глаз водника.

— Скай! Ты обещал, Скай! — высокий голос с визгливой ноткой полоснул острым ножом по слуху. Я и Аквей одновременно поморщились. — Скай, почему эта дрянь голая?!

— Тьма, — выдохнул сквозь зубы водник. — Как же всё не вовремя. — И, мазнув последний раз взглядом по цветку, развернулся к невесте. — Эйви, успокойся. Ничего такого, что ты себе вообразила...

— Я не слепая, Скай, — в ее голосе послышались слезы, и Эйволин вновь бросилась в бега.

— Тебя переведут... когда будешь готова, — буркнул Аквей и сорвался снова догонять свою невесту.

Я проводила его взглядом, после вернулась в воду. Закрывает глаза и постаралась ни о чем не думать. Стоило цветку распуститься, и мое желание пошло на убыль. Все-таки Вайторис ко всему подходит с фантазией... будь она не ладна. Ладно, со мной моя чувственность, надеюсь, завтра появится что-то более необходимое мне сейчас. Я открыла глаза и посмотрела на бортик. Искра деловито терла мордочку, Венн застыл, не сводя с меня взгляда. Кажется, он вновь не принадлежал себе.

Глава 4. День шестой

Черный замок встретил меня уже привычным пожарищем. Сегодня огонь не бросался на меня и не ластился. Пламя разошлось, пропуская меня внутрь, и тут же вновь сомкнулось, захлопывая ловушку. Невольно усмехнулась пришедшему в голову сравнению. Ловушка... Да, пожалуй. Силок, который Вайторис накинул мне на шею в тот день, когда нашел в развалинах дома...

Я остановилась, впервые задумываясь над тем, что же случилось в тот день? Кем были мои родители? Почему они погибли, и почему Вечный пожалел меня? Чем я привлекла его внимание?

— И снова рой вопросов.

Я подняла голову и встретилась со взглядом-бездной. Вайторис вышел во двор замка встретить меня.

— Что с тобой происходит? — спросил Господин, привлекая меня к себе.

Закусила губу, не зная, что ответить. О воднике старалась не думать, понимая, что Вайтор легко уловит мои мысли. Вместо этого вспомнила Искру. Вспомнила темницу и слуг, и то, как крыса отомстила за меня.

— Забавно, — усмехнулся Господин. — У тебя появился друг.

— Она сама привязалась ко мне, — я пожала плечами.

— Ты помнишь, кому ты принадлежишь?

— Да, Господин, — покорно ответила я и опустилась перед ним на колени. — Моя душа и мое тело принадлежат тебе, Вайторис.

— Рад, что ты всё еще не забыла об этом, — ладонь моего хозяина и любовника легла мне на затылок, пальцы зарылись в волосы, но вдруг сжались в кулак, и Вайтор рывком оттянул мою голову назад. — Ты позволила себе чувствовать, Игнис. Недопустимо. Мне не нравятся перемены, которые происходят с тобой. Мне не нравится, что ты прячешь от меня свои мысли. Что ты скрываешь?

— Я не смею что-то скрывать от моего Господина, — ответила я, пытаюсь не кривиться от боли, которую причиняла мне ладонь Вайтора.

— И лгать ты тоже не смеешь, но лжешь.

Он оттолкнул меня, отвернулся и сделал пару шагов прочь. Я следила за ним исподлобья. Как всегда прекрасен. Безукоризненно прекрасен. Белоснежная рубашка обтягивает широкие плечи, черные штаны подчеркивают узкие бедра. Длинные, мускулистые, стройные ноги обуты в сапоги из мягкой кожи. По голенищу змеится орнамент — языки пламени. Почти как настоящие, их вышивали лучшие мастера, никакой магии. Подняла взгляд выше. Сегодня огненно-красные волосы Вечного были собраны в хвост, и он струился между лопаток раскаленной лавой, отражавшей отсветы бушующего пламени.

— Тебя обижают?

— Нет, — ответила я, осмеливаясь подняться на ноги без дозволения и подойти ближе.

Вайторис, конечно же, слышал мои шаги. Он не обернулся, но и не остановил, не отогнал. Я несмело прижала ладони к спине Господина, замерла, ожидая, что он скажет, но Вайторис вновь промолчал, и я решилась обнять его. Прижалась щекой к спине, накрыла ладонями плоский живот Вечного и выдохнула с удовлетворением. Вот так было правильно,

именно так, а не...

— Как? — услышала негромкий вопрос Вайтора. — Как неправильно?

— Только так правильно, Господин, — ответила я, на мгновение вспоминая глаза-озера.

Он стремительно развернулся, сжал мои плечи и испытующе заглянул в глаза:

— Это Аквей, верно? Игнис!

— Никто не сравнится с моим Господином, — прошептала я.

— Ты позволила ему осквернить свое тело? Отвечай!

— Нет, — я мотнула головой. — Аквей любит свою невесту, он верен ей. А я верна моему Господину. Мое тело — вместилище его страсти. Только его ласки улаждают меня. Нет никого, кто бы мог сравниться...

— Хватит! — неожиданно заорал Вайторис и с силой оттолкнул меня.

Я отлетела от него, напоролась спиной на каменную стену одной из построек, покрытой копотью. Удар вышиб воздух из моих легких, тело отозвалось болью, из глаз посыпались искры, готовые поспорить яркостью с пламенем Господина, и я, вскрикнув, упала изломанной куклой на землю. Языки огня бросились ко мне, закружились, словно стайка причитающих няnek. Заскользили по телу, гладили, ласкали, успокаивали. И разлетелись по сторонам, как только Вайторис подошел ко мне. Он остановился рядом, глядя сверху вниз пустым взглядом бездушной бездны, затем опустился на одно колено и провел тыльной стороной ладони по моей щеке.

— Я создал это лицо, — сказал он. — Я подарил тебе это тело. Совершенная красота, гармония в каждой черте, безупречность в каждом движении. Я сотворил тебя. В тебе мое пламя, моя кровь и часть меня самого. От прежней тебя не осталось ничего. Всё, что зовется Игнис Сиел, принадлежит мне и только мне. Не смей забывать об этом, Игнис.

— Я помню, Вайторис, — сипло ответила я, превозмогая боль. — Ты оказал мне честь, обратив на меня свой взор. Ты подарил мне жизнь и позволил быть рядом. Ты и только ты владеешь моим телом и моей душой. Только ты решаешь жить мне или умереть. Ты мой Создатель и Господин.

— Повторяй это каждый день, пока я не приду и не заберу тебя в свой замок, — холодно велел Вечный. — И когда ты займешь положенное тебе место, мы исправим все ошибки, свершенные за время нашей разлуки. Ты вновь станешь той, кем была. И в этот раз я не оставлю тебе ничего человеческого. Не для того я столетия создавал подобие себя, чтобы лишиться в одно мгновение.

И я неожиданно поняла — у меня никогда не было выбора, лишь его видимость. И в тот день, когда я стояла перед Гранями, я всего лишь прошла одно из испытаний моей преданности. Он не отпустил бы меня...

— Отпустил бы, — ответил Вечный.

— И я бы сама вскоре попросилась назад, да?

— Да.

— Зачем ты создал меня?

Вайторис промолчал. Он осторожно приподнял меня, накрыл ладонью затылок...

— Прости меня, Игнис, — сказал Господин, рассматривая ладонь, которую только что прижимал к моей голове, ладонь была в крови. — Я не хотел причинять тебе боль, но твоя ложь разозлила меня.

Боль оставляла меня медленно и неохотно. Она цеплялась когтями, пыталась держаться

клыками, вгрызаясь в плоть, но отступала, покорная воле моего Господина. Я шумно выдохнула и прижалась лбом к плечу Вайториса. Кости вставали на место, срастались, исчезали трещины, полученные от удара. Не думала, что в этом месте всё может быть настолько реальным.

— Реальность — то, во что ты веришь, Игнис. — Он обнял меня за плечи, и я ощутила легкий поцелуй в макушку. Вскинула голову и встретила с Вечным взглядом.

— Почему у меня никогда не было друзей? — вопрос стал неожиданным даже для меня самой. Никогда не страдала из-за того, что у меня был лишь мой Хозяин, но почему-то сейчас меня взволновал этот вопрос.

— Зачем тебе друзья? — Господин сдул прядку волос с моего лба. — У тебя есть я, этого достаточно.

— А питомца? Почему у меня никогда не было питомца?

— Ты не можешь делить себя между мной и кем-то еще. Питомец — это привязанность. Вся твоя привязанность принадлежит мне одному.

Я опустила голову, закусила губу, пытаюсь удержать рвущиеся с языка слова, но все-таки решилась и выпалила:

— Зачем тебе другие любовницы? Почему ты делишь себя между всеми нами? Разве я так плоха на ложе, что ты ищешь утешения в чужих объятьях?

Вайторис вдруг улыбнулся и мягко сжал пальцами мой подбородок.

— Плоха? — переспросил он. — Ты лучшая во всем, мое пламя. Ты первая среди всех, кто мне служит. Разве я не доказал тебе этого? Кто, кроме тебя вхож в мои покои? Кто делит со мной ложе еженощно? С того дня, как твое девство окрасило кровью простынь, ты уже не покидаешь моей постели. Ты — мой глас в человеческих землях. Ты — мой карающий клинок, ты — моя воля, мой гнев, моя пощада и возмездие. Ты стоишь над всеми. Первая и единственная. Разве же мало тебе всего этого?

— Первая, но не единственная, — невесело усмехнулась я, мотнула головой и освободилась от хватки Вайториса. После поднялась в полный рост, теперь я смотрела сверху вниз. — Первая, но одна из многих. Подле тебя, но в твоей тени.

На дне бездны затеплился первый огонек. Пугающий знак, но я отмахнулась от него, неожиданно вспомнив, кем он был для меня когда-то. Моя первая любовь, робкая, но всепоглощающая. Я готова была на всё, чтобы заслужить его похвалу и улыбку, редко касавшуюся глаз. Пятьдесят лет щенячьей преданности и безнадежной любви.

Он всегда держал меня обособленно от всех. Покои рядом с его покоями, совместные трапезы, редкие прогулки, вечерние посиделки и долгие беседы, когда мой Господин открывал передо мной свой мир. Его ласкающие прикосновения, больше напоминающие отцовские. Погладил по волосам, поддел пальцем кончик носа. Журил за ошибки, хвалил за победы, воспитывал, приручал, учил повиновению, жестко гася мои вспышки еще не угасших чувств и эмоций. И наказания тогда были мягкими. Лишил вечерней беседы, запретил покидать свою комнату, завтрак в одиночестве. Но этого хватало для того, чтобы я «виляла хвостом» при следующей встрече, чтобы загладить вину и вернуть себе его внимание.

А потом была ТА ночь, когда я впервые познала своего единственного мужчину — моего Господина. О-о, в ту ночь он был нежен со мной. Никакой огненной страсти. Каждое касание, как ласковое дуновение летнего ветерка, каждый поцелуй, как вкуснейшая сладость. Неспешно, со вкусом и удовольствием он будил мою чувственность. Изводил ласками, заставлял парить над землей, стонать до изнеможения, бесконечно произнося его

имя. И лишь насытившись моим наслаждением, он позволил мне ощутить на себе тяжесть его тела. А когда возбужденная плоть Вайториса уничтожила то, что еще оставалось у меня от прежней человеческой жизни, я окончательно растворилась в своем Хозяине.

Но прошло еще немного времени, и я увидела... Мой обожаемый Вайтор совокуплялся с какой-то рыжеволосой бабой на полу в тронном зале, куда я вбежала, чтобы рассказать о своем очередном успехе. Она стояла на четвереньках, подвывая от наслаждения, а Вечный ожесточенно вбивал в нее член. Я потрясенно смотрела на груди рыжей, содрогавшиеся от каждого нового резкого толчка, и почему-то именно эти груди ярче всего запомнились мне после всех событий того дня. Даже приказ Господина, отданный ледяным тоном:

— Игнис, уйди, — так не потряс меня, как два подрагивающих мешочка плоти, увенчанные ровозыми сосками.

Осознание, что я всего лишь одна из многих, стало самым сильным потрясением тех лет, и первым шагом к новой Игнис. Он лепил меня так, как считал нужным, и я, пережив и привыкнув, перестала обращать внимание на любовниц Вайториса. Мне стало на них попросту наплевать.

— Потому что ты другая. Ты не такая, как все, мое пламя.

Я вскинула взгляд на Вайториса.

— Но зачем они тебе?

— А зачем тебе понадобился этот водник? Зачем были нужны другие твои игрушки? — с едва уловимой насмешкой спросил меня Вечный. — У каждого свои забавы и развлечения, так? Ты пьешь вкус чужих страданий, а я...

— А ты наслаждения, — осознала я.

Ну, конечно! Если он помог пробудиться скрытому крови, а во мне его кровь, то...

— Я обладаю тем же, чем и ты, Игнис.

Странно, почему за несколько столетий я ни разу не думала об этом? Почему всегда воспринимала, как должное?

— Потому что тебе не нужно было думать об этом. Для тебя это и было должным. Твой привычный уклад, устоявшийся мир. Уютная скорлупа, из которой не приходилось высовывать нос. И за то, что этот мир дал трещину, я тоже накажу Аквея. Я признал его виновным и приговорил к смерти. Но теперь я не доверю этого никому. Скайрен Аквей мой личный должник.

— Скай...

— Скай?

Я поперхнулась, сообразив, что назвала Аквея по имени... не просто по имени!

— С-с-кай?!

Он в одно мгновение оказался рядом, и огонь взревел с необузданной силой. Бездна в глазах Вечного окончательно заполнилась пламенем, черты лица стали жестче. На меня смотрел оскалившийся хищник, вселяя в душу животный ужас своей яростью. Великая Тьма! Таким взбешенным он не был даже после того, как застал меня едва ли не на члене водника.

Я упала на колени, сорвала с плеч платье, оголяя спину, перекинула волосы вперед и накрыла голову руками, бесконечно повторяя:

— Нет никого, кто бы мог сравниться с моим Господином. Нет никого, кто бы мог сравниться с моим Господином. Нет никого, кто бы мог сравниться с моим Господином. Нет никого...

— И пора об это вспомнить, — глухо произнес Вайторис.

Я ожидала боли, ожидала что по моей спине пройдет огненная плеть, пропоров плоть до самой кости, оставив ожоги, чтобы стать напоминанием моей вины, но... Ладони Господина легли мне на спину, и я поняла, что он стоит на коленях за моей спиной. Он подтолкнул меня, вынуждая опуститься на четвереньки. Я с готовностью уперлась ладонями в каменные плиты двора, закрыла глаза и облизала губы, ощущая предвкушение скорого проникновения. Вайторис одним рывком разорвал платье, и оно опала по обе стороны от меня, словно распластанные крылья.

Мужские ладони сжали мои ягодицы, почти причинив боль, затем нежно огладили, и правую ягодицу обожгла боль от удара. Только вместо страха перед наказанием, я почувствовала острый прилив возбуждения. Охнула, подалась вперед, и тут же пальцы Вайториса впились мне в бедра, возвращая на прежнее место. Ладонь снова огладила ягодицу, скользнула вниз, и теперь пальцы Вечного ласкали мое лоно, то проникая внутрь, то дразня касаниями к чувствительному бугорку. И когда я протяжно застонала в преддверии подступающего наслаждения, удар по левой ягодице ослепил, заставил взвиться, но Вайторис вновь удержал и одним мощным толчком заполнил мое лоно своей горячей плотью.

— Вайтор! — взвыла я, когда тело содрогнулось от острого оргазма.

Он сжал в ладони мои волосы, намотал концы на кулак, вынудив задрать голову так далеко, что мне казалось, она вот-вот оторвется, и продолжил вколачиваться в мое тело. Перед глазами вновь встало давно забытое видение рыжей и ее груди. Болезненность воспоминания уняло огонь в крови, и теперь я просто ждала, когда мой любовник придет к своему финалу.

— Ну уж нет, — рявкнул Вайторис. — Мы всегда это делали вместе.

Он покинул мое тело, перевернул на спину и окончательно отшвырнул тряпье, бывшее еще недавно платьем. Наши взгляды встретились, и я задохнулась, когда увидела, что пламя из глаз Вечного исчезла, и теперь его вновь сменила голодная бездна.

— Вайт...

Господин накрыл мои губы своими, не позволив договорить. Раздвинул мои ноги коленом и придавил своим телом, вновь заполнив меня своим естеством.

— Ты была с ним? — хрипло спросил Вайтор, оторвавшись от моих губ.

— Нет, — простонала я, закинув руки за голову.

Вечный приподнялся надо мной и отрывисто велел:

— Смотри на меня.

Я послушно распахнула глаза.

— Он привлекает тебя? — спросил он и снова толкнулся в меня.

— Никто... не сравнится... с мои...м... Гос... Госпо...дином, — задыхаясь, ответила я.

— Он привлекает тебя! — новый толчок.

— Нет никого лучше тебя, — тяжело сглотнув, произнесла я.

— Ты хочешь его? — толчок.

— Лишь Господин делает меня счастливой, — простонала я, впиваясь ногтями в плечи Вайториса.

— Мечтаешь о нем? — толчок.

— Только... с Господином я познала... наслаждение...

— А он? Он ведь жаждет тебя? — толчок, толчок.

— Мой Господин — мой мир...

— Ты не посмеешь отдать ему свое тело!

— Мое тело... принадлежит моему... Господину...

— Не впустишь в душу!

— Моя душа принадлежит Господину...

— Ты только для меня!

— Я... только., для тебя...

— Только моя!

— Твоя-а-а! — срывающийся шепот перешел в крик, и я выгнулась всем телом, сгорая в ослепляющем восторге нового оргазма.

— Да-а! — торжествующий мужской стон перекрыл рев пламени, обступившего нас со всех сторон. — Так было всегда, и так будет вечно...

Вайторис тяжело навис надо мной, изливаясь в лоно горячим выплеском семени. После судорожно вздохнул и опустился рядом, прижал меня к своему боку и прикрыл глаза. Но уже через пару коротких мгновений велел:

— Покажи мне.

Я распахнула глаза, изумленно взглянула на него, но Вайтор повторил:

— Покажи, — тут же сильнее прижал к себе. — Не вздумай перейти. Просто покажи. В глаза...

Послушно посмотрела ему в глаза, стараясь вспомнить, что я успела рассмотреть, когда вышла на крепостную стену.

— Не мешай, — отмахнулся Господин. — Я сам всё увижу.

И я испугалась, что он увидит больше, чем мне хотелось бы. Я точно помнила, что успела увидеть горы, покрытые зеленью. И воздух был влажным. Спешно представила себе озеро...

— Водопад, — оборвал мои мысли Вайторис. — Там есть водопад. Найду. О том, что ты прячешь от меня, мы поговорим при нашей встрече.

Он порывисто прижался к моим губам и... Я села на узкой кровати в своем очередном новом жилище и тупо уставилась на разорванное, немного обгорелое платье, валявшееся на полу. Тело отозвалось приятной истомой, и на губах осталась легкая боль от укуса Вайториса, как напоминание и обещание скорой встречи...

— Бесконечный Хаос, — пробормотала я, почесав в макушке и не отводя взгляда от платья, — это что-то новенькое.

«Реальность — то, во что ты веришь», — тут же прозвучал в голове голос Вайториса. А я поверила, еще как поверила! Затем мотнула головой и постаралась сосредоточиться на нашем разговоре, избегая воспоминаний о том, что произошло на каменных плитах замкового двора, среди беснующегося огня...

— Бесконечный Хаос, — пробормотала я, почесав в макушке и не отводя взгляда от платья, — это что-то новенькое.

«Реальность — то, во что ты веришь», — тут же прозвучал в голове голос Вайториса. А я поверила, еще как поверила! Затем мотнула головой и постаралась сосредоточиться на нашем разговоре, избегая воспоминаний о том, что произошло на каменных плитах замкового двора, среди беснующегося огня...

Но подумать я толком не успела, потому что услышала стремительный грохот шагов по металлической лестнице, ведущей в уединенный закуток, куда меня переселили сразу, как

только я отошла от пробуждения дара чувственности. Дверь, запертая водником, распахнулась, и мой похититель и головная боль последних нескольких дней ворвался в мое более чем скромное жилище, свернув с петель деревянную створу.

— Что ты себе позволяешь?! — рявкнул Аквей, глядя на меня сверкающим негодованием взором.

— Что я себе позволяю? — опешила я. Да что там опешила! Я сидела с открытым ртом и взирала на полоумного водника вытаращенными глазами.

Его диковатый взгляд заметался по комнате, остановился на разорванном платье, и мне показалось, что из раздувающихся ноздрей Аквея сейчас повалит пар. Признаться... стало не по себе. Не так сильно, как недавно, когда я наблюдала ярость Вайториса, но Скай, если честно, впечатлил тоже.

— Кто. Здесь. Был? — ледяным тоном спросил он, нарочито разделяя слова.

— Э-э-э... — протянула я и... снова почесала в макушке. Оторопь моя возрастала до поистине гигантских размеров.

Водник поднял останки несчастного платья и запустил им в меня, гаркнув:

— Отвечай!

— А-а-а... ох, — вздохнула я, так и не найдя, что ответить. А от следующей фразы хозяина замка я и вовсе готова была свалиться с кровати на пол:

— Кому ты позволила прийти сюда? Кто прикасался к тебе?

— Что?! — этот вопрос мы произнесли одновременно и с одинаковой интонацией.

Ярость водника вдруг сменилась изумлением, едва ли не большим, чем у меня. Мы некоторое время помолчали, буравя друг друга воинственными взглядами, а затем Скайрен также стремительно покинул мою комнату. Я похлопала ресницами, ущипнула себя и зашипела. Чувственность уравновесила нечувствительность к боли, как и должно было быть, и теперь мое восприятие стало почти обычным, если не считать, что я вновь могла ощущать прикосновения и ласки намного острее и ярче.

Но и о визите водника я не вновь не успела додумать, потому что снова раздались шаги, уже неспешные, даже чересчур медленные, и в перекосившуюся дверь протиснулся нарушитель моего спокойствия. Он прошел до низкого деревянного кресла и уселся в него, уперев локти в разведенные в стороны колени, и опустив подбородок на сжатые кулаки. На меня не смотрел, но я и так видела, что Скай растерян и мрачен. Похоже, собственное поведение поставило мужчину в тупик.

— Меня выматывает происходящее, — как-то устало заговорил он, потеряв пальцами переносицу. А я, наконец, обратила внимание на то, как водник выглядит. На нем были надеты штаны, и, кажется, надеты наспех, потому что поясной ремень, болтался незастегнутым. Рубаха на выпуск, голенище одного сапога приспущено. Перевела взгляд выше и невольно хмыкнула. Волосы Аквея были взлохмачены, похоже, еще со сна. То есть он вскочил, наскоро оделся и кинулся сюда, чтобы... Чтобы закатить мне сцену ревности? Великая Тьма! — Всё изменилось. — Продолжал Скайрен. — Всё. И не только родовая сила. Мое восприятие... Мысли. Мои потребности. Тьма, я даже не уверен, что люблю Эйви также сильно, как раньше. Она мне кажется иной, словно я смотрю на нее теперь совсем другими глазами.

— Разочарован?

Он повернул голову в мою сторону и неопределенно пожал плечами.

— Скорей, удивлен и раздосадован. Но понимаю, что это всё из-за того, что ты опоила

меня. Эйволин милая чистая девушка. Наивная и...

— Безыскусная, пустая, глупая? — подсказала я, не став скрывать иронию.

— Что ты знаешь о ней, чтобы судить, Игнис? — раздраженно спросил Скай.

Теперь я пожала плечами.

— Ничего не знаю. Но мне четыреста тридцать пять лет, и я хотя бы немного научилась разбираться в людях...

— Сколько? — потрясенно спросил Аквей.

— Вечно молода, Скай, — искренне рассмеялась я, глядя на округлившиеся глаза водника.

Он еще некоторое время смотрел на меня и вдруг рассмеялся в ответ, а я с удивлением слушала приятные бархатистые переливы его смеха, и на губах моих блуждала улыбка, очень надеюсь, что не слишком глупая. Тьма! Да что со мной происходит?!

— Так ты древность, Игнис! — воскликнул Скай.

— Но-но! — я сбросила зарождающееся раздражение и погрозила ему пальцем. — Однажды я вернусь, и ты сильно пожалеешь о своих словах.

Водник оборвал смех и отвернулся. Я видела, как поджалась его губы, но что-либо отвечать Аквей не спешил, и тогда спросить решила сама.

— Скай, — позвала я и замолчала, смакуя его имя на языке.

— Что? — бесцветно спросил водник, не оборачиваясь.

— Почему ты примчался? По всему видно, что ты вскочил с постели и побежал сюда. Что произошло?

— Хотел бы я и сам это знать, — усмехнулся мужчина и все-таки вновь посмотрел на меня. Затем с явной неохотой продолжил: — Не знаю, правда. Вдруг появилась уверенность, что ты с кем-то, ну, — он замялся, — ты понимаешь, что я хочу сказать. Теперь пытаюсь понять, почему меня это так... взбесило. Глупость какая-то. Мне нет никакого дела до того, с кем ты и... Стоять! — я подпрыгнула на кровати, поправила сползшее с плеч одеяло и вопросительно посмотрела на хозяина замка.

— Но ведь платье и вправду разорвано. Где оно?

Тон водника стал сухим и колючим. Он вновь оглядел комнату и сузил глаза, когда добрался до моей кровати. Я опустила взгляд на бесформенную тряпку, лежавшую у меня в ногах, но прежде, чем успела взять ее в руки, рядом со мной уже стоял Аквей. Он подхватил остоу платья, развернул и задумчиво повертел в руках.

— Разорвано. Нет надрезов, рвали сразу. Ткань плотная, добротная, так запросто не разорвешь, нужна немалая сила. Вряд ли кто-то из моего замка смог бы это сделать, — всё это водник говорил сам себе. Рассуждал, кажется, забыв о моем существовании. — Кое-где ткань подгорела... Тебе бы не хватило силы, слишком слабая. Возможно, я бы смог порвать... наверное. Любопытно.

Он развернул к себе платье уцелевшей стороной, усмехнулся и... измученное платье окончательно разлетелось на две половины. Правда, вышло это у Скай не сразу, пришлось приложить некоторое усилие, но надрезов делать не потребовалось.

— Отлично, — с издевкой произнесла я, — теперь у меня есть целых два полплатья, обрастаю вещами. Еще немного, и ты выделишь мне целую гардеробную.

— Вполне возможно, если учесть, с какой скоростью мне приходится искать для тебя новую одежду. — Усмехнулся Аквей. Но поджал губы, и взгляд его стал тяжелым. — Итак, нечеловеческая сила, огонь... Как?

— Что как? — не поняла я.

— Как это могло произойти? В замке Его не было, точно знаю. Ты замок не покидала, с некоторых пор я могу точно понять, где ты и чем занимаешься, даже без Венна. Хорошее имя, кстати. — Мотнул головой, возвращаясь к начатому разговору: — Как твой хозяин смог это сделать? — Скай вдруг встрепенулся, и взгляд его стал хищным. — Он идет за тобой? Понял, где искать?

Я задумалась, сказать ли воднику, что Вайторис может нагрнуть сюда уже через пару минут? И не сказала, решив пока помолчать. Но моего ответа Аквей особо и не ждал. Он сумел сделать верные выводы, этот маг вообще был мастер делать верные выводы, только вот понять, что же все-таки происходит с ним и вокруг него, он сам не мог, а я помогать и подсказывать не собиралась. Не дай Хаос, это как-то станет известно моему Господину, и тогда мне точно придет окончательный конец, а так еще остается надежда потрепыхаться сотенку-другую лет. Древность... Негодяй и невежа!

— Это как тот сон, который мы видели вместе, да? — прервал мои мысли водник. Он ожесточенно потер лицо, пнул несчастные полплатья, горячо воскликнув: — Как же я хочу во всем этом разобраться! Меня бесит непонимание происходящих перемен!

— А мне бы еще немного поспать, не возражаешь? — вот теперь я все-таки почувствовала раздражение.

— Не терпится снова оказаться в его объятьях? — ядовито спросил Аквей и, прорывав нечто невнятное, окончательно покинул мои комнаты.

Я упала обратно на подушку, закинула руки за голову, несколько мгновений смотрела в потолок и вдруг расхохоталась. Перед внутренним взором стоял взлохмаченный, кое-как одетый водник, сверкавший глазищами и оравший на меня. Раз за разом я прокручивала в голове момент, когда дверь выворачивает от сильного удара, и в комнату влетает Скайрен Аквей, требуя от меня ответа. Нелепо, невероятно, непостижимо! Но я поняла, что мне нравится то, что я увидела. И чтобы не велел мне Господин, но мысли упорно сворачивали не к Хозяину, а к его бывшему пленнику.

Смех, веселый и искренний оборвался в одно мгновение. Я закрыла глаза и протяжно вздохнула. Великая Тьма! Кто тот насмешник, кто решил поиздеваться над всеми нами и переплести наши судьбы в один жгут. Почему я оказалась тем стержнем, вокруг которого закручиваются события? Да и стержень ли я, или всего лишь песчинка, потерявшаяся в Изломе бесконечного Хаоса? По собственной ли глупости, продиктованной сиюминутным желанием ощутить вкус вожделения своей игрушки, или есть та высшая сила, которая решила, что мы слишком застоялись в привычном мирке и пора его изменить? Даже Вечный оказался втянут в водоворот перемен, началом которого стала первая капля моей крови, упавшая в кубок с недопитым вином. Что ожидает этот мир, кто теперь может предсказать? «И снова рой вопросов»...

Шорох у дверей привлек мое внимание. Искра сидела у порога и смотрела на меня своими глазками-бусинками. За ней возвышалась голова змея, глазевшего на меня с ожиданием. Усмехнувшись, я похлопала ладонью по кровати рядом с собой, и мое зверье рвануло, не дожидаясь повторного приглашения. Крыса запрыгнула на постель, но голова Венна бухнулась сверху, едва не придавив Искру. Она возмущенно пискнула, и я усадила крысу себе на живот. Змей мгновение смотрел на крысу, фыркнул и ткнулся мне в руку, требуя свою порцию ласки. Они всё еще воевали за мое внимание, и это вызвало улыбку, а следом очередной протяжный вздох.

«Ты позволила себе чувствовать», — Господин был недоволен мной. Как бы он не потребовал свернуть Искре шею, чтобы избавиться от ненужной привязанности. Не хочу терять эту маленькую поддержку среди тех, кто ненавидит меня. Поджала губы, осознавая, что меня кольнула мысль о всеобщей неприязни.

— Какая глупость! — воскликнула я, всполошив свою живность, млевшую под моими машинальными ласками.

Похоже, человечность и вправду играет со мной злую шутку. Я люблю глазами водника, спасаю крысу, утаиваю от Господина появление новой сущности этого мира — водяного змея. Скрываю изменения, которые происходят с Аквеем... Впрочем, это я делаю ради сохранения собственной жизни. Как только я окрепну, я убью Ская Аквея, забуду об Искре, о Венне и о своей ненужной и опасной тяге к воднику. И очень надеюсь, что с его смертью притяжение исчезнет. Бесконечный Хаос! Зачем я вообще связалась с водником? Почему выбрала именно его? Только ли за этот насмешливый и высокомерный взгляд, которым он смотрел на меня в тот день, когда очередная попытка свергнуть Вечного закончилась ожидаемым провалом? Веки вновь сомкнулись, и воспоминания унесли меня в прошлое...

Я вошла в каменную сумрачную залу, освещенную лишь факелами, привлеченная густым запахом гнева, ненависти и страха. Он особенно хорошо ощущался горчинкой на языке. Стража молча распахнула передо мной тяжелые створы, не посмеяв перечить. Я шагнула в залу, и стук каблучков разлетелся гулом под высокими сводами, привлекая ко мне взгляды всех, кто находился внутри.

Вайторис, восседавший на своем троне, иронично вздернул бровь, наблюдая за тем, как я жадно втягиваю воздух, после сделал неопределенный жест, который я расценила, как приглашение, и прошла дальше. Неспешно, насыщаясь новыми нотками, расчертившими полотно эмоций свежими штрихами. Любопытство, опаска, пренебрежение, новая вспышка ненависти и неожиданный росчерк, едва уловимый, но приятный — любование. Уловив этот аромат, я подняла взгляд на Господина, он следил за мной, едва заметно улыбаясь. Так, наверное, следят за дитятей, готовым совершить шалость, о которой знают и молчаливо поощряют, ожидая ее.

Я склонила голову, отвечая Вайторису, и прошла к нескольким мужчинам, застывшим изваяниями перед тронем Вечного на коленях. За их спинами стояли стражи с занесенными мечами, готовые опустить клинки, как только суд Господина будет окончен. В чем обвиняют этих мужчин, я знала. Про то, что нашлись новые смельчаки, решившие, что смогут сделать то, что никому не удалось до них, Вайторис мне говорил. Мы даже наблюдали пару раз за их сборами и походом сквозь Грани. Сколько человек было в их рати? Тысячи три-пять? Сейчас вспомнить сложно, такое я никогда не запоминала. Смотрела на то, как множество живых мертвецов идут слаженными рядами к своей смерти, и думала, чем развлечься сегодня.

Сражение произошло, где обычно — под стенами черного замка, Господин всегда позволял отчаянным головам приблизиться, а потом захлопывал ловушку, со вкусом изничтожая войско и оставляя для последней забавы вожаков. В этот раз их было пятеро. Я обошла их по кругу, отмечая, что присутствуют представители всех стихий. Их всегда было легко различить. Магия определенной стихии накладывает отпечаток на внешний облик.

Водники — светловолосые и синеглазые. Интенсивность цвета глаз указывало на уровень силы, волосы на конкретный источник, с которым работал маг. Чем светлей глаза, тем ниже уровень. У водника, находившегося в зале глаза оказались насыщенного синего

цвета, у второго цвет глаз был светлей, больше уходя в голубой, но волосы белоснежные. Снег — источник, поняла я. Они работает со всем, где есть хоть капля воды. Значит, мог сотворить метель посреди жаркого лета, сковать льдом, закружить в снежном буране, но льдом не скуешь. Первый водник, скорей всего, использовал воду в чистом виде, но, судя по интенсивной синеве его глаз, мог из капли создать полноводный поток. Пусть временный, но мощный.

Следом за водниками стоял воздушник. У этих тоже были светлые волосы, но глаза всегда зеленые, также разных оттенков. Передо мной на коленях стоял мужчина средних лет с глазами цвета летней листвы, темными и умными. Он глядел в ответ спокойно, но быстро отвел глаза и больше не смотрел. Я втянула носом воздух и уловила смятение. Усмехнулась и перешла к представителю земной магии.

Эти, пожалуй, самые яркие представители нашего мира, если не считать огневиков. Цвет волос земляных может быть черным, как ночь, а может граничить с рыжим. Это тоже определяет их источники и проявление силы. Цвет глаз, в основном, зеленый и карий, и как у всех остальных магов интенсивность цвета указывает уровень. Тот маг, на которого смотрела я, был темноволос, но не до черноты, имел темно-карие глаза и смотрел он ими равнодушно, но когда меня обманывало равнодушие? Я уловила толику затаенного страха, который маг умело скрывал. Впрочем, они все были испуганы в той или иной мере. Кто за жизнь, кто за близких, кто за свои земли. Но помимо страха в земляном полыхала ненависть. Ее он прятал хуже, и скрежет зубов я слышала. Шумно втянув носом запах эмоций этого мага, я перешла к огневику.

Ярко-рыжие волосы казались еще одним факелом, освещавшим залу. Живым факелом с медовыми глазами. Их лукавый прищур заставил изломить бровь в легком недоумении. Огневик осмотрел меня с ног до головы нарочито медленно, оценивающе, после усмехнулся и тут же получил рукоятью меча по затылку от стражника. Огневик упал вперед, едва не толкнув меня головой. Я равнодушно проследила за алой струйкой, окрасившей волосы и стекшей из раны на затылке на шею мужчины, после на каменный пол. Поддержала подол, чтобы не испачкать его в крови, и снова прошла вдоль мужчин.

Маг, чьей стихией была земля, так больше не поднял глаз и остался мне неинтересен. Беловолосый водник поджал губы. Он бросал на меня взгляды украдкой, и я снова остановилась перед ним. Подцепила пальцами подбородок, склонила голову к плечу и взглядела в глаза. Что я там увидела? Презрение, но больше показное, потому что водник был испуган. И всё же он мотнул головой, освобождаясь от моей хватки, и сплюнул мне под ноги. Стражник, стоявший за ним, замахнулся, но я сделала жест и остановила воина. Накрыла голову мага ладонью и сжала пальцы, собрав белоснежные волосы в кулак, рывком оттянула голову мужчины назад и снова заглянула в глаза, вытягивая на поверхность самое сильное его чувство в это мгновение — страх. Усилила его, взрастив до размера ночного кошмара, и это чудовище, уродливое и прожорливое, накинлось на пленника, уничтожая ту искру надежды, что еще теплилась где-то на задворках сознания.

— Нет, — прохрипел водник, — нет... пожалуйста...

Из его глаз покатались слезы. Я поймала одну из них кончиком пальца, слизнула соленую каплю и тихо застонала под напором аромата страдания и ужаса, всё более завладевающим сознанием молодого и сильного мужчины. Он отдавал мне всё до капли, щедро делился тем, что переживал в это мгновение. Я не знаю, что он видел, но паника вдруг захлестнула водника. Отпустила его и сделала шаг назад, с ленивым интересом

наблюдая, как пленник повалился на пол, вцепился пальцами себе в волосы и заорал нечто бессвязное. Он голосил, я поглощала эмоции, лившиеся из водника полноводным потоком.

— Тварь! — вдруг сорвался маг с темными волосам. Землевик попытался вскочить на ноги, но удар стражника по затылку оглушил мужчину и он застонал, схватившись за голову. — Бездушная тварь, — разобрала я и слизала с губ привкус чистой ненависти.

— Ей всё равно, что ты скажешь о ней, Лайнс, — услышала я и повернула голову к синеглазому воднику, смотревшего на своего товарища. На скулах его двигались желваки, но взгляд бездонных глаз, когда он вскинул голову, оказался равнодушным. Он всего мгновение смотрел на меня, кривя губы в насмешке, затем отвернулся и выплюнул: — И все-таки всего лишь псина у ног своего хозяина. Породистая сука и не больше.

Я оставила беловолосого водника плавиться в его безумии, уже похравшем сознание, и неспешно подошла к оставшемуся воднику.

— Добей, — велел Вайторис, и надрывный крик беловолосого водника смолк, когда воин Господина одним ударом меча отделил голову от тела.

— Чтоб ты сдох, Темный! — снова заорал землевик. — Чтоб ты сдох и твоя сука вместе с тобой! Твари без души и сердца! Чтоб вас пожрал Хаос! Ненави...

Крик захлебнулся в кровавом бульканье, когда другой воин перерезал глотку магу, повинуюсь жесту Господина. Но я смотрела только на водника, больше ни на что не обращая внимания. Он ответил гордым, даже высокомерным взглядом. Не отвернулся, не опустил глаз и не поморщился, когда я потянулась к его затаенным чувствам, пробуя их на вкус. Я рассматривала пленника, он меня. Зачем-то отметила, что мужчина красив, кажется, даже мгновение любовалась правильностью его черт, дышащих внутренней силой и достоинством.

Он лишь покривился, когда я склонилась к нему, чуть отпрянул и усмехнулся:

— Кусай, шавка.

Но я не спешила. Продолжала рассматривать пленника, вдыхая полной грудью целую смесь эмоций, обуревавших его. Молчание затягивалось.

— Чем ответишь, Игнис? — любопытствовал Господин.

Я выпрямилась и обернулась к нему. Вайторис вопросительно поднял бровь.

— Отдай его мне, — попросила я.

— Хочешь растянуть удовольствие?

— Да, мой Господин, — я склонила голову, ожидая решения Вечного.

Вайторис хмыкнул и махнул рукой:

— Он твой, мое пламя. Забавляйся.

— Благодарю, Господин. — После вновь обернулась к пленнику и успела увидеть, как его глаза полыхнули жгучей ненавистью, но уже через мгновение синеву сковал лед равнодушия. Ложь, которая не могла меня обмануть. Я сжала подбородок водника двумя пальцами и склонилась к его лицу, шепнув: — До скорой встречи. — После велела воинам: — Уведите.

— Будь ты проклята, — ответил пленник и позволил страже увести себя, не предпринимая глупых и бесплодных попыток вырваться...

Крысиный писк вернул меня назад в маленькую комнату. Венн развернулся в сторону двери, Искра спрыгнула с моего живота и застыла столбиком на краю кровати, я тоже посмотрела на дверь и удивленно приподняла бровь, глядя на пожилую женщину в фиолетовом платье. Платье было другим, но цвет тот же, и массивные перстень сидел на том

же пальце, что и вчера. Тетя Аквея смотрела на меня через перекошенную дверь.

Она не спешила войти, не вздрогнула, когда я повернула к ней голову. Стояла и смотрела, не моргая и, кажется, не дыша. Змей подполз ближе и замер, наблюдая за неожиданной гостьей. Искра повернулась ко мне, но я не обратила на нее внимания, и крыса опять уставилась на водницу. Женщина протянула в мою сторону руку ладонью вверх, словно хотела позвать за собой, или просила помощи. Вдруг уронила ее, бессильно свесила голову на грудь и, покачнувшись, едва внятно произнесла:

— Ошибка, всё ошибка. Она погубит, всех погубит.

— Что ты там говоришь? — спросила я.

— Слишком много Тьмы, — продолжала женщина, не слушая меня. — Лучше бы мне не дожить до этого дня, лучше бы умереть...

— Это легко устроить, — усмехнулась я. — Что тебе нужно, старуха?

Глаза водницы сверкнули фиолетовым всполохом, и она растянула губы в ухмылке:

— Я младенец рядом с тобой, отродье.

Затем развернулась и побрела прочь, продолжая бормотать себе под нос: — Ошибка... Я ошиблась... Мой бедный мальчик...

Я послушала, как ее каблуки стучат по металлическим ступеням, потерла подбородок и посмотрела на Искру:

— Ты что-нибудь понимаешь?

Крыса пискнула и метнулась ко мне, прижалась к боку и затихла.

— Вот и я не понимаю. Безумная карга, — и снова улеглась, но ни подумать, ни уснуть не получилось.

Вскоре появилась прислуга. На меня никто не смотрел, не шептался. Люди быстро и четко выполняли свои обязанности под бдительным надзором моих стражей. Искра вновь стояла столбиком на краю кровати, Венн свернулся клубком перед моим ложем, я лежала, закинув руки за голову, и ждала, когда слуги уберутся прочь. Их мельтешение мне мешало. Служанки наполнили лохань водой, принесли несколько платьев, поставили на стол завтрак, забрали останки вчерашнего платья, слуги поправили дверь и исчезли, так и не произнеся ни звука.

— Ну, вот и новый день, — сказала я, как только за прислугой закрылась дверь. — Осталось ждать на шесть даров меньше.

Хотя о чем это я? Если Вайторис уже понял, где меня искать, возможно, завтрашний день не наступит не только для Аквея и его людей, но и для меня, потому что Господин узнает обо всём, что я сотворила, и порвет меня, как бедное платье. «Не для того я столетия создавал тебя по своему образу и подобию...». А для чего создавал? Может, я зря опасаюсь, и мне ничего не угрожает, кроме очередного наказания? Не проверишь, не узнаешь, так? А проверять желания нет. Вот нет его, этого желания, и всё тут. Тьма! Я и сама не знаю, как лучше поступить.

Вздыхнула и выбралась, наконец, из-под одеяла, в который раз с тоской вспоминая времена, когда за меня всё решал Вайтор. Он точно знал, как нужно поступить, что мне нужно сделать, когда говорить и что. Мы жили одним умом, его умом, а теперь я должна научиться принимать решения, которые так или иначе отразятся на моем будущем... если оно для меня предусмотрено, конечно.

— Хм...

Я обернулась к змею и задумчиво посмотрела на него. Любопытно, что сделал бы со

мною водник, если бы ему все-таки удалось одолеть Вайториса? Почему-то об этом я ни разу не задумалась за дни своего пленения. А это отнюдь не мелочи. Оставлять меня в живых не за чем, и значит, мой путь лежит в ледяные просторы Хаоса вслед за Господином. Что сделает со мной Хозяин, когда поймет, что я усложнила ему жизнь, и реальность изменилась, породив новые Отражения? Накажет или убьет? Что мешает Вечному создать новую Игнис и подождать еще несколько столетий? Что для него эти четыреста лет? Одно мгновение, песчинка в океане его бесконечной жизни. Даже я не заметила, как пролетели годы, пока покорно служила своему создателю. Вроде только вчера смотрела с восторгом на красноволосого мужчину, произносящего: «Имя твое — Игнис», а вот я уже и «древность».

— Хоть бы пока не нашел, — проворчала я, вытираясь мягким полотном, как только закончила омовение.

Да уж. Лучше мне явиться к нему с головой Аквея в руках, как доказательством моей преданности.

— Хм-м... — протянула я снова, завязывая пояс на платье.

Не стоит ли пока встать на сторону водника и помочь ему уйти от Вайториса? Бой он проиграет, тут сомнений нет. Во что бы сейчас не превращался Скай, но он по-прежнему дитя перед Вечным. Сколько людей под началом Аквея? На черный замок он шел с объединенным войском, где соединились все стихии, но и этого не хватило, чтобы одолеть рать Господина. Одни браннеры — огненные твари Вайториса превратят замок водника в пыль вместе со всеми его обитателями. Вайтору останется только взять меня за шкварник и потрясти, чтобы потом превратить в прах, не дожидаясь тридцатого дня. Но если Господин узнает, что я помогаю Скайрену, мне точно не жить...

— Что делать-то? — спросила я у Искры, запрыгнувшей на край стола и ожидавшей, когда я поделюсь с ней завтраком. Венн сглотнул и посмотрел на дверь. Я милостиво махнула рукой: — Ползи, завтракай.

Змей дополз до двери, свернулся клубком, но так и не покинул меня, только принюхивался, ожидая, когда хозяин вспомнит, что его создание питается не воздухом. Впрочем, долго ждать не пришлось, кормушку для змея принесли, когда мы с Искрой только закончили завтракать и, сытые и благодушные, уселись на подоконнике и любовались видами в узкое окошко.

— Венн, — донеслось из-за двери, а затем дробный топот подсказал, что прислуга сбежала, как только поставила кормушку.

Змей шлепнул хвостом по полу и утек в щель под дверью набивать свою утробу. Мы с Искрой переглянулись и вернулись к просмотру внутреннего двора. Я проследила за прачкой, тащившей корзину с бельем, и мысли мои вернулись к ближайшему будущему. Рискнуть или покорно ждать развития событий? Что я выигрываю, помогая Скаю? Несколько дней спокойной жизни точно. По крайней мере, пока не проснутся дары, дающие мне силу, пока не проснется огонь, и я снова не начну слышать зов Граней... Нет, последним пользоваться не стоит. Если уже появились Отражения, то меня может занести в них, и тогда я рискую вообще не найти дорогу к черному замку. Хотя для этого достаточно дожидаться, когда вернется дар имени моего Господина, и он заберет меня даже из Отражений.

Что ожидать от Вайториса? Если заберет меня сегодня, то вспомнит мою беготню от него во сне. Прибавим к этому то, что я пыталась исказить свои воспоминания, умолчала о змее, то есть о следствии изменения Реальности, о причине изменения Реальности тем более, да вдобавок ко всему моя связь с водником и чудом до сих пор не случившаяся

близость, если не считать первого сна... Великая Тьма! А ведь Господин всё это вытрясет из меня, и какими способами, я не берусь предугадать... Мне точно конец.

Нет-нет, не могу я пока вернуться. Пусть переберется, пусть направит весь свой гнев на Аквея, он и так уже считает его Злом Изначальным. Лучше я стану в его глазах жертвой, но не главной виновницей происходящего. Нужно всего лишь выказывать тоску и стремление вернуться. И мысли свои заполнить образом Господина. Нельзя больше допускать прежних ошибок. Сегодня его ярость принесла мне боль и удовольствие, завтра может остаться только боль, а от Его боли меня не спасет ни один дар. Да, нужно тянуть время. Но чтобы его тянуть, нужно чтобы водник не попался слишком рано. И открытые подсказки приведут к закономерному финалу. Петля замкнется, и я вновь буду виновата. Нужно избежать этого. Значит, моя помощь не должна быть нарочитой. А как заставить кого-то делать то, что ты хочешь?

Я ухмыльнулась и зажмурилась от удовольствия — нужно всего лишь быть Игнис Сиел, темной без стыда и совести. Ну, этого у меня давно уже нет, несколько столетий так уж точно. Эту шелуху Господин сорвал с меня в первую очередь. Помню, когда мы уже стали близки, и я поняла, что утехи на ложе — это единственное, что Вайторис готов дать мне, заменив наслаждением мечты о любви, он прислал мне наряд и велел явиться к нему в этом в тронную залу, где собрались его приближенные.

Я взглянула на переплетение из тончайших золотых нитей, невесомых, как паутинка. Ни обуви, ни нижнего белья, только подобие одежды, не скрывавшее моей наготы. К платью прилагалось только одно украшение — диадема, и она подразумевала высокую прическу, так что надежда на то, что волосы скроют меня, рухнула в то же мгновение, как я взяла в руки диадему. И пока я колебалась и раздумывала, как могу обойти приказ, мне передали, что Господин ожидает меня немедленно, и любая задержка и попытка не исполнить просьбу повлечет за собой наказание. Стоит ли говорить, что к выходу я готова была очень скоро?

В тот момент, когда я вышла из покоев Повелителя, мне казалось, что ниже упасть уже некуда. Золотые плетения колыхались при ходьбе, открывая мое тело с разных сторон. Грудь почти не скрывал глубокий вырез, а затвердевшие соски и вовсе торчали сквозь паутинку нитей. Тогда я думала, что никогда не смогу забыть, как на меня пялились все, кто попадался на пути, и то молчание, воцарившееся в тронной зале, когда я вошла в распахнувшиеся двери. На меня смотрели все, кто изумленно, кто украдкой, чтобы не разгневать Господина, а сам Вайторис восседал на своем исполинском троне и довольно улыбался, глядя, как я шествую к нему, не сводя с него взгляда. И когда опустилась перед тронном на колени, он лишь мазнул по мне взглядом, велел подняться с колен и оказать честь гостям его замка, лично наполнив их кубки вином.

Тот вечер я выдержала, но после умоляла больше не заставлять меня показываться на людях в таком виде. На следующий прием я пришла лишь в одном ожерелье. И так продолжалось до тех пор, пока я, услышав очередной подобный приказ, не начала пожимать плечами и входила в залу так, словно на мне был надет лучший из нарядов.

— Твое тело совершенно, Игнис. И показывая другим то, что принадлежит мне, ты не падаешь в пропасть, ты возносишься на вершину самой высокой из гор, окружающих нас. Тебе не нужны ухищрения, чтобы подчеркнуть красоту, ты сама красота.

И я начала гордиться своим телом и лицом, получая удовольствие от мужских взглядов, полных вожделения и женских, наполненных ядом зависти и неприязни. А еще от того, что меня не могло коснуться ни чужое желание, ни зависть. И единственный раз, когда один из

приглашенных в замок мужчин, опьяненный вином и моей наготой, забыл осторожность и попытался овладеть мною в темном углу пиршественной залы, закончился тем, что после того, как бедолага притронулся ко мне, он прожил всего пару мгновений. Ровно столько потребовалось Вайторису, чтобы оказаться рядом и собственноручно свернуть шею наглицу. После этого я ощущала жар от похотливых взглядов, но никогда от чужой страсти. Господин преподавал мне много уроков, и пришло время вспомнить некоторые из них, ну, или воспользоваться их плодами.

Прихватив Искру, я соскочила с подоконника, усадила крысу на плечо и направилась к выходу. Венн оторвался от кормушки, когда я вышла из комнаты.

— Поел? — спросила я.

Змей застучал хвостом, занервничал, но я лишь махнула рукой:

— Я тебя не заставляю идти с нами.

Венн проворчал что-то и снова уткнулся в кормушку, но уже на втором пролете железной лестницы он догнал нас с Искрой и деловито пополз рядом, наверное, ободренный тем, что за нашу вчерашнюю вылазку ему не влетело. Аквею хватило забот и без своего создания. То мой приступ похотливости, то цветок, то невеста. Он и сопровождал-то меня в новое обиталище, не проронив ни слова. Так что мы с моей маленькой ратью могли позволить себе повторную наглость.

Прислушалась к себе и улыбнулась, обнаружив местонахождение Скайрена. Сегодня я никуда не спешила, чувствуя, что водник сам придет ко мне. Я шла по галереям и коридорам замка, с интересом рассматривая гобелены, картины, статуи, расставленные в нишах. Наблюдала за людьми, попадавшимися мне навстречу. Люди тоже наблюдали за мной, но без праздного любопытства, как я. Они спешно убирались с дороги моего маленького отряда, ныряли в боковые коридоры, прятались за двери, жались к стенам и бросали на меня злые взгляды. А я улыбалась. Вот просто улыбалась и чувствовала себя хозяйкой замка, потому что никто не смел преградить дорогу, когда рядом полз Венн, зорко следивший, чтобы никто не посмел приблизиться к узнице. Это было даже забавно — пленница разогнала хозяев.

Свой поход я приостановила возле портрета молодого мужчины, показавшегося мне смутно знакомым. Белоснежные волосы, голубые глаза... Я прищурилась, склонила голову к плечу и потерла подбородок, пытаюсь понять, кого он мне напоминает...

— Эйвилон Аллиерт, — раздался за моей спиной незнакомый голос. — Друг Скайрена и брат его невесты Эйволин. Он погиб в стенах Черного замка.

Я обернулась и посмотрела на мужчину-мага. Он мне тоже показался смутно знакомым, но понять, откуда я его знаю, не смогла.

— Имел честь вчера целовать вас, магиана Сиел, — хмыкнул водник. Страх в его глазах я не увидела, скорей, интерес.

Я развернулась к мужчине всем корпусом и сделала к нему шаг, остановилась почти вплотную и посмотрела снизу вверх.

— Стало быть, господин водный маг, целовать меня для вас честь? — полюбопытствовала я. — И почему же вы всё ещё живы?

— Мне стоило умереть от счастья? — широко улыбнулся водник.

— Скорей, от стыда, а вы сияете, подобно начищенному золотому. Уж тому ли господину вы служите?

— Если бы я служил вашему господину, то вряд ли мне выпало счастье ощутить силу страсти самой Игнис Сиел, — не смутился мужчина. — Похоже, я все-таки на верной

стороне.

Я сделала шаг назад и вновь склонила голову к плечу, прошлась по воднику изучающим взглядом, после выпрямилась и спросила, указав себе за спину:

— А вы дружили с Эйвилоном Аллиертом?

— Мы были дружны, — более осторожно ответил маг.

— Но для вас честь целовать меня?

— Целовать само воплощение Зла? О, да, — он сократил разделяющее нас расстояние. — Вы знали, что даже ваши враги мечтают о вас, Игнис? Породил ли вас Хаос или вдохнула жизнь Тьма, но сотворил они вас на диво совершенной. Лицом, — он коснулся моей скулы костяшкой согнутого пальца, — и телом.

Мужская ладонь легла мне на талию. Водник склонился ниже, намереваясь повторить вчерашний опыт и... Змеиный хвост захлестнул его шею. Рывок, и маг отлетел от меня, ударился спиной о противоположную стену, а я встретилась взглядом с потемневшим взором глаз-озер.

— За какой Тьмой? — ледяным тоном спросил меня Скай.

— Что именно? — уточнила я.

— За какой Тьмой ты творишь? — внес ясность Аквей и обернулся к моему незадачливому поклоннику, бросив: — Поговорим позже. Исчезни.

Тот спорить не стал. А кто бы стал, если над тобой нависает разверстая пасть гигантского змея, между ног сидит крыса, успевшая спрыгнуть с моего плеча, когда появился хозяин замка, и сам Скайрен смотрит слишком пристально, чтобы обманываться его видимым спокойствием? Водник, чьего имени я так и не узнала, поднялся с пола и исчез так быстро, насколько ему позволила боль в теле от удара о стену. Но уже почти свернув за угол, он обернулся и произнес одними губами, пользуясь тем, что Аквей снова смотрит на меня: «До встречи».

Я усмехнулась, и мой похититель обдал очередной порцией холода:

— Тебя что-то веселит в произошедшем, Игнис?

— Только твое своевременное появление, — ответила я. — Боюсь, если бы я выцарапала глаза наглецу, меня бы твои люди сожгли вместе с замком. Кто же поверит, что воплощенное Зло всего лишь защищалось от похотливого мерзавца, решившего, что женщину можно лапать против ее желаний?

— Что-то я не заметил, чтобы ты была против, — ядовито ответил водник.

— Ты просто не досмотрел, — хмыкнула я. — Правда, Скай, на твоих людей я не покушаюсь. Мне хочется жить, а Господин, знаешь ли, никогда не страдал от приступов жалости и прощения.

Взгляд водника, чуть смягчившийся, вновь стал колючим. Он посмотрел на портрет Эйвилона Аллиерта.

— А ты, Игнис? Что ты знаешь о жалости? — спросил он, глядя на беловолосого водника.

— Я давно забыла, что это, Скай, — ответила я, тоже глядя на изображение мертвеца.

— Господин вытравил из меня все чувства, и жалость была одной из первых.

— Но крысу ты пожалела, — Аквей развернулся ко мне. — Почему ты ее спасла?

Я пожалала плечами. У меня и вправду не было ответа.

— Это вышло как-то само собой, — сказала я. — Может, потому что Венн тогда был мне врагом, и Искра оказалась в ловушке, как и я.

— Искра... — Скайрен усмехнулся. — Забавно.

— Что — забавно?

— Всё, — ответил он и отошел от портрета. — Забавно, странно и отвратительно в равных долях. Передо мной стоит чудовище, выжигавшее целые деревни лишь за то, что они не смогли заплатить своему Господину требуемую дань из-за неурожая. Бездушная сука, убившая на моих глазах лучшего друга. Тварь, издевавшаяся надо мной больше года, а я вижу красивейшую из женщин, которая спасает крысу, дает зверям имена, и они идут за ней, словно на привязи, готовые оберегать и защищать от любого, кто причинит ей зло. И эта женщина одинокая, слабая, хрупкая, но продолжает держать спину ровно, несмотря на то, что на ее плечи давит всеобщая ненависть. Я видел обе эти стороны одной сущности, но никак не могу совместить их. Жгуче ненавижу первую и не могу заставить себя злиться на вторую. Какая ты настоящая, Игнис Сиел? Что было до того, как Темный накинул на тебя удавку своей власти?

Я молчала. Смотрела на него и молчала, не зная ответов на вопросы. Какая я настоящая, кто бы сказал мне это... Я помню себя с момента, когда Господин дал мне имя, и очень смутно то, что было до возрождающего пламени. Раньше еще мелькали в памяти какие-то обрывки, теперь сплошной туман. Кем я была рождена? Простой смертной, магом? Кто были мои родители? Где я жила? Даже свой возраст до возрождения, я помню примерно. Пятнадцать или шестнадцать лет, но может было и меньше, а может больше.

— Ты не знаешь, — понял проницательный Аквей. — Он забрал у тебя даже память. Но что дал взамен?

— Себя, — ответила я и вновь перевела взгляд на портрет Эйвилона Аллиерта, вспоминая о том, что привело меня сюда. — Господин подарил мне бессмертие, вечную юность и красоту. Наделил силой, равной которой нет, и только Он превосходит меня...

— И где твоя сила, Игнис? — с нескрываемой иронией спросил водник. — Он забрал ее за единственный проступок, несмотря на четыреста лет собачьей преданности.

— Я нарушила главное правило, сила возмездия закономерна, — я пожала плечами. — Мое тело принадлежит Господину...

— То есть ты осознаешь, что понесла наказание заслужено, — Скай встал у меня за спиной. Не трогал, но я слишком остро ощутила его близость. Во рту вмиг пересохло, и я облизала губы, сжала кулаки, изо всех сил противясь тому, что пробуждалось в крови в это мгновение, однако бездарно проиграла этот бой и порывисто обернулась, тут же попав в капкан глаз-озер. Водник кривовато усмехнулся и сделал еще один шаг, оттеснив меня к стене. Его ладони уперлись в стену по обе стороны от моей головы, и легкая хрипотца, пробившаяся в его голосе, взволновала настолько, что я едва сдержала стон предвкушения. — Что ты сейчас осознаешь, Игнис? Ты всё еще помнишь о своем Господине?

— А ты, Скай? Что осознаешь ты? — голос упал до предательского полусшепота. — Ты еще помнишь о своей невесте, когда стоишь так близко ко мне?

Взгляд Аквея блуждал по моему лицу, наконец, остановился на губах, и он шумно втянул носом воздух:

— Я мало о чем помню, когда ты рядом. Меня тянет к тебе, Игнис, но это всего лишь морок, навеянный отравой, которой ты опоила меня. Однажды я найду противоядие, и всё станет, как раньше.

— Всё может закончиться раньше, чем ты думаешь, — я заставила себя не думать о том,

что от поцелуев водника у меня исчезает из груди весь воздух, и слабеют ноги. Разум, плавился от его близости, но я все-таки сумела думать о том, для чего искала Скайрена Аквея. — Господин избавит нас обоих от этого проклятого притяжения, как только войдет в замок и сотрет его с лица земли вместе со всеми обитателями. И с тобой, Скай.

Водник оттолкнулся от стены, выпрямился и отвернулся от меня. Я видела, как он тряхнул головой, приводя мысли в порядок. Еще бесконечно долгое мгновение боролась с желанием прижаться к его спине и ощутить тепло живого сильного тела, но снова сжала кулаки и, наконец, стряхнула хмель желания.

— Не станет тебя, исчезнет и наваждение, — уже более твердо продолжила я. — Я буду смотреть на то, как ты умираешь, и чувствовать, как ослабевает зов крови.

Мужчина стремительно обернулся. Глаза осветились бликом света, рука взметнулась вверх, и пальцы сжались на моем горле. Я вновь была припечатана к стене. Воздух со свистом прорывался сквозь стиснутые зубы, но в глаза своего похитителя я смотрела, не моргая, выдержав тяжелый пристальный взгляд:

— Значит, ты тоже считаешь, что смерть одного из нас станет избавлением для другого? Так есть ли смысл ждать появления Темного? Он уже знает, где ты, и придет, несмотря на то, жива ты или нет. — Я дернула руками, в желании вцепиться в сдавливающие горло пальцы, но вновь бессильно уронила их, замороженная силой, шедшей в это мгновение от Аквея. Она подавляла, подчиняла и... восхищала, несмотря на то, что я понимала — еще мгновение и всё... — Так может стоит прямо сейчас разорвать этот круг безысходности и вдохнуть полной грудью. Что скажешь, Игнис?

— Убей, — просипела я, — но это не спасет ни тебя, ни твоих людей. Он превратит эти земли в выжженную пустыню. Ты лишь добавишь огню ярости, но сам сгоришь в его сердцевине, наслаждаясь кратким миготом свободы от нашей связи. Но сначала ты увидишь, как умрут все, кто тебе дороги. Господин будет наказывать тебя постепенно. Сначала он уничтожит тех, кто служил тебе. Потом твоих друзей и родных. Затем ты будешь смотреть на то, как он выпивает Эйволин, и, поверь, она будет орать под ним от наслаждения, в миг забыв обо всех твоих ласках. Она добровольно отдаст Ему свою жизнь и умрет с Его именем на устах, даже не вспомнив о тебе. И лишь после твоего окончательного краха, он займется тобой, продлевая твою агонию столько, сколько посчитает нужным. И тебе нечего будет противопоставить ему, ведь всё, что тебе дала моя кровь, умрет вместе со мной. Но даже если ты оставишь мне жизнь, всё случится именно так, как я сказала, потому что ты слишком слаб и никогда не сможешь одолеть в бою Вечного и созданную им рать.

— Поглядим, — отрывисто бросил Скай. Он чуть сильнее сжал пальцы и отшвырнул меня в сторону.

Я упала на пол, с жадностью глотая воздух. Вени и Искра бросились ко мне, прижались, то ли жалея, то ли защищая. Змей обвил кольцами, скрывая от взгляда своего хозяина, но я выбралась из прохладного кокона и, отдышавшись, заговорила снова.

— Я столько раз слышала самоуверенные заявления тех, кто считался сильнейшими магами этого мира. И столько же раз я видела их бесславный конец. Отважные, благородные и отчаянные они гибли, избавляясь от иллюзий с последним вздохом. Ты думаешь, ты исключение, Скай? Ты такой же, как те дураки, которые возомнили себя равными Вечному, чья сила скапливалась бесконечно долго. Они были сильнейшими, но где они сейчас, где их слава? Кто помнит о них? Остался лишь ОН, и останется впредь...

— Даже камень можно расколоть ударом кулака, если знать, куда ударить, — глухо

произнес водник, не сводя с меня пристального взгляда. — Нужно лишь найти слабое место. И слабое место Вечного, ты, Игнис.

— Но он не умрет, если умру я. Он создаст себе новую Игнис, выпестует ее, и она займет мое место, вновь скрепляя броню Господина.

Скай мотнул головой. Его глаза лихорадочно блеснули, и водник, взъерошив себе волосы, взволнованно заходил от стены к стене, о чем-то задумавшись. Наконец, остановился и снова взглянул на меня.

— Я пойму, — произнес он. — Я найду верный путь, но нужно еще время. Мы покидаем замок.

— Как? — с фальшивым изумлением воскликнула я. — А как же великая битва и слава в веках?

— За мной, — скомандовал водник, пропустив мою колкость мимо ушей.

Он сделал несколько шагов, но остановился и снова обернулся ко мне, сузил глаза, но покачал головой, усмехнулся и продолжил путь, точно зная, что я иду следом. Чтобы Скай не собирался мне сказать, он это так и не произнес. Я следовала за ним, пряча довольную ухмылку. Скайрен Аквей обладал разумом и умел делать верные выводы, и это меня устраивало сейчас больше, чем когда-либо. Прости меня, Вайторис, но я вырвала из твоих зубов эту добычу. Тебе придется вгрызться в нее позже. На мгновение приостановилась. Я осмелилась пойти против воли Господина... Бесконечный Хаос! А неповиновение, оказывается тоже может быть приятным. Утереть нос Вечному? Почему бы и нет?

— Игнис! — рявкнул Скай, не оборачиваясь.

— Бегу, милый, — хмыкнула я и догнала его, ощущая сладкую судорогу от мысли: «Ой, что буде-ет». Но чтобы не было после, сейчас мое настроение было прекрасным, как никогда.

Это было похоже на стремительное бегство, впрочем, без излишней паники, словно обитатели замка Аквей уже ни один покидали свое жилище в спешном порядке. Скарба взяли мало, только необходимое. Никакого обоза, способного задержать в пути, всё, что могло пригодиться, приторочили к седлам лошадей. Тяжелых карет не было, как и груженых телег. Я даже не поняла, в какой момент замок опустел. Просто только что деловито гудел, как улей, полный пчел, и вдруг застыл необитаемой громадой.

Первыми исчезли слуги. И я так и не поняла, куда они ушли. То ли через подземные ходы, то ли через какую-то тропу в горах. И сколько не прислушивалась к разговорам Скай и его воинов, так и не уловила. Слышала о том, что все ушли, и следы надежно скрыты, и всё. Затем пропала стража и женщины из магов. Я не видела прощания с Эйволин, только слышала, как она всхлипывала за дверями кабинета, в котором я ждала, когда меня заберут, да что-то тихо ворковал водник, успокаивая свою невесту. Я в это мгновение скрипела зубами и рвала по странице какую-то книгу, попавшуюся под руку. Книга была, конечно, не причем, но злость я больше никак не могла излить. Или книга, или шейка водницы. Пришлось выбрать книгу, чтобы не ссориться раньше времени с Аквеем, хотя душа просила шейку Эйволин.

И когда замок стих, дверь кабинета открылась, и на пороге появился Скайрен в дорожном облачении. Он поманил меня, и я направилась к нему, воплощая собой само послушание. Но выйти из кабинета не удалось, водник перекрыл проход своей широкоплечей фигурой. Я вопросительно посмотрела на него, ожидая узнать, чего он хочет. Аквей взял в руку Искру, сидевшую на моем плече, пересадил к себе и распахнул ткань,

висевшую на его второй руке. Это оказался плащ, нежно-голубой, из дорогой ткани, который изумительно подошел бы к глазам Эйволин. Похоже, с хозяйкой плаща я не ошиблась и дернулась, когда Скай накинул его мне на плечи, невольно покривившись. Но водник не обратил на мою гримасу никакого внимания. Он скрепил плащ у меня на груди фигурной застежкой с голубым камнем, накинул на голову капюшон и вернул крысу мне на плечо.

— Идем, — коротко велел водник.

Венн, которого кормили перед дорогой, приветливо забил по полу хвостом, увидев меня.

— Зачем капюшон? — спросила я, но больше для того, чтобы не идти за своим похитителем молча.

— Во-первых, у водников не бывает черных волос и не стоит привлекать внимания, а во-вторых, укажи мне того, кто не мечтает свернуть тебе шею, — чуть насмешливо ответил Скай.

— Одного точно знаю, — усмехнувшись, ответила я, и водник обернулся, иронично изломив бровь:

— Темный не в счет, — сказал он.

— Я не о нем, — сказала я, испытывая какое-то мстительное предвкушение. — Я о том наглеце, который считает за честь целовать меня. Ну тот, которого вы со змеем отогнали от меня сегодня.

Глаза водника в одно мгновение потемнели, однако эмоции он спрятал, хоть я и заметила, что до равнодушия ему далеко, и это порадовало, потому что в ушах всё еще стоял его лепет с Эйволин. И вместо утреннего грома, грохотавшего в моем временном жилище, я услышала слова, сочащиеся ядом издевки:

— Не верь мужчине, превозносящему тебя, когда его мысли начинают и заканчиваются подолом твоего платья. Когда он задерет этот подол и избавиться от своего желания, разочарование может быть слишком горьким.

— А кто тебе сказал, что, задрав мой подол, он забудет о том, что под ним спрятано,

— произнесла я с ответной насмешкой.

— У тебя там что-то необычное? — изломил брови Аквей. Вдруг ухватил меня за руку, притягивая к себе, рывком развернул и прижал к груди одной рукой. Вторая отвела в сторону полу плаща, задрала подол платья, и горячая ладонь провела по обнаженному бедру, перебралась на его внутреннюю сторону и протиснулась между ног, заставив меня охнуть и плотней прижаться ягодицами к воднику.

— Ты солгала, Игнис, — хрипловатым полусшепотом, от которого задрожали колени, сказал мне на ухо водник, — там ты такая же, как все. — Он снова развернул меня, закинул ногу себе на бедро, но мысли сопротивляться даже не возникло. — И здесь,

— ладонь накрыла лобок, и мужские пальцы несильно потянули за волосы, — и здесь, — он задел кончиком указательного пальца чувствительный бугорок плоти, уже набухший от острого прилива возбуждения, — и даже здесь. — Пальцы скользнули по влажным складкам лона, и один из них вошел в меня. Я вцепилась пальцами в плечи, комкая ткань дорожного плаща, закусил губу и откинула голову назад. Тихий стон слетел с приоткрывшихся губ, и ответом ему стал судорожный мужской вздох. Посмотрела на водника из-под ресниц, он поднес к лицу ладонь, пальцы которой только что изучали меня, вдохнул и невнятно выругался сквозь зубы. Отступил, отпуская меня, и натянул на руку перчатку. После спросил, откашлявшись: — Кроме скверного характера и страсти к мерзким

забавам в тебе есть хоть что-то неприятное?

— Я — совершенство, — без ложной скромности ответила я, пытаюсь унять бешеное сердцебиение и желание накинуться на Аквея, сорвать с него плащ, стянуть штаны и ощутить в себе нечто более внушительное, чем палец.

— Хвала Создателям, — несколько нервно усмехнулся Скай, — ты подвержена самолюбованию. Еще один порок.

— Странно было бы мне не иметь пороков, — ответила я, вновь накидывая на голову капюшон. — Идем или ждем моего Господина?

— Я ему и так гостеприимно оставлю целый замок, — хмыкнул водник. — Одного доброго дела за день вполне достаточно. Так что встречать Вечного никто не обязан. — И закончил уже без всякой веселья: — Уходим.

Он бодро зашагал впереди, а я завистливо вздохнула. Мои ноги всё еще подрагивали от желания, так и не покинувшего тело. А затем мысли испуганно метнулись к Вайторису и дарам, и возбуждение сошло на нет, на теле выступил холодный пот, когда мне подумалось: «А пальца хватит для утраты одного из даров?». Что если сегодняшний цветок не расцветет? Или увянет один из уже проявившихся? Чем мне не жаль пожертвовать? Каждым жаль! Даже зоркостью, без которой я могла бы, конечно, обойтись, но не хочется терять даже толики своих сил, когда их и так нет.

В панике задумалась, куда меня ведет водник, и поняла — во двор. Так, этот дар со мной. Про чувственность говорить не стоит, она со мной... ох. Закусила губу и поспешила за Скаем, рассматривая его спину. Белый волос я заметила издалека, но в этом не было ничего особенного. Плащ Аквея был темно-синего цвета, и белоснежная волосинка выделялась на его фоне. Однако заметив волос, я уже не могла думать ни о чем ином. Тихое раздражение переросло в злость, и я догнала водника, ухватила след Эйволин и с яростью порвала его, сдула с пальцев и только после этого выдохнула с облегчением.

— Да чтоб тебя, — выругалась я под изумленно-насмешливым взглядом Скайрена.

— Что это было? — спросил он.

— На тебе была грязь, — отмахнулась я. — Не терплю грязь.

— Ты еще и чистюля?

— Ужасная, — кивнула я и первая сбежала вниз по лестнице.

— Насчет — ужасная, не могу не согласиться, — догнал меня смешок водника.

Я демонстративно провела пальцами по перилам и скривилась:

— Как ты не выгнал слуг? Кругом сплошная грязь.

— Еще и лгунья, — удовлетворенно кивнул Скай, успевший догнать меня.

Я пренебрежительно передернула плечами и вышла в открытые двери вслед за Венном, обогнавшим нас с водником. Солнечный свет ударил по глазам, на мгновение ослепив меня. Я прикрыла глаза рукой, втянула носом свежий влажный воздух и улыбнулась. Кажется, я соскучилась по чистому воздуху, солнцу и ветру, ласкавшим разгоряченную кожу шаловливыми прикосновениями. Странно, но почему-то в черном замке я никогда не думала о том, что есть жизнь за стенами чертогов Господина. Впрочем, и место, где стоит замок, редко бывает освещено солнцем. В основном, когда одна из Граней отражает солнечный цвет. В царстве Вайториса царит сумрак и холод. Часто идет дождь, и совсем не поют птицы. Птицы? Какая глупость!

Отдернула руку от лица и окинула взглядом небольшой отряд. Воины уже сидели в седлах, и лишь две лошади еще стояли без всадников. На меня смотрели все. Лица были

угрюмыми, кажется, мне тут были не рады. Удивительно, правда? Но вот мой взгляд зацепился за немного шальную улыбку, и я узнала своего поклонника. Я хмыкнула и направилась к одной из свободных лошадей. Любитель поцелуев спрыгнул на землю и опустил на одно колено перед лошадью, предлагая мне свою помощь.

Хотела обойти лошадь с другой стороны и забраться в седло самостоятельно, но обернулась к Скаю, оценила скучающее выражение на его лице, и забираться в седло самостоятельно передумала. Я кивнула услужливому воднику, наступила на его колено, и почувствовала, как пальцы мужчины сжались на моей щиколотке, осторожно погладили ногу, и я встретилась с лукавым взглядом неугомонного водника.

— Лейда Сиел, вы пытаетесь оседлать моего жеребца, — ровно произнес Скай, останавливая меня в тот момент, когда я уже оттолкнулась, перехватил за плечи, не дав свалиться, и развернул ко второму коню.

Он был выше и мощней того, на кого я едва не села. Признаться, была уверена, что это скакун водника. Похоже, так думали все, потому что я уловила удивление во взглядах воинов. Я усмехнулась, сообразив, что коня я выбрала верно, а вот способ забраться в седло — нет.

— А вы, леор Аквей, еще и лжец, — заметила я, возвращая ему не только его шпильку, но и обращение, положенное ему по праву рождения.

Деловитая физиономия Ская не дрогнула, оставшись такой же невозмутимой. Он бросил взгляд на любителя поцелуев и велел:

— Вернись в седло, Войтер. И не стоит проявлять столько прыти. Поспешные прыжки могут привести к перелому, и, не дай Создателя, шеи.

— Я всего лишь хотел помочь, — возмутился водник.

— Лейда Сиел — дама достаточно взрослая и опытная, чтобы справиться с конем, — ответил Аквей, запрыгнул в седло и посмотрел на меня сверху. — Нам долго вас ждать, Игнис?

— О, нет, леор Аквей. Можете не ждать вовсе, — любезно ответила я. — Впрочем, если вам угодно позабавиться за мой счет, то можете остаться. Я хотя бы почувствую себя, как дома. Даже могу представить на вашем месте моего Господина. Он тоже любит наблюдать за чужой неловкостью.

Скай поджал губы, но спрыгнул на землю. Правда, в отличие от Войтера на колено не опускался, просто подсадил, когда я оттолкнулась от земли, сцедив сквозь зубы:

— Пожри тебя Тьма, Игнис.

— И чем я успела вызвать неудовольствие? — не скрывая насмешки полюбопытствовала я.

— Всего лишь тем, что мы вынуждены терять время впустую, — опять солгал водник и вернулся в седло моего коня, оставив меня красоваться на своем мощном звере.

— Ну, разумеется, время, — покладисто согласилась я, удостоилась взгляда исподлобья, и отряд, наконец, тронулся с места.

И, словно издевательство, я почувствовала знакомый зуд на левом плече. Очень вовремя! Кажется, для меня наступил черед нового испытания — на выносливость. И я надеялась, что я через час я не стану похожа на шелудивую псину, которую зажрали блохи. Ох, бесконечный Хаос, дай мне сил...

Глава 5. День седьмой

Как давно я не спала под открытым небом? Лет четыреста тридцать пять точно. Не знаю, лежала ли вообще когда-нибудь под звездным небом, глядя на красоту бриллиантовой россыпи над головой. Не помню, засыпала ли у костра, в котором так уютно потрескивал хворост. Под треск поленьев в камине много раз, а вот в горах, завернувшись в плащ и подглядывая сквозь ресницы за тем единственным, на которого не могла не смотреть, ни разу. И под крик ночной птицы я тоже не засыпала. Но, странное дело, мне понравилось засыпать под открытым небом, возле потрескивающего костерка и подглядывать за синеглазым водником, ловя его ответные взгляды, брошенные украдкой.

Великая Тьма, в кого я превращаюсь? Что за жижа в голове? Серdito фыркнув, я отвернулась на другой бок и уставилась на чернеющие стволы деревьев. Ко мне вернулась возможность видеть в темноте так же ясно, как при свете дня, и я этим беззастенчиво пользовалась, теперь разглядывая кабана, затаившегося за дальними кустами. Мой шестой дар, распустившийся в то мгновение, когда меня окружали люди. И чтобы спрятать зуд, мне пришлось разыграть целое представление с обмороком и падением с лошади. Зато то, что я после этого начала постоянно тереть плечо, уже не выглядело ни смешным, ни забавным.

А произошло это так. Когда зуд стало невозможно не замечать, я приостановила коня, пожертвованного мне Аквеем, пересадила искру на холку, и, успев сгруппироваться, съехала с седла на землю. Съехала красиво, лично я считаю именно так. И когда я растянулась на изумрудной траве, один из негодяев, ехавших в отряде произнес с затаенной надеждой:

— Сдохла что ли гадина?

— Своим ядом отравилась, — подхватил второй.

— Такие быстро недохнут, — мрачно возвестил третий, а четвертый предложил:

— Может ее палкой потыкать?

Эти четверо живо напомнили тех служанок, что приходила в мое первое узилище — купальню. Мне даже стала любопытна степень родства обитателей замка, но, конечно, я всё еще лежала в своем красивом обмороке, и вместо меня ответил Скай. Кратко и весомо он произнес только одно слово:

— Молчать! — и этого хватило, чтобы отряд затих.

Он сам подошел ко мне, склонился и... потыкал, правда, пальцем. Потыкал подло и глумливо, под ребра, и как я не взвизгнула до сих пор не пойму, потому что впервые в жизни мне стало щекотно. Водник присел на корточки и негромко позвал:

— Игни-ис, долго будешь плащ пачкать?

Но и на это я не поддавалась, хотя тут же захотелось располосовать плащ Эйволин на лоскуты. Полежала еще немного для порядка, и затем с тихим стоном открыла глаза, растерянно посмотрела на Аквея и пожаловалась:

— Голова закружилась, — сразу скривилась и впила пальцами в плечо, с наслаждением его потеряв. — Кажется, ударила плечо.

— Дай посмотрю, — Скай потянулся ко мне, но я отвела в сторону его руку, гордо сообщив:

— Выживу.

— Очень жаль, — буркнул тот воин, который уповал на мою мгновенную кончину.

Такая несусветная глупость, но мне вдруг захотелось показать ему язык и гаденько похихикать. Разумеется, ничего подобного я делать не стала. Поднялась с помощью Ская, и леор Лицемер с видом легкой обреченности, «сделал мне одолжение»:

— Садись на моего жеребца. Твой великоват и слишком норовист. Этот спокойней.

В это мгновение я поняла, что Аквей умеет пользоваться ситуацией. Мы с понимаем посмотрели друг на друга и обменялись конями. Он вернулся на громадную зверину, я на коняку поменьше. Водник тронул поводья, и отряд последовал за ним. Скай довольно похлопывал своего жеребца по шее, я с таким же довольным видом почесывала «ушибленное» плечо. Искра оставленная мною во время падения на холке коня, была торжественно возвращена мне. Венн, удостоверившись, что все живы, унесся вперед, а когда вернулся, по счастливой морде было видно — кого-то сожрал. Оставалось надеяться, что этот кто-то был не особо против стать кормом для нашего малыша. Впрочем, людей, судя по всему, на этой дороге не было.

После того, как мы покинули замок Аквея, дорога вывела нас к водопаду, который отметил Вайторис в моих воспоминаниях. Скай первым подъехал к берегу озера, в которое падал водопад, поднял руку, и вода, забурлив, поднялась и распалась на две стороны, открыв нам проход прямо к водопаду, вдруг прекратившему свое течение и нависшего над головой жутковатой искрящейся на солнце глыбой, готовой обрушиться сверху и придавить своей мощью. Однако мы свободно прошли по образовавшемуся проходу и лошади шагнули под округлый свод пещеры. И тут же движение воды возобновилось. Гулко ударился о дно озера водопад, обдав роем брызг тех, кто не успел отойти подальше. С шумом сошлись воды озера, а вскоре все прочие звуки затихли, и только плеск подземной речушки под копытами лошадей, был слышен под сводами пещеры, освещенной мхом-светилкой, росшим в темных и влажных местах.

А вскоре мы свернули в ответвление, где мох устилал и каменный пол, вновь приглушив лошадиный цокот. Оценив все эти ухищрения, я подумала, что браннеры никогда не почуют это след. Вода и мох скрыли нас от взоров и носов тварей Вайториса. Меня подмывало спросить, когда Скай успел продумать все эти предосторожности, потому что отход прислуги и хозяев из замка был явно хорошо подготовлен.

За всё время, пока мы пробирались подземными галереями, в отряде царило молчание. И даже когда мы вышли на берег небольшой речушки и перешли ее вброд, никто так и не произнес ни слова. Молчал Скай, ехавший впереди и, казалось, забывший о том, что за ним следуют люди. Молчал любитель поцелуев, ни разу не решившись заговорить со мной. То ли предостережение Аквея о переломах произвело на него впечатление, то ли не хотел злить товарищей своим расположением ко мне. В любом случае, я без его намеков и подмигиваний не скучала.

В отличие от мужчин я наслаждалась прогулкой. И солнечными лучами, и запахом цветов, наполнившим воздух, и ветром, и шелестом листвы на деревьях, и даже дурноватыми коленцами Венна, резвившегося на воле, как малое дитя. Впрочем, кем еще была эта случайно созданная водяная сущность? Для него это мир был в новинку. Но самое любопытное, что и для меня каждый лошадиный шаг оказался открытием. И совсем забывшись, я скинула с головы капюшон, мешавший мне смотреть по сторонам, задрала лицо к небу и зажмурилась, мечтательно улыбаясь, когда яркие лучи ослепили даже сквозь сомкнутые веки. С ума сойти! Почему я раньше не замечала, что простая зелень может быть такой красивой? Почему видела совершенство лишь в лепестках пламени, когда каждая травинка, каждый цветок, каждый корявый ствол идеален по своей сути?

Я подняла ладонь, и на нее опустилась бабочка, пощекотав мне пальцы лапками. Несколько мгновений я рассматривала легкокрылое создание, после шепнула:

— Лети, — и она вспорхнула и умчалась от меня.

И пока бабочка летела, я с улыбкой провожала ее взглядом, удивляясь тому, как прекрасен этот незамысловатый полет. А когда она скрылась из вида, я тряхнула головой, накинула обратно капюшон и затихла, подавленная осознанием происходящего. За какой Тьмой, как говорит мой водник, со мной творится? Идет всего лишь седьмой день без Господина, а я начинаю сходить с ума и любоваться на полет бабочки. Неужели это связь с Аквеем лишает меня разума?

Вскинула на него взгляд, и Скай обернулся, будто ощутив, что я думаю о нем. Он ответил полувопросительным, полузадумчивым взглядом, затем отвернулся и больше не вспоминал обо мне до самой темноты, встретившей нас на маленькой лесной поляне. Это был первый привал с того момента, когда мы выехали из ворот замка.

— Спешиться, — приказал Аквей.

В этот раз Войтер мне не помогал. Я сама слезла с коня, забрала с холки Искру и с удовольствием потянулась. Цветок в этот раз долго не мучил меня, он распустился, когда еще не начало темнеть, и то, что скоро наступает ночь, я поняла из негромких разговоров, потому что темноты я не заметила. Впрочем, когда этот дар появился у меня в первый раз, я тоже потерялась, но быстро научилась различать разницу между тем, как я вижу днем, а как ночью. Сейчас мне лишь оставалось вспомнить об этом.

Искра спрыгнула с моего плеча и исчезла в траве. Я ей не мешала, крыса тоже устала от долгого перехода. Зато Венн теперь крутился рядом, не позволяя никому приближаться ко мне. Правда, приближаться как раз никто не спешил. Даже Скай, хоть и поглядывал, но не подходил. Только когда было готово простое грубое варево, он принес мне миску с похлебкой, ложку и присел рядом, внимательно вглядываясь мне в лицо.

— Устала? — спросил водник.

Я пожалала плечами и подняла глаза к небу, уже заполненному звездами.

— Ты раньше это видел? — я указала взглядом наверх.

— Сто тысяч раз, — усмехнулся Скай.

— А я ни разу, — ответила я и взялась за ложку.

Аквей еще некоторое время рассматривал меня и хотел уже отойти, больше ничего не сказав, но я остановила его.

— Скай.

— Что? — он снова присел рядом.

— Господин снова будет звать меня, — сказала я. — Если он захочет, я покажу, где мы прошли.

— Показывай, — пожал плечами водник и отошел от меня.

Я нахмурилась, пытаюсь понять безразличие Скай, но вскоре махнула рукой. Если Вайторис все-таки нагрянет, меня может и не тронуть, а Аквей со своими людьми пусть разбираются сами. Впрочем, я еще надеялась, что смогу сбить Господина со следа, выдав ему ложные воспоминания за настоящие. Удастся же мне не показывать ему то, что происходит между мной и водником. И значит, нужно всего лишь заранее продумать свои воспоминания, и пусть Вайтор любит на них. «Реальность — то, во что ты веришь, Игнис». Вот именно, мой Господин.

Больше я на мужчин внимания не обращала, занятая созданием в своей голове ложной реальности. А когда Скай указал мне на импровизированное ложе у костра, опустилась на него без разговоров, собираясь сладко уснуть, но еще долго лежала, прислушивалась,

подглядывала из-под ресниц и думала об очаровании ночи.

И когда сон укутал меня в свои объятия, налив веки тяжестью, я снова вспомнила прошедший день. Но не тот, который я прожила, разглядывая красоту летнего дня, а то, где мне связали руки, накинули на голову мешок и, перекинув через седло, везли в неизвестном направлении. Я слышала звук воды, слышала щебет птиц, но из запахов чувствовала лишь один — запах пыли от грязного мешка. Вот такая я бедная и несчастная, пожалей меня, Вайтор. Ах, да, ты же не знаешь жалости, тогда просто не наказывай, а лучше возьми снова, и я посмотрю на то, каким равнодушным умеет быть Скай Аквей...

— Тьма, — выдохнула я, распахивая глаза.

И только собралась отругать себя за лишнюю последнюю мысль, как забыла обо всем, о чем вообще думала, потому что я стояла на берегу бурной широкой реки. Ни моста, ни переправы, только пороги и оглушающий грохот воды. И всё бы ничего, что только во сне не привидится, но на другой стороне реки стоял черный замок, объятый огнем, и перейти к нему не было никакой возможности.

— Игнис... — долетел до меня едва слышный шелест голоса Господина. — Игнис...

— Вайторис, — прошептала я и увидела его перед воротами замка.

Он смотрел на меня, и взгляд его прожигал раскаленным прутом. Господин ждал, и я послушно шагнула к реке, думая о мешке на голове, о пении птиц и голосах воинов, обсуждающих, удавила ли меня веревка, перетянувшая мешок на горле, или нет. А еще думала о том, как тоскую по своему Господину, и как хочу к нему перебраться, но река такая широкая и быстрая, и вода в ней такая ледяная, что я вряд ли доберусь даже до середины.

— Игнис! — рокот голоса Вайториса перекрыл грохот воды на перекатах.

Вскинула голову и с мольбой посмотрела на него, простерла руки, показывая, что я хочу к нему, но... Слишком широкая река, слишком стремительная. Я не смогу ее перейти. И как только зайду в нее, меня подхватит течением. Унесет далекодалеко, где не будет ни моего дорого Господина, лучшего из живущих, ни самой жизни, потому что я захлебнусь и умру. Я ведь такая слабая и смертная.

— Вайторис, — с мукой в голосе повторила я, прижала ладони к груди и в бессилии свесила голову на грудь, печалась о том, что сегодня Господин не подарит мне своих ласк. Ведь только они имеют для меня смысл. Только Он способен доставить мне радость наслаждения.

Снова подняла голову, чтобы посмотреть на Вайтора. Он уже стоял на самой кромке воды, и волны, словно взбесившиеся псы, бросались на него, в одно мгновение намочив его одежду, лицо и волосы. И всё равно он был прекрасен, мой Господин, и я с гордостью любовалась тем, как он без страха делает шаг в пучину. Но течение так стремительно, что способно подхватить даже Вечного и унести, так и не дав мне прижаться к его груди. О, мой Господин, мой Повелитель и Создатель. Я преклоняюсь перед твоей силой и боготворю твой образ. Я не устану благодарить тебя за то, что ты обратил на меня свой взор.

Но только река бежит так быстро, что Он не сможет устоять и упадет под натиском ледяных волн. И даже если сможет плыть, его всё равно снесет течением.

— Игнис, не смей! — закричал Вайторис, когда волны все-таки подхватили, закружили и понесли по течению. — Прекрати!

— Господин! — надрывно заорала я и бросилась по берегу следом.

Но река так быстра, что мне не догнать Его. Мой Господин исчезнет из виду раньше, чем я добежу до того утеса.

— Господин!!!

Красноволосая голова показалась среди яростного течения, освещенная бушующим огнем со стен горящего замка, и исчезла еще до того, как я добежала до утеса, нависавшего над рекой. Я остановилась и горестно вздохнула. Сегодня я так и не смогу обнять своего Хозяина и не скажу ему, как сильно я тоскую без него...

И всё исчезло. Река, черный замок и грохот перекаатов. Теперь я стояла на вершине невысокой горы и смотрела на каменный дом в два этажа. Он не были ни беден, ни богат, но чем-то знаком мне. Этот дом не защищали высокие стены, не стояли стражи. Рядом не было других домов, словно обитатели неприметного домика хотели уединения. Вокруг царил миротворение и тишина, нарушаемая лишь перезвоном ручейка, спрятавшегося где-то недалеко в траве.

Я неспешно спустилась с горы, осторожно приблизилась к дому и остановилась, отчего-то не решаясь заглянуть в единственное освещенное окно. Однако любопытство переселило, и я все-таки сделала те несколько шагов, что отделяли меня от маленького окошка, где плясали отсветы огня. Судорожно вздохнув, я приложила ладони к стеклу и заглянула внутрь.

Это была гостиная, где горел камин, играя безобидными лепестками пламени. Возле камина, спиной ко мне, стоял мужчина. Он был не особо высок, но статен. Черные волосы мужчины были заплетены в длинную косу, достигавшую его поясицы. Никакой вычурности в одежде, бедности, впрочем, тоже не ощущалось. И вдруг, словно ощутив, что на него смотрят, мужчина порывисто обернулся, и я встретилась со взглядом темно-зеленых глаз. У мужчины были правильные приятные черты. Прямой нос, четко очерченные не полные губы, упрямый подбородок с ямочкой. Он склонил голову к плечу, рассматривая меня, и жест этот мне показался слишком знакомым, чтобы не обратить на него внимания. Губы мужчины дрогнули, и на них заиграла приветливая улыбка. Он поманил меня, приглашая зайти в дом, но я шарахнулась от окна, вдруг ощутив приступ настоящего ужаса, развернулась и бросилась прочь, туда, где звенел невидимый ручей.

Трава цеплялась за мои щиколотки, словно пыталась удержать. Из земли вырвался корень дерева, стоявшего неподалеку, зазмеился по траве, бросаясь мне в ноги, но я перепрыгнула его, спеша сбежать подальше от одинокого дома. Отмахнулась от стайки мотыльков, преградивших мне путь, и остановилась, вслушиваясь в водный перезвон, как в свое спасение.

Ручеек обнаружился всего в двух шагах от меня. Я в последний раз обернулась и вновь встретилась взглядом с черноволосым мужчиной. Он стоял на склоне, скрестив руки на груди, и укоризненно качал головой.

— Я тебя не знаю! — истерично заорала я и перешагнула ручеек...

Изумленно огляделась, не обнаружив ни горки, ни мужчины, ни домика. Теперь я стояла на каменной площадке, нависшей над пропастью. Где-то гремел невидимый водопад, но я всё равно слышала, когда кто-то за спиной произнес:

— Я буду стремительней ветра.

Резко обернулась, но никого не увидела. Я была совершенно одна, и лишь далекий огонек костерка манил меня приблизиться. И я точно знала, что в этом огне нет угрозы. Всего лишь маленькое пламя, разожженное для того, чтобы согреться. Еще раз оглядевшись, я охнула — вокруг меня был лес, и только плеск неспешного течения узкой реки, слышался где-то совсем рядом.

Уверенно направилась к огню, и когда подошла, то увидела спящих воинов Скайрена Аквея, но самого его у костра не было. Пустовала и моя лежанка. Я зевнула и уселась на нее, радуясь тому, что я, наконец, усну. Улеглась, завернувшись в голубой плащ Эйволин, еще раз зевнула и провалилась в сон, в этот раз без всяких сновидений. Так что, когда меня потрясли за плечо, я проснулась бодрой и отдохнувшей.

Чего нельзя было сказать о Скае, присевшим рядом со мной на корточки. Глаза его были красными, лицо уставшим, и весь он выглядел каким-то взъерошенным и вымотанным. Он посмотрел на меня хмурым взглядом и кивнул в сторону от лагеря:

— Надо поговорить, — сказал водник.

— Почему не здесь? — мне было всё равно, где разговаривать, но не хотелось идти следом в покорном молчании.

— Потому что там, — весомо ответил Аквей.

Я пожалала плечами, поднялась со своего жесткого ложа и потянулась. Плащ скользнул по телу вниз, Скай протяжно вздохнул, проследив за мной, и тоже поднялся на ноги.

— Идем, — велел водник.

— Как скажешь, милый, — хмыкнула я.

— Прекрати, — отрывисто произнес Аквей. — Моего имени для обращения вполне достаточно.

— Фу, какой злока, — насупилась я. — Не буду с тобой разговаривать.

Водник был совсем не в духе, поэтому сжал мое запястье и рывком дернул на себя, поймал, развернул в сторону ближайших деревьев и несильно подтолкнул в их сторону.

— А еще светлый, — я покачала головой, но спорить и заводить и без того злого мужчину больше не стала.

Вскоре Скай обогнал меня и направился туда, где я ночью видела кабана. За кабаньими кустами обнаружилось поваленное дерево, туда-то меня и усадил водник. Взъерошил еще больше свои волосы, став похожим на сердитого сорванца, одарил меня пристальным взглядом синих глаз и спросил:

— И что это было?

Почесав пальцем кончик своего носа, я недоуменно пожалала плечами.

— Иногда твои вопросы ставят в тупик, — доверительно сообщила я. — Если ты добавишь в свой вопрос еще хотя бы пару слов, возможно, я и смогу ответить.

— Что произошло ночью... в этом проклятом сне с рыжим и его замком, — сразил меня пояснением Скай, неуважительно понизив Вечного до рыжего. — Я хочу понять, Игнис. Пока я лишь знаю, что смог преградить тебе дорогу, последовав за тобой.

— Еще немного пояснений. — попросила я, дуря от того, что говорил водник. Прощел за мной? Преградил путь? Как?!

— Что там пояснять, когда ты и так ты всё знаешь? — раздраженно ответил Аквей и упал рядом со мной на поваленный ствол, ожесточенно потеряв лицо. — Он шагнул в воду, и я понял, что не смогу удержать его. А потом... Тьма, потом я просто ощутил силу, словно кто-то вливал ее в меня. Правда, дальше стало хуже, но некоторое время мы были с ним равны. Это ведь ты мне помогла, больше там никого не было. Только я никак не могу разобраться во всем этом мороке.

— Да как бы я посмела идти против Господина, — ответила я, нервно покусывая кончик большого пальца.

— И все-таки, — проницательный взгляд поймал меня в ловушку, не давая увильнуть.

Кривовато усмехнувшись, я поднялась на ноги, не удержалась и пригладила взъерошенные светлые волосы, расчесав их пятерней. Водник смотрел на меня снизу вверх, ожидая ответа, а мне до зубного скрежета хотелось прижать его голову к своей груди и постоять так немного, ни о чем не разговаривая. И словно в ответ на мои мысли, ладони Скай сжали мою талию, притягивая ближе. Он сам уткнулся лбом мне в грудь, негромко напомнив:

— Так что ты сделала, Игнис?

— Ничего, — улыбнулась я. — Реальность, Скай — это то, во что ты веришь. Я просто верила тому, что видела, вот и всё.

Он вскинул на меня голову и прищурился:

— То есть...

— То и есть, леор Аквей, — ответила я, высвобождаясь из объятий, потому что за спиной уже слышались чьи-то шаги. — Я просто очень доверчивая. Но, — я склонилась к его лицу и быстро шепнула, — не вздумайте поверить в то, что этот закон одинаков для всех реальностей. В мире предначертанного силой веры и мысли изменить ничего нельзя. По крайней мере, я бы пытаться не стала.

Водник вдруг сжал мое лицо ладонями, провел большим пальцем по губам, задержал на них взгляд и произнес севшим голосом:

— Убери свое наваждение.

Я сжала пальцами мужские запястья и отвела его руки в стороны, невесело усмехнулась:

— Если бы я знала как, то уже освободилась бы от тебя, Скайрен Аквей.

— Нужно найти способ, — уже более твердо ответил водник. — Это невыносимо.

— Правда? — я понизила голос, потому что еще невидимый нарушитель нашего уединения остановился за кустами. — Невыносимо прекрасно?

— Скорей, просто бесит, — ответил Аквей и повысил голос, не сводя с меня взгляда: — Войт, выходи, я тебя слышал.

Ах, вот кто у нас такой любопытный... Обернулась и с любопытством взглянула на второго водника, раздвинувшего руками кусты. Он мазнул по мне взглядом и больше не замечал, я не возражала. Отошла в сторону и отвернулась, прислушиваясь к разговору двух мужчин.

— Завтрак готов, Скай, — оповестил Аквея Войтер.

— Мы сейчас подойдем, — ответил мой водник.

— Скай, — Войт понизил голос, — ты слишком долго находишь с ней наедине. Люди волнуются.

От смешка мне удержаться не удалось, но влезть в разговор не успела. За меня ответил Скайрен, да еще как ответил... Он не произнес ни слова, даже пальцем не шевельнул, но с травы вдруг взмыли капли росы и замерли в воздухе, словно застывший дождь. Лучи утреннего солнца, пробившиеся сквозь листву, отразились яркими бликами, ослепив, а еще через мгновение воздух заполнился ослепительными росчерками, когда капли сорвались с места и бросились ко мне, подобно рою взбесившихся светлячков. А когда они вновь застыли в воздухе, я оказалась накрыта прозрачным кубом, не имевшим ни одной бреши. Однако он состоял из воды, и я, ухмыльнувшись, протянула руку, собираясь показать всю ненадежность такой темницы, но рука ударилась в ледяную твердь, так и не сумев пройти сквозь стену куба. Постучала двумя ладонями, поджала губы и с силой стукнула в стенку

локтем. Тут же взвыла и затрясла рукой, возмущенно глядя на синеглазого водника.

Скай ответил невозмутимым взглядом, и куб пошел трещинами, развалился на части, но вода вновь поднялась с травы. Потекла вертикально вверх, собираясь в две фигуры, и когда они обрели плотность, за моей спиной стояли два прозрачных стража. От них шел неприятный холод, я передернула плечами и собралась отойти, но в предплечья мне вцепились холодные пальцы.

— Акве-ей, — ядовитой змеей зашипела я, глядя на водника уже со злостью.

Скай не обратил на меня внимания. Он повернул голову к моему притихшему поклоннику.

— Ты удовлетворен, Войт? Можешь передать остальным, что я в полной безопасности.

— Д-да, — запнувшись, кивнул второй водник. — А-а...

Он так и не договорил, что хотел и скрылся за кустами, направившись к отряду. Аквей проводил его взглядом и с неожиданной яростью ударил ладонью по поваленному стволу, с которого так и не поднялся. Мои стражи разлетелись брызгами воды, а мне достался сердитый взгляд синих глаз.

— Что? — я всё еще была возмущена и даже обижена.

— Видишь, до чего ты довела? — менторским тоном произнес Аквей.

— Я?!

— Они переживают за меня, за мужчину, оставшегося наедине с женщиной, — всё тем же тоном продолжал отчитывать меня Аквей. — Думаешь, они сомневаются в моей силе? Никому в голову не придет назвать меня беззащитным, дураков и самоубийц нет. Но, зная с кем я, мужчины-воины начинают переходить грань и унижают меня своей заботой. Тьма! Игнис, разве женщина должна внушать ужас? Разве должна она быть бездушным чудовищем, чьим именем пугают детей?

Я с минуту изумленно тарасилась на наглеца, вздумавшего меня учить, открыла рот, чтобы ответить, но водник взметнул вверх ладонь, останавливая меня жестом. Поднялся с бревна, подошел ко мне вплотную, подцепил пальцем подбородок, задирая голову и заставляя смотреть себе в глаза:

— Как он сделал из тебя зверя, Игнис? — негромко спросил Скай. — Как ты попала к нему? Почему он выбрал тебя? Что было до Вечного? Кто ты такая, Игнис Сиел? И таково ли твое настоящее имя?

И мне вдруг стало страшно от его вопросов. Чего боюсь, не понимала, но паника, зародившаяся густым комом в груди, все росла и ширилась, превращаясь в ледяную пустоту, заполнившую меня целиком. Несмотря на теплой утро, похолодели пальцы на руках. Стало зябко и неудобно... и жутко. Жутко думать о том, что на эти вопросы водника могут быть ответы.

— Ну хоть что-нибудь ты помнишь?

— Зачем? — сипло спросила я. Голос сорвался, и я откашлялась. — Зачем тебе знать всё это? Зачем МНЕ искать ответы?

— Хотя бы для того, чтобы звезды перестали быть для тебя в диковинку, — сухо ответил Скай и отошел от меня. — Или для того, чтобы не радоваться, как дитя, глядя на летящую букашку. Кто ты, Игнис?

— Я... — мне пришлось вновь откашляться. — Я — верная слуга моего Господина. Служба ему — великая честь. Это мое единственное призвание и назначение.

— Тьма, Игнис, ты хоть слышишь себя? Ты понимаешь, что повторяешь зазубренный

урок? Ты похожа на прилежного ученика, но не на того, кто говорит то, о чем думает.

Я развернулась и стремительно зашагала назад к отряду. И плевать, как будут глядеть на меня воины. Плевать на то, что скажут. Не хочу я слушать проклятого водника. Не хочу и не буду! Зачем мне память о жизни, в которой не было Вайториса? Лишь он один имеет значение. И я вернусь к нему, как только почувствую, что моей жизни ничего не угрожает. Вернусь и буду вновь преданной слугой и верной наложницей.

— Игнис!

— Отстань, — сердито отмахнулась я, не оборачиваясь.

— Ты бежишь не от меня! — снова крикнул Аквей. — Ты бежишь от себя, но от себя убежать невозможно, и однажды ты сама себе задашь все эти вопросы. Игнис!

— Гори в огне, Аквей, — буркнула я и остановилась, как вкопанная, неожиданно обнаружив, что по щекам бегут слезы. Я зло стерла их, с недоумением рассмотрела мокрые пальцы и сжала кулаки. Бесконечный Хаос, верни мне разум, о большем не прошу. Встретилась взглядом с Войтом, напряженно следившим за мной, и передернула плечами, вновь беря себя в руки. — Тьфу, на вас на всех.

Вздернула подбородок и прошла к своему коняшке. За спиной зашуршало, до слуха донесся крысиный писк. Я склонилась, подняла Искру и погладила по голове Венна, уже тершегося о мое бедро носом. На вернувшегося к отряду Аквея я не смотрела, продолжая злиться на него. Ни за что больше не буду с ним разговаривать. Особенно наедине. Выслушивать и дальше глупости, которые говорит водник, я не собиралась. Приняв решение хранить молчание, я немного успокоилась, а когда отряд тронулся в путь, пришло чувство покоя и прежняя уверенность в себе.

Закончив завтрак, отряд сразу тронулся в путь. Мы двигались к какой-то цели, но о ней не знала только я. Впрочем, именно меня она и не интересовала. Я всего лишь тянула время до своего возвращения в черный замок. И куда бы Аквей не вел своих людей, я там надолго не задержусь. Я даже не хотела спрашивать, куда мы направляемся, да и вряд ли Скай просветил бы меня, теперь зная, что я не смогу это скрыть от Вайториса.

Вайторис... Прикрыла глаза и вызвала в памяти образ своего Господина. Мне хотелось ощутить всю силу тоски по нему, хотелось почувствовать боль разлуки, возможно, желание при воспоминании о ласках. Еще хотелось ощутить, как меня терзает раскаяние за то, что мой взгляд помимо воли упирается в спину Аквея, по-прежнему, едущего впереди отряда, и за то, что ночью выстроила цепь событий, отправив Вайтора искупаться в полноводной реке. Мне хотелось почувствовать себя прежней: цельной, равнодушной ко всему, кроме моего Господина. Но с ужасом поняла, что... не тоскую! И раскаяния нет, и даже в замок я не хочу возвращаться... пока не хочу. Не хочу снова стать пленницей среди стен из черного камня. Не хочу видеть в окне сумрак, который не в силах прорезать солнечный луч. Хочу полной грудью вдыхать чистый воздух, наполненный светом и жизнью. Хочу смотреть, как мимо пролетает птица, хочу ощущать кожей дуновение ветра и слышать шорох травы под лапами зверя, спешащего обойти человеческий отряд стороной.

Вновь воскресила в памяти лицо Вайториса, каждую его черточку. Глаза, нос, скулы, губы, подбородок. Я столько разглядывала его, что могла бы нарисовать по памяти, если бы захотела, но рисунок не смог бы передать ни силу, исходящую от него, ни величие Вечного. Ты прекрасней всех в этом мире, мой Господин. Нет равного тебе в могуществе и власти. Ты хранитель Граней, и только твоя воля имеет значение. Только ты царишь в моей душе, только ты...

«Сними свое наваждение». Я распахнула глаза и встретила взгляд синих глаз, озарившимся солнечным бликом. Аквей развернул коня мне навстречу и теперь восседал на нем, удерживая за повод моего жеребца. Вязкая тишина разлилась вокруг, поглотив все звуки. Ничего не осталось, кроме меня, водника и переплетенья наших взглядов. Что за проклятая магия таится в его взгляде? Отчего грудь сдавливает в тиски, и каждый новый вдох становится пыткой?

— Дыши, Игнис, — шепнул Скай, и воздух послушно хлынул в горло.

— Что... тебе нужно, Аквей? — с трудом выговорила я, пытаясь усмирить бешеный бег сердца.

— Поговорить, — ответил он, продолжая смотреть на меня.

— Я не хочу разговаривать с тобой?

— Почему? Я заставляю тебя думать?

Я отвернулась, разрывая зрительную связь. Аквей неопределенно хмыкнул, тряхнул головой и, наконец, отпустил поводья моего коня.

— Игнис Сиел — одна из самых жутких легенд нашего мира всего лишь маленькая трусишка. — Не без ехидства отметил Скай, развернул своего жеребца и пришпорил его, сбегаая от меня.

В обернулась и некоторое время я смотрела ему вслед, борясь с желанием догнать наглеца и высказать ему, что я думаю о его подначки. Высказать со всем высокомерием и насмешкой, на которые способны. Все-таки не выдержала. Пришпорила своего коняшку и помчалась вдогонку слушая за спиной дробный перестук копыт лошадей всего отряда.

— Скай! — крикнула я, в одно мгновение забывая о недавно принятом решении не разговаривать с нарушителем моего покоя. — Скайрен Аквей, немедленно остановись и повтори, что ты сейчас сказал! Скай, Тьма тебя дер!

— Что? — он натянул поводья, подняв коня на дыбы.

Позади заржала еще одна лошадь, кто-то крепко выругался. Кажется, люди водника приходят всё в большее недоумение от поведения своего господина. Только самому господину, похоже, было на все плевать. И на недоумение, и на хмурые взгляды, которые теперь достались и ему. Он восседал на своем громадном зверюге, поглядывая на меня с ленивым любопытством... высокомерно и насмешливо. Тьма...

— Лейда Сиел решила нарушить обет молчания? — иронично вздернул бровь водник.

— Чтоб тебя пожрал Хаос, Скайрен Аквей, — ответила я, останавливаясь рядом.

Он выжидающе смотрел на меня, а я пыталась понять, зачем вообще бросилась вдогонку, и что именно я собиралась высказать ему? Еще семь дней назад я бы просто послала вслед воднику огонь и смотрела, как он гибнет. Пила бы его боль и ужас, постанывая от удовольствия, но ведь у меня нет сейчас ни огня, ни возможности чувствовать чужие эмоции, и значит, нужно сказать что-то такое, что могло бы заменить огонь и просто получить удовольствие от смятения на лице Аквея, но пока смятение должно быть читалось на моем лице, потому что я молчала, лишь сверлила мужчину взглядом исподлобья.

— Это всё, что ты хотела мне сказать? — полюбопытствовал водник.

— Нет, — мотнула я головой и выпалила: — Я не трус! И если осмелишься еще раз оскорбить меня, сильно пожалеешь.

— И что же ты можешь мне сделать, Игнис? Быть может, оглушишь визгом или выцарапаешь глаза?

Мне показалось, что меня сначала макнули в ледяную воду, затем обдали кипятком.

Жар разлился по телу, опалил щеки, и желание броситься на Аквея с кулаками я удержала лишь усилием воли. Кое-как справившись с ненужными эмоциями, я заставила себя вздернуть подбородок и холодно ответить:

— Значит, такова великая мораль добра — ударить безногого калеку по оставшимся культям? И чем твой Свет отличается от моей Тьмы, Скайрен Аквей? Хотя знаю, я бы не стала терзать, убила бы сразу. Но ты можешь продолжать глумиться, наверное, это и называется милосердием.

Хотела развернуть коня и вернуться на свое место, но Скай перехватил поводья, и теперь иронию в его глазах сменила злость. Он подался ко мне и произнес тихо, но в этом негромком звуке его голоса зазвенел металл:

— Ты хочешь рассказать мне о милосердии? Проводишь параллели? Тогда ответь мне, умница Игнис, почему ты просто не всадила нож в сердце Эйвилу? Зачем ты заставила его корчиться на полу, орать и рыдать, словно малое дитя? Зачем держала меня в темнице и терзала столько времени? Почему не приказала стражнику снести мне голову, как бедняге Лайнсу? — Я открыла рот, но не нашла, что ответить. Сказать с усмешкой: «Я же темная»? Так не я ли сама только что утверждала, что убью сразу? — Разве я лишил тебя силы, чтобы сейчас ты злилась на меня? Не твой ли обожаемый господин превратил тебя в беззащитного младенца? И за что? Постой! Я вспомнил — за твою собственную затею. То есть ты обиделась на меня за то, что решила опоить своей кровью, едва не отдалась мне, нарушив запреты Вечного, а после получила заслуженную кару, а я случайно напомнил тебе о твоей неосмотрительной выходке? Ах, мерзавец, да как я смел?

— Случайно? — взвилась я. — Ты ударил намеренно...

— Не суди по себе, — оборвал меня Скай. — У меня не было намерения обидеть тебя. Наш утренний разговор расстроил тебя, и твой несчастный вид...

— Несчастный вид?! С чего ты решил, что у меня несчастный вид?

— Да ты бы видела себя, — немного повысил голос водник. — В глазах тоска, потерянная...

— Да ты ополоумел, светлый? — издевательски рассмеялась я. — С чего бы мне быть потерянной? Я твердо знаю, кто я и что мне нужно от жизни...

— И поэтому со слезами сбежала, как только я задал неудобные вопросы...

— Ты говорил чушь! С чего бы мне рыдать? Если только от жалости к тебе...

— Разумеется, чушь, — теперь издевательски хохотал Аквей. — А глаза у тебя слезились от ветра...

— Да что тебе дались мои слезы?! Какое тебе вообще до меня дело?

— Да не было никакого, пока ты не вздумала опоить меня!

— Господин...

— Что?! — мы со Скаем одновременно обернулись к подъехавшему воину.

— Вы слишком громко кричите друг на друга, — мужчина поежился, но все-таки решил продолжить: — Мы уже въехали на земли тригов. Не сочтите за дерзость, леор Аквей, но нам бы шуметь поменьше.

— Тьма, — выругался сквозь зубы Скай. — Я услышал тебя, Раф.

Я нахмурилась, вспоминая, кто такие триги. О том, что мы с водником орали друг на друга на глазах его отряда, я постаралась не думать, уж больно это напоминала семейный скандал, жуть какая. Мотнув головой, я вернулась к таинственным тригам.

— Плоулюди, полузвери, — словно услышав мои мысли, произнес Аквей. — С них

ничего не возьмешь, так что вряд ли ими интересовался твой рыжий. У них и разум- то как у младенцев. Живут по звериным законам. Есть вожак — сильнейшая особь в племени, все самки принадлежат ему. Так что если на нас нападут, ты уже заведомо его женщина.

— Дикость какая, — я передернула плечами.

— Ну, конечно, — усмехнулся Скайрен. — Ты это им и объяснишь, если нас уже ожидает засада. Твои вопли разве глухой не услышал.

— А ты у нас тихий ручеек, — язвительно ответила я, — и не драл тут плотку, словно раненный в зад медведь.

— Отлично, мы переходим на новую ступень взаимоотношений, — с пафосом воскликнул водник, воздев руки к небу, и закончил тише и ворчливо: — Этого еще не хватало.

— Вот и помолчи, — фыркнула я, накинув на голову капюшон и показывая, что разговор окончен.

Отряд возобновил путь. Теперь я оказалась в его центре. На меня старались не смотреть, и это мне тоже было понятно. Оружия мне никто давать не собирался, и не потому, что я женщина, а как раз потому, что обращаться с оружием я умела. Не доверяли мне водники, и, в общем-то, я их за это не осуждала. Знай я, что Вайторис встретит меня с расprostертыми объятьями, и имей возможность добраться до него, глотки бы перерезала всем, кто пытался меня задержать, без сожаления и жалости. Но пока над моей головой висело новое наказание, которое я, возможно, не переживу, я по-прежнему собиралась оставаться хорошей девочкой. А хороших девочек принято защищать, вот и пусть защищают. И пускай воины воротили от меня носы, но приказ господина нарушать не осмеливались. Меня это вполне устраивало.

Скайрен вывел своих людей к широкому лугу, остановился на его кромке, поднял вверх руку и замер, явно прощупывая пространство. После свернул налево и направил коня к рошице, росшей на берегу широкого оврага. Здесь он снова остановился, мотнул головой и показал, что мы возвращаемся.

— Пожри их Тьма, — выругался рядом Войт.

Я повернула к нему голову, и мой поклонник, бросив на товарищей быстрый взгляд, все-таки пояснил:

— И на лугу засада, и в овраге. Но на поле особой меньше, раз Скай ведет нас обратно.

— Триги обладают магией? — спросила я.

— Нет. Они не чувствуют токов магии, — ответил Войтер.

— Тогда в чем дело? С силой Ская, плюс вы, положить зверье недолго.

— Что еще ожидать от убийцы, — проворчал один из воинов, ни к кому не обращаясь.

Я сделала вид, что не слышу, но взгляд от Войта не отвела, ожидая пояснений. Он коротко вздохнул, однако ответил:

— Триги — существа не магические, применять против них магию — преступление. Это как обидеть младенца. Если нам доводится с ними встретиться, мы сражаемся оружием. Если эти существа были сотворены Создателями, значит, мы не имеем права уничтожить племя под корень. Мы ведь не убийцы, Игнис.

— Зачем тратить столько слов на ту, кто привык отнимать жизнь даже у тех, кто не может себя защитить? — произнес еще один воин.

Мне стоило промолчать, но слова мужчины вдруг царапнули, и я ответила, не оборачиваясь к нему:

— Я исполняю волю моего Господина. Я его разящий клинок...

— Ну да, — усмехнулся третий воин, — о чем думает дубина, когда ее опускают на чью-то голову?

— А ни о чем, — хмыкнул четвертый, — нет у дубины разума. Хозяин махнул, дубина ударила.

— Верно, — я поправила капюшон, неосознанно натягивая его глубже, — дубина не думает, но раскроить череп может, лишь когда ее направляет верная рука. Мой Господин велик и могущественен. Он не ошибается, нанося удар, и если я вершу его суд, значит, он справедлив. Это истинно.

— Стало быть, лейда Сиел, — вклинился еще один воин, пожалуй, самый зрелый из всех, — вы всего лишь слепое орудие? Вам всё равно, кого и за что вы разите? Темный спустил тетиву, и вы помчались, чтобы нанести удар.

— Сука, она сука и есть. Натравили, побежала, — не скрывая презрения и злости, подал голос тот, кто заговорил первым.

— Прекратите. — Голос Ская прозвучал негромко, но его услышали все.

— Верные суки бесценны, — я обвела воинов надменным взглядом.

— Игнис! — Аквей обернулся ко мне. Я фыркнула, но замолчала. — Кто еще вздумает сейчас подать голос, будет молчать до конца перехода. Касается всех. — Водник раздраженно потрянул головой и закончил: — Если триги нападут, не думайте, что я не узнаю, кто ударил ножом пленницу, так что смысла валить на шальной удар смерть Игнис нет. Карать буду без жалости. Осознали? Теперь всем внимание, засада слева. Скорей всего, нас пропустят, но встретят позже. Не расслабляться.

Воины молча кивнули, похоже, ни у кого не возникло сомнения в словах Аквея. Я молчала тоже, и не только потому что не хотела проверять, насколько Скай готов исполнить угрозу, но и потому что наедине с собой мне не нужно было претворяться. В Глубинах капюшона вся надменность слетела, как осенняя листва. Я закрыла глаза и судорожно вздохнула, призывая себе на помощь извечное равнодушие.

Бесконечный Хаос, почему меня задели слова, которые я до этого слышала бесконечное количество раз и смеялась над ними? Что нового сказали воины? Ничего! В чем винят меня? Над чем насмеются? Над тем, что я была предана моему Господину и исполняла его приказы, не ведая жалости? Так разве же не о таких слугах мечтают правители всего мира? Разве же не ищут себе верных псов, не награждают их за преданность? Всё, что я совершила, я совершила во славу Вайториса и во имя его. На моих плечах не лежит тяжесть вины за то, что я делала. Я знаю, что права во всем. Права! Тогда почему мне так тошно, словно в мою душу выплеснули ведро помоев и перемешали их?

Не думать! Не смей думать, Игнис. Вайтор велел превозносить его, а ты никогда не перечила своему Господину. Нет повода изменять себе и вступать в бессмысленный спор с людьми, не способными понять ни Его величия, ни твоей преданности ему. Есть твой Господин и ты, все остальные лишь краткий миг на пути вашей Вечности. Так всегда говорил мне Вайторис, и я безоглядно верила ему. Да, именно так.

Выдохнув с облегчением, я расправила плечи и погладила Искру кончиком пальца. Крыса пискнула и спрыгнула на холку коня. Встала столбиком, усики ее зашевелились, хвост дернулся. Крыса почувствовала опасность и теперь напряженно следила за лугом. Венн полз рядом с конем Ская. Я видела, что змей косится влево, иногда дергается в сторону, но негромкое от хозяина:

— Не смей, — и Венн вновь смотрит только вперед.

И вновь непонятное мне благородство. Если враг опасен и известно, что нападения не избежать, почему не упредить удар и не уничтожить угрозу? Я прикрыла глаза и ощутила пять особей, залегших в густой высокой траве в пятнадцати шагах от нас. Совсем близко и так мало... Один направленный удар и этот терпкий аромат чужой боли, умноженный пятикратно...

— Великая Тьма, — простонала я, вспоминая вкус, покусывающий язык.

Откинула назад голову, невольно сбросив капюшон. Прикрыла глаза и облизала губы. Невероятное наслаждение. Пожалуй, по этому дару я соскучилась больше всего. Сколько остроты могут дарить чужие переживания, когда лишен своих собственных. Я тряхнула головой и распахнула глаза. На меня смотрели. Кажется, все воины, ехавшие рядом, сейчас следили за мной. Войтер гулко сглотнул и спешно отвернулся, как только я взглянула в его сторону. Кто-то шумно перевел дыхание, и мужчины вновь закрылись в броне хмурого безразличия.

— Не расслабляться, — донесся до меня напряженный хриловатый голос Аквея. — Мы въезжаем в лес.

Я накинула капюшон на голову, прячась от водников. Их слова всё еще не отпускали меня и нечто жуткое, вязкое, ледяное, словно дыхание смерти, на мгновение коснулось разума осознанием ответа на брошенные обвинения, но я испуганно охнула и отогнала от себя то, что на короткое мгновение вселило ужас. И я вновь твердила свое заклинание: всё, что есть в моей жизни, даровано моим Господином. Нет никого более великого, чем он. Моя душа — отражение его души, моя жизнь — продолжение его жизни. Мой огонь лишь искра от его пламени, и я преклоняю колени перед мощью безудержной стихии, которой повелевает мой Хозяин. Лишь его слова — истина, лишь его мысли — верный путь. Каждый удар моего сердца — это его имя. Вайторис...

— Следите за пленницей, — слова Ская вернули меня на лесную тропу, по которой ехал отряд.

Я отвела в сторону край капюшона и огляделась. Неприятное местечко. Вокруг тропы кусты и деревья, спрятаться есть где, но мое внутреннее чувство не уловило ничего присутствия. Пожав плечами, я коротко вздохнула и собралась уже вернуться к своим мыслям, когда мой взгляд зацепился за странное дерево. Таких я еще не видела. Толстое, явно старое, с низкой плоской и широкой кроной, словно огромный зонтик. С его ветвей, словно тонкие змейки, свешивались отростки нежнозеленого цвета. Кое-где виднелись небольшие цветы белого цвета, чья хрупкая красота очарована меня, и я не сводила взгляда с дерева, пока подъезжала к нему.

Из-за ширины тропы мы теперь ехали друг за другом, и никто не мешал мне любоваться хрупким очарованием на фоне древнего гиганта. Воины, кажется, совсем не обращали внимания на дерево. Они объезжали его, ни на мгновение не остановив взгляда этом простеньком, но чуде. Я повертела головой, раздумывая спросить, что это за дерево, или нет. Но на меня никто не смотрел, разговаривать явно не собирался, а Скай был где-то впереди, и кричать ему не имело смысла.

Приблизившись к дереву, я протянула руку и мягко коснулась побега.

— Лейда Сиел... — услышала я, но голос, позвавший меня, оборвался, так и не договорив, словно воин кто-то одернул.

Я пробежалась кончиками пальцев по нежной зелени, хотела понюхать цветок, но он

рос выше. Мне пришлось привстать на стременах, ухватиться двумя руками за побег. Дернула его, пытаясь оторвать...

— Игнис! — крик Ская прилетел издалека и слился с моим изумленным возгласом, когда побег вдруг оплел мне запястья.

Кто-то дернулся в мою сторону, и пальцы, затянутые в перчатку, скользнули лишь по моим лодыжкам, когда меня выдернуло из седла, в одно мгновение закинуло наверх, и я успела увидеть, что в кроне зияет огромная дыра, незаметная с земли. Ствол скрипнул, и подо мной распахнулся черный зев. Попыталась ухватиться за ветви, но они оказались скользкими, и я, оглушительно взвизгнув, полетела в прохладную черноту, пахнущую прелью...

Полет был недолгим. Я бы даже сказала, очень коротким. Меня сжало внутри ствола уже через пару мгновений, сдавило со всех сторон, и я сипло выдохнула, закончив верещать. Стенки ствола оказались склизкими, и теперь к древесному запаху примешалось тошнотворное зловоние. И судя по кромешной тьме, зев над моей головой сомкнулся. Я поежилась, и меня втянуло глубже. На что это было похоже? На гигантскую глотку, вот на что. Кажется, меня сожрало дерево, не до конца, конечно, но, судя по догадке, в ближайшее время меня собирались переварить.

Сказать, что я была против участи отбивной с кровью, ничего не сказать. Стиснув зубы и стараясь не дышать, я закрыла глаза, успокаиваясь и прочищая мысли от подступающей паники. «Лейда Сиел...», — всплыло в памяти. Хоть одна собака оказалась с зачатками совести! Значит, решили скормить меня дереву? Знали и молчали, да? Надеюсь, Аквей им вырвет их поганые сердца, если меня все-таки переварят в деревянном вонючем чреве.

От злости я зарычала, попыталась освободить руку, чтобы погрозить в пустоту кулаком, но добилось лишь того, чтобы меня всосало еще дальше.

— Ах, ты ж, прожорливая тварь, — прошипела я, дурея от зловония и злости.

Сожрать меня! Меня! Подавишься, гадина. Я кривовато ухмыльнулась и «выпустила когти». О последних жалела сейчас до крайности. Царапнула в первый раз не сильно, для пробы. Снова попыталась вытащить руки, чтобы полосовать ногтями древесную глотку, но сразу же отказалась от своей идеи, потому что с каждым движением меня проталкивало всё глубже. Оказаться в желудке монстра с цветочками мне слишком быстро мне как-то не хотелось. Возможно, мне следовало сначала задохнуться, а после уже меня переварят, однако проверять свое предположение я не стала. Хотя бы потому, что воздуха уже не хватало, а если учесть вонь, то дышать мне оставалось совсем недолго. Да и сжимали тиски так, что полноценного вдоха сделать не получалось. Учитывая, что бороться мне осталось недолго, и свободы для движений нет, я больше не стала царапать слизь, я в нее вцепилась.

Между пальцев мерзко хлюпнуло, но я лишь сильнее сжала челюсти. Нутро дерева сжалось сильнее, едва не раздавив меня. Затем мелко задрожало, и... разжалось. Я стремительно заскользила вниз. Взвизгнув, расставила в стороны руки и ноги, пытаюсь сдержать падение. Дерево ответило новым спазмом, опять сжав меня с такой силой, что я слышала хруст своих когтей. Сознание помутилось, дышать стало окончательно нечем, и я вяло выругалась, понимая, что это конец. А затем дерево содрогнулось, еще раз, еще и...

С оглушительным треском ствол выше меня треснул, и в мое узилище хлынули яркий дневной свет и свежий воздух. Сквозь плену, застилающую глаза, я увидела, как ко мне свесился человеческий силуэт, сильные руки схватили меня за шкуру и рванули наверх, выдирая из слабеющей хватки дерева-людоеда.

Издав сиплый квакающий звук, когда застежка плаща впилась мне в горло, я вылетела из древесного нутра и повалилась на пыльную дорогу, судорожно сглатывая и жадно вдыхая воздух.

— Ничего ее не берет, — хмыкнул кто-то.

— С вами разговор еще не закончен, — услышала я голос Скай и открыла глаза. Он склонился надо мной, взъерошенный и заметно встревоженный. Заметив, что я смотрю на него, водник едва заметно улыбнулся. — Живая?

— Думал, что от меня так легко избавиться? — хрипло спросила я и села.

Аквей внимательно рассмотрел меня.

— Выглядишь кошмарно, — сообщил Скай и передернул плечами. — Просто жуть. Вр-

Р.

Я свела зрачки к переносице, рассматривая слипшуюся от слизи прядь, затем скосила глаза на плечо. Вот теперь я бы с радостью вернула плащ его хозяйке, даже лично натянула бы на нее. При мысли о том, как скривилось бы хорошенькое личико Эйволин, я растянула губы в ухмылке. Смешок над моей головой заставил поднять взгляд на Аквея, изо всех сил пытавшегося подавить рвущийся наружу смех. Я сузила глаза и прошипела ядовитой змеей, закипая в одно мгновение:

— Вес-село, С-скай?

— Игнис, — он вскинул руки в защитном жесте, но теперь его смех прорвался наружу, и водник отшатнулся, хохоча уже во всё горло. Он попытался взять себя в руки, однако сумел выдать лишь: — Ты... ты забавная... Тьма-а-а...

И Аквей привалился к дереву по другую сторону тропы, продолжая хохотать. В этот раз меня не заворожил его смех, о, не-ет. Он взбесил меня! Вскочив на ноги, я сжала кулаки и обвела весь отряд свирепым взглядом. Сдула с глаза сопливую сосульку волос, но она тут же вернулась на прежнее место. Подула снова, вновь сведя зрачки к переносице, и мужской гогот заполнил пространство. Кто-то хохотал открыто, кто-то отворачивался, как Войтер, но по трясущимся плечам было ясно, что скрыть пытаются смех.

— Думали скормить меня этому живоглоту? — с гневом спросила я. — Настоящие мужчины! Дайте мне клинок, и посмотрим, как станет весело!

К сожалению, я выглядела слишком жалко, чтобы во мне сейчас увидели угрозу. И мой вопль вызвал лишь очередной взрыв смеха. Я зарычала, топнула ногой и стремительно направилась прочь, на ходу оттолкнув морду Венна и не слушая писк Искры за спиной.

— Игнис! — крикнул мне вслед Скай.

— Гори в огне, Аквей! — рявкнула я, продираясь сквозь кусты.

— Да постой ты! — я услышала звук погони, но проклятый водник всё еще посмеивался, потому на призыв я не остановилась. — Игнис, остановись!

— Видеть тебя не хочу! — выплюнула я, сворачивая в очередные заросли.

— А я, между прочим, спас тебя, — весело воскликнул Аквей. — Игнис, хотя бы скажи спасибо.

— Чтоб ты провалился.

— Ты мила, как всегда, — хмыкнул водник, почти догнав меня. — Да, стой же ты, глупая! Ты хотя бы знаешь, куда ты идешь?

— Про дерево я тоже ничего не знала, но это не помешало твоим воинам наслаждаться зрелищем, надеясь, что я сдохну в зловонном нутре, — я все-таки остановилась и обернулась

к нему.

— Ты упрекаешь их? — Скай остановился и теперь смотрел на меня серьезно. — В том сражении у Черного замка погибли их братья, отцы, сыновья. Ненависть к рыжему велика. И к тебе тоже, вряд ли не знала об этом. Ты приказала уничтожить всех мужчин от шестнадцати до шестидесяти лет в поселении Рафа. Он выжил лишь потому, что отбыл ко мне в замок. А когда вернулся, застал воющих женщин и разоренные жилища. Игнис, они даже не знали о готовящемся походе! Так почему они должны жалеть тебя, когда ты не жалела их? Ты всё еще жива только потому, что я приказал тебя не трогать. Или же ты думаешь, что твоя красота способна заставить забыть о злодеяниях?

Вновь развернулась, развела руками заросли и шагнула в прохладную тень леса. Водник последовал за мной. Ни воинов, ни Венна с нами не было.

— Игнис.

— Я хочу смыть с себя эту дрянь, — буркнула я.

— Тебе стоит попросить, и я дам тебе воду, хватит бегать, здесь небезопасно, — тон Аквея стал мягким.

Только меня эта мягкость не проняла. Я резко развернулась к нему, почти ткнувшись носом в грудь, вскинула голову и зло посмотрела в глаза.

— Хочешь, чтобы я просила? — понизив голос, спросила я. — Хочешь, чтобы умоляла? Думаешь, поставить на колени, водник?

Аквей возвел глаза к небу, шумно выдохнул и от души припечатал:

— Дура.

Пощечина вышла мгновенной и звонкой. Я распрямилась, расправила плечи и насмешливо посмотрела на след от своей ладони на щеке водника.

— И всё равно дура, — повторил он. — На колени тебя давно поставили, только что-то это тебя не бесит. Где твоя гордость, когда бьешься лбом об пол, восхваляя рыжего?

— Прекрати называть его рыжим! — с яростью воскликнула я. — Ты не стоишь его мизинца.

— Да и плевать! — разозлился в ответ водник. — Это ты перед кровожадной тварью спину гнешь, меня смогли согнуть лишь силой.

— И ты решил согнуть меня?

— Я сказал, что тебе достаточно попросить, чтобы получить воду, только и всего. Это моя стихия, и с некоторых пор мне не нужен источник силы, чтобы управлять ею. Скажи, и я тебе прямо здесь открою ключ.

— Ничего мне от тебя не нужно, — я отвернулась. Внутри всё еще кипело, лишая возможность услышать разум.

— Такое ощущение, что тебе не четыреста лет, а четырнадцать, — проворчал за моей спиной Аквей. — Вода есть через сто шагов, я ее чувствую. Но будет глупостью еще больше отдалиться от отряда.

— Вот и не отдаляйся, — отмахнулась я. — В какой стороне?

Я обернулась к Скаю. Он буравил меня взглядом, на скулах двигались желваки, не напугал. Аквей втянул воздух сквозь стиснутые зубы, а затем выплюнул одно единственное слово:

— Бесишь, — и меня окатило водой, ударившей из-под земли.

Упрямо сделала шаг в сторону, и тут же новый фонтан обдал меня водяной струей. Еще шаг, и еще один фонтан. Еще шаг, еще фонтан. Я разъяренно взвизгнула, сорвала с плеч

грязный мокрый плащ и швырнула им в водника.

— Прекрати!

— Ты уже чистая? — невозмутимо спросил Аквей.

— Чтоб тебя пожрал Хаос, водник!

И меня окружил поток воды со всех сторон, щедро изливаясь на голову.

— Ненавижу! — выкрикнула я, в остервенении топая ногами. Когда я так бесилась в последний раз? Никогда!

Поток воды вдруг резко прекратился. Я некоторое время фыркала, отплевываясь от воды и ожидая снова смеха. Но его не последовало. Протерла ладонями лицо

и...

— Великая Тьма, — выдохнула я.

Скай лежал на земле с пробитой головой. А на меня смотрели то ли морды, то лица жутковатых двуногих тварей, поросших шерстью. Они подступили ближе, принюхались, и один из тригов коротко рявкнул. Я открыла рот, чтобы завопить, но на мою голову опустилась дубина, и свет перед глазами померк...

Глава 6. День восьмой

— Скай, чтоб ты сгорел, за какой Тьмой у меня так болит голова?

Голос прозвучал отвратительным скрипом, царапнув слух мне самой, сухая глотка отозвалась неприятной болью. Я еле разлепила веки и уставилась в низкий темный потолок. Обоняние уловило не слишком приятный запах звериного логова, смешавшегося с ароматами трав. Попыталась встать, но виски взорвались новым витком боли, и я со стоном закрыла лицо руками.

— Проклятый водник, — проворчала я и застыла, когда перед глазами встала картина, в которой мой похититель лежал на земле с окровавленной головой.

— Бесконечный Хаос, — выдохнула я и порывисто села, старательно жмурясь, потому что перед глазами закружилось пространство, вызывая тошнотный позыв.

Затем осторожно раздвинула пальцы и взглянула на то, что окружало меня. Земляные стены, маленькое круглое окошко, затянутое чем-то мутным. Судя по всему, на улице уже было темно, и только благодаря вернувшейся возможности видеть в темноте, я смогла рассмотреть и грубо сколоченный стол и глиняную миску на нем с каким-то варевом, в котором плавали травы и большие куски мяса на косточке. Рядом стоял маленький кувшин с водой. Ее я выпила залпом, когда доковыляла до стола и рассмотрела всё, что стояло на нем.

После обернулась и некоторое время разглядывала низкое ложе, жесткое и неудобное. Тело затекло от долгого лежания на нем. На ложе были рассыпаны цветы, уже пожухлые. Подойдя ближе, я криво ухмыльнулась. Никакой романтики, всего лишь Сонник. Аромат этих цветов способен свалить даже медведя, а мне насыпали немало, удерживая в бессознательном состоянии. И только благодаря тому, что цветы увяли, дурман спал... Стоп!

Даже увядший Сонник в таком количестве должен был бы удержать меня в состоянии сна. Победить его могло... Мой собственный цветок! Вернулся еще один дар, точно. Я стремительно стянула просохшее платье, оглядела свое тело, но следов цветка уже не было видно. Ладно, судя по всему, это невосприимчивость к чарам. Меня не обмануть мороком,

не навясть сон ни магией, ни травками. Не наслать любовных чар, не проклясть. Этот дар Господин пробудил без всяких просьб. Моя неуязвимость его всегда сильно волновала.

«Если не расстроишь меня, ты проживешь столько, сколько проживу я, а я буду жить вечно», — так он говорил мне.

Значит, вот он мой седьмой дар. Уже неплохо. Даже полезно. Когда меня найдут, а я надеюсь, что найдут, мне предстоит еще какое-то время прожить среди магов, и от их ненависти и мести меня не спасет даже Скай. Достаточно вспомнить его воинов. Господин всего лишь уехал вперед и потерял контроль, а меня уже скормили дереву-живоглоту, воспользовавшись незнанием местной растительности. И им плевать на то, что сохранение моей жизни важно, иначе Вайторис может очень сильно разозлиться, и тогда всё станет намного жестче и страшней. Хотя вряд ли воины думают об этом. Они видят врага и стремятся его уничтожить. И Игнис Сиел не триги, ее беречь не за чем. Скоты, тьфу.

Шумно выдохнув, я направилась на выход. Толкнула деревянную дверь, она легко поддалась. Все-таки триги не так уж и не разумны. Утварь, двери, стол, окошко, Сонник. Всё это показатели того, что разума у них предостаточно. К тому же стоит учесть, как нас подловили с водником. Выждали, когда мы оказались наиболее беспечны. Устранили мужчину, оглушили женщину. Интересно, а Аквея прихватили, или оставили валяться с пробитой головой? Выжил хоть?

В груди как-то неприятно сжалось. Я на мгновение задохнулась, и пришлось остановиться, чтобы опереться рукой о стену, пока внезапное кружение перед глазами не прекратилось. Мотнула головой, пытаюсь понять, что сейчас со мной произошло, чувствовала я себя уже лучше. Однако, отбросив ненужные размышления, я снова огляделась.

И вновь я не встретила никого из тригов. Эта комната была пуста. В ней я увидела подобие очага с подвешенным над тлеющим огнем котлом, большой деревянный стол, полки с посудой. Похоже, это была кухня. Но меня больше привлекло большое деревянное ведро. Я подошла к нему и с облегчением вздохнула, внутри была вода. До невозможности хотелось ополоснуть лицо. Я бы не отказалась от целой купели, чтобы помыться, но приходилось довольствоваться тем что есть.

Я опустила ладони в холодную воду, зачерпнула воду и протерла лицо. Затем подумала и нагнулась ниже, чтобы щедро поплескаться на себя. Вновь опустила руки в воду и изумленно замерла, ощутив, что она изменилась, став более... плотной. Да, плотной, немного вязкой. Нахмурилась, потянула ладони назад и вскрикнула, когда поняла, что меня держат за запястья. Хотела отпрянуть, но вода вдруг взметнулась фонтаном, и мою голову поймали в захват холодные ладони. Я уставилась в синие глаза на прозрачном лице:

— Нашел, — прошелестел знакомый голос.

— Ты, — выдохнула я и зачем-то добавила: — Живой.

— Надеялась, что избавилась? — смотреть на текучую ухмылку было жутковато.

— Точно, только об этом и мечтала, — ответила я.

— Ты улыбаешься, — сказал Скай.

— Глупости, — отмахнулась я, но поймала себя на том, что действительно улыбаюсь.

Однако отчего-то сейчас эта странная радость меня не встревожила. Я и вправду была рада, что говорливый водник жив. Наверное, всё дело было в том, что он мог вытащить меня из поселения тригов.

Аквей чуть помолчал, словно думал о чем-то, а затем отпустив меня, отстранился и

замер прозрачной фигурой из воды, наполовину торчавшим из ведра. Он скрестил руки на груди, поднял одну к подбородку и потер его, издав тихий плеск. Картина была, на самом деле, забавной. Я хмыкнула и зажала рот рукой, чтобы не привлечь кого-нибудь смехом.

— У меня всего два вопроса, — наконец, снова заговорил Скай. — Первый: почему у тебя не чувствовал всё это время? И второй, главный: за какой Тьмой ты всё еще стоишь здесь?

Теперь подбородок потерла я, осмысливая его вопросы.

— Ну-у, — протянула я, — на первый вопрос я, наверное, знаю ответ. В себя я пришла не так давно. До этого лежала живым трупом среди цветов Сонника. А на второй вопрос у меня ответа нет. А где мне стоять?

— Да, возможно. Сон наведенный, мог поэтому не чувствовать, — согласился Аквей. — А что тебе непонятно по второму вопросу? Я вообще-то ожидал повторения истории с похищением из Черного замка. Но я не могу изменить твою форму, а значит, вытащить отсюда.

— Тогда я знаю ответ, — усмехнулась я, вдруг сильно пожалев, что проснулся именно этот дар. — Ко мне вернулась невосприимчивость к чужим чарам и воздействию. Из-за этого я и очнулась, иначе, судя по количеству цветов, мне следовало проснуться намного позже. Наверное, поэтому и в доме никого нет.

— Ясно, — деловито кивнул Скайрен. — Значит, просто не будет. Вернусь позже.

И он снова исчез в ведре.

— Эй! — воскликнула я, запуская руки в воду. — Скай! — Но вода стала обычной, жидкой и текучей, никакой водник в ней больше не прятался. С досадой притопнув ногой, я развернулась и решительно направилась к двери, ведущей на улицу.

Толкнула деревянную створку и нахмурилась, она была заперта снаружи. Усмехнувшись, я подошла к большому столу и уселась на его край. Ноги поставила на лавку, приставленную к столу, подперла щеку кулаком и принялась ждать. А что мне еще оставалось? Дверь мне не выломать, в окошко ничего не видно, рассматривать в землянке было нечего, заняться нечем. Покосилась на ведро, но водник не спешил осчастливить меня новым явлением.

Триги... триги... Что-то было смутно знакомым в этом слове. Такое ощущение, что я про них все-таки что-то знала, но благополучно забыла. Вздохнув, я перевернулась и растянулась на столе в полный рост. Моя память упорно стремилась что-то мне подсказать, но никак не могла пробиться сквозь рой беспорядочных мыслей. Я закрыла глаза и попыталась расслабиться...

— Как же ты хороша...

Что это, шепот ветра, или шелест листвы на деревьях? Я прикрываю глаза, подставляю лицо под невесомо-ласковые касания, не похожие ни на касания пальцев, ни на поцелуи. Невозможно приятно. Душа стонет от болезненной нежности, и хочется кричать на весь мир о том, что мое сердце пылает от любви.

— Моя...

— Что это?! — взвизгнула я и порывисто села, ошалело оглядываясь вокруг себя.

Логово трига было всё также пусто, и кроме меня и моего тяжелого хрипловатого дыхания ничего не нарушало его тишины. Я схватилась ладонями за щеки. Сердце бешено колотилось в груди, грозя вырваться наружу с каждым новым ударом. Мотнула головой, но голос, только что услышанный мной в воспоминаниях, по-прежнему звучал в ушах. И самым

страшным было то, что я не узнала в нем голоса своего Господина. Это не Вайторис говорил мне такое привычное «моя». Не было его покровительственных ноток. Тот, кто ласкал меня, не подавлял волей, не указывал на свою власть, не привязывал к себе признанием. Он просто... любил?

— Великая Тьма, что это?! — со стоном спросила я тишину логова. — Со мной такого не было, не было!

Никогда и никого я не любила кроме моего Господина. Ни для кого мое сердце не билось чаще, и уже давно не ускоряет бег при взгляде на Вайториса. Я отдала ему душу, но сердце остыло несколько столетий назад. Ничто во мне не пылает, кроме страсти. Лишь в эти мгновения я сгораю до пепла. Я не знаю, что значит — болезненная нежность. Даже к Вайтору я не испытывала ничего подобного. Смотрела снизу вверх, восхищалась, млела от полуулыбки и похвалы, но...

«Как же ты хороша»...

— Прочь! Убирайся прочь, кто бы ты ни был! — выкрикнула я и замолчала, оглушенная звенящей тишиной, едва ли потревоженной моим криком. — Прошу...

О чем я просила? Наверное, о том, чтобы бессмысленное видение исчезло, словно его никогда не было, но память, будто издеваясь надо мной, вновь и вновь шептала мне чужим незнакомым голосом слова, которые проникали в самую душу, тревожа и причиняя острую режущую боль. Откуда эта боль? Зачем? Почему? В моей жизни никогда не было этого голоса, тогда почему в глазах стоят слезы? И отчего я ищу ответа на вопрос — что за странная греза смутила мой разум?

— Хватит!!! — заорала я, и... дверь открылась.

На меня смотрели две женщины. Именно женщины, без единой шерстинки, разве что черты их лица были грубоваты, да фигуры и рост не несли в себе никакого изящества. Они смотрели на меня без всякой враждебности или интереса, скорей, равнодушно. Я вздернула подбородок, ответив надменным взглядом свысока. Признаться, была даже рада их появлению, мысли, терзавшие меня, наконец, померкли и дали вдохнуть полной грудью, но не кидаться же мне было с радостными объятьями к двум дикаркам, явившимися не понятно для чего.

— Проснулась, — отметила одна низким голосом.

— Слишком рано, — ответила вторая.

— Тем лучше, — произнес голос еще невидимой женщины, и она раздвинула руками первых двух.

Это была старуха, чей рост значительно уступал двум дикаркам. Седые волосы были собраны в пучок на затылке. И если первые женщины были одеты в бесформенные хламиды, то на этой было надето вполне привычное платье, только выцветшее и не один раз заштопанное. Цепкий взгляд черных пронизательных глаз прошелся по мне, я невольно поежилась от ощущения, будто меня одновременно укололи множеством иголок. Глаза женщины сузились, и она поджала сморщенные губы.

— Подготовьте и приведите в назначенный час, — велела она замершим дикаркам. — Будет моему сыну сильный наследник. — Я поперхнулась.

— Добыча, — ожила первая.

— Рварну нет равных, — усмехнулась старуха и вышла, так и не сказав мне ни слова.

Я проводила женщину взглядом, осмысливая слишком короткий разговор, чтобы понять, о чем идет речь. Впрочем, соображения у меня появились быстро. Добыча... Значит,

на меня имеют право все мужчины племени, поэтому должно состояться нечто вроде сражения за самку. Так? Похоже, так. И некий Рварн тут самый сильный, и меня уже напорочили в матери его детей. Хм... Сказать им, что рожать я не могу стараниями моего Господина, или не стоит? Нет, не стоит. Это лишит меня важности, и тогда что? Убьют? Сможет взять каждый желающий? Вряд ли я переживу такое. Нет уж. Мать, так мать, а там посмотрим. В любом случае, водник обещал вернуться. Буду ждать Ская и не противиться, чтобы со мной не собрались сделать. Убивать пока точно не будут.

Пока я размышляла, дикарки приблизились ко мне. Меня сноровисто стянули со стола, утвердили на ногах и накинули нечто, напоминавшее плащ. Только капюшон оказался слишком глубокий, и его края лежали на моей груди. Были рукава, но они достигали моих колен, низ плаща волочился по земле, так что можно было смело сказать, что меня спрятали. Вот бы еще исчезнуть на самом деле...

Однако я никуда не исчезла, но и в логове не осталась. Женщины крепко ухватили меня под обе руки и повели на выход. Хотелось крепко выругаться, потому что я ничего не видела, и, оказавшись вновь без обуви, пересчитала босыми ступнями все камешки, попавшиеся по дороге. Правда, ни разу не спотыкнулась и не завалилась, мои надсмотрщицы за этим следили. Они легко вздергивали меня вверх, когда под ногами появлялись переплетенья древесных корней. Может было что-то еще, не видела, но до цели нашего путешествия добрались быстро. И скажу честно, когда с меня стянули хламиду, я произнесла с чувством:

— Благослови вас, Хаос!

Меня ждала большущая и глубокая лохань! Вода в ней исходила парком, на поверхности плавали пышные розовые цветы, наполняя воздух купальни тонким пьянящим ароматом. Надо ли говорить, что я не произнесла ни слова протеста? Более того, сама избавилась от грязного платья и шагнула на невысокий табурет, с которого перебралась в самую лохань и с наслаждением погрузилась в ароматную глубину с головой. После вынырнула, раскинула руки в сторону и велела:

— Приступайте.

Дикарки переглянулись. Кажется, от меня ожидали чего-то иного. Возможно, слез, мольбы, борьбы и яркого протеста, но не дождались. Как же я мечтала помыться после поганого нутра живоглота! И пусть фонтаны Аквея сбили с меня слизь, но волосы всё еще оставались неприятно жесткими, платье заскорузлым, и кожу кое-где тянуло. К тому же присутствовал небольшой зуд, и это вовсе не было зудом цветения очередного дара.

— Ну? — я с возмущением посмотрела на дикарок.

Женщины снова переглянулись и... залезли ко мне в лохань, не раздеваясь. Вот это возмутило, но пришлось сдержаться и не мешать им. Одна намывала мне волосы, вторая тело, а я закрыла глаза и млела от неспешных движений женских рук и аромата цветов. Пальцы дикарки скользнули по моей груди, несильно сжали ее, задели наверх сосков и замерли, словно ожидая чего-то. Я приоткрыла глаза, с подозрением посмотрела на озадаченное лицо женщины:

— Что? — спросила я. — Продолжай.

— Ты не стонешь, — произнесла та, что облапила меня.

— Цветы свежие? — вторая перестала перебирать пальцами мне волосы.

А, ясно. Очередные цветочки с секретом. И мытье для того, чтобы выйти к самцам, готовой к соитию? Выдавать тайну, что на меня уже не действуют чары, не стала. Кто их знает, что у них там приготовлено на такой случай. Потому откинула голову назад,

приоткрыла рот и, облизав языком губы, издала негромкий протяжный стон.

— Свежие, — с удовлетворением отметила первая и продолжила мыть мое тело, умело дразня грудь кончиками пальцев, чтобы огонь желания разгорелся еще сильнее.

Я вдруг представила, что сейчас со дна поднимется Скайрен Аквей, весь состоящий из воды, каким он был в логове. Забавно было бы посмотреть, как отреагировали бы на это невозмутимые дикарки. Сомневаюсь, что они видели нечто подобное. Я так ярко представила себе его прозрачный, но плотный силуэт, лицо с ярко-синими глазами, наполненными бликами света, как речная рябь в солнечный день. Интересно, а в теплой воде он тоже был бы теплый? Любопытно, а какво это целовать водяного мужчину? Были бы его поцелуй таким же, как во плоти? Жадным, глубоким, пьяняще-чувственным...

— Ох, Тьма, — задохнулась я без всякого притворства.

Одна из женщин довольно хмыкнула у меня над ухом, и я заставила себя вырваться из плена сладкого наваждения. Жаль, что проснувшийся дар не может оградить меня от желания, которое вызывает во мне водник, было бы очень кстати... Я разозлилась на Аквея, даже не знаю, за что больше. То ли за то, что не появился из воды, то ли за то, что завожусь лишь при одном воспоминание о его поцелуях. Теперь сохранять на лице блаженное выражение было гораздо сложнее, но дикаркам хватило и моего сопения с нервным покусыванием губ. Должно быть, решили, что я уже изнемогаю от вожделения и жду не дождусь, когда меня один из их воинов затащит к себе в логово.

Приоткрыв глаза, я проследила за ухмылочками дикарок. Хотелось спросить, часто ли они производят такие омовения, и где те женщины, которых приводили в купальню. Да и о том, кто в племени разбирается, узнать в травах тоже хотелось. Возможно, та самая старуха, а может триги это знали и до нее. Однако мои вопросы сейчас были лишними, и я молчала.

Послушно выбралась из лохани и дала себя обтереть. Мое грязное платье, хвала Тьме, на меня натягивать не стали, вместо него надели на бедра широкую полоску кожи, грудь скрыли под волосами и ожерельем из серебряных монет в несколько рядов. Обули в подобие кожаных сандалий, оплели ноги до колен ремешками, и, как завершающий штрих, на запястья надели кожаные нарукавники, обшитые тоже серебряными монетами.

Хмыкнув, я решила, что во всем моем нынешнем виде несомненный минус мокрые волосы. Вода быстро остыла и теперь стекала по телу холодными ручейками, несмотря на то, что волосы неплохо отжали в грубоватое серое полотно. Ничего, выдержим и это. В завершение омовения на меня вновь накинули ту же хламиду, в которой я ничего не видела. После этого прозвучало короткое:

— Идем, — и меня опять повели.

Однако остановили, как только тепло купальни осталось за спиной, и я услышала скрип закрывшейся двери. Кто-то приблизился ко мне, некоторое время молчал, но все-таки заговорил.

— Тебе повезло, девочка. — Это была старуха, я узнала ее по голосу. — Когда меня выкрали и выставили, как добычу, мне достался грязный вонючий зверь. Никто не затуманил мне разум ароматом лиеды. Лишь на ложе, когда мой зверь вошел в опочивальню, я узнала, что они могут менять личину, и взял меня человек. Многие думают, что триги всего лишь неразумные животные, но у них есть разум. И этот разум позволил вожаку разглядеть во мне не просто самку. Он полюбил меня, я стала ему верной женой и знахаркой для всего племени. Памятуя о том ужасе, который пережила в ту ночь, когда мой Орвер лишил меня девства, я благодетельствовала пленниц покоем до омовения и огнем страсти перед

поединком воинов, лишив их страха. Сейчас ты не понимаешь меня и мечтаешь о мужском естестве, которое заполнит твое лоно, но когда очнешься, ты увидишь рядом сильного мужчину, а не животное. Надеюсь, что не ошиблась, и ты дашь ему то, чего не смогли дать другие жены. Они были слабы и глупы. В твоих глазах я увидела разум и не увидела страха. У тебя сочное тело, созданное для того, чтобы услаждать мужчин. Рварн оценит последний дар своей матери. И если утром ты будешь готова принять его, я обучу тебя всему, что знаю сама, и тогда Создатели, наконец, отведут меня к моему мужу и двум старшим сыновьям. Не подведи меня, девочка. Разочаруешь, исчезнешь, как и остальные до тебя. Не пощажу. Ведите.

Меня вновь потянули вперед, а я задумалась о словах старухи. Выходит, что она травница, раз стала знахаркой. Заботливая, заведи ее Хаос. Я недобро усмехнулась. Значит, не желает самку трига в жены своему сынку, хочет более образованную женщину. Сколько она так загубила девушек, пока ищет Рварну достойную жену? И Скай будет называть меня порождением Тьмы! А чем эта старуха лучше меня? Я хотя бы выполняла приказы Господина, а эта губит перепуганных девиц за то, что они не хотят принимать дикаря. Интересно, знахарка хотя бы дает им время привыкнуть? Судя по всему, нет, раз ожидает утра. Выходит, если изнасилованная пленница на утро не понимает своего счастья, заботливая мамаша ее убивает. И как? Травит, душит? Да плевать, если честно. Но если мне придется лечь под этого Рварна, Вайторис спалит все племя, не глядя на то, магические они существа или нет. И все-таки я надеялась, что водник успеет раньше, чем я укажу Господину, где нахожусь и что со мной сделали, а я укажу. Клянусь Огнем, никого не пожалею.

Тут мне пришла в голову иная мысль. Скай говорил только о звериной личине. Пугал, или сам не знает о том, что триги все-таки оборотни? Пока я размышляла о том, насколько ревностно племя хранит свои секреты, меня куда-то привели. Я ощутила жар огня, негромкое порывивание, словно вокруг меня собрались звери. Кажется, я на месте, где за меня будут сражаться самцы. Не скажу, что я не испытала острого любопытства. Конечно, это не та эмоция, которую от меня ожидают, но что-то мне подсказывает, что в обморок от ужаса я не упаду.

Плащ-хламиду с меня стянули одним ловким движением, и я невольно покривилась от яркого всполоха огня, но уже через пару мгновений с интересом рассматривала тригов. Они расселись кругом, верхней точкой которого была я. Дикарки, которые привели меня сюда, исчезли, и я оказалась единственной женщиной. На меня обратились взгляды всех, кто находился в круге. Триги не то звери на двух ногах, то ли люди, поросшие шерстью, с крепкими клыками и острыми когтями могли бы напугать впечатлительную девицу, я же видела созданий и померзительней. Да и от нежного девичества меня отделяли несколько столетий. Так что я спокойно осмотрела «женихов», откинула подсыхающие пряди волос на спину и приняла наиболее соблазнительную позу. Дурила, да. Но почему нет? Буду я стоять столбом, или же раззадоривать самцов, результат один.

Хищные взгляды прошли по мне, оставляя ощущение липкой паутины, ноздри зверей трепетали, улавливая мой запах. На некоторых мордах ясно читалось недоумение. Разумеется, они не уловили запаха вождения, вопреки словам старухи о мужском естестве я как раз совсем не мечтала, и возбуждение, охватившее меня в купальне при мысли о Скае, уже исчезло, и вода смыла его следы. Усмехнулась, откинула на спину вторую прядь и посмотрела прямо в глаза самому мощному, бросая ему вызов. После оглядела остальную стаю и замерла, безучастно глядя поверх лохматых голов с небольшими треугольными

ушами.

И словно это стало сигналом, с места вскочил один из тригов. Он полуприсел, будто готовился прямо сейчас броситься на любого, кто решит оспорить его право на самку, оскалился и оглушительно зарычал. Тут же послышался ответный рык с другой стороны круга, и в центр выскочил второй самец. Если Рварн тот, кто мощней остальных, то он остался сидеть на земле, не спеша вступить в драку. Он следил за разгорающейся дракой, я за ним.

Почувствовав мой взгляд, мощный триг повернул голову в мою сторону. Я пренебрежительно усмехнулась, снова глядя ему в глаза, и перевела взгляд на дерущихся самцов. А когда вновь мазнула взглядом по большому самцу, он по-прежнему смотрел на меня. Я приняла излюбленную позу. Правая нога чуть выставлена вперед, подбородок гордо приподнят, левая ладонь упирается в бедро... Жаль, что нынче мне неподвластен огонь. Обычно в правой руке у меня огненная плеть, чей кончик подергивается по земле, рассыпая искры. Завораживающее зрелище... наверное.

Волосы быстро высохли, благодаря огромному костру за спиной, и теперь черные пряди извивались змеями, то бросаясь мне в лицо, то вновь открывая обзор. Вайторису бы понравилось. Интересно, а Скаю? Ему бы я такая понравилась? Его бледная водница представляет собой совсем иной тип. Изнеженный хрупкий цветочек, который так и хочется изломать в пальцах.

Воспоминание о Эйволин породили волну злости, и за схваткой я следила уже с кровожадным любопытством. Самца, первым кинувшего вызов, вытащили за ноги за круг, и победитель, разгоряченный схваткой и победой, ударил себя в грудь когтистой лапой, издав громоподобный рык. Но на него уже ответили, и драка закипела по новой. Мощный всё еще оставался на месте. Однако интерес к нему я уже потеряла, в этих гляделках не было толку. Это развлечение мне уже надоело.

И вновь схватку выиграл тот же самец. Он был изранен ударом когтей соперников, но упрямо держался на задних лапах, вызывая нового противника на бой. На мгновение он обернулся ко мне и зарычал, кажется, показывая, что место для ночлега мне уже определено, но в круг вышел четвертый самец, явно не согласный с самоуверенностью победителя двух схваток. И четвертый добил стойкого зверя. Но даже когда его утаскивали за круг, он всё еще порывивал и махал лапой в мою сторону. Какой настойчивый кавалер...

Четвертого победил пятый, выстоял против шестого и седьмого, но восьмой выиграл схватку почти сразу, хватило одного удара. И вот тогда с места встал самый мощный триг, а я, наконец, поняла, чего он ждал. Первыми сражались более слабые самцы, и вожак, а я теперь была уверена, что это он, не вступал в драку, в которой мог выиграть слишком быстро. К тому же, слабые или нет, но противники могли вымотать его раньше времени, и победа досталось бы более свежему самцу.

Рварн немного покружил в круге, затем нанес пару ударов, свалив противника с ног, и посмотрел мне в глаза. Вновь пренебрежительно фыркнула и отвернулась. За время следующих поединков я успела заскучать. Тактика у зверей была примерно одна и та же. Покружили, ударили лапами. Зубы в ход не пускали, только передние лапы. Рвали друг друга, но не до смерти, что вполне понятно. Но чем сильнее вставали противники, тем более остервенело звучало рычание, тем яростней становилось нападение, и тем опасней наносились удары.

Рварн выстоял уже против трех самцов. Оставались еще двое, и сдаваться вожак явно не

собирался. Я задумала о малочисленности племени, но потом взгляделась в тех, кто сражался. Среди них не было юных и пожилых. Свободные зрелые самцы? Да, скорее всего. Если все-таки у тригов есть жены, то здесь действительно присутствуют только те, у кого еще нет пары. Если они тащат к себе женщин, то приток свежей крови имеется, а при условии, что их особо не трогают, то племя должно быть не маленьким.

— А-ар-р, — заревел Рварн, ударом лапы отбрасывая в сторону еще одного противника.

Он стремительно обернулся ко мне. В черных звериных глазах отражалась игра языков пламени. Шерсть на загривке топорщилась, плечо самца окрасилось кровью от рваной раны, но выглядел он впечатляюще. Хищник, стремительный, сильный, беспощадный. Но я лишь изломила бровь и повернулась к нему боком, проявляя пренебрежение. Дойти до меня вожаку не удалось, потому что в круг выскочил последний оставшийся триг.

Этот самец мало уступал в комплекции Рварну, и мощному стало не до меня. В этот раз схватка была более затяжной. Противник вожака оказался не только силен, но еще и хитер. Он играючи уворачивался от ударов, то подныривая под несущуюся к нему лапу, то плавно ускользая в сторону. Эта игра заметно бесила Рварна. Он начал пропускать ответные удары, тем более его противник не скупился на обманные замахи. И когда лохматый упал на землю, а я посчитала, что он все-таки упустил победу, вожак ударил под противника под колено. Тот присел, и следующий удар задней лапы пришелся второму тригу в живот. Он согнулся пополам, и Рварн окончательно свалил противника на землю. После уселся сверху и несколько раз наотмашь ударил одной передней лапой, второй и откатился, замерев несколько мгновений. С земли поднялся только Рварн.

Он тряхнул головой, и яростный рык разорвал беспокойную тишину ночи. Затем взглянул на меня исподлобья и неспешно приблизился, всем своим видом показывая, кто хозяин этой ночи. Я прокрутила в голове, как охладить пыл разгоряченного дракой самца, но так и не придумала. Словами распалю еще больше, ножа мне никто так и не дал, силы наши явно не равны. Оставался только один выход — поскорей уснуть и наябедничать Вайторису, если, конечно, он не придушит меня, как только я появлюсь.

Вожак подошел ко мне вплотную, взгромоздил когтистую лапицу мне на талию и рывком притянул к себе. Горячий влажный язык прошелся по моей шее, жалобно звякнули монетки, когда Рварн разорвал свободной рукой ожерелье. Он еще сильнее прижал меня к себе, и я ощутила твердую плоть. Мелькнула надежда, что прямо сейчас, здесь и в этом обличье зверь меня не возьмет, и разлетелась, как только он развернул меня к себе спиной и толкнул на траву.

— Вот Тьма, — выругалась я, прекрасно понимая, что за мои взгляды мне прямо сейчас покажут, кто тут главный.

Перевернулась на спину, уперлась подошвой сандалии в грудь тригу, уже нависшему надо мной. И только собралась сказать, что думаю о происходящем, как где-то сбоку раздался изумленный возглас. Послышался плеск воды, я вывернулась, только сейчас заметив, что костер разложен на берегу пруда, и застыла с раскрытым ртом.

Света от огня хватило на то, чтобы увидеть удивительную и даже мистичную картину. Он появлялся из пруда, поднимаясь над поверхностью воды, словно оживший Водный Дух. Неспешно, завораживающе. Прозрачное тело отражало блики огня, переливалось на сплетениях мышц. Голова Скайрена Аквея была опущена на грудь, он ни на кого не смотрел, продолжая свой подъем, всё больше приближаясь к берегу. А когда мужская фигура,

сотворенная из воды, шагнула на сочную зелень травы, Скай, наконец, распрямылся и осмотрелся.

Ярко-синие глаза, отливающие бликами света, сейчас отразили игру языков пламени, и мне показалось, что я вижу в сочной синеве золотые искры. Скайрен остановил на мне взгляд, после перевел его на трига, застывшего, как и я, с раскрытой пастью.

— Я пришел забрать свое, — произнес водник, так и не вернув себе привычный облик.

Он направился в нашу с вожаком сторону. Я закрыла рот, гулко сглотнула, и брови мои взлетели вверх, когда я увидела, что по траве, у ног Аквея, по-змеиному извиваясь, ползет узкий поток воды. На моих губах заиграла кривоватая усмешка. Скай прихватил с собой Венна.

— Эта женщина принадлежит мне, — указал на меня водник. — Игнис.

Я попыталась вскочить на ноги, чтобы спрятаться за спину водника, но сверху меня придавила когтистая лапа, и рычащий, едва понятный голос, ответил:

— Моя добыча.

Не слышит их Вайторис... Эта мысль появилась и тут же исчезла, так и не задержавшись в сознании. Передо мной разворачивалось нечто более интересное, чем размышления о Господине.

— Венн, — коротко велел Аквей.

Змей обрел плоть и стремительной стрелой метнулся вперед, сбивая с меня трига. После свился в кольцо, заключив меня в его центр, поднял голову и угрожающе заревел.

— Моя добыча! — с яростью зарычал Рварн.

— Ты не победил меня, чтобы присвоить себе чужое, — заносчиво ответил водник. — Ее забрали не в честной схватке. Ты вор среди других воров. Хочешь забрать мою женщину, сразись со мной. И если победишь, я уйду и оставлю ее тебе. Но если выиграю я, то заберу Игнис, и никто не посмеет преследовать нас.

— Я победил, — не согласился триг.

— Не меня. Игнис принадлежит мне, и только победив меня, ты скажешь, что она твоя добыча. Хочешь ее, бейся.

У меня были свои соображения насчет воровства, и кто здесь первый вор, но их я благоразумно придержала при себе. В данный момент я согласна была называться женщиной Аквея. В каком-то смысле я ею и была, если учитывать нашу проклятую связь. Потому продолжала хранить молчание, наблюдая за развитием событий.

— Ты не триг! Рварн уже выиграл схватку за свою самку!

Я стремительно обернулась и сузила глаза, глядя на старуху, ворвавшуюся в круг света от костра. Он встала рядом с сыном и теперь сверлила Скаю неприязненным взглядом.

— Рварн еще малое дитя? — насмешливо спросила я, поднимаясь на ноги. — Что же он за вожак, если от его имени говорит слабая женщина?

— Я его мать, — старуха ответила мне надменным взглядом.

— Мы все рождены матерями, — ответил ей Аквей, — но приходит время, когда мужчина должен говорить своим голосом. Из пасти Рварна я слышу женский визг.

— Я — воин! — зарычал триг.

— Тогда сразись и докажи, что смеешь требовать себе дочь Огня, — Скай глядел в глаза зверю, и тот вздыбил шерсть на загривке.

— Я покорюсь только сильнейшему, — добавила я, гордо вскинув подбородок.

— Он не триг! — вновь выкрикнула знахарка, указывая на водника пальцем. — Он

человек из воды! Пусть покажет истинный облик!

Старая стерва! Меня захлестнуло волной ярости, когда я поняла, чего она добивается. Скай во плоти станет уязвим для когтей трига, и тот порвет водника, потому что Аквей живет по закону, который запрещает применять магию против тех, кто ее не имеет.

— Пусть тогда и Рварн покажет свой истинный облик! — воскликнула я.

— Триги живут в одном облике, это знают все, — насмешливо ответила знахарка.

— Лжешь, карга, — усмехнулась я. — Ты сама мне говорила возле купальни, что они меняют личину.

— Ты не могла меня слышать, — старуха шагнула в мою сторону и вдруг застыла, расширив глаза и нацелив на меня палец. Голос женщины упал до шипящего полусшепота — Какое имя ты назвал, человек из воды?

— Игнис, — опередила я Ская. — Игнис Сиел.

Она отшатнулась, прикрыла узкой сухой ладонью рот и замотала головой:

— Пусть забирает, сын, — в голосе старухи послышался испуг. — Я ошиблась, это не твоя самка. Пусть человек из воды заберет ее. Пусть уходят!

— Нет! — триг мотнул головой. — Моя добыча!

— Сын...

— Молчи!

— Ты не понимаешь...

Но Рварн больше не слушал матери. Он вскинул голову, издав оглушающий рык, ударил себя лапой в грудь и бросился на водника. Старуха порывисто обернулась ко мне, я ответила прямым взглядом исподлобья и издевательской ухмылкой.

— Убийца, — выдохнула знахарка.

— Как и ты, не так ли? — язвительно произнесла я. — Сколько девиц ты посчитала негодными для твоего лохматого сыночка наутро после того, как утром исчезал дурман?

Она не ответила. Вновь закрыла рот рукой и теперь следила за начинающейся дракой. Я тоже не стала настаивать на продолжении беседы, она мне была неинтересна. Погладив Венна, ткнувшегося носом мне в бедро, я смотрела в сторону двух противников. Они кружили недалеко от костра, настороженно наблюдая друг за другом. Я невольно залюбовалась звериной грацией трига. Он ступал мягко, плавно, не спеша напасть. После перевела взгляд на Ская.

Водник... танцевал. Клянусь! Он перешагивал с ноги на ногу, то чуть наклоняясь вперед, то вновь отклоняясь назад, затем крутанулся на пятках, поднял над головой руки и хлопнул в ладоши, и тут же пролился на землю, словно кто-то плеснул из ведра. Еще мгновение, и прозрачная фигура выросла за спиной трига. Аквей вежливо постучал пальцем по плечу Рварна, в недоумение смотревшего на то место, где только что стоял противник.

Триг стремительно развернулся, оскалился и махнул лапой, но Скай уже скользнул в сторону, всем своим видом показывая, что готов продолжить. Рварн, мотнув лохматой головой, зарычал, ударил сжатым кулаком по ладони, и кружение возобновилось. А затем всё повторилось: короткий танец, хлопок в ладоши, и наглец опал мокрым пятном на густую траву. И вновь вожак в недоумении смотрел туда, где только что стоял Аквей. Я усмехнулась, покосилась на знахарку и подумала, что она несколько преувеличила разум тригов.

Повторилось издевательство и в третий раз, с той лишь разницей, что Скай вместо вежливого жеста, пнул Рварна под зад, разъярив зверя. Триг махнул обеими лапами, но схватил лишь воздух, водника уже не было рядом. Вожак нашел его взглядом и вновь

бросился. Они немного пометались внутри незаметно образовавшегося кольца из тригов. Сейчас здесь были не только самцы, но и самки. Они молча следили за поединком, если это можно было так назвать, не вмешиваясь и не отвлекая противников.

Набегавшись, Аквей и Рварн сделали передышку, возобновив кружение. Скай уже откровенно выделял незамысловатые па, больше похожие на танец простолюдинов. Он по-прежнему не нападал, но его действия доводили трига до бешенства. И если именно этого добивался водник, то наступало время воспользоваться плодами своих танцев и расшаркиваний. Я уселась на землю, Венн уместил голову у меня на коленях и млеял от того, что я почесывала ему макушку. Мне хотелось спросить, что леор Аквей намерен делать дальше, но я продолжала хранить молчание. Не вмешивалась и старуха. Она сплела пальцы на груди и что-то бормотала себе под нос, кажется, страдала, но на это мне было глубоко наплевать.

Водник продолжал забавляться и бесить трига. Он уже пару раз крутанулся на пятках, похлопал в ладоши, Рварн нервно рыкнул оба раза, метнувшись в сторону, но Аквей не спешил пропадать. Наконец, крутанулся в третий раз, хлопнул и исчез в траве. Вожак тригов стремительно обернулся назад, ожидая увидеть там Скаю, но водник поднялся там же, где исчез, шлепнул ладонью по лохматой спине, и как только Рварн обернулся, нанес ему удар локтем в могучую челюсть. Триг покачнулся, но устоял. Он заревел, махнул одной лапой, второй, разорвав грудь Аквея. Вода полетела брызгами в стороны, Скай склонился, закрывая ладонями раны. А когда зверь издал торжествующий рык, распрямился и издевательски осклабился.

— А я живой, — жизнерадостно сообщил Скай и снова ударил трига в челюсть.

Снова когти полоснули по воднику, но в этот раз Аквей даже не стал разыгрывать представление. Я смотрела вместе со всеми, как мгновенно затянулись раны, и Скайрен, отступив от Рварна, произнес уже без тени улыбки:

— Хочешь добраться до меня, меня личину. Иначе я загоняю тебя до того, что ты упадешь под ноги своей стае.

— Ты хочешь бесчестной драки, человек из воды! — выкрикнула знахарка. — Рварн ранен, и в человеческой личине будет слаб!

— Я исцелю его раны, — ответил Скай. — Я могу отступить, но тогда он должен признать, что отказывается от самки.

— Моя добыча! — прорычал Рварн.

— Меняй обличье, — потребовал водник.

Но твердолобый триг опять бросился на Аквея. Тот развел руками, вздохнул и пролился на землю. Он возник в другом конце круга, приложил ладонь к губам и издевательски завыл. Рварн обернулся, бросился к нему, но Скай вновь исчез, чтобы вновь появиться на расстоянии от трига.

— Блохастый, потерял? — насмешливо спросил водник.

Ответом ему был разъяренный рык.

— Я здесь, — крикнул Аквей, снова сменив местоположение. — Или здесь... А может здесь.

Он снова и снова исчезал и появлялся, то в стороне от трига, то за его спиной, и тогда следовали пинок или затрещина. Но стоило вожаку обернуться, когда водник опять утекал у него сквозь пальцы (Рварн пытался несколько раз так поймать скользкого противника).

— Не устал выглядеть дураком на глазах стаи? — скучающим тоном спросил Скай.

И вновь в ответ лишь рев и новая попытка нанести удар.

— Меня обличье, триг... Меняй обличье... Меняй...

Скай уже даже не ожидал, пока Рварн подобрется к нему. От его мельтешения не выдержал кто-то из тригов, зарычал и ударил кулаками по земле. Признаться, и у меня уже рябило в глазах.

— Меняй... Меняй... Хочешь добраться до меня, меняй...

Рварн упал на колени посреди круга, замотал головой, продолжая реветь раненым зверем. Затем уперся кулаками в землю и прорычал:

— Согласен!

— Ты применяешь магию! — закричала сварливым голосом старуха. — Это нечестный поединок!

— Да замолчи ты, карга, — раздраженно ответила я. — Если бы он применял магию, твой сынок бы уже стал ковриком под ноги у ложа.

— Ты-ы-ы, — она нацелила на меня палец.

— Откушу, — пообещала я и клацнула зубами. — Затем оторву голову и надену на палку, будешь пугалом на чьем-нибудь поле. Тебе там самое место.

Знахарка вскрикнула, закрыла рот и скрылась за спинами тригами. Устало зевнув, я снова посмотрела в круг. Венн подтолкнул меня под локоть, напомнив, что я забыла о своей святой обязанности.

— Вымогатель без стыда и совести, — обозвала я его, продолжив гладить наглого змея.

Триг всё еще стоял на коленях. Он откинулся назад, раскинул лапы в сторону и снова рычал, но теперь из-за смены личины. Так ли это было всегда, или сейчас давали себя знать усталость и раны, но я и без своего пока утраченного дара чувствовала его боль. На мгновение прикусила губу, жадно вглядываясь в Рварна и лоя его страдания, но вскоре скривилась и ощутила приступ тошноты, а не удовольствия. За чужой болью оказалось наблюдать неприятно. Более того. Мне вдруг стало его жаль трига. Я уже хотела попросить Аквея, чтобы он облегчил страдания оборотня, но округлила глаза и зажала рот ладонью, отчаянно мотнув головой. Вроде приступ человеколюбия немного поутих. Жуть какая!

Чтобы отвлечься от дурноватых мыслей, я посмотрела на Скаю и вновь застыла с приоткрытым ртом. Он уже был во плоти и... совершенно голый. Тьма! Я никогда не видела его таким открытым. И чтоб меня поглотил Хаос, но я уже не могла оторвать взгляда от обнаженного мужчины, задохнувшись от неуместного приступа возбуждения. Он тут же повернул голову в мою сторону, нервно дернул подбородком, что-то буркнув себе под нос.

— Да чтоб ты сгорел, Скайрен Аквей, — проворчала я, облизывая взглядом мускулистую мужскую фигуру. Ненадолго задержалась на естестве, облизала губы, и охнула, когда член в одно мгновение налился силой.

— Игнис, Тьма тебя задери! — рявкнул Аквей. — Ты мне мешаешь!

— А чего ты такой... — хотела сказать соблазнительный, но заменила на другое не менее подходящее слово: — красивый?

— Каким уродился, — сварливо ответил водник, выдохнул сквозь стиснутые зубы, и та его часть, которая теперь будоражила мое воображение, вернулась в спокойное состояние. — Смотри на трига. — Велел Скай, подумал и добавил: — Только на трига.

— Попробую, — честно пообещала я и посмотрела на дитя леса.

Рварн уже сменил личину. Он был также обнажен, как Аквей, но накажи меня

Вайторис, если я ощутила хоть каплю того дурмана, который заполнил мою голову при взгляде на водника. Проклятая связь! Проклятое наваждение! Ожесточенно потеряв лицо, я принялась разглядывать трига, это успокаивало. Рварн оказался выше и шире в плечах, чем Аквей. Он имел мощное тело, совершенно лишенное волос, словно кто-то, кто сотворил их, решил, что волос этим полулюдям хватает в зверином обличье. Впрочем, на голове волосы все-таки были, их длина достигала основания шеи. Посмотрела на лицо и нашла Рварна даже привлекательным. Грубоватые, но мужественные черты не отталкивали. Наверное, будь я кем-то другим, а не Игнис Сиел, он бы даже мне понравился, но моя душа принадлежала Господину, а сердце... Оно не дрогнуло, пока я глядела на трига. А когда водник закрыл его своей спиной, я судорожно вздохнула, скользнув взглядом между лопаток, спустилась по позвоночнику до упругих ягодиц и снова вздохнула, уже умильно.

— Игнис! — крикнул Скай, не оборачиваясь.

— Да глаза б мои тебя не видели! — раздраженно ответила я и повернулась к кругу спиной.

Правда, хватило меня всего на пару минут, и я вновь смотрела на двух мужчин, казалось, совсем не замечавших своей наготы. Я тоже постаралась ее не замечать, вроде даже стало получаться. Впрочем, возможной причиной тому стало то, что раны с тела трига исчезли, и противники опять стояли друг напротив друга. Больше не было танцев и издевок. Теперь Скайрен Аквей выглядел собранным. Он пристально следил за противником.

Триг мягко, словно всё еще находился в зверином обличье, сделал шаг в сторону, однако водник больше не желал кружить по кругу, и его нападение, если и не было неожиданностью, то с ответом Рварн опоздал и задохнулся от удара в солнечное сплетение. Согнулся пополам, и Аквей добил его, ударив сверху. Но уже через несколько секунд триг выпрямился, шумно выдохнул и бросился на Ская.

Я подняла глаза к небу, оно посветлело в преддверии рассвета. Отчего-то не хотелось смотреть на драку. То, на что я столько лет смотрела с равнодушием, вызывало в душе протест, отдаваясь приступом тошноты, когда из носа Аквея брызнула кровь после удара оборотня, и когда водник разбил губы Рварну, впечатав в них кулак. А когда азарт драки захватил обоих мужчин, я и вовсе опустила взгляд и сидела так, разглядывая свои ладони.

Усталость давала себя знать. Веки налились тяжестью и, несмотря на все переживания, я задремала...

— Игнис.

— Господин, — прошептала я и распахнула глаза, обнаружив себя перед воротам горящего замка.

— Игнис! — крик Ская достиг меня, когда я уже почти перешагнула границу, после которой не было возврата. — Игнис!!!

Обернулась. За моей спиной бесновалась полноводная река.

— Вернись!

— Игнис... — вновь звал Вайторис. — Иди ко мне, мое пламя. Я не накажу тебя за твою шалость. Иди ко мне...

— Игнис, Тьма тебя дери! Вернись!

Я вновь обернулась и увидела круг тригов, внутри которого лежал на спине водник. Рварн сидел на нем, сжав пальцами шею.

— Игнис, — прохрипел Аквей, и глаза его закатились.

— Нет! — закричала я, рванулась назад, но сильные руки сжали мне плечи.

Вскинула голову и встретила взгляд черных бездонных глаз Господина.

— Я увидел, — сказал он. Вывернулась и бросилась к задыхающемуся воднику...

— Скай! — с надрывом закричала я, распахивая глаза.

Он уже вяло цеплялся за пальцы трига, пытаюсь оторвать их от своего горла. Меня вдруг затрясло от непонятного страха и негодования. Я вскочила на ноги и заорала:

— Не смей сдыхать, скотина! Вставай! Скай!!!

И... земля дрогнула. Ощущение незримой силы наполнило воздух, она окружила меня, прижалась, словно верный пес, и, слабо отдавая себе отчет в том, что делаю, я направила ее на водника. Скай громко и хрипло вздохнул, распахнул глаза и отбросил Рварна. Он повернул ко мне голову, глядя ошалелым взором потемневших глаз.

— Если ты умрешь, то только от моих рук, — зло отчеканила я и обессилено опустилась на землю.

— Согласен, — коротко ответил водник.

Драка возобновилась, а я задумалась о том, что произошло. По всему выходит, Вайторис снова затащил меня в созданный им мир, и Скай потянулся за мной. Должно быть, это ослабило его в реальности, и он едва не поплатился за то, что пытался вытащить меня назад, своей жизнью. Однако это не особо помогло, потому что... «Я увидел».

— Бесконечный Хаос. Вайтор понял, где меня искать.

Я подняла голову, оглядела тригов и скривилась от сознания того, что собираюсь сделать. Затем нашла взглядом знахарку, так далеко и не исчезнувшую.

— Эй! — позвала я. — Карга, иди сюда.

Старуха мрачно посмотрела на меня и мотнула головой.

— Иди, говорю, — повторила я. — Хочешь сохранить племя?

Она поджала губы, некоторое время сверлила меня взглядом, но все-таки подошла.

— Что тебе нужно? — воинственно спросила она.

— Скоро здесь появится Вечный, он уже знает, где я. Уведи их, — сказала я, косясь на противников. Скай как раз выбивал дурь из упертого трига. — Не знаю, как вам это удастся, от браннеров уйти сложно, но, думаю, Аквей поможет с этим. Можешь прекратить схватку?

— Нет, — она протяжно вздохнула. — Пока не сможет подняться на ноги, будет драться. Если прервать, посчитает поединок незаконченным и потащится за вами. Только проигрыш... — Женщина зло сверкнула глазами. — А он вожак!

— Всех порвет и снова будет вожаком, — отмахнулась я. — Жизнь племени дороже.

— Это говоришь ты? — изумленно спросила старуха.

— Сама от себя в ужасе, — усмехнулась я. — Если имеешь влияние на сына, заставь отказаться от меня. Только шею себе свернет.

— Знаю, — буркнула знахарка. — Девчонкой много о тебе страшных историй слышала.

Она отошла от меня, бросила настороженный взгляд напоследок, после подозвала кого-то из самок и зашептала с ними. Женщины покивали и исчезли, скорей всего, готовиться к бегству из поселения. Потеряв к ним интерес, я посмотрела в круг. Теперь водник сидел на груди трига, мордуя его ударами по лицу. Наконец, Рварн затих, и Аквей, шумно выдохнув, слез с него. Он утер лоб тыльной стороной ладони, бросил на меня быстрый взгляд, и человеческой тело опять стало прозрачным. Лишь после этого Скай приблизился ко мне. Взял меня за руку и потянул на себя. После прижал к себе, обняв за талию, и провозгласил:

— Моя женщина, я выиграл честно! Кто-то хочет оспорить мое право на нее?

Таких не нашлось. Знахарка поспешила к сыну, прислушалась к его дыханию и с явным облегчением вздохнула.

— Господин увидел, где я, — сказала я. — Он придет и выжжет всё поселение. Ты можешь спрятать их следы от браннеров?

— Могу, — ответил водник. — И место это скрою.

А когда триги покинули поселение, пруд разлился, скрывая под собой землянки бывших обитателей. Из огромного озера потекли три реки, меняя место, где я провела остаток вчерашнего дня и эту ночь, до неузнаваемости. Они же перекрыли следы оборотней, дальше передвигавшихся по воде. Когда Вайторис придет сюда, вряд ли он найдет тригов.

Я довольно потерла руки, затем закатила глаза и с пафосом спросила:

— Что я творю?!

— Просыпаешься? — спросил за моей спиной водник.

Я обернулась к нему, Скай улыбался, он всё еще не вернул себе плоть. Мой взгляд остановился на его губах, возвращая мысли о поцелуе с «человеком из воды». Уже слабо думая о том, что делаю, я шагнула к нему, обвила шею руками. Аквей замер на мгновение, глядя мне в глаза, затем его руки сошлись на моей талии, и прохладные губы накрыли мои, захватывая в плен необычного, но всё равно головокружительного поцелуя.

— Ох, Скай, — прошептала, отрываясь от него, и...

Растворилась, потекла, увлекаемая Аквеем, не ощущая ни тела, ни сопротивления воды, сама став ею. Наверное, я слишком сильно испугалась за водника, сбежав от Вайториса, и мой седьмой дар увял. Кажется, я вновь подвержена чужим чарам. Плохо.

Глава 7. День восьмой

— Зачем тебе вообще понадобился этот поединок? — я ехала рядом с Аквеем в голове отряда.

Воины отнеслись к моему возвращению равнодушно. По крайней мере, каменные выражения на физиономиях не выдали никаких эмоций: ни раздражения, ни разочарования. Единственная, кто проявила бурную смесь радости, обиды и гнева в равных долях, была моя крыса. Она вынырнула из травы и набросилась на меня, прыгая вокруг и оглушительно пища. Нужно было видеть в этот момент выражение превосходства на морде Венна, успевшего заполучить меня в единоличное пользование, пока шел поединок. Я подобрала Искру, она несильно прикусила меня, выражая свое негодование моим исчезновением, после уселась на моем плече, повернулась хвостом и так сидела уже несколько часов, которые прошли с момента нашего возвращения в отряд. Правда, стоило мне попытаться снять ее с плеча, как крыса разоралась, вцепившись коготками в ткань плаща самого Скайрена Аквея, который водник отдал мне на время дороги.

Очередное платье, из прихваченных в дорогу, я получила, как только мы вынырнули из узкой речушки, на берегу которой расположился отряд воинов в ожидании господина. На мне сошлись взгляды всех мужчин. Еще бы, одежды на мне после того, как магия Аквея превратила меня в воду, не осталось вовсе. Я свою наготу восприняла спокойно, и не перед таким скоплением народа ходила в одном ожерелье, а вот Скай неожиданно разозлился. И хоть он этого никак не выразил, кроме чеканного:

— Отвернуться! — но я внутренним чувством уловила, что бесится. Наверное, поэтому

мне достался ледяной взгляд и ядовитое: — Здесь тригов нет, за добычу никто биться не будет.

— Скай, — позвала я, безмятежно взирая на водника.

— Что?

— У тебя пена с клыков капает.

Он одарил меня тяжелым взглядом, я весело расхохоталась. После этого на меня было натянуто очередное платье, затем я оказалась водружена в седло, и миску с ароматным варевом получила уже там. Я не возражала. У тригов я так и не поела, и за сутки проголодалась зверски. Так что грубая похлебка показалась мне лучшим из лакомств. Обиженная Искра разделить со мной трапезу отказалась. Венн бы не отказался, это я увидела по его взгляду, но Аквей отпустил змея на охоту, настрого велел двуногих не глотать. Венн ответил честным взглядом и умчался в заросли кустарника, а догнал нас спустя час, явно сытый и довольный жизнью.

К воинам Скайрен меня больше не отправлял, то ли не доверяя им, то ли считая, что рядом с ним мне надежней. В любом случае, я лишь выиграла от перемещения в голову отряда. Теперь мне было с кем поговорить, не вступая в очередную перепалку. Ну, почти не вступая...

— Так зачем? — повторила я вопрос, не давая воднику сохранить таинственную и многозначительную мину.

— Чтобы уйти спокойно, — наконец ответил Аквей. — Если бы выкрал, они бы пошли по следу и извели бы нападениями, даже за пределами своих земель. Упертые же. Вожак должен был признать проигрыш. Кстати, — он посмотрел на меня, — что изменилось? Из логова я забрать тебя не смог, потому что ты сказала, что на тебя не действуют чары, а после поединка я даже не надеялся на успех, попробовал только ради успокоения совести. Да, ты еще сказала, что к тебе возвращаются твои дары. То есть рыжий возвращает тебе твою силу?

— Угу, в день по одному дару, и двоих я уже лишилась по твоей милости, — буркнула я и прикусила язык, сообразив, что совсем перестала рядом с ним следить за тем, что говорю. Какое-то ненужное и опасное доверие.

Скай некоторое время молчал, осмысливал то, что я сказала, затем, так и не уточнив подробностей, решительно произнес:

— Это нужно прекратить.

— С чего бы? — прищурилась я. — Кто меня защитит, если не я сама?

— Сейчас тебе достаточно моей защиты, — отмахнулся водник. — От рыжего мне пока удалось тебя закрыть.

— Да причем тут он? — усмехнулась я. — Мне бы среди твоих протянуть подольше.

— Ненужные опасения, — сухо ответил Аквей. — Ты под моей защитой, и никто не осмелится противиться моей воле.

— О да, — язвительно хмыкнула я. — Твоя власть столь сильна, что ненависть пересилила послушание. — Он отрыл рот, но я поморщилась, сразу перебив: — Только не надо мне говорить о том, какое я ужасное чудовище. Власть господина неоспорима, и если твои люди, несмотря на запрет, готовы к послушанию ради мести, значит, над ними нет твоей власти. Только железная воля ведет к беспрекословному подчинению. Ты слишком мягок.

— Вот только не надо настраивать меня против моих людей, — раздраженно произнес Скай. — Я не могу винить их за то, что осмелились «не заметить» того, что тебе угрожает

опасность. — Открыла рот, чтобы воткнуть в водника новую шпильку, но теперь он остановил меня жестом: — Но это не означает, что спущу подобное с рук. Довольна?

— Да мне-то что, — я пожала плечами. — Твои люди, твоя власть.

— Вот и не лезь.

— Вот и не лезу.

На этом мы отвернулись друг от друга и замолчали. Однако тишина продлилась недолго. Отчего-то на душе было муторно, и объяснения этому состоянию никак не удавалось найти. Немного поборовшись с собой, я снова обернулась к Скаю. Он повернул голову одновременно со мной, мы вместе открыли рты, собираясь заговорить, но так и не произнесли ни слова.

— Что ты хотела сказать? — первым отмер Аквей.

— Ничего не хотела, — почти не соврала я. Признаться, даже вспомнить не могла, какой предлог нашла, чтобы прервать гнетущую тишину. — Это ты что-то собирался сказать.

— Да нет, — он пожал плечами, — вроде не собирался.

— Значит, показалось, — не стала я спорить.

— Показалось, — согласился водник.

Мы проехали еще немного, и я вспомнила, что за предлог нашла.

— Скай...

— Игнис... — вновь одновременно произнесли мы с Аквеем, досадливо хмыкнули и отвернулись друг от друга.

— А...

— А...

— Тьма! — дружно выругались мы, некоторое время смотрели друг на друга и вдруг рассмеялись.

— Ты меня с ума сведешь! — воскликнул Скайрен. — Впрочем, наверное, я и так безумен, если разговариваю с тобой, как с доброй знакомой на глазах своих людей.

— Тебе важно их мнение, Скай? — не без интереса спросила я.

Аквей усмехнулся и посмотрел вперед. Он снова замолчал, словно раздумывал над ответом. Я ждала, не перебивала. Не столько потому, что мне это было интересно, сколько ради того, чтобы не остаться наедине со своими размышлениями, они всё более пугали меня и угнетали. И еще немного ради того, чтобы еще раз услышать голос водника. Глупость сплошная, но его голос был мне приятен. Когда он не орал на меня, доказывая, насколько я пропадающая душа, а вот так вот мирно беседовал, мне становилось... уютно. Да, уютно. Словно за окном завывает вьюга, а я свернулась в кресле у камина с интересной книгой. Ноги мне укутывает плед, а рядом на столике стоит белоснежная кружка с тонкими, почти прозрачными стенками, и в этой кружке налит ароматный ягодный напиток, исходящий парком. Рядом стоит такая же тонкая тарелочка, и на ней веселым хороводом разложены пряничные человечки...

Я зажмурилась до мушек в глазах и тряхнула головой. Что это еще за очередное проклятое видение?! Откуда эти пряничные человечки, книга, плед... синий с большими белыми цветами, похожими на облака...

— Интересная книга?

Я отрываю взгляд от бумажных страниц, испещренных буквами, и улыбаюсь, глядя на какую-то приятную еще молодую женщину.

— Очень! Мне дал ее Кайрас.

— Перед тем как вернулся в училище? — спрашивает она с улыбкой. Подходит ближе, складывает руки на животе и заглядывает в книгу.

— Да, он дал мне еще несколько книг. Я обещала их вернуть, когда Кай придет летом, — отвечаю я и выжидающе смотрю на женщину. Мне хочется вернуться к прерванному чтению.

У нее каштановые волосы, отливающие рыжинкой, голубые глаза, милый немного вздернутый носик и пухлые губы, про такие говорят — чувственные. Женщина понимает, что мешает мне, прячет за ладонью смешок, после склоняется и целует меня в щеку.

— Ты уже такая взрослая, — говорит она. — Совсем невеста.

— Глупости, — отмахиваюсь я, досадливо фыркнув.

— То, что взрослая? — с иронией уточняет женщина, и я возмущенно восклицаю:

— Ну, ма-ам!..

— Игнис, — кто-то тряс меня за плечо.

— Нет! — вскрикнула я, наотмашь ударив назойливого обладателя знакомого голоса.

— Тьма, Игнис, у тебя удар, как у трига.

Я открыла глаза и посмотрела на Аквея, державшегося за свой нос. Села, огляделась. Когда я успела оказаться на земле?

— Ты закричала и свалилась с коня, — немного гнусаво пояснил Скай. — Что тебя так напугало?

— Я видела маму, — машинально ответила я и, снова растянувшись на траве, закрыла лицо руками.

По мне носилась Искра, истошно пища, вокруг беспрерывно наматывал круги змей, что-то встревожено булькая.

— Тихо! — рявкнул водник, и светопреставление прекратилось. Искра уселась на моем животе, Венн взвалил голову мне на ноги. Я немного расслабилась в благодатной тишине, протяжно вздохнула... — Какая она?

Я снова посмотрела на Ская, он не насмехался, смотрел с искренним интересом.

— Красивая, — хрипловато ответила я, вновь прячась за ладонями. Затем не выдержала и добавила: — А еще у меня был красивый синий плед с белыми цветами и целый хоровод из пряничных человечков на белой тарелочке. Тьма-а-а...

— Это то, что он забрал у тебя?

Порывисто села и с нарастающей истерикой в голосе выкрикнула:

— Не знаю! Я ничего этого не знаю! Я возродилась из племени моего Господина четыреста тридцать пять лет назад. Он одарил меня силой и долгой жизнью. Чтобы не было до него, но моя жизнь началась рядом с ним!

— Или закончилась, — тихо произнес Аквей, присаживаясь рядом. — Какие у нее глаза? Зеленые?

— Голубые, — отмахнулась я и поднялась на ноги, перехватив крысу.

Водник остался сидеть на траве, глядя на меня снизу вверх. Солнце светило ему в лицо, и Скай прищурил один глаз.

— А у тебя зеленые, — сказал он. — Наверное, у твоего отца были зеленые глаза. — Я промолчала, но Аквей не ждал ответа, продолжив: — Они меняются, Игнис. Сначала были совсем блеклыми, я даже не мог понять их цвет, почти прозрачные, а теперь зелень наливается сочностью, словно ты наполняешься силой. Знаешь, я всё думал, почему крыса

так прикипела к тебе? Да и змей носится за тобой по пятам, несмотря на то, что его создал я. Со зверями ладят землевика. Я знал пару заклинателей. За одним стая волков, как псы на привязи ходили. А еще... — Все-таки посмотрела на него. — Во время поединка с тригом. Ты, наверное, сама не поняла, что сделала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что я сделала? — сипло спросила я.

— Передала мне силу. Через землю. Это было так странно... Почти так же, как я получал раньше силу от своего источника — от воды. Только сила земли немного другая по ощущениям, более... плотная. Густая такая, насыщенная, но приятная.

— Что ты пытаешься мне сказать, Скайрен Аквей? — нервно спросила я.

— Только то, что до рыжего ты была магом земли, но... Заклинатель не может одеть водяную субстанцию, пусть и обладающую формой и плотностью, в кожу. Я не знаю, кто ты, Игнис, и даже это имя мне теперь кажется чужим, но к огню ты точно не имеешь никакого отношения. Похоже, рыжий сильно обобрал тебя, подменив жизнь ее подобием, пусть и длиной в четыреста лет.

— Да что ты понимаешь! — истерика все-таки прорвалась, и я утерла первые слезы. — Ты ничего не знаешь ни о нем, ни обо мне, чтобы судить!

— Но ты же судила Эйволин, например, ничего не зная о ней, почему запрещаешь мне делать свои выводы? — спокойной пожал плечами Скай и поднялся с земли. Он отряхнулся, поймал мою ладонь и притянул к себе. — Тот цветок, который я видел на твоём теле, это и есть дар?

Я вырвала руку, но водник тут же сжал мои плечи и слегка встряхнул.

— Очнись, Игнис, — негромко произнес он. — Ты же не слепец и не можешь не видеть, что происходит с тобой. Ты спасла Искру, начесываешь макушку лизоблюду Венну, защитила тригов, и, чтобы не двигало тобой, не спешишь возвращаться к своему господину, я же вижу, как упорно ты избегаешь встречи с ним. Я еще не говорю про то, что ты бросилась спасать меня.

— Чушь!

— Правда? — усмехнулся Скай и нагнулся к моему уху, шепнув: — Я был там, Игнис, был вместе с тобой. Ты испугалась за меня.

Я все-таки вырвалась из его рук и сердито посмотрела в глаза:

— Конечно, испугалась. Мной хотел овладеть триг. Как бы я сама выбиралась оттуда? К тому же ты мой гарант безопасности.

— И только? — изломил бровь Аквей.

— И только, — надменно подтвердила я.

— Тогда почему ты смотрела на меня такими голодными глазами, когда я вернул себе плоть?

А вскинула руки к небу, прорычала нечто невразумительное и поспешила к своему коню, меланхолично жевавшему траву. На удивление, Скай не посмеялся надо мной. Он вернулся к своему зверю, забрался в седло и обернулся к своим людям, замершим в отдалении.

— Продолжаем путь, — сказал он. — Скоро горы, не расслабляйтесь. Горный народ не будет рад нам. — Кто-то усмехнулся, а я поняла, что это очередные создания, про которых я ничего не знаю... почему? Однако этот вопрос я оставила при себе, решив вообще не думать.

Мы ехали молча. Время от времени я чувствовала на себе взгляд водника, но не поворачивала головы. Смотрела вперед и гнала от себя последнее воспоминание, только оно никак не желало покидать головы. Мама... Никогда не думала о своих родителях, полностью подменив их своим создателем. Это казалось правильным. Если бы не Вайтор, я бы умерла еще в тех развалинах, но живу и дышу. Так кого же мне благодарить за это? Родители дали мне обычную жизнь, едва не прервавшуюся в одночасье. Вайторис сделал всё, чтобы смерть держала от меня подальше, свои холодные руки.

«Если бы не твои родители, Вечному некого было бы возродить», — шепнул противный голосок. Я мотнула головой, отгоняя видение голубоглазой женщины. Зачем-то подумала о пряничных человечках. «Твои любимые, малышка...». На языке появился знакомый, но давно забытый вкус, отдающий орехами.

— Да чтоб тебя, — простонала я, хватаясь за голову.

Я принадлежу своему Господину. В моих мыслях лишь он. Ничто не имеет значения, кроме могущества Господина. Он велик и вечен, и я лишь прах у его ног, которому он позволяет жить...

— Хочешь поговорить?

Я с минуту смотрела на Скаю рассеянным взглядом. Затем отрицательно покачала головой и протяжно вздохнула. Моя память словно сошла с ума, швыряя в меня разнообразными картинками. Какие-то казались мне смутно знакомыми, какие-то нет. Разобраться в мешанине образов было невозможно. Впрочем, не было главного — желания разбираться. Происходящее пугало, и нарастающая паника заставляла сильнее сжимать поводья, и мой жеребчик уже возмущенно фыркал, не понимая, чего я хочу от него.

Нужно было переключиться на что-то, чтобы не сойти с ума в попытке удержать нарастающую волну неизвестного мне прошлого, ужа грохотающую по камням моего закосневшего настоящего.

— Куда ты везешь меня? — спросила я у водника, хватаясь за первое, что пришло мне в голову.

— Когда доберемся, узнаешь, — ответил он. Немного помолчал и, словно извиняясь, добавил: — Я просто не хочу рисковать своими людьми, Игнис.

— Хорошо, — я не стала спорить. Однако не хотелось затягивать молчание, и я задала новый вопрос. — Скай, как случилось, что ни я, ни Господин не знали, где находится твой замок? Можешь не отвечать, конечно...

— Отчего же, — Аквей улыбнулся, — отвечу. Тут уже нет ничего, что следовало бы скрывать. Дело в моей тетушке. — Я в недоумении вскинула брови, и мужчина рассмеялся, но пояснил. — Она провидица. Несмотря на то, что она была рождена в роду сильных магов воды, ее дар оказался слаб настолько, что долгое время думали, что его нет вовсе. Сама понимаешь, бедную тетушку Тейду воспринимали, как калеку, и относились также. Она как-то призналась мне, что ее угнетали жалостливые взгляды родни и вздохи родителей. Тей мечтала сбежать из дома и жить в каком-нибудь городе, где много таких же не одаренных людей, как она. Ей хотелось чувствовать себя равной среди равных, тетя даже была согласна наняться в какую-нибудь лавку и работать за гроши, лишь бы исчезло сочувствие из глаз окружающих. Но всё изменилось на ее шестнадцатилетие. Тетушка говорила, что это было похоже на воспоминание, которому она стала свидетелем. Ее кузен и мой троюродный дядя, сильно подпив, оступился и упал с лестницы, сломав себе шею. Она так перепугалась, что расплакалась. После долгих уговоров родне удалось добиться, чего перепугалась девушка. А

когда узнали, то не приняли всерьез, решив, что девчонка говорит чушь, чтобы привлечь к себе внимание. Однако утром так уже никто не думал, потому что ночью дядя все-таки свернул себе шею, пьяным упав с лестницы.

— Пьянство — зло, — усмехнулась я.

— Истинно, дорогая, — улыбнулся Скай, кажется, даже не заметив, как назвал меня. — После еще пяти видений, из которых сбылось всего два, Тей подарили артефакт для усиления дара, такой большой перстень с фиолетовым камнем, и возблагодарили Создателей за то, что они не оставили девочку пустой, заменив один дар другим. Правда, тетушка от этого, скорей, проиграла, чем выиграла. Замуж за того, кого любила, ей выйти не позволили, чтобы редкий для нашего мира дар не покинул семью, а за родственника тетя выходить отказалась сама.

— Это очень печальная история, — прервала я Аквея, — но так и не дало ответа на мой вопрос.

— Ты невероятно нетерпелива для древнего ископаемого, Игнис Сиел, — с упреком произнес водник.

— Молокосос, — хмыкнула я.

— Не люблю молоко, — возразил Аквей. — Но на женскую грудь моя нелюбовь не распространяется. К этой округлости я питаю нежнейшие чувства. — Его взгляд скользнул с моего лица несколько ниже, водник вздохнул и снова посмотрел в глаза: — Но вернемся к тетушке. И не смей мне указывать, женщина, сколько и когда мне говорить. Спросила? Слушай.

— Деспот, — насмешливо фыркнула я, вновь не удержавшись от улыбки.

— Да, — кивнул Скай. — Я такой. И если ты еще хоть раз перебеешь меня, я тебя скормлю следующему живоглоту. Итак, я продолжаю. — Он с подозрением покосился на меня, но я накрыла рот ладонью и ответила преданным взглядом. — Так-то лучше. Значит, в тетушке открылся дар провидения. Усиленный артефактом, он позволил Тей предсказывать намного больше, чаще и гораздо точнее. И вот, один прекрасный весенний день, когда один голубоглазый и невероятно милый младенец осчастливил мир своим рождением...

— Мальчик, девочка? — деловито уточнила я.

— Мальчик, конечно.

— И как назвали мальчонку?

— О-о, ему дали чудесное имя — Скайрен, — восторженно ответил водник.

— Ого, как ты, — хмыкнула я. — Только невероятно милый.

— Женщина, — Скай нацелил на меня палец, — живоглот твой.

— Жестокий, я всего лишь хотела уточнить, чтобы не было ошибки, — я укоризненно покачала головой.

— Я просто зверь, — заверил меня водник. — И если еще раз прервешь мое замечательное повествование, я тебя отшлепаю, несмотря на то, что ты женщина почтенного возраста.

— Самовлюбленное хамло, — припечатала я. — Но продолжай, история действительно занимательная.

— А вот теперь я обиделся, — сварливо сообщил Аквей. — Если хочешь услышать продолжение моего рассказа, тебе придется уговорить меня.

Он отвернулся от меня, вздернул подбородок и замолчал. Я тоже молчала. Смотрела на светловолосого мужчину и... любовалась им. Скользила взглядом по высокому лбу,

открывшемуся моему взору благодаря ветру, ерошившему светлые волосы водника. По прямому носу, по поджатым губам, чей уголок то и дело подрагивал от тщательно сдерживаемой улыбки. По твердой линии подбородка...

— Скай, — чуть севшим голосом позвала я.

Аквей скопил на меня глаза, сухо спросив:

— Ну?

— Ничего, — ответила я и опустила взгляд на шею, зачем-то представляя, как целую ее. Судорожно вздохнула, пытаюсь отогнать видение, но оно никак не желало покидать моей безумной головы. Попыталась призвать воспоминание, в которых я ласкала Вайториса, но вместо полуприкрытых, затуманенных желанием, темновишневых глаз увидела синие. — Ох, Тьма...

Водник тяжело сглотнул и, наконец, повернул ко мне голову. Наши взгляды встретились, сплелись в незримый тугий жгут. Я заморожено смотрела на солнечные блики в глазах-озерах без дна и мути, опять не смея вдохнуть. В какой момент я протянула к нему руку? Не помню... Помню лишь ответное пожатие и тепло мужской ладони, когда замок из наших пальцев сомкнулся. Губы Ская приоткрылись, и я, скорей, почувствовала, чем услышала свое имя, сорвавшееся с языка водника тихим вздохом:

— Игнис...

— Скай, — ответила я и повторила, заново смакуя его имя: — Скайрен.

Он натянул поводья, я тоже. Затем спешил и протянул ко мне руки. Я свесилась с седла, накрыла широкие плечи ладонями, готовая последовать за мужчиной, куда бы он не позвал меня. И когда ноги коснулись земли, и горячие ладони Ская сжались на моей талии, а глаза его оказались так близко, что за ними разом исчез весь мир, раздался крик, хлестнувший наотмашь, как жалящая плеть:

— Леор Аквей!

Мы одновременно обернулись на голос, наполненный гневом. Отряд водников остановился рядом с нами, и теперь тяжелые взгляды, словно каменные глыбы придавливали к земле. Я посмотрела на Ская, он ответил мне хмурым взглядом, убрал руки с моей талии и повернулся лицом к своим людям. Я оказалась наполовину скрыта широкой спиной Аквея и выходить из своего убежища не спешила.

— Скай, что происходит? — сухо спросил самый старший из воинов.

— Леор Аквей, вы знаете, как я уважаю вас и готов отдать жизнь, если на то будет воля Провидения, но и я не понимаю, что происходит между вами и этой... женщиной, — я узнала голос Рафа.

— Мы все пойдем за вас на смерть, господин...

— И я за вас пойду на смерть, — прервал третьего воина Скай. — Каждого из вас я уважаю и почитаю за своего друга. Ни в ком из вас я не усомнился ни разу, так почему я сейчас слышу упрек в словах моих воинов? Чем я заслужил ваше недоверие?

— Никто из нас не милуется с Черной сукой, — проворчал кто-то.

Я выступила вперед, не желая прятаться, когда разговор коснулся меня напрямую. Вздернула подбородок и обвела воинов насмешливым взглядом. Затем остановила его на том, кто произнес последние слова и спросила в ответ:

— А хотелось бы? Миловаться с самой Черной сукой?

— Игнис, — досадливо прервал меня Скай.

— Я бы посмотрел, какого цвета твои вонючие потроха, — брезгливо сплюнул воин.

— Правда? А перед этим? — возможно, мне и стоило бы промолчать, но за последнее время столько всего навалилось, что выплеснуть напряжение хотелось до невозможности.

— Довольно, — ледяным тоном произнес Аквей.

Мы с воином одарили друг друга воинственными взглядами, но замолчали. Скайрен снова шагнул вперед, оставляя меня за спиной.

— Ты носишься с ней, спасаешь. Нас заставляешь охранять мразь, которую каждый готов порвать собственными руками.

— И будете охранять! — отчеканил Аквей, повысив голос. — Чтобы вы о ней не думали, какие бы чувства не раздирали вас, вы будете с нее сдувать пылинки! Хотя бы ради того, чтобы Темный, не обнаружив Игнис, не уничтожил вас и ваших родных. Остальное не ваша забота. И если кто-то перестал верить мне, дорога открыта. Когда исчезает доверие с одной стороны, тает оно и с другой. И я меньше всего хочу оглядываться, гадая, кто первый решится нанести удар мне в спину.

— Наш господин решил оскорбить нас...

— Вы осмелились оскорбить своего господина, что ожидали в ответ? — надменно спросил мой водник. Голос его был наполнен той силой, от которой по моему позвоночнику уже змеились мурашки, и не думать о том, о чем думала несколько минут назад, было сложно. Впрочем, опомниться мне помогли воины.

— Мы верим вам, благородный леор, но эта гадюка нервирует нас и вызывает опасения.

— Она преворожила вас?

— Нужно удавить змею, пока она не погубила нас всех!

Голоса сыпались со всех сторон, словно камни, которые водники кидали в своего господина.

— У вас есть невеста, а вы забыли стыд и лапаете это отродье...

— Молчать! — прогремел голос Ская, прокатился по лесной тропе и растаял где-то высоко в небе. Отряд притих. Да что там отряд, даже лесное зверье и птицы замолчали, будто опасаясь нарушить приказ. Аквей обернулся ко мне, поджал на мгновение губы, а затем произнес: — Игнис, жди.

И тут же меня я почувствовала, как между нами выросла стена. Не в переносном смысле, а самая настоящая прозрачная стена, отгородившая меня от отряда и Аквея. Он что-то говорил, но ни звука не донеслось до меня, кроме изумленного писка моей крысы. И пока Искра носилась вокруг меня, вставала на задние лапки и прикладывала передние к стенкам временного узилища, я думала о том, как быстро растет сила водника. Если вчера утром он использовал росу, чтобы создать такие же стены, то сейчас они появились без всякого дополнительного источника. Выходит, ему нужно попробовать лишь раз, чтобы научиться и запомнить? А следующая мысль стала неожиданной. Я вдруг поняла, что Скай меняется, даже внешне.

Он был такой же, как год назад, когда стоял на коленях перед каменным тронном Вайториса, и в то же время что-то неуловимо менялось. Вроде то же лицо, та же стать, но... Сила, да! Он словно повзрослел. Впрочем, нет, повзрослел — неправильное слово. Скай выглядел год назад не менее мужественно, но сейчас в его чертах появилось нечто, что напомнило мне Вайториса. И это было именно ощущение силы, растущей в воднике. Конечно, до Вечного ему было далеко, но все-таки он продолжал набирать мощь, и именно она отражалась бликами в глазах, когда состояния покоя покидало Аквея.

Я вновь любовалась им, и Скай уже несколько раз полуобернулся, бросив на меня досадливый взгляд, словно просил не отвлекать его. Разговор, который шел за пределами моей слышимости, был явно не из легких. Я видела, как шевелятся губы воинов, и по рубящим жестам моего водника понимала, что он сейчас выдерживает атаку за атакой. Мне было сложно винить воинов за их непонимание. Я прекрасно понимала, что так возмутило их, но всё равно злилась, и чем дальше, тем сильнее, потому что... Хотелось защитить Ская? Тьфу, Тьма.

Из-за очередной блажи раздраженно передернула плечами и переключила внимание на змея. Бедный Венн, оказавшийся за пределами моего узилища, теперь кружил вокруг, время от времени бросаясь на прозрачные стены, но пробиться внутрь никак не мог. Бедолага обратился водой, пытаюсь просочиться внутрь, и я подумала, если ему это удастся, нам с Искрой точно не хватит места. Однако затея Венна не увенчалась успехом. Он взметнул голову вверх, раскрыл пасть, явно издав рев, и снова с силой ударился о стену.

Я шагнула туда, где страдал змей, приложила ладони к неподвижной воде, как к стеклу, и попробовала успокоить Венна.

— Прекрати, ты разобьешь голову, — произнесла я, но добилась лишь того, что встревоженный не на шутку змей, обрушил на мое узилище новый удар. — Глупый, тебе же больно! Венн, перестань!

Пока я пыталась докричаться до змея, к нему стремительно подошел Скай. Он обхватил голову Венна ладонями и что-то отрывисто сказал ему. После бросил на меня взгляд, развернулся и ушел к отряду, сейчас молчавшему и следившему хмурыми взглядами за своим господином. Змей проследил взглядом за своим создателем, и мне друг показалось, что он сейчас скажет в спину Аквея: «Бе-бе-бе», — до того у него была обиженная морда. Но Венн разумеется, ничего подобного не сделал. Он свернулся клубком, ткнулся носом в стену и замер, не сводя с меня жалостливого взгляда.

Я присела на траву, прижалась щекой к прохладной стене и прикрыла глаза, гадая о том, что сейчас говорит своим людям Скай. Что мне не нужно было услышать? Или же дело в том, что я не смогла сдержаться, едва не доведя одного из воинов до срыва? А то, что он был недалеко от этого, я видела по глазам. А может он говорит...

«Вы ничего о ней не знаете!», — почти кричит светловолосый мужчина, закрыв меня спиной.

«Мы знаем достаточно для того, чтобы не доверять ей», — более спокойно отвечает воздушник. Это я понимаю по зеленым глазам и светлым, почти белым волосам.

«Она служит Темному, как мы можем поверить ей?», — горячится огневик.

Он опирается локтем на камин, играет языками пламени, но меня не завораживает это зрелище. Я лишь скольжу по нему взглядом и снова смотрю в спину того, кто защищает меня. Кладу ему руки на плечи, и мужчина накрывает пальцы одной из них своей ладонью. После перетягивает меня вперед и, крепко обняв за плечи, прижимает к себе. Поднимаю к нему лицо и вглядываюсь в зеленые, словно изумруды, глаза. Он улыбается мне, после склоняется и целует в уголок губ.

«Она просто вскружила тебе голову», — это уже женский голос. Я не оборачиваюсь, но знаю, что женщина маг земли. — «Я тоже не вижу смысла доверять ей».

«Прекратите взваливать на нее все грехи мира», — отмахивается воздушник, чьи объятия дарят мне чувство уверенности и покоя. Я льну к нему, наслаждаясь его теплом и нежностью, заполняющей взор, как только он смотрит на меня.

«В одном мальчик прав», — из-за моей спины появляется водник. — «Если кто-то и знает о том, как подобраться к Темному, то только эта лейда. Однако остальные тоже правы, доверять ей сложно».

«Вы ничего не знаете про нее, но если выслушаете, то поймете, кто она на самом деле. Возможно, это прибавит вам доверия», — снова говорит мой воздушник.

«Мы всё еще здесь», — пожимает плечами водник, делая глоток из кубка.

Мы с воздушниками обмениваемся взглядами, понимая, что нам дают возможность всё рассказать, и я, наконец, вступаю в разговор...

— Бесконечный Хаос, — выдохнула я, распахнув глаза. Что я сейчас вспомнила? Я когда-то предала Вайториса? От этой мысли мне стало смешно, и я истерично расхохоталась, мотая головой и выкрикивая: — Нет! Не-ет, не может быть... Нет!

— Чего не может быть? — я встретила с внимательным взглядом Ская, и смех оборвался на высокой визгливой ноте.

Сжав ладонями голову, я запустила себе в волосы пальцы, сжала кулаки и уставилась перед собой бездумным взглядом. Что прорывается наружу из недр моей памяти? Кто этот воздушник, на которого я смотрела, как на свою единственную ценность? Кто все эти люди? Что я им рассказала о себе? Кто я на самом деле? Тьма, что происходит?!

— Пора ехать дальше, — ровно произнес Аквей. — Сама на коня сядешь?

— Да, — сипло ответила я, но на моего жеребчика я забралась только с третьей попытки и при помощи водника. Прострация, в которую я погрузилась еще долго не желала отпускать меня, но новых воспоминаний так и не появилось, и тайна видения осталась не открыта.

И вновь тишина повисла над тропой, шустрой змейкой бежавшей из-под копыт лошадей. Чтобы не сказал своим людям Скай, сейчас они молчали и на меня не глядели вовсе, по крайней мере, чужих взглядов я не чувствовала. Сам Аквей был спокоен, ничто не омрачало его лик. Думал ли он сейчас о чем-то? Сказать не возьмусь, но ни хмури во взгляде, ни поджатых губ, ни иных признаков тревоги и тяжкий раздумий не отражалось на его лице.

Со мной всё было иначе. Я сходила с ума от жалящего роя мыслей, но самым противным было то, что я не видела в них смысла, и это мешало выстроить хоть какую-нибудь логическую цепь событий прошлого. Если верить последнему воспоминанию, то Вайториса я знала еще до возрождения и была близка с ним, вхожа в Черный замок так уж точно, иначе что еще могут означать слова: «Если кто-то и знает о том, как подобраться к Темному, то только эта лейда»? Но тогда Господин покарал меня за предательство, а потом возродил?

А эти маги? Водник, огневик, землевик и два воздушника, один из которых был явно моим возлюбленным. Тот самый Кайрас? И тут же память подкинула образ шатена с темно-кариими глазами. Парень лет двадцати, улыбчивый. Отчего-то я была уверена, что он обязательно должен быть улыбчивым...

«Кай, порой твои шуточки бесят меня!»

«Ну нельзя же быть такой занудой, сестрица», — парень смеется, а я злюсь.

Злюсь, но больше для вида, потому что люблю его так сильно, что могла бы задушить, если бы показала силу своей любви объятьями. Кай хмыкает, показывая, что не верит моему разгневанному сопению. Он поддевает кончик моего носа согнутым пальцем, я бью его по руке, промахиваюсь, и братец залиvisto хохочет...

— Ну хватит, — простонала я, возводя страдальческий взгляд к небу.

— Еще что-то вспомнила? — Аквей обернулся ко мне.

Да если бы я знала, что вспоминаю! Брат... Шатен, темно-карие глаза — настоящий землевик. И мама тоже. А каким был мой отец? Почему я всё еще не вспомнила его? Мучительно потерла лоб, но в это раз память помалкивала. И всё равно чушь какая-то. Мама голубоглазая, брат кареглазый, у меня зеленые, что за разноцветье? Быть может, карими были глаза у бабушки или дедушки? И вновь память промолчала. Шумно выдохну, я решила, что пора заканчивать истязать себя. Я поглядела на водника, тряхнула головой, окончательно отгоняя последние воспоминания, и решилась заговорить о первом, что пришло мне в голову.

— Скай, — позвала я, — что ты сказала своим людям?

— Мы уже договорились, что ты в это не лезешь, — ответил водник.

— И всё-таки?

Он ответил мне чуть насмешливым взглядом. Затем перекинул ногу и теперь ехал, сидя на коне боком и лицом ко мне.

— А давай так, — заговорил Аквей, — правду за правду. Я отвечаю на твои вопросы, ты на мои. Согласна?

— Если правду, то ты можешь задать вопросы, на которые я не смогу ответить, — не стала обманывать я.

— Не волнуйся, я не буду спрашивать, как убить Вечного. На этот вопрос ты вряд ли ответишь, — усмехнулся Скайрен.

— И ты прав, не отвечу, — кивнула я, радуясь, что недавний бунт воинов не вбил между нами клин. — Я просто не знаю этого. И если бы знала, — опередила я логичный вопрос водника, — не сказала бы.

Он кивнул, принимая мой ответ.

— Итак, ты хочешь знать? Что я сказал своим воинам? Разное, — Аквей пожал плечами. — Напомнил об их клятве верности, пригрозил наказанием за бунт и непослушание и... — он посмотрел мне прямо в глаза, — рассказал, как ты дважды спасла мне жизнь, и один раз моим людям. — У меня вытянулось лицо при этих словах. Водник усмехнулся: — Загибай пальцы. Первый раз, когда влила в меня силу еще в Черном замке. Второй раз у тригов, и в этот раз ты знала, что делала. Ну и то, как ты целенаправленно подтолкнул меня очистить замок и спасти жизни родным, друзьям и челяди. И неважно, что тобой двигало, ты все-таки сделала это. Игнис Сиел сберегла жизнь, а не отняла ее. Заметь, про племя тригов я не упоминаю, но и не сбрасываю это деяние с чаши весов. Плюс, Искра. Итак, пять добрых дел за восемь дней. Мне нравится такая закономерность. Да, — он снова усмехнулся, — мои люди теперь знают, что в Черном замке ты влила в меня силу, потому что хотела сбежать от Вечного, устав от его жестокости, и я тебе в этом помог. У нас сделка, Игнис.

— Вот как, — я изломила бровь, осмысливая известие. Осмыслила. Плохая идея, очень плохая. Если Вайторис узнает о такой вариации, мне не поздоровится. Хотя... Кажется, я уже нарушила все установленные запреты, осталось только отдаться воднику, как того требует проклятое желание, и можно самой себя скормить живоглоту, чтобы умереть быстро и безболезненно, потому что Господин не поспеет на боль. Тьма...

Отмахнулась от последней мысли и вновь посмотрела на Аквея.

— Почему ты защищаешь меня?

Водник укоризненно покачал головой и поцокал языком:

— Моя очередь спрашивать, — сказал он. — Каково условие возвращения твоих сил?

Я усмехнулась. Признаться, думала, Скай будет расспрашивать о моих воспоминаниях, но они его, похоже, сейчас волновали не так сильно. Однако уговор есть уговор, и я ответила:

— Ты прав, это цветы. Каждый день распускается цветок, возвращая мне дар. Тридцать дней, тридцать цветов. Иногда они вянут, и я теряю вернувшиеся чары. Я до конца не могу понять условие для увядания, но потеряла уже два дара. Я больше не могу менять структуру предметов и не могу противостоять чужим чарам. Первый дар пропал после того сна, в котором мы с тобой... Еще в первую ночь.

— Безумный сон, — негромко произнес Скай, прервав меня, — и чувства такие же безумные.

Я поджала губы, кивнула и продолжила:

— Второй дар исчез, когда я сбежала от Господина... — Аквей кивнул, показывая, что понимает, о чем я говорю. — Я думала, цветы вянут, когда я начинаю желать другого мужчину, но... — Усмехнулась и созналась: — Помнишь, когда твоя бледная подружка застала нас? Я тогда хотела проверить, что будет, если я осмелюсь подойти к другому мужчине, однако дар не исчез.

— Проверяла? То есть наша ссора стала твоим экспериментом? — глаза водника полыхнули. Я увидела, как краска бросилась ему в лицо, на щеках заходили желваки, но отчего-то мне подумалось, что разозлился он вовсе не из-за ссоры с невестой.

— Всего лишь следствием, — я пожалала плечами и хотела уточнить, что именно злит его, однако задала совсем другой вопрос: — Почему ты не женишься на Эйволин?

— Не твое дело, — сухо отчеканил Аквей и отвернулся, вновь усаживаясь в седле ровно.

— Хорошо, — не стала я спорить. — Это был честный ответ. У меня таких для тебя найдется целое множество.

Мы немного помолчали. Первым отмер Скай. Он покосился на меня и нехотя произнес:

— Извини.

— За что?

— Я сорвался. Твой ответ меня разозлил. Мне казалось, что тобой двигало... Тьма! Я хотел сказать, ссора с Эйви вышла неприятной. Особенно неприятно узнать, что она стала следствием...

— Оставь, — прервала я. — У тебя достаточно поводов злиться на меня. Твоя лояльность порой ставит меня в тупик.

— Меня тоже, — усмехнулся Аквей. — Продолжим? Вопрос тот же? — я кивнула. — Мы сговорены с детства. Наши отцы дружили с юности, потом я дружил с Эйвиллом. Я всегда знал, кто станет мне женой. В детстве не придавал значения, в юности нашел Эйви хорошенькой. А когда она вернулась из пансиона, где воспитывалась и постигала магические науки, влюбился. Так случилось, что в это время как раз шла подготовка к нашему бесславному походу, и мы решили не спешить со свадьбой. Если бы я погиб, она была бы свободна для другого брака, если бы вернулся с победой, тогда бы и сыграли свадьбу. — Водник неожиданно невесело усмехнулся. — Мы все мечтали о будущем. Не было сомнений, что всё получится...

— Он знал о вас еще с момента подготовки, — тихо прервала я, сама не зная зачем. — Он всегда знает. И всегда позволяет подобраться совсем близко. Открывает западню и уничтожает всех, кто осмелился восстать. Я это видела уже дважды раза. Каждые сто-двести лет находится кто-то, кто ведет за собой объединенное войско. Господин называет это большой чисткой. Вы были обречены изначально. — И прежде, чем Аквей задал свой вопрос, попросила: — Продолжай.

— Я уже ответил.

— Нет, — я отрицательно покачала головой. — Мне всё равно до конца непонятно. Если ты хотел, чтобы она могла выйти замуж за другого в случае твоей гибели, то почему спишь с ней? Я... видела. В первый день, когда расцвел первый цветок. Разве у вас не принято выходить замуж девственницей? Целомудрие, чистота, что там еще?

Водник криво усмехнулся.

— Значит, проныра Игнис, ты смогла освободиться от ошейника? — мой кивок стал подтверждением его догадки. — Ах, да. Ты же сказала, что утратила дар изменять структуру материалов. Конечно! Я же так ясно чувствовал, что ты где-то рядом. «Вы, светлые, все с придурью», — передразнил меня Аквей. — Врушка. Ладно. Не в моих правилах рассказывать о том, что происходит у меня на ложе, но раз правду... В общем, это случилось перед самым походом. Эйви сказала, что не желает видеть рядом с собой иного мужчину, и если ей не доведется больше увидеть меня, то она хочет познать радость соития со мной и, если Создатели будут благосклонны, то выносит и родит мое дитя. Дитя, как ты понимаешь, не случилось. И другого мужа тоже. Эйви ждала меня. — Мужчина помрачнел. — Она не заслуживает моего предательства, а я... я уже начинаю привыкать к тому, что мой огонь желания горит не для нее. Не об этом. — Он мотнул головой. — Мы всё равно поженимся. Я дал клятву и нарушать ее не стану. Эйви будет ждать нас там, куда мы направляемся. Они едут другой дорогой, чтобы не подвергаться опасности. Чтобы там ни было, однажды наша с тобой связь исчезнет, и я вдохну полной грудью, обретя прежний покой.

— А я? — вдруг спросила я. — Что будет со мной? Если победит Господин, он порвет меня за всё, что сотворила. Если победите вы, меня порвут люди. Впрочем, почему тебя это должно волновать? Ты ведь тогда обретешь покой рядом со своей блеклой Эйви.

— Они просто не знают тебя, — непонятно на что ответил Скай.

Я откинула голову назад и расхохоталась, вспоминая одно из последних видений. Не удержалась и воскликнула:

— Он тоже так говорил! Он им всем так говорил!

— Кто? — тут же откликнулся водник.

Хотела бы и я знать, кто он такой. Но ведь я даже не знаю имени того воздушника, смотревшего на меня так... Снова мотнула головой, не желая думать о неясном прошлом.

— Кто так говорил, Игнис?

И с моего языка сорвалось судорожным вздохом:

— Торн... Торн Айер.

Аквей нахмурился, о чем-то думая. А я вновь и вновь повторяла про себя это имя. Сердце дрогнуло, вдруг ускорив бег, и перед внутренним взором вновь появился образ забытого воздушника и его взгляд...

— Торн, — прошептала я. — Мой ласковый ветер...

— Невозможно, — голос водника вырвал меня из воспоминаний. Я вскинула на него затуманенный слезами взор. — Айер — род магов воздуха. Вечный уничтожил этот род до

последнего младенца. Выжег за один миг. Я слышал, что так жесток он еще никогда не был. Хотя как можно утверждать подобное с уверенностью, если и это страшное предание давно покрылось пеплом сгоревших тел? — Он посмотрел на меня и снова повторил: — Невозможно.

— Почему? — шепотом спросила я.

— Потому что это произошло пятьсот лет назад, Игнис. Тебе четыреста тридцать пять... Даже если рыжий возродил тебя юной девушкой, то сколько лет тебе было перед возрождением?

— Пятнадцать-шестнадцать, — машинально ответила я.

— И вновь не сходится, — Скай опять нахмурился. — Айеры исчезли раньше. Что-то здесь не так... На момент возрождения тебе должно было быть не меньше шестидесяти пяти-семидесяти лет. Даже для мага это почтенный возраст. В любом случае, юность уже далеко. Конечно, он мог тебя омолодить, но тогда следующий вопрос — зачем ты понадобилась ему, если он возродил тебя?

— Ты уже спрашивал, — хрипло ответила я. — Ответ всё тот же — не знаю... Не знаю!!!

Мой крик вспугнул лошадей и вывел воинов из молчаливой задумчивости. Не вздрогнул только Скайрен Аквей. Он некоторое время смотрел на меня, пока я всхлипывала всё сильнее и безудержней.

— Разговор окончен, — задыхаясь, сказала я и прежде, чем я успела выкрикнуть, что больше ни о чем не хочу с ним разговаривать, и вспоминать тоже не хочу, водник резко хлопнул в ладоши, прерывая мою истерику.

— Игнис, — произнес он, глядя мне в глаза, — тебе нужно немного поспать.

— Не хо...

— Спи.

Веки в одно мгновение потяжелели, голова свесилась на грудь, но перед тем, как сползла я с коня, меня подхватили сильные руки, перетащив на другого жеребца. Ладонь в перчатке прижала мою голову к мужскому плечу, и затухающего сознания коснулся шепот:

— Спи... — больше я ничего не слышала, погрузившись в наведенный сон...

Мне снился сон необычный, однообразный, странный, но приятный настолько, что до своего пробуждения я так и просидела на изумрудной траве на берегу неспешной хрустально-чистой речки, рассматривая камешки на ее дне и безмятежно улыбаясь. Времени не было, я не ощущала его бег, не успев заскучать за всё время, пока рассеянно вслушивалась в шорох воды по гладким серым камням. Порой мне казалось, что в шепоте реки есть что-то осмысленное, но сумела лишь однажды разобрать: «Игнис...». На душе было хорошо, тихо, спокойно... Ни воспоминаний, ни мыслей, не зова Господина. И лишь когда проснулась, с неожиданным ошеломлением поняла, что Скайрен Аквей создал для меня свою ложную реальность. И, признаться, она мне понравилась намного больше, чем пылающий замок Вайториса. Это место, существовавшее в реальности, или же придуманное водником, было умиротворяющим и невероятно притягательным в своей первозданной красоте.

И когда я открыла глаза в окружившей меня темноте, мне подумалось — а какой бы стала реальность, созданная мной? Что было бы в ней? Разруха и пепел, или же пышные цветы и пение птиц? Какова моя душа? Выжженная ли пустыня, или в ней осталось еще хоть что-то живое?

— Опя-ать, — застонала я, накрывая лицо ладонями. Опять рой мыслей и

зарождающихся сомнений. Зачем? Зачем мне всякие сравнения и поиск ответов на риторические вопросы? Хватит!

Я уселась и посмотрела на пылающий костер, разожженный воинами. После огляделась. Похоже, проспала я очень долго, потому что не только темнота успела опуститься на землю, но и водники уже спали, плотно завернувшись дорожные плащи. Даже Скай мирно дремал напротив меня. Он лежал на спине, но голова была повернута в мою сторону, и я смогла полюбоваться спокойными чертами спящего, а затем прошептала одними губами:

— Спасибо.

Синие глаза открылись. Аквей некоторое время смотрел на меня, затем уголки губ его дрогнули в ответной улыбке, и веки снова сомкнулись. Мне подумалось, что водник так и не проснулся, пока глядел на меня сквозь языки небольшого пламени. Я втянула носом запах костра, подняла голову к небу и вновь любовалась звездной россыпью в черном небе. Словно решив пощадить меня, воспоминания и терзания отступили, и, как и в своем сне, я почувствовала умиротворение.

Снова посмотрела на Ская, и в голове мелькнула блажная мысль — как было бы здорово, если бы он спал, положив голову мне на колени. Я могла бы осторожно перебирать в пальцах его волосы, коснуться его лица, дотронуться до губ, обвести их незримой линией... О-ох. Вздых вышел протяжным и горестным. Никогда водник не положит мне голову на колени, и я не буду касаться его так тихо, чтобы не потревожить сон. И не только потому, что у него есть невеста, на которой он по-прежнему намерен жениться. Мне было плевать на Эйволин, но всё еще не плевать на Господина, потому... Потому что мне вдруг отчаянно захотелось, чтобы Его гнев не пал на голову Аквея.

Торн Айер... Род был уничтожен полностью. Не из-за меня ли был столь жесток Вайтор в своем гневе? Ведь если он действительно знал меня раньше, а я посмела влюбиться в другого мужчину и предать его, то...

— Заслужила, — с невеселой усмешкой прошептала я.

Только откуда я узнала того воздушника с удивительными зелеными глазами? И что случилось после маленького совета магов, который я вспомнила? Что я рассказала им? Они поверили мне? Ох, сколько вопросов, и искать на них ответы так страшно!

— Тьма, — я заерзала и попыталась думать о чем-нибудь другом.

Отвела взгляд от Ская, смотреть на него вдруг стало тяжело и... стыдно. Глупость какая! Я поджала губы и заставила себя вспомнить Господина, подумать о нашей встрече, которая однажды обязательно состоится. Уже ведь начался девятый день, не так ли? Наверное, начался. Но тогда ко мне должен был вернуться один из моих даров, восьмой по счету, только какой?

На мои колени забралась Искра. Я рассеянно улыбнулась ей и пробежалась по спинке кончиками пальцев. Любопытно... Огня всё еще нет, чужие эмоции не чувствую, только свои. Что ж ты так осложнил мне жизнь, мой Господин? Мне больше нравилось разгадывать твои загадки, когда искала подарок — шкатулку с двумя кинжалами из фарианской стали. Это было гораздо интересней и безопасней. Вновь вздохнув, я покачала головой, прошептала:

— Вайторис-Вайторис...

Огненные языки вдруг высоко взвились, и я увидела в самой сердцевине огня черные бездны глаз Господина. Я успела услышать, как заржали лошади, как вскрикнул воин, стоявший на охране ночного покоя отряда, и тут же упал, когда голова его покатилась по

траве, отделенная от тела огненной плетью Вечного. Я тоже так умею, Он научил меня... Затем, кажется, вскочил Скай, но, прежде чем он успел что-то сделать, меня оплели две огненные ленты, лишив возможности двигаться. Боль оказалась ослепляющей. Вайторис не щадил.

— Пора домой, — услышала я, и всё исчезло в бешеном огненном всполохе...

Глава 8. День девятый

Я стояла на коленях у подножья каменного трона. Сгоревшая одежда валялась на полу черными, пахнущими дымом и гарью клоками. Мои руки были прижаты к груди, и в них я прятала дрожавшую от страха крысу. Тело нещадно болело от ожогов. Вайторис не спешил исцелять их. На ступенях, ведущих к его трону застыли две огненные змеи. Он задрала головы, раскрыли капюшоны и покачивались из стороны в сторону, пристально следя за мной пустыми черными глазами. Я знала, что стоит Господину приказать, и они накинутся на меня, чтобы оставить новые ожоги. Всё зависело только от моих ответов на Его вопросы.

Подняла голову, взглянула сквозь спутанные пряди на того, кому всегда служила, не раздумывая и не сомневаясь. Вайторис стоял на верхней ступени, не сводя с меня взгляда. И если бы не пылающие огнем глаза, я бы могла поверить, что он совершенно спокоен. Но Господин спокоен не был, как бы мне этого не хотелось. Он был в бешенстве, но выдержка по-прежнему не изменяла ему.

— С возвращением, мое пламя, — произнес Вайторис. — Ты долго бегала от меня.

Мне хотелось сказать, что я не бегала, что во всем виноват водник, но... Язык вдруг отказался повиноваться мне. С ужасом поняла, что не могу оговорить Скаю.

— Прости, — глухо произнесла я.

— Я не умею прощать, ты об этом знаешь, Игнис.

— Значит, опять боль?

— Разумеется, — ответил Господин и спустился вниз на две ступени. — Я зол, Игнис. Но готов выслушать тебя прежде, чем свершится кара. Почему ты бегала?

— Боялась, — сказала я, вновь опустив голову, чтобы получше скрыть Искру под волосами, упавшими вперед.

— Понимаю, — ровно произнес Вайторис и сделал еще один шаг вниз. — Что же так напугало тебя?

О-о, мой Господин, если бы ты знал, что испугало меня гораздо больше твоего наказания, то понял бы, что эти змеи наводят на меня страх намного меньший, чем возможное обрушение слепой веры в тебя. Возможно, ты бы даже смог дать мне ответы, но отчего-то вовсе не хочется пока задавать тебе вопросы. Потом... если они не исчезнут сами собой.

— Я жду ответа, Игнис, — напомнил Вайторис, и змеи вновь вздыбились.

— Твоего гнева, Господин, — произнесла я, еще ниже склоняя голову.

Вайторис сделал еще три шага и остановился на предпоследней ступеньке, нависнув надо мной. Я чувствовала его взгляд, давивший мне на плечи, подобно каменной плите. Он рассматривал меня, словно зверушку, насчет которой еще до конца не решил, как поступить: то ли давить сразу, то ли понаблюдать, как она поведет себя, если загнать в угол. А я не знала, как вести себя. Стояла на коленях и отстраненно думала о том, что могу открыть ему,

что скрыть. И чем дольше Вайторис молчал, тем больше я убеждалась в том, что не стоит говорить ему ни про воспоминания, ни про странные проявления силы, кажется, всё это дремавшей во мне, пока я пользовалась дарами крови Господина. И про связь с водником стоило умолчать.

— Как мне не хватает сейчас той реальности, где я могу читать твои мысли, — произнес Вайтор.

Его слова насторожили, и мысли метнулись к пылающему замку. Значит, можно заложить условия, а не только образ? И тогда, если бы я создала...

— Значит, ты опасалась моего гнева... — прервал мои размышления Вайтор. Я осталась неподвижна, прислушиваясь к стремительному бегу сердечка Искры. — И что же дальше, Игнис? Опасаясь моего гнева, ты довела меня до бешенства. Твой страх стоил происходящего?

— Только моему Господину известна истина, — ответила я. — Мой Господин велик и всемогущ, сложно предсказать ход его мысли и предугадать, чем он ответит на необдуманный поступок своей верной слуги.

Вайторис, наконец, сошел со ступеней и остановился передо мной. Он подцепил пальцами мой подбородок и задрал голову вверх, заставив смотреть себе в глаза. Взгляд Вечного был пристальным, испытующим, пронзительным. Тяжело сглотнув, я облизал губы, не стремясь вызвать желание. Меня напугал этот взгляд до дрожи, но ее я тоже подавила, стараясь сохранить лицо бесстрастным, таким, каким его привык видеть Вайторис.

— Что ты сделала, Игнис? — спросил Господин, так и не выпустив меня из захвата своих пальцев.

— Глупость, Господин, — мой голос прозвучал надтреснуто.

— Расскажи, — велел он.

В моей голове стремительно пронеслись все варианты возможных глупостей, я выбрала почти правду. По крайней мере, она хоть как-то объясняла произошедшее в темнице черного замка девять дней назад.

— Я опоила пленника, — начала я, сильнее прижав крысу к своей груди. — Мне хотелось влить в него немного силы, чтобы поиграть. Он был слишком изможден, а я не хотела лишиться своей игрушки после той забавы.

— Что ты дала ему?

— Восстанавливающее зелье. После заставила испытать желание, но его возбуждение опьянило меня. Я хотела насытиться муками неутоленного вожделения, но поддалась ему сама, потеряла контроль...

— Да, я видел, — Вайторис отпустил меня, отошел на шаг и остановился, отвернувшись от меня. — Это объясняет, как пленник ушел после того, как стражи бросили его, не исполнив мой приказ сразу. И то, что он смог воспользоваться своей силой тоже, но... — Господин стремительно развернулся и вновь упер в меня пламенеющий взор: — Как он нашел тебя в замке?

— Не знаю, — я опустила голову, пряча взгляд, в котором Вайтор мог увидеть смятение и панику, пока я искала ответ на его вопрос. — Я не спрашивала, Господин. Мы мало разговаривали с водником. Для него и для его людей я воплощенное зло. Со мной не ведут дружеских бесед. И «сука Темного» я слышу гораздо чаще своего имени.

— Тебя это оскорбляет?

— Мой господин велик, и я никогда не устану благодарить его за то, что он выбрал

меня.

— И все-таки?

— Всё, что я делала, я делала во имя моего Господина. Во мне нет сомнений в истинности своих деяний, ибо сотворены они по указанию того, кому ведом смысл мироздания.

— Верные слова, мое пламя, — голос Вайториса на мгновение смягчился. — Если эти истины всё еще полнят твой разум, я буду доволен. Но...

Тьма. Что еще ему не нравится?

— Ты мне лжешь, Игнис! — голос Господина прогремел под высокими сводами тронной залы, многократно отразившись от стен и обрушившись на меня, и заставив втянуть голову в плечи. — Отражения.

— Что с Отражениями, — судорожно вздохнув, спросила я.

— Реальность породила слишком много Отражений, — ответил Вайтор, неспешно обходя меня по кругу. — Не одно, не два, мое пламя. Десять! Ты помнишь, что это означает?

— Судьбоносное событие, — выдохнула я.

— О, да, Игнис, судьбоносное. Что-то, что породило мощный выплеск силы в истинной Реальности, и он разошелся десятью Отражениями. Так что же произошло, Игнис? Что было сотворено, что Грани за один раз увеличились настолько, насколько не разрастаются и за сто-триста лет? Более того...

Бесконечный Хаос! Десять Отражений, десять новых вариантов развития простых событий, порожденных одним судьбоносным...

— Он исчезает, — продолжал Вайторис. Я вскинула голову и изумленно уставилась на Господина. — Твой проклятый водник постепенно исчезает из Отражений! Я пытаюсь понять, почему это происходит, и не могу, потому что то, о чем я думаю, невозможно.

— О чем ты думаешь, Господин?

— Восемь Отражений показывают события, в которых никогда не было Скайрена Аквея, — он так и не ответил на мой вопрос, продолжая рассуждать вслух.

— Возможно, он там не родился...

— Он там был, Игнис! Он был в Гранях, сейчас вариантность меняется, и это тоже следствие судьбоносного события. Отражения подстраиваются по истинную Реальность, и мне это не нравится. Поэтому я хочу точно знать, что произошло у меня за спиной, что перекраивает действительность, которой я не позволяю меняться уже столько столетий. Отвечай!

— Я не знаю! — выкрикнула я и сжалась под взглядом вновь изменившихся глаз Вайториса. Огонь потух, и теперь их заполняла хорошо знакомая мне черная бездна. — Как я могу предсказать будущее? Возможно, он должен был умереть, но из-за побега сумел переломить ход событий и внес в них судьбоносные изменения.

Вайторис промолчал, не спеша обличать меня или верить. Смотрел сверху вниз и молчал, пугая этой тишиной еще больше. Я вздрогнула, когда Господин снова поднял мою голову за подбородок. Почти ласково провел большим пальцем по нижней губе и отступил, коротко велел:

— Иди за мной.

Я послушно поднялась на ноги, не выказав испепелявшего меня страха, не задав вопросов. Прежняя Игнис никогда их не задавала и покорно принимала свое наказание или

награду. Чуть не выругалась вслух. Какая прежняя Игнис? Я всё та же, только немного сошла с ума, но, возможно, скоро опьянение пройдет, и тогда исчезнут воспоминания, чувства и тяга к воднику. Я вновь стану послушным клинком своего Господина, и моему смятению придет конец.

— Что тебя гнетет, мое пламя?

Мы уже шли по коридору мимо молчаливых стражей, провожавших знакомыми тяжелыми взглядами мою обнаженную фигуру. Всё как прежде, ничего нового. Это ведь хорошо. Нет неожиданностей, нет перемен... Уныло, монотонно, тоскливо, серо...

— Мой Господин недоволен мной, — ответила я.

— Только это?

— Это единственное, что может тревожить меня. Я живу для своего Господина, и его гнев уже наказание.

— Ты хорошая ученица, Игнис, старые уроки отскакивают у тебя от зубов, но мы вновь пройдем их, чтобы ты уже не смогла забыть догмы, принятые тобой по собственному желанию и согласию.

Насмешливый голос Вайториса заставил напрячься. Оставалось гадать, что он задумал, но чтобы не держал в своей голове Вечный, мне не понравится. В воцарившемся молчании мы поднялись в его покои, и я немного расслабилась. Меня не кинули в темницу, не отвели в пыточную, хотя как-то слабо представлялось, что Вайтор обойдется со мной, как с простым пленником, прибегнув к обычным человеческим ухищрениями. Даже не отправили к браннерам. Отчего-то я опасалась, что Господин устроит себе забаву именно со своими огненными тварями.

Однажды, когда мне исполнилось сто с небольшим лет, мне вздумалось проявить своеволие. Дело касалось склоки между двумя городами, стоявшими на землях Господина. Он велел мне уладить всё быстро, наказав зачинщиков. Однако я решила сделать по-своему. Возможно, это было опьянение силой, которая переполняла меня, возможно, верой в то, что я для Вайториса нечто большее, чем его временные подстилки. Разбирательство длилось несколько дней, и когда я вернулась в черный замок, гордая собой и проделанной работой, Господин встретил меня улыбкой... холодной, равнодушной. Так он улыбался своим приближенным, которых использовал на свое усмотрение.

— Ты неплохо поработала, мое пламя, — сказал он. — В награду за то, как точно ты исполнила мой приказ, я хочу подарить тебе кое-что. Небольшое развлечение. Тебе понравится, только... — Вайторис остановился, удерживая меня за плечи, — не думай слишком долго.

А затем открыл решетку, закрывавшую вход в каменный лабиринт и втолкнул меня туда.

— Пройди лабиринт, мое пламя, и ты найдешь выход. И не вздумай медлить, Игнис, этот приказ лучше не нарушать. — Всё также насмешливо произнес Вайторис и ушел, оставив меня одну.

Времени на размышления у меня действительно не осталось, как только я вошла в лабиринт. Браннеры поджидали меня в тупиках, в проходах, на пересечении линий. Они нападали из-за угла, впиваясь обжигающими клыками в плечи, руки, ловили за ноги. Мне постоянно приходилось отбиваться и бежать. А когда я добралась до выхода из лабиринта, Господин поймал мое измочаленное, изнемогающее от усталости, тело в объятья и спросил:

— Что ты поняла, мое пламя?

— Приказы моего Господина должно исполнять точно и без промедления, — ответила я, задыхаясь от быстрого бега и постепенно утихающей боли от укусов.

— Верно, Игнис. Ты усвоила и этот урок.

— Да, мой Господин.

— Должна ли ты думать, исполняя мои приказы?

— Мой Господин умней меня, я лишь тень за его плечом.

Но тогда у меня была моя сила, сейчас противопоставить тварям мне было нечего. Однако мы стояли в покоях Вечного, и здесь браннерам не было места. Пользуясь тем, что Вайторис по-прежнему не смотрит на меня, я вновь встала на колени, но не ради позы покорности и вины. Я бросила быстрый взгляд на Искру и отпустила ее. Крыса мгновенно исчезла, спеша спрятаться от пугавшего ее Вечного. Впрочем, он пугал меня, Искра могла просто чувствовать мой страх.

Господин остановился у окна, устремил взгляд в сумрак. Он некоторое время молчал, о чем-то думая. Затем полуобернулся назад, бросил на меня взгляд через плечо и произнес:

— Ты единственная женщина, которая живет рядом со мной столько лет. Я мог бы, наверное, назвать тебя своей женой...

— Жены рожают детей, — помимо воли прервала я его.

— К чему нужен наследник, когда моя жизнь бесконечна? — Вайторис снова отвернулся к окну. — Растить под боком соперника, который однажды устанет ждать, когда отец освободит ему место? Нет, Игнис, ни умирать от руки родного дитя, ни убивать его я не хочу. Дети — это продолжение, мне оно не нужно.

— Мой Господин прав, — смиренно ответила я, вновь склоняя голову.

— Твой Господин всегда прав, мое пламя, — он усмехнулся и, наконец, развернулся ко мне. — Так вот, ты стала мне почти женой, но недоверие между супругами означает конец их брака. Только доверяя друг другу, мы можем существовать рядом, не опасаясь получить удар в спину. Мое доверие пошатнулось. И причиной тому стали не только Грани и твоя беготня от меня. И даже то, как ты выстроила цепь событий, едва не утопив меня, меня, скорей, позабавило. Больше разозлило то, что ты вырвалась из моих рук, когда увидела, что водник гибнет от лап трига. Это может означать лишь одно — твоя игрушка стала тебе дорога.

— Если бы водник умер, я досталась бы тригу, — ответила я. — Их вожак победил в драке за меня, и если бы не Аквей, мое тело бы было осквернено зверем. Я заботилась о себе. Мое тело принадлежит Господину, лишь ты один можешь владеть им. А я сейчас слишком слаба, чтобы противостоять тому, кто сильнее меня. Водник был моей защитой, и я не хотела ее утратить.

— Разумный ответ, однако твой крик был полон эмоций. Это не позволяет мне поверить тебе.

Вайторис скрестил руки на груди.

— Итак, я хочу убедиться, что ты по-прежнему послушна мне. — Он приблизился ко мне. — Кому ты принадлежишь, Игнис?

— Я принадлежу моему Господину, — эхом отозвалась я. — Лишь ты Хозяин моего тела и моей души.

— Да, — Вечный кивнул. — Мне принадлежит твое тело, и лишь я решаю, что с ним будет. Ляг на спину, Игнис.

Покорно исполнила приказание, вытянувшись в полный рост.

— Разведи ноги в стороны, — Господин следил за тем, как я сгибаю ноги в коленях, широко разводя их. Вайторис с минуту молчал, глядя на меня, после спросил: — Он уже был в тебе?

— Нет, — ответила я. — Мое тело не знало другого мужчину, кроме моего Господина.

Он кивнул, принимая ответ. После отвернулся и произнес:

— Ко мне.

Дверь открылась. В покои вошли оба стража. Они остановились, склонили головы и застыли, ожидая, что им скажет Господин.

— Кому принадлежит твоё тело, Игнис? — снова спросил Вечный.

— Ты мой Хозяин, и лишь ты владеешь моим телом, — отозвалась я.

— Возьмите её, — приказал Вайторис. Стражники непонимающе переглянулись. — Вы так долго метали о тебе этой женщины, и я хочу отблагодарить вас за верную службу. Делайте с ней, что хотите, сегодня она ваша. — Стражники не сдвинулись с места. Они тоже хорошо усвоили, что прикасаться к игрушке Господина слишком опасно, чтобы позволить себе поддаться желанию. — Я. Хочу. Чтобы. Вы. Овладели. Этой. Женщиной.

Я закрыла глаза, прислушиваясь к происходящему. Как-то не верилось, что он позволит. Даже ради наказания. Мне казалось, что всё закончится, когда стражники приблизятся. Вайторис слишком трепетно относился к тому, чтобы его женщин не касались чужие руки. Он казнил без жалости даже за посягательство на забытых и уже ненужных любовниц, если они всё ещё оставались в его замке.

Горячее дыхание на своей груди я ощутила вместе с языком, несмело коснувшимся наверх соска. Распахнула глаза, изумленно глядя на одного из стражников, уже стоявшего между моих ног. Он встретился со мной взглядом, гулко сглотнул и вновь склонился к груди. Кажется, ему было страшно...

— Вайторис, — позвала я, стараясь не кривиться и говорить ровно, — ты называл моё тело своим храмом. Оно не знало иного мужчины. Ты сорвал цветок моего детства, ты оставался тем, кто дарил мне наслаждение. Лишь с тобой я познала наслаждение...

— Я не прошу тебя наслаждаться, — холодно произнес Вечный. — Я всего лишь распоряжаюсь своей собственностью, как считаю нужным.

— Но после того, как он возьмет меня, я больше не буду твоим храмом! — голос зазвенел от напряжения.

— Ты ведь по-прежнему покорна мне, — усмехнулся он, брезгливо кривя губы, когда стражник потянул свои штаны вниз. — Не думал, что нам придется повторить и этот урок, Игнис. Если для усвоения этих будет мало, тебя опробуют столько мужчин, сколько потребуется, чтобы ты утвердила в своей голове, что ты всего лишь моё создание. Тень без права на собственные мысли и чувства.

— Как после ты сам возьмешь меня?! — воскликнула я. — Или же Игнис больше не нужна своему Господину? Неужели не побрезгуешь моим телом после того, как псы осквернят его своим вторжением?!

— Ты будешь мне нужна всегда, моё пламя, — ответил Вечный и ударом ноги отшвырнул стражника, уже готового овладеть мной. — Пошли вон! Я передумал.

Я едва не рассмеялась от облегчения. Закрыла лицо ладонями и постаралась сдержать протяжный вздох, рвавшийся наружу.

— Это не конец, Игнис, — произнес Господин. — Я не отменил это наказание, лишь

отсрочил.

Он отошел от меня и расположился на кресле, я осталась лежать на полу, сведя колени вместе. Так я чувствовала себя менее беззащитной.

— Разведи колени, — приказал Вайторис, лишая меня призрачной защиты. — Закинь руки наверх.

Я выполнила каждое его приказание и прикрыла глаза, прислушиваясь к себе. Что я обнаружила? Пустоту. Внутри меня не было ничего, одна ледяная пустыня. Я лежала перед Господином, раскрытая его взору, но его взгляд, скользивший по моему телу, не будил прежнего желания. Близость и Вайториса не будоражила. Я не закусила губу, ни задохнулась от ощущения невидимой ладони, неспешно двигающейся по телу. Тьма, я хотела лишь одного! Я хотела, чтобы скорее всё прекратилось, и он оставил меня одну.

Раздался негромкий скрип, когда Господин поднялся с него. Затем я услышала шорох одежды и открыла глаза. Камзол упал назад на кресло, за ним полетела рубашка. Вайтор неспешно расстегивал поясной ремень. Вновь сомкнула веки, не желая смотреть на то, как разоблачается Вечный. Я в новой панике искала в себе хоть какой-то проблеск прежнего вожделения, но не находила.

Зачем-то вспомнила, как впервые опробовала огненную плеть. Передо мной на коленях стоял какой-то мужчина, которого я видела в первый и в последний раз. Был ли то пленник Вечного, или же случайная жертва, пойманная для моих упражнений, я не спрашивала. Это было неважно. Важней казалось то, что Он стоял за спиной, сжимая мою ладонь, из которой змеилась огненная полоса.

— Расслабь кисть, — шептал Вайторис, склонившись к моему уху. Его губы касались ушной раковины, щекоча дыханием. — Вот так, мое пламя.

Он лизнул кожу рядом с ухом, едва не лишив меня остатков разума.

— Сделай это для меня, Игнис.

Но замах мы сделали вместе, и жало плети помчалось к перепуганному мужчине, повинаясь нашей обоюдной воле. Захлестнуло шею... Совместный рывок, и голова пленника катится по каменным плитам замкового двора. Я смотрела на обезглавленное тело, всё еще стоявшее на коленях, и думала о том, что ощущаю затвердевшую плоть, прижавшегося ко мне Господина. Он развернул меня к себе лицом.

— Убивать легко, — завораживающим полусшепотом произнес Вайторис, глядя в мои широко раскрытые глаза. — А убивать для меня даже приятно, это я тебе сейчас покажу.

Он взял меня там же во дворе, на повозке, в которой было свалено сено. Вайторису было всё равно, кто видит нас, а для меня всегда был главным он и его желания. Я извивалась и кричала от наслаждения, словно мы были одни, а где-то недалеко от нас лежала оторванная голова, глядя на наше совокупление взглядом пустых мертвых глаз...

— Совершенна, — негромкий голос Господина вырвал меня из воспоминаний. Он стоял на коленях между моих ног и смотрел на меня. Ладонь легла на живот, неспешно двинулась вверх и остановилась, несильно сжав одну грудь. — Идеальные пропорции, плавные линии, очарование женственности в каждой черте. Всё, что мне нравится в женщине, заключено в тебе, мое создание. Я, словно скульптор, лепил это тело для себя и под себя. День за днем я уничтожал в тебе чувства, приучал быть той, кем я буду восторгаться.

— Всеми ненавидимой убийцей, — тихо ответила я.

— Что дает всеобщее обожание? Зависть, ненависть и, как следствие, желание убить, — пальцы Вечного играли с моей грудью, помимо воли будя возбуждение.

— Что дает всеобщая ненависть? Просто желание убить, — хрипло возразила я, облизав пересохшие губы.

— Чужая удача и чужая власть в равных долях опасны для жизни их обладателя, — лицо Вайториса оказалось надо мной. Красные пряди свесились вниз, смешавшись с черными прядями моих волос. — Чтобы никому до тебя не было дела, стоит оставаться серой тенью. — Он некоторое время вглядывался мне в глаза, а я вспомнила, что говорил о них Скай. Вайторис не слепец, и он видит перемены.

Я понимала, что могу последовать новые вопросы, и решила быть первой.

— Зачем я тебе, Вайтор? — уже в который раз спросила я, и в который раз не получила ответа. Лишь усмешка в глазах. — Почему именно я?

— Потому что ты, — ответил он. После сел ровно, разглядывая меня из-под прикрытых ресниц. — Что для тебя Скайрен Аквей?

— Игрушка, — прошептала я, сомкнув веки. Так было проще лгать.

Господин усмехнулся.

— Я должен был убить его вместе с остальными, но мне казалось, что ты сделаешь это за меня. Я был уверен, что он не переживет одну из твоих забав, и ты собственными руками уничтожишь единственного мужчину, который сумел задеть твое холодное сердце за столько лет. Это было бы... забавно. Игнис сама уничтожает еще одну свою слабость. Мне так нравилась эта идея...

Вот теперь я открыла глаза и изумленно воззрилась на Вайториса. О чем он говорит? Слушала и не понимала. Или просто не желала понимать, потому что смысл слов Вечного был настолько невероятен, что поверить в него было невозможно.

— Слишком долгий взгляд, мое пламя, слишком красноречивое молчание и слишком затянувшаяся забава.

— Он был груб...

— Они все были грубы, но одного из водников ты довела до безумия, осталась равнодушна к смерти землевика, кричавшего громче всех. Не захотела проучить огневика. Воздушника и вовсе обошла стороной. Ты выбрала его, выбрала с первой минуты. Поддерживала в нем силы, заботилась. Кого еще из своих недолговечных игрушек ты приказывала мыть и подкармливать время от времени? Ты выпивала их за два-три дня и забывала. Аквея же терзала больше года, но всё еще не пресытилась им. Я всё это видел. — Вайторис вновь усмехнулся. — Со временем даже стало интересно, чем и когда это закончится. Ошибка!

Я вздрогнула, когда его голос промчался по покоям громовым раскатом. Ладонь Вечного с силой ударила по полу.

— Изначально ошибка! Нужно было давить выродка сразу!

Меня царапнуло то, как Вечный назвал Аквея, но свое возмущение я смогла сдержать, лишь отметила:

— Но сейчас ты его тоже не тронул.

Господин кинул тело вперед, упер ладони по обе стороны от моей головы и навис сверху, сверля меня злым взглядом. От его тела шел жар, казалось, еще чуть-чуть, и он вспыхнет, и тогда меня уже ничего не спасет от смерти. Но Вайторис всё еще удерживал себя, лишь лицо исказилось от обуревавшей его ярости.

— Радуеш-шься, Игнис-с, — прошипел он, словно змей. — Рано радуешься. Щенок сдохнет. Но мне мало его быстрой смерти, даже его медленной и мучительной смерти мало.

Я буду уничтожать Аквеев одного за другим, от старика до младенца, женщин, мужчин, подростков. Всех, в ком есть хоть капля проклятой крови. Я вырву с корнем его род, и выродок будет следить за его падением. И когда не останется никого, ты, мое пламя, именно ты убьешь его, а я буду стоять за твоим плечом и смотреть, как ты уничтожаешь свою последнюю слабость, потому что иных слабостей у тебя к тому времен не останется. — Я смотрела на Вечного, не мигая и не дыша. Его слова что-то будили в моей душе, и это что-то нарастало волной жгучей боли и такой же ярости. Он улыбнулся, но улыбка Господина больше напоминала оскал, и я невольно раздвинула губы, отвечая ему тем же. — Не волнуйся, дорогая, к тому моменту, когда ты вырвешь сердце из груди водника, он будет ненавидеть тебя так сильно, что даже твое имя станет для него ядом. Я сделаю всё, чтобы так и было...

«Ну, давай же, дорогая, сделай это».

Я оборачиваюсь и беспомощно смотрю на Вайториса. Его короткие красные волосы ворошит ветер, на губах играет почти ласковая улыбка.

«Пожалуйста», — шепчу я. — «Пожалуйста, не заставляй меня».

«Я ведь тоже говорил тебе «пожалуйста, не делай этого», но ты не захотела услышать меня», — равнодушно отвечает Вечный. — «Теперь оглох я».

«Ты всегда глух!» — выкрикиваю я. — «И если бы мог, ты бы уже давно убил меня!».

«Ты и так умрешь», — он пожимает плечами.

Я закрываю лицо ладонями и пытаюсь удержать надрывный всхлип, но он всё равно прорывается наружу, и Вечный смеется. Он издевается надомной, его забавляет моя боль и борьба за жизнь того, кто уже давно проклинаят меня. Тот, ради кого я живу, теперь ненавидит меня всей душой, потому что каждый раз смотрит, как я убиваю его родных, спасая его самого от смерти. Торн каждый раз умоляет меня убить его, но я не слышу, не могу услышать, потому что вместе с ним умрет моя душа.

Оборачиваюсь к изможденному пленнику. От прежнего Торна остались лишь глаза, чей взгляд сейчас наполнен надеждой. Он каждый раз надеется, что я, наконец, направлю острие клинка ему в грудь, но я каждый раз вонзаю свой кинжал в сердце одного из его родственников. Он даже не всех знал, кого убили Вайторис и я. Откуда Вечный находит отдаленные ветви, некогда пустившие побеги на древе Айеров, я даже не могу представить.

«Пожалуйста», — словно эхо повторяет мои слова воздушник.

Я отвожу взгляд и смотрю на совсем юную девушку. Она прижимает к груди руки, мнет оборванные оборки. Зачарованно смотрю на тонкие пальчики, на то, как они сжимаются и разжимаются. В ее глазах страх, непонимание и мольба. Она смотрит на меня, думая, что я смогу защитить ее. Глупая, я защищаю только одного человека. От боли, от долгих мук, которым его подвергнет Вайторис, только Торн уже не прощает мне этой защиты.

«Да остановись же ты!» — кричит мой возлюбленный. — «Очнись! Разве ты та, кого я любил? Отпусти девочку, забери мою жизнь!»

«Не могу», — выдыхаю я. — «Я не могу забрать твою жизнь. Только в ней есть смысл».

«Нет в ней смысла», — его голос наполнен ядом горькой насмешки. — «Я устал смотреть, как ты убиваешь всех, кто мне дорог, лишь бы я жил. Я устал проклинать дни, когда был счастлив с тобой. Мне надоело видеть одно и то же. Если всё еще любишь, отпусти меня!».

«Не могу я!» — выкрикиваю я, и Вечный снова смеется. Не могу сдержать рыданий. Не

могу убить его, но понимаю, что он прав. И если я вновь сделаю, как хочет Вечный, то снова услышу презрительное: «Тварь», — из уст некогда шептавших мне слова любви.

«Я прошу тебя», — бессильно произносит Торн, и я решаюсь.

Вытираю слезы, поднимаю руку с клинком, прикидывая расстояние, а затем... Кинжал замирает в ладони Вайториса. Спасительное жало так и не долетело до моего возлюбленного. Вечный подкидывает в руке кинжал, укоризненно качает головой, цокая языком. Ненавижу! Ненавижу его! Всей душой ненавижу!!! Снова бросок, и девушка падает на землю. Из ее груди торчит рукоять моего кинжала, в глазах застыло изумление...

Поднимаю взгляд на Торна. Он не смотрит на меня. Его голова свесилась на грудь, плечи вздрагивают, и я понимаю, что он плачет. Мой бедный возлюбленный, он видел столько смертей, и часть из них от моей руки. Гадко. Ненавижу нас обоих: себя и Вечного. Презираю себя за то, что оказалась слишком слабой и позволила управлять мной.

Наконец, Торн поднимает голову. Он смотрит на меня, и я слышу:

«Спасибо за попытку. Хотя бы за это».

«Я люблю тебя», — шепчу я, воздушник качает головой, так и не ответив мне.

Мою душу испепеляет боль, и лишь Вайторис весело улыбается...

— Торн. — прошептала я, жмурясь от яркости воспоминания. После заставила себя посмотреть на Вайтора, по-прежнему нависавшему сверху. Он следил за мной. Его взгляд стал жадным, но не вожделие было в нем. Вечный следил за тем, как кровь отхлынула от моего лица, а затем снова бросилась в голову. И я сорвалась, заорав в холодное лицо Вайториса: — Ты! Ты заставил меня убивать, ты...

— О нет, мое пламя, — кривовато усмехнулся он, — это был твой выбор. Ты могла дать ему один раз помучиться и освободиться, и тогда я сам бы расправился с остальными, но ты решила терзать его подольше, оберегая жизнь обреченного.

Задохнулась. От гнева, от вдруг вспыхнувшей ненависти, от осознания, что поклонялась несколько сотен лет безжалостному убийце, с радостью выполняя его приказы, лишь бы он был доволен мной. Отдавалась со всей своей страстью, восхваляла...

— Тьма, — сдавленно прошептала я. После вновь подняла на него взгляд, стиснула зубы до боли и с размаху ударила по лицу. Второй рукой. Схватила за горло...

— Довольно, — ледяным тоном произнес Вайторис, легко освободившись от моей хватки. — Как много ты вспомнила? — И сам себе ответил: — Немного. Хорошо. Остановим это сейчас, пока не стало поздно. Не хочу убивать тебя снова. Каждая твоя смерть — непозволительное расточительство.

— Каждая смерть? Расточительство? О чем ты говоришь?!

— О том, о чем ты никогда не вспомнишь, Игнис, — он снова сел ровно. — Пора вернуться, мое пламя, пора вернуться на верный путь и в нашу с тобой жизнь.

— Это не жизнь, это ее подобие, — зло рассмеялась я. — Я больше никогда не признаю в тебе Господина. Я больше никогда не встану перед тобой на колени. Я больше никогда не забуду, что ты со мной сделал.

— Ты в этом уверена? — брови Вечного взлетели вверх. Голос его теперь лучился беззаботным весельем. — Проверим?

Я упрямо смотрела на него, кривя рот в ухмылке, пока он не вытянул руку в сторону и не произнес с издевкой:

— А кто это у нас там спрятался? Что за незванный гость в моем замке?

С пальцев Вайториса сорвалась тонкая огненная лента, метнулась в угол, и до меня

донесся оглушительный писк.

— Нет! — выкрикнула я, когда струйка пламени вернулась к своему хозяину, таща на аркане мою крысу. Воздух заполнился запахом паленой шерсти.

Вайтор подхватил Искру за хвост и поднял на уровень глаз. Я порывисто села, попыталась отобрать своего зверька у Вечного, но он толкнул меня обратно на пол, придавил второй рукой, уложив ладонь на живот, и как я не выворачивалась, так и не смогла вновь сесть. Наконец, я перестала вырываться и с ужасом смотрела на крысу. Она растопырила лапки, дергалась, пищала.

— И где же твоя спесь, Игнис? — насмешливо спросил Вайторис. — Смотри, всего лишь мерзкая крыса, и ты уже лежишь, кривясь от слез.

— Не трогай ее, — взмолилась я. — Это всего лишь маленький зверек.

— Вот ты уже и готова уговаривать, — он опустил Искру на пол, но только для того, чтобы перехватить ее и сжать в кулаке.

— Вайтор, не надо! — вскрикнула я, не сводя взгляда с мордочки зверька.

— Кто я, Игнис?

Я глядела в глаза-бусинки, вспоминая, как крыса отыскала меня в замке водника, как она испугалась, когда я попала к тригам. Вспомнила, как защищала в темницы, как готова была впиться между ног Войтеру. Моя маленькая верная Искра, спасенная мною и охранявшая меня. Верный зверь, следовавший за мною всюду...

— Вайторис, — полузадушено произнесла я.

— Кто я, Игнис?!

И я сдалась.

— Мой Господин, — простонала я, ненавидя себя.

Вечный склонил голову к плечу. На его лице застыла брезгливая гримаса.

— Вот и всё, Игнис. Как быстро твое никогда превратилось в ничто. Всего лишь маленькая крыса, и ты из острия превратилась в жижу. Всё как всегда. Ты не меняешься, мое пламя. Жалкая, слабая, уязвимая... Но я вновь сделаю тебя сильной.

Его пальцы сжались, безжалостно давя мою первую подругу за столько лет.

— Нет! — закричала я, услышав, как захрустели тонкие косточки зверька.

— Да, Игнис. Да.

Он отшвырнул в сторону крысиный трупик, так и не взглянув на очередную загубленную им душу. И пусть это была душа крысы, но мое сердце взорвалось на тысячу кровавых осколков, разлетелось, скрутив нутро жгучей болью потери. Ярость захлестнуло сознание. Я вновь вскочила, желая лишь одного, растерзать убийцу, уничтожить его, стереть с лица земли...

Вайторис перехватил, с силой толкнул обратно. От удара, казалось, воздух покинул мои легкие. Я задохнулась. В глазах потемнело, на мгновение лишая меня возможности следить за происходящим. А когда очухалась, Вечный уже снова нависал надо мной.

— Не хочу, — просипела я, но плоть единственного любовника уже вторглась в меня.

— Я хочу, — ответил он, почти покинув мое лоно и вновь толкнувшись, не жалея и не стремясь доставить наслаждение.

Вайтор грубо вбивал в меня свое естество, я извивалась под ним и совсем не от страсти. Царапала лицо, била по плечам, орала, что не забуду ему того, что он сделал, но добилась только того, что мои запястья стянула огненная петля, тут же оставив новый ожег.

— Кто я, Игнис? — рычащим голосом спросил Вайторис. — Кто я, Игнис?

— Пустое место, — выплонула я. — Обычный мясник без души и совести!

— Какая злая, — хрипло рассмеялся Вечный. — Кто я, Игнис?

— Никто! Чем еще ты надавишь на меня, когда уничтожил свой единственный рычаг? — задыхаясь от бешенства и бесконечной борьбы, спросила я.

— Кто я? — не обратив внимания на мои слова, повторил вопрос Вайтор.

И я немного охладила свой пыл, перестав сражаться с ним. Я ведь, оказывается, и вправду становлюсь уязвима, если начинаю жить своим умом. Что он придумает, чтобы нанести новый удар? С кем позволит подружиться, чтобы потом вновь убить его на моих глазах? Или притащит Ская... Вывернувшись, нашла взглядом тельце Искры, судорожно вздохнула и, закрыв глаза, ответила:

— Мой Господин.

Боль была ослепляющей. Она разорвала мне грудь, лишила воздуха, когда легкие исторгли его вместе с криком. А затем всё повторилось. Сквозь слезы я смотрела, как на моем теле зажигаются буква за буквой догмы Вайториса, которые он с таким тщанием вколачивал мне в голову. Только сейчас он не требовал их повторять, Вечный выжигал на мне свои правила. Грудь, руки, ноги, живот, спина, ягодицы. Боль была повсюду снаружи и внутри, куда раз за разом погружался член Господина, уже отвергнутого мной.

У меня уже не было сил на крики, я заходила в беззвучных рыданиях, царапая освобожденными руками пол, ломая ногти, не замечая этого. Рот наполнился вкусом собственной крови из прокушенных губ. Но и этого я тоже не замечала за слепящей пеленой боли, окутавшей сознание. А когда последняя точка была оставила свой уродливый черный след на обуглившейся коже, Вайторис склонился к моему лицу, слизал с губ кровь и прошептал:

— Однажды я снова смогу доверять тебе, но пока надписи напомнят тебе, кто ты есть и для кого живешь.

Я не ответила, да и не смогла бы, потому что он закрыл мне рот поцелуем, таким же грубым, как и его вторжение в мое тело. Тело Вечного содрогнулось, и он протяжно застонала, изливаясь. После прижался щекой к моей щеке, восстанавливая дыхание.

— Мы всё вернем, мое пламя. Только ты, я и наша Вечность.

Я вновь молчала, мне было не до ответов. Тело нещадно болело, однако Вайторис вновь не спешил облегчать мои страдания. В это мгновение я понадеялась, что прямо сейчас умру, и всё закончится. Но Смерти, кажется, было не до меня, и когда Вайторис ушел, оставив меня на полу своих покоев, я по-прежнему дышала. Что удерживало меня в сознании? Что не позволяло провалиться в спасительную тьму? Воля ли Вечного, или его кровь, бежавшая по моим венам, а может и что-то другое, что так настойчиво всплывало в воспоминаниях, сказать было сложно.

Я лежала, распластанная, раздавленная, словно лишенная всех костей разом, и не могла забыть даже на минуту. И единственное, на что мне хватило сил — это доползти до крысиного тельца, прижать его к своей груди и, подтянув колени к груди, так замереть, тихо поскуливая от ожогов и своего горя.

Закрывает глаза, и перед внутренним взором вновь появилось изможденное лицо воздушника. Я всё еще толком не вспомнила, но те чувства, которые всколыхнулись при воспоминании, теперь жгли меня не хуже огня Вечного.

— Прости меня, Торн Айер, — простонала я. — Прости меня, мой забытый возлюбленный.

А затем образ воздушника сменил другой мужчина, тоже светловолосый, но с синими глазами-озерами. Я будто заново увидела его в путях, и мне показалось, что с ним я начала с того, чем закончила с Торном. Вспомнила всё, через что протащила гордого воина, заставляя скрежетать зубами, порой плакать, как дитя, опуская его на самое дно его страхов. Новый стон сорвался с искусанных губ. Жгучий стыд затопил меня в одно мгновение, к нему присоединились сожаление, досада и тоска, потому что... потому что я действительно ни с кем и никогда не возилась так, как с этим мужчиной. Шла к нему раз за разом, как одержимая, терзая, уничтожая и заставляя продолжать жить. Не отпускала, не желала расставаться потому, что...

— Скай, — прошептала я. — Ска-ай.

— Я здесь, Игнис, — услышала я и зажмурилась, испугавшись, что начала бредить. — Тьма...

Я вывернулась, скривилась от боли в потревоженном теле и неверяще уставилась на мрачного водника, рассматривавшего меня.

— Животное, — глухо произнес Скай. После кашлянул, прочищая горло, и наклонился ко мне, отчеканив: — Мы уходим. — Вдруг замер, так и не дотронувшись до меня, и негромко спросил: — Ты хочешь уйти отсюда?

Протянула к нему руки с трупиком Искры и скривилась от новой порции слез:

— Он убил Искру. Он...

— Готова?

— Да, — шепнула я. — Я готова.

И мир исчез, растворился в потоке прохладной воды, дарующей успокоение израненному телу. Сознание помчалось по течению, увлекаемое Скайреном Аквеем, более не сопротивляясь и не сожалея о дурмане пустых лет, прожитых рядом с Вайторисом. Теперь я готова была не только покинуть его, но и больше не отталкивать от себя воспоминания, рвущиеся из глубин моего существа. Чтобы не открылось мне, я готова была это принять.

Глава 9. Дни десятый и одиннадцатый

«Земля — колыбель всего сущего. Воздух, вода, огонь — все они могут создавать формы, но одеть ее в плоть, наделить красками, определить условия существования может только земля. Однако без иных составляющих не будет жизни. Лишь воссоединив все стихии, возможно добиться результата, который будет развиваться и совершенствоваться. Но и союз любой из стихий с землей может создать невероятную, по своей сути, форму жизни. Например... Ирис? Ты уснула? Маленькая хитрюга. Ирис!»...

— Игнис.

Веки дрогнули, поддались тяжело, видение-сон всё еще держали в крепких объятьях. Мое сознание по-прежнему цеплялось за зеленый луг, раскрашенный разноцветными брызгами цветов. Обоняние помнило их аромат, слух еще ловил возмущенный мужской голос, в котором веселых ноток было намного больше, чем сердитых. Ощущение, что моя голова покоится на уютном колени того, кто только что рассказывал мне что-то интересное и нужное, было столь ярким, что прохлада окутавшая тело показалась нелепой и неуместной.

— Игнис...

Этот голос слышался, будто издали, но я узнала его, несмотря на искаженное

звучание. Надо мной сомкнулась толща воды, над ней склонился молодой светловолосый мужчина, смотревший на меня глазами-озерами. Скайрен Аквей... Из носа вырвался пузырек воздуха, еще один, и я распахнула рот, чтобы вдохнуть. Тут же вода хлынула в рот, и меня выдернули на поверхность. Я отчаянно закашлялась, махнула рукой, что-то задев.

— Опять, — с удовлетворением произнес Скай. — Я тебя исцеляю, ты меня бьешь. Никакой благодарности, что еще ожидать от самой Игнис...

— Ирис, — просипела я, прерывая его. — Мое имя — Ирис. Настоящее имя.

— Ирис, — эхом отозвался Аквей и повторил, явно смакуя: — И-ирис. Красиво. — Я отдышалась и повернула к нему голову, тут же попав в плен солнечных бликов. На губах водника играла улыбка. — Здравствуй, Ирис.

— Здравствуй, Скай, — прошептала я, не сводя с него взгляда.

— С возвращением, — он окончательно вытянул меня из воды и перенес на мягкую зелень, покрывавшую берег лесного озера.

— Я еще где-то в пути, — немного смущенно улыбнулась я, наконец, опустив взгляд.

Аквей накинул мне на плечи плащ, давая согреться после холодных озерных вод. Солнце висело уже совсем низко, и закатные лучи окрасили небо сочными розовыми росчерками. Я некоторое время любовалась чарующей картиной заката, после вдохнула полной грудью и вздрогнула от неожиданности, когда что-то теплое и мягкое ткнулось мне в ладонь, утонувшую в густой зелени травы. Опустила взгляд и застыла, неверяще рассматривая темно-серый столбик с шевелящимися усиками. Черные глазки-бусинки ответили преданным взглядом.

— Искра, — сдавленно выдохнула я. Осторожно, боясь сжать сильней пальцы, я подняла ее, с минуту рассматривала зверька, а после прижала к груди, счастливо рассмеявшись. Живая... Живая! Но как? Как это возможно, когда я держала в руках ее мертвое тельце? В нем не было ни капли жизни! Я вскинула взгляд на улыбающегося водника. — Как?

Он пожал плечами, вдруг став серьезным. Опустился напротив меня на траву, сорвал травинку и сунул ее в рот. «Любая форма жизни имеет ценность, Ирис. Будь то сорняк или же надоедливый комар. Погасить живую искру можно, лишь имея на то основания», — эти слова всплыли в голове сами собой, и я с неудовольствием взглянула на Аквея, перегонявшего травинку из одного угла рта, в другой. Он истолковал мой укоризненный взгляд по-своему.

— Правда, не знаю, Игн... Ирис. Когда я забрал тебя из Черного замка, я был в таком бешенстве, что едва удержался от желания броситься искать рыжего.

— Как с Венном, — вдруг поняла я.

— Да, — кивнул Скай. — Нечто подобное. Как и в тот раз, когда я создал Венна, во мне бурлила сила. Распирало. Должно быть, гнев как-то способствует ее увеличению. Только с Венном всё вышло случайно, и форма змея вышла из-за того, что я думал: «Раздавлю змею». Скорей всего, это и способствовало формированию образа. С Искрой же вышло иначе. Тоже не совсем осознанно, и попроси меня повторить, вряд ли это выйдет. Просто я вспоминал, как ты показала ее тельце. Твои слезы... В общем, я держал ее в руке и думал, что хотел бы облегчить твои страдания и вернуть крысе жизнь. В голове появился так ясно сложилась картинка, как ее кости встанут на место, ткани исцелятся, она вздохнет и откроет глаза. Шевельнет лапками, дернет хвостом... Тьма, не знаю, как объяснить. Ток магии получил направление и четко сформированный мысленно образ ожил. Я смотрел на то, как дергается

хвост и думал, что схожу с ума, грежу наяву. Но вот Искра переворачивается в моей руке, пищит и... Ирис, она меня укусила! Вы не умеете быть благодарными. Одна укусила, вторая избила. Ну, ладно, без спасибо я могу обойтись, но увечить-то зачем?

Он говорил. Говорил много, немного бессвязно, иногда едва не захлебываясь, и я поняла, что Скайрен Аквей только сейчас начал расслабляться. Всё скопленное напряжение и тревога покидали водника в это мгновение. Я смотрела на него и никак не могла наглядеться. Всё, что Скай сделал для меня, несмотря на то, сколько я издевалась над ним, не взирая на всеобщую ненависть, на мои страшные деяния, совершенные в ослеплении своей верой — всё это было несоизмеримо обычному скупому спасибо. И все-таки он заслужил его.

Я ссадила Искру с рук, подалась вперед и, обхватив лицо водника ладонями, хрипловато произнесла:

— Спасибо.

Аквей замер на полуслове, глядя мне в глаза. Он медленно поднял руки, накрыл ладонями мои пальцы, сжал их и ответил отрывисто:

— Не мог... иначе.

— Почему? — спросила я шепотом.

— Потому что... — так же шепотом ответил Скай. — Я.

Взгляд его скользнул по моему лицу, остановился на губах, и водник судорожно вздохнул. Его руки вдруг обхватили мою голову, пальцы зарылись в мокрые волосы.

— Что ты, Ска...

Договорить я уже не успела, потому что он порывисто прижался к моим губам, смял их в голодном жадном поцелуе, вырвав из моей груди слабый вскрик. Вцепилась пальцами ему в плечо, сминая ткань рубашки, отвечая на поцелуй со всем пылом изголодавшейся по нему души. Чтобы не связывало нас, но сейчас оно прорвалось наружу, не встретив сопротивления. Вспенилось полноводным потоком и понеслось, сметая на пути остатки сознания и воли.

Скай поднялся на колени, подался ближе, и я, не удержавшись, упала на спину, увлекая его за собой. Возмущенно пискнув, в сторону отскочила Искра, увернувшись от наших тел. Но это почти не коснулось меня, оставшись за границей моего мира, сузившегося до одного человека, целовавшего меня с той же ненасытностью, которую чувствовала я. В это мгновение для меня существовала только Скайрен Аквей — моя жертва, мой похититель, мой спаситель, и единственный желанный мужчина, будивший во мне страсть даже тогда, когда у меня не хватало прозорливости, чтобы понять, что на самом деле тянет меня в одну и ту же темницу.

Он на мгновение отстранился. Грудь водника тяжело вздымалась, лицо вдруг исказилось, словно ему стало мучительно больно.

— Я не...

Задыхаясь, начал он, и я испугалась, что Скай снова остановиться, опять отступит, ведомый долгом и обещаниями. Я рывком подалась к нему, вновь впиваясь в губы. Не оттолкнул, не убрал моих рук, стиснувших его в объятьях. Обнял сам, сжав так сильно, что я слышала хруст собственных ребер. А я ликовала. Не отпущу! Ни в этот раз. «Мой!» — кричало сознание. «Мой!» — выстукивало сердце, ускорившее свой бег.

Я несильно толкнула его, вынуждая лечь на спину. Нервными дерганными движениями растегивала поясной ремень, стремясь не оставить ему возможности сбежать от меня.

Пусть это случится только раз, но сейчас я не отдам и секунду единения за всю свою долгую жизнь. Скай приподнял бедра, помогая мне приспустить его штаны. На большее не было ни сил, ни терпения. Я хотела его. Хотела всего без остатка. Раз и навсегда, хотя и готова была смириться с тем, что водник скажет позже, но позже! И более не медля, я перекинула ногу через бедро Ская и прижалась к его напряженному от желания члену.

— А-ах...

Стон сладкой муки сорвался с моих уст и растаял с дуновением ветра. Ладони Ская накрыли мою грудь, я прижала к ним свои ладони и неспешно двинула бедрами, скользнув влажным лоном по всей длине мужской плоти. И словно награда моего слуха коснулся ответный стон. Я снова потерлась о затвердевший член, не в силах остановиться под надвигающейся лавиной, пьянящего удовольствия. А потом мир взорвался на миллиарды сверкающих осколков. Оргазм подхватил меня и понес, словно полноводная река. Крик наслаждения умчался именем водника к темнеющему небу.

— Невозможная, — простонал мне в губы Скай. — Невыносимая. Моя.

Он перевернул меня, поймав губами последний вздох затухающего удовольствия. Покрывл быстрыми влажными поцелуями щеки, скулы, подбородок, шею, вернулся к губам, а еще через томительно долгое мгновение я почувствовала, как его плоть заполняет меня.

— Да-а! — торжествующе воскликнула я и надавила ладонями на ягодицы, желая срастись с ним воедино.

— Да, — хриплым шепотом ответил Скай, приподнимаясь надо мной.

Он уперся ладонями в землю и сделал первое движение, неспешное, изматывающее томительным ожиданием последующего толчка. Я приподнялась на локтях, потянулась к его губам, не желая расставаться даже минуту.

— Не оставляй меня, — шепнула я.

— Никогда, — ответил водник, вновь прижимая меня к земле своим телом.

Он сильным толчком снова заполнил меня до предела. Вновь и вновь, резко, мощно, вырывая из моей груди вскрик за вскриком. Задыхаясь, я выгибалась ему навстречу, двигалась с ожесточением, накидывалась на его губы, словно голодный зверь на добычу, пила его хрипкое дыхание, ловила громкие стоны и никак не могла насытиться. Словно измученный жаждой путник, я пила из чистого родника, жадно глотая обжигающую холодом воды, но оторваться сил не был.

— Не могу... — прохрипел Скай. — Не могу остановиться, не могу насытиться...

И плотина, еще сдерживавшая накатывающий оргазм, взорвалась, вновь смыв меня потоком наслаждения. Я распласталась по траве, вдруг потеряв последние силы, откинула назад голову, и с губ сорвался протяжный стон, почти беззвучный, потому что силы в одно мгновение покинули мое тело, осталось лишь наслаждение, превратившее меня в бесхребетную медузу, таявшую под лучами мужской страсти. Губы Ская прижались к моему горлу, и полустон-полурык огласили притихший лес. Он вжался в меня, избавляясь от своего желания горячим потоком семени. А когда его дыхание немного выровнялось, Скай выдохнул:

— Это просто безумие. — Я распахнула глаза, посмотрела на него и вновь упала на траву, чувствуя невероятное облегчение. Водник улыбался.

Он перевалился на бок, притянул меня к себе и уткнулся лбом в висок. Я смотрела в звездное небо широко распахнутыми глазами и слушала и еще неровное мужское дыхание. Скай молчал, я тоже не спешила заговорить. Где-то в глубине сознания было страшно, что

водник сейчас сделает вид, что всё хорошо, но я увижу в его глазах затаенную боль и ненависть за то, что я не позволила ему остановиться. Пусть лучше тогда обвинит вслух, к этому я готова, лишь бы не лгал, не желая обидеть и затаив в душе злость и обиду.

Горячая ладонь, покоившаяся на моем животе, сдвинулась, накрыла бедро, и Аквей еще тесней прижал меня к себе, по-прежнему не говоря ни слова. Я закрыла глаза, стараясь отогнать нелепые и ненужные сейчас опасения. Зачем терзаться страхами и сомнениями? Это ведь ложь! Я ни о чем не сожалела, и не хотела вернуться назад, чтобы остановить произошедшее. О, не-ет, я готова была смаковать раз за разом и сильные толчки мужских бедер, и губы, целующие меня, и жаркий хрипловатый шепот, озвучивший слова, которые я не ждала услышать.

Дыхание Ская окончательно выровнялось. Он приподнялся на локте и теперь смотрел на меня, это я знала, даже не открыв глаз. Чувствовала его взгляд кожей и гнала прочь желание взглянуть в ответ и понять, что творится на душе водника. Но мои веки не дрогнули. Чтобы он сейчас не думал, глядя на меня, пусть это пока останется тайной, и волшебство ночи продержится еще хотя бы несколько минут. Да, именно так.

А потом Скай коснулся меня. Провел костяшкой согнутого пальца по скуле, затем накрыл ладонью висок, зарылся пальцами в волосы и повернул мою голову к себе, вновь накрывая губы своими губами. В этом поцелуе не было ни жадности, ни грубоватого напора, только томительная нежность, даже трепетность, и я задохнулась от неожиданности и затаенной радости, всхлипнула, поддаваясь чувству, и обняла водника в ответ. А когда он прервал поцелуй, я решила. Открыла глаза и... толком не увидела лица Ская.

Озадаченно потеряла глаза, снова посмотрела на него и произнесла самое неуместное, что только можно было сейчас сказать:

— Я больше не вижу в темноте. Один из вернувшихся даров пропал.

— Любой маг неплохо видит в темноте, — ответил Скай. — Ты маг, должна видеть.

— Но я не вижу...

— Если я всё понимаю верно, то ты пользовалась силой крови рыжего, так?

— Да, — я подложила руку под голову. — Я практически ничего не знаю о ритуале возрождения, он никогда не рассказывал о нем, но много раз говорил, что во мне его кровь и его огонь. Даже называл, — я невесело усмехнулась, — мое пламя.

Аквей затянул поясной ремень и сел. Я некоторое время смотрела на его силуэт снизу вверх, но вскоре тоже уселась и поежилась, ощущая прохладу, потянувшую от озера. Скай протянул мне руку, и я, послушная ему, перебралась ближе, уместилось между ногами водника, прижалась спиной к его груди, и он обхватил меня обеими руками, щедро делясь своим теплом.

— Порассуждаем? — спросил Аквей.

Я кивнула. Мне даже понравилась идея оттянуть время, когда все-таки придется заговорить о скором будущем, в котором мне отводилась роль то ли пленницы, то спутницы, то ли союзника, который способен рассказать о Вечном намного больше того, чем знали о нем обитатели нашего мира.

— Значит, в ритуале возрождения он использовал свою кровь, — начал Скай. — И его магия подавила твою родную, лишив памяти...

— Не совсем так, — немного подумав, я прервала его. — Возрождение — ритуал, проводимый над мертвым телом. Не умирающим, Скай, а над покойником. То есть в мир я возвращалась полностью очищенной от всего, что сопутствовало прошлой жизни. Если

хорошенько подумать, то это точка нового отсчета. Чистый лист, на котором можно писать всё, что вздумается. И никаких воспоминаний о прошлом возникать не должно. Но...

— Но?

— Но память ко мне возвращается, по крайней мере, о двух предыдущих жизнях. Он сказал: «Каждая твоя смерть — непозволительное расточительство», значит, возрождает меня Вечный не впервые, тогда воспоминания о маме и брате и о Торне Айере — это воспоминания разных временных отрезков. Мои родные — мое первое и настоящее рождение. Что было потом, я пока не вспомнила. Но с Торном мы были вместе перед этим возрождением. Если пятьсот лет назад была предпринята попытка свергнуть Вай... Вечного, то шестьдесят пять лет ушли на поиски всех представителей, имеющих с Айером хоть малую степень родства. И когда последний из них умер, а это был Торн, я уверена, то после этого умерла и я и была возрождена к жизни в очередной раз.

— Создатели, — голос Ская прозвучал глухо. — Великая битва — легенда на века. Если верить летописям, то в тот раз рыжего достали, но что-то помешало довести дело до конца. По крайней мере, объединенная рать смогла вторгнуться в Черный замок, чего ни до, ни после не происходило. Летописцы говорят о вероломстве... — Он замолчал, а после совсем тихо спросил: — Ты?

Я молча пожала плечами, что я могла ответить, если из всего того периода помню признания Торна, совет магов и смерть девушки, когда воздушник смотрел, как я готова убить невинную, чтобы продлить жизнь возлюбленного? Судорожно вздохнув, я откашлялась и все-таки произнесла:

— Торн привел меня на совет магов. Там был один водник, один огневик, маг земли... женщина и еще один воздушник, кроме Торна. Это то, что я вспомнила. Судя по всему, я хотела им помочь. Айер верил мне и требовал выслушать меня. По внутреннему ощущению, я не таила дурных мыслей, но... Я могу предположить, что произошло.

— И? — всё также тихо спросил водник.

— Если Вечный сумел захватить Торна, то... я сдалась.

Я замолчала, не желая рассказывать о последнем воспоминании о Торне Айере. Не сейчас и не сегодня. Не готова, пока не готова. Скай тоже молчал. Мне показалось, что он сейчас отстранится, но водник не спешил ни вставать, ни отодвигаться от меня. Он прижался подбородком к моей макушке и нарушил тишину:

— Ты любила его. — Он не спросил, просто всё верно понял, как всегда, сразу уловив суть. Затем снова замолчал, а когда заговорил снова, то произнес: — Сегодня я видел, как расцветает цветок на твоём теле, — резко сменив тему и вернувшись к началу разговора. Я почувствовала благодарность, а Скай продолжил: — Это было красиво и противоестественно. Бутон вылез немного ниже правой груди. Он выглядел совсем настоящим, набух, приобрел объем и плотность. А потом чашечка начала раскрываться, выпустила несколько лепестков, и я протянул руку к цветку, коснулся его, и бутон усох на глазах. Он стал уродлив, даже отвратителен. Мне захотелось смыть его с твоего тела, как и все эти мерзкие письма...

— И? — я вывернулась и посмотрела на водника.

— Несмотря на кажущийся объем, он оказался подобен рисунку, выбитому на коже. Но я представил, что цветок живой, и он отделился от твоего тела. После этого я сорвал его, а когда цветок расплылся в ладони, то стал похож на мокрую сажу. Чтобы он не нес в себе, но этот дар, похоже, ты уже не получишь.

Признаться, я думала, что после осознанно принятого решения уйти из замка Вайтора уже ни один бутон не появится. Жалела ли я? Не знаю. Наверное, все-таки, да. Иной магии я не помнила, а без привычной силы чувствовала себя незащищенной, а если учитывать всеобщую ненависть, то вновь остаться обычной смертной для меня было подобно приговору.

— Ирис, — позвал меня Скай, я не ответила. — К тебе возвращается твоя родная магия, и я в этом больше, чем уверен. Дари Вечного — всего лишь жалкая подмена твоей собственной силы.

— Жалкая, — невольно усмехнулась я, вспоминая утерянную мощь.

— Жалкая, — сухо повторил водник. — Суди сама. Ты облекла в плоть Венна, и это тогда, когда казалось, что в тебе вообще магии нет. Ты влила в меня силы у тригов, и это не мои грезы, это свершившийся факт. Взгляни на Искру, она разумна. Разве так ведут себя обычные крысы? Но главное... — Я снова вывернулась, чтобы взглянуть на Аквея, и он коснулся губами кончика моего носа, заставив сморщиться и фыркнуть. Скай, хмыкнув, продолжил: — То, что со мной происходит, Ирис. Это началось после того, как ты опоила меня.

— Во мне его кровь...

— В тебе твоя кровь, Ирис, — прервал меня водник. — Я тоже ничего не знаю о ритуале возрождения, но уверен, что рыжий не отдал тебе всю свою кровь, иначе он бы уже содох, и мы вздохнули спокойно. Сколько он использовал? Каплю-две? Нет, ты опоила меня своей кровью, и она начала менять меня, сделала сильней.

Я развернулась в руках Ская, встала на колени к нему лицом и нервно сцепила пальцы в замок. Слова водника что-то всколыхнули, и это что-то было согласно с Аквеем. Мучительно поморщилась, пытаюсь понять, что же взбудоражило меня, но в этот раз воспоминание не спешило одарить меня просветлением. И все-таки я осторожно возразила:

— То, что ты ощущал в первые дни, было отголоском даров Вечного.

— Что я ощущал? Мои чувства обострились, да, и в первые дни это сбивало с толку, но я уже свыкся с ними и перестал замечать. — Скай вдруг обхватил мое лицо ладонями. — Ирис, я не смог бы принять дары рыжего, они противоестественны моей природе. Он — огонь, я — вода. Подумай, невероятная моя, подумай и осознай: огонь и вода не могут воссоединиться, но вода и земля — это прочный союз, а значит, твоя кровь меняет меня. Твоя и ничья другая. Я много размышлял об этом, и уверен в своих выводах. И еще, Ирис, наша с тобой связь. Как бы я мог чувствовать тебя, если бы ты стала всего лишь посредником между мной и Вечным? Нет, нет, и нет! Рыжий не имеет никакого отношения к тому, что происходит со мной. Ты и только ты вернула мне силу и дала толчок к совершенствованию. Твоя выходка связала нас в единый узел, и я сумел прорваться даже в Черный замок. Не знаю, как это вышло. Но я подчинился нашей связи, она вела меня. Жаль только, что опоздал...

Я мотнула головой и теперь сама поймала его лицо в ладони.

— Нет, Скай, ты пришел вовремя. Как бы не увеличилась твоя сила, но ты по-прежнему дитя перед ним, и в схватке выиграл бы он...

— Но в том сне...

— Не путай сон и реальность, Скай, — я сильнее сжала руки. — Здесь его могущество настолько велико, что он один может справиться с тремя объединенными ратями, и ни ты, ни я, ни мы вместе не сможем сломить напор Вечного. Но... Но...

— Что — но, Ирис?..

— Мы должны прорваться к Граням. Только так я смогу ослабить его.

Я смотрю на пятерых магов, не перебивавших меня ни на мгновение, пока я говорила. Водник задумчиво потирает подбородок, огневик больше не играет с языком огня из камина, он смотрит в сердцевину пламени, лихорадочно поблескивая глазами. Торн подходит ко мне, встает за спиной, и его руки накрывают мои плечи. Старший леор Айер барабанит пальцами по подлокотнику кресла, и только женщина-землевик подает голос:

— Невероятно, — выдыхает она. — Невероятно и так просто.

— Значит, Грани? — тихо спрашивает водник. — Мы даже не знали об их существовании. Но что они такое?

— Он привязан к ним? — вклинивается огневик, порывисто оборачиваясь ко мне?

— Я расскажу всё, что вспомнила, — отвечаю я, и ладони Торна сжимаются на моих плечах чуть сильнее, я чувствую его поддержку, и нет ничего на этом свете более важного, чем поддержка мужчины за моей спиной. Его доверия и любви...

— Что — но, Ирис? — Аквей слегка встряхнул меня, вырвав из воспоминаний.

— Но его можно ослабить, если прорваться к Граням, — прошептала я, всё еще находясь в кабинете с камином и пятью магами.

— Что? Какие Грани? Не понимаю.

Я прикрыла глаза, пытаюсь поймать ускользающее воспоминание, но оно растаяло, так и не дав ответа на новые вопросы.

— Что такое — Грани? — повторил вопрос Скай.

— Грани Реальностей, — машинально ответила я и сжала виски ладонями. Голова не выдержала напора вороха хаотичных мыслей и отомстила взрывом боли. — Я устала, Скай. Слишком много всего сразу.

Водник не стал спорить и настаивать. Он ненадолго выпустил меня из объятий, поднялся на ноги и принес заплечную сумку, лежавшую недалеко от нас. Там обнаружилось платье.

— Это последнее, — усмехнулся водник. — Береги его, иначе мне придется податься в разбойники и начать раздевать путников, чтобы одеть тебя.

Я улыбнулась.

— Нет, ручеечек, ты слишком милый для разбойника, и глаза у тебя добрые. Вместо грабежа сам денег дашь и доброго пути пожелаешь. С тобой поживи точно не дождешься, — ответила я, натягивая платье.

Аквей скрестил руки на груди и вздернул подбородок.

— Что еще за ручеечек? — высокомерно осведомился он. — Я бурный поток, я бушующее море, ливень, в конце концов. — И закончил противным высоким голосом: — Ручеё-о-очек.

Поправила платье, стянула на груди шнуровку и приблизилась к воднику. Он смотрел на меня сверху вниз, надменный и строгий, но я чувствовала, что за этой маской сейчас скрывается мальчишка, готовый к шалостям. И такой Скайрен Аквей мне тоже понравился. Я не удержалась, подняла руку и взлохматила ему волосы, затем обняла за шею, прижалась всем телом и протянула:

— Ручеечек. Милый, добрый, ласковый.

— С первым и последним определением согласен, — без тени улыбки произнес Скай.

— Милый и ласковый. Даже где-то добрый. Но за остальное ты мне ответишь, женщина.

— Так остался только ручеечек, — хмыкнула я. — Маленький такой, безобидный.

— Ну всё, — мотнул головой водник. — Это уже оскорбление. А оскорбление можно смыть только...

— Кровью?

Он вздохнул, несильно постучал мне пальцем по лбу и ответил:

— Наслаждением, глупая женщина.

— Я не глу...

И вновь я не успела возмутиться, потому что оказалась в плену жадных губ Скайрена Аквея. И когда снова оказалась на траве, я не заметила, потому что мир опять исчез за страстью, которую дарил мне мужчина, забывший в это мгновение обо всем, что было за пределами нашей с ним реальности, хрупкой, маленькой, но принадлежавшей только мне и ему. А когда небо посветлело, предвещая начало нового дня, я пресыщенная и счастливая засыпала в его объятьях, забыв о прошлом, настоящем и будущем. И чтобы не нес в себе новый день, эта ночь осталась в моей душе согревающим огоньком, ласковым, нежным... моим...

Уже знакомый холм встретил меня ночной тишиной и уединением. Я неспешно спустилась к его подножию и замерла, глядя на двухэтажный дом, опять смутно ощущая это место знакомым: и холм, и дом, и его обитателя. Порывисто прижав ладонь к груди, туда, где испуганной птичкой трепыхалось сердце, я опять приблизилась к окну и заглянула внутрь.

Мужчина с черной длинной косой стоял на том же месте. Он повернулся в сторону окна и приветливо улыбнулся мне, как и в первый раз, предложил жестом войти внутрь.

— Ох, — вздохнула я и сделала шаг к дверям.

Затем еще и еще один, и когда уже готова была взяться за ручку двери, она распахнулась сама. Черноволосый мужчина с бездонными зелеными глазами, смотрел на меня, склонив голову к плечу, совсем как я, а на устах его играла теплая, чуть насмешливая улыбка. Мужчина протянул мне руку, ладонью вверх. Я несколько мгновений колебалась, но все-таки протянула руку, уже коснулась кончиками пальцев теплой сухой ладони, ощутив трепет, нежность, и что-то еще, отчего в глазах появилась мутная пелена слез, и губы дрогнули, сложившись в одно короткое слово:

— Папа...

Улыбка с лица мужчины вдруг исчезла, он с силой толкнул меня в грудь, и дверь захлопнулась. Я упала навзничь, через мгновение стена пламени взвилась вверх из-под земли, отсекая меня от дома и моего отца. Из огня шагнула высокая фигура, и знакомый и уже ненавистный голос прогреготал:

— Игнис, не смей!

— Меня зовут Ирис, — глухо ответила я, отползая в сторону. — Ирис!

Вечный зло сверкнул глазами, и из горла его вырвался рык:

— Проклятье!

Он шагнул ко мне, наклонился, собираясь поднять с земли, но я отбила ногой его руку, вывернулась и вскочила на ноги.

— Ты должна вернуться, — чеканно произнес Вайторис.

— Не хочу, — я мотнула головой, отступая назад. — Не хочу!

Мой бывший хозяин больше не тратил время на уговоры, он стремительно приблизился,

но я вновь отбила его руки, вывернувшись и бросилась прочь, выстраивая в голове цепь событий. Вайторис нагоняет меня, но цепляется ногой за древесный корень, вылезший из земли, и падает.

— Проклятье, — снова рыкнул за спиной Вечный.

Он поднимается, смотрит мне в спину, делает шаг, но снова спотыкается...

— Игнис!

Я обернулась и торжествующе хмыкнула, он стоял на четвереньках и смотрел мне вслед. Но вот я разворачиваюсь, чтобы бежать дальше, и тут же, вскрикнув, отскакиваю назад, потому что оказываюсь на краю обрыва. Внизу бушующее пламя, за спиной приближающиеся шаги Вечного.

— В эту игру можно играть вдвоем, — произнес он, усмехнувшись.

— Можно, — согласилась я.

Вайторис шагнул и... провалился в болотную топь. Он выругался, а я, не теряя ни мгновения, побежала по мосту, протянувшемуся над пропастью. Однако успела добежать лишь до половины, когда огонь со дна взвился вверх и в одно мгновение пожрал половину моей переправы. С оглушительным визгом я полетела вниз, с ужасом поняла, что падаю в ловушку, подготовленную Вайтором.

Пламя подо мной закружилось, свернулось в ревущую в воронку, открыв мне проход в непроглядную черноту на дне. Я уже чувствовала жар пламени, когда... Прямо из образовавшегося прохода мне навстречу ударил фонтан воды, и я едва успела вдохнуть, как оказалась внутри мощного потока.

— И втроем играть тоже можно, — услышала я знакомый шелест, и меня вынесло на тот самый тихий берег, где я уже однажды сидела, наблюдая за спокойным течением кристально-чистой реки.

Я уже наполовину вылезла на берег, когда заревело пламя, затрещал лес, сдаваясь под напором огня, потянуло гарью и дымом, и теперь выругался Скай. Прозрачная рука ухватила меня за щиколотку и рванула назад до того, как ревущая стена огня добралась до нас.

— Вдохни, — велел Аквей, и стремительный поток закружился, сворачиваясь в водоворот. Речное дно оказалось неожиданно далеко, превращаясь в морскую глубину.

Меня понесло по нисходящей спирали, протащило под огромной толщей воды, и поток вытолкнул меня под своды подводной пещеры. Легкие уже горели огнем, требуя хоть глотка воздуха. В пещере я вынырнула, вдохнула громко и жадно, и меня утянуло дальше. Мы промчались по подземной реке, и когда я уже прощалась с жизнью, Скай вытолкнул меня в ледяное озеро. Солнце ударило сквозь озерную гладь, ослепив на мгновение, и сознание начало мутиться.

— Еще немного, — услышала, и сильные руки потянули меня на берег. — Дыши!

Послушно вдохнула и открыла глаза. Надо мной склонился Скай и с тревогой вглядывался в лицо. Я отдышалась и села. Водник подался немного назад и уселся напротив. Мы смотрели друг на друга, и, кажется, мои глаза были ничуть не меньше, чем у Аквея. С волос и с одежды стекала вода, Скай оказался обнажен, но его одежда лежала недалеко от нас неаккуратно сброшенная на траву в явной спешке. Где-то рядом шуршала и пищала Искра, бегавшая вокруг нас, и только это указывало на то, что мы все-таки вырвались и не притащили Вайториса за собой. Похоже, именно поэтому Скай тащил нас под землей.

— Ух, — наконец, выдохнул водник и кривовато ухмыльнулся. — С ума сойти.

И я вдруг осознала всю отчаянность Аквея, прорвавшегося сквозь огонь Вечного. Я с

восхищением смотрела на наглеца, понимая, что впервые за долгую жизнь Вайториса у него появился достойный противник. И пусть он пока не дотягивал до реальной силы Вечного, но уже кое-что мог противопоставить. А когда ко мне вернется моя магия, нас будет уже двое, только времени у нас не так много, потому что цифра — 30 больше не кажется мне связанной с дарами Вайтора. В ней был какой-то смысл, только вот какой, я пока вспомнить не могла. Но была уверена, что на тридцатый день меня не ждет ничего хорошего.

— Ты как? — вновь встревожено спросил водник, глядя на мое задумчивое лицо.

— Живая, на свободе и точно знаю, что ты, Скайрен Аквей, безумец, — ответила я с улыбкой. — Но твое безумие мне нравится. Ты обвел вокруг пальца Вайт... Вечного. Представляю в каком он бешенстве.

Я усмехнулась и поднялась на ноги, подхватив с земли свою крысу. Скай проследил за мной взглядом и неожиданно мрачно изрек:

— Все-таки мне придется выйти на большую дорогу.

Оглядела себя и не удержалась от смешка. Подол и рукава были порваны в нескольких местах после того, как меня протащило по подземному потоку.

— А лучше вообще тебя не одевать, — задумчиво изрек водник. — Без одежды даже лучше. Экономия опять же.

— Ты еще и скупердяй, — я укоризненно покачала головой.

— Хозяйственный, — со значением возразил Аквей.

— Тебе видней, ручеечек. — хмыкнула я.

— Опять? — с фальшивым возмущением воскликнул водник. — Тебе было мало доказательств моей мощи?

— Не ворчи, — отмахнулась я. — Ты самый мощный ручеечек из всех ручеечков. А теперь давай убираться отсюда, пока по нашему следу не помчалась лава.

— Только это спасает тебя от возмездия, — нацелил на меня палец Скай. — Но знай, память у меня хорошая и очень долгая.

— Уже трясусь от страха, — фыркнула я. — Где наши кони? С отрядом?

— Отряд ушел вперед, я отправил их к месту встречи, — уже серьезно ответил Аквей.

— Мы их догоним. Коней они должны были оставить на постоялом дворе. Он у подножия гор, так что нам придется немного пройтись. Не пугает?

— Ну что вы, леор Аквей, — не глядя на него, ответила я. — После злого ручейка я уже ничего не боюсь.

— Какая же ты... разговорчивая, — хмыкнул водник. Он уже полностью оделся, вытащил из мешка сухарь и кусок вяленого мяса, передал мне, добыл завтрак для себя, и закинул мешок на спину. — Идем?

Я кивнула, потому что рот был уже занят, и мы направились в сторону еще неизвестного мне постоялого двора, громко похрустывая сухарями, Искра завтракала у меня на плече.

— Надо срочно раздобыть тебе обувь, — заметил Аквей. — Босиком ты далеко не уйдешь.

— От Вечного? Уйду, — усмехнулась я. — Теперь я к нему возвращаться точно не хочу. Не знаю, сколько раз я умирала, но еще раз как-то не хочется. А то, что он меня снова убьет, я не сомневаюсь.

— Не убьет, — немного глухо ответил Аквей и откашлялся. — Теперь не убьет.

Я улыбнулась, но отвечать не стала. Кто кроме меня знал истинную мощь и возможности Вайториса? Никто. И насколько бы водник не был уверен в себе, но я

надеялась пока только на свою просыпающуюся память и знания, уже имеющиеся. А имелось их не так уж и мало. И главным было то, что ухватив наш след, Вайтор догонит нас очень скоро, и тогда... «Я буду уничтожать Аквеев одного за другим, от старика до младенца, женщин, мужчин, подростков. Всех, в ком есть хоть капля проклятой крови. Я вырву с корнем его род, и выродец будет следить за его падением».

— Скай! — воскликнула я, останавливаясь. — Я должна тебе кое-что сказать.

Он успел сделать несколько шагов вперед, но, остановленный моими словами, остановился и обернулся, вопросительно глядя на меня. Я представила, сколько неприязни появится в глазах-озерах, когда я закончу свой рассказ, и с какой гадливостью водник будет вспоминать о нашей ночи, и отрицательно мотнула головой, вдруг ощутив прилив малодушия.

— Ирис, — позвал Аквей, когда, я, опустив взгляд себе под ноги, быстро прошагала мимо. — Что ты хотела сказать?

— Ничего, — буркнула я.

— Ничего так ничего, — беззаботно пожал плечами водник, догнав меня.

Я шла, по-прежнему глядя себе под ноги, кусала губы и отчаянно ругала себя. Нельзя молчать о том, что задумал Вайторис. Если скрою, это не отменит намерений Вечного, он всё равно сделает то, что задумал. Значит, нужно предупредить, и чтобы Скай не отнесся легкомысленно к угрозе, надо рассказать про Айеров. То, что вспомнила. Только как рассказать, если убийцей стала я? Как озвучить воспоминание, которое обретет плотность и реальность, как только я озвучу его вслух? Сейчас оно больше похоже на дымку страшного сна, словно случилось в ночном кошмаре, а не наяву. Но как только я скажу о нем Скаю, я признаю, что это случилось со мной, и именно я смотрела на девушку, мявшую свои оборки, собираясь всадить ей нож в сердце.

Я схватилась за голову, сжала в пальцах собственные волосы, вдруг вспоминая другие смерти. Они вставали перед моим глазами яркими вспышками, вонзаясь в душу острыми иглами: бургомистр Темнограда, леор, имя которого я даже не вспомню, деревня, погруженная в режущее пламя... Крики, крики, крики, мольбы, проклятья, плачь, стоны и смерть. Бесконечная, безжалостная, всепоглощающая смерть во имя... Кого?!

— Ирис! — Голос Ская пробился сквозь пелену людских криков и черную завесу дыма моей памяти и вновь растаял, скрытый новой волной воспоминаний...

«Первый закон, дочь: «Чтобы погасить искру жизни, нужно непременно обоснование. Это условие для любого Созидающего, запомни это Ирис, иначе дар покинет тебя. Это важно, малышка. Мы помогаем жизни зародиться, но не отнимаем ее. Повтори».

«Убивать нельзя, я поняла, пап, потому что мы Созидающие».

«Верно, малышка, верно».

«А как же еда?»

«Голод — обоснование, защита — обоснование, но убить от злости, ради забавы, или чтобы доказать свою силу — нельзя. Главная ценность для Созидающего — искра, теплящаяся в каждом теле, в каждой травинке, в каждом дереве. Она должна угаснуть сама, когда придет ее срок, и никак иначе».

«А если я побью Кая за то, что он дразнится? Это нарушит Первый закон?»

«Кая?.. Брата бить нельзя, но если дразнится, и тебе очень-очень обидно, то ущипни его разок, так и быть. А лучше пощекочи, он жутко боится щекотки».

«Ладно. Я его защекочу... и ущипну, если опять будет обзывать».

«Договорились. А теперь повтори Первый закон...»...

«Ты исполняешь мои приказания, Игнис. Это моя воля, и она неоспорима. Я твой Господин, и я решаю за тебя, как тебе стоит поступить».

«Да, Господин. Ты один знаешь, как стоит поступить. Я лишь клинок в твоей руке».

«Верно, мое пламя. Я приказываю, ты исполняешь. Мой приказ — обоснование для тебя. И так будет всегда».

«Да, Господин»...

Я откинула голову назад и расхохоталась. Громко, истерично.

— Он всё знал, — сдавленно произнесла я, заходясь в приступе хохота. — Всё продумал, учел Первый закон. Он... он... он дал мне обо... обоснование!

И я вновь затряслась в истеричном смехе, утирая слезы, без устали бежавшие по щекам.

— Коварный, ха-ха...

— Прости, — едва слышала я за собственной истерикой, и щеку обожгла увесистая пощечина.

Смех мгновенно оборвался, и я уставилась в глаза-озера, напряженно следившие за мной. С плеча Ская на меня смотрела Искра. Когда она успела перебраться к воднику? Огляделась. Я лежала на краю рощу, недалеко блестело всё то же озеро. Недалеко ушли, однако...

— А что мне было делать? — хмуро спросил Аквей, словно я обвиняла его в том, что он ударил меня. — То кричишь, то рыдаешь, то хохочешь, то снова орешь...

Я кивнула, показывая, что всё понимаю. После ожесточенно потерла лицо и, усевшись, привалилась спиной к шершавому древесному стволу. Истерика сменилась равнодушием. Мне вдруг стало всё равно, что обо мне подумает водник. Злом больше, злом меньше, какая ему разница? Это случилось, когда даже его прабабки еще в помине не было, так смеет ли он судить меня, когда я боролась за жизнь возлюбленного? Разве он не берег бы свою Эйви, выбирая между ее безопасностью и, например, моей жизнью безопасность невесты?

Мотнула головой, отгоняя нарастающую злость, выдохнула и произнесла:

— Он сделает с твоим родом то же самое, что сделал с родом Айеров. Это не предположение, это его обещание.

Скай присел передо мной на корточки. Я ожидала легкомыслия и самоуверенности, но водник остался серьезен.

— Рассказывай, — велел Аквей. — Даже то, что рассказывать не хочется.

Я криво усмехнулась и исполнила его желание. Скай слушала, не перебивая. Он не кривился, как я боялась, не вскакивал, возмущенно глядя на меня, и даже укоризны не было в его глазах, и, в конце концов, я даже почувствовала некоторое облегчение, разделив свой груз на двоих.

— Я даже не знаю точно, сколько у меня родни, — задумчиво произнес водник, когда я закончила. — Как он их находил? Изучал родовое древо?

Пожала плечами. Если я и знала об этом, то сейчас не помнила. Поджала губы, раздумывая, а после неуверенно произнесла:

— Возможно, через Грани...

— Да что это за Грани? — слегка повысил голос Скай, я вздрогнула, и он, нагнувшись, взял меня за руку. — Прости, меня немного напрягает то, что в нашем мире есть что-то, о чем я не имею представления.

Я испытующе взгляделась ему в глаза, отыскивая фальшь и скрытую неприязнь. Мне подумалось, что всё дружелюбие водника показное и призвано лишь для того, чтобы узнать у меня как можно больше о Вайторисе. Но глаза Скай были всё также чисты, и смотрел он спокойно. Я не выдержала:

— Неужели тебя несколько не задел мой рассказ? Неужели тебе не мерзко слышать о том, что я убивала Айеров только ради того, чтобы сохранить жизнь одному из них, хоть и понимала, что он обречен и уже ненавидит меня?

— Мне мерзко от сознания того, что рыжий заставлял тебя делать это, и твой страх потерять единственную родную душу я могу понять, — ответил водник. — Нет, Ирис, мне не мерзко, мне бесконечно жаль тебя. И не вздумай оскорбиться, в моей жалости нет ничего обидного для тебя.

— Тебе жаль твоего мучителя? Ты жалеешь меня, хоть и видел смерть своего приятеля от моей руки? После всего, что я с тобой сделала?! — изумилась я, подаваясь ближе.

Аквей усмехнулся, опустил взгляд на наши сомкнутые ладони, повернул свою и сплел пальцы с моими. Я ждала ответа, страшась и желая услышать его. Но Скай молчал, и я начала нервничать.

— Этот вопрос и для меня сложный, и ответ на него требует времени, — наконец, заговорил водник. — Наше знакомство с тобой началось с того, чем закончились ваши отношения с Торном Айером. Да, я ненавидел тебя, как ненавидят любое зло, уничтожающее жизнь. Твое имя стало нарицательным, и каждое появление означало смерть одного человека или нескольких десятков разом. Правда, я так и не сумел найти закономерности твоих визитов в разные уголки мира. К примеру, мирный городок, где ничего не происходило уже много лет, и вдруг появляется Игнис Сиел и убивает почтенного мага-ученого вместе с его лабораторией, домом, домочадцами и учениками. Столько жизней, а причины нет. Или же лет пятьдесят назад ты уничтожила целое поселение рудокопов. И вновь непонятно. Беспричинное убийство. Пришла одна, привела с собой огненных тварей, они вырезали и спалили поселение, после ушла, и те, кому удалось выжить, уверяли, что вслух тобой не было произнесено ни слова, чтобы указать на причину расправы. В этих поступках не было смысла, и от того они казались еще более дикими. Твое имя стало синонимом Красной немочи, которая беспощадно пожирает больного всего за два дня после того, как он заразился. Непонимание порождает страх, страх оттачивает ненависть, и она передается, как мор, стремительно пожирая умы и души. Да, Ирис, я ненавидел тебя так же, как ненавидели все остальные. — Скай говорил это, глядя мне в глаза. Он был честен, ни единым словом не приукрасив и не смягчив действительности. Я не отвела взгляда, принимая всю тяжесть обвинений. — А потом я увидел тебя. Нет, не в том зале, куда нас притащили после бесславного сражения под стенами Черного замка. Это случилось в Цветочном городе. Ты стояла на помосте. За твоей спиной сидел бледный градосмотритель со своей семьей и служащими. Их страх ощущался даже с того расстояния, на котором стоял я. У позорного столба пороли какого-то бедолагу, сочинявшего забавные стишки на рыжего. Должно быть, Вечный расценил преступление уличного поэта достаточно безобидным, раз его всего лишь пороли, правда, засекли до смерти, но обычный палач. Впрочем, палач остановился раньше, бедолага еще дышал, но твой едва уловимый жест, и плеть засвистела снова. Пожалуй, теперь я могу признаться, что смотрел не на казнь, а на тебя, и думал вовсе не о том, что с удовольствием удавил бы тебя. Я любовался тобой. Любовался и представлял, какво это обладать самой ужасающей женщиной в мире? Прекрасной, как сама жизнь, и

пугающей, как неотвратимая смерть. Такой я увидел тебя. Ты стояла неподвижно, словно статуя, вылепленная руками самого искусного скульптора. Ни украшений, ни вычурности в одежде. Даже

волосы твои не были собраны в прическу, как у всех прочих дам. Черные пряди трепал ветер, время от времени бросая тебе в лицо, и когда это случалось, я заморожено смотрел, как небрежно и изящно ты отбрасываешь их снова за спину. Вроде невозможно придумать ничего более безыскусного, чем этот жест, а я переставал дышать каждый раз, когда видел тонкую женскую кисть, подымающуюся к лицу. Наверное, я был не единственным, кто в тот день желал тебя. А ночь я терзал свою любовницу бесконечно представляя, что овладеваю тобой. Осознание того, что я восхищен своим врагом приводило в бешенство, настолько это казалось противоестественным. Но когда я увидел тебя в той зале... Это было подобно явлению затаенной мечты. Я даже сейчас помню то чувство восторга и любования, захлестнувшие меня, когда ты вошла в двери. Грациозный хищник, сытый, но вечно готовый к нападению. — И я вдруг вспомнила эту эмоцию. Правда, я всё время приписывала ее Вайторису, просто не могла даже представить, что в зале находится еще кто-то, кто может любоваться мной, и тем невероятней оказалось услышать признание Аквея. — Хрупкая, с нежными чертами лица, женственная, холодная, равнодушная, но все равно желанная. Это зверски взбесило, честно. Тогда я готов был убить тебя за свое неуместное желание. А когда ты терзала Эйвила, опьянение, не отпускаящая всё то время, пока ты рассматривала нас, прошло. В то мгновение я увидел перед собой всего лишь убийцу, красивую и бездушную куклу, получавшую наслаждение от чужих страданий. — После этих слов я попыталась вырваться из мягкого капкана пальцев Ская, но он лишь сильнее сжал их, не выпустив меня. — Куда ты бежишь? Я еще не закончил.

— Я была той, кем ты видел меня, — глухо произнесла я. — Кукла без души и памяти.

— Нет, — водник едва заметно приподнял уголки губ в улыбке и отрицательно покачал головой. — Ты была одинока и глубоко несчастна. Как бы это не звучало смешно, но понял я это уже в темнице. Не сразу. Сначала я презирал тебя, и моя ненависть в те дни возросла до небес. Я готовился к тому, что меня будут пытаться причинять боль, но даже не мог предвидеть, что окунусь в пучину своих затаенных страхов, сомнений, что я пройду по самому краю пропасти, заглядывая на собственную изнанку. Тогда я думал, что хуже таких пыток быть ничего не может и мечтал, что настанет день, когда забудешь обо мне и больше не придешь. Однако ты приходила и приходила, продолжала свои забавы, уничтожая меня и вновь возрождая для того, чтобы вернуться и вновь поиграть. В какой-то момент я чуть не поддался безумию, решив, что бороться у меня больше нет сил. Однако врожденное упрямство не позволило поддаться малодушию, и чтобы не сорваться в пропасть, я начал думать. Оказалось, что кроме тебя, мне думать не о ком. Прошлая жизнь казалась миражом, а ты была настоящей и существовала рядом. Так вот, в то время я очень много думал о тебе, сводил воедино старые и новые наблюдения, стараясь думать как об обычной женщине. И я понял, что у того, чья жизнь полна красок, тому не нужны подобные развлечения. Твоя жизнь была пустой, и я стал в ней утешением и разнообразием. С того дня я начал привыкать к тебе. И пусть ты всё еще встрясаешь из меня душу, это уже не было столь невыносимо, как поначалу. Я научился терпеть и делать из своих страхов выводы. А тебе по-прежнему был нужен друг, и я, пусть и извращенно, но стал им. А в том, что моя догадка имеет смысл, я уверился окончательно уже после побега, когда наблюдал за тобой. Тебя не угнетало одиночество, ты привыкла к нему. Однако ты находилась в смятении, это я не увидел, но

почувствовал. Рыба, вытщенная из воды, вот кем ты была в первые пару дней. А когда сдружилась с крысой, я осознал, что ты не только одинока, но и несчастна, даже не подозревая об этом. Каждый день, каждая наша встреча стала для меня открытием. За маской высокомерия и насмешки я увидел совсем другую женщину, и она мне нравилась. Наверное, если бы не мои открытия и попытка привыкнуть к тебе, я бы все-таки убил тебя в спальне рыжего. Хотя... Не знаю, сейчас мне особенно сложно судить. Всё меняется слишком быстро. Я не успеваю осмысливать, просто живу и поступаю так, как считаю правильным. И знаешь что, Ирис?

— Что? — тихо спросила я.

— Я почувствовал себя свободным.

Я вновь изумленно приподняла брови, и водник негромко рассмеялся:

— Когда-то мне столько вдалбливали, что я должен делать, что у меня есть долг чести перед каждым мыслящим существом, которые желают выйти из-под гнета рыжего, что я сам поверил в это. Я должен был повести за собой рать. Я должен был победить. Я должен был жениться на указанной девице. Я должен был прославить род Аквеев. Я должен был убить на месте Черную гадину, как только освободился, а не тащить за собой. Теперь же я учусь делать не как должен, а как чувствую. Я научился размышлять не как нужно, а как хочу я. Как видишь, мы не так уж и отличаемся друг от друга. Тобой управлял Вечный, мной родня и наставники. Тебя учили почитать одного, меня — многих. Ты верила в свою правоту, я в свою, только правда оказалась противоположной по значению. И мне бесконечно жаль, что, в отличие от меня, твою правду в тебя вбивали силой.

Я опустила взгляд, некоторое время смотрела на Искру, забравшуюся мне на колени, после вздохнула и спросила:

— Ты называл еще несколько причин, по которым я приходила к тебе, помнишь?

— Помню, но ты их опровергла, — ответил водник.

Я вскинула голову, поймала взгляд Ская, решаясь быть откровенной настолько же, насколько был со мной честен Аквей.

— И я солгала, — произнесла я. — Во всем солгала, а ты оказался прав. Ты, узник, закованный в цепи, понял больше меня. Даже Вечный увидел то, что не заметила я. Он отдал мне тебя с единственной целью, чтобы я своими руками уничтожила искру, способную возродить из пепла, в который меня превратил хозяин. — Я замолчала, ожидая, что ответит водник, но он молчал, только продолжал смотреть на меня. И вновь я не выдержала. — Скай...

— Что? — хриловато спросил он.

— Что будет дальше?

— Я не знаю, — в его глазах мелькнула растерянность. — Не хочу сейчас думать. Пусть дальше будет постоянный двор и наши кони. Остальное дальше пока не наступило. Не будем торопить его.

— Не будем, — согласилась я. — Тогда продолжим путь?

Скай кивнул, поднялся на ноги, увлекая меня за собой. Я перехватила крысу, усадила ее на плечо, но не сделала и шага.

— Скай...

— Что?

— Пока не наступило остальное дальше, быть может, ты еще раз поцелуешь меня?

— Хотел спросить тебя о том же, — он сделал шаг, разделявший нас. Так и не расцепив

наши пальцы, свободной рукой обнял меня за талию и склонился к моему лицу. Но прежде, чем наши губы соприкоснулись, Аквей спросил: — Значит, я во всем был прав? — Я кивнула. Он тяжело сглотнул и поймал меня в ловушку поцелуя.

Глава 10. День двенадцатый

Скакуны неспешно перебирали копытами по каменистой тропе, поднимаясь всё выше в горы. Искра дремала, лежа на полюбившейся ей холке моего Цветика, так я назвала низкорослого конька, встретившего меня в конюшне постоянного двора радостным ржанием. Услышав, как я назвала коняшку, водник изошел на фырканья, насмешки и подначки. Своего жеребца он гордо величал Бураном, но памятуя о том, как Скай глумился над моим конем и надомной, я шепнула Бурану:

— Теперь тебя будут звать Ручеёчком.

Жеребец не возражал, он лопал с моей ладони кусок хлеба, купленный моим хозяйственным спутником, мирно прядал ушами и был согласен на все, лишь бы ему досталось и яблоко, сорванное мимоходом в саду, который мы успели проехать за вечер вчерашнего дня. А когда пришел Аквей, о чем-то болтавший с жителем маленькой деревушки всего на шесть домов, я потрепала бывшего Бурана по шее, отошла и громко позвала:

— Ручеёчек!

Жеребец и его хозяин дружно повернули головы в мою сторону.

— Иди ко мне, Ручеёчек.

Аквей, готовый уже демонстративно скривиться, все-таки сделал в мою сторону шаг. А когда его уверенно обогнал скакун, водник застыл на месте, открыв рот. Он слушал, как я воркую с его зверюгой, и на лице водника красовалось такое смачное недоумение, что я от удовольствия и предвкушения едва не замурлыкала. Но вот осознание моего вероломства настигло Ская, он закрыл рот, шумно втянул воздух сквозь стиснутые зубы и произнес:

— Ну ты и... ры-ыжая-а.

— А вот это уже оскорбление, — фыркнула я, задрала нос и позвала: — Ручеёк, Цветик, за мной.

Жеребцы дружно зацокали следом, но тут возмущенного водника решила поддержать крыса-предательница. Она спрыгнула с моего плеча, засемила к Скаю, и он, почесав Искру за ухом, усадил нахалку на свое плечо. Вот так и шли какое-то время: я с жеребцами, Аквей с крысой — и не разговаривали друг с другом. Затем я устала, забралась в седло, но прежде чем водник решил, что может ко мне присоединиться на своем Ручеёчке, я с доброй улыбкой попросила жеребца:

— Покажи, как быстро ты бегаешь. Но остановись у того большого камня и жди нас.

Ручеёк взвился на дыбы и помчался вперед, обдав своего хозяина клубами пыли из-под копыт. Аквей упер ладони в бока, склонил голову на бок, щурясь от яркого солнца, и любопытствовал:

— И чем я заслужил твою немилость, о, Созидающая Наглость? Или Наглая Созидательность? Или Бессовестная Нахалка, Созидающая Во Вред своему спасителю защитнику и просто хорошему парню?

Да, нам было о чем поговорить по дороге к постоянному двору и после. Я рассказала воднику о своих последних воспоминаниях, чем немало удивила Аквея.

— Кто это — Созидающие? Никогда не слышал, — нахмурился Скай. — Тебе нужно очень многое вспомнить, чтобы рассказать мне.

— А если я буду опять кричать и плакать? — спросила я без тени улыбки.

— Я знаю, как заглушить твои крики и слезы превратить в улыбку, — не менее серьезно ответил водник. — В любом случае, без этих воспоминаний, ты не сможешь собрать себя в единое целое.

— Чтобы помочь тебе победить Вечного?

— Чтобы стать собой, подозрительная Ирис, — улыбнулся Скай.

На постоялом дворе Аквей раздобыл для меня короткие подштанники, штаны, рубашку и башмаки, умудрившись подобрать одежду и обувь мне по росту и размеру. Я перекинула лямки штанов на грудь, застегнула их на большие пуговицы, после оглядела себя и потребовала дать мне ножницы, чтобы коротко обрезать волосы. Скай остановил меня, отрицательно мотнув головой:

— На мальчика ты не похожа и с тысячи шагов, оставь волосы в покое.

— А если плащ?

— А в плаще их резать вообще не нужно, накинешь капюшон, — ответил водник, отнял у хозяйки постоялого двора ножницы, которые та успела притащить, и унес их от меня подальше.

— Ты такой противный, — доверительно сообщила я, когда он вернулся.

— А чья кровь меня испортила? — спросил языкастый наглец. После поддел кончик моего носа пальцем и наставительно закончил: — Вот то-то и оно.

— Неблагодарный.

— Весь в тебя, — на том пререкаться закончили, потому что переговорить водника оказалось невозможно. У него на всё находился ответ.

После постоялого двора мы ехали молча. Я наслаждалась вечерним солнышком и зелеными склонами гор, куда мы начали подъем уже верхом на Цветике и тогда еще Буране. Когда же наступила темнота, и небо радовало меня звездными соцветиями, Аквей объявил привал. Он разложил небольшой костерок, настрого запретив мне вызывать Вечного, поджарил на углях то, что прихватил с собой в харчевне при постоялом дворе и высокомерно заявил:

— Чтобы ты без меня делала, нехозяйственная ты моя?

— А чтобы делала Эйви? — не удержалась я от язвительного вопроса и сама же испугалась, что воздвигла между нами стену отчуждения.

Скай усмехнулся, глядя в сердцевину пламени, но все-таки ответил:

— Наши женщины умеют существовать в походных условиях. Не только челядь, но и знать.

— Безукоризненная Эйволин, — едко произнесла я и отвернулась, вновь ругая себя за несдержанность.

Аквей поджал губы, но когда я все-таки бросила на него искоса взгляд, поняла, что он не злится, всего лишь пытается сдержать смех.

— Что смешного? — насупилась я.

— А ты, оказывается, еще и ревнивица, — с широкой улыбкой ответил Скай.

— Вот еще, — фыркнула я и захрустела огурцом, всем своим видом показывая, что думаю об абсурдных домыслах водника.

— Тебе видней, — хмыкнул Аквей и захрустел в ответ. Искра ужинала, не обращая на

нашу перепалку никакого внимания.

Уже позже, лежа на плече Ская, я изо всех сил боролась со сном, опасаясь, что Вайторис опять попытается захватить меня. Аквей тоже не спал. Он перебирал пальцы моей руки, которую держал в своей ладони, и смотрел в далекое небо, о чем-то размышляя. Устав бороться со сном, я перевернулась на живот, уложила руки ему на грудь, сверху уместила подбородок и спросила:

— О чем думаешь?

— Тебе бы поспать, — с легкой полуулыбкой сказал Скай.

— Тебе бы тоже, — ответила я.

— Не хочу снова подпустить к тебе рыжего, — признался водник, подкладывая руку себе под голову. — Спи.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет. Боюсь услышать его зов.

— Я буду рядом. — Сказал Аквей. — Жаль, я не могу сделать так, чтобы он совсем не смог появиться. Хотя бы просто послежу и вытяну тебя, когда он окажется рядом.

Уселась, скрестила ноги и ответила воднику недовольным взглядом.

— Так нельзя, Скай. Ты тоже должен отдыхать, иначе даже твои силы иссякнут.

— Буду спать днем в седле, — отмахнулся упрямец.

— Это не лучшая затея, — сказала я и замолчала, пытаюсь ухватить какую-то ускользающую мысль.

Или же это было очередным воспоминанием? Я поморщилась, потерла лоб и негромко выругалась. Что-то важное сейчас мелькнуло в моей голове, а затем...

— Скай! — воскликнула я. — Скай!

— Что, Ирис? — с усмешкой спросил водник усаживаясь напротив. — Ты бы не орала ночью в горах. До тригов ты однажды уже докричалась.

— Помолчи, — велела я и, потянувшись, накрыла рот Аквея ладонью, потому что он уже готов был возмутиться. — Лучше слушай. Ты ведь сумел создать свою маленькую реальность...

— Вот именно! — вдруг взвился Аквей, нарушая собственное предупреждение. — Я думаю об этом целый день. Я случайно создал водяную сущность, способную мыслить, есть, охотиться. Создал реальность, которую уничтожил рыжий. Создал переходы в подводную пещеру, также как ты создала болото под ногами Вечного, как он создал огненную пропасть. Почему я могу делать то же, что и вы? В кого я превращаюсь? Ты говорила, что твой отец учил тебя, что любая стихия может создать форму, способную выжить, а земля оденет ее в плоть. Но Венн и есть такая невероятная, по своей сути, форма жизни. Совсем как сказал твой отец. Кто я, Ирис? Кем я становлюсь? Ни один стихийник не способен создавать новые формы жизни. Никто, Ирис — это закон. Морок, да. Временную сущность, которая исчезнет, как только выполнит задачу, заложенную в нее, да. Но не Венна же! Тьма, я оживил мертвую крысу!

— Созидающий, — тихо ответила я то, о чем думала сама ни один раз за прошедший день, но не стала пока произносить вслух.

Скай был прав, никто из магов не способен сотворить то, что сделал водник в порыве гнева. Он сотворил новую форму жизни, я одела ее в плоть, наделив именем, вдохнул в мертвое тело жизнь и сумел управлять реальностями, создавая свой собственный ход событий. Только как обычный, пусть и самый сильный, маг- стихийник может стать тем,

кем можно только родиться? И я не могла изменить его сущность. Не таким образом, потому что это врожденный дар, из ничего он не появляется.

— За какой Тьмой я Созидающий? — спросил Аквей.

— Ну, за какой-то, — глубокомысленно ответила я.

— Кто такие Созидающие? Что они еще могут? Почему о них ничего неизвестно? Куда делись? Почему? Что такое Грани, и что, в конце концов, ты собиралась мне сейчас сказать? Начиная с последнего, — милостиво разрешил водник и, наконец, утомился, вновь усевшись напротив меня и изобразив живейшее внимание.

Я, хмыкнув, покачала головой. Я бы тоже не отказалась, если бы кто-то мне дал ответы на эти вопросы. Наверняка, их знал Вайтор, но его спрашивать совершенно не хотелось. Тем более, после ответов он снова убьет меня, и что тогда толку от его признаний, если я все равно ничего потом не вспомню? Вздохнула и начала отвечать с конца, как и велел мой разбушевавшийся спутник.

— Я хотела сказать о сотворении фальшивой реальности. Ты можешь заложить в ее основу особые условия, и тогда в ней ты сможешь делать то, чего не можешь сделать в реальности истинной, то есть здесь. Если тебе подвластно Созидание, значит, ты из тех, кого называют творцами, так говорил мой отец...

— Ты — творец? — Скай округлил глаза.

— Ну... наверное, — усмехнулась я. — Если судить по тому, что говорил папа, то я — творец.

— А рыжий? У него ведь тоже есть тот мир с горящим замком, и он меня реальность с холмом и мою реальность тоже.

— Он — разрушитель, — улыбнулась я. — Я не знаю, как он создал свой замок, но меня он возрождал при помощи своей крови. Кровавые ритуалы творцы не проводят.

— Да, — Скай согласно кивнул, — Искру я оживил без крови.

Теперь кивнула я, подтверждая его слова. Глаза водника сверкнули, кажется, у него прибавилось вопросов, на которые у меня пока не было ответов. Впрочем, после того, что я сказала Аквею, вопросы появились и у меня. И первый из них, откуда взялась реальность с холмом и домом, где меня ждал отец? Кто ее создал и зачем? И почему Вайторис до сих пор не уничтожил ее? И еще. Папа оттолкнул меня, он почувствовал приближение Вечного, может ли это являться условием, заложенным в основу маленького мира?

— Но рыжий создал пропасть в мире с холмом, — выдернул меня из размышлений Скай.

— Он не создал, он разрушил часть того мира, как и твою реальность с рекой, — отмахнулась я. Вдруг прикрыла рот ладонью, осознавая, что: — Он не может уничтожить мир с холмом! Когда я обернулась, дом стоял на прежнем месте.

— Он пытался остановить тебя...

Я мотнула головой и вскочила на ноги. Прошла туда-сюда, пытаюсь поймать ускользающую мысль. Вайтор появился прямо перед домом, помешав встрече с папой, ногам остался не тронут, зато он смог превратить вершину холма в обрыв. Если этот мир создан еще во времена, когда был жив мой отец, значит, я возвращаюсь туда не просто так. Отец — ключ к моей памяти, и что-то внутри меня согласно с этой догадкой. Я уже дважды оказалась там, не осознавая этого, стало быть, догадка верна. Нечто ведет меня в реальность с холмом снова и снова. А раз так, значит, Вайтор знает о ней, но! Но папа всё еще ждет меня. И тогда выходит, что Вечный не может пробить защиту... или просто не видит дом?

Видит. Иначе не вмешался бы, когда я уже готова была войти внутрь... своих воспоминаний. А ведет его наша кровная связь. Да, так. Бесконечный Хаос! Но ведь часть мира уничтожил... или нет? Имеет ли он власть в мире моего детства? А если это всего лишь случайность, и в следующий раз он не придет, и я смогу выслушать отца? Нужно попробовать...

— Ирис! — я резко обернулась и непонимающе уставилась на Скаю.

— Я должна вернуться туда, — сосредоточенно произнесла я.

Схватила водника за руку и дернула за собой, вынуждая сесть на траву. Ненадолго выпустила его из захвата и сжала виски ладонями. Нужно вернуться и так, чтобы не попасться Вечному, если он теперь следит за мной. Не попасть и не притащить за собой в истинную реальность. Тьма... Тьма! Вскинула взгляд на Аквея, он с тревогой следил за мной. Заметив, что я снова смотрю на него, водник осторожно спросил:

— Что задумала? Глупость?

— Ага, — кивнула я, радостно ослабившись. — Но нужно ее сначала подготовить, и это сделаешь ты.

— Меня гложет подозрение, что ночка опять будет жаркой, — Аквей остался задумчив, и сомнения в моем разуме явно читались на его лице, а это я даже еще не огласила, что задумала. Наконец, водник вздохнул и велел: — Говори.

С готовностью кивнув, я огласила:

— Мы вместе создадим с тобой еще одну реальность, наше место, которое должно стать защитой от Вечного. Пусть мы рядом с ним пока, как котята рядом с драконом, но совместно мы сможем усилить изначальные условия, и защиту он сломать сразу не должен. Мне хватит времени, чтобы спрятаться в нашем мире и оттуда перебраться в истинную реальность. Но сначала нужно проговорить условия для основы, чтобы действовать слаженно.

— Куда собралась? — мрачно спросила меня Скай.

— В мир с холмом, хочу проверить свои догадки, — легкомысленно ответила я.

— Я буду рядом. Не наблюдать со стороны, я пойду вместе с тобой, или же усыплю прямо сейчас и отправлю в свою собственную реальность, где главным условием станет — ты рыба.

Я возмущенно округлила глаза, и водник твердо повторил, не позволяя даже заподозрить шутку:

— Холодная лупоглазая рыба.

— Какой ты гадкий, — я передернула плечами.

Скай многозначительно промолчал. Я вздохнула и сдалась. Пусть идет, заодно посмотрим что и как воспринимает Аквей в реальности моего отца. В следующие полчаса мы обговаривали изначальные условия для основы фальшивой реальности, куда войти могли только мы с водником. После того, как пришли к соглашению. Честь творить мирок выпала Скаю, просто я опасалась, что мне не пока не хватит сил, а водник уже начал интуитивно понимать, что ему нужно делать.

Если сказать по чести, Скайрен Аквей восхищал меня. Своей сметливостью, умением увидеть ценное среди шелухи. Он быстро соображал, быстро реагировал. Умел рисковать, действуя по наитию. Я всё еще не помнила каким был Торн Айер, как мы с ним познакомились, и как родились взаимные чувства, но если он хоть немного походил на Скаю, то понять свою безграничную любовь к нему мне было несложно.

Нахмурилась, отогнала последнюю мысль и, перестав любоваться сосредоточенным

лицом водника, вспомнила ощущение силы, витавшей вокруг меня, когда триг чуть не задушил Аквея. Затем потянулась, взяла водника за руки и прикрыла глаза.

— Ирис, — услышала я его шепот и улыбнулась, точно зная, что он тоже сейчас улыбается.

Это было... приятно. Нет, не так. Это было что-то другое, незнакомое и знакомое одновременно. Словно... словно я находилась в лучшем месте на земле. Сложно описать чувство внутреннего ликования, вдруг охватившего меня, когда кровь вдруг ускорила бег, разнося по телу уютное тепло, покров родной силы всколыхнулся, смешался с приятной прохладной, исходившей от мужчины напротив. Я крепче сжала его ладони и вздохнула с удовлетворением.

— Как хорошо, — шепнула я.

— Невероятно, — едва слышно ответил водник. — Открой глаза.

Я послушно разлепила веки...

— Скай, ты голый, — заметила я.

— Ага, ты тоже, — жизнерадостно ухмыльнулся подлец. — И так будет всегда.

Я огляделась и хмыкнула:

— Значит, так ты себе представляешь самое безопасное место?

— Отличное место, — ответил он и завалился на широченное ложе, счастливо вздохнув. — Здесь можно делать всё, что угодно. Лежать, спать, отдыхать, а можно...

Он порывисто сел, поймал меня за руку и рывком потянул на себя. Я не удержалась, коротко взвизгнула и завалилась на водника. Он накрыл ладонями мои ягодицы, несильно сжал и снова широко улыбнулся.

— Просто замечательное место, — сообщил Аквей. — Мне очень нравится.

Я поерзала, пытаюсь освободиться от хватки, не вышло.

— Ска-ай, — укоризненно протянула я. — У нас есть более важное дело, чем валяться и не только. Что с защитой?

— Нудная женщина, — оскорблено фыркнул водник. — Иди, смотри.

Я с некоторой неохотой соскользнула с тела бесстыдно развалившегося леора, на мгновение остановила взгляд на затвердевшем естестве, но стоило светлой брови насмешливо изломиться, как я перестала разглядывать налитой желанием член и направилась к двери.

— Ирис, осторожней, — Аквей тут же поднялся с кровати.

Я распахнула деревянную створку и ахнула, вокруг простиралось море. Домик в одну комнатку стоял на высоких сваях, чью длину мне было сложно угадать, потому что дна я так и не увидела, несмотря на чистую прозрачную воду. Я видела рыб всевозможных расцветок и размеров, а дна не видела.

— Как выбираться? — спросила я у Ская, стоявшего за моим плечом.

— Через воду, конечно, — ответил он.

— Отлично, — одобрила я, закрыла дверь и развернулась в Аквею. Ниже пояса старалась не смотреть.

Подняла взгляд на деловитое лицо водника и чуть вздрогнула, когда он припечатал ладони к двери по обе стороны от моей головы.

— Время здесь идет иначе, как ты и хотела, — с явным намеком произнес Скай, склоняясь ко мне.

Я зажмурилась, чтобы не поддасться искушению, накрыла бедра водника ладонями и...

ущипнула.

— Ай! — возмущенно воскликнул Аквей, дернувшись в сторону.

Обошла его, намереваясь пройти к картине, изображавшей зеленый холм и маленький домик у его подножья, но неугомонный новоявленный творец вновь поймал меня за руку и дернул на себя. Я уперлась ладонями ему в плечи, понимая, что надолго моего сопротивления не хватит, и огонь желания уже струится в крови, вынуждая тесней прижаться к обнаженному мужскому телу.

— В этот раз уступаю, — произнес Скай, коротко прижался к моим губам, после развернул к картине и, наградив несильным шлепком по мягкому месту, подтолкнул вперед. — Мне захотелось вдруг внести изменения в эту реальность и оставить водника на его огромной кровати упиваться самим собой, но он опередил меня, сообщив: — Только со мной.

Я резко обернулась и с подозрением посмотрела на него. Если он может читать мои мысли, как Вайторис в своем замке...

— Ты бы видела свою кровожадную мину, — усмехнулся Аквей, смотревший на меня через зеркало, висевшее на стене.

— Слабое место, — заметила я, но Скай отмахнулся:

— Через него только выход, и тот в воду, а там стражи.

Да, рыбки были не просто рыбками, это было одним из условий, оглашенных мною. Мы встали перед картиной в человеческий рост, переглянулись и шагнули в нарисованный мир, а вышли в другую фальшивую реальность. Тут же ласковый ветерок встрепал волосы, запах трав и цветов затопил обоняние, и домик призывно мигнул огоньком в окошке. Я оглянулась, огненная пропасть исчезла, как и болото, как и торчавшие из земли древесные корни, мирок восстановил сам себя. Замечательно.

— Идем, — почему-то шепотом сказала я, сжала ладонь своего спутника, и мы начали спуск вниз.

На нас вновь была одежда, та же, что и в истинной реальности. На мгновение мелькнула мысль, что Искра снова разволнуется, не найдя нас на своих местах, но она сразу же пропала, потому что мы с водником уже приближались к дому. Я почувствовала, как Скай несильно сжал мне руку, подбадривая. Вскинула на него глаза, Аквей озирался по сторонам. Он был заметно напряжен, ожидая нападения. Но Вайторис не спешил явить нам свой лик, и это обнадеживало. Возможно, прошлое появление было случайным, и сейчас уже ничего не помешает встрече с отцом. Волнение охватило меня, и в окошко, к которому я решила подойти в первую очередь, заглядывала, затаив дыхание.

Папа обернулся и некоторое время смотрел на моего спутника, после улыбнулся и указал взглядом в сторону двери.

— Кажется, тебе тоже позволено войти, — сказала я Скаю.

— Вы удивительно похожи, — заметил тот, отпрянув от окна. — Его одежда не сильно отличается от моей. Это немного странно.

— Почему? — я уже направлялась к двери, но остановилась и обернулась, чтобы взглянуть на водника.

— Он ведь жил не одно столетие назад, верно? — спросил Аквей, я кивнула, подтверждая. — Значит, он должен быть иначе, верно? Несколько веков, может тысячелетие прошло. О Созидающих, творцах и разрушителях, если когда и знали, то уже благополучно забыли, и даже в древних летописях о них не упоминается. То есть между нами пропасть лет,

а различия лишь в причёске. Я даже не знаю, когда мужчины носили такие длинные косы. Но одежда практически не изменилась. Тебе не кажется это странным?

Я озадаченно почесала кончик носа, не сразу улавливая, что такстораживает водника. А потом поняла и невесело усмехнулась.

— Это всё Вай... Вечный.

— Не понимаю, — Аквей подошел ко мне.

Вздыхнув, я привалилась плечом к стене, теплой от солнечных лучей. Нужно было идти к папе, и въедливость водника сейчас только мешала, но я все-таки решила ответить, потому что неожиданно заныл живот, и мне нужно было время, чтобы справиться с резью и волнением, так и не отпустившим меня.

— Любая мелочь может стать началом судьбоносного события, которое в свою очередь приведет к появлению новых Отражений, и Грани увеличатся, — произнесла я, прислушиваясь к себе. Резь все усиливалась.

— Опять Грани, — скривился водник. — Что они такое?

— Нечто вроде Кристалла, — я поморщилась и приложила руку к животу. — Представь себе камень в перстне. Его вершина плоская, ровная, а вокруг расходятся грани, выточенные ювелиром. Так вот вершина кристалла — это истинная Реальность. Истинная Реальность — временное пространство, где протекает жизнь по цепи предначертанных событий. Но порой случаются события судьбоносные. Иногда они предначертаны, а иногда спонтанны. Например, оторвалась пуговица на камзоле. Ты наклонился, чтобы поднять ее, и это задержало тебя в пути. В результате, ты не попал под горный обвал, остался жить и изменил ход предначертанных событий. И если судьбоносное событие имеет переломное значение и повлияло на будущее, то происходит всплеск силы, и она расходится, как круги на воде, порождая Отражения, в которых события начинают развиваться в ином порядке. Появляется вариантность... С-с-с, — я зашипела от разрастающейся боли, снова потеряла живот.

— Вариантность может привести к новому судьбоносному событию, но уже в Отражении, и тогда сила, отданная на отражение истинной Реальности, возвращается назад, что может привести к угрозе уничтожения истинной Реальности и всех Отражений разом. Мир просто разорвет.

— Конец Света, — кивнул Аквей. — Для этого хватит одного Отражения?

Я отрицательно мотнула головой.

— Нет. Но чем больше Отражений, тем больше вариантность последующих событий, и тем больше возможностей к возврату скопленной энергии назад. Отражение — это полноценный мир, отличающийся от истинной Реальности лишь тем, что события там развиваются по собственному сценарию. Возможно, там никогда не рождалась твоя тетка, или же у нее не проявился дар провидения, или же она счастливо вышла замуж и нарожала детей с десятков. В каждом Отражении свой ход событий.

— Но причем тут Вечный? — спросил Скай и, не дожидаясь ответа, подошел ко мне, оторвал руки от живота и заменил их собственной ладонью. — Тьма, ты вся горишь.

Я тяжело сглотнула, прижалась спиной к стене и продолжила давать ответы:

— Он сдерживает... историю, — облизала пересохшие губы. — Не дает развиваться, чтобы избежать... Отражений... новых. Те убийства... у них был смыс... смысл. Ученый-маг... изобрете...

— Ирис!

Я, протяжно застонав, сползла по стене вниз. Аквей задрал мне рубаху и выругался,

громко и некрасиво.

— Цветок, Ирис, — сказал водник. — Он все-таки появляется.

— Убери, — прохрипела я. — Сейчас.

За весь прошедший день цветок не давал о себе знать, и мы решили, что моя родная сила начала подавлять кровь Вайториса, даже вздохнули с облегчением, оба. А он зацвел ночью, да еще в созданном мирке.

— Тьма! — вдруг взвыл Скай.

— Что? — едва дыша от боли спросила я и приподнялась на локте.

Кожа на животе тлела. Ожог более всего напоминал по форме бутон...

— Огонь, — хрипло воскликнула я и застонала от нового приступа боли. — Его огонь пробуждается. Мама...

Последнее слово вырвалось всхлипом. Скай обнял мое лицо ладонями, в глазах его смешались жалость и тревога.

— Потерпи, — попросил он. — Я очень стараюсь убрать его.

— Я терплю, — ответила я, глядя на Аквея через невольную пелену слез. — Просто очень больно.

— Ненавижу, — отрывисто произнес Скай сквозь зубы. — Рыжую тварь ненавижу. Всей душой...

Он вновь склонился надомной. Прохлада его рук пробивалась сквозь испепеляющий жар внутри моего тела, но никак не могла унять боль.

— Скай, — позвала я. — Если огонь проснется, он сможет найти меня и в истинной...

— Я понял, — тон водника звучал мягко. Но я видела, что его едва не трясет от злости. — Первый лепесток. Тьма!

Я откинула назад голову, надеясь хотя бы на небольшой обморок, чтобы забытье спасло меня от беспощадного пламени, бежавшего по крови, но сознание упорно не желало мутиться. Я осознавала каждое мгновение пробуждения чужеродной силы.

— Уже три лепестка, — голос Скай зазвенел, как натянутая струна. — Ирис, — я открыла глаза и встретилась с беспомощным взглядом Аквея, — я ничего не могу сделать. Ничего, он мне не подвластен.

— Вода.

Мы одновременно повернулись на тихий голос. Отец стоял в дверях и смотрел на нас.

— Вода, — повторил он.

— Спасибо! — воскликнул водник, и я провалилась под холодную водную толщу.

Скай приподнял мою голову, дал вдохнуть, а после вновь опустил под воду. Я смотрела на его расплывающийся силуэт, а после вовсе закрыла глаза. Держалась, сколько могла. Сосредоточившись на воздухе, начала меньше внимания обращать на боль, стало даже легче. Вскоре легкие напомнили, что им нужен воздух, я упрямо терпела. И прежде, чем я дошла до предела, ладонь Аквея легла мне под затылок, и он вновь приподнял меня.

— А-ах, — шумно вдохнула я.

— Он поддается, слышишь? — спросил меня Скай, лихорадочно поблескивая глазами. — Ирис...

Лицо водника вдруг сменилось лицом отца. Я так ясно чувствовала его руки, удерживающие меня, совсем как в детстве. А через мгновение поняла, что лежу в своей кровати, что через закрытые занавеси василькового цвета пробивается солнечный луч, и у меня впереди день, полный открытий. Но подушка такая мягкая, а одеяло теплое...

Улыбнулась, не открывая глаз, и попыталась натянуть одеяло до носа. Папина рука придержала край одеяла, я услышала его негромкий смешок, а затем теплые губы коснулись моего лба, и ласковый добрый голос произнес:

— Просыпайся, малышка. Пора.

Я открыла глаза и вновь увидела водяную толщу над собой. Даже через прозрачную неверную преграду я поняла, что Аквей в ярости. Кажется, у него вновь что-то не получалось. Губы водника шевельнулись, он выругался, это я тоже угадала. «Просыпайся», — вновь услышала я тихий шелест. Поджала губы и призвала свою родную силу. Впервые, по-настоящему, не осторожничая и не пробуя. Призвала, пробуждая от долгого сна. И она забурлила, понеслась по жилам, схлестнулась с огнем, нащупала воду и сплелась с ней, щедро делясь неукротимой силой жизни.

Скай встретился со мной взглядом через слой воды. Он смотрел на меня, когда на поверхность всплыл черный цветок с огненной сердцевиной, и когда мужские пальцы сжались на стебле. Я усилила напор, выталкивая из себя неродную мне стихию, и цветок остался в ладони водника. Облегченно выдохнула, и стайка пузырей помчалась к поверхности.

Я села и обнаружила, что перед моим домом теперь есть маленький водоем, больше похожий на яму, заполненную водой. Эта мысль показалась мне забавной, и я рассмеялась, легко и даже счастливо. Моя стихия отозвалась на этот смех всплеском, прошлась по коже, словно лаская, и растаяла, так и оставшись рядом. Незримая, но близкая. Позови, и она откликнется.

— Ирис...

Я обернулась на голос Ская и захлебнулась сиянием синих глаз.

— Моя невероятная, — произнес он, с откровенным восторгом рассматривая меня.

— Не-а, сопляк, ошибаешься. Не так ли, моя нежная?

Этот насмешливый голос, в котором бушевало пламя ярости вызвал во мне волну гнева, ненависти и... отчаяния.

— Потом поговорим, рыжий, — также зло и насмешливо ответил Скай и мягко нырнул в воду, увлекая меня за собой.

— Нет! — рев Вечного прорвался даже сквозь все увеличивающуюся водяную толщу.

— Ирис! Найду!

— Да пошел ты, — буркнул Аквей, и вытолкнул меня на широкое крыльцо в доме на сваях, в нашей с ним реальности. После забрался на него сам и устало вздохнул. — Не против, наконец, поспать?

— Нет, — я мотнула головой и поднялась на ноги, опять обнаженная.

— А может и не спать... — задумчиво произнес водник, провожая меня пристальным взглядом.

— Спать, — веско ответила я. — Потом можно и не спать.

— Потом-то, конечно. Это даже логично, потом не спать, — усмехнулся Аквей и закрыл за собой дверь.

Я успела почувствовать его ладонь на своем бедре, и губы, коснувшиеся уголка губ, а после провалилась в очередной сон-воспоминание...

Мужские голоса вливаются в приоткрытое окно. Они негромкие, словно собеседники не желают разбудить тех, кто еще досматривает сны за стенами уютного двухэтажного дома. Я встаю с постели, прислушиваюсь. До меня долетает смешок, я узнаю папу. Мне

любопытно, с кем он разговаривает. Кто столь ранний визитер, что пренебрег сладким предутренним сном?

Откидываю одеяло, опускаю ноги на пол и потягиваюсь. После поднимаюсь с постели, встаю на носочки и крадусь к окошку, словно меня могут услышать с улицы. Берусь за край белоснежной кружевной занавеси и отвожу ее в сторону, чтобы выглянуть в окошко. И сразу вижу их. Это папин друг. Его волосы пламенеют, словно яркий огонь на фоне сумрачного рассвета. Я вытягиваю шею, пытаюсь услышать, о чем говорят мужчины, но до меня долетают лишь обрывки слов:

— Вайтор... неразумно...

— Ты, слепец, Терраис, — огневик Вайторис повышает голос, но тут же сбавляет тон, и я не слышу, что он говорит отцу.

Неожиданно наш гость поднимает голову и замечает мой любопытный нос в окошке. На его губах появляется ироничная улыбка, и мужчина прикладывает ладонь к груди, склоняясь в приветственном полупоклоне. Папа оборачивается, но я успеваю юркнуть за занавесь раньше, чем он успевает меня заметить. Однако ранний визитер не оставляет втайне, кого он успел разглядеть в окне второго этажа.

— Твоя дочь становится настоящей красавицей, Тер, — слышу я голос Вайториса.

— Да уж, — ворчливый голос отца я тоже слышу хорошо. Похоже, мужчины приблизились к дому. — Уже невозможно с ребенком съездить в город, так и таращатся вслед.

— Да ты никак ревнуешь, — наш гость весело смеется.

— Еще бы, — усмехается папа. — Вчера я держал ее на коленях, а сегодня об этом мечтает какой-нибудь сопливый юнец. Я вижу в Ирис малышку, а он женщину. Это... раздражает.

— Ты ведь можешь создать ей судьбу.

— О, нет, Вайтор, я никогда не суну нос в судьбу дочери. Она пойдет предначертанным ей путем.

Я вновь не удерживаюсь и выглядываю в окно. Теперь ко мне спиной стоит наш гость. Его волосы собраны в хвост, и он алой змеей спускается по позвоночнику до самого крестца. Он выше моего отца, более поджарый. Красивый. Когда я была маленькой, мне нравилось смотреть на него. В карих глазах Вайториса всегда прячется веселая хитринка, словно он постоянно готов к проказам. Но мой папа мне нравится больше. У него глаза добрые, и улыбка такая, что даже в зимнюю стужу становится теплой. Нет-нет, ни один мужчина не может сравниться с моим папой! И если я когда-нибудь выйду замуж, то мой супруг непременно будет похож на отца.

— Ирис, — я вздрагиваю и замечаю, что папа смотрит на меня. И его гость тоже. Отец грозит мне пальцем.

— Я не подслушивала! — восклицаю я и мотаю головой для большей убедительности.

Вайторис негромко смеется, а я заливаюсь краской и захопываю окно. После забираюсь на кровать, накрываюсь одеялом до самого носа и вспоминаю папины слова про наши поездки в город и его чувства. Мне приятно. В это мгновение я решаю, что никогда, никогда-никогда не уйду от родителей, потому что никто не будет любить меня также сильно, как они. Правда, мама всегда отвечает на мои клятвы, что сердце решит за меня, и однажды я сама выйду за порог, чтобы последовать за своим избранником. Но мне семнадцать, и мое сердце пока молчит. Ему хорошо здесь, на Зеленом холме...

— Ирис! — я вздрогнула и посмотрела на Ская. Он по-прежнему стоял посреди пыльной горной дороги, уперев ладони в бока. — Так за что я впал в немилость? Если мне предстоит бежать за собственным жеребцом, я имею право знать причину приговора.

Страхнула оцепенение воспоминаний и горделиво задрала подбородок, тронув поводья. Цветик деловито зацокал копытами, неспешно увозя меня вперед. Водник пробормотал что-то о моей вредности и вскоре догнал. Он ухватился рукой за стремя и поднял на меня взгляд.

— Ты что-то еще вспомнила?

Я мотнула головой.

— Больше ничего.

— Ты загрустила, и я подумал...

— Не загрустила, — я улыбнулась Аквею. — Просто еще раз обдумала последнее воспоминание. Я знала его, когда он еще не был Вечным. Знаешь, еще недавно мне было плевать, кто мои родители, главным всегда был господин. Я превозносила его за то, что он возродил меня, и совсем не думала, что право моего первого рождения все-таки принадлежит другим людям. А сейчас я не могу не думать о них. До зубовного скрежета хочу вспомнить, что случилось тогда. Точно знаю, что родителей больше нет, но не помню, как они умерли. И те развалины... которые я всегда смутно помнила... Быть может, это воспоминание относится именно к тому времени? К моей первой жизни. Он говорил, что нашел меня умирающей среди руин, но никогда не говорил, что это были за руины. Правда, я не помню других своих жизней и смертей, но что-то же в этом должно быть важным, раз из всех воспоминаний со мной всегда были именно те развалины.

— Не удивлюсь, если он и был причиной всему, — проворчал Скай.

Я пожалала плечами и посмотрела на горный склон. Мое обостренное зрение исчезло вслед за возможностью видеть в темноте, и пришлось напрячься, вглядываясь в то, что привлекло мое внимание.

— Большая птица что ли? — спросила я больше саму себя, чем водника.

— Где? Остановись.

Аквей вышел вперед, посмотрел в указанном направлении и коротко выругался.

— Что там? — спросила я.

— Айры, — ответил Скай. — Я надеялся, что мы с ними не встретимся.

— Кто такие айры?

— Крылатые люди. Характер у них еще хуже твоего.

— Невозможно. — я отрицательно покачала головой. — Я — совершенство. Меня невозможно превзойти ни в чем, даже в дурном характере.

— Зазнайка, — хмыкнул водник и посмотрел на Ручейка, ожидавшего нас у большого камня. Затем коротко свистнул, и жеребец послушно помчался в нашу сторону. Я искоса взглянула на Аквею. Он усмехнулся: — Это все-таки мой конь.

— Обманщик, — усмехнулась я. — Ты мог вернуть его в любой момент.

— Угу, а ты бы еще что-нибудь придумала. Лучше уступить в малом, чтобы не пострадать в более значимом, — парировал Аквей.

Его ладонь накрыла рукоять меча, притороченного к седлу меча, когда Ручеечек остановился перед своим хозяином. Водник устремил взгляд в сторону горного склона. Я тоже повернулась и теперь легко разглядела трех летунов. Это действительно были люди с огромными белыми крыльями. Они летели быстро, и в том, что к нам, сомнений не было.

— Это не их территория, — негромко произнес водник. — За какой Тьмой они к нам летят?

— Сейчас узнаем, — я пожала плечами. — Скай.

— М?

— Первый закон.

— Помню. Я не собираюсь нападать первым. Я вообще мирный, как сытый кот. Не дернут за хвост, не выпущу когти.

— Ты не кот, ты — ручеечек.

— Земляничка. Сла-адкая.

Я хмыкнула и вновь переключила внимание на айров. Они опустились на дорогу шагов за десять до нас. Опустили крылья и слаженно направились к нам с водником. Люди как люди, только с крыльями. Ни клювов, ни птичьих лап. На их бедрах были надеты широкие повязки. Больше ничем тела скрыты не были. Мой взгляд скользил по сильным развитым плечам айров, а в голове крутилась мысль: «В чем они ходят зимой?». Нет, ну правда. Сейчас тепло, и одежда крылатым не нужна, но с приходом холодов? Улетают в теплые края? Или как?

Затем мой взгляд прошелся по рукам, от локтей до запястий скрытых кожаными наручами, по ремешкам сандалий, к которым крепилось оружие, и в голове появилась новая мысль — почему я не знаю... или не помню таких созданий, как триги, айры? Если я живу так давно, то почему в этом мире для меня остались загадки? Просто не интересовалась всеми формами жизни, или Вайтор намеренно скрывал от меня существование измененных людей?

— Ох, Скай! — воскликнула я, перестав обращать внимание на летунов, уже сокративших расстояние между нами.

— Ягодка моя, помолчи немного, хорошо? — ласково попросил водник, но в его голосе я расслышала нотку раздражения.

Оглядев суровые лица крылатых воинов, я закрыла рот и натянула на себя величественный и равнодушный вид.

— Кто такие и зачем едете по нашим землям? — спросил айр, выступивший вперед.

— Кто такие и зачем спрашиваете? — надменно спросил Аквей.

— Я — Оэн Быстрокрылый, — и столько значимости прозвучало в этом представлении себя, словно перед нами стоял хозяин самого Вайториса. Представления двух других пернатых не последовало, должно быть, они занимали нижние ступени на иерархической лестнице, где на вершине стоял Оэн Быстрокрылый.

Со скрытым интересом я рассмотрела резкие черты главного айра. Он привык повелевать, это было заметно. Лицо летуна дышало властью, но излишняя надменность и презрительный изгиб губ делали мужчину неприятным. Впрочем, его нос с горбинкой, придавал айру сходство с коршуном, и это добавляло в облик летуна хищности. И все-таки вся эта горделивая величавость больше смешила, чем впечатляла. Мне было с чем сравнивать.

— Леор Скайрен Аквей, хозяин Долины Водопадов, — не менее гордо ответил мой водник. — С каких пор Свободная дорога стала принадлежать айрам?

— Я так решил, — последовал исчерпывающий ответ Оэна Быстрокрылого.

— Зачем тебе земля, крылатый? У тебя есть всё небо, — Скай явно насмеялся, но тон его был нейтрален. В нем звучал вежливый интерес человека, которому до ответа

собеседника нет никакого дела.

— Я так решил, — повторил Оэн, делая ударение на всех трех словах разом. — Вы идете по моим землям, не спросив дозволения.

— Остальные элдры считают также?

— Не тебе бескрылый задавать мне вопросы! — Оэн взвинул накал гонора в голосе до заоблачных высот.

Теперь я наблюдала за происходящим, уже не скрывая любопытства. Особенно мне стало интересно, что ответит Аквей.

— А кому же, если не мне? — усмехнулся Скай. — Айранские горы являются частью Долины водопадов, я — хозяин Долины. И ты, айр, стоишь на моей земле и нагло утверждаешь, что она принадлежит тебе. Если айры решили вступить в войну и отнять у меня часть земель, то где хайд от Совета элдров?

— Мне не нужен Совет, чтобы предъявить свои права...

Я еще некоторое время наблюдала за разговором, но вскоре потеряла к нему интерес. Во-первых, нападения не затевалось, в этом я была уже уверена. Оэн Быстрокрылый, хоть и являл собой образец наглости, но грань между бахвальством и воинственностью не переступал. Во-вторых, двое других айров оружия не доставали, в спор не вступали и с заметным любопытством рассматривали то меня с Искрой на плече, то водника, уже убравшего руки с рукояти меча, то наших скакунов. Наконец, один из них откровенно зевнул, пресытившись зрелищем, и до меня окончательно дошло — айры развлекаются. Правда, только их вожак, остальным оставалось слушать, не вступая в разговор.

Сообразив, что опасаться нам нечего, я углубилась в свои недавние размышления. В который раз прошлась взглядом по телам летунов и прикрыла глаза. На самом деле измененные люди, или же их такими создала изначальная сила? Если измененные, то здесь не обошлось без Созидающих. И судя по тому, что они крылаты, то... Источником силы творца, создавшего айров, был воздух, так?..

— Магия — это энергия, Ирис. Энергия не возникает из ничего, и не исчезает в никуда.

Отец сидит на нашем любимом склоне. Я напротив, лежу на животе, болтаю ногами и слушаю своего учителя.

— Есть три рода энергии: изначальная, стихийная и преобразованная. Изначальная энергия — это сила Хаоса. По сути сам Хаос и есть энергия. Пытаться ее приручить, всё равно что накинуть узду на ветер. Она никому неподвластна. Слишком необузданная, слишком мощная и непредсказуемая. Нужно быть безумцем, чтобы призвать ее.

— Почему?

Я переворачиваюсь на спину и выворачиваю голову, папа теперь вверх ногами. Весь мир вверх ногами, но проходит секунда, и всё возвращается на свои места — это уже не так весело, и я сажусь. Подтягивая коленки к груди, на одной из них красуется короста на месте ссадины, но подол скрывает болячку. Папа запретил исцелять себя, он вообще не любит, когда силу тратят на себя. А еще папа говорит, что у каждого есть свой путь, и влиять на события плохо, потому что это внесет дисп... диспис... дисбаланс, вот! Он говорит, что любое действие несет в себе противодействие, и лучше мне усвоить это на себе сейчас, чем в будущем нанести вред всему миру. Я плохо понимаю, почему исцеление моей болячки может уничтожить мир, но лечить себя не стала. Папа знает, что говорит.

— Ирис, — скидываю голову и делаю большие глаза, показывая, какая я жутко

внимательная. Папа укоризненно качает головой и спрашивает: — Устала, малыш?

Мне не очень нравится, когда он меня так называет. Малышом я была еще два года назад, а сейчас мне восемь, и я совсем взрослая, так говорит дядя Регинис — один из друзей отца, а он зря не скажет.

— Ирис.

— Я не устала, — мотаю головой и снова делаю большие глаза.

— Ты похожа на улитку, — фыркает отец.

— Не-а, — снова мотаю головой. — Я похожа на тебя.

— Разумеется, моя радость, — папа протягивает ко мне руки. — Иди ко мне.

Повторно просить не надо, и вскоре я уже обнимаю его за шею, крепко-крепко. Отец на мгновение прижимается щекой к моей макушке, однако уже через минуту звучит строгое:

— А теперь садись на место и слушай дальше, раз не устала. Завтра расскажешь мне всё, о чем узнала сегодня.

— Ты — злюка, — вздыхаю я обреченно.

— Если только капельку, — хмыкает папа.

— Почему ты не учишь Кая?

— Кай не Созидающий, он маг-землевик, как и наша мама, — говорит папа. — Для него наставников много, тебя обучить могу лишь я.

— А дяди...

— Другие стихии, малышка. Они дадут тебе только общие знания, — прерывает меня отец и начинает заново: — Энергия делится на три вида: изначальная, стихийная, преобразованная. Повтори...

Я тряхнула головой, отгоняя несвоевременное воспоминание. О чем я думала до этого? Ах да, о природе айров.

— Кто создал вас?

Мой вопрос прозвучал неожиданно для четырех мужчин. Судя по недоумению, написанному на лицах трех крылатых, и по их возмущенно-вопросительным взглядам на водника, рта мне открывать не полагалось...

— Я обожаю женщин, Тер.

— Знаю, — смешок отца долетает до меня.

Сейчас я сижу на верхней ступеньке деревянной лестницы и слушаю разговор папы и его гостя. Слушаю и злюсь, потому что... потому что мне тринадцать, и я втайне влюблена в светловолосого мужчину, который заглянул в гости к своему другу. Они все любят заходить к нам, когда есть о чем поговорить. Наверное, это тоже притяжение земли. Оно дает ощущение уюта и стабильности для остальных метущихся стихий. В любом случае, я всегда любила слушать их разговоры, хоть и мало что смыслила в них. Но теперь я старше и умней, и могла бы понять намного больше, но, увы, именно поэтому меня отправляют прочь, когда приходят друзья отца. Приходится сидеть на лестнице и украдкой подслушивать. И сегодняшний разговор мне не нравится. Он о женщинах. Точней, о женщине предмета моих вздыханий.

— Я знаю, что ты знаешь, — усмехается наш гость. — Да, я обожаю женщин, но ненавижу, когда они открывают рот!

Теперь я слышу в его голосе досаду, даже злость, но не могу понять, нравится мне это или нет. Если думать о том, что он ругает свою возлюбленную, то, да, я чувствую некоторое удовлетворение. Однако я тоже женщина, и это означает, что тот, кто нравится мне, не

любит, когда я начинаю разговаривать, так? Так.

— Оркан, — папа снова смеется, — тебе слишком много лет, чтобы исходить на желчь из-за вздорного нрава очередной подруги. К тому же ты — вольный ветер, что удивительного в том, что она недовольна?

— Однажды я остепенюсь, — хмыкает Созидающий. — Но пока у меня еще есть время.

— Друг мой, — голос папы становится серьезным, мне даже слышится в нем напряжение, — возможно, твои чаяния не сбудутся.

— Это не тебе решать, — тон гостя неуловимо меняется. В нем появляется нотка упрямства.

— И не тебе, — чеканно отвечает отец.

— Не будем ссориться, Тер.

Я хмурюсь и спускаюсь немного ниже, чтобы лучше слышать, потому что голоса мужчин затихают, и я понимаю, что дальше разговор ведется приглушенно. Им не нужны свидетели, однако это меня волнует мало. Любопытство ведет меня вперед, почти под двери маленькой гостиной с камином.

— Я не позволю вам рвать ее на части, — шипит отец.

— Тер, она единственная Созидающая в этом мире...

— Вот именно, — даже в полупшепоте папы я слышу кипучую ярость, — единственная! Я не желаю, чтобы вы делили ее, как трофей, только потому, что нет альтернативы. Вы измотаете девчонку своими притязаниями...

— Ты не прав, Тер, — возражает Оркан. — Уже хотя бы потому, что малышка обещает стать настоящей красавицей, и это влечет к ней. И ты знаешь — союз земли и воздуха наиболее прочный. Основополагающие условия есть — влечение и предрасположенность. Сейчас она мала, и я не позволяю себе думать о ней, как о женщине. Но всего несколько лет, и прелестное дитя станет девушкой...

— Даже думать об этом не хочу, — папа злится.

— Тер, мы оба знаем, что малышка равнодушна ко мне. Мне слишком много лет, чтобы не увидеть этого...

— Да уймешься ли ты?!

— И если ты опасаешься, что я буду слишком ветреным, я готов к ритуалу слияния...

— Ты не в себе, Оркан! — раздраженно восклицает папа. — Ты зол на свою любовницу, ты слишком много выпил, и тебе стоит, как следует, выспаться. Что до твоих устремлений, то я уже говорил, что думаю об этом, и с тех пор ничего не изменилось. И не изменится, Орканис! А теперь возвращайся домой и проспись.

Я едва успеваю увернуться от открывающейся двери, чтобы не получить по лбу, потому что уже совсем бесстыдно прижалась ухом к деревянной створке. Издаю короткий писк и встречаюсь с безумно красивыми изумрудными глазами Орканиса. Он замечает меня, слегка приподнимает брови, явно поняв, чем я была занята всё это время, но не насмехается. Вместо этого заботливо спрашивает?

— Не ударилаась?

Я мотаю головой, чувствуя себя до невероятности глупо, потому что опять начинают подрагивать от волнения руки, и во рту становится сухо. Ни одной мысли в голове. Так и стою с приоткрытым ртом и во все глаза рассматриваю Созидающего с воздушным источником.

— Дочь. — Голос папы холоден. Когда он недоволен мной, он всегда говорит именно так — дочь. — Брысь!

— Ой, — полузадушено охаю я и мчусь наверх, почти ненавидя отца за то, что он заставляет меня выглядеть такой дурой...

— Орканис, — имя воздушника сорвалось с моих уст полувсхлипом-полувздохом.

Не сразу заметила тишину, воцарившуюся на горной дороге. Айры, до этого мгновения спокойные, даже Оэн Быстрокрылый устал бахвалиться, уступив в споре Аквею, вдруг распахнули крылья, приняв угрожающую позу, и в их ладони из наручей скользнули узкие короткие клинки, сверкнувшие в солнечных лучах.

— Никто из бескрылых не знает имени нашего бога, — прошипел Оэн. — Откуда его знаешь ты, женщина?!

— Вот, Тьма, — как-то устало вздохнул Аквей. — А ведь почти разошлись миром. Держись, разговорчивая моя.

И горная дорога превратилась в стремительную реку...

Глава 11. День тринадцатый

Кажется, я скоро привыкну к смене телесной оболочки на воду и обратно. Когда меня выплеснуло на узкий каменный участок между двух склонов, я даже с интересом рассмотрела свою прозрачную руку прежде, чем вернула себе плоть. Аквей стоял рядом, скрестив на груди руки и взирал на меня странным взглядом сверху вниз, пока я, стоя на четвереньках изучала свое водяное тело.

— Ты сама вернула форму, — отметил он.

— Угу, — промычала я, растягиваясь на камнях уже человеком, — быстро учусь.

Водник задрал голову и посмотрел на небо.

— Кажется, оторвались, — сказал он.

— Еще бы, — хмыкнула я.

Аквей прогнал нас по горным дорогам, пока наш поток не влился в поток настоящий. Айры неотступно следовали за нами, пока могли проследить путь. Впрочем, летуны меня заботили мало, полетали, покричали гадости с неба, погрозили кулаками и исчезли, потеряв из виду. А вот наши жеребцы пребывали в прострации. Я некоторое время наблюдала за тем, как они жмутся к склону, дико водя глазами по речным волнам, вздохнула и поднялась на ноги.

— Что хочешь делать? — настороженно спросил Скай.

— Творить, — коротко ответила я.

Мне было и самой любопытно, смогу ли я применить свой дар сейчас, когда память и сила всё еще не проснулись во мне до конца.

— Я тебе нужен?

— Нужен, — машинально ответила я, — но не сейчас.

— А когда?

— Всегда. Скай, помолчи немного.

— Вот бы тебе помолчать, когда мы уже почти ушли от аиров, — ядовито ответил водник. — Кто такой Оркан?

— Претендент, — досадливо отмахнулась я.

— На тебя?

— На меня. Скайрен Аквей, закрой рот...

— Не многовато ли претендентов?

— Бесконечный Хаос, Скай! — я порывисто обернулась и возмущенно посмотрела на него. — Ты можешь помолчать хоть немного? Я пытаюсь вспомнить, как творить в истинной реальности!

— У вас что-то было?

— Ска...

— Тьма, Ирис! Сколько их? Торн Айер, какой-то бог айров, рыжий, змееныш Войтер!

Кто еще?

Вот теперь я воззрилась на водника с непониманием. Попыталась вспомнить, когда у него был такой же бешеный взгляд... Ах, да, тогда появился Венн. Хм...

— Скай, ты ревнуешь? — осторожно спросила я.

— Сколько, Ирис?! — прогромыхал Аквей.

— Не так уж и много для всех моих жизней, сколько бы их не было, — несколько раздраженно ответила я. — В чем дело, леор Аквей? Что вас так рассердило?

— Меня бесит, что каждый мужик, о котором ты вспоминаешь, оказывается твоим.

Я похлопала ресницами и... взвилась.

— А ты не забыл, кто ждет тебя? Еще несколько дней назад ты собирался жениться на своей невесте! За какой Тьмой ты сейчас орешь на меня, если вскоре снова будешь стонать на Эйволин?!

— Несколько дней — целая вечность, — неожиданно хрипло ответил Скай. Он мотнул головой и отошел к жеребцам. Я повернулась следом и растерянно смотрела ему в спину. Аквей потрепал по шее Цветика, на спине которого лежала ошалевшая Искра, после Бурана и, полуобернувшись, произнес: — Впервые мои честь и душа говорят разными голосами. Я не знаю, кого из них слушать. Но... — он бросил на меня быстрый взгляд, — сколько бы я не пытался отыскать в себе хоть каплю стыда за то, что поддался желаниям, найти не могу.

Открыла рот, собираясь ответить, но не нашла слов. Мне вдруг... стало страшно. Испугалась тех слов, которые водник мог произнести. Хотела до крика услышать, что он выбирает меня, и боялась этого решения. Тяжело сглотнув, я отступила еще на шаг назад и тихо спросила:

— Теперь помолчишь?

Он порывисто обернулся, посмотрел на меня пронзительным взглядом, но, так ничего не сказав больше, кивнул и снова отвернулся к скакунам. Да, так лучше. Пусть пока всё остается, как есть.

— Дура, — шепотом обозвала я себя и повернулась лицом к реке, чтобы хоть ненадолго остаться наедине с собой.

Что я там хотела делать? Ах да, творить. Издевательски хмыкнув, я закрыла глаза. Нужно вспомнить уроки отца, нужно... Тьма. Меньше всего сейчас хотелось вспоминать уроки и что-то творить. Мотнула головой, заставляя себя собраться, и едва не вскрикнула, когда мои плечи накрыли теплые мужские ладони. Они неспешно скользнули по моим рукам вниз, добрались до кистей, и наши пальцы переплелись. Лоб водника прижался к моему затылку, и я услышала его шепот:

— Кажется, я проиграл тебе, Ирис.

— Скай...

— Я не смогу отказаться от тебя.

Развернулась к нему и заглянула в глаза и увидела растерянность. На губах Аквея появилась вымученная улыбка.

— Это притяжение стихий, Скай, и моя кровь...

— Я бы назвал это иначе, — усмешка водника вышла кривоватой. Он обхватил мое лицо ладонями, чуть склонил голову на бок, вглядываясь в глаза, а затем произнес:

— Я люблю тебя.

И накрыл мои губы своими, словно заткнул рот, опасаясь услышать ответ. Я отчаянно зажмурилась, впилась пальцами ему в плечи, и сила забурлила в крови, промчалась яростной волной, выплеснулась наружу и разлилась, заполняя пространство вокруг нас. Каменистая отмель вздрогнула, едва не сбив с ног. Но руки Ская крепче сжали меня, не позволяя разорвать поцелуй. Земля вновь содрогнулась, а затем нас понесло вверх. Ветер взметнул волосы, заревела вода, откликаясь на призыв водника. Испуганно заржали кони, кажется, пищала Искра. А потом приток магии созидания стал столь велик, что я не выдержала. Откинула назад голову и закричала в далекое темнеющее небо, отдавая последние капли расправшей меня силы. После бессильно прижалась лбом к плечу Ская и, словно сквозь вязкий туман, слышала восторженный вздох водника:

— Ох...

Я приоткрыла глаза, но увидела лишь кусок сочной зелени, скрывшей голые камни. Где-то за спиной фыркнул Цветик, и я снова сомкнула веки.

— Как? — спросил Скай, но, кажется, не ждал ответа.

— Что там? — спросила я, не имея ни сил, ни желания рассматривать, что натворил неконтролируемый выброс силы.

— Ты превратила скалы в зеленые холмы, — ответил водник.

— Мы превратили, — поправила я. Затем все-таки подняла на него взгляд. — Слишком большой выплеск, нужно уходить.

— Он узнает?

— Да, — шепнула я.

— Тогда я знаю, что нам делать, — улыбнулся Аквей, подхватил меня на руки, шагнул вперед... И остановился перед широким ложем в нашем с ним мире. — Передохнем и уйдем через воду.

— А... — начала я, но Скай прервал:

— Они рядом, — ответил водник, поняв, что меня волнует судьба животных.

— Тогда мне нравится твоя идея, — улыбнулась я, растворяясь во взгляде глаз-озер.

— У меня не бывает плохих идей, — хриловатым полупшепотом ответил Аквей, опуская меня на ложе.

Я блуждала взглядом по его лицу, не смея возразить. Забыла об усталости, о тягостных размышлениях, о страхе, еще недавно снедавшем меня и порождавшем нерешительность. Ничего не осталось в это мгновение, кроме мужчины, упершегося ладонями по обе стороны от меня. Ничто не имело значения, лишь близость крепкого тела и затуманившийся желанием взор бездонных синих глаз.

Притяжение стихий... Возможно. Земля и вода — идеальная пара, так когда-то говорили мне... Кто? Неважно, сейчас всё неважно. Я приподнялась на локте одной руке, второй провела по щеке водника, тронула кончиками пальцев уголок рта и задохнулась от щемящей нежности, вдруг затопившей всё мое существо. Подалась к мужчине, глядевшему на меня с восторгом и любовью, обняла за шею и потянула за собой, вынуждая лечь рядом.

Перевернулась и теперь сама нависала над ним, готовая бесконечно рассматривать черты, ставшие мне дорогими.

— Скай, — его имя вырвалось всхлипом. Он ответил открытым взглядом, и я, задыхаясь от нахлынувших чувств, произнесла срывающимся голосом: — Ты не погибнешь, я клянусь тебе. Тебя я ему не отдам, слышишь?

— В этот раз всё будет иначе, — ответил с улыбкой водник, стерев с моей щеки одинокую слезинку. — Обещаю.

— Только не будь самоуверен.

— Я сама осторожность, — заверил меня Скай и перевернулся, вновь оказавшись сверху.

— Ты будешь жить, — упрямо повторила я, и наши губы, наконец, встретились...

— Ирис...

Горячее дыхание щекочет мне шею, я чувствую легкий поцелуй, и тот, кто прошептал мое имя, отстраняется, так и не убрав ладоней с моих глаз. Я улыбаюсь, готовая поиграть и увидеть, как Его глаза потемнеют от гнева и ревности. Мне так нравится, когда он говорит те два слова, от которых моя душа поет «не отдам». Однако сегодня я сдерживаюсь и называю дорогое мне имя:

— Орканис.

За спиной раздаётся смешок, и Созидающий усаживается рядом. Его взгляд, полный любования и нежности скользит по моему лицу, как всегда смущая и доставляя удовольствие одновременно. Я прикрываю глаза ресницами, пряча счастливый блеск, и он, мой возлюбленный, мой избранник, произносит:

— Как же мне нравится смотреть на тебя.

— Смотри, — отвечаю я, пытаюсь спрятать улыбку.

Мне плевать на то, что еще недавно он был дядей Орканом, что он папин друг. Внешне Орканису не дашь больше двадцати пяти, это на четыре года больше, чем моему брату. И пусть Кай бранит меня и называет моего избранника древним, это не меняет моих чувств. Папа молчит, но, кажется, ему не нравится происходящее. Нет, Орканис ухаживает за мной пока тайно, но о его устремлениях папе хорошо известно. И мои сияющие глаза после одиноких прогулок говорят о многом.

Созидающие не вмешиваются в ход событий. Не принуждают, ни давят, ни навязывают, пока возможно оставаться в стороне. Поэтому папа просто наблюдает, зато брат не молчит. Он не Созидающий, он обычный маг, поэтому высказывается прямо. Кай уговаривает меня не спешить, ему непонятна моя тяга к тому, кто был всегда для нас дядей. А меня тянет к Орканису. Это что-то большее, чем влюбленность. Папа как-то произнес странное словосочетание «притяжение стихий». Он пояснял, что у Созидающих союзы часто зависят от возможности слияния стихий. После этих слов я долго думала, отчего тогда папа недоволен возможностью нашего союза с воздушником, даже спросила Орканиса, не решившись задать вопрос отцу:

— Почему папа недоволен твоим желанием жениться на мне?

— Он думает, что я ищу выгоды от нашего союза, — мой возлюбленный честен со мной. Он никогда не скрывал, что хочет, чтобы его дети наследовали дар Созидания, и только я могу родить ему одаренное потомство. И еще говорил, что его стихия откликается, когда я рядом, как и моя на него. А еще он говорил нечто большее, и я хочу снова услышать это, потому спрашиваю:

— А ты?

— А я люблю тебя, маленькая, — Оркан смеется, когда я фыркаю и отвечаю возмущенно:

— Я не маленькая, мне шестнадцать! Через год я стану взрослой.

— Если бы ты знала, как бесконечно долг этот год, — с улыбкой отвечает Созидающий. Он берет меня за руку, подносит к своим губам и целует ладонь. — Вся моя жизнь не тянулась так долго, как этот год.

Я вновь заливаюсь румянцем и опускаю глаза. Можно ли быть счастливей? Наверное, я и вовсе умерла бы от переполняющего меня восторга, если бы Орканис поцеловал меня. Но он так редко это делает. Иногда мне кажется, что это условие моего отца, потому что я вижу, каким взглядом мой любимый порой смотрит на мои губы, но касается их совсем невинно, задевая только уголок рта коротким поцелуем.

— Через год всё будет иначе, — говорит он. — Ты никогда не пожалеешь, что выбрала меня.

И я верю ему. Верю и жду того дня, когда Оркан выведет меня из отчего дома, чтобы провести обряд слияния. Это обряд обмена силами, единственный, где Созидающие используют кровь. Папа, как и Орканис, говорил, что этот ритуал крепче любого другого обряда, когда две стихии сплетаются воедино. Еще папа говорил, что может случиться отторжение. Это прозвучало, как предупреждение, но я отмахнулась. В то, что во время ритуала моя стихия может не признать стихию воздуха, я не верю. Зато если признает, а она признает, крепче такого союза уже не будет. И в это я тоже верю...

Я открыла глаза и уставилась невидящим взглядом в потолок маленького домика в ложной реальности. Ритуал слияния... Повернула голову и взглянула на спящего Ская. Прислушалась к ровному дыханию, и улыбка сама собой скользнула на губы. Ликование охватило меня, когда я осознала произошедшее в черном замке. Не осознавая, что делаю, я провела нас через ритуал слияния, и водная стихия признала меня, приняла. Мой!

Но уже через минуту восторг пошел на убыль. Нет, ритуал слияния не был пройден до конца, Скай не делился со мной своей кровью, это я привязала его к себе... Но он же принял меня, а я лажу с его стихией. Великая Тьма! Как же раздражает, что мне даже не у кого спросить! Сколько еще ждать полноценного возвращения памяти? Взгляд сам собой нашел картину с видом зеленого холма. Опасно... Но папа единственный, кто может мне помочь. Что делать?

Снова посмотрела на Аквея. Невольно вспомнилась недавняя близость, и я умиротворенно вздохнула. Если бы не этот сон, была бы и вовсе счастлива, а теперь снова голова полна размышлений. Так рискнуть или нет?

— Бесконечный Хаос, — досадливо шепнула я.

Скай шевельнулся. Его веки дрогнули. Я встретила с бездумным сонным взглядом водника.

— Спи, — тихо сказала я, поцеловала в кончик носа, и синие глаза снова закрылись.

Полежав еще немного, я дождалась, когда он уснет крепче, затем осторожно сняла со своего живота мужскую руку и соскользнула с ложа. После подошла на цыпочках к картине и остановилась перед ней. Я не собиралась входить в изображение, помнила об изначальном условии, вплетенным Скаем в основу ложного мира. Без него я бы и не смогла преодолеть границу между двумя мирами, и изменить это условие без его ведома тоже. И мой водник прав, вдвоем мы сильнее и вырваться из лап Вайториса вдвоем проще. По крайней мере,

стихия Аквея может противостоять огню Вечного. Вечного...

— Это глупо, Вайтор, я уже не раз говорил тебе об этом и повторяю еще раз...

— А я тебе снова отвечаю, что в величии нет глупости, Тер.

Красноволосый Созидающий с источником огненной стихии поднимается из-за стола и отходит к окну. Я стою в дверном проеме и смотрю на мужчин. У меня какое-то дело к отцу, но я появляюсь в момент спора, и замираю, не смея нарушить беседы. Они не видят меня. Вайторис смотрит в окно, папа на Вайториса.

— Невозможно жить вечно, — снова произносит отец. — Мы такие же смертные, как и все остальные, и наш жизненный путь и так затянулся. Я не хочу жить дольше, чем моя жена и мои дети. Я не буду смотреть на бесконечную череду смертей дорогих мне людей. Вместо меня останется Ирис.

— Ты, я, Оркан, Регин и твоя дочь, — Вайторис оборачивается и пристально смотрит на отца. — Нас пятеро, Терраис. Ты уйдешь, останется четверо. Если учесть, что Ирис полукровка, то шансов родить нового Созидающего от обычного мага у нее немного, даже несмотря на стихию. Никому из нас, кроме тебя за всё время не удалось зачать дитя с чистой кровью...

— Но мы не можем сделать того, что предлагаешь ты! — восклицает папа. — Заставить мир содрогнуться, чтобы запастись энергией на столетия и запечатать его в статичном состоянии — это прямое вмешательство и нарушение хода предначертанных событий. Они должны развиваться. Мир должен идти по своему пути, а наша задача освободить его от ловушки, в которую сами когда-то загнали.

— Но решения нет, Тер! Сколько всего мы перепробовали за это время? Итог — новые Отражения. Тьма, Терраис, мы уже почти боги!

— Мы не боги, Вайтор! Грани...

Отец резко замолкает. Он замечает взгляд своего гостя, направленный себе за спину, оборачивается и гневно сводит брови:

— Ирис, сколько можно?!

— Маленькая проныра, — усмехается Вайторис, и ему тоже достается гневный взгляд, но уже мой.

— Я не подслушивала, я только подошла, — отвечаю я отцу.

— Говори, что хотела и оставь нас, — папа сердится, но говорит уже гораздо спокойней.

— Только спросить...

Я тряхнула головой, вырывая себя из очередного спонтанного воспоминания, однако тут же поджала губы, обдумывая то, что сейчас предстало перед моим внутренним взором. Четверо Созидающих... Всего четверо и только мужчины. Почему? Откуда пришли и почему остались? Я была уверена, что знаю это, но снова натыкалась на стену забвения и не находила ответа. Четверо Созидающих... Тьма-а. Вайтор, он ведь тоже был творцом! Что же случилось тогда, и почему изменилась его суть? И еще. Если менее стабильные стихии не смогли передать свой дар по наследству, то откуда в Скае сила Созидающего? Зачем я была нужна Вайторису, если детей он не хотел, в отличие от Оркана и Регина? Для чего он удерживает меня рядом, бесконечно убивая и возрождая? Оркан был влюблен в меня, я точно знаю. Регин... Стихия воды... Идеальная пара...

Он стоит, привалившись плечом к древесному стволу. Взгляд лазурных глаз устремлен вдаль, Регинис не смотрит на меня. Я не смотрю на него. Тяжелый разговор. Мы молчим уже

больше десяти минут. Не знаю, что ответить этому мужчине. Его слова кажутся мне искренними, моя стихия готова откликнуться на его призыв, но сердце молчит. Я могу послушаться голоса разума и Регина, но... Не готова. Не сейчас.

— Земля и вода — идеальная пара, Ирис, — говорит Регинис, так и не обернувшись ко мне. — После ритуала слияния всё изменится. Ты не просто привыкнешь ко мне, как к мужчине, ты примешь меня душой, как я уже принял тебя.

Закрываю глаза. Мне хочется оказаться сейчас подальше отсюда. Хочу домой к маме и папе. С ними мне хорошо, спокойно. Здесь тяжело.

— Ирис...

Теплые ладони мягко сжимают мое лицо. Я вздрагиваю, но не открываю глаз, чтобы не встретиться со взглядом Регина. Его пальцы скользят по скулам, по щекам, опускаются к губам, задевая их уголка, а я никак не могу понять, что вызывают во мне его прикосновения. Они не неприятны, но и не желанны мне. Я сжимаю пальцами шершавые выступы на коре и терпеливо жду, когда он отойдет от меня. Но Регинис не отходит, он приподнимает мою голову кверху, и я чувствую его дыхание на своей коже.

— Нет, не надо, — вскрикиваю я, упершись ладонями в широкую грудь.

Он резко отстраняется, отходит в сторону, вновь поворачивается ко мне спиной, после скидывает лицо к небу, и до меня доносится шумный выдох. Я осторожно отступаю от дерева, надеясь, что наш разговор закончен, хотя бы на сегодня. Устала. Безумно устала от уговоров, от признаний, от охоты на себя, от неожиданных встреч. Мне хочется выходить из дома, как раньше, не опасаясь наткнуться на одного из них тогда, когда ожидаю меньше всего. Ничего не хочу. Хочу, чтобы всё было как раньше. Я даже согласна вновь стать маленькой девочкой, в которой видят ребенка и ничего больше.

Папа уже не молчит, он говорит, что отправит меня подальше от дома, и никто, кроме моей семьи не будет знать, где я. Другьям он запретил появляться у нас дома, только Вайторис по-прежнему вхож к нам, потому что ему до меня нет никакого дела. Может, потому, что слияние и отторжение стихий в союзе земли и огня возможно в равных долях, а может, дело в том, что Вайторис не жаждет иметь наследников, я как-то слышала от него эти слова. Правда, говорил он их не мне, а отцу, но я, как всегда, стала невольной свидетельницей. Впрочем, скорей всего, для этого Созидающего я так и осталась маленькой девочкой. Кто знает? Но в его глазах я ни разу не видела интереса. А уж это-то я теперь легко различаю. Я теперь вообще многое вижу в мужских взглядах... опыт.

— Не уходи, — Регин преграждает мне путь.

— Но мне пора...

— Подожди, — он сжимает мои плечи и притягивает к себе. — Еще немного. — Прижимается щекой к моей голове и затихает. Я едва слышу: — Меня так тянет к тебе...

— Это всего лишь притяжение стихий, — осторожно говорю я. — Вы ведь не любите меня на самом деле...

— Притяжение стихий? — Созидающий отстраняется, заглядывает мне в глаза, и вдруг начинается смеяться. Только в его смехе мне чудится горечь и издевка. Регин резко обрывает смех, вновь впирается мне пальцами в плечи: — Мы сотканы из стихий, Ирис! Мы стихии одетые в плоть! Что, по-твоему, означает «притяжение стихий»? Это предначертанное слияние! Впрочем, похоже, ты и о слиянии знаешь немного, да, малышка Ирис?

— Отпустите! — испуганно вскрикиваю я. Никогда еще сдержанный Регин не выглядел так... безумно.

— Да не могу я тебя отпустить! — неожиданно зло восклицает Созидающий. — Притяжение, говоришь? Тогда что ответишь на то, что я ощутил притяжение, еще когда ты была в пеленках, и все эти семнадцать лет ждал, когда ты, наконец, повзрослеешь? Я ждал, Ирис, я! Не Орканис, я!

— Просто нет выбора...

— Ну как мне достучаться до тебя?!

Он вдруг отпускает меня и отходит на два шага назад, раскидывает руки по сторонам и неспешно поворачивается вокруг своей оси.

— Гляди на меня, Ирис, — требует Регинис. — Гляди. Разве я уродлив? Разве противен? Разве похож на старика?

Я прижимаю руки к груди и мотаю головой. Нет, он не уродлив, он хорош собой, привлекателен, внешне молод и полон сил. Но настойчивость пугает и... Ия еще не готова, но мне дают времени. Никто не дает. А я всего лишь хочу хотя бы глоток свободы!

— Регин!

Мы одновременно поворачиваем головы на возглас, полный ярости. Я смотрю на того, кто стоит в десяти шагах от нас, и невольно отступаю к Регинису. В его глазах мгновенно разгорается ответная ярость. Созидающий делает шаг вперед и закрывает меня своим телом. Двое мужчин испепеляют друг друга взглядом, но я не решаюсь встать между ними. Закрываю уши ладонями, чтобы не слышать их, и бегу прочь, не оборачиваясь, и не проверяя, что происходит за моей спиной. Спешу скрыться, спрятаться в уютном домике родителей и, наконец, почувствовать себя в безопасности.

Неожиданно налетаю на кого-то. Сильные руки перехватывают меня. Вскрикиваю, поднимаю взгляд и облегченно вздыхаю — Вайторис.

— Там, — я, задыхаясь от быстрого бега, указываю назад. — Там... они.

— Кто? — мужчина не понимает, но смотрит в указанную мною сторону.

— Регин и Оркан. Они...

— Идиоты, — мрачновато произносит Вайторис. Он сразу понимает, что происходит в лесу. — Всё не уймется... — После опускает на меня взгляд и неспешно скользит им по снизу вверх. — Хотя... Не сейчас, но через несколько лет тут будет, чем увлечься. — Я заливаюсь краской, вырываюсь из рук Созидающего и снова бегу. Он весело смеется мне в спину, а когда я останавливаюсь и оборачиваюсь, Вайторис уже скрывается за первыми деревьями, спеша к своим друзьям, вдруг ставшими врагами...

Я мотнула головой, возвращаясь в ложную реальность. Порывисто обернулась, но Скай мирно спал. Облегченно вздохнув, я снова взглянула на картину и едва сдержала вскрик. Зажала рот ладонью и попятилась назад. Он был там. Огненный всполох волос метался на ветру, резко контрастируя на фоне сочной зелени.

— Он не войдет сюда, — прошептала я, больше уверяя саму себя, чем веря в это.

Вайторис приближался рывками. Он не шел, менялось само изображение. Сначала фигура вдалеке, полы черного плаща развиваются за спиной, словно огромные крылья. Затем ближе, плащ опадает, еще ближе, снова алые пряди вьются в порывах ветра, и плащ распаивается крыльями... Вскоре мужская фигура приблизилась настолько, что я смогла различить выражение его лица. На губах Вечного играла кривая ироничная ухмылка, взгляд был направлен на меня. В нем не было ни гнева, ни тоски, только насмешка и немой вопрос: «Не ожидала?».

Не ожидала. Но... Но, бесконечный Хаос, знала, что такое может произойти. Нашел.

сумел найти путь, но сможет ли войти туда, где есть только выход? Я развернулась, спеша разбудить Ская, но вдруг замерла, словно мои ноги приросли к полу, прерывисто вздохнула и полуобернулась, чтобы вновь взглянуть на картину. Он заполнил собой весь проем, и мирный пейзаж превратился в портрет Вечного в полный рост.

Невидимые пути отпустили меня... или это был мой страх? Я полностью повернулась к картине и сделала шаг к ней. Неспешный, осторожный... И вдруг осмелела. Осознала, что даже Вайторису не все подвластно. Он не смог пересечь закрытой грани. Теперь улыбнулась и я. Склонила голову к плечу, рассматривая его даже с любопытством и прислушиваясь к своим чувствам.

С этим мужчиной я прожила... несколько столетий. Я делила с ним ложе, загоралась в его руках, наслаждалась ласками, даже немного любила. Восхищалась им, боготворила, ловила каждое слово, дорожила каждым взглядом. Любовалась им и готова была умереть, сидя у его ног. Так что же осталось в моей душе? Ничего. Ничего не дрогнуло, пустота... Лишь тени убитых мной по его приказу встали перед внутренним взором. Их взгляды, будто тысяча острейших кинжалов, пронзили грудь, вырвали из нее сердце и швырнули в костер чужих желаний, желаний моего отвергнутого Господина.

— Ирис...

Улыбка с его лица исчезла. Теперь вишневые глаза смотрели серьезно, с пониманием, но без капли сочувствия. Ему не в чем было сочувствовать мне. Всё, что сотворила его пламя, было сделано во имя его и для него.

— Не трону...

Я не слышала его голоса, но понимала, что он говорит по губам. Отрицательно покачала головой.

— Уничтожу всех.

Опять угрозы. Я невесело усмехнулась. Самое страшное, что Вайтор всегда выполнял то, о чем говорил. Не отзовусь сейчас, он пройдет по истинной реальности беспощадным смерчем, и я буду знать, что люди гибнут из-за моего упрямства. Представив, что ожидает мир в скором будущем, я содрогнулась. Но мне не преодолеть грани между ложными реальностями, не потревожив Ская. Если Аквей проснется, он не отпустит меня, или пойдет вместе со мной, и тогда...

— Мама, — судорожно вздохнула я и закрыла глаза, чтобы Вайторис не увидел в них паники и страха.

В голове царил хаос. Что делать? Я в панике искала выход, желая не подставить Ская, не погубить мир, полный жизни, и не оказаться в руках Вечного. Наконец, снова посмотрела на него. Вайторис скрестил руки на груди и с интересом наблюдал за мной. Так следят за исследуемым объектом, но не за женщиной, с которой делили постель последние триста с лишним лет. Усмехнувшись, я решилась.

— Хорошо, — шепнула я. — На моих условиях.

— Согласен.

— Призову.

Я шагнула вплотную к картине, заглянула ему в глаза, а после создала глухую стену, скрывшую картину. Обернулась к постели, чтобы проверить водника. Он беспокойно заметался, чувствуя перемены в созданной реальности. Спешно приблизилась к кровати, легла рядом и накрыла обнаженную мужскую грудь ладонью. Скай замер, после поймал мою руку, сжал ее и затих, постепенно успокаиваясь. Я поцеловала его в плечо, некоторое время

смотрела на профиль спящего мужчины, позволяя себе краткий миг любования. После произнесла одними губами:

— Я тоже люблю тебя, — и закрыла глаза, начиная творить свою собственную ложную реальность.

Продумала изначальные условия, сплела основу, наполнила маленький мир красками и объемом, вздохнула и позволила сознанию шагнуть за дверь домика посреди бескрайнего и бездонного моря. После нырнула в воду и вынырнула в маленьком бассейне, тут же отправив воду в сток, чтобы неугомонный водник не нашел меня по оставшемуся следу. Затем выбралась из высохшего бассейна, уже одетая в глухое платье, закрывшее меня от горла и до самого пола. Ненадежная защита, но все-таки защита. Это платье, сотканное из моей силы, сжечь будет непросто.

Закончив приготовления, я вошла в следующую комнату, выбралась на лестницу и спустилась на этаж ниже. Мой мирок имел форму дома, с двумя входами и двумя выходами. Один для меня, второй для моего нежеланного гостя, и мне очень хотелось надеяться, что подготовленный для отступления путь Вайторис не почувствует. Маленькие комнатки, заполнившие внутреннее пространство дома, имели значения лабиринта. Они должны были помочь скрыться мне и задержать Вечного, пока я не доберусь до спасительного выхода.

Оглядев уютную гостиную, я усмехнулась и позвала:

— Вайторис, — открывая ему путь к месту нашей встречи.

Его шаги я слышала спустя несколько минут. Неспешная уверенная поступь отдалась эхом на пустой лестнице, после послышалась в узком коридоре, а еще спустя мгновение он появился в дверях. Всё тот же черный замшевый костюм, вышитый серебром. На плечах дорожный плащ, на руках перчатки. Значит, он покинул замок и сейчас, возможно, находится на зеленых склонах недавних скал. А может, идет по нашему со Скаем следу.

Вайторис бегло осмотрел полупустую гостиную с холодным камином, стянул с рук перчатки и щелкнул пальцами. Огонь, не подкормленный дровами, заплясал в каменном очаге, озарив комнатку оранжевыми всполохами. Вечный дернул шнурок, стягивавший плащ на шее, после стянул его с плеч, бросил вместе с перчатками на деревянное кресло и прошел ко второму, где расположился, закинув ногу на ногу.

— Зачем звал? — воинственно спросила я, наблюдая за бывшим господином.

— Поцелуя после разлуки, как я понимаю, не будет, — усмехнулся Вайторис. — Хорошо, переживу.

— Я не вернусь, — отчеканила я, отходя подальше от камина и от пляшущих языков пламени.

Вечный проследил за моим перемещением, после хмыкнул и уверенно ответил:

— Вернешься. Пройдет еще несколько дней и вернешься. У тебя не останется выхода, Ирис.

— Даже удивлена, как ты с твоим упрямством легко отступился от навязанного мне имени, — я немного расслабилась, и, наконец, заняла короткий диванчик.

Он пожал плечами.

— Нет смысла в имени, на которое ты не отзовешься. Игнис или Ирис — твоя суть от этого не меняется.

Я поджала губы, справляясь с раздражением. Хотелось накричать на него, потребовать оставить меня в покое, или придушить, чтобы избавиться раз и навсегда, но я осталась сидеть на месте, понимая, что лишь позабавлю бывшего хозяина и любовника.

— Ты все-таки вынудишь меня вернуться.

— Нет, нежная моя, я теперь даже преследовать тебя не буду. Ты сама поймешь, что нужно вернуться. Сколько недоверия в твоих глазах, — он коротко хохотнул. — Клянусь, Ирис, палец о палец не ударю. Пока твоя сила дремала, а значит, и память, я еще стремился вернуть тебя, как можно скорей, чтобы не прибегать к крайним мерам после. Но, судя по преображению каменных скал, я уже опоздал.

— Что произойдет через несколько дней? — хмуро спросила я, ощущая себя малым котенком перед сытым львом.

— Почувствуешь, узнаешь, поймешь, — с загадочной улыбкой произнес Вечный.

— Очередной твой цветок?

Он вопросительно приподнял брови.

— Нежная моя, с чего такой глупый вопрос? Я ожидал несколько иного, — от издевательской нотки в голосе Вайториса мне вновь захотелось броситься на него.

— Неужели думаешь, что от моих даров что-то осталось после того, как твоя сила вырвалась на свободу? Ты выжгла последние крохи, которые связывали нас. И это даже хорошо. — Он сменил позу. Широко расставил ноги и потер ладони. — Это очень хорошо, моя дорогая. Я опасался, что дар Созидания почти исчерпан после нескольких возрождений.

Я с гневом взглянула на Вайториса, порывисто поднялась с диванчика и прошлась по гостиной от стенки к стенке. Наконец, остановилась и резко обернулась к мужчине, наблюдавшему за мной.

— Сколько мне лет, Вайтор?

— Прости, я уже не помню точную дату твоего рождения, но, если прибегнуть к арифметике, то можно с точностью сказать, что тебе восемьсот семьдесят два года, и последние четыреста тридцать пять были самыми счастливыми в нашей с тобой жизни. Поверь, я знаю, о чем говорю.

И вновь он насмеялся. Насмеялся, но не врал. Почти девятьсот лет, бесконечный Хаос! Я и вправду древность, прав Скай. Шумно выдохнув, я задала новый вопрос:

— Сколько? — голос прозвучал хрипло и сорвался, не дав закончить вопрос.

— Что — сколько? — он изломил бровь.

— Сколько раз ты убивал меня и возрождал за это время?

— Раз пять, — Вайтор вздохнул и стал серьезным. — Ты не оставляла мне выбора. Не желала мириться. Мы многое перепробовали...

— Ты перепробовал.

— Хорошо, я перепробовал, отыскивая путь к мирному сосуществованию, даже пытался любить тебя. Это было легко и даже приятно, пока однажды я проснулся с ножом в груди. Как понимаешь, убить меня так уже невозможно, поэтому я быстро нагнал тебя на башне. Прости, но пришлось опять всё начинать сначала. Последний выбор отношений оказался наиболее продуктивным, но... Даже я оказался не дальновидным, к сожалению. Это водник...

— Ты не тронешь его! — я сжала кулаки, и бровь Вайториса снова поползла вверх.

— Ирис, он — Созидающий. Я не могу оставлять в живых сильного врага. Сейчас он еще щенок, но однажды щенок вырастит в матерого волка, и он вцепится зубами в мой зад. А я, знаешь ли, дорожу своим седалищем. К тому же он очередной претендент на тебя, и этот настырней твоих прежних ухажеров. Айера я не считаю. Мальчишка был обычным

магом, и никогда не представлял для меня опасности, только с позиции твоей влюбленности. Но Созидающий, — Вечный поцокал языком.

— Нет, несчастье мое, его я в живых не оставлю.

— Мы прошли ритуал слияния, — произнесла я больше по наитию и увидела, как лицо Вайтора вытянулось.

Я смотрела, как на скулах Вечного заходили желваки, и чувствовала едва ли не наслаждение, словно только что испытала мощнейший оргазм. Это было невероятное ощущение! Вайторис в смятении! Когда еще удастся увидеть такую картину?! Но он вдруг расслабился и откинулся на спинку кресла.

— Лжешь, — уверенно произнес Вечный. — Если бы вы прошли слияние, он уже торчал бы здесь. Тьма, Ирис, он бы знал, что ты собираешься сделать еще до того, как ты об этом подумала. Но ты одна, и Аквей не спешит следом.

— Я напоила его вином с кровью у тебя в замке, — я вновь уселась на диванчик. — Его стихия приняла мою.

Вайторис потер подбородок.

— Кто бы мог подумать... Притяжение стихий, — он хмыкнул. — Спящих стихий. Тьма, я должен был первым удавить его. Какая непростительная оплошность. И мое пламя продолжало бы греть меня в опочивальне, а не испепелять взглядом в жутковатом домишке. И все-таки ритуал не завершен, и это радует.

— Каковы последствия завершенного ритуала?

Вайторис погрозил мне пальцем.

— Не скажу.

— О чем еще не расскажешь?

Вечный потянулся, с явным удовольствием крякнул и снова закинул ногу на ногу. После скрестил руки на груди и пожал плечами. Я поджала губы, сдерживая новый порыв злости. Снова нервно прошлась по гостиной, раздумывая над вопросами, на которые могла получить ответы. Спросить, что случилось почти девятьсот лет назад? Ответит ли? С сомнением посмотрела на Вечного, следившего за мной.

— Так и не могу понять, зачем я тебе, Вайтор? Я ведь никогда не привлекала тебя, — я решила начать с последних воспоминаний. — В споре за меня ты не участвовал, но выиграл почему-то именно ты. Однако детей ты не хочешь, и сейчас меньше всего похож на того, кто хочет вернуть свою женщину. Что за нужда во мне, Вайтор? Дар Созидания?

Он покачал головой и поднялся с кресла. После приблизился ко мне, ухватил за подбородок двумя пальцами и вынудил смотреть себе в глаза.

— Не было смысла бороться, — ответил Вайторис, блуждая взглядом по моему лицу.

— То, что Регин почувствовал притяжение еще с твоего рождения уже делало эту гонку бессмысленной. Ты должна была откликнуться, и откликнулась бы, но Регинис сам всё испортил, а после вмешался Оркан. Что до того, что никогда не привлекала, это не так. Красота всегда привлекает, но наши стихии не приняли бы друг друга.

— Не понимаю, — я мотнула головой, освобождаясь от захвата и отошла от него. — Я чувствовала притяжение с Орканом.

— Нет, глупышка, — Вайтор усмехнулся, — ты чувствовала не сопротивление, но не притяжение. Ритуал слияния, если бы вы его провели, дал бы отрицательный результат, я в этом уверен. Вы не приняли бы друг друга. Не понимаешь, — уверенно произнес Вечный и вернулся к креслу. — Любопытно, чему тебя вообще обучал Тер, если о ритуалах и обрядах

Созидающих ты знаешь так мало.

— Папа учил меня законам Созидания, — буркнула я. — Учил пользоваться силой.

— Миляга Тер, — хмыкнул Вайторис. — Он ведь даже не думал, что из-за тебя начнется грызня. Он не готовил тебя в супруги одному из нас, хотел, чтобы ты сама выбрала дорогу. И даже то, что Регин ждет твоего взросления никто, из нас не понял сразу. Он ведь чаще остальных был у вас, и возился с тобой тоже больше остальных, или, верней сказать, единственный. Подарки, прогулки, сказки у камина. Регинис заботился о тебе, нежная моя. И если бы ему позволили, то и вовсе забрал к себе, как мне кажется. Могу его понять. Когда в твою жизнь врывается то, чего никак уже не ждешь, то несложно превратиться в наездку. Признаться, когда осознал происходящее, даже позавидовал ему. Никто из нас уже не ожидал ощутить пресловутое притяжение, и уж тем более не мечтал о слиянии, как и о чистом потомстве, которое унаследует дар Созидания. И вдруг у Терраиса рождаешься ты. А после и Регинис начинает тихо сходить с ума. Ты бы знала, как он шарахался от женщин, — Вайторис рассмеялся и покачал головой. — Бежал, как от огня. А когда природа все-таки брала свое, ходил мрачнее тучи. Злой становился, бесился жутко. Против стихии переть сложно, а она уже стремилась к тебе. Однако его сложно осуждать. Согласись, семнадцать лет — срок немалый, даже для нас.

— А Оркан? Я помню, что была влюблена в него, и он...

Вайторис откинул голову назад и расхохотался уже от души. Я досадливо поморщилась, притопнула ногой, чтобы хоть как-то выплеснуть злость, и плюхнулась на свой диванчик, ожидая, когда Вечный закончит хохотать. Наконец, он вытер набежавшие от смеха слезы и весело сверкнул глазами.

— Ирис, ты говоришь о детской влюбленности! Вспомни, как легко ты забыла предмет своего воздыхания, — Вайтор снова хмыкнул, после вздохнул и вернулся к своим откровениям. — Оркан... Орканис был истинным сыном своей стихии. Ветер во плоти. Сегодня одно в голове, завтра другое. Самый непостоянный из нас, самый переменчивый, но, главное, самый внушаемый. Им было легко управлять. Это я натравил его на тебя. Я уже сказал, что был момент, когда позавидовал Регину. Вот тогда мне подумалось, что если все-таки вы с нашим ветреником пройдете ритуал слияния, то у вас может родиться дочь со стихией воздуха — моя идеальная пара. Почему нет? Согласись, чем Хаос не шутит. Многого и не потребовалось. Я лишь намекнул, что земля и воздух имеют шансов сойтись не меньше, чем земля и вода. Оркан проглотил идею, загорелся и помчался навстречу судьбе. Ты еще облегчила ему задачу со своей влюбленностью. Бедный Регин. Он ждал, холил, лелеял, а Оркан едва не сорвал цветочек, который рос в чужом саду.

— Но он был влюблен в меня, я помню его взгляд...

— Разумеется, влюблен, — отмахнулся Вайтор. — Орканис уверился в вашем будущем. С твоих пятнадцати лет он тебя уже воспринимал своей, когда тебе исполнилось шестнадцать, уже не выдержал и поспешил закрепить свои права, поддерживая в тебе детские чувства взрослыми ухаживаниями. Это тебе не Регинис, который терпеливо дожидался, когда ты войдешь в брачную пору. Ты видела, в какую ярость пришел Регин, когда узнал. Кстати, к тому моменту я уже не хотел Созидающей — воздушницы и мог бы повлиять на Оркана, но... Ваше слияние с Регинисом усилило бы последнего, а этого мне было не нужно, и я остался сторонним наблюдателем. Признаться, не думал, что Орканис настолько заикнется на малышке Ирис, что даже после всего продолжит бороться за тебя.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, о чем говорит Вечный. По воспоминаниям шестнадцати летнего возраста, я летала в облаках от счастья, а в семнадцать уже была вымотана двумя Созидающими. Я думала о том, что хочу остаться с родителями, и сердце мое уже было спокойно.

— Не помнишь? — догадался Вайторис. — Побег, Ирис. Вспомни громкую ссору с братом и побег после нее.

Потерла виски. Ссора с Каем... Побег. Разве же мы когда-то ругались так, чтобы я захотела сбежать из дома? Что такого мог сказать мне Кай, чтобы я решилась на побег?..

— Ирис, ты слепая дура и думаешь, что мы все такие же слепые идиоты, как ты! Ты обещала, что не будешь бегать на тайные встречи, но ты снова это сделала.

— Я просто гуляла...

— Не лги! — Кай в бешенстве. Я никогда не видела его таким злы. Лицо брата побагровело, глаза сверкают от переполняющей его ярости. — Тебе шестнадцать, сестрица, шестнадцать! Ты ведешь себя недопустимо. За какой Тьмой, Ирис? Честные девушки не носятся по лесам, чтобы встречаться со взрослыми мужчинами!

— Что?! — я взвиваюсь, оскорбленная его словами. — Если бы папа услышал тебя...

— Он бы со мной согласился, — припечатывает брат. — Дар отца требует оставаться в стороне, пока не появится повод вмешаться. Но я не Созидающий, сестрица, и я не собираюсь молча смотреть, что ты творишь. А если он перейдет грань? Если осмелится притронуться к тебе? Что если у вас нет будущего? Как ты взглянешь в глаза мужчине, с которым свяжешь свою жизнь? Я твой старший брат, и я несу за тебя такую же ответственность, как и родители. Пока папа и мама не вернуться, я закрою тебя в доме, поняла? Я запрещаю тебе покидать свою комнату до возвращения родителей.

— Кай!

— Я всё сказал. Моя сестра не уподобится девице легкого поведения!

— Я не шлюха!

— Хвала Изначальному.

Брат словно ставит жирную точку в нашем споре и стремительно покидает мою комнату. Я слышу, как поворачивается в замке ключ, и понимаю, что только ключом Кай не ограничится. Мне хочется выть от обиды и злости. Оркан не позволяет себе ничего предосудительного, но брат не желает ничего слышать. Это всё из-за того, что Кай против нашего счастья! Он бесится, что я не слушаю его, не понимает, что я люблю и любима. Не верит в то, что Орканис моя судьба. Не хочу оставаться с ним под одной крышей. Не хочу и не буду! Мне нужно к Орканису. Мой возлюбленный защитит меня от всех, укроет, спрячет и никому не отдаст.

Брат заходит ко мне, чтобы принести ужин, и я послушно съедаю его, хотя внутри всё клокочет: от обиды на брата, и от волнения перед свершением задуманного. Кай возвращается, чтобы забрать у меня посуду и пожелать добрых снов. Он целует меня в щеку и просит прощения за резкие слова. Брату неуютно от нашей ссоры, но это не меняет его решения оставить меня под замком. Я киваю, говорю, что всё хорошо, но не прощаю и не меняю своих намерений.

Дождавшись, пока брат уйдет спать, я пробираюсь к окну, сжав в руке узелок с несколькими вещами, открываю его и стираю руки над землей. Трава стремительно пускается в рост, хотя на земле еще лежит последний снег. Она тянется ко мне, как к солнышку, густая пышная, мягкая. Перевивается в толстый прочный жгут, по которому я

спускаюсь на землю. После, пригнувшись, бегу к конюшне и шепчу кобылке моего брата, что она должна увезти меня. Лошадь послушно следует за мной, не издав ни звука. Я забираюсь на белоснежную спину без седла, и Облако мчит меня, унося всё дальше от дома и спящего злого брата, который посмел наговорить мне всех этих жутких слов.

Орканис живет в небольшом городке, куда мы ездим на ярмарку. Он перебрался сюда недавно, чтобы быть ближе ко мне. Это тоже маленькое счастье, мое счастье. Мой любимый хочет жить рядом со мной, чтобы видеться каждый день! Это ли не радость для глупого сердечка? А с первым днем лета мне исполнится семнадцать, и я уйду с ним, чтобы всегда быть рядом.

Восторг переполняет меня от этих мыслей. Еще немного, совсем капельку подождать, и нас уже не сможет ничто разлучить: ни укоризненный взгляд папы, ни разговоры мамы, ни брань брата. Мы пройдем ритуал слияния, и я назову Оркана своим мужем. С этими мыслями я врываюсь в спящий городок. Я останавливаю Облако и вспоминаю, что говорил Орканис о своем доме. Он одноэтажный, белоснежный, и на крыше есть флюгер, изображающий трубача.

Само Провидение ведет меня, потому что дом с флюгером-трубачом я нахожу уже минут через пятнадцать. Прошу лошадь не убегать и подхожу к двери. Дом не огорожен забором, он стоит в тихом квартале, среди таких же милых домиков. Я берусь за ручку двери, представляя, как буду стоять и смотреть на моего спящего мужчину. Потом он откроет глаза и сойдет с ума от радости...

Послушная моей воле, ручка поворачивается, и я вхожу в дом. Мое внимание привлекает какой-то звук. Я иду на него, останавливаюсь у приоткрытой двери, затем приоткрываю ее... Он не спит, о-о-о, ему не до сна. Я вижу упругие ягодицы своего возлюбленного, с упоением снующие между широко расставленных женских ног. Любовница Орканиса стонет так сладко, что даже мое невинное существо вдруг отзывается странным томлением. А потом я вижу, как он жадно целует ее, слышу срывающийся голос женщины:

— Люблю тебя, Оркан, люблю. А ты любишь меня?

— Конечно, малышка.

— Скажи.

— Люблю.

Я вскрикиваю, и Созидающий оборачивается. Мы бесконечно долгое мгновение смотрим друг на друга. Я успеваю увидеть, как по красивому лицу разливается бледность, слышу свое имя, произнесенное устами, только что сказавшими «люблю» другой женщине и отступаю в темноту короткого коридора.

— Ирис!

— Кто эта девочка?

— Ирис, стой!

Но я не хочу стоять. Я слепо бреду по темному коридору, нахожу дверь и вываливаюсь на улицу. Холодный ночной воздух выбивает из глаз первые слезы. Глупое сердце, только что гулко грохотавшее в груди, вдруг замолкает, а затем разлетается вдребезги, вместе с верой, надеждой и мечтами. Плохо помню, как забралась на Облако и велела увезти себя домой. И как в слезах бросилась на грудь брату, тоже помню смутно.

— Я же тебя предупреждал, — только это и говорит он, обнимая меня.

Кай больше не бранит меня, в его глазах сочувствие. Он поит меня успокоительным настоем и укладывает спать, а потом до утра выдерживает осаду Орканиса, примчавшегося

следом. А утром приезжают родители, и папа находит основание для вмешательства. Я против встреч с Орканом, и папа запрещает ему появляться у нас. Правда, Созидающего этс останавливает от поиска встреч со мной. Но чтобы он уже не говорил мне, как не уговаривал не отказываться от него, я больше не слышу его...

— Вспомнила, — удовлетворенно произнес Вайторис, глядя на мое перекошенное лицо. — Да, нежная моя. Ветер посчитал, что до ритуала он всё еще волен. В этом- то и разница между осознавшим притяжение, и тем, кто поверил в него. Пустое воспоминание, на самом деле.

— Когда не помнишь себя, каждое воспоминание ценно, — я судорожно вздохнула и стерла ненужные слезы. — Пока всё, о чем я вспоминала, имело смысл. Значит, и в этом есть.

— Разумеется, Ирис, но я не буду помогать тебе искать его, — Вайторис поднялся на ноги. — Именно после того, как ты вспомнила всё, я получил ножом в грудь. Нет, несчастье мое, я не буду торопить твою ярость. Пока ты мне нужна с пробудившейся силой.

— Ты не тронешь, Ская, — мой голос зазвенел от напряжения, когда я поняла, что Вечный собирается уйти.

Вайтор обернулся и насмешливо взглянул на меня.

— Нет, нежная моя, я не буду давать тебе ложных обещаний. Он умрет. Но я дам вам еще немного времени. — Вечный накинул на плечи плащ, завязал тесемки и закончил, натягивая перчатки: — Через несколько дней жду тебя. Дар моего имени тобой утерян, как и все прочие дары, но зов Граней ты услышишь. Они приведут тебя домой, Ирис.

— Почему ты называешь меня так?

— Как?

— Нежная моя.

— Я всегда так называл тебя, до последнего возрождения, пока в тебе не проявилась моя сила. Тоже в некотором роде слияние. Да, еще. Я не позволю тебе встретиться с отцом. Я не вижу его и не чувствую, но знаю, что умник Тер вновь готов делиться с тобой знаниями. Они лишние. До скорой встречи, несчастье мое.

Вайторис подмигнул мне и вышел за дверь. Я закрыла лицо ладонями и протяжно вздохнула. Неужели мне никогда не избавиться от него? Неужели он так и будет забирать тех, кто мне дорог? Для чего? И зачем я мужчине, который видел во мне лишь возможную мать для своей возможной будущей избранницы? И к отцу мне, похоже, не пробиться. Придется всё вспомнить самой. Просто нужно еще немного времени, а вот его у меня, кажется, особо нет. Тьма.

Более не медля, я запечатала свой мирок, чтобы не найти здесь сюрпризов от моего могущественного гостя, если вдруг вернусь сюда. Затем прошла до второго бассейна, скрытого от возможного преследования Ская, вошла в воду и... вынырнула у дверей домика в водном мире. Оглядела себя и поняла, что все-таки перенеслась из домика, в какой-то момент поверив в реальность происходящего.

— Хоть бы еще спал, — взмолилась я.

— Не-а, не спит, — дверь распахнулась, и мне предстал злой и взъерошенный водник.

— И где носит мое непоседливое счастье?

— А я это... — начала я, но сдулась и поникла головой, закончив, — вот.

— Ну, хоть живая, — Аквей взял меня за плечи и втянул в дом. После утвердил перед собой, скрестил на груди руки и сухо спросил: — Где была? Что делала? С кем виделась?

Я представила, что он скажет, когда я отвечу на его вопросы, занервничала и сварливо потребовала:

— Не ори на пожилую женщину.

Многозначительный взгляд водника прошелся по моей фигуре сверху вниз, после брови съехались к переносице:

— Ну?

— Мне почти девятьсот лет! Не смей требовать у меня отчета, — моему гонору в это мгновение позавидовал бы даже Оэн Быстрокрылый.

Бровь Ская скептически изломилась. Кажется, мой возраст его не впечатлил.

— Сотней больше, сотней меньше, — отмахнулся он легкомысленно. — Где была, я спрашиваю?

— Там, — я неопределенно махнула рукой и с независимым видом прошествовала к ложу.

Аквей проследил за мной взглядом, я сама на него старалась не смотреть, но желваки, уже плясавшие на скулах, заметить успела. Ох, бесконечный Хаос... Независимо передернув плечами, я уселась на ложе, и мой взгляд уперся в дыру в стене. Ну как дыра, скорей, полное отсутствие стены с той стороны, где была картина. Теперь я могла любоваться видом бесконечного моря. Хотела отметить радикальные перемены, но не успела. Терпение водника иссякло.

Он метнулся ко мне. Вскрикнув, откинулась на спину, и Скай навис сверху, сверкая бликами в глазах. Я ощутила бурный поток его силы, рвущийся наружу. Море, которое должны быть всегда спокойным, потемнело, пошло волнами, всё больше набравшими мощи.

— За какой Тьмой ты творишь?! — голос Аквея прогрехотал подобно раскату небесного грома. Море отозвалось на него ревом взбесившихся волн. — Ты знаешь, что я почувствовал, когда перестал ощущать тебя рядом?! — Он оттолкнулся от поверхности. — Картина закрыта глухой стеной, ты не отзываешься. Да, разорви тебя Хаос! Я даже не чувствовал нашей связи! В замок к рыжему без тебя мне пройти, в мир зеленого холма дорога закрыта.

— Ты снес стену...

— Да! — рявкнул водник. — Пока пытался убрать проклятую новую стену. Убрал всё разом. Тьма!

Я гулко сглотнула, осознав, насколько стал силен новоявленный Созидающий. После перевела взгляд на Аквея, зажмурилась и выпалила:

— Я встречалась с Вайторисом!

— С кем?! — лицо Ская перекопилось.

— С рыжим, — пояснила я, отползая вглубь ложа.

— С кем?! — проревел водник. Он вновь уперся ладонями в кровать, поставил на него одно колено, и на породистом красивом лице отразилась явная жажда убийства. Второе колено опустилось на ложе, и водник оказался ближе, я отползла еще немного, не давая расстоянию сократиться. Кровожадная ухмылочка растянула губы Аквея, и он почти пропел: — Не спеши, милая, я уже рядом.

— Это-то и напрягает, — буркнула я, скосила глаза, оценивая расстояние до другого края нашей необъятной постели, но не успела даже дернуться.

Пальцы Ская вцепились мне в щиколотку, он с силой дернул меня, и я оказалась под нависшей сверху суровой глыбой необузданной водной мощи во плоти. Аквей уселся на моих

бедрах, припечатав этим к месту и лишая новой возможности побега, и спросил:

— Женщина, тебе сколько лет?

— Восемьсот семьдесят два, — ответила я высокомерно, стараясь держать лицо, несмотря на положение раздавленного таракана.

— А ум где?

— Здесь, — я постучала себя по лбу.

— Здесь? — Аквей тоже постучал меня по лбу. — Там ничего нет. И знаешь почему?

Потому что только пустоголовая курица сунется в пасть к голодному льву! — окончание фразы водник проорал мне в лицо.

— Скай...

— Ты о чем думала?!

— Скай!

— А если бы он снова убил тебя? Ты об этом думала? А обо мне ты хотя бы вспомнила?!

Да с кем я говорю! — водник рывком соскочил с меня, перекатился на край кровати и поднялся на ноги. — Тебе как было плевать на всех, так и осталось плевать...

— Он не оставил мне выбора! — заорала я ему в спину.

Аквей порывисто обернулся и снова метнулся ко мне, перехватывая на полпути к вставанию. Я снова завалилась на спину, испепеляя Созидающего взглядом. Он ответил мне тем же.

— Когда же ты поймешь, что он всегда будет одерживать верх, пока ты позволяешь ему угрожать себе? Какое уничтожение? Остановись и задумайся хоть один раз, Ирис! — Скай шумно выдохнул, уселся на пятки и потянул меня за собой, помогая сесть напротив. Он немного помолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли успокаиваясь. Затем взял меня за руки и заглянул в глаза. — Я понимаю, ты осознала себя после долгого забвения и ужаснулась тому, что творила всё это время. Дающая жизнь, отнимала ее — это, должно быть, стало для тебя настоящим потрясением, но... Но! Ирис, даже Созидающая не должна быть слепой клушей, которую раз за разом ведут на убой пустыми угрозами и шантажом. Ты жертвуешь собой во имя мира, которому ничего не угрожает. — Я открыла рот собираясь возразить, но водник мотнул головой, призывая меня к молчанию. — Задумайся, милая, хотя бы на мгновение. Даже я, мало понимающий в происходящем, вижу то, что упорно не видишь ты. Представь, что будет, если рыжий начнет приводить свою угрозу в жизнь. Что будет, Ирис?

— Ничего не будет. — раздраженно ответила я. — Понимаешь? Ничего! Он выжжет...

— И породит этим сотню Отражений? — я застыла с открытым ртом, отчетливо понимая, что всё это время пытался до меня донести Аквей. — Он трясется над тем, чтобы мир оставался незыблем, и вдруг сам совершит шаг, который увеличит Грани. Нет, ягодка моя, рыжий не дурак. Он знает тебя, как свои пять пальцев и умело манипулирует, зная, что за сохранность жизни ты сделаешь всё, что он захочет. Удиви его, наконец, сделай не так, как он ожидает. Если вновь позволишь накинуть на себя поводок, то через некоторое время он вновь убьет тебя и возродит пустой куклой, лишённой чувств и памяти. Ты слышишь меня? — Скай обхватил мою голову ладонями. — А что делать мне, если ты исчезнешь? Или я совсем не имею для тебя значения? Ирис, — рывком прижал меня к себе и хрипловато произнес: — Если бы ты знала, какая жуткая пустота появилась внутри, когда я понял, что больше не чувствую тебя. Это как лишиться своей души... — Он вновь отодвинулся. — Хорошо, не хочешь думать обо мне, задумайся об истинной Реальности. Он ведь не даст миру развиваться. Так и будет уничтожать каждого, кто несет прогресс. Позволишь?

Я опустила голову и отрицательно качнула ею.

— Наверное, я слишком долго верила в его могущество, что каждое слово принимаю за истину, — тихо ответила я. — Вайтор никогда не лжет, и я привыкла верить ему.

— Лжет, Ирис, еще как лжет, — Скай снова обнял меня. Я уместила голову на его плече, закрыла глаза и слушала уже спокойный голос водника. — Он постоянно тебе лжет, и говорит правду там, где не имеет смысла изворачиваться. Разве рыжий открыл тебе, кто ты есть? Он напичкал тебя сказками о великом возрождении, умолчав о том, сколько раз своими руками убивал перед этим. Он использовал тебя, но разве сказал — зачем? Перестань бояться и верить каждому слову. И не смей больше так поступать со мной. Это было... тяжело.

Я кивнула, не открывая глаз. После вздохнула и отстранилась.

— Нужно возвращаться, — сказала я. — Можно вернуться на ту же дорогу, он не будет ждать нас. В этом точно не солгал. Что-то грядет, что-то важное, и Вайтор об этом знает. Наверное, я тоже знаю, о чем он говорил, но пойму позже.

— Что он говорил?

— Что я сама вскоре вернусь к нему.

— Обойдется, — припечатал Скай. — Но ты права, нужно возвращаться. Наш переход уже затягивается. Только выйдем мы дальше. Готова?

Я кивнула. Аквей на мгновение завладел моими губами, после вывел за дверь, мы переплели наши пальцы и слаженно шагнули в затихающее море... А вынырнули в горной реке. Течение подхватило меня, оторвало от водника и унесло дальше. Скай бросился следом, что-то выкрикнув, но за рокотом воды я не услышала. Меня швырнуло на подводные камни, проволокло по ним, а затем... Вода сорвалась вниз с высоты, от которой перехватило дыхание. Я закричала, когда, увлекаемая бурлящим потоком, сорвалась в пропасть. Захлебнулась, и когда сознание начало мутиться, даже обрадовалась, что не почувствую своего падения.

Неожиданно что-то заслонило собой меркнувший свет, сильные руки выдернули меня из смертоносной пучины, и я вдруг оказалась над грохочущей пучиной.

— Ирис! — крик Скай взвился в небеса и растаял в шуме крыльев, бьющих за спиной моего спасителя.

Лицо Оэна Быстрокрылого стало последним, что я успела разглядеть перед тем, как мир окончательно погрузился во тьму недолгого забвения...

Глава 12. Дни тринадцатый и четырнадцатый

Пришла я в себя на каменистом склоне, на полукруглой площадке, покрытой тонким ковром из сухого моха. Открыла глаза и встретилась взглядом с надменным летуном. Заметив, что я смотрю на него, Оэн вдруг резко отпрянул, отполз назад и, вытянув перед собой руки, ткнулся лбом в мох. Озадаченная, я села, огляделась и озадачилась еще больше. Чуть выше, на вершине склона, стояли еще айры и все дружно смотрели на меня. Я неспешно поднялась на ноги, расправила плечи, наплевав на наготу. Ветер подхватил спутавшиеся пряди, кинул их мне в лицо и отбросил за спину.

Мой взгляд скользил по склонам, замечая всё новых летунов: мужчин, женщин, детей с маленькими крылышками за спиной. И стоило мне повернуть в их сторону голову, как айры опускались на колени, низко склоняли головы и замирали, всем своим видом выражая

покорность и благоговение. Мне оставалось лишь терпеливо дожидаться разъяснение происходящего. На мгновение мелькнула мысль, что они узнали Игнис Сиел, но тут же развеялась, потому что на выступе появился еще один айр.

Был он седовлас, но всё еще крепок телом. Кожу летуна покрывали замысловатые татуировки из смутно знакомых символов. В руках престарелый айр держал охапку цветов, которую рассыпал мне под ноги и следом опустился на колени, воздев ко мне руки и торжествующе возопив:

— Возрадуйтесь, дети Свободного Ветра! Мы узрели лик самой Матери-Земли ясноокой богини Ирис!

— А... хм, — изрекла я и снова замолчала, решив не лезть со своими замечаниями. Богиня, так богиня, почему нет? И все-таки хотелось бы ясности побольше.

— Благослови детей своих, солнцеликая Ирис, — в душевном порыве обратился ко мне айр и повалился ниц.

Мгновение подумав, я подняла руку, с жалостью глядя на погубленные цветы в мою честь, и от стеблей зазмеились корни, вросли в мох, сплелись с его корнями. Структура цветов изменилась, приспособившая их к жизни на камнях, и головки, неспешно дрогнули, поднялись вверх и распахнули пожухлые лепестки навстречу солнцу.

— О-о-о, — простонал жрец в экзальтированном восторге, а я провозгласила:

— Благословляю детей Вольного Ветра!

Теперь дружный стон восторга прокатился по склонам, и я шагнула вперед, стараясь не забыть цветы, вернувшиеся к жизни.

— Проводите меня в свое поселение. Даже богам нужен отдых. Оэн.

Элдр, как называл его Скай, поднялся на ноги, но взгляд его так и остался опущен под ноги.

— Прости меня, ясноокая Ирис, я виновен.

— В том, что угрожал? Ты уже искупил вину. Отнеси меня в поселение.

Мое божественное тело перекочевало на руки айру, и мне подумалось, что его высокомерие теперь не влезет ни в одно гнездо... или где там они живут? Впрочем, Оэн больше не проявлял надменности. Он нес меня осторожно, крепко прижимая к себе. Так же осторожно поставил на ноги посреди поселения с вполне обычными хижинами, и опустился на одно колено.

— Что-нибудь накинуть, воды умыться и поесть, — коротко распорядилась я и направилась к изваянию, привлекавшему мое внимание. — Хм...

Их было двое — мужчина и женщина, державшиеся за руки. Волосы мужчины развивались, словно ими играл ветер, у женщины же лежали на плечах толстыми косами, перевитыми гирляндами цветов. То, что к изваяниям приложил руку Созидающий, было заметно сразу. На меня смотрели не каменные истуканы. Статуи казались живыми людьми, навечно застывшими в остановившемся мгновении. Живой цвет кожи, полуулыбки на устах, от которых становилось тепло. Ясные сияющие глаза. Мне показалось, что и вправду смотрю на замершее мгновение. Может так и было. Тогда я плела косы, но перевивала их цветочными гирляндами. И платье, подходившее цветом к моим глазам, не напоминало ни одного из тех, что были у меня в шестнадцать лет. Оно было более взрослым и незнакомым. Мои ноги были босы, и обнаженные стопы любовно обнимала трава, иначе льнущие к коже травинки было не назвать. Во взгляде мужчины, которым он смотрел на юную девушку, застыло восхищение и любованье. Такое мог создать лишь влюбленный. Наверное, он и

вправду тогда любил меня, но... Не настолько сильно, чтобы не признаваться в чувствах другой женщине, пусть и под влиянием близости.

Я отвернулась от статуи, теряя к ней интерес, потому что перед глазами престала картина, увиденная мною в его опочивальне. Нет, больно не было, я даже не помнила тех чувств, они угасли слишком давно и безвозвратно, но неприятный осадок все-таки ощущался. Я не успела пережить эти воспоминания. Похоже, через год моя первая маленькая жизнь для меня закончилась. Наверное, не только для меня, потому что начались мои возрождения, и рядом оставался только Вайторис.

— Когда-то давно, когда ясноокая Ирис только укрывала землю травой, наш Отец часто приходил к нам, — произнес за моей спиной мужской голос.

Я обернулась и посмотрела на жреца. Укрывала травой землю? Все-таки забавно время перекраивает историю, превращая ее в легенды.

— У нас сохранилось много сказаний о великой любви зеленоглазой богини и нашего отца, — продолжал жрец, глядя себе под ноги. — И про то, как водяной бог хотел отнять Ирис у крылатого бога Орканиса, но наш Отец оберегал свое сокровище, не позволяя никому дотронуться до него.

Мне вдруг захотелось рассмеяться. Ну да, охранял... Сейчас я легко вспоминала те дни, и точно знала, что легенда айров и действительность не имели ничего общего. Да, кстати, откуда у них появились эти легенды?

— Отец учил нас, — продолжал жрец. — Он указал нас путь и законы. Он рассказывал, наши пращуры запоминали и передавали откровения из уст в уста. Бог Орканис научил нас складывать слова из знаков, — я скользнула взглядом по его телу.

— И он рассказал вам и о великой любви, и о том, что Регинис хочет украсть сокровище Свободного Ветра, — закончила я и прошла дальше, не ожидая ответа. Однако остановилась и задумалась. Легенды айров, пусть и искаженно, но передают события дней моей юности. Мне неизвестно, когда Созидающий сотворил крылатых людей, но точно раньше, чем родилась я. И если он часто посещал их, заботился о своих детищах, разговаривал с ними, делился радостями и печалью, значит, я могу узнать что-то полезное и для себя. Обернувшись, я поманила жреца за собой. — Расскажи мне ваши легенды. Я хочу знать, как крылатый народ помнит жизнь своих богов.

— Я рад служить ясноокой богине, — поклонился айр.

— Как твое имя?

— Тиан, Извечная.

— Следуй за мной, Тиан.

Извечную я постаралась пропустить мимо ушей, иначе могла расхохотаться, уж больно забавно было слышать такое именование. Оглядевшись, я заметила Оэна, стоявшего с опущенной головой посреди вытоптанной тропы, заменявшей в поселении улицу, и направила к нему свои стопы. Быстрокрылый опустил на одно колено при моем появлении и произнес, глядя мне под ноги:

— Твое желание, Извечная исполнено.

— Веди, — велела я и последовала за айром, жрец послушно вышагивал за моей спиной.

Помыться мне предложили в теплом источнике, находившемся за деревней. На берегу лежало сложенное тряпье, должно быть одежда. Я кивнула, отпуская сопровождавших меня айров, вошла в источник, погрузилась по шею и блаженно закрыла глаза. Несколько

мгновений я нежилась, наслаждаясь теплой водой, а затем меня ухватили за бедра и потянули вниз. Я уперлась ладонями в широкие мужские плечи и зашипела:

— Оставь меня тут.

— За какой Тьмой? — прошелестел голос водника.

— Кажется, я тут могу кое-что узнать о прошлом, — ответила я и воровато оглянулась.

— Что айры могут знать о прошлом? — над поверхностью воды показалась прозрачная голова с пронзительными синими глазами.

— Очень многое. Забери меня вечером.

— Одну не оставлю, — упрямо заявил Скай, между делом поглаживая мои ягодицы. — Это священный источник, не знаешь?

— Тебе зачем? — с подозрением спросила я.

— Есть идея, — хмыкнул проныра и скрылся под водой.

Не успела я задуматься, что за идея посетила шальную, но, несомненно, умную голову Аквея, как почувствовала то, чего меньше всего сейчас ожидала. Мои ноги сами собой расползлись в стороны, и вода заволновалась, забурлила. Со дна поднялась россыпь пузырьков, облепив мое тело, словно тысяча жемчужинок. Прокатились по коже изысканной, едва уловимой лаской, и исчезли, растворяясь в воде. И снова бисерная россыпь заскользила по мне, поднявшись до самого горла, и вновь отхлынули, спускаясь ко дну. По груди, по животу, между ног, лаская каждую клеточку моего тела.

Я закусила нижнюю губу, прикрыла глаза, наслаждаясь необычными, но яркими ласками. А когда пузырьки исчезли, незримые руки повторили их путь, уже более весомо и настойчиво, срывая с губ первый стон. И снова прозрачные жемчуженки покатались по коже, сменив прикосновения мужских ладоней. Второй стон, наполненный сладостью новых ощущений, разлился над поверхностью источника, заставляя меня забыть, где я. Но вот где-то вскрикнула птица, и я очнулась.

Шумно выдохнув, оглянулась, но на берегу никого не было видно. Кажется, я все-таки была одна. Усмехнувшись, я снова расслабилась и закрыла глаза, позволяя Скаю продолжить свою упоительную игру. Я сейчас совсем не видела его, вокруг меня была лишь вода, и тем волшебней казались поцелуи, которые я ощущала кожей. Неспешные томительные, странные, но заставлявшие забыть о том, что за кустами все-таки могут стоять, что у моего наслаждения могут быть свидетели. Осталась лишь я и тот, кто невидимый остальным, сейчас дарил мне свои ласки.

— Скай... — мой тихий стон смешался со слабым белесым туманом от слабого пара, поднимавшимся над поверхностью источника. — Скай... пожалуйста...

И он взял меня, заполнил собой, утянул на дно, впиваясь в губы. А когда он разорвал поцелуй, я увидела, как мое тело исчезает, превращаясь в объемный прозрачный силуэт, как тот, что сейчас сплелся со мной в крепких объятьях. Исчезла потребность в воздухе, исчезли опасения, что кто-то может увидеть одинокую стонущую женщину. Осталось лишь наслаждение от близости моего мужчины, от его проникновения и ласк.

А потом исчезло дно, и нас закружило в водовороте. Скай выпрямился, потянув меня за собой, и я сжала его бедра ногами. Я улыбнулась, глядя в яркие синие глаза, мерцающие в сумраке подводного мира.

— Для тебя, — произнесла я одними губами, и мой стон помчался к поверхности пышным цветком нежно-розового цвета.

Он проследил взглядом за тем, как поднимается вверх цветок моей страсти и снова

поймал губы, благодаря поцелуем. А потом мир исчез, сменившись пьянящим наслаждением. Я откинулась назад и потеряла всякую связь с реальностью, бесконечно повторяя лучшее имя на свете:

— Скай...

А когда я вынырнула обратно в источнике, вся его поверхность была покрыта нежно-розовыми цветами. Их аромат пьянил, навевал сладкие воспоминания, и я снова произнесла:

— Скай.

— До вечера, моя невероятная.

Он на мгновение появился над поверхностью воды, поцеловал меня и снова исчез. Я поймала его руку, переплела наши пальцы, еще на миг продляя единение, а после нехотя отпустила и шепнула:

— Я буду скучать...

Выбралась из источника и направилась к приготовленной одежде. Я нашла странное платье из двух половин. Он связывалось тесемками на плечах и по бокам. Спина оказалась открыта, но для чего это нужно, стало понятно сразу — крылья. Рядом с непривычным одеянием лежал большой кусок грубоватого полотна, им я обтерлась. Хотела подсушить и волосы, но вспомнила, что больше не простая смертная. Сила заструилась по венам, по коже головы пробежались щекотные мурашки, и волосы мгновенно высохли. Я с удовольствием пропустила струящиеся пряди между пальцами, откинула их на спину и направилась к густой поросли.

Стоило мне поравняться с кустами, как послышалось шуршание. Я насмешливо изломила брови и приказала:

— Иди сюда.

Ко мне вышел Оэн Быстрокрылый, смущенный и румяный, словно он был не зрелым воином, а подростком, подглядывавшим за купающимися женщинами.

— Что ты хотел увидеть, Оэн? — спросила я.

— Я лишь хотел убедиться, что ясноокой богине не грозят не водяной бог, не огненный демон, — ответил он, и теперь у горделивого айра покраснели даже уши.

— И что же ты увидел, сын Свободного Ветра?

— Сон наяву, Изначальная.

— Так что же ты видел, Оэн?

— Сказать не смею, — он стоял, глядя себе под ноги. Белоснежные крылья за его спиной подрагивали, а ладони скрестились у паха, недвусмысленно скрывая возбужденное естество, приподнявшее край кожаной юбки-пояса. Вряд ли он понял, что в источнике я не одна, но, похоже, мои стоны летун все-таки услышал.

Усмехнувшись, я прошла мимо айра. Его шаги вскоре послышались за моей спиной.

— Изначальная, что за цветы ты даровала нам? — решил спросить Оэн. — Их аромат подобен истоме жаркой ночи.

Я остановилась, вдруг развеселившись от вопроса, но заставила себя сохранить невозмутимый вид и обернулась к айру. Он спешно опустил глаза и снова накрыл пах руками, скрывая от меня последствия подглядывания.

— Цветы страсти. Цветы для любящих сердец. Я нарекаю их скайренами. Отныне только любящие пары могут войти в воду, где цветут скайрены.

— Скайрен, — полупшепотом повторил Оэн Быстрокрылый, и вдруг округлил глаза и

переспросил, повысив голос: — Скайрен?

— Скайрен, — кивнула я. — Это мой дар айрам.

— Но, Изначальная, это имя...

Я нахмурилась и отпустила немного силы. Она ушла в землю, тряхнула ее, и Оэн пал на колени.

— Не гневайся, Изначальная, молю! — воскликнул он, простирая ко мне руки. — Айры так давно не разговаривали с богами...

— Встань, Оэн, — приказала я. — Рад ли ты моему дару?

— Да, ясноокая Ирис.

— Признаешь ли за мной право называть мои создания так, как хочу я?

— Да, Изначальная.

— Быть по сему, — подвела я итог спору и продолжила путь к поселению. — Где Тиан?

— Жрец сказал, что мы непочтительны к нашей богине. Он желает порадовать вас, — уже более деловым тоном ответил айр.

Я прошла еще немного, но вдруг осознала то, что пропустила мимо ушей еще у источника. Резко обернулась и переспросила:

— Огненный демон? О ком ты толкуешь, Оэн?

— О демоне, с кем сражался Отец на Вольных скалах, — пояснил крылатый, я задумчиво кивнула.

А вот это уже может быть интересно. Пожалуй, я познакомлюсь с легендами айров поближе. Уже входя в поселение, я хмыкнула: «Скайрены». Водник будет счастлив. Но мысли о новом «водном боге» я отогнала, нужно было разобраться с легендами айров, а через них и с событиями, о которых я не помнила, или вовсе не знала. Например, драка Орканиса и Вайтора, никем иным огненный демон быть не мог, я в этом уверена.

— Хм...

А не потому ли Вайторис умалчивал о существовании айров, что знал об их легендах, о двух идолах, одним из которых была я сама? Если бы он рассказал, и я захотела посмотреть, а я бы захотела, потому что в черном замке отчаянно скучала, то это могло бы стать толчком к воспоминаниям, от которых меня так упорно избавлял лже-Вечный столько лет. И уничтожить крылатых созданий он не мог, потому что это породило бы очередную волну Отражений. Айры стали частью этого мира, как только появились в нем, а, значит, их убийство всколыхнуло бы реальность. Прав Скай, а я слепа и не вижу очевидного. На любое действие есть противодействие, так учил меня отец. И, как сказал сам Вайторис, даже ему не всё позволено.

Занятая своими мыслями, я на заметила очередного повального коленопреклонения и остановилась лишь тогда, когда споткнулась о какую-то палку, едва не полетев вниз носом, совсем не по-божественному. Однако вновь изобразила величавую невозмутимость, богини только так и спотыкаются, и оглядела сооружение, выставленное на моем пути.

— Хм... — вновь задумчиво промычала я. — Зачем?

Распростертый подле носилок жрец Тиан с пафосом и торжественностью произнес, так и не подняв на меня лик:

— Мы, дети наших Отца и Матери, боимся, что Изначальная увидит непочтение среди детей своих, встретивших ее угрозами и оружием, — это явно относилось к элдру Быстрокрылому. — Сердца наши полны раскаяния, а слезы, словно горькая отравка жгут

глаза, и от того не смеем мы с восторгом взирать на наша Мать. Дозволь показать, о ясноокая, сколь велико раскаяние в душах наших.

Хотелось закатить глаза, но я величественно шагнула на носилки, осчастливив айров своим благоволением. Конструкция эта казалась мне ненадежной, более всего напоминая грубо сколоченный стул и спешно приделанные к нему палки, что, скорей всего, и было правдой. Оставалось надеяться, что меня не ждет падение с высоты полетов айров, но, назвавшись богиней, нужно оставаться ею до конца, и я осталась.

Усевшись на стул, я милостиво кивнула и устремила взгляд перед собой. Не знаю, как должны вести себя богини, но мне было на кого равняться, я рядом с ним восемьсот с лишним лет прожила. Не помню, как им он был в остальные четыреста, но четыреста последних лет вполне себе походил, если не на бога, то на властелина всего мира точно. Хоть какая-то польза от Вечного...

Стоило мне застыть изваянием, как к носилкам приблизились восемь айров. Они опустились на одно колено, берясь за палки, прикрепленные к стулу, затем дружно распрямились, поднимая меня, а после, расправив крылья, взмыли вверх, унося меня из поселения летунов. За носилками поднялись воины. Они разделились, как только носилки оказались высоко в небе, где холодный ветер выбивал слезы из глаз. Одни поднялись выше, другие опустились под носилки, и мне вдруг пришло в голову, что это не просто почетное сопровождение. Они охраняли и оберегали меня от возможного падения, как и те восемь, которые держали носилки. Богиня богиней, а падать всё равно неприятно. Мне оставалось лишь сохранять спокойствие и ждать, когда айры доберутся до своей цели.

Однако полет продлился не пару минут. Я успела сильно замерзнуть и обругать себя за покладистость, а Орканиса за мою божественность. Наконец, летуны пошли на плавное снижение, и я увидела гору, чья верхушка плоской и гладкой, словно кто-то срезал пик гигантским ножом. Посреди огромной площадки стоял дом. Наверное, когда-то его стены были белоснежными, сейчас же время оставило на них свой след россыпью мелких трещин и дождевыми потоками, но это я смогла разглядеть, когда приблизилась к сооружению, изящному и даже величественному, несмотря на размеры.

Но прежде, чем я рассмотрела дом, я уделила внимание самой вершине. Он имела уклон, незначительный, но заметный, особенно с высоты. Когда носилки были поставлены на каменную площадку, я сошла с них, изо всех сил стараясь не ежиться. Я ощутила тлеющие искры жизни, поискала взглядом, чему они могли принадлежать, и обнаружила давно погибший сад. От него ничего не осталось на поверхности, но под каменистой поверхностью дремали несколько корешков и семян. Их еще можно было воскресить, но стоило ли обрекать растения на гибель в будущем? Отмахнувшись от сомнений, я направилась туда, откуда ко мне взывали угасающие искры.

— Изначальная...

Жрец Тиан последовал за мной, но я подняла руку, призывая к молчанию. Сейчас я желала слышать лишь зов уходящей жизни. Айр послушно закрыл рот, и больше меня никто не отвлекал. Я приблизилась к дому, мазнув по нему быстрым взглядом, обошла и опустилась на колени. Приложила ладони к холодному камню, склонилась, вслушиваясь, а после прикрыла глаза и отпустила силу, вплетая в нее изначальные условия нового существования для погибающей растительности. Не хватало Ская и его дара. Вода помогла бы ускорить процесс возрождения... Идеальная пара. Действительно, идеальная для Созидания. С Орканисом мы не могли дать и половины того, что получили бы друг от друга

с Регином.

Сердито мотнув головой, я продолжила вливать силу в угасающие искры. И вскоре они отозвались, ярко полыхнув перед внутренним взором. Тяжело, но упрямо жизнь разгорелась с новой силой. Свежие тонкие корешки зазмеились, сплелись с отжившим слоем погибших собратьев, уже ставших для них питательной средой. Скоро проклюнутся первые побеги и потянутся ввысь, дробя и побеждая камень. Жизнь вновь восторжествует над смертью и временем. Вот только процесс возрождения затянется, и не всем побегам суждено выжить. Ах, если бы дождь, хотя бы дождь...

Я подняла взгляд к небу, но оно не спешило делиться со мной влагой. Нужно будет привести сюда Ская, и тогда больше ни одной искры не угаснет раньше положенного ей срока.

— Великая Мать...

Я обернулась. Айры дружно опустились на одно колено за моей спиной, склонили головы и прижали правые кулаки к сердцу. Должно быть, они почувствовали силу Созидания, пролившуюся сейчас полноводным потоком. Даже простые смертные ощущают ее приток, наполняясь одухотворением и бодростью. Жизнь тянется к жизни.

Я распрямилась и полностью повернулась к летунам. Великая Мать. Они уже не в первый раз произносят это и, похоже, эпитет относится именно ко мне. Орканис — Отец, Ирис — Мать. Кажется, Созидающий-воздушник приплел меня к появлению айров. Это ложь, в плоть их одел мой отец, больше некому. Но и эту легенду я разрушать не буду. Пусть верят в то, во что привыкли. Оркан достаточно сделал для своих созданий, раз они продолжают жить, не забывая то, чему их учил творец.

— Мы пытались сохранить сад, но он умер еще во времена наших пращуров, — произнес Тиан, глядя мне за спину. — Прости нас, Изначальная.

— Айры не властны над временем, — ответила я и направилась к дому, уже с большим интересом рассматривая его.

Он чем-то напоминал дом моих родителей, без лишних ухищрений и вычурности, но дух воздуха ощущался в утонченной изящности орнамента, змеившегося по стенам. Приглядевшись, я поняла, что изгибы и завитушки складываются в буквы той же письменности, что украшала тело Тиана. Я мучительно поморщилась, потеряла лоб, пытаюсь вспомнить, откуда мне знакомо написание символов...

— Я хочу, чтобы ты знала это язык, Ирис.

Папа усаживается рядом со мной на нашем излюбленном склоне. В его руках большая толстая тетрадь в кожаном переплете. Он достает обычный грифель и выводит первый символ.

— Зачем? — спрашиваю я, с любопытством разглядывая сплетение линий.

— Не думаю, что тебе когда-нибудь пригодится язык моему родному миру, и все-таки я хочу, чтобы ты знала его. Часть тебя принадлежит тому месту, откуда пришел я, будет справедливо, если ты будешь знать о нем столько же, сколько знаешь об этом мире, — поясняет отец. — Итак, это символ — ишхам, он означает начало всего сущего, и любое послание, будь то личное письмо, или же документ в государственной канцелярии — в начале первой строки всегда ставят «ишхам». По окончании же письма ставят символ «ашхам», что означает конец пути. Различие их написание в перекрестье линий. Ишхам — черточки пересекаются вверху, ашхам

— черточки сходятся снизу. Видишь?

— Ага, — киваю я, смакуя два новых слова.

Папа смотрит на меня и хмыкает, поддевая пальцем кончик моего носа...

Я всмотрелась в надпись отыскивая изначальный символ, а затем витиеватая лента начала открывать мне свой смысл. И чем больше я разбиралась в символах, тем быстрее вспоминала их значения и переводила на родной язык. Можно было спросить у жреца, но хотелось оживить и это воспоминание. Да и показывать свое божественное невежество желания не было. Это ведь язык богов, насколько я понимаю.

— Обитель в честь твою воздвигнул, — прошептала я, складывая буквы воедино. — Одна богиня среди богов... Оковы дружбы я отринул, избрав нетленную любовь... Хм, да. Себе не изменял, — пробормотала я и отвернулась от стены с увековеченным признанием.

Любопытно, когда Орканис воздвигнул эту обитель? А главное, для чего? Жрец открыл рот, собираясь что-то сказать, но я вновь показала ему жестом молчать. После толкнула железную дверь. Она не поддалась. Шагнула назад и выплеснула сгусток силы, сорвав дверь с петель. Она с грохотом влетела внутрь дома, подняв густое облако пыли и ржавчины. Пришлось подождать, пока оно осядет, затем шагнула в дверной проем и огляделась.

Внутри царило запустение. Как бы не выглядел этот дом почти тысячу лет назад, сейчас не осталось ничего, кроме трухи, паутины и пыли. Я прошла по немногочисленным комнатам, из которых было понятно значение лишь одной, где я нашла остов широкого ложа под истлевшим балдахинном.

— Отец сотворил это пристанище из вершины горы, — голос Тиана заставил меня вздрогнуть от неожиданности. — Он обещал, что здесь будет жить ясноглазая Ирис.

Я обернулась, встретилась взглядом со жрецом, и вдруг во рту пересохло от осознания одной маленькой детали. В доме не было купели. Даже лохани. Ничего, во что можно было бы набрать воду. И покатый склон... Дождевая вода не должна была задерживаться на нем. Орканис... Он собирался прятать меня здесь от Региниса!

— Когда? — севшим голосом спросила я. — Когда он создал этот дом? Что говорят ваши легенды?

— Легенды говорят, что Отец создал этот дом перед тем, как исчезнуть, — ответил Тиан. — Он тогда в последний раз разговаривал с нами. Обещал вернуться со своей богиней, но после этого его увидели лишь раз.

— Когда? — голос упал до шепота.

— Когда Орканис сражался с огненным демоном.

— Бесконечный Хаос.

Я тяжело сглотнула и стремительно вышла на улицу, жадно глотая прохладный горный воздух. Теперь картина прошлого становилась ясней. Выходит, доведенный до отчаяния Орканис, хотел выкрасть меня и поселить в этом доме — признании в его чувствах? Но как он осмелился, зная, что не только Регинис будет искать меня, но и мой отец? И если он сделал всё, чтобы оградить меня от появления Созидающего-водника, то отец сумел бы найти. Тьма, как он вообще додумался выкрасть меня? Почему? Или... Или была причина? Только ли ревность и отчаяние? Почему он сцепился с Вайторисом? Или Вайторис напал на старого друга? И после этого Оркан больше не появлялся. Погиб?

Я схватилась за голову. Мне казалось, что она сейчас взорвется, столько вопросам разом заполнили сознание. Что? Что предшествовало началу перемен?

— Как же я хочу всё вспомнить, — простонала я, глядя в далекое небо.

— Изначальная...

— Молчи, Тиан, сейчас молчи, — нервно потребовала я и вернулась в дом.

Промчалась по комнатам, взметнув облака пыли. Что я хотела найти в этом пристанище? Ответы? Вряд ли они тут были, кроме то, что Орканис превратил вершину в горы в мою темницу. Хотя, наверное, для себя он называл это иначе. Как он видел наше будущее? Он жил бы рядом, или же являлся, чтобы навестить меня, а охрану поручил бы айрам, своим преданным созданиям? Но, Тьма его задери, как я должна была жить без воды?! Таскал бы каждый раз к источнику?

Ответ нашелся за очередной дверью, не примеченной мною с первого раза. Здесь имелась узкая труба, тянущаяся с потолка с изогнутым концом вниз, а под ней конусообразный сток, не позволявший воде скапливаться. Значение трубы я поняла быстро. Не выдержала и рассмеялась. Какое мальчишество! На что надеялся воздушник, что сможет удержать меня? Или всё еще верил, что слияние возможно? Судя по тому, как он старался защититься от появления Региниса — не верил. Понимал, что могу не принять его силы, но всё равно приготовил для меня этот дом под небесами.

Стоп! Я трянула волосами. Не стоит саму себя загонять в ловушку из бесконечно рождающихся вопросов, нужно начать с того, с чего собиралась.

— Тиан.

— Я здесь, Изначальная.

— Я просила накормить меня.

— Всё готово, — ответил жрец. — Женщины сейчас займутся домом, и вы сможете поселиться в нем.

Значит, айры надеются, что я останусь здесь.

— Я хочу вернуться в поселение, — ответила я тоном, не допускавшим возражений. — Отнесите меня назад.

Жрец опустил на колени, после уткнулся лбом в пол и ответил:

— Да не прогневается ясноокая Ирис, Отец дал нам наказ беречь и защищать нашу Мать. Мы принесли нашу Мать туда, где готовил для нее жилище Отец. Мы будем беречь и защищать нашу богиню.

Я поджала губы, разглядывая согнутую спину и подрагивающие крылья Тиана. Выходит, это не сопровождение, это моя охрана и стража в подготовленном узилище. Ну, Оркан...

— Ты понимаешь, с кем говоришь, жрец? — холодно спросила я.

— Да, Изначальная.

— Ты понимаешь, что я могу сравнить эту гору с землей?

— Да, Изначальная.

— Но рискуешь возражать мне?

— Мать никогда не убьет своих детей. Но если же мы прогневали богиню, пусть прикажет, мы поднимемся в небо, сложим крылья и упадем вниз. Нет прощения детям, послушавшимся Отца и оскорбившим Мать. Вели, и мы умрем за тебя. Прикажи, и мы умрем за тебя. Позволь, и мы останемся жить, чтобы служить ясноокой богине, охранять ее покой и оберегать от врагов.

Тьма, опять шантаж! И от кого? От тех, кто был создан волей Созидающих! И ведь как красиво излагает, стервец. И Скай не сможет пробраться сюда, чтобы вытащить меня. Впрочем, в отличие от Региниса, Скайрен Аквей прошел со мной ритуал слияние, половину ритуала, потому может чувствовать меня. Значит, найдет быстро, но как появится, если здесь нет ни одной емкости? Я обернулась и посмотрела на сток. После на трубу и закусил губу.

Если вода еще поступает сюда, и я найду, чем затакнуть сток, Скаю может хватить воды для появления. У тригов он смог появиться из ведра, значит, и этого объема ему хватит. Отлично, с этим разобрались. Теперь вернемся к начальной задумке.

— Веди, — приказала я, не возражая и ни споря с Тианом.

Жрец проворно вскочил на ноги и поспешил к выходу. На площадке был сооружен навес. Под ним расстелили толстое шерстяное одеяло, накидали подушек, набитых пухом, надеюсь, не из своих крыльев дергали ради самой меня. Перед подушками наставили мисок, несколько кувшинов и глиняный кубок. Я решила сначала насытиться, после вести беседы. Хотя...

— Тиан, расскажи мне одну из ваших легенд.

— Как пожелаешь, Изначальная, — он низко поклонился. После возвел глаза к небу и, пока я насыщала свою утробу, напевным голосом произнес: — Когда-то давно, когда на были лишь горы, среди них летал Свободный Ветер. Был он одинок и печален.

Я слушала вполуха. Пока ничего интересного для себя я не слышала. Сказка для айров, придуманная Орканисом. Единственное, что здесь было правдой, это одиночество Созидающего. Они все были одиноки, и я стала тем снадобьем от одиночества, за которое ухватился Орканис. Такая же как он. Слияние — единение стихий. Душа к душе, стук сердца в унисон, дыхание одно на двоих... И увеличение силы, которого не хотел допустить Вайторис, правда, он говорил о Регинисе.

Бесконечный Хаос! Ну, конечно! Единственный, кто мог по-настоящему противостоять ему — это Регин. Вечные противоположности: огонь и вода. А я бы принесла воднику увеличение силы, которой у того и без того было не мало. Так может это настоящая причина, зачем он подтолкнул Орканиса к противостоянию с Регинисом? Не удивлюсь, если Вайтор подогревал интерес романтика Оркана ко мне.

— Но они же были друзьями! — воскликнула я, забывшись.

«Мы почти боги, Тер». Почти боги... Отец был против идеи спровоцировать большую волну Отражений, а после заморозить мир, не давая ему развиваться. Но что дали бы Вайторису отражения? Что я забыла о Гранях? Ключ разгадки в них, я уверена.

— Изначальная...

— Продолжай, — кивнула я.

— Увидел однажды Свободный Ветер прекрасный цветок, распустившийся на скалах. Он опустился к нему и долго любовался, вдыхая сладкий аромат. А когда солнце стало клониться к закату, из цветка вышла девушка, чья красота затмила собой и солнце, и звезды. Пал на колени перед ней Свободный Ветер. «Как звать тебя?», — спросил он у девы. «Звать меня Ирис», — ответила она...

Вот как я родилась, значит. Любопытная история, но всего лишь очередная сказка. Я сделала глоток воды из глиняного кубка и продолжила размышлять. Итак, у Вайтора были соображения, с которыми он пришел к моему отцу. Наверное, он делился ими и с остальными Созидающими. Отец отверг его идею и, похоже, ни один раз. Регинис должен был поддержать отца. Во-первых, союз стихий, во-вторых, я. Вряд ли бы водник стал противостоять отцу девушки, с которой он надеялся на слияние. В-третьих, если бы слияние случилось, Регин значительно усилился бы и их противостояние в Вайторисом, до которого могло дойти, закончилось бы не в пользу огневика. И тогда Вайтор воспользовался порывистым и романтическим Орканисом. Похоже на правду? Вполне. По крайней мере, так события выглядят достаточно логично.

Началась борьба за Созидающую. Регину уже было не до мира и Граней. Орканису тоже, они делили меня. Отец переживал из-за происходящего, и ему тоже, наверное, в какой-то момент стало не до Вайториса и его идей. Папа занимался тем, что защищал меня от двух мужчин, уверенно сходявших с ума. Одного подталкивала стихия, второго упрямство. В результате, Орканис создал этот дом и помчался за мной, и больше не вернулся, ни со мной, ни один. Теперь известно о его сражении с огненным демоном — последнее воспоминание айров о своем боге Свободном Ветре. Вроде всё выстраивается в ровную цепь событий, но отчаянно не хватает звеньев!

— Бесконечный Хаос, — проворчала я. — Мне нужно добраться до отца, или же найти ключ к оборванной цепи воспоминаний, иначе я так и буду блуждать впотьмах.

Еще это пленение у «моих детей». Хотя это меньшее из зол. Достаточно перейти в наш мир со Скаем, и мы снова будем вместе. Но! Но как на мое исчезновение отреагируют айры? Не кинуться ли дружно падать с небес на землю, решив, что не уберегли богиню? Тиан не Вайторис, это верит в то, что говорит. Нужно пообщаться с ними. И в первую очередь внушить, что водный бог не враг. В конце концов, создам им новую легенду. Скайрены для влюбленных уже есть, будет сказочка и про союз земли и воды против того де огненного демона. Что, кстати, будет правдой. С остальным будем разбираться, когда уйдем от крылатых идолопоклонников. И стоит поторопиться, солнце уде низко...

— Тиан, — я остановила словоизлияния жреца. Но так и не успела договорить.

Гора вдруг ощутимо вздрогнула, затем еще раз, еще раз, и по ровной каменной площадке зазмеились трещины. Я вскочила на ноги, и едва успела ухватить за Тиана, потому что гору потрянуло еще раз особенно сильно, и из разлома ударил фонтан воды. Из его середины сверкнули яркие синие глаза, и фонтан собрался воедино, став прозрачной человеческой фигурой.

— Водный бог, — сдавленно прошептал жрец. — Нашел. — И он заорал не своим голосом: — Водный бог! Айры, к оружию! Защитим нашу Мать!

— Кого? — лицо моего водника перекошились, и он переспросил у меня: — Чью мать?

— Меня, — усмехнулась я. — Ясноокою богиню Ирис.

— Неожиданно, — отметил Скай, и его тело прошил дротик.

Аквей опустил взгляд, осмотрел место, где прошел дротик, пожал плечами и снова спросил меня:

— Чего это они?

— Долгая история, — я отмахнулась и гаркнула: — Прекратите!

— Расскажешь? — воднику, кажется, вообще было плевать на то, что в его тело втыкаются и падают клинки, дротики, и проходят насквозь стрелы.

— Прямо сейчас? Или сначала разберемся с тем, что тебя хотят убить все айры?

— Мне не мешает, — снова пожал плечами Скай.

Я испепелила взглядом «водного бога», затем шагнула к Тиану и потрянула его за плечо:

— Я сказала — прекратить! — рявкнула я. — В своем ли уме мои дети, если не слышат свою мать? Водный бог не враг мне и крылатому народу.

— Кто водный бог? — прозрачные брови водника поползли вверх.

— Ты, — ответила я, е глядя на него. После взглянула на жреца. Тот ответил упрямым взглядом, немало взбесив меня. — Ты слышишь меня, жрец?

— Отец говорил, что водный бог...

— Есть ли жизнь без воды? — чеканно спросила я. — Могут ли айры жить одним воздухом? Что вы пьете? На чем готовить пищу, что избавляет ваши тела от грязи?

— Вода, Изначальная, но...

— Взойдет ли росток, если земля будет пуста? Расцветут ли цветы, если вода не наполнит землю влагой?

— Не взойдет, Изначальная, — был вынужден признать жрец.

— Так враг ли мне водный бог? Вы, — я осмотрела замерших летунов, — гневаетесь на воду, но умрете, если она покинет вас и ваши тела. Что взращу я, если со мной рядом не будет его? — айры молчали, не зная ответа. — Так враг ли тот, кто дает жизнь?! Свободный Ветер создал вас, но живете вы не только благодаря ему. Воздух, Земля, Вода и Огонь — четыре стихии, что даны Изначальными силами всем живым существам. Вы дышите, вы собираете урожай, вы пьете и греетесь — это жизнь. Но... — я понизила голос и опустила голову. — Дети мои, слуга Огня возомнил, что он может властвовать один в мире, где царят четыре стихии. Ваши предки видели его предательство и сражение со Свободным Ветром. Вайторис — такого имя предателя. Люди зовут его — Темный властелин. Демон сжег крылья Свободному Ветру и спрятал в своей темнице. Остались мы — я и водный бог. Мы объединились, чтобы одолеть врага всего сущего. Мы победим жестокого демона и освободим Свободный Ветер. А теперь скажите мне, дети своего Отца, на кого вы подняли руку? На бога! На спасителя! На друга! Склонитесь перед Изначальным и признайте его равным мне и Свободному Ветру, ибо в нашем союзе заключена сама Жизнь!

Раскат моего голоса, наполненного силой, прокатился над горами и затих где-то между острыми пиками. Айры опустили на колени и повинно склонили головы.

— А... — начал водник, но я сердито взглянула на него, и Скай, тихо усмехнувшись, задрал подбородок, принимая всеобщее поклонение.

Обманывать летунов было не очень приятно. Вряд ли мы сможем найти Орканиса живым. Вайтор не оставил бы за спиной врага, равного себе по силе. Однако боги на то и боги, чтобы обитать где-то там... В любом случае, сейчас не до угрызений совести. Главное, выбраться отсюда, не оставив айров в стойкой вере, что они не сберегли или обидели свою «мать». Пусть добавят к своим легендам новые, хуже от этих сказок никому не будет.

И все-таки была в этом всеобщем почтении что-то... приятное. И величественное. Не знаю, что думал Аквей, он скользил взглядом по крылатым спинам, согнутым в поклонах, наконец, добрался до меня и вопросительно приподнял брови, испортив мое минутное удовольствие от собственной божественности. Скривившись в ответ на взгляд водника, я простерла руки к летунам ладонями вверх:

— Встаньте, белокрылые айры, — велела я, стараясь говорить как можно мягче. — Великая радость для матери видеть разумение и покорность ее детей. Я довольна вами, дети мои, и с чистым сердцем отправляюсь дальше.

— Изначальная! — Тиан так и остался стоять на коленях. — Позволь нам сопровождать тебя и водного бога. Позволь сразиться с огненным демоном Вайторисом и отомстить за нашего Отца.

— Молим тебя, Великая Мать! — нестройным хором отозвались летуны, мгновенно проникшись словами жреца.

Я взглянула на Ская, и он ответил айрам:

— Когда настанет час великой битвы, мы призовем вас, отважные айры. Все дети этого мира встанут под стенами Черного замка. Сама Жизнь восстанет на борьбу с предателем. А

до того часа ждите наш клич, и он прилетит к вам с быстрым ветром.

Я подошла к Аквею, взяла его за руку и вновь обратилась к летунам:

— Дети мои, я хочу, чтобы вы знали, что мое сердце полнится любовью к вам. Благодарю вас за то, что вы не забыли богов своих и заветы Свободного Ветра. Где бы ни был сейчас ваш Отец, он гордится своими созданиями. Но прежде чем мы уйдем, вы увидите, сколь силен союз земли и воды.

Уйти и не напитать оживающий сад влагой я не могла. Потянула за собой Ская, увлекая его к побегам. Еще не дойдя до них, я остановилась, чуть сильнее сжала прохладную ладонь и, не сдержав улыбки, спросила:

— Ты их слышишь?

— Кого? — не понял водник.

— Прислушайся.

Скай замер, сосредоточенно вслушиваясь. Наконец, недоуменно взглянул на меня и пожал плечами.

— Я слышу шум ветра, слышу голоса айров и шорох их крыльев. Что именно из этого я должен слышать?

— Ты просто не научился, — покровительственно ответила я. — Иди сюда. — Мы подошли к месту, где под сухой почвой и каменистым слоем прятались юные ростки. Я присела, не отпуская руки водника, и ему пришлось последовать моему примеру. После уместила на земле его ладонь, накрыла своей и шепнула: — Закрой глаза и слушай. Это невероятно.

Аквей послушно прикрыл глаза и замер.

— Не пытайся слушать ушами, — вновь шепнула я. — Твой дар должен ощутить это.

Мы некоторое время сидели, не двигаясь. Я улыбалась, слушая беззвучные голоса побегов, затем повернула голову к Скаю и теперь следила за ним. На лице водника было написано скептическое выражение, в котором чувствовалась толика раздражения и нечто такого, что можно было истолковать как «я выгляжу, как дурак». Но вот он нахмурился, потер подбородок и чуть склонил голову к плечу. И вдруг отпрянул, прикрыв глаза тыльной стороной ладони.

— Тьма. — выругался Скай. — Что это?

— Искра жизни, — ответила я. — Ты увидел жизнь, скрытую здесь. Я помогла ей возродиться, ты поможешь ей засиять в полную силу.

— Что я должен делать? — Аквей проморгался и теперь выжидающе смотрел на меня.

— Слушай. — снова велела я. — Ты поймешь. Дар Созидания — это не токи преобразованной магии, которыми учат пользоваться в училищах. Стихия сама откликнется на зов, ты откликнешься, Ручеечек, потому что ты и есть стихия. Слушай.

Он послушно вернулся на прежнее место, вновь закрыл глаза и осторожно накрыл каменистую поверхность ладонями. Я не торопила и не лезла с советами. «Каждый Созидающий открывает зов искры для себя сам», — так говорил папа. Так услышала впервые зов я, так сейчас училась слушать Скайрен Аквей. Я, не отрываясь, следила за водником, отмечая, как его брови поползли вверх, обозначая удивление. Он вдруг гулко сглотнул и выдохнул сдавленным шепотом:

— Это... потрясающе. Ирис... Тьма.

Скай еще мгновение вслушивался в зов жизни, а затем с его ладоней полился поток силы, щедро питая сухой слой, юные побеги, сплетая ее с моим даром этому месту, усиливая

изначальные условия, поменявшие суть растений. Я негромко рассмеялась, ощущая внутри волну восторга, приложила ладони рядом, и наши потоки смешались, совсем как скалистых склонах, нынче обильно покрытых сочной травой. Только теперь это не было неконтролируемым выплеском. Мы отдавали ровно столько, сколько должны были отдать.

А вскоре послышался скрежет камней, треск укрепляющихся и твердеющих древесных стволов. Зашуршала, распускаясь, молодая листва, и поросль, которой предстояла борьба за жизнь и долгий рост, устремилась к небу, пуская новые побеги, становясь всё обильней и пышней. Впервые мы создавали вместе. Не ложную реальность, где жизнь была лишь в нас, мы творили и возрождали живую сущность. Свет искр, видимый лишь нам, полыхал вокруг, заливая сгустившую темноту нестерпимым сиянием, и это было самым прекрасным зрелищем, какое только можно было представить.

Наконец дружно оторвали руки и развернулись друг к другу лицом, так и не поднявшись с колен. На бесконечно долгое мгновение наши взгляды переплелись, и Скай сжал мое лицо в ладонях.

— Люблю тебя, — с восторгом выдохнул он. — Изо всех сил люблю, Ирис.

— Мой неугомонный водник, — улыбнулась я и, отдаваясь мучительной нежности, заполнившей меня до краев, прошептала: — Люблю тебя, Скай.

Аквей порывисто прижался к моим губам, но быстро отпустил и, взяв за руку, поднялся на ноги. Повернулся к замершим айрам, зачарованно смотревшим на шумевший сад, я встала рядом, крепче стиснув мужскую ладонь.

— До срока, — выкрикнул водник слова, понятные без всякого уточнения.

— Айры откликнуться на призыв Матери и водяного бога, — ответил жрец, прижав сжатый кулак к сердцу.

— Моя душа с вами, — произнесла я и повернула голову к Скаю. Он понял меня без слов, и мы шагнули в нашу собственную реальность.

Я выпустила ладонь водника. Забралась на ложе, растянулась на нем на животе и поделилась наблюдениями с Аквеем:

— Быть богиней утомительно.

Противный Скай перевернул меня на спину, после вцепился в плечи и рывком усадил.

— Рассказывай, — велел он.

— Потом, — я попыталась снова завалиться спать, но гадкий водный божок вновь вынудил меня сесть и уже не отпускал. — Скай, ты мерзавец.

— Мерзавец, — не стал спорить Аквей. — Но мерзавец любознательный, и у меня зубы сводит от нетерпения узнать, что за чепуха творилась у айров.

— Неблагодарный, — фыркнула я. — Тебя до бога возвысили, живи и радуйся...

— Подробности, — напомнил водник.

— А спать?

— Хорошо, — кивнул Скай, и я облегченно вздохнула, но он убил надежды раньше, чем я успела упасть на кровать: — Хорошо, начни с того, что не хочешь мне рассказывать. Остальное пойдет легче.

Леор Аквей, как всегда, заглянул в самую суть. Меньше всего мне хотелось рассказывать ему о том, что стало предысторией нынешних событий. Памятуя о той вспышке ревности, которую уже явил однажды водник, было жутковато окунать его вглубь веков и говорить о противостоянии двух Созидающих, из чего родилось наше с ним обожествление и неприязнь крылатых к водному богу.

— Обещай, что не будешь говорить мне гадости, — потребовала я.

— Я тебя сейчас задушю, — пообещал нетерпеливый водник.

— Ты меня любишь...

— Вот и представь, как мне будет больно, когда я начну творить над тобой расправу, — ни жалости, ни совести в любознательном мерзавце так и не проявилось.

— Да и задери тебя Тьма, — снова фыркнула я, насупилась, но Аквей остался неумолим. — Ну и слушай.

Я уселась поудобней и начала свой рассказ, уже не смягчая и не утаивая ничего. Разумеется, не было ничего ужасного в том, что почти тысячу лет назад я стала предметом спора для двух друзей... на первый взгляд. Но Скай уже не был тем водником, которого мне отдал Вайторис, и даже не тот, кто вытащил меня из нутра дерева-живоглота. Он прошел через притяжение стихий, а именно послужило возникновению бурной тяги друг к другу, в этом я теперь была уверена. Моя кровь лишь разбудила дремавший дар, а вот то, что последовало после... Так что, если равняться на то, что говорили мне папа и Регин, а так же вспоминая опеку водника, которой я была окружена с рождения, то для Ская сейчас слушать о былых притязаниях на меня других мужчин было не просто, как и мне осознавать, что я не единственная женщина в жизни Аквея.

Впрочем, несмотря на игру желваков на скулах, Скай сохранял каменное выражение на лице. Не перебивал, слушал и делал свои выводы, это я понимала по тому, как время от времени взгляд, сверливший меня, вдруг устремлялся в сторону. Губы водника поджимались, и он что-то мычал себе под нос. Но когда я закончила, спросил все-таки об отношениях, связывавших меня и двух мужчин:

— Этот Созидающий, Регинис, почему не он? Притяжение стихий не взаимно?

Я пожала плечами.

— Мне сложно сказать. Если притяжение и было, то я воспринимала его, как дружескую симпатию, может, как привычку. Регин с детства был рядом. Он действительно много занимался мной. Наверное, это стало главной ошибкой, я просто привыкла к нему. Орканис же появлялся не часто. Он был незнакомцем, далеким и привлекательным. В отличие от Регина, он увлек воображение девочки- подростка. Возможно, всё сложилось бы иначе, если бы водник проводил со мной рядом меньше времени. Но его привязала ко мне стихия, а для меня он остался всего лишь другом папы, которому нравится возиться с его детьми. А потом они мне просто не дали времени успокоиться и осознать себя и свои чувства. Бесконечная борьба...

— Которую подогревал рыжий, — уверенно прервал меня Аквей.

— Почему думаешь, что Вайтор продолжал подогревать противостояние? — настороженно спросила я. Мне было интересно услышать, пришел ли мой водник к тем же выводам, что и я. В конце концов, наблюдения Ская еще ни разу не оказались ошибочны.

Аквей растянулся на боку, подпер голову кулаком и некоторое время молчал, размышляя над ответом.

— Во-первых, желание отправить мир в спячку, — начал Скай. — И как мы видим, у него это вышло. Во-вторых, если бы ему противостояли трое Созидающих, то рыжий так и лелеял бы свои намерения, а значит, ему нужно было отвлечь друзей. И вот тут ты пришлась как нельзя кстати. Регинис уже был привязан к тебе, и он бы ни за что не отступил, уж я-то теперь это точно знаю. Орканис, возможно, никогда не воспринимавший тебя никем большим, кроме дочери своего друга, наслушавшись Вайториса, решил, что и для него есть

надежда на слияние и рождение детей с чистым даром. Но потом, когда ты отвергла его, что могло удержать Свободного Ветра рядом? Притяжения не было, чувства оказались слабы, и он знал, что связывает его друга с тобой. Значит, понимал, что ты не для него. Но продолжал бороться. Только ли это дух соперничества? Или кто-то внушил податливому воздушнику, что ты ему необходима? И тут мы вспомним о рыжем, который толкнул Орканиса перейти дорогу другу. И его намерения, воплотившиеся в жизнь, тоже вспомним. Стало быть, Вайторису было необходимо, чтобы воздушник не охладел к своей идее завоевать тебя, и он продолжил нашептывать легковерному приятелю, подогревая противостояние за чужую женщину. Результат достигнут, двое Созидающих грызутся, как два пса, третий, твой отец, вынужден постоянно ограждать тебя от мужских посягательств и вставать между друзьями, чтобы унять ссору, иначе Созидающий не мог. Это я знаю из тех законов, о которых ты мне уже рассказывала. До рыжего никому нет дела, как и до мира. И тот мог спокойно подготовиться. Но...

— Но его действия все равно не остались бы не замечены, — продолжила я.

— Значит, он должен был устранить всех, кто мог помешать воплощению замыслов,

— вновь подхватил Скай.

— Однако убийство даже одного из Созидающих повлекло бы за собой всплеск Отражений, — снова заговорила я. — Мало того, что это не осталось не замеченным, так и вызвало бы ответное противодействие двух оставшихся творцов.

— Он должен был связать руки всем троим, — Аквей потер подбородок. — Но как?

Я снова пожала плечами. Этого я не знала, ну, или не помнила. Водник вновь уселся, подтянул колено к груди и уперся в меня пристальным взглядом.

— Ты, — с убежденностью произнес Скай. — Он вновь использовал тебя. Я больше чем уверен, но не пойму как. Что могло ослепить трех мужчин и позволить одному предателю расправиться с ними?

— Моя первая смерть? — предположила я. — Я не помню, когда умерла впервые.

Аквей смерил меня хмурым взглядом, передернул плечами и с раздражением ответил:

— Даже слушать об этом жутко. Нет, — он мотнул головой, — думаю, это как раз бы взбесило, по крайней мере, двоих, и заставило прозреть третьего. Итог — объединение трех Созидающих против рыжего. Ему это было не нужно.

— Но если убил не своими руками?

Мы замолчали, ответа на последние вопросы не было ни у меня, ни, тем более, у водника. Трагедия, которая привела к единоличному воцарению Вайториса и моему бесконечно долгому пленению им, оставалась скрыта туманом забвения по-прежнему. От разговора на душе остался тяжкий осадок. Было до безумия жаль тех, кто пал жертвой интриг огненного демона, как его называли айры. И себя тоже жаль. Сколько я успела прожить из своей первой жизни? Семнадцать лет или немногим больше? Сколько всего украд у меня Вайторис? Какой путь был предначертан мне? Вряд ли игрушка самозваного Вечного. «Я даже пытался любить тебя»... Гори в своем огне, Вайтор!

Чтобы отвлечься от переживаний, я вновь взглянула на Ская.

— Мы обманули айров, — с невеселой улыбкой сказала я. — Они будут ждать...

— Я не лгал, — ответил водник. — Мне нравится идея привлечь на свою сторону не только магов. История показала, одни мы бессильны. Люди без дара слабы, но такие существа, как айры и триги вполне могут стать значительным усилением новой рати.

— Но они не выстоят...

— Оэн вырвал тебя из водопада, такую ловкость встретишь редко, — возразил мне Скай. — А триги? Если мы немного изменим их, то они станут достойными противниками браннерам. Ирис, теперь мы не так слепы и беспомощны, как год назад. Кстати, — он вдруг резко оборвал себя и сменил направление беседы, — что такое слияние? Я понял, что это соединение сил, которое несет в себе усиление. Это нечто брачного обряда? Так?

— Что-то в этом роде, — усмехнулась я. — Созидающие делятся друг с другом своей кровью. Отторжение возможно, но при притяжении стихий...

— Как у нас, да? — я кивнула и застыла, пристально следя за работой мысли на лице водника. Догадается или... — И мы прошли через него, так? Ты ведь напоила меня своей кровью.

— Я не помнила тогда... — опустила голову, ощущая неловкость от содеянного. Ритуал проходят осознанно, а я, получается, навязала себя Аквею. Не оставила ему выбора.

Водник молчал. Он покусывал губы и сверлил меня взглядом исподлобья. Под этим взглядом мне было неуютно и беспокойно. Разозлится? Снова обвинит меня во всех грехах?

— Скай, — неуверенно позвала я. — Скай, прости, я действительно не знала, что делаю. Ты должен был дать согласие на ритуал...

— Идем, — вместо ответа произнес водник.

— Куда? — опешила я, но Аквей уже сжал мою ладонь и потянул за собой.

Я еле успевала за ним, настолько водник вдруг стал резок и порывист. Попыталась выдернуть свою руку из захвата, но Скай рывком притянул меня к себе, прижал к себе, обняв за талию, и утянул в море, плескавшееся за выбитой кулаком водника дверью. Мы вынырнули в маленьком пруду, затаянтом ряской.

— Скай...

— Переодевайся, — отрывисто велел он, указав рукой на заплечный мешок, спрятанный между двумя камнями.

Я послушно достала мешок, вытрясла из него юбку с рубахой и удивленно посмотрела на Аквея.

— У меня было время подготовиться, пока ждал вечера, — ответил Скай. — Поторопись.

— А где...

— На постоялом дворе, здесь недалеко.

— Скай...

Водник молча подошел ко мне, взял юбку и натянул ее мне на голову, протащил до талии и поднял рубаху. Я почувствовала легкое раздражение. Вырвала из рук Аквея рубашку и сама надела ее, сердито поглядывая на своего спутника.

— Скай...

— Готова?

— Да скажи ты уже что-нибудь! — воскликнула я, не зная, что думать о переменах в настроении водника. — Ты зол на меня?

— Зол, — кивнул Аквей.

— Клянусь, я не знала, что провожу ритуал слияния! Да откуда я тогда вообще могла знать про дар Созидания? Я себя-то не помнила, а уж заподозрить, что в тебе скрыто...

— Всё? — Скай оборвал меня на полуслове, вновь сжал ладонь и потянул за собой.

Я снова попыталась вырваться.

— Если хочешь, могу дотащить тебя на плече, но вряд ли тебе хочется, чтобы люди

потом судачили, что леор Аквей притащил с собой шлюху, — сухо произнес водник. — Если не знаешь, порядочную женщину мужчина не унизит подобным передвижением.

— Почему? — хмуро спросила я. — Почему на плече носят только шлюх?

— Ни добропорядочная женщина, ни тем более благородная лейда не будут никому показывать свой зад.

— Он же под платьем!

— А очертания? — многозначительно спросил Аквей. После усмехнулся и возобновил наше стремительное шествие.

Решив больше не добиваться ответа, я следовала за ним. Кусала губы и бросала на мужчину пытливые взгляды. Но он так и не снизошел до объяснений. Молчаливый и сосредоточенный Скай вывел меня к широкому тракту, на другой стороне которого стоял двухэтажный постоялый двор. По тракту катили телеги, проскакали двое всадников, бросив на нас с водником короткие скучающие взгляды. У самого придорожного заведения было оживленно. До нас донесся взрыв мужского смеха, после бранилась какая-то женщина, и я только сейчас обратила внимание, на то, что уже рассвело, и начался новый день.

Аквей пропустил груженую повозку, после оглянулся и повел меня через тракт. В дверях постоялого двора мы столкнулись с низкорослым худым мужиком, который согнулся в почтительном поклоне, пропуская леора и его спутницу. Затем обернулся нам вслед, но Скай, кажется, даже не заметил мужчину.

Он увлек меня вверх по лестнице, и уже с последней ступеньки громко произнес:

— Вина в мою комнату. Снедь тоже прихватите.

Я по-прежнему молчала, уже даже не гадая, что будет дальше. Аквей толкнул дверь в одну из немногочисленных комнат второго этажа, пропустил меня вперед и кивнул мальчику, вскочившему со стула при нашем появлении:

— Свободен, малец.

— Никто не лез, благородный леор, — звонко ответил парнишка.

Я удивленно посмотрела на водника, и он усмехнулся:

— Замков здесь нет. Мальчишка присмотрел за комнатой.

Хмыкнув, я прошла к столу и села на стул, с которого только что встал маленький сторож. Скай отошел к пыльному окну и некоторое время смотрел на улицу, не обращая на меня никакого внимания, и я снова не выдержала.

— Скай, — позвала я. — Ты сердисься...

— Да, Ирис, я сержусь, — ответил он, не оборачиваясь. — Сержусь за твое молчание.

Когда ты вспомнила про слияние?

— Еще до встречи с Вайтором...

— И молчала!

— Что так злит тебя?! — воскликнула я, всё еще не понимая его негодования. Ну сказала бы сразу, и что тогда? Я не знаю, можно ли обратить ритуал вспять. И как избавиться от притяжения стихий тоже не знаю. Так какая разница, когда я скажу, что невольно загнала его в ловушку?

Водник не успел ответить. В дверь постучались, и тот же невысокий мужик внес большой поднос, на котором стоял кувшин с вином, два глиняных стакана и тарелка с чем-то съестным и горячим.

— Сейчас принесу остальное, — пропел мужчина и скабрезно подмигнул мне.

— Любезный, — тут же ледяным тоном произнес Аквей. — Я тебе глаза вырву и язык,

если вздумаешь назвать непотребно благородную лейду.

— Ох, — охнул мужчина, спешно поклонился мне и выскочил за дверь.

Скай дождался, когда закроется дверь. После подошел к столу и плеснул вина в один стакан. Затем отошел к седельной суме, лежавшей на кровати, достал нож с богатой рукоятью и вернулся к столу. Я зачарованно смотрела, как водник подернул рукав своей рубашки и полоснул по руке. После дал крови стечь в стакан и протянул его мне.

— Пей, — приказал Скай. — Ритуал не завершен. Мы не обменялись кровью.

— Ты хочешь, завершить слияние? — изумленно спросила я, готовая к отповеди за свой поступок. — Но, Скай, у тебя уже не будет пути назад!

— А ты всё еще думаешь, что я ищу путь назад? — он насмешливо изломил бровь.

— Твоя невеста, ты ведь хотел жениться...

— А я что сейчас делаю? — усмехнулся Аквей. — Скажи мне свое «да», Ирис. Мое согласие ты уже получила.

— Против твоей воли?

Он поставил стакан на стол и перегнулся через него, приближая свое лицо к моему:

— Тогда почему я принял твой дар? — спросил водник с добродушной усмешкой. — Почему мечтал о тебе, когда впору было ненавидеть? Отчего любовался в тронном зале, когда должен был исходить ядом? И отчего мой дар наполнился силой, когда я проглотил вино с твоей кровью? А отчего ты выбрала меня среди пятерых мужчин и продлевала жизнь, несмотря ни на что, не пресытившись игрушкой даже за год? А может у тебя есть объяснение, почему я выкрал тебя из Черного замка, не сумев убить? Почему снял цепи, почему оставил рядом с собой и грезил тобой даже рядом с другой женщиной, которую почитал за возлюбленную? Уж не оттого ли, Ирис, что нас связало нечто большее, чем ритуал слияния? Ты столько толковала о притяжении стихий, и не задумалась, что наши сущности уже всё решили за нас, даже когда мы не подозревали о том, кем являемся. Так давай закончим то, что ты начала по наитию. Прими дар моей крови, Ирис.

Аквей снова поднял стакан с вином, смешанным с кровью, протянул мне, и я взяла его. На мгновение задержала у своих губ, глядя на Скаю. Он едва заметно улыбнулся и кивнул.

— Принимаю дар твоей крови, Скайрен Аквей, — хрипло произнесла я и сделала первый глоток.

Не знаю, каким вино было без кровавой примеси, но сейчас мне показалось, что ничего приятней я не пила до этого. Чуть пряный вкус, чем-то напоминавший аромат скайренов, отныне заполнивших теплый источник айров, еще ненадолго задержался на языке, заставляя смаковать, и я прерывисто вздохнув, допила вино полностью. После подняла взгляд на Скаю.

— Теперь супруги, — вдруг севшим голосом сказал Аквей и склонился к моим губам, слизав последнюю бордовую каплю с уголка моего рта. — Что должно случиться дальше?

— Я не знаю, — прошептала я, зачарованно глядя на солнечные блики в синих глазах.

— Наверное, теперь я тоже буду чувствовать тебя.

— Значит, как обычно, всё узнаем постепенно, — улыбнулся Скай и наконец завладел моими губами...

Глава 13. День пятнадцатый

Ночь без сновидений — это невероятное счастье! Это я поняла, открыв глаза в комнатухе на постоялом дворе на пятнадцатый день моей свободы от Вайториса. Первая

ночь, когда я не перенеслась ни в одну из ложных реальностей. И первая ночь, когда я, наконец-то, смогла выспаться. Мне хотелось верить, что причиной этому стало наше полное слияние со Скаем. Не знаю, что я вообще должна была почувствовать, папа сам этого толком не знал, но явных перемен пока не ощущалось. Подождем.

Открыв глаза, я некоторое время смотрела с улыбкой на солнечный луч, скользивший по вытертому деревянному полу, после вновь зажмурилась и сладко потянулась. Живот мой тут же накрыла ладонь Аквея, он прижал меня к своему обнаженному телу и промурлыкал в затылок:

— Кажется, я еще никогда так хорошо не спал. Никакой беготни по реальностям, никаких рыжих, ничего. Только крепкий долгий сон. — Он перевернул меня на спину, и я встретилась с лучистым, чуть озорным взглядом водника. — А как вам спалось, лейда Аквей?

Я прижалась к нему лбом, попыталась сдержать смешок, но он всё равно прорвался сдавленным фырканьем, а после и вовсе затряслась от беззвучного смеха.

— Не понял, — озадачился леор Созидающий. — Над чем глумимся, ягодка моя.

Он снова развернул меня на спину, но я закрыла лицо сжатыми кулаками, замотала головой и расхохоталась в голос.

— Я так понимаю, что тебя, ядовитая женщина, развеселила моя фамилия, так? — сухо осведомился водник.

Вновь замотала головой, попыталась справиться со смехом, но лишь опять перешла на беззвучный хохот.

— В конце концов! — возмущенно воскликнул Скай.

— П... прости, — выдавила я через силу, — но это так странно. — Я шумно выдохнула и села, надеясь, что истерический хохот все-таки остановится. — Лейда Аквей... — улыбнулась ему и снова прижалась лбом к плечу. — Я даже не уверена, что это можно считать брачным обрядом.

— А чем еще? — хмуро спросил Аквей. — Мы — единое целое. Разве не это вещают старейшины, когда соединяют мужчину и женщину?

— Такой обряд никто не признает, — я посмотрела на Ская.

— Значит, будет еще один, — он пожал плечами и сменил тон с ровного на ядовитый:

— Вообще-то, у меня не было настроения вести долгие беседы. Но теперь, того настроения не осталось. Пеняй на себя, Ирис Акве-ей, — гаденьким тоном закончил мстительный супруг.

Он поднялся с узкого ложа, потянулся, бесстыдно демонстрируя мне подтянутое сильное тело, тряхнул волосами и направился к лохани с холодной водой.

— Скай, вода холодная, — важно сообщила я ему в спину.

— И?

— Напряжение хочешь снять, или желаешь казаться менее привлекательным? Таким совсем немного привлекательным. Ма-аленьким...

Скай упер ладони в бока и обернулся ко мне:

— Я всё еще сильно привлекателен? — ровным тоном спросил он, и я округлила глаза, упершись взглядом во вздыбленное мужское естество, и восторженно протянула:

— О-о-о...

— Божественно прекрасен, — с пафосом провозгласил водник и направился ко мне.

— А как же маленький? — фальшиво удивилась я.

— Всё в твоих руках, Ирис, и не только руках, — пропел Скай, наваливаясь сверху...

Уже позже, позавтракав и оседлав двух фыркающих скакунов с насупленной обиженной крысой на холке Бурана, мы вновь выехали на дорогу. Искра покусав нас обоих еще вечером, гордо ушла и больше не возвращалась. Впрочем, о том, что она засела в конюшне, мы узнали по пронзительным визгам конюха. Скаю пришлось выбираться из комнаты, чтобы узнать о причинах переполоха. Дело разрешилась серебрушкой, и охота на нашу крысу прекратилась. Оставив до утра дело примирения, водник вернулся в наше временное гнездышко. Но и утром надутая Искра мириться не желала. Мы решили дать ей остыть. Цветик и Буран тоже ворочали морды, но везли не взбрыкивая.

— Ты не могла сделать их менее понятливыми? — задумчиво спросил Скай. — Что за новости? Я у собственного жеребца должен просить прощения, да меня засмеют же!

— Тебе будут завидовать, — назидательно ответила я.

— Значит, ничего менять не будешь?

— Не-а, — я жизнерадостно мотнула головой.

— Ну и ладно, — легко согласился муженек.

Обмениваясь шутками и болтая ни о чем, мы неспешно продвигались вперед, каким-то чудом обходясь без новых приключений. Никого из нас не похищали, никаких поклонений, и нападений тоже никаких. К обеду я даже немного заскучала. Скай помалкивал, о чем думая. Это занятие показалось полезным и мне. Прикрыв глаза, я попыталась вспомнить хоть что-нибудь из событий давностью почти в девять столетий, но, как назло, память не спешила баловать меня новыми открытиями. На душе царило нечто искрящееся, светлое, застилавшее взор солнечным бликом, отразившемся от водной глади. Что уж таить, я была по-настоящему счастлива.

Эта мысль неожиданно напугала. В моей жизни не бывало долгого счастья. Тут же подумалось, что вскоре мы доберемся до того, места, где Ская ждут его люди. И ладно бы только воины, но и Эйволин. Что ожидает нас после того, как водники узнают о столь стремительных переменах в жизни их леора? Как встретят? Что припомнят мне, и в чем обвинят его? Как доказать, что между Ирис и Игнис целая непреодолимая пропасть? Как объяснить, что бездушная оболочка, служившая Вайторису не имеет со мной ничего общего, кроме тела и схожих черт? Как они смогут поверить, насколько велика моя боль при мысли о злодеяниях, совершенных мной?

— Ирис. — я вздрогнула и посмотрела на Скаю. — Твое настроение изменилось. Я чувствую волнение, смятение, даже страх.

Мне хотелось возразить и сделать вид, что ему показалось, но внезапно ощутила, словно свои собственные чувства, настороженность и тревогу — первые прелести слияния, похоже.

— Сколько нам еще ехать до места встречи с твоими людьми? — спросила я вместо прямого ответа.

— День-два, — пожал плечами Скай. — Может, три.

Я усмехнулась. Аквей лукавил, и мы оба понимали это. Мы могли быть на месте уже через несколько мгновений, но он тоже не спешил соединяться с отрядом.

— Почему ты не хочешь воспользоваться своим даром? — спросила я.

Скай скосил на меня глаза и надменно ответил:

— Если тебя кто-то увидит без одежды, мне придется его убить. Убивать всех мне не позволяют убеждения, ни старые, ни тем более новые.

Я укоризненно покачала головой.

— Ты можешь оставить на мне одежду, — уверенно сказала я.

Он передернул плечами, словно говоря этим жестом: «Какая глупость!».

— Врун, — я улыбнулась. — Седельная сума, милый.

— Что — седельная сума?

— Ты смог сохранить ее, как и ее содержимое. И сам выбираешься в одежде, если не снял ее заранее. Только я всегда почему-то ее теряю.

— А на тебе сохранить не удастся, — Скай коротко вздохнул и ответил мне честным взглядом.

— Раньше может и не удавалось, но теперь...

— И теперь не удастся, — неожиданно жестко оборвал меня водник. — Будем добираться верхом.

Он отвернулся, и я почувствовала волну его упрямства. Усмехнувшись, тоже устремила взгляд вперед. Не хотелось вновь гадать, от чего Скай не спешит вернуться к своим. Опыт показал, что его я разгадываю гораздо хуже, чем он меня. И чтобы не прийти к неверным выводам, я решила не отступать.

— Чего ты опасешься?

— Глупости, — отмахнулся водник.

— Скай, я ведь тоже тебя сейчас чувствую, — заметила я. — Ты стал особенно напряжен и мрачен после моих вопросов. — Что тебя угнетает? Объяснения с Эйволин, признание в нарушении клятвы, или непонимание твоих людей?

— Да плевать мне на клятву! — желчно и резко ответил Аквей. — С ней я легко разберусь. Она приносилась отцом. Я ее выжгу из крови, как только доберемся, если там вообще что-то еще осталось от крови моего рода и самой клятвы после начала изменений. Подозреваю, что ее уже нет, если я с такой легкостью забыл о невесте, к которой вроде как был привязан. С Эйви сложнее, тут не обойтись без объяснений. Да, Тьма, я Созидающий! Восстановлю ей девство, если потребуется, и с почетом и богатым приданым выдам замуж, за кого пожелает. В конце концов, меня год считали погибшим, и когда я вернулся, на ее лице растерянности было больше, чем нежданного счастья. Это всё решаемо. Но сломить баранье упрямство людей и доказать, что винить тебя во всех бедах, все равно что винить крышу за то, что ее сорвал ветер, и она придавила случайного путника. Мне плевать, что начнутся обвинения в предательстве, в том, что меня околдовали, опоили, что я поддался на чары и красоту.

— Ты сам говорил, что их сложно осуждать, — я отвернулась от него. — И ты был прав. Им есть, за что ненавидеть меня. По своей воле или нет, но именно я убивала людей четыреста лет. Может и больше. Не даром же в предыдущее возрождение ко мне тоже относились враждебно.

— Я вообще много чего говорил, — тон Скай стал совсем раздраженным. — Тьма! Не уверен, что даже если мы вырастим на их глазах еще сто садов, они поверят, что ты не ведешь их в западню рыжего. Я упорно ищу нужные слова, чтобы унять враждебность и заставить их посмотреть на тебя другими глазами. То, что тебя привыкли считать одним целым с Вайторисом, теперь играет против нас.

— Им нужно время...

— А у нас оно есть?

— Тридцать дней еще не истекли, — рассеянно улыбнулась я. — Еще только пятна...

— Стоять! — рывкнул водник столь оглушительно, что вздрогнули: я, кони, Искра и пара случайных попутчиков, на свою голову только что обогнавшие нас.

Мужчины обернулись, но Скай в их сторону даже не посмотрел. Его тяжелый взгляд уперся в меня, я гулко сглотнула.

— Что там с днями, ягодка? — как-то очень тихо и проникновенно спросил водник. — Какие, к Тьме, тридцать дней?

Вот... Тьма. Аквей спешился, перехватил поводья Цветика и продолжил сверлить меня взглядом снизу вверх. Протяжно вздохнув, я последовала его примеру. Когда мои ноги коснулись земли, водник сжал мою ладонь и потянул к краю дороги, коротко велел:

— За мной.

Оба жеребца послушно зацокали следом, даже Искра спрыгнула на землю и засемила между копытами скакунов. Я поджала губы, осознавая, что животные повели себя так, как если бы приказать им довелось мне. Интересно, а если Скай прикажет какому-нибудь другому животному, оно также станет послушно? Хм... Но тогда он владеет уже не одной, а двумя стихиями, и значит... Я раскрыла ладонь, представила, что на ней появляется капля воды...

— Ирис!

— А? — я вздрогнула и раздосадовано взглянула на супруга. Капелька не появилась. Я даже толком не поняла, ощущаю какие-то перемены или нет. — Скай, а ты...

— Рассказывай, — потребовал водник.

И что мне рассказать? О туманных подозрениях, что срок, назначенный Вайтором, кажется, имеет значение и без его даров? И что будет в итоге? Вайторис обещал смерть, но так ли это? С одной стороны он не лжет, но с другой... Скай прав, и огневик умело манипулирует мной. Он приучил меня к тому, что его слов — истина, и я даже сейчас продолжаю верить ему. Вайтор уверил меня в своей неуязвимости, и вновь я верю, но ведь... «Поймал тебя на полдороги к башне. Ты не оставила мне выхода...». И вновь Грани. Снова я возвращаюсь к ним. Я воткнула ему в грудь нож и помчалась к башне, значит, знала, что удар в грудь его не убьет, тогда... Хотела выиграть время, чтобы добраться до Граней? И на совете магов я тоже говорила про Грани и рвалась к ним. Выходит, уязвимость лже-Вечного...

— Ирис!!!

— Бесконечный Хаос, Скай! — воскликнула я, прочищая ухо. — Я чуть...

— Никогда еще я не был так близко к твоему удушению, — признался Аквей.

— И тридцатого дня ждать не будешь? — хмыкнула я и поперхнулась собственным смешком.

— Что? — сдавленно спросил водник. Он откашлялся, и теперь голос его наполнился звенящим металлом. Скай заговорил, четко выговаривая каждое слово: — Что произойдет на тридцатый день?

— Да не помню я! Клянусь! — воскликнула я, прижав ладонь к груди. — Изначально, по условиям наказания, на тридцатый день должен был расцвести цветок бессмертия, я тебе говорила про дары...

— Их уничтожила твоя родная сила, почему ты продолжаешь говорить про тридцать дней?

Протяжно выдохнув, я пожала плечами и отвернулась.

— Я не помню, Скай, честно, — негромко произнесла я. — Возможно, ничего не

произойдет. Просто... Просто где-то там, — я постучала себя пальцем по виску, — есть смутная уверенность, что в сроке в тридцать дней имеется какое-то значение.

— И...

— И?

— Возможно, оно несет тот же смысл, что и изначальные условия наказания. Точней не скажу.

Аквей развернул меня к себе лицом, и мне предстала маска ледяного спокойствия с сияющими бликами в синих глазах. Впрочем, судить по лицу не было ни нужды, ни смысла, я чувствовала по нашей укрепившейся связи бурю, сейчас бушевавшую в Скае.

— То есть, — он вновь откашлялся. — То есть у нас осталось всего пятнадцать дней, а потом...

— Я не знаю, Скай, — вновь отвернулась. Не было сил выдержать его взгляд. Бесконечный Хаос! От взгляда я спряталась, а вот от чувств нет. Мне сдавило грудь чужими переживаниями. Тревогу сменил страх. Он полз по телу ледяной волной, заполняя собой каждую клетку. Но вдруг нутро обожгло гневом и вернулось упрямство.

Скай вновь развернул меня к себе лицом, сжал ладонями плечи и заговорил быстро и сосредоточенно:

— Это может быть связано с рыжим?

— Не знаю.

— Если его устранить, ты освободишься, так?

— От его власти я и сейчас свободна. От возможности вернуться к нему, да, освобожусь...

Аквей выпустил меня из захвата и заходил взад и вперед, нервно потирая руки.

— Цветок бессмертия... Цветок бессмертия... Он считается бессмертным, ты живешь слишком долго, значит, у вас один источник, продляющий жизнь. Что это может быть? Ирис, — я потеряла подбородок. — Думай, любовь моя, думай.

— Папа и другие Созидающие, насколько я помню, — начала я не слишком уверенно,

— прожили намного дольше обычной жизни мага.

— Магу продляет жизнь его дар, — Скай стремительно обернулся ко мне. — Когда дар угасает, заканчивается и жизнь мага. Дар Созидания живет дольше? В этом дело?

Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, знаю ли ответ на этот вопрос, и вдруг в голове вновь всплыли слова отца, когда он разговаривал с Вайторисом: «Мы такие же смертные, как и все остальные, и наш жизненный путь и так затянулся. Я не хочу жить дольше, чем моя жена и мои дети. Я не буду смотреть на бесконечную череду смертей дорогих мне людей». Они искусственно продлевали свою жизнь! Что еще говорил папа?...

— Ну, конечно! — вслух воскликнула я, следуя за своими мыслями. — Они говорили о Гранях, о намерениях Вайтора, и папа отказался жить дольше, чем мама или мы с братом. Мы такие же смертные, как и все остальные, и наш жизненный путь и так затянулся. Грани и затянувшаяся жизнь — всё это звучало в одном разговоре. Еще они говорили о какой-то ловушке, в которую загнали мир. И о попытках исправить ошибку. А Вайтор отвечал, что других Созидающих в этом мире нет, и что я могу и не родить следующего творца, потому что полукровка. Значит... значит... Если объединить воедино, то выходит...

— Выходит, что они загнали мир в ловушку и выпутаться из нее могут лишь Созидающие, — подхватил Скай. — Но других творцов нет, и они продлевали себе жизнь, чтобы разобраться с какой-то ошибкой.

— И эта ошибка относится к Граням, — закончила я.

Мы уставились друг на друга. Кажется, круг замкнулся, а понимание так и проскользнуло, едва задев нас. Аквей нахмурился и мотнул головой:

— Стоп. Начнем сначала, — сказал он. — Итак. Маг живет, пока его дар полон силы. Если исходить из того же принципа и в отношении Созидающих, а твой отец сказал, что они ничем не отличаются от остальных, то они так же могут тянуть столько же, сколько будет держаться сила в крови. Значит, чтобы продлить жизнь, нужно укрепить дар, то есть наполнить его силой. Верно?

— Или подпитывать, чтобы не позволить ослабнуть, — согласно кивнула я. — А где взять столько силы, чтобы это не отразилось на истинной Реальности и не породило Отражения? Тьма! — вскрикнула я и шлепнула себя ладонью по лбу. — Вот ду-ура-а! Какая же слепая дура! — ответ всё время был на поверхности. Я столько раз была рядом и не заметила очевидного. — Вайторис хотел встряхнуть мир и запечатать! Отражения, Скай, всё дело в Отражениях! Откат силы. Вот оно!

— Поясни, — тряхнул головой Аквей.

Я рассмеялась, ощутив вдруг такое облегчение, словно проделала долгую и сложную работу.

— Вспомни, что я говорила. Судьбоносное событие вызывает всплеск силы в истинной Реальности, и она расходится, как волна, порождая Отражения и создавая вариантность произошедшего события. Но что происходит с волной, когда она достигает берега? Ну же, водник!

— Откат, — шепотом откликнулся Скай. — Волна откатывает обратно.

— Именно! — я хлопнула в ладоши. — Сила, саккумулированная в Отражениях, устремляется назад. И чтобы ее распределить...

— Нужен Созидающий! — воскликнул мой водник.

Я горячо кивнула, уверенная в своей правоте, как никогда до этого. Маг не справится с внешним воздействием силы такой мощи. Вайторис — разрушитель, он может поглотить, но и его раздавит волной, испепелит, сотрет в прах, потому что откат можно приравнять к Изначальной силе, то есть к самому Хаосу. Правда, силу Хаоса не выдержит и Созидающий, а вот с откатом из Отражений вполне справится, перераспределив часть энергии по Отражениям, часть преобразовав в магический поток, который и достигнет истинной Реальности, не внося дисбаланса и не нанеся катастрофических изменений, как обратная волна энергии в чистом виде.

— Вот зачем ты была ему нужна, — уверенно произнес Скай. — Ты распределяла силу отката. А он питался ею, продлевая свою жизнь. Я правильно понимаю? Энергии, скопленной в Отражениях, ему вполне хватает для подпитки. А из-за того, что твой дар находился в спящем состоянии, наверное, ты не могла справиться с крупным откатом, и он сдерживал развитие мира, чтобы Отражений появлялось, как можно меньше.

Да. Чем больше отражений, тем сильнее обратная волна... Но... что было еще. Что-то со связью между гранями Кристалла реальностей. Если не ошибаюсь, то:

— Чем больше Отражений добавляется, тем слабей связь между Гранями, а ее разрыв ведет к Хаосу. — Вчетвером они справлялись намного лучше, чем я одна. Даже с даром в полную мощь, я могу не удержать Кристалл, и распад Граней приведет к освобождению энергии. И тогда она уничтожит и Отражения, и...

— Истинную Реальность, — мрачно закончил Аквей. — Поэтому он и предлагал одним

махом заполнить Отражения энергией на будущее и запечатать мир, оставив его в статичном состоянии.

— Только тогда четырех Созидающих хватало, чтобы смягчать откат, преобразовать и использовать энергию. Они сами были набиты силой под завязку. Триги, айры — это измененные люди, а не просто новые формы жизни. Они созданы слиянием двух уже имеющихся сущностей. И не одна особь, как Венн. Чтобы они могли плодиться и развиваться, менять нужно было целое племя. Нечто подобное мне рассказывал отец, сейчас я всё больше вспоминаю. У нас бы с тобой не хватило сил, до слияния точно. А им хватало, потому что не сдерживали события. Всё шло своим чередом, не нарушая правил и законов Созидания.

— А слияние двух форм жизни в одну?

— Значит, получили согласие, иначе бы не было ни тригов, ни айров. Хотя может есть и другие измененные. Регинис мог создать водные формы жизни, Вайторис огненные. У них вообще было бесконечное количество энергии, на то, чтобы жить и творить. Почти боги...

Скай вдруг усмехнулся:

— Какой соблазн для честолюбца стать единым всемогущим богом.

— Тьма. — выдохнула я. — Вечный и бесконечно могущественный, только... Только он утратил суть творца.

— Но у него осталась юная Созидающая, которая могла выполнять ту работу, которую не мог выполнять он, — подвел итог Аквей.

Да, Созидающая, которую он убивал и возрождал, потому что вспоминая нечто, она стремилась отсечь его от Граней. Поэтому он и гнался за мной, получив удар ножом в грудь, поэтому поймал Торна, и вновь остановил меня, а потом наказал, заставив убивать Айров, и чувствовать, как любовь воздушника сменяет черная ненависть. А потом вновь уничтожил и возродил послушной собачонкой Игнис.

— Так что произойдет на тридцатый день? — глухо спросил Скай.

И я поникла, мотнув головой.

— Не помню.

— В любом случае, нам нужно к Граням. А чтобы добраться до них, нужно попасть в замок рыжего. Значит, планы не меняются, только на подготовку, осаду и прорыв у нас всего дней двенадцать-тринадцать. Это предел. Тянуть ни к чему, отправляемся на встречу с моими людьми.

Всё это Скай произнес твердо, не допуская возражений. Он принял решение и отступать от него не собирался. Я бесконечно долгое мгновение смотрела на него, а после произнесла то, что сказать оказалось сложно:

— Вернись со мной, как с пленницей или соратником, только не называй женой и не открывай нашей связи. И помолвку не расторгай.

— Не вижу смысла, — заупрямился Аквей.

— Так они больше тебе поверят, — невесело улыбнулась я.

— Ты понимаешь, что мое нежелание продолжать делить спальню с Эйволин всё равно вызовет много вопросов?

— Подготовка войны такое нудное дело. И разездов предвидится немало...

— И целовать ее я тоже не буду. Я вообще не смогу вести себя с ней так, как раньше. Это вызовет подозрения, и всё придет к тому, что...

— Но если сразу скажешь, как есть, боюсь, не только водники, но и другие стихии не

отзовутся. А триги и айры не столь многочисленны, чтобы ты сам повел их под стены черного замка на верную гибель. Нам нужны маги, и им еще нужно доказать, что мне можно верить. Не усугубляй, прошу.

— Тьма, — выругался Скай. — Ты права. Придется немного посидеть на раскаленной сковородке. Что не сделаешь, чтобы твой брак продлился дольше пятнадцати дней, — он невесело усмехнулся: — Ну и для спасения мира, само собой. — И закончил: — Только зачем мне всё это, если может остаться только мир?

— Разве не этим ты всегда грезил? — улыбнулась я.

— Иногда всё меняется после одного глотка вина, — хрипло ответил Аквей и с силой прижал меня к себе, зарываясь носом в волосы.

Я уткнулась ему в грудь и зажмурилась изо всех сил. Было страшно. Кажется, никогда еще мне не было так страшно. Я боялась, что вновь окажусь во власти Вайториса, боялась новых человеческих смертей, но главное, я боялась за мужчину, державшего меня в объятьях. Если я не справлюсь, если погибну, что станет с ним? К чему приведет слияние после смерти одной из половин? Как никогда, я теперь жалела о своем необдуманном поступке, когда начала всю эту историю, капнув в вино несколько капель своей крови. Но... Но если бы я этого не сделала, то мой водник мог быть уже мертв, или же продолжал бы томиться в плену, а я по-прежнему служила Вайторису, продлевая его «вечную» жизнь и даря ему все больше и больше могущества.

— Справимся, Ирис, — прошептал мне в волосы Скай. — Мы справимся.

— У нас нет выбора, — также шепотом ответила я.

— Нет. Выбора нет.

Водник чуть отодвинулся и заглянул мне в глаза. Он убрал с моего лица волосы, которыми играл ветер, несильно сжал голову и склонился к губам:

— Они поймут всё слишком быстро, — сказал он, — но я постараюсь быть убедительным.

— Люблю тебя, — шепнула я.

— И я тебя... ягодка, — Аквей усмехнулся, прижался к моим губам, и подводный источник, вдруг прорвавшийся наружу, поглотил нас, двух скакунов, и крысу, вцепившуюся зубами в подол моей юбки, на глазах путников, спешивших по проезжему тракту...

Долина трех озер, встретила нас мирной тишиной. Ветер шуршал высокой подсыхающей травой, ее запах смешивался с ароматом цветов и заполнял воздух, дурманя голову ощущением безмятежности и покоя. Деловито жужжали пчелы, порхали бабочки. Где-то среди ветвей густых великанов деревьев щебетали птицы. Озерная гладь, взволнованная нашим появлением, успокоилась и вновь подернулась мелкой рябью.

Цветик и Буран, кажется, уже начали привыкать к подобным перемещениям, и когда их тела обтянула плоть, затрясли гривами, сбрасывая водные капли на траву. Искра, усевшись на задние лапки, терла передними мордочку, похоже, ее тоже уже мало нервировало изменение формы. Я подхватила вредину на руки, усадила себе на плечо, и крыса, решив смилостивиться, противиться не стала.

— Как здесь хорошо, — я закрыла глаза и вдохнула теплый влажный воздух полной грудью.

— Угу, — промычал Скай. Его ладони легли мне на талию, и к спине прижалась крепкая мужская грудь. — За той рощей мой замок. Меньше, чем в Долине водопадов, и более старый. Я поселю тебя рядом с собой.

— Лучше в соседних покоях, — я откинула голову назад и уперлась затылком ему в плечо. — Без Эйволин наше тесное соседство вызовет подозрения.

— Даже если мы будем жить в разных концах замка, подозрения останутся, — усмехнулся водник. — Все видели, что меня тянет к тебе. Все помнят истерику Эйви, когда она застала нас. Думаю, вряд ли кто-то поверит, что между нами ничего не произошло. Эту часть наших отношений не скрыть. Признаться, я и не хочу скрывать.

— И все-таки придется.

— Помню, — ворчливо отозвался Скай, поцеловал меня в макушку и отстранился. — Идем.

Я покладисто кивнула. В седла мы не вернулись, не сговариваясь, брели пешком, касаясь друг друга тыльными сторонами ладоней. Наконец, пальцы сами собой переплелись и сомкнулись в крепкий замок. Удовлетворенный вздох одновременно сорвался с наших губ. Кратковременное расставание вдруг показалось трагедией, несмотря на то, что мы всё равно будем рядом. Потребность видеть, слышать, касаться моего водника оказалась столь огромной, что я остановилась и прикрыла рот ладонью, пытаясь удержать возмущенный вскрик. А после подумалось, что вместо меня это будет делать его бывшая невеста, и испуг сменился жгучей ревностью.

— Ирис, — негромко позвал меня Скай. Я вскинула на него взор, только сейчас заметив, что глаза его вновь сияют, и грудь вздымается часто и тяжело.

— Прости, — я шумно выдохнула, понимая, что ему передались мои эмоции. — Это минутная слабость. Я справлюсь.

— Мы еще даже не дошли, — едва заметно улыбнулся Скай. — Мне тоже тяжело.

— Мы всё равно едины, — словно давая себе и Аквею установку, разделяя слова, проговорила я. — Наши силы сплелись в единый жгут, и его не сможет разорвать ни стена между нами, ни люди, ради спасения которых мы притворимся друг другу чужими.

— Едины, — кивнул Скай.

— Справимся.

— Да.

Негромко рассмеявшись, мы возобновили путь, стараясь больше не молчать. Говорили пока о мелочах, подготавливаясь к встрече с водниками. Наши жеребцы топали позади, время от времени фыркая и позвякивая сбруей. Искра притихла на моем плече, словно чувствуя, что внутри я далеко от внешнего показного спокойствия. А потом показался замок.

И вновь не сговариваясь, остановились, сжали ладони друг друга в последний раз и забрались на коней.

— Нет смысла оттягивать неизбежное. Вперед! — воскликнул Скай и первым пришпорил Бурана.

Я на мгновение замешкалась, поглубже вдохнула, словно собиралась нырнуть, а после просто велела:

— Догоняй, — и Цветик сорвался в стремительный галоп.

— Открыть ворота! — заорал Аквей, еще не доехав до замка. Его голос прокатился по воздуху раскатом грома.

— Господин! Это господин! — донес до меня ветер крики стражи.

— Ох, бесконечный Хаос, — выдохнула я, и Цветик прогрохотал копытами по деревянному мосту, перекинувшемуся через ров.

Он влетел в замковый двор, где уже спешился Скай. К нему спешили люди, на их лицах вспыхивали радостные улыбки. Вспыхивали и гасли, как только они замечали меня, оставшуюся в стороне от шумной встречи.

— И сука с ним, — донеслось до меня чье-то шипение.

— Не сдохла, тварь...

— Живучая гадина...

Я устремила взгляд поверх человеческих голов, проглатывая яд всеобщей ненависти. Что там говорила Игнис? Плевать на оскорбления? Нет, Ирис не Игнис, мне не плевать. Но не обида заполняла меня с каждым новым шепотком, но горечь того, что каждое обвинение справедливо. И не стоит надеяться, что они всё простят мне и забудут. Слишком много страха и слез, слишком глубоко въелась их ненависть к убийце. Никогда, никогда мне стать для них своей. И даже если я смогу довести в этот раз до конца то, что много раз начинала, то и это не примерит людей с существованием Черной твари.

— Дай мне сил, — прошептала я, глядя в далекое голубое небо.

— Скай! Скай!

Вздогнула, сжала кулаки и вовсе отвернулась к Цветику, потому что к моему воднику мчалась его невеста.

— Ты вернулся, Скай!

Во мне всколыхнулась волна чужой растерянности, затем появилось упрямство, а после и раздражение промчалось по крови, и я услышала:

— Эйви, я грязный с дороги. Дай мне выдохнуть и привести себя в порядок. — Небольшая заминка. — Как ты... — новая заминка и словно через силу, — милая?

— Ох, Скай, я так волновалась за тебя. — защебетала водница. — Ты же остался один на один с этой...

— Лейда Ирис, подойдите ко мне, — вместо ответа громко произнес Скай.

Я обернулась, но водника от меня скрывали его люди, сгрудившиеся вокруг него. Расступаться никто не спешил, и, кажется, даже не поняли, к кому относилось восклицание.

— Лейда Ирис!

— Я здесь, — хрипло ответила я. Кашлянула и звенящим на грани истерики голосом повторила: — Я здесь, леор Аквей.

— Подойдите ко мне, — потребовал Скай повторно.

Люди обернулись в мою сторону, и мне захотелось в то же мгновение обратиться пеплом, до того острая неприязнь была в их взглядах.

— Разойтись! — прогрохотал Аквей.

Толпа осталась стоять на месте, о чем-то перешептываясь, мне в это вслушиваться не хотелось. Неожиданно вспомнилось мое недавнее пребывание у айров. Ясноокая богиня... Какое счастье, что Вайторис не уничтожил крылатых, хоть где-то меня принимают с почтением.

— Что, к Тьме, происходит?! — раздраженно воскликнул Скай. Он сам растолкал тех, кто перекрывал мне путь и чеканно произнес, подойдя ко мне: — Лейда Ирис, я говорю, вы повинуетесь.

— Простите, леор Аквей, мои локти работают хуже ваших, — ответила я, глядя на ему в глаза, в которых сейчас, в отличие от тона, плескалось сочувствие.

— Так воспользуйтесь моими, — едва заметно усмехнулся водник. — Следуйте за мной.

— Разумеется, — не стала спорить я.

Но успела сделать за Аквеем всего пару шагов, когда нас остановил новый вопрос Эйволин:

— Скай, почему ты называешь эту так странно?

— Лейда Ирис, Эйволин, — поморщившись, поправил мой водник. После оглядел всех и, добавив в голос силы, чтобы его было слышно всем, произнес: — Я хочу, чтобы вы все узнали и запомнили! Женщина, которая стоит рядом со мной, наш союзник! Ее истинное имя — Ирис, стихия — земля. Темный подавил ее сущность, лишил памяти и сделал своей марионеткой. Теперь лейда Ирис свободна от его власти и готова искупить всё, что сотворила, будучи поработана Темным. Я не требую у вас почитать эту женщину, но обвинять и оскорблять запрещаю тоже! Если кто-то таит в себе недоброе против лейды Ирис, того я буду карать нещадно! Да, нещадно! — ожесточенно повторил Скай, услышав тихий ропот. — В ней наше с вами спасение и избавление от бесконечной власти Темного властелина!

— Она заморочила вас, господин... — начал один из воинов, но Аквей поднял руку, приказывая молчать.

— Все доводы и возражения я выслушаю позже. После краткого отдыха от дороги я созову совет, на котором мы обсудим с вами наше будущее и участие в нем лейды Ирис. Сейчас же я желаю, наконец, добраться до своих покоев. — Затем полуобернулся ко мне и сухо велел: — Следуйте за мной.

Нас провожали хмурые взгляды, к шепоткам за спиной я старалась не прислушиваться по-прежнему, послушно следуя за Скаем в жилую часть замка. Люди не понимали и не принимали слов своего господина. Им было тяжело поверить, вот так, ни с того, ни с сего, что убийца сама всего лишь жертва. Но это мне было понятно, как понятно и желание Аквея хоть как-то защитить меня от новых оскорблений. На мгновение я задумалась, не поспешил ли он со своей речью? Однако признала, что Скай знает, что делает и, наверное, и вправду лучше сразу обозначать границы перемен, чем тянуть, а потом обрушить новости на головы людей.

За спиной послышались торопливые шаги. Я не обернулась, только Скай бросил взгляд назад и тихо вздохнул. Нас догнала Эйволин. Она бросила на меня высокомерный взгляд и взяла Аквея под руку, улыбнувшись ему. Водник выдавил из себя ответную улыбку, но руку попытался осторожно высвободить. Однако его невеста не отпустила. Она прижала голову к плечу моего мужа, и мне пришлось стиснуть зубы и слушать ее негромкий голос, журчавший хрустальным ручейком:

— Я переживала, Скай, почему ты задержался?

— Так вышло, Эйви, — ровно ответил Аквей, снова пытаясь высвободить руку. — Милая, я пропах конским потом, весь в пыли, да и сам вряд ли пахну приятней, чем мой жеребец.

— Перестань, — отмахнулась Эйволин, — ты знаешь, что меня не смутит ни дурным запахом, ни видом крови, ни даже страшными ранами. — Она потерлась щекой о плечо Ская и продолжила более игривым тоном: — Я помогу тебе смыть грязь дорог. Ты ведь соскучился по своей маленькой Эйви? Правда, возлюбленный мой?

— Тьма! — выкрикнула я, не позволив ни ответить Скаю, ни продолжить свои речи его невесте.

Водник живо развернулся, выдерживая руку из захвата невесты.

— Что случилось? — спросил он.

Я ухватилась за перила лестницы, по которой мы как раз поднимались, и болезненно скривилась, потирая здоровую ногу.

— Оступилась. Сейчас пройдет, — солгала я.

— Пусть ее проводят стражники, — губки Эйви капризно надулись. — Ты слишком много внимания уделяешь этой... этой женщине.

— Она несколько раз спасала мне жизнь, — отмахнулся от невесты Скай. — Мой долг отплатить добром за добро.

Он уже протянул мне руку, чтобы я оперлась на нее, но Эйволин, словно чувствуя перемены, живо опустилась на ступеньку ниже и втиснулась между нами.

— Скай, она мучила тебя целый год! — воскликнула водница. — И если она пару раз спасла тебя, то это скорее искупление вины, и то не полностью! Прекрати возиться с ней, словно она тебе ровня, а не смертоносная тварь. Я желаю, чтобы ты, наконец, вспомнил о своей невесте, а то мне начинает казаться, что ты не рад нашей встрече. От меня уклоняешься, ей протягиваешь руку. — Эйволин вдруг обернулась ко мне, демонстративно втянула носом воздух и скривилась. — Впрочем, понимаю. Ты опасаясь испачкать меня, за нее переживать нечего, она и без того смердит, как навозная куча.

— Ты так часто бываешь на конюшне? — сухо спросил Скай. — Что благородная лейда забыла в обиталище лошадей и конюхов?

— Должно быть, наслаждается запахом навоза, коли так хорошо его изучила, — усмехнулась я и обошла пунцовую Эйви.

Я поднялась на несколько ступенек выше, Аквей задержался, что-то тихо чеканя своей невесте.

— Но, Скай...

— Я всё сказал, Эйви, — закончил он последовал за мной.

— Ты изменился, — достиг нас обиженный голосок.

— Эйви, Тьма! — вдруг взорвался Скай. — Я только что с дороги, и можешь мне поверить, она не была легкой. Но вместо того, чтобы спешить распорядиться подготовить мне умывальню, чистую одежду и стол, как подобает заботливой супруге, ты начинаешь вести себя непотребно.

— Я тебе еще не супруга, — выпалила Эйволин и испуганно охнула, прикусив язык, однако этого хватило, чтобы Скай вскинул подбородок и холодно ответил:

— Тогда твоя ревность и упреки излишни. Я не желаю принимать их от чужой мне женщины.

— Я чужая? Чужая? — женщина подобрала пышные юбки и поспешила за нами. — Я чужая?! К кто теперь твоя? Она?

— Ну, хватит, — рявкнул Аквей. — Когда вы мне понадобится, лейда Эйволин, я вас призову. Теперь оставьте меня в покое. Настоятельно советую вам охладить голову и подумать над тем, что вылетает из вашего рта. Я всё сказал. Лейда Ирис, не стойте пнем, корни всё равно не пустите.

Мы с Эйволин обменялись одинаково возмущенным взглядами и поспешили в разных направлениях. Водница, всхлипывая, побежала вниз, я зашагала вверх за супругом. Он свернул в одну из галерей, прошел ее, кивая стражникам, склонявшимся перед ним. Хлопнул по плечу Войтера, вышедшего навстречу. Поцеловал в щеку тетушку, со слезами спешившую

навстречу.

— Здравствуй, дорогая, — произнес он тепло и с нежностью. — Мы потом с тобой поговорим, а сейчас исполни обязанности старшей женщины в доме, позаботься о своем племяннике, пока я забочусь о своей... гостье.

— Я видела огонь, мой мальчик, — шепнула женщина, но я слышала. — Меня гложут сомнения, что ты сделал верный выбор.

— Только такой выбор и стоило сделать, дорогая, — также шепотом ответил Скай. — Твои видения вновь сбылись, ты зря сомневалась.

— Ох, дорогой мой, тогда ты помнишь и вторую часть предсказания. Надеюсь, что в ней я ошиблась, — вздохнула она, бросила на меня быстрый пытливый взгляд и поспешила исполнить просьбу племянника.

Я, обернувшись, короткий миг глядела вслед провидице в извечном фиолетовом платье. Мой интерес к предсказанию, о котором Аквей так и не рассказал, вновь возрос.

— Идемте, лейда, — позвал меня водник, и я вновь последовала за ним.

Идти оказалось недолго. Вскоре Скай достиг своих покоев. Он остановился и порывисто обернулся ко мне. Я встретилась с шальным взглядом глаз-озер и поняла, что он готов изменить выбранную нами линию поведения прямо сейчас, и отрицательно качнула головой.

— Это сила слияния, — одними губами произнесла я.

— Вот именно, — помрачнев, ответил водник и отвернулся. Он огляделся и ткнул пальцем на дверь покоев напротив:

— Кто занял эти комнаты?

— Ваша невеста, господин, — ответил стражник. Лицо Скайа перекошилось, и он вновь повернулся ко мне, скрывая гримасу от своих людей. Однако быстро справился с собой и указал на следующие:

— Там?

— Леор Мунн.

Аквей недоуменно изломил бровь:

— Что забыл леор Мунн в этой части замка?

— Он оберегал покой женщин, пока вы отсутствовали, господин, — стражник склонил голову.

— Леора Мунна ко мне, покои освободить и подготовить для лейды Ирис, — распорядился Скай и с явным облегчением сказал мне: — Лейда Ирис, вам придется пока воспользоваться моими комнатами. Как только подготовят ваши, вы сможете переселиться.

— Благодарю, леор Аквей, — я склонила голову, пряча улыбку.

Он открыл дверь, пропустил меня вперед и, как только она закрылась, прижал меня к стене. Его ладони легли по обе стороны от моей головы, и Скай прижался лбом к моему лбу.

— Я не смогу, Ирис, — прошептала он. — Врать, что ты мне никто, еще получается, но обманывать Эйви, что она по-прежнему что-то для меня значит, я не в силах. Во мне всё переворачивается, когда она прикасается, слова раздражают. Боюсь, я могу быть слишком резок с ней. Так или иначе, но я обижу женщину, на которой собирался жениться еще не так давно. Лучше я буду честным с ней. Пусть покричит, обвиняя в вероломстве, чем вновь и вновь будет искать подтверждения моей неверности. Сегодня же я объявлю о том, что разрываю помолвку. Причина — смена сущности. Клятва больше не имеет силы. Я найду,

что сказать ей, и поговорю еще до совета. Тебя вмешивать не позволю. Поселю отдельно, буду стараться держаться от тебя в стороне тогда, когда видимых причин для наших встреч не окажется.

— Они поймут, что ты из-за меня...

— Плевать! — зло воскликнул Аквей, ударив кулаком по стене. От неожиданности я зажмурилась и втянула голову в плечи. Скай притянул меня к себе: — Прости. С того мгновения, как мы въехали в замок, меня раздражают противоречия. Единственная причина, по которой я готов скрывать, кто ты для меня — это полное отсутствие времени. Спорить и уговаривать нам некогда. Если мои люди больше не верят мне, я найду тех, кто готов рискнуть и довериться Игнис Сиел. Поверь, такие люди есть. Жаль будет только упущенных мгновений.

— Ох, Скай, — я обвила его талию руками и еще тесней прижалась к крепкому телу. — Я даже не представляю, как их можно уговорить поверить мне. Для людей я навечно останусь злобной тварью.

Аквей зажал мне рот рукой и обжег гневным взглядом:

— Не смей поносить себя, — велел он. — Та, о ком ты говоришь, умерла пятнадцать дней назад. В свой замок я принес пленницу рыжего, такую же жертву, как и все мы. Тьма! Тебе досталось больше нашего, и кто вызывает истинное сочувствие, так это юная Ирис, жизнь которой превратилась в череду смертей и возрождений. Мы терпим рыжего столько, сколько отмерено нам нашей человеческой жизнью, ты не можешь найти покоя даже после смерти. И пусть мир не развивается, но люди продолжают любить, ненавидеть, рожать детей, стариться и умирать в своих постелях. И только тебе не дано ничего из этого. Всегда на привязи, всегда с клинком у груди. И всё только ради того, чтобы тщеславное чудовище продолжало свое пустое и бессмысленное существование. Ненавижу! — гаркнул Скай. — До крика ненавижу огненную тварь!

Теперь я накрыла его рот ладонью, взмолившись:

— Тише, молю тебя. Ты просто чувствуешь мою боль, и это делает тебя злей. Как бы там ни было, но человеческую ненависть я заслужила честно, честно и принимаю ее теперь, не ропща и не плача. Смири гнев, тебе нужна чистая голова.

Водник перехватил мою ладонь, прижался к ней губами и прикрыл глаза.

— Если Создатели будут благосклонны, то через пятнадцать дней мы будем уже свободны и, наконец, счастливы без всяких условий.

— Да, — улыбнулась я и потянулась к Аквею, целуя его. Однако Скай мне не ответил. Он стоял, глядя прямо перед собой, и когда я отстранилась, потрясенно прошептал:

— Создатели... Ирис, уж не четверке ли творцов мы поклонялись столько времени? Но... Но если это так, то можно узнать о их существовании еще до твоего рождения, нужно лишь поднять религиозные летописи. Потом, — тут же отмахнулся водник, вновь притягивая меня к себе и целуя. — На досуге изучим, может это чем-то поможет. А пока соберем на совет магов других стихий. И сделаем это не так, как обычно. Если рыжий всегда знал о наших собраниях, то, возможно, дело в потоках призыва. Когда их слишком много и сходятся они в одном месте, то это не заметить сложно, особенно тому, кто следит за миром.

Он взял меня за руку и провел вглубь покоев. Тут же послышался стук в дверь, и я поняла, что Аквей закрывал нас на время разговора.

— Можно, — крикнул Скай, и мы вынужденно замолчали, пока слуги, под надзором тети Аквея, выполняли свои обязанности.

Я отошла к окну, не желая ловить колючие неприязненные взгляды исподлобья. Вместо этого я рассматривала кусочек Долины, видневшийся из-за крепостной стены. Мысли разбегались, не давая сосредоточиться хоть на чем-то. Я заставляла себя не думать о том, в чем меня винят обитатели замка, но перед внутренним взором вновь и вновь вставали картины из недавнего прошлого...

— Мое пламя, — изящные пальцы Вайториса ласкающим движением пробегают по моему подбородку, — тебе вновь придется стать моим карающим клинком.

— Да, Господин, — я стою перед ним на коленях, преданно глядя в глаза. — Скажи, и я исполню.

— Отправляйся в Восточные земли. Там есть городок Пепелище. Наведайся в дом целителя Райвина. К нему как раз приехал на каникулы его сын. Он не должен вернуться в училище. Конец жизненного пути мальчика настал. Да, — Вайтор пристально смотрит мне в глаза: — Если горожане окажутся не согласны с моим решением, сделай так, чтобы название их города соответствовало истине.

— Исполнять желания Господина честь для меня.

Я поднимаюсь с колен, послушная едва уловимому знаку, и Вечный рывком притягивает меня к себе:

— У меня припасена еще парочка желаний к твоему возвращению, — с намеком произносит он, и я загораюсь от предвкушения будущего наслаждения...

— Лейда Ирис, — голос Ская прозвучал, как удар хлыста. Я вздрогнула и обернулась.

Испуганные вскриком господина слуги, застыли, устремив взор на Аквея. Тот отмахнулся и отрицательно качнул головой. — Не надо.

Конечно, он почувствовал мои эмоции, и моему воднику также тяжело, как и мне. Но хорошо, что хотя бы не видит моих воспоминаний.

— Я вижу, — глухо произнес Аквей, не обращая внимания на прислугу. — Не очень четко, но вижу.

— Тьма, — тихо выругалась я и попробовала думать о чем-нибудь другом, только о не Пепелище и не о выжженном доме целителя Райвина, и не о его сыне, собственноручно убитом мною «во имя Господина».

— Тьма-а-а, — простонал Скай, закрыл лицо ладонями и стремительно покинул гостиную, кажется, растерзанного юношу он тоже увидел.

Я закинула голову наверх и закрыла глаза. Нет, не плакала, приняла очередной пласт тяжести, лежавшей на моих плечах спокойно. Это мой груз, и мне нести его до конца жизни, когда бы он ни настал. Но это моя кара, а не Аквея, нужно научиться отгораживаться от него. Ни к чему Скаю переживать со мной мои воспоминания. Протяжно вздохнув, я погладила кончиком пальца Искру, щекотавшую мне шею усиками. Невеселая усмешка искривила губы. Как же людям простить меня, если я сама себя не прощаю? И даже если они смиряются с моим существованием рядом с ними, как я смогу смотреть в глаза, не терзаясь от сознания своей вины? Столько искр, столько...

— Бесконечный Хаос, — хрипло выдохнула я.

Искра снова пощекотала меня, похоже, пыталась успокоить. Я выдавила улыбку, предназначенную крысе, после потрянула волосами и заставила себя думать о том, что солнце еще высоко, что трава в Долине трех озер сочная и густая. О том, что аромат, витающий над Долиной успокаивает, как успокаивает полет бабочек и щебет птиц. Нужно просто думать о тех искрах, которые я смогу уберечь. Угасшее не вернешь, но живое нуждается в защите, и я

должна думать об этом....

Неожиданный рев сотряс покои Ская, затем послышались вскрики, и голос хозяина покоев возмущенно пророкотал:

— Венн, прекрати!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я порывисто обернулась и не удержалась от смешка. Венн — лучшее лекарство от тоски, обвинил своего создателя кольцами и нализывал его лицо в оголтелом счастливом порыве. Искра с моего плеча пискнула, то ли насмехаясь, то ли радуясь нашему малышу. Змей тут же повернул голову в мою сторону и издал второй трубный глас. Он распустил кольца, кажется, собираясь добраться до меня, но снова сжал и продолжил мусолить Аквея. Вновь посмотрел на меня, на Ская, на меня, на Ская и, лизнув водника в последний раз, рванул ко мне... забыв выпустить Аквея из захвата колец.

— Тьма, Венн! — взвыл водник, которого с грохотом уронили на пол и протащили за собой. — Я из тебя сделаю тысячу лягушек, дурень!

Змей, воровато взглянув на создателя, все-таки добрался до меня, обвинился вокруг, и его голова оказалась за моим плечом. Оттуда Венн следил за бушующим хозяином, не забывая слюнявить мне, спину и шею. Искре змеиного счастья тоже перепало. Ее Венн чуть не слизал с моего плеча, не со злым умыслом, просто крыса оказалась маловата для змеиного языка, и мне пришлось спешно спасти верещащую Искру из пасти соскучившегося водяного создания.

— За женскую юбку прячешься, трус? — ядовито спросил Скай, буравя Венна взглядом.

— Леор Аквей, вы пугаете ребенка, прекрати на него шипеть, — едва сдерживая улыбку, потребовала я. — Мальчик просто проявляет свою радость от встречи. Он всего лишь соскучился.

— Брль, — булькнул змей из-за моего плеча, опуская голову еще ниже.

— Ребенка?! — возмутился водник.

— Ему всего четырнадцать дней от роду, конечно, ребенок, — я укоризненно покачала головой. Венн уместил голову на моем плече, свободном от крысы, я погладила его.

— Бедный малыш. Испугался?

Змей лизнул меня в щеку и жалобно заворчал. Бедолага, от него же, наверное, все разбегались в ужасе. Никто не поговорил, не приласкал. Разумеется, Венн извелся без нас. Я снова погладила его и перевела взгляд на Ская.

— Защитница, — фыркнул водник. — Вот и будет жить в ваших комнатах, и ползать следом, куда бы вы ни пошли. Понял... малыш?

Змей понял, и я поняла, что Скай вновь приставил ко мне самую надежную охрану. Только теперь Венну предстояло оберегать меня от обитателей замка, а не их от меня, как было раньше. Мы обменялись со змеем взглядами, и он, наконец, выпустил меня из захвата прохладных колец.

— Господин.

Появление незнакомого мне мужчины привело в чувство прислугу, не двигавшуюся с места всё это время, и положило конец нашей милой семейной сцене. Взгляд васильковых глаз незнакомца скользнул по мне, кольнув ожидаемой неприязнью, но она быстро сменилась показным равнодушием, и мужчина теперь смотрел только на Ская. Я вновь отвернулась к окну, стараясь не прислушиваться к разговору двух водников. Впрочем,

прислушиваться было особо не к чему.

— Леор Мунн, — сухо отметил Аквей. — Следуйте за мной, мне нужно сказать вам несколько слов.

Вот и вся беседа, которой я стала свидетелем. Когда мужчины удалялись, я на мгновение обернулась, провожая взглядом спину Ская, он бросил взгляд через плечо, одарив меня теплой волной нежности, пришедшей извне, и я вернулась к созерцанию долины. Прислуга вскоре покинула покои господина, но я ясно ощутила чье-то присутствие за своей спиной.

Негромкие шаги и шорох платья заставили меня снова обернуться. Это была тетя Ская. Провидица остановилась, как только я оказалась лицом к ней. На лице женщины была написана нерешительность, кажется, она еще не до конца решила, хочет ли заговаривать со мной. Хотя... Скорей всего, ей было просто страшно. Они привыкли бояться Игнис Сиел — верную слугу своего Господина, и поверить в то, что перед ней стоит другой человек, женщине было сложно.

Неожиданно мне пришла в голову идея. Скорей, детская шалость, больше похожая на желание удивить, но я последовала ей, откинув всякие сомнения. Подняла руку, развернула ладонь вверх и улыбнулась, представляя себе легкокрылое шаловливое создание. Сила заструилась по жилам, устремляясь к ладони. Кожа мягко засветилась золотистым сиянием. Затем сияние собралось в центре ладони, сгустилась, уплотнилась, формируя тельце.

— Какой ваш любимый цвет, лейда Тей? Фиолетовый? — спросила я.

— Зачем тебе? — немного враждебно спросила она.

— Всего лишь хотела узнать, — я пожалала плечами и вернулась к призрачному созданию, замершему на моей ладони.

Взгляд провидицы скользнул к легкому золотистому свечению. Она некоторое время следила за тем, как из ничего рождается жизнь. Я накрыла раскрытую ладонь второй рукой, прикрыла глаза, и призрак оделся в плоть. Кожу пощекотали маленькие ножки, это вызвало негромкий смех удовольствия.

— Оранжевый, — неожиданно произнесла провидица. — Я люблю оранжевый цвет.

— Оранжевый, — повторила я с улыбкой, завершая последний штрих. После раскрыла ладони и шепнула: — Лети.

Бабочка вспорхнула в воздух. Ее оранжевые крылышки к фиолетовых крапинках, рассекли воздух яркой вспышкой, и легкокрылое создание, на мгновение задержавшись рядом со мной, полетело к провидице. Женщина подняла руку и охнула, когда бабочка смело опустилась на ее пальцы, сложила крылышки и поползла дальше. Остановилась на ладони, пощекотала Тейду усиками, после раскрыла крылышки, давая полюбоваться собой, и снова вспорхнула. Но не улетела. Уселась на седеющие волосы женщины и затихла, превратившись в живое украшение.

— Она ваша, Тей, — улыбнулась я. — Если примите от меня этот дар.

Провидица прижала ладонь к груди, шумно выдохнула, а затем поспешила к зеркалу, чтобы рассмотреть бабочку.

— Она живая... настоящая, — потрясенно прошептала женщина.

— Живая, — кивнула я. — Настоящая.

— Но... как? Это же невозможно! — Тейда стремительно обернулась ко мне.

— Для Созидающей возможно, — ответила я и отвернулась к окну. — Это моя настоящая сила. Она всегда была со мной, но спала под властью Вайториса, как и сама я.

Мое имя — Ирис, моя стихия — земля, и я та, кого именуют — творец. Мой отец создал тригов, его друг — айров.

— А Скай...

— А я создал Венна, — послышался голос Аквея от двери. — Моя суть изменилась, родная. — Он подошел к тетушке, протянул руку, и бабочка перелетела на мужскую ладонь. — Она просто чудо, любовь моя.

Скай насмешливо изломил бровь, глядя на мое недоумение, после приобнял тетю за плечи и подвел ко мне.

— От Тей у меня не было, нет и не будет секретов, — сказал водник. — К тому же скрывать нечего, она знала об этом еще со дня моего рождения.

— О силе Созидания? — уточнила я.

— Нет, — заговорила провидица. — Мое предсказание было намного проще. Я увидела, что моему племяннику суждено держать за горло темного, и что сила его возрастет через сердце. Сердце — любовь, значит, силу должна была принести женщина.

— Мой отец понял по-своему, — усмехнулся Скай. — Он решил, что, полюбив, я обрету мощь, какой еще не было в нашем мире. Решил верно, но неверно распорядился будущим.

— Да, вышла путаница, — вздохнула Тейда и накрыла ладонь племянника своей ладошкой. Бабочка перебралась к провидице. — Мы все толковали неверно. Чтобы не ошибиться в выборе, он пожелал, чтобы я увидела избранницу Ская.

— Вы увидели Эйволин? — я присела на подоконник.

Аквей и Тейда переглянулись. Ская перебрался ко мне, присел рядом, и его ладонь опустилась на мою талию. Провидица прошла до кресла, уселась в него, закинув ногу на ногу, и осторожно пересадила бабочку себе на плечо.

— Я не видела Эйволин. Признаться, я была окутана мешаниной образов, словно метелью. Никакой четкости и предопределенности. Так и сказала кузену, но он сделал вывод, что я имею ввиду водницу, обладающую снежной силой. Отец Эйви и Эйвила всегда был дружен с отцом Ская.

— И у старшего леора Аквея всё сложилось, — усмехнулась я.

— Да, — кивнул сам Скай. — К тому же Эйви похожа на свою мать, она невероятно красивая женщина. С Эйвилем мы сдружились, когда мне исполнилось семь, ему шесть, и отец окончательно уверился, что это знак. Нас с Эйволин обручили, после я увлекся ею. Поход на замок рыжего планировался после свадьбы, но мне не захотелось рисковать будущей судьбой своей супруги. Я был влюблен, силен и самоуверен. Наверное, Эйви из-за предсказания решила взойти на мое ложе еще до свадьбы. Раз я отложил ее, она подумала, что без нашей связи я не обрету нужного могущество.

Аквей неожиданно расхохотался. Я удивленно посмотрела на него, но водник продолжал сотрясаться в приступе истерического хохота.

— Мы же все уверились в успехе! — резко оборвав смех, с яростью воскликнул Скай.

— Ни у кого не возникло и тени сомнения в том, что наша война может быть проиграна! Стадо баранов неслись лбом на каменные стены, свято веря в мою исключительную силу, подаренную любовью. Я сам в это верил, пока не оказался на коленях перед рыжим! И кто же знал, что могущество принесет мне та, кого я всегда почитал за своего врага? Что моя тяга к ней, — голос водника зазвучал хрипотцой, — не извращение, а любовь, которую мне пророчила Тей с моего рождения.

— Эйволин оказалась лишним звеном в цепи событий, — ровно произнесла

провидица. — Девочку уверили в ее исключительности, пообещали в мужья главу южного Водного клана, а она в этой истории пустое место, от которого никогда и ничего не зависело. Жалко девочку.

— Власти что-либо изменить у меня нет, — устало ответил Аквей. — Да и желания тоже. Ирис — моя жена. Между двумя женщинами я выбираю ту, что стоит рядом со мной. Не ради силы, или из-за ритуала. Это моя женщина, и только так я ее чувствую. Если возможно встретить свою половину, то я ее встретил.

— Эта встреча была предначертана, мой мальчик, — мягко улыбнулась Тей. — Создатели отметили тебя.

Аквей хмыкнул:

— Возможно, именно так это и было, родная. Вполне возможно.

— Расскажите мне о Созидающей Ирис, — попросила провидица. — Я много знаю с Темной Игнис, но ничего о твоей жене, Скай.

Водник улыбнулся, явно отметив, что тетушка отделила меня прежнюю от нынешней. Он сжал мою ладонь в своей, хотел уже ответить, но я остановила, понимая, что о предсказании они сказали не все.

— Погодите! — воскликнула я. — Мы не закончили с предсказанием. Вы уже упоминали сегодня вторую его часть. Сейчас я услышала лишь первую. Что вы увидели еще, Тей?

Провидица поджала губы и отвела глаза в сторону. Я повернулась к Скаю, но он возвел глаза к потолку и отстукивал носком сапога по полу, кажется, углубившись в свои мысли.

— И все-таки, — с нажимом произнесла я, продолжая смотреть на водника. — Скай, ты требовал быть с тобой честной во всем. Ругал за то, что о чем-то умолчала. Так будь же последователен.

— Ирис, — Аквей замялся. — Предсказания не всегда сбываются, а если сбываются, то не всегда точно. Как видишь, мы все толковали слова Тей неверно. Это стоило жизни цветку магического мира. Сильнейшие стояли под стенами Черного замка...

— Скайрен Аквей, не заговаривай мне зубы, — потребовала я.

— Я увидела его на земле. Мертвого, — всё также ровно сказала Тейда.

— Тетя! — пророкотал Скай, после обернулся ко мне, до боли стиснув мою ладонь. — Ирис, она не может утверждать, был ли я в ее видении мертв, крови она не видела. Еще Тей не может утверждать, что это был конец. Возможно, я уже прошел через это, когда меня оглушили в сражении у замка рыжего. И тем более не может утверждать, что ты тому виной.

— Верно, — кивнула женщина. — Ничего этого я утверждать не могу. Но я умею отличать живых от мертвых. И то, что твое сердце будет разбито, я видела также ясно, как то, что любовь принесет тебе небывалую силу.

— Великая Тьма, — выдохнула я.

— Ирис, — тормозил меня Аквей. — Ирис!

— И вновь я посею смерть? — сдавленным шепотом спросила я, глядя на провидицу. Она пожала плечами.

— Не могу этого утверждать.

— Тьма, Ирис! — заорал мне в ухо Скай. Я вздрогнула и обернулась к нему. Дорогие мне черты расплылись перед глазами, и горячая соленая влага побежала по щекам. Водник, обхватив: — Милая моя, невероятная, послушай! Послушай меня и услышь, что я скажу. Мы

— Созидающие. Творцы, Ирис. Мы можем создавать с тобой не только ложные миры, мы можем менять истинную Реальность. Разве не так? Цепь предначертанных событий возможно разорвать, ты сама говорила. Мы будем осторожны, продумаем каждый шаг...

— Он так силен, Скай... — прошептала я.

— Он всего лишь человек, Ирис. Обычный смертный с необычным даром. Мы знаем его слабые стороны, и знаем, что ослабляет нас...

— Мне страшно...

— Мы едины, и в этом наша сила...

— И наша слабость...

— Ирис, против одного Разрушителя два Созидающих.

— Их было трое против одного...

— Он сумел их перехитрить, себя обмануть мы не позволим.

— Меня гложут сомнения...

— А меня нет, — отчеканил Скай. — Но у меня есть подозрения насчет того, что может означать вторая часть предсказания. — Я широко распахнула глаза, ожидая, что скажет мой водник. Тей тоже подалась вперед. — Пятнадцать дней, Ирис. Если мы не успеем или проиграем, и роковой день окажется для тебя последним, мое сердце действительно будет разбито. Мы связаны воедино. Возможно, я не смогу пережить потерю половины себя, и тогда вот она смерть без крови и с разбитым сердцем. Почему мы всегда думаем лишь о поражении и гибели от рук рыжего? Он тоже не всесилен, раз не смог удержать власть над Гранями и так крепко держится за тебя. Нет, ягодка моя, нас стоит глядеть шире. Мы сами превозносим его, наделяя могуществом в своих мыслях столь великим, что начинаем верить в это. Да, он силен, но не центр Мироздания. И чем больше я думаю над словами тетушки, тем больше мои мысли сходятся на цифре — тридцать. Что случится на тридцатый день? Тьма, да мне до крика страшно думать об этом проклятом дне!

Я тяжело сглотнула и отвернулась от Скай. Мой взгляд заметался по полу. Возможно, он прав, возможно... Если задуматься, то предсказание сбылось в первый день наказания, то почему вторая его часть не может совпасть и с последним сроком? Что там было? Любовь, которая принесет усиление, затем Скай держал за горло Вайториса, а после... Тьма, не хочу думать об этом после. Слишком тяжело даже представить подобный исход. Тогда что? Мы не успели? Или... Или сбудутся слова Вайтора, я сама уйду к нему по какой-то причине, и сердце Скай разобьется? Какая цепь событий верна?

— Стоп! — вскрикнула я, останавливая саму себя. Мотнула головой, показывая, что ничего не хочу сказать, и снова задумалась.

Если предсказание касается последней догадки, то изменить ход событий я могу просто — останусь с Аквеем и буду решать причину, следствием которой должно стать возвращение в черный замок. Или же Вайтор имел в виду наше предполагаемое сражение, и тогда я действительно сама войду в замок, чтобы разорвать связь огневика с Гранями и лишит его энергии Отражений. Здесь я ничего изменить не могу, если только объяснить Скаю, что он должен сделать, и тогда... Нет, Скай может быть еще не готов к тому, чтобы окунуться в безбрежный океан силы Отражений. Впрочем, я сама могу оказаться неготовой. Опять стоп. Итак, опасной точкой, которая может изменить будущее в любую сторону, остается черный замок. До него мы в относительной безопасности. Скай прав. Нужно успокоиться и просто подумать. Изменить ход событий в нашей власти.

— Я так еще ничего и не услышала про Ирис, — в мои мысли вклинился голос

провидицы.

— Ты удивишься, родная, когда узнаешь, сколько лет моей избраннице, — бодро воскликнул Скай.

— Она знает, — машинально ответила я. Водник и его тетя удивленно взглянули на меня. — Когда я была еще твоей пленницей, она приходила ко мне. Говорила, что ошиблась, и что во мне слишком много зла. Тогда же сказала, что младенец по сравнению со мной.

— Правда? — Тей с искренним изумлением захлопала ресницами. — Не помню... Проклятье, эти спонтанные видения порой даже не оставляют в моей памяти следа.

— Да, такое случается, — кивнул Аквей.

— Зато теперь понятно, о чем Тей говорила, — усмехнулась я.

Водник и провидица согласно кивнули. Я тут же вновь углубилась в свои мысли, а Скай вернулся к прерванному рассказу:

— Итак, Тей. Ирис родилась в семье Созидающего и магички-землевика...

Глава 14. День шестнадцатый

Утро началось с мелких капелек, бившихся о стекло. Они скользили вниз, оставляя за собой влажные дорожки, и исчезали где-то за пределами окна. Я некоторое время слушала монотонный стук с закрытыми глазами, не спеша разорвать объятия сна и реальности, уже дышавшей в затылок. Впрочем, это дыхание мне нравилось. Ровное, глубокое, теплое, живое... Я улыбнулась, и мужская ладонь, покоившаяся на моем животе, слегка напряглась, тесней прижав меня к обнаженному телу Скайрена Аквея. Неугомонный водник вышел из моей купальни, когда замок уже смотрел десятый сон, забрался ко мне под одеяло, разбудил требовательным поцелуем и не позволил уснуть снова, терзая меня упоительными ласками до самого рассвета.

Я развернулась лицом к моему супругу и пощекотала черной прядкой его нос. Аквей поморщился, фыркнул, но глаз так и не открыл.

— Ска-ай, — позвала я.

— Угу, — сонно промычал соня.

— Тебе пора возвращаться к себе, прислуга, наверное, уже обтерла все углы, пытаюсь тебя добудиться.

— Нет меня, — буркнул водник.

— Скай.

— Отстань, гадкая женщина, — так и не открыв глаз, отмахнулся от меня Аквей. — Имей хоть каплю совести и сострадания. Я всю ночь трудился на твое благо.

— Между прочим, ты меня разбудил...

— Ты скучала, я пришел, — один мутноватый синий глаз все-таки приоткрылся.

— Я спала! — возмутилась я.

— А я не спал, — второй глаз тоже открылся, и теперь на меня смотрел взъерошенный наглец, смешной и милый. Мое сердце затрепетало от щемящей нежности, с губ сорвался судорожный вздох, и теперь я сама прижалась крепче к моему воднику.

— Почему ты не спал? — шепотом спросила я.

— Скучал за нас двоих, — ответил он. — Когда скучать мне надоело, решил, что уняв твою часть тоски, я, наконец, смогу выспаться.

— А твоя часть?

— Мою часть не унять, — хрипловато произнес Скай. — Она успокаивается только, когда ты рядом.

Я тихо всхлипнула и потянулась к его губам.

— Там же углы прислугу натерли, — хмыкнул Аквей.

— Значит, будут лучше блестеть.

— Углы?

— И они тоже.

— У меня будет натертая до блеска прислуга.

— Скай...

— Что?

— Заткнись.

— Твое желание — закон, любовь моя...

Когда мы разомкнули объятия, еще разгоряченные близостью, дождь всё еще барабанил в окна. Еще барабанили в двери покоев Аквея. Стук доносился даже до моей опочивальни. Затем всё стихло, и до нас донесся сухой голос лейды Тей.

— Имейте совесть, — чеканила она. — Господин проделал долгий и трудный путь. И спать ушел уже за полночь, когда вы уже сладко почивали в своих кроватях. Дайте леору отоспаться, сегодня его ждет не менее тяжелый день.

— А если черная тварь его...

— Убью, — мрачно произнес Скай, и я накрыла его рот ладонью. За племянника сейчас говорила его тетушка.

— Я не позволю порочить имя гостя нашего замка, — ледяным тоном ответила женщина.

— Госпожа, вы тоже попали под ее чары?!

— Лейда Ирис меня не очаровывала. Воля моего господина для меня закон. Не пойму, почему вы позволяете себе оспаривать его слова. Возможно, дело не в Ирис, возможно, дело в том, что вы забыли о вере и почтении. Сейчас единственное зло в этом замке — яд ваших сердец. Помните, отравляете вы только самих себя, а я не вижу в ней угрозы. Уж мне-то вы верите?

— Вы предсказали победу, но...

Скай, шумно выдохнул и сел на кровати. Сейчас открылось то, что таилось в людских сердцах. Провидице не доверяли. Помнили о ее предсказании, и об исходе похода к черному замку тоже помнили.

— Стало быть, вы считаете, что я ошиблась?

— Госпожа, мы знаем, что не все предсказания...

— Бывают истолкованы верно, — жестко закончила Тейда за говорившего. — С чего вы решили, что мое предсказание не сбылось?

— Лейда Эйволин не сделала господина сильнее...

— И почему же? — теперь и я села, прислушиваясь.

— Предсказание было неверным? — неуверенно спросил женский голос.

— Или лейда не та? — в голосе провидицы зазвучала явная насмешка. Ответом ей была тишина. Задумались ли люди над словами Тейды, или же упрямыцы остались при своем мнении, пока было неясно. Нарушила тишину сама провидица, велев: — Расходитесь. Когда господин проснется, он сам призовет вас.

Я перевела взгляд на Ская. Он покусывал губы о чем-то думая. Накрыла ладонями его

плечи, и Аквей расслабился. Откинулся назад, прижавшись спиной к моей груди, накрыл одну руку своей ладонью и слегка пожал.

— Нам будет непросто, — сказал водник. — Но мы пробьём этот панцирь упрямства и недоверия. В конце концов, подаришь всем по бабочке, — он невесело усмехнулся. — Только жаль времени. Мы могли бы действовать быстрее. Сегодня вечером я собираюсь наведаться к айрам и поговорить об изменениях в их строении. К тригам завтра.

— Я с тобой, — ответила я, целую светловолосую макушку.

— Разумеется, — улыбнулся Аквей, а после проворчал: — Мерзавцы, такое утро испортили своей глупостью.

— Это не глупость, Скай, это въевшийся под кожу страх, и добыть его оттуда будет непросто.

— Знаю, — вздохнул водник. Он обернулся, поцеловал меня и шепнул: — До скорой встречи.

— До скорой встречи, Ручеечек.

— Гадость какая, — Скай показательно погримасничал, затем снова поцеловал меня и направился в умывальню.

Я проводила его взглядом, послала воздушный поцелуй, когда водник обернулся в дверях купальни, а после повалилась на кровать. День и вправду будет нелегким. Совет, который должен был пройти еще вчера, Аквей перенес на сегодня. Вечер и начало ночи он посещал земли и замки возможных сторонников, созывая их на новый совет.

Я всё это время провела в обществе Искры и Венна. Сначала обдумывала всевозможные варианты проникновения в замок Вайториса, выбирая наиболее безопасный. Затем вновь и вновь прокручивала в голове вторую часть предсказания, вконец измучив себя страшным видением, пока не появился Скай, уловивший мои переживания. Ему пришлось прервать свои визиты, и я устыдилась. Клятвенно заверила, что больше не буду думать о дурном, и остаток дня просидела над рисунками айров и тригов, так и этак дополняя их сущности новыми изменениями. И уже ближе к полуночи, не дождавшись Ская, легла спать, вспоминая те несколько дней, которые мы провели вдвоем.

Что до Эйволин, с ней разговора тоже не состоялось. Водница сбежала из замка. Ее отправились искать, и поздно вечером я, кажется, слышала ее голосок, когда она проходила мимо дверей. Но Аквей в это время уже отсутствовал, и беседа, сама собой, отложилась на сегодня. Что ж, Скаю завидовать было сложно. Успокаивало одно — он не унывал, и еще то, что я буду с ним рядом. По крайней мере, на совете.

Протяжно вздохнув, я поднялась с кровати. Аквей должен был вскоре нанести мне официальный визит с приглашением на завтрак, нужно было успеть привести себя в порядок. Нега пробуждения растаяла бесследно, и только приятная истома, растекшаяся по телу, еще напоминала о ласках и столах, еще недавно звучавших в этих стенах, закрытых от всех пологом тишины. Потянувшись, я направилась в умывальню.

Вода была теплой, благодаря горячему камню, лежавшему на дне, и я со вздохом наслаждения погрузилась в маленький бассейн, на поверхности которого этой ночью появилось несколько скайренов. Не смогла отказать себе в этом удовольствии. Аромат цветов сейчас был намного слабей, не хотелось привлекать к ним внимание, как к цветам, рождавшим страсть. Пусть кажутся простым украшением и только.

После купальни, я надела наряд, подобранный для меня Тейдой. Под строгим надзором провидицы мне сшили за вчерашний день платье, сорочку и нижнее белье. Одежда была

простенькой, но из хорошей ткани. Туфли Тей отдала свои, еще ни разу не надетые женщиной. Прежде чем одеться, я ошупала платье и усмехнулась, обнаружив парочку «забытых» булавок. Покачив головой, я избавилась от мелкой пакости швей, оделась и встала перед зеркалом. Сплела косу и скрутила ее на затылке. Шпильки мне тоже достались от тети Ская. Рассмотрев себя в зеркале, я пришла к выводу, что выгляжу, как добропорядочная лейда из бедного рода. От украшений я отказалась сразу. Их мне предлагал Скай, после Тейда, но я не уговорила. Чем проще я выгляжу, тем ниже градус неприязни, если такое вообще возможно.

После того, как я привела себя в порядок, заняться мне оказалось совершенно нечем. Ночью Скай выпроводил Венна из моих покоев, велел никого не подпускать к дверям, змей до сих пор не посмел ослушаться приказа. Впрочем, наверное, он не скучал, ему уже должны были принести завтрак. Кормили наше создание с особым рвением. Хоть он никого больше не глотал, но одного раза вполне хватило, чтобы люди запомнили: голодный змей — опасный змей. Так что за время нашего отсутствия он если и голодал, то только из-за того, что никто не хотел с бедняжкой дружить.

Вздыхнув, я уселась на подоконник и некоторое время следила за дождевыми каплями. После дотронулась пальцем до стекла, повторив их путь, еще раз, еще. А затем, играясь, поймала понравившуюся капельку кончиком пальца со своей стороны окна, вместе с ней прочертила очередную дорожку, после повернула палец и провела горизонтальную линию... Капля послушно сменила свой путь на новый и последовала по начертанной мною линии.

— Ух ты, — вырвалось у меня.

Я вновь сменила направление и повела пальцем вертикально вверх, капля поползла следом. Меня слушалась вода! Чужая стихия отзывалась мне! Ошарашенная и вдохновленная этим открытием, я поймала второй рукой еще одну каплю в захват и начертила на стекле зигзаг. Капля в точности повторила дорожку, указанную мной. Рассмеявшись, я занялась капельками с удвоенным, а то и утроенным энтузиазмом. И когда Аквей все-таки пришел за мной, то обнаружил на стекле собственное имя, написанное дождевыми каплями, продолжавшими бегать по указанному им пути, чтобы имя не расплылось.

— Ого, — произнес Скай. — Они тебя слушаются.

— Да! — воскликнула я, счастливо смеясь. — Слияние, Ручеечек, это все слияние!

— Значит, мне должна откликнуться твоя стихия?

— Уверена в этом! — я порывисто обернулась, оставив капли в покое, и они стремительно умчались вниз, словно спасаясь от меня бегством. — Ты понимаешь, что это означает, Скай?! Нам подвластны сразу две стихии! Тебе и мне, это так... так восхитительно!

— И всё же вместе мы сильнее, чем по отдельности, — ответил Аквей.

— Разумеется, — жарко кивнула я. — Но это же здорово, Скай! Мы же остаемся в своей стихии, но можем чувствовать силу друг друга. Это, наверное, похоже на отголосок, на эхо и не дает полной мощи, но всё равно!

— Главное, теперь у тебя есть защита от рыжего, — произнес водник, в одно мгновение отыскавший более ощутимую пользу, чем мой восторг от последствий единения. — Может не слишком надежная, но это лучше, чем никакой.

— Да ну тебя, — фыркнула я и умчалась в купальню, чтобы поиграть с водой в бассейне.

Однако так и не успела продолжить свои опыты. Аквей перехватил меня еще на пороге

и развернул в сторону выхода из покоев.

— Некогда, ягодка. Потом вместе изучим твои возможности, а сейчас завтракать. Дел у нас по горло. Скоро начнут собираться стихийники, нужно подкрепиться и собраться с мыслями.

— Ты гадкий, — проворчала я.

— Я гадкий, ты гадкая — идеальная пара, — хмыкнул водник и вытолкал в коридор, где меня уже ожидал изнывающий от скуки Венн. Искра еще с ночи ушла по своим крысиным делам, скорей всего, изучала новую территорию, и пока не возвращалась. Ничего, захочет, найдет.

Мы не пошли в покои Ская, как я думала. Он повел меня в малую трапезную, где уже был накрыт стол на двоих. Никого больше здесь не ожидалось. Впрочем, это было понятно. Приглашать свой немногочисленный двор за стол Аквей не стал, понимая, что завтрак превратится в тягостное времяпровождение, которое будет тянуться в мрачной тишине. Да и стали бы есть со мной за одним столом его придворные леоры и лейды? А мне бы кусок в горло не подлез под тяжелыми взглядами...

— Ты сейчас оцениваешь наш завтрак на две персоны, — произнес пронизательный Скай, помогая мне сесть за стол, и сбыв меня с мысли. — Скажу сразу, чтобы ты не надумала лишнего и не начала новый круг самобичеваний. Во-первых, общие завтраки у нас проводятся только по праздникам, когда в замке собираются гости. Обычно все едят, когда им удобно. Не считаю нужным выдергивать кого-то из постели, чтобы утолить утренний голод, как не хочу, чтобы кто-то выжидал, пока я соизволю покинуть ложе. С этим у нас всегда было просто. Впрочем, это касается трапезы в любое время. Но, в отличие от утра, на обед стол накрывается на несколько персон. Обычно со мной садились днем за стол человек десять, но чаще я был занят, и обеды проходили без меня. К этому все привыкли. И только на вечернюю трапезу обычно приходят все. Кстати, тетя крайне редкий гость в трапезной, она предпочитает тишину одиночества шумным сборищам. Во-вторых, я приказал накрыть нам с тобой здесь для того, чтобы обитатели моего замка привыкали к мысли, что ты не пленница, и что я отношусь к тебе с почтением. В-третьих, я хочу, чтобы ты сама привыкла к замку и к людям. Чем быстрее это произойдет, тем скорей они начнут приглядываться к тебе настоящей, а не будут видеть призрак, который исчез безвозвратно. Так или иначе, но вам придется начать общаться. Пусть учатся встречаться с тобой без страха и затаенной злобы, а ты учись не прятать глаза и не терзать себя воспоминаниями чужих грехов.

— Но...

— Я — клинок моего Господина, — вдруг произнес Аквей. Я вспыхнула, но он продолжил, не обращая на меня внимания: — Клинок не имеет сознания. Воин не винит меч, пронзивший грудь его друга, он винит руку, направившую смертоносную сталь. Ты всегда была оружием. Это то, о чем ты должна помнить. Таково мое желание, и прошу услышать меня. Нет, не прошу. Я требую, чтобы ты услышала меня.

— Да, Господин, — несколько более язвительно, чем того требовалось, ответила я, и водник обжег меня тяжелым взглядом. — Прости, — тихо попросила я.

— Не сержусь, — ответил он и собственноручно наполнил мою тарелку. Слуг в трапезной не было.

Венн, успевший позавтракать, но косивший глазом на стол, был отправлен суровым создателем в дальний угол и теперь протяжно вздыхал оттуда, шурша по полу хвостом, должно быть, не желая, чтобы о нем забыли. Забыть было сложно, шуршание и сопение

практически не прекращалось. В конце концов, не выдержал сам Аквей.

— Ползи сюда, горе мое, — велел он, и змей помчался к «папе», едва не вылезая от радости из кожи вон.

Не став мелочиться, водник отдал обжоре одно из блюд целиком, так что наш завтрак вышел все-таки на три персоны. А вскоре прибежала Искра, без всякого стеснения запрыгнувшая на стол. Крыса поднялась столбиком, усердно шевеля усами, пока принюхивалась к яствам.

— Живность наглеет на глазах, — отметил Скай, наблюдая за тем, как я отдаю Искре ломтик сыра.

Я лишь усмехнулась. Над столом появилась голова змея, но больше поблажек не добился и был вновь сослан в угол. А через пять минут за ним отправилась Искра, вдруг решившая, что она сама может пройтись по блюдам и подносам.

— В угол, — велел водник, ткнув пальцем в сторону тоскующего змея.

Крыса пискнула, но соскочила со стола и поплелась за Венном. Она пару раз обернулась, однако не встретила сочувствия.

— Завтракай, Ирис, — ласково велел мне супруг, давая понять, что мое заступничество не пройдет.

В это мгновение родился союз «Против Аквея», и, наверное, мы ему даже однажды отомстим, но сейчас, видя складку, залегшую между бровей, возражать воднику не стали. Мы с живностью обменялись понимающими заговорщицкими взглядами и сделали вид, что смирились, на этом спор и вымогательство закончились. Дальше завтрак протекал спокойно. Мы обменивались незначительными фразами, больше для того, чтобы не молчать под грузом мыслей о предстоящем дне.

— Всё, мирное утро закончилось. Пора браться за дела, — сказал Скай, когда я отодвинула пустую кружку, из которой пила душистый травяной отвар.

И словно в подтверждение слов водника, дверь в трапезную открылась, и на пороге появилось еще одно действующее лицо.

— Эйволин, — произнес Скай, отмечая появление бывшей невесты.

Водница на мгновение остановилась, скользнув по мне злым взглядом. После решительно приблизилась и остановилась перед Аквей.

— Доброго утра, мой леор, — сказала Эйволин. Она нервничала, это было заметно и по дрожанию голоса, и по тому, как сминала нежно-голубое платье в кулаках. — Вы не звали, но я сочла за благо поприветствовать вас в это ненастное утро.

— Доброго утра и вам, лейда Эйволин, — ответил Скай. Внешне он был расслаблен и спокоен, но я чувствовала его внутреннее напряжение. Даже настороженность. Кажется, Аквей ожидал от бывшей невесты неприятной выходки. Я, признаться тоже. — Вы вчера сбегали из замка, как мне доложили. Какова причина вашей безрассудности?

Подбородок Эйви задрожал, но она вновь стиснула кулаки, справляясь с подступившими слезами.

— Мне хотелось прогуляться, господин. Последнее время на душе моей неспокойно, — достаточно ровно произнесла женщина.

— Вам лучше?

— Да.

— Отлично. Нам есть о чем поговорить, лейда Эйволин, — Скай откинул в сторону салфетку, которую всё еще сжимал в руке. — Пройдемте в мой кабинет, благородная лейда.

Эйви опустила голову, невесело усмехнувшись.

— И это всё? — вдруг зазвеневшим голосом спросила водница. — Благородная лейда? В ваш кабинет? И не предложите мне разделить с вами стол? Не поцелуете свою Эйви, не прижмете к сердцу? Или же на вашей груди больше нет места для нареченной? Мой господин нынче не обнимает честных женщин, не так ли? Он греет на ней холодных и бездушных змей! — слезы все-таки прорвались наружу. Эйволин закрыла лицо ладонями, стремительно отвернувшись от нас.

Скай бросил на меня хмурый взгляд. Мне следовало уйти, это я понимала и без его немой просьбы. В женщине кричала обида и растоптанное самолюбие. Возможно, она всё еще была влюблена в своего жениха, возможно, просто было сложно расстаться с привычной ролью. Но ей было больно, и эта боль была мне понятна. Поднявшись со своего места, я кивнула Аквею и направилась на выход из трапезной. Венн и Искра устремились за мной, не ожидая ни знака, ни приглашения.

Покидая трапезную залу, я слышала всхлипы Эйволин и негромкий голос Ская:

— Эйви, послушай...

— Поцелуй меня, — потребовала водница.

Я обернулась. Она стояла, глядя на Аквею.

— Поцелуй, Скай.

— Нет, — всё также тихо, но твердо ответил водник, и я закрыла за собой дверь.

В коридоре, освещенном сумрачным светом, лившимся через высокие узкие окна, стоял мужчина, показавшийся мне знакомым. Леор Мунн — вспомнилось мне. Похоже, он сопровождал Эйволин, и теперь ожидал, когда она выйдет. Но вышла я, и мрачный взгляд васильковых глаз прошелся по мне от головы до ног и обратно. Я не отвела глаз, и водник, поджав губы, отвернулся.

До отведенных мне покоев я добралась без приключений. Венн полз рядом, забыв шалости. Его взгляд скользил по стражникам, по прислуге, изредка попадавшейся навстречу, по двум магам, замершим на лестнице, когда я начала подъем. Стражники делали вид, что никого не видят, прислуга жалась к стенам, а благородные леоры повернули головы мне вслед, рассматривая со смесью неприязни и интереса.

Уже у дверей покоев я была остановлена восклицанием:

— Лейда Ирис!

Обернулась. Это был Войтер. Старый знакомец приветливо улыбнулся и подошел ближе, с некоторой опаской поглядывая на змея и ошетилившуюся крысу, уже сидевшую на своем законном месте — на моем плече.

— Доброго дня, Войтер, — ответила я.

Молодой мужчина сделал еще шаг, но остановился, услышав угрожающее шипение Венна.

— Вы что-то хотели? — спросила я с вежливой улыбкой.

— Какая прохлада в вашем чарующем голосе, Ирис, — он обезоруживающе улыбнулся в ответ. — И, тем не менее, я рад видеть вас в добром здравии. Можете мне не верить, но я действительно рад, что вы вернулись живой и невредимой.

— Благодарю, — я склонила голову и хотела удалиться, но водник вскинул руку, словно пытаюсь меня удержать. — Что-то еще?

— Вы не позволите подойти к вам?

— У вас нужда в моем обществе? — усмехнулась я.

— Всего лишь желание поболтать, — он снова широко улыбнулся.

— Если желаете узнать о произошедших переменах, то на Совете вы услышите всё в подробностях, — пообещала я.

— Перемены любопытны, безусловно, — вновь попытался задержать меня мужчина. — Но... Ирис. Тьма, — он усмехнулся и покачал головой. — Вы ведь не подпустите меня к себе?

— Какой смысл в нашем сближении, Войт?

— Войтер, — в коридоре появилась Тейда. Она кивнула мне и теперь смотрела только на водника. — Мальчик мой, помоги мне. Я хочу прогуляться до библиотеки и набрать там книг. Опасаюсь, мои старческие руки не унесут всё, что мне хочется взять.

Он с сожалением посмотрел на меня, после поклонился и устремился к провидице.

— Разумеется, лейда Тей.

Я благодарно улыбнулась женщине и поспешила скрыться за дверями покоев. Мысли не желали собираться воедино, они разлетались, словно испуганная стая птиц. Даже не могу сказать, что сейчас чувствовала, и какие именно чувства были мои. Мне было тяжело, немного горько. Еще я сердилась, а еще... ревновала. Зная, что опасаться нечего, я всё равно жутко ревновала. Мой водник остался наедине с женщиной, которую не просто хотел назвать женой. Он любил ее. И в этой истории мне досталась роль разлучницы и более счастливой соперницы. А что если...

— Глупость какая, — усмехнулась я, тряхнула головой и упала на застеленную кровать.

Нужно было отвлечься, но до зубовного скрежета хотелось оказаться там, где происходит сейчас разговор между моим мужчиной и его бывшей женщиной. Порывисто поднявшись с ложа, я стремительно прошла в умывальню, плеснула из кувшина остывшую воду себе на ладонь и протерла лицо. Не помогло. Пройдясь по умывальне, я установилась у бассейна и воззрилась на него.

— Как же я хочу узнать, что там сейчас происходит! — воскликнула я.

Вдруг в голову пришла идея. Неправильная, может даже, не совсем разумная, продиктованная ревностью, но я ухватила за нее. Сейчас новые способности, обнаруженные еще утром, показались мне, как нельзя, кстати. Не знала, как воплотить, но попробовать определенно стоило... наверное. Ссадив с плеча Искру, я уселась на край бассейна, скинула туфельки и опустила ноги в воду. После протяжно выдохнула и пробормотала:

— Приступим...

Я некоторое время смотрела на воду, по поверхности которой еще бежала легкая рябь после того, как я нарушила ее покой. Мне хотелось почувствовать ее, ощутить так же, как родную стихию. Вновь поднялась на ноги, сняла платье, белье, передернула плечами и вошла в бассейн полностью. После закрыла глаза и опустилась под воду. Задержала дыхание и терпела, сколько могла. А когда грудь сдавило от нестерпимого желания набрать полные легкие свежего воздуха, я выдохнула остатки того, что еще оставались, открыла глаза и...

Пузырьки воздуха, вырвавшиеся из моего рта, поднялись к поверхности и... замерли. Казалось, само время замерло, остановив течение воды, движение воздуха, ток крови в венах и артериях, и сердце, трепыхнувшись последний раз, остановилось совсем, заставив замереть и мою жизнь...

А потом я увидела токи энергии. Они прошивали пространство тончайшими

искрящимися нитями. Переплетались в жгуты и паутины, ткали, подобно искусным ткачам, материю самого мироздания, основу всего сущего. Все было оплетено искрящимися нитями. Бортики бассейна, скайрены, застывшие пузырьки воздуха, вода ия...

— Мир Изначальной энергии, Ирис, вот прекраснейшее зрелище на свете. Он существует внутри любой реальности и вне ее. Даже Хаос наполнен Изначальной Силой. Увидеть его может лишь Созидающий, ибо мы прочно связаны с основой всего сущего. Но узреть Изначальные токи возможно лишь на грани смерти. Однако стоит помнить об осторожности, малыш. Увлечешься зрелищем, поддашься соблазну распутать плетение и растворишься в сияющих потоках, навеки став одной из линий Силы.

— Зачем тогда погружаться в подпространство, пап? Я не хочу стать током энергии, я хочу остаться плотной материей.

— Никто не хочет стать током энергии, если, конечно, он не желает существовать вечно.

— В такой вечности скучно.

— Несомненно, малышка.

— Тогда зачем мне подпространство?

— Чтобы увидеть и направить нити силы. Например, для создания нового мира, или чтобы ненадолго слиться с кем-то воедино, ты можешь соединить ваши токи. Я расскажу тебе всё, что знаю сам о подпространстве и возможностях влияния на него, но никогда не забывай: первое — ты гость в этом мире, второе — установи себе срок, как изначальное условие, третье — не вздумай возомнить, что энергия готова подчиниться, тебе лишь позволено прикоснуться к ней, и четвертое — подпространство открывается не всегда, и, злоупотребив погружением в него, ты рискуешь просто умереть. Повтори...

— Скай...

Имя сорвалось с уст сияющим облаком, и тут же на него отозвались нити энергии, ткавшие воду, и часть меня всколыхнулось свечением, подсказывая верный путь. Я протянула ладонь, коснулась водяных энергетических токов и отпустила свое сознание, устремившись за голубоватым мерцанием Силы...

— Скай!

Я поджимаю губы и устало закатываю глаза. Разговор начинается уже по второму кругу, но всё равно приходит в тупик. Она не хочет меня слышать.

— Ну, посмотри же на меня, Скай! — в голосе Эйви истерика. Мне жаль ее, искренне жаль, но я не чувствую своей вины и менять тоже ничего не хочу.

Разворачиваюсь, чтобы в который раз взглянуть в заплаканное личико, перекошенное страданием. Ей больно. Тьма...

— Ты совсем не понимаешь, что я чувствую?

Понимаю, Эйви, еще как понимаю. Я уже отвечал на этот вопрос, но ты не хочешь мне поверить. Ищешь подвох, слабинку, надеешься, что сможешь уговорить. И это я тоже понимаю, как понимаю, что движет тобой. Об этом я тоже говорил, однако ты опять не услышала. Попробую еще раз. Подхожу к ней, беру за плечи и стараюсь, чтобы мои слова звучали, как можно, мягче.

— Маленькая моя, я всё понимаю. Поверь, меньше всего мне хотелось делать тебе больно...

— Но ты делаешь, Скай!

— Прости меня. — Тьма. Не знаю, что ей еще сказать. Не хочу быть грубым, но

раздражение уже нарастает, приходится держать себя в руках и следить за словами. — Прости и пойми...

— Что я должна понять?! — восклицает Эйволин. Она отбивает мои руки, сжимает кулаки и орет в лицо: — Ты предпочел мне эту тварь! Ты выбрал убийцу! Ты, на кого мы возлагали надежды! Ты. Выбрал. Черную. Мразь! И не лги, что вас связывает только дело. Не смей мне лгать, Скайрен Аквей, я всё вижу!

Да чтоб тебя, Эйви... Сколько можно? Оскорбления выводят из себя, и я срываюсь:

— Ты ведь много об этом думала, да, Эйви? Наверное, все дни моего отсутствия рисовала себе картины моего падения? Тебя это занимало намного сильнее, чем моя жизнь, не так ли? И не смей мне лгать, Эйволин Аллиерт, я тоже всё вижу!

— Неправда!

— Правда. — Я подцепляю ее за подбородок двумя пальцами и вынуждаю смотреть мне в глаза. — Твое поведение при встрече было показательным. Ты стремилась получить подтверждение, что я по-прежнему твой, только это было для тебя важно. Ни мои нужды, ни самочувствие, ни усталость, лишь моя верность. Так к чему восклицания о великой любви? — Ярость вспыхивает во мне уже сложно бороться с собой. Нужно выдохнуть, нужно успокоиться. Тьма! Тьма! Я не хочу объясняться с Эйволин. Я ведь всё уже сказал, но продолжаю торчать здесь, чтобы по сто раз выслушивать, какой я бесчувственный и жестокий. Вновь прислушиваюсь к себе.

Что-то не так. Определенно что-то не так. Не понимаю, что меня смущает. Ирис добралась до покоев. Была взволнованна, даже ревновала. Наверное, она сама не знает, какими яркими бывают ее чувства. Да, точно! Я почти не ощущаю ее. Словно отголосок эха... И все-таки это не всё. Что же еще? Что...

— Будь ты проклят, Скай! — Эйви бьет меня кулаками в грудь. Я перевожу на нее рассеянный взгляд, пытаюсь уловить Ирис, но никак не могу понять, где она, и что сейчас делает. Ощущение такое, будто стоит рядом. — Я отдалась тебе!

— К Тьме, Эйви! Не я ли просил тебя не спешить? Не я ли уговаривал тебя подождать свадьбы? Сколько раз я отказывался принимать этот дар от тебя? — еще немного, и я наговорю ей гадостей. Нужно прекращать бессмысленный спор. Я уже всё сказал, добавить нечего, только взаимные упреки.

— Но все-таки взял! Ты взял меня, Скай, и клялся, что женишься, и что теперь? Эйви уже не нужна? И что мне делать? Девство не вырастит заново, и всем известно, что я проводила ночи в твоей опочивальне! Что осталось мне? Позор, вот что!

— Я верну тебе девство и поклянусь, что не притронулся к тебе пальцем. Свидетелей нашей близости нет. Да, ночевала, но осталась чиста. Это подтвердит первая брачная ночь. Эйви, милая...

Она откидывает голову назад и хохочет. Из последних сил сдерживаю желание вылить на голову упрямыцы поток ледяной воды, чтобы привести ее в чувство... Но, проклятье, почему я ощущаю Ирис так странно? Кажется, что она стоит за моим плечом. Невольно оборачиваюсь, нет, ее нет. Тогда откуда чувство, что она дышит мне в затылок?

— Ты на всё готов, чтобы избавиться от меня? Да, Скай? И ради кого?! Ради этой тва...

— Прекрати! — до зубовного скрежета надоело слушать эти оскорбления. — Я просил тебя следить за тем, что ты говоришь. Просил выслушать меня и задуматься. Но разум, похоже, отказал тебе, Эйволин. Отчего эта истерика? Что такого ты потеряла?

Девственность? Она будет восстановлена. Доброе имя? Оно при тебе. Жениха, которого никогда по-настоящему не любила?

— Я любила!

— Кого, Эйви? Меня? Или свое великое предназначение? Вспомни, как ты провожала меня к стенам Черного замка. В твоих глазах не было слез от предстоящей разлуки, в них была гордость за исполненное пророчество. Любящее сердце опасается, твое же ликовало. И мое сердце ликовало тоже, мы ведь были спасителями мира, — горький смешок сорвался с моих уст. — Что ты почувствовала, когда я не вернулся? Ты плакала? Ждала меня? Молилась Создателям? Расскажи мне, Эйви.

— Я скорбела, — теперь отвернулась она. — Ты был дорог мне. Нас соединили узы клятвы, и я была верна тебе. А ты...

— И я, Эйви. Я тоже был верен, пока... пока не сбылось пророчество. — За какой Тьмой таить то, что уже вечером станет известно?! Подхожу к ней, обнимаю за плечи, притягивая спиной к своей груди. Это не нежность, не желание ощутить ее тепло. Всего лишь дружеский жест, но Эйволин замирает, кажется, надеясь на большее. Склоняюсь к ее уху: — Они обманулись сами и обманули нас, Эйви. Задумайся, разве чувство можно предопределить? Как наши отцы могли понять, что именно мы с тобой предназначены друг другу? Мы стали жертвой их слепых желаний, и сейчас самое время исправить ошибки. От меня не осталось ничего, сама сущность поменялась. Я больше не сильнейший маг Водного клана, и следов клятвы в моей крови не осталось. Она не держит и тебя. Я не предлагаю тебе немедленно выбирать себе мужа, но я прошу успокоиться и задуматься. Ты боишься разговоров? Зря. Люди заняты Ирис, и до тебя им нет дела. Ты, скорей, жертва в их глазах. Не будет осуждений и злых сплетен. Если тебе так проще, то на Совете именно ты можешь объявить о расторжении помолвки, я поддержу. Ты свободна, ничего не потеряла...

— Кроме брачного браслета, — Эйволин вырывается из моих рук.

— Эйви, послушай...

— Это ты послушай!

Не слушаю. Ни слова не слушаю. Даже собственных мыслей нет, разбегаются в разные стороны. Стоило на мгновение отвлечься, и уже не собраться вновь. Внутренним чутьем ищу свою жену, но по-прежнему не могу определить ее местонахождение, однако присутствие Ирис становится все более реальным.

— Да я выскажусь на Совете...

Как же странно. В голове настоящий сумбур, словно смешались мои и чужие размышления.

— Они узнают...

Она так близко. Кажется, протяни руку и дотронешься.

— Убийце никто не поверит...

Тьма, где же она? Стоп! Что было перед изменением внутренних ощущений? Она ревновала. Ревновала так, что я едва не сорвался в разговоре с Эйви с первых же минут. Потом всё стихло, но появилось ощущение близости Ирис. И что это может означать? В дверь она не подглядывает, это точно. Рядом с трапезной ее вообще нет, и все-таки моя ягодка где-то здесь.

— Тебе никто не поверит, потому что ты сам предатель!

Слияние. Оно объединило нас и наши сущности. Ирис теперь откликается моя стихия, значит, мне подвластна земля. Тьма, я где-то рядом, уверен. Слияние... Единение...

Неужели... Неужели она... во мне? Ирис, родная моя, ты сейчас во мне? Или как ты наблюдаешь? Ты ведь наблюдаешь, не так ли? Ирис!

— Будь ты проклят, Скай! Будь проклят!

Я растерянно гляжу вслед убегающей Эйви. Что она там говорила про Совет? Кажется, собирается ради мелкой мести обвинить меня в предательстве. Ну уж нет, дорогая. На кону теперь куда больше, чем старая идея освобождения. Я не позволю тебе всё испортить. Сделаешь глупость, я отвечу грубостью, возможно, подлостью. Мне есть за что нынче поступиться принципами. Надеюсь, у тебя ума хватит обдумать мои слова и принять их. И все-таки, что учудила моя супруга?

— Ирис, я знаю, что ты подслушиваешь. Проныра...

С шумным вздохом вынырнула из-под воды. Воровато огляделась, прислушалась, но водник еще не мчался обличать меня. Нужно успеть одеться и сделать вид, что... да хоть сплю. Главное, быть убедительной. Я поспешила к бортику, потому что он был ближе ступеней. Уперлась в него ладонями, подтянулась, уже собираясь забраться наверх, но... чьи-то пальцы сжались на моей щиколотке и сдернули с бортика обратно в воду. Я взвизгнула, порывисто обернулась и встретила взглядом с глазами-озерами.

— И как ты это сделала? — спросил Скай.

— Что? — я захлопала ресницами.

— Как забралась мне в голову и шпионила, — пояснил водник, наступая на меня.

— Я? — накал моей честности был велик, но скептицизм в синих глазах оказался гораздо сильнее. Однако сдаваться без боя не хотелось. — Глупость какая!

— Твое недоверие? — светлая бровь картинно изломилась. — Это не просто глупость, это оскорбительная глупость, Ирис.

Я открыла рот, но сразу же закрыла его, так и не найдя, что сказать. Вздохнула и развела руками.

— Содержательно, — усмехнулся Аквей. — Попыток вранья больше не будет, или все-таки попробуешь?

— Не будет, — сдалась я. — Прости.

Скай рассеянно кивнул и выбрался из бассейна. Я последовала за ним, бросая короткие настороженные взгляды. Он был недоволен моим поступком, но... Как объяснить, что я всецело доверяю ему, но не могу не опасаться того, что может произойти наедине с женщиной, с которой его связывали долгие отношения, в которых был и любовь, и близость, и общая цель? Эйволин не простая наложница, она была его судьбой долгие годы! Я же появилась так неожиданно, и нашим чувствам, признанным чувствам, всего несколько дней. А что было до этого? Я ведь была его палачом, его мучителем...

— Прекрати, — глухо произнес Скай. — Ты терзаешь себя, я чувствую.

— Ты зол на меня?

Водник обернулся, и на губах его появилась усталая улыбка.

— Нет. Но недоверие неприятно.

— Я доверяю тебе, Скай, — я отвела взгляд в сторону. — И мне стыдно за то, что влезла в твое сознание, но эта ревность... У нее есть основания, ты сам понимаешь. Она...

— Понимаю, — перебил меня Аквей. — Но в моей жизни не осталось иных женщин. Ирис, только ты. Ты это тоже понимаешь.

— Понимаю, — кивнула я.

Он протянул ко мне руки:

— Иди ко мне.

Я послушно нырнула в распахнутые объятия, обняла так сильно, как только могла и заглянула в глаза.

— Прости.

— Простил, — улыбнулся Скай и коротко поцеловал в губы. После отстранился и нахмурился. — Меня смущает то, что я толком ничего не знаю о своей новой силе. Я пользуюсь ею по наитию, и уверен, что это малая толика того, на что я способен. Судя по тому, что ты сегодня проделала, твоя память подкинула тебе уже немало воспоминаний. Я хочу, чтобы ты рассказала мне о возможностях Созидающих. Обучи меня, ягодка.

— Расскажу всё, что вспомнила, — улыбнулась я. — Но на это нужно время, а у нас его так мало.

— Да, время — наша слабая сторона, — усмехнулся водник. — И Совет, чувствую, будет особенно жарким. Ты ведь всё слышала?

Я согласно кивнула.

— Она действительно осмелится объявить тебя предателем?

— Обиженная женщина — опасная женщина, — криво улыбнулся Аквей. — И все-таки это не столь страшно, как то, что за это обвинение могут ухватиться мои противники. Да, ягодка, у меня они тоже есть, — он подмигнул, вновь поцеловал меня и велел: — Одевайся. Я не железный, а с нашим притяжением сопротивляться желанию особенно сложно.

Я вновь согласно кивнула, но не отказала себе в удовольствии повилать бедрами и соблазнительно изогнуться, поднимая свою одежду, небрежно откинутую еще до погружения в воду. За моей спиной хмыкнул супруг и бесшабашно произнес:

— Ну и Тьма с этим Советом.

Я обернулась, с изумлением взглянув на него. После покачала головой и натянула нижнее белье, на мгновение просохшее тело.

— Нет уж, Ручеек, Совет так Совет. Будь серьезней.

— И это говорит мне та, которая исподтишка забралась ко мне в голову, — Скай скрестил на груди руки. — Тебе что-нибудь объясняли про совесть?

— А что это? — я наивно похлопала ресничками.

— Я так и думал, — Аквей рассмеялся и поманил меня за собой. — Идем, нужно обсудить наше поведение в свете возможных последствий моего разрыва с Эйволин. Потом объяснишь, как ты влезла ко мне в голову. Будем считать это первым уроком.

— Воля Господин закон для меня, — я согнулась в подобострастном поклоне.

Аквей тут же поморщился и отрицательно покачал головой. Он не любил шуток, которые напоминали о моем недавнем прошлом. Не из-за деяний, Скай не выносил любого упоминания о власти Вайтора надомной. Начинал злиться, воспринимая, как личное оскорбление. Признаться, мне было приятно. Мой мужчина винил не меня, и это было, наверное, главным, что давало силы не скатиться в пучину самобичеваний. Поддержка супруга была не просто важна для меня, она казалась жизненно необходимой.

Мы проговорили до обеда, больше о возможностях Созидающего, чем о Совете. На последнем было решено линию поведения не менять, но кое-что придумали дополнительно. Остальное время я рассказывала Скаю о подпространстве и энергетических токах, составляющих основу любой материи. Мне до зубовного скрежета хотелось умолчать о возможных последствиях ухода в подпространство, и еще больше о том, как туда попасть, но это означало лишить Ская знаний, и я не смогла так поступить с ним.

Он выслушал меня с невозмутимой миной на лице, уточнял, переспрашивал, запоминал. А когда я закончила, уверенная в том, что буря миновала, так и не зацепив меня, Аквей, произнес только одно короткое, но веское слово:

— Убью.

Я уже открыла рот, чтобы убедить в своей осторожности, но передумала, решив, что это приведет к новому взрыву, и просто кивнула, покладисто ответив:

— Хорошо.

Водник с минуту сверлил меня пронзительным взглядом, после махнул рукой и отвернулся к окну. И когда я решила, что взрыва уже точно не будет, Скай резко поднялся с кресла, шагнул ко мне и навис сверху, полыхая бликами света в глазах:

— Почти умереть ради того, чтобы подслушать? — прошипел он ядовитым змеем.

— Скай...

— Тебе совсем себя не жаль? — воскликнул водник. — На меня плевать, на себя плевать, так хотя бы подумай о том, что станет со всем этим, — он широко развел руками, — если ты исчезнешь!

— С...

— Молчи, недоразумение, — рявкнул Аквей и стремительно отошел к окну. Заложил руки за голову и шумно выдохнул. — Тьма, Ирис. Я с дрожью ожидаю, чем закончатся проклятые тридцать дней, а ты решила не тянуть время, да?

— Я знаю правила...

— Проклятье, Ирис! Погружение через смерть! Зазевалась, осталась там навсегда, растворилась в энергетических потоках. Неужели ревность и любопытство стоят такого риска?

— Но я же здесь...

— И хвала Хаосу, — снова рявкнул водник. После потер лицо ладонями и негромко закончил: — Ты меня с ума сведешь. Но до нервного припадка, кажется, осталось уже немного. Добьешь?

— Нет уж, помучайся подольше, — ворчливо ответила я, приближаясь к нему. Обняла сзади и прижалась щекой к спине. — Я буду стараться воздерживаться от опасных опытов, по крайней мере, в одиночестве. Обещаю.

— И как тебе поверить, безумица моя? — уже беззлобно усмехнулся Скай, накрывая ладонями мои руки.

Он развернулся, обнял и прижался щекой к макушке. После умиротворенно вздохнув, произнес проникновенно:

— Чудовище ты мое... земляное.

— Я тоже тебя люблю, — улыбнулась я и зажмурилась, слушая стук дорого мне сердца.

Отвлек нас стук в дверь. Венн, лежавший недалеко от входа в покои, поднял голову. Скай, коротко вздохнув, улыбнулся мне с сожалением и, выпустив из объятий, громко произнес:

— Можно.

Дверь открылась. Это была тетя Тей.

— Я так и думала, что ты здесь, — сказала она, войдя в покои. — Мой мальчик, уже собираются маги. Прибыл новый глава клана северных воздушников. Я распорядилась проводить его в отведенные ему покои, но я не ты. Тебе стоит спуститься в зал

перемещений.

— Да, родная, разумеется, — кивнул Аквей, но Тейда осталась стоять на прежнем месте, явно желая сказать что-то еще. Скай вновь замер, ожидая продолжения.

Женщина потерла ладони и зябко повела плечами, кажется, она нервничала.

— Что такое, тетушка? — спросил водник.

— Эйви, — ответила она. — Девочка закрылась в своих покоях и разносит их. Опасаюсь, как бы она не наделала глупостей.

Скай поднял глаза к потолку и протяжно вздохнул.

— Мы поговорили, — ответил он. — Эйволин отказывается услышать меня. Она не хочет разойтись мирно, собирается выступить на Совете. — Аквей замолчал, поджал губы, раздумывая. — Родная, я хочу попросить тебя сделать так, чтобы до Совета она не успела ни с кем переговорить. Я не в силах помешать ей выступить на Совете, после смерти Эйвилона, она стала главой рода, и имеет право слова. Но лучше пусть она обольет меня и Ирис грязью там, чем до начала успеет найти себе единомышленников. Лучше погубить сорняк в зачатке, чем дать ему успеть пустить побеги. Займись этим.

— Конечно, дорогой, — кивнула Тей. — Впрочем, Эйволин не настолько умна, чтобы плести паутину заговора. Но у нее есть сторонники, которые могут проделать грязную работу, пока Эйви тратит время на истерику.

— Мунн? — сразу понял Скай.

— Этот леор уже долгое время смотрит на Эйволин с нежностью. Между ними ничего не было, я в этом уверена, но между господином и возлюбленной выберет возлюбленную. Его стоит убрать с глаз долой, пока не пройдет Совет.

Водник заложил руки за спину, прошелся взад и вперед, после обернулся к тете и спросил:

— Уверена, что ничего не было, или подозрения все-таки есть?

Я тут же вскинула на него глаза. Ревность вновь шевельнулась, поднимая свою уродливую голову.

— Уверена, мой мальчик, — сказала Тейда. — По крайней мере, дальше ухаживаний дело не зашло. Она была твоей невестой, и после твоего исчезновения носила траур. Мунн окружил Эйви заботой, но если и решился на ухаживания, то незадолго до твоего появления, когда траур подходил к концу. Большую часть времени девочка проводила рядом со мной, я бы заметила блеск в глазах, если бы она ответила взаимностью, из нее плохая актриса. Совершенно не умеет лгать и притворяться, все чувства на поверхности. Нет, ничего не было. Однако сейчас как раз время для их сближения. Мунн пойдет на многое, чтобы добиться ее расположения, а девочка не из сильных духом. Ей нужна опора. Да, они легко сойдутся, и Мунн предаст тебя.

— Жаль, — произнес Скай, глядя на тетушку. — Это был бы отличный повод закрыть рот Эйволин.

И я расслабилась. Всего лишь поиск пути выхода из сложившейся ситуации. В Аквее не было ни капли затаенной ревности или обиды. Он обернулся ко мне, усмехнулся, явно ощутив мои эмоции, укоризненно покачал головой, и я отвела взгляд, чувствуя, как загорелись щеки. Надо же, я всё еще умею стыдиться...

— Итак, — хлопнул в ладоши водник. — Тей, пригляди за Эйви. Тебе придется выслушать кучу грязи, но...

— Потерплю, — кивнула провидица.

— Ирис, — он взглянул на меня, — помни о своем обещании.

Я, улыбнувшись, кивнула. Скай пару мгновений сверлил меня подозрительным взглядом, затем послал воздушный поцелуй и устремился к выходу.

— Я иду встречать гостей. Мунн пока походит за мной хвостом. Лучше он будет у меня на глазах, чем найдет лазейку и наделает глупостей. Всё, любимые, за дело. Вечер будет жарким.

Тейда кивнула мне и первой вышла из покоев. Скай еще на миг задержался, уже в дверях он обернулся, вновь посмотрел на меня.

— Где бы я ни был, я рядом с тобой, — сказал он. — Ирис... пожалуйста.

— Не переживай, я больше не заставлю тебя нервничать, — ответила я. — До встречи.

— До скорой встречи, — сказал Аквей, и дверь закрылась.

Я осталась в одиночестве, если не считать, конечно, Искру, уже стоявшую столбиком у моих ног, и Венна. Взяв крысу на руки, я прошла к креслу, на котором сидел Скай, и поманила к себе змея. Мой юный друг и охранник не заставил просить себя дважды. Он подполз, уместил голову на моих коленях и удовлетворенно булькнул, когда моя ладонь опустилась на гладкий прохладный лоб. Я рассеянно улыбнулась Венну, почесала ему макушку и позволила мыслям завладеть мной.

Вспомнились слова, сказанные Скаем: «Неужели ревность и любопытство стоят такого риска?». Ревность... На что вообще способна толкнуть ревность, когда завладевает твоим существом? Как далеко можно зайти в этом сильном, но, безусловно, грубом чувстве? Каких глупостей наделать? Разгромить покои? Уничтожить бывшего возлюбленного, оболгав его из мести? Или же рискнуть собственной и его жизнью, поддавшись сиюминутному порыву из опасения, что он предпочтет другую? Ревность ослепляет, лишает возможности думать. Она опасна, как притаившийся за спиной зверь. Покажи ей свой страх, и она накинется, вгрызется в душу клыками, раздерет в клочья, отравит кровь своей ядовитой слюной. И толкнет в пропасть...

— Ирис...

Я поднимаю голову и тяжело сплываю, замороженная игрой солнечных бликов в лазоревых глазах. Так странно и так притягательно... Мужчина, что стоит напротив, замирает, превращаясь в каменное изваяние. Кажется, он даже не дышит. И я не дышу. Стою и смотрю, на сияние его глаз.

— Ирис, — мое имя срывается с его уст судорожным вздохом, и Регинис снова замолкает, и только в глазах продолжают вспыхивать эти странные блики, словно солнечные зайчики на поверхности чистейшего из озер.

Он исчезал. Должно быть, вымотав не только меня, но и себя самого, водник пропал. Он не появлялся больше трех месяцев. Поначалу я даже радовалась, потому что, наконец, смогла свободно вздохнуть. Но однажды, проснувшись под утро, я вдруг поняла, что мне его не хватает. Это чувство не исчезло утром, не пропало к вечеру, и даже спустя неделю, я продолжала скучать. Слушая отца, ловила себя на том, что озираюсь по сторонам и, не найдя Созидающего, чувствую разочарование. Папа ругал меня за рассеянность, а мне всё больше становилось не по себе от неожиданной пустоты, образовавшейся после исчезновения нашего вечного гостя.

Сначала я даже пыталась убедить себя, что это детская привычка, когда добрый дядюшка Регин проводил у нас в доме почти каждый день. Он приносил мне кукол и сладости, гулял со мной по нашему холму. Потом, когда я стала старше, Регинис начал

рассказывать мне разные истории из своей прошлой жизни. Рассказывал о своем доме, о родных. Сказки, которые я от него слышала, когда была малышкой, сменились легендами и сказаниями. А потом всё изменилось, и добрый дядюшка оказался вдруг мужчиной. Как бы странно это не звучало, но именно это превращение обидело меня когда-то и сбило с ног. И вместо сказок и интересных, зачастую веселых историй, я получила бесконечные попытки добиться от меня того, чего я не могла дать... пока не осталась без него окончательно.

И вот он вернулся. Я увидела его, бредущим по холму. Регинис не спешил подойти к дому. Он стоял на вершине холма, затем неспешно начал спуск, но вновь остановился, так и не приблизившись к дому. Я смотрела на него из окна, прячась за занавеской, и мое сердечко трепыхалось в груди испуганной птицей. А когда я увидела, что Созидающий побрел назад к вершине холма, и поняла, что он сейчас вновь исчезнет, не выдержала. Не слушая окрика отца, я бросилась на улицу. Краткое мгновение стояла перед домом, прижав ладонь к груди, не осмеливаясь догнать уходящего мужчину, но сделала еще один шаг и опять застыла изваянием, не зная, что сделать дальше. Окрикнуть, позвать, догнать, или сбежать и вновь думать о воднике, просыпаясь по ночам от странных снов, в которых он целовал меня.

Уже дойдя до вершины, Регинис остановился. Он замер, а затем порывисто обернулся и, наконец, увидел меня. Сколько мы так стояли, глядя друг на друга издали? Сложно сказать, время будто остановилось, погрузив мир в оглушающую тишину, где единственным звуком было лишь мое учащенное дыхание.

— Ну что же ты стоишь? — мамин голос донесся откуда-то издали, словно шорох листьев в лесу, росшем за холмом. — Иди смелей.

И я сделала первый шаг. Затем еще один, и еще, и мужчина на вершине отмер. Он шагнул мне навстречу. Неспешно, словно опасаясь спугнуть, Регинис шел мне навстречу. Мы встретились на середине склона, и теперь стояли, глядя друг на друга уже, наверное, целую вечность.

— Ты исчез, — прошептала я и, наконец, опустила взгляд.

— Не хотел больше мучить тебя, — ответил он.

— Почему вернулся? — я даже не замечаю, что впервые говорю ему «ты».

— Хотел увидеть.

— Опять уйдешь?

— Если ты этого хочешь.

— Не хочу! — срывается с моих уст раньше, чем я успеваю опомниться. И уже, не сдерживаясь, мотаю головой и повторяю: — Не хочу.

После несмело беру водника за руку, он опускает взор вниз, рассматривает, как моя ладонь сжимает его ладонь, вновь вскидывает глаза на меня и уже не отпускает меня из ловушки ошеломленного взгляда.

— Расскажи мне новую историю, — запинаясь и краснея, прошу я.

— С удовольствием, — хрипло отвечает Регинис.

Мы вместе поднимаемся на холм, так и не расцепив рук. Спускаемся по его другому склону. Созидающий не отводит глаз ни на мгновение, он смотрит с затаенной жадностью и, кажется, восторгом. И мне нравится этот взгляд. Я прячу улыбку, бросаю исподволь на водника ответные взгляды, на моей душе умиротворение и покой.

— Ирис, — я поднимаю на него взор, но Регинис отрицательно качает головой и снова повторяет негромко: — Ири-ис...

После подносит мою руку к губам, касается ее почти невесомым поцелуем, и мне вдруг вспоминаются мои сны. От неожиданного желания почувствовать то, что я ощущала во сне, мои щеки заливаются краской. Кажется, даже уши пылают огнем, и все-таки я смотрю в лазоревые глаза, прерывисто вздыхаю и подаюсь к Созидающему. Слышу ответный рваный вздох, и теплые ладони обнимают мое лицо. Регин всё еще смотрит на меня, словно не верит, что я позволяю сделать то, чему столько времени сопротивляюсь. Наконец, гулко сглатывает и склоняется к моим губам...

— Не смей! — крик ударяет по ушам.

Я вздрагиваю, невольно отшатываюсь от водника, и его относит от меня порыв ветра. Злой вихрь промчался мимо, взметнув мне волосы и подол платья, но не причинив вреда. Порывисто оборачиваюсь. На вершине холма стоит Орканис. Его взгляд направлен на бывшего друга, уже вновь стоявшего на ногах.

— Ирис, уйди, — глухо велит мне Регин.

— Но...

— Пожалуйста, — его тон становится мягким, на устах улыбка, но глаза уже не сияют, они потемнели, превратившись в предгрозовое небо. Чуть помедлив, я все-таки киваю и делаю шаг в сторону Орканиса, потому что мой дом и папа, который может всё это прекратить на той стороне холма.

Воздушник теперь не спускает с меня взгляда, и мне вдруг становится страшно от того, что я вижу в глазах бывшего возлюбленного. Боль и гнев сплелись столь крепко, что кажется, он готов сейчас наказать меня за то, что свой выбор я сделала. Пячусь, чтобы спрятаться за спину Регина, но новый вихрь налетает на меня, сбивает с ног, кружит в воздушном водовороте и тащит к разъяренному хозяину.

Вырванная с корнем трава, сор, мелкие ветки, камешки хлещут меня по лицу, по рукам, залетают под подол. Мне больно и страшно, но Орканис даже не замечает этого. В слепой ярости он тащит меня к себе. Мой крик поглощает ревуший ветер, и не хватает сил, чтобы скинуть с себя путы воздушной ловушки.

Всё прекращается внезапно, когда огромная волна среди изумрудной зелени трав обрушивается на Орканиса и оттаскивает его прочь. Я падаю на землю, но меня тут же подхватывают руки водника. Он с силой прижимает меня к себе, что-то говорит, но я не слышу, оглушенная произошедшим.

— Цела, — наконец, я начинаю разбирать слова. — Ты цела, хвала Изначальным!

Регинис, на миг выпустив меня из объятий, снова прижимает к себе. А затем нас вновь расшвыривает в разные стороны налетевший смерч. Орканис вновь на ногах. Регинис выпутывается из силков ревущего ветра, а мне не хватает сил. Меня тащит к лесу, швыряет на древесные стволы, бьет о валуны.

— Прекрати! Ты убьешь ее! — крик Регина долетает до меня обрывками.

Я уже не вижу ни шторма посреди мирной зелени, не чувствую, как трянуло землю. Это папа. Земля расходится, и из разлома, разделившего бывших друзей, готовых убить друг друга, вырывается огненная лава. Вайторис тоже подрос. Потом я узнаю, что он пришел с Орканисом, но отвлекся на разговор с отцом, и они пропустили начало буйства стихий. Но сейчас всё это проходит мимо моего сознания, потому что лежу изломанной куклой среди деревьев...

Я открыла глаза и встретилась взглядом со Скаем. Аквей стоял напротив, грудь водника тяжело вздымалась, похоже, он только что пережил со мной очередное воспоминание из

прошлого. Я облизала пересохшие губы и сипло спросила:

— Что ты здесь делаешь? Ты должен быть в зале перехода.

— Увидел... и почувствовал, — также сипло ответил водник. — Что это было?

— Ревность, — усмехнулась я, приходя в себя. — Одна богиня среди богов.

— Тебе было больно...

— Я уже не помню ту боль, — я пожала плечами и поднялась с кресла, мягко сдвинув с колен голову Венна.

— Я помню, — ответил Скай.

Остановилась перед ним, невольно сравнивая с Регином. Они совсем не были похожи. Даже цвет глаз, только эти блики, но с ними всё ясно. Это энергетические всплески, в остальном ничего общего. Выходит, я все-таки сделала выбор, и он оказался закономерным. Похоже, после этого Орканис соорудил мне узилище на вершине горы. И теперь становилось ясно, как он решился на то, чтобы выкрасть меня. Должно быть, после того, как он меня едва не убил, его близко мне не подпускали.

— Я занял его место, да? — вдруг спросил Скай.

Удивленно посмотрела на него, не сразу сообразив, о чем говорит Аквей.

— Тьма, — он криво усмехнулся, — я вдруг почувствовал себя вором. Его женщина, его сила... Я его потомок?

— Ты на своем месте, — ответила я. — Не смей думать, что ты получил чужое! Созидание извне не приходит. Дар либо есть при рождении, либо его нет вовсе. Ты родился творцом, и стихия всего лишь ждала толчка, чтобы пробудиться в полной мере.

— В моем роду не было творцов, все были обычными магами, Ирис.

— Ты не можешь этого утверждать точно, — отмахнулась я. — До тебя почти тысячу лет я была в этом мире единственной Созидающей. Возможно, в ком-то из твоих предков уже была сила, но так и осталась спящей.

— Если мы потомки этого Регина, то возможно, — согласился Скай. — И тогда его притяжение к тебе перешло мне по наследству? — он усмехнулся. — Тьма, как бы там ни было, но теперь ревную я. К призраку тысячелетней давности. Глупость какая.

Аквей отстранился и отошел от меня.

— Слияние...

— Я прошла его впервые, уверена. Иначе почему я всё еще здесь?

— Да, наверное, — кивнул Скай. — Но ты любила его.

— Как и Торна Айера, — я приблизилась к нему и взяла за руку. — Никого из них уже нет, и мои чувства к ним — это воспоминания. В настоящем только ты, Скай, и я не помню, чтобы кого-то любила сильнее, чем тебя.

— Иди ко мне, — сказал водник и сгреб меня. Прижал к себе и зарылся лицом в волосы. — Ты права. Когда-то мы оба были не свободны. Я сейчас привыкну к этой мысли и успокоюсь. Просто... это было неожиданно.

— Тебе нужно возвращаться, — шепнула я.

— Да, уже уйду, — кивнул Аквей. — Еще мгновение и уйду.

Я подняла к нему лицо, и водник поймал мои губы в порывистом, чуть грубоватом поцелуе. А когда отстранился, я обняла его лицо ладонями и произнесла, глядя в глаза:

— Только ты, Скайрен Аквей.

— Только ты, Ирис Аквей, — улыбнулся Скай и нацелил на меня палец, — и не вздумай опять засмеяться.

— Не буду, — пообещала я.

— Умница, — водник поцеловал меня в кончик носа. — Пойду. Мунн, наверное, уже истосковался под дверями твоих покоев. — И он снова оставил меня в одиночестве.

Глава 15. День шестнадцатый (Совет)

Вечер наступил как-то неожиданно. Сначала день тянулся и тянулся, а потом, р- раз, и вечер с оглушающим осознанием — пора. Я нервно передернула плечами и отвернулась к холодному камину. Огонь в нем не горел, как не горел нигде в замке, кроме кухни, но там без него было не обойтись. С момента нашего появления в Долине трех озер вступил в силу запрет господина о разведении огня. Скай всевозможными методами защищал творящееся в старых стенах от ока Вайториса. Я не могла утверждать, что он может через пламя следить за разговором, но не могла утверждать и обратного. Потому Аквей, памятуя, откуда появился Вайтор, когда утащил меня со стоянки отряда водников, запретил разжигать камины. На кухне, где в очагах потрескивало жаркое пламя, царила тишина. Кухари, если и открывали рот, только для того, чтобы потребовать от своих помощников подать им что-то из утвари, или принести из кладовых продукты для готовки. Свечей и факелов тоже не использовали, везде сияли магические светлячки. Люди, проникнувшись осознанием, для кого огонь может стать запахнутыми воротами, приказ господина нарушить не смели.

Впрочем, похоже, нынешний леор Аквей пугал их не меньше Темного властелина, это мне сказала Тей, когда зашла проведать ближе к вечеру. Эйви благополучно спала, опоенная провидицей, и Тейда получила возможность отдохнуть от слез и жалоб водницы. Правда, к Совету Эйволин должна была проснуться. В свете их расставания со Скаем, любое притеснение главы рода Аллиерт могло выглядеть, как ее унижение и оскорбление чести. Это не способствовало пониманию и достижению наших целей.

— Она по-прежнему настроена на скандал на Совете? — спросила я Тей.

— Не могу сказать, — пожалала плечами провидица. — Перед тем как уснуть, Эйви начала думать. По крайней мере, я очень старалась достучаться до нее. Будем надеяться, что девочка не пойдет против главы клана и мужчины, который всегда был с ней неизменно добр.

Я кивнула. И без Эйволин будет немало сложностей, лучше уж пусть примет условия Ская, выйдет замуж за того же Мунна, а о моем воднике забудет. Так-то. Мы поговорили еще немного, и Тейда ушла. Ей тоже нужно было подготовиться к Совету, провидица на таких собраниях была неизменным участником. От нее ждали подтверждений, предостережений и предупреждений. Тей к этому относилась, как мне показалось, с легкой насмешкой. Впрочем, это было понятно. Кому, как не ей, было знать, что предсказания не всегда бывают точны, и не всегда правдивы. По крайней мере, именно на это я надеялась, когда думала о второй части ее видений, касавшихся нас со Скаем.

И вот, когда за окном сгустилась темнота, я вдруг поняла, что настал вечер, и скоро мне предстоит оказаться среди магов, ненавидевших меня также сильно, как обитатели замка Аквея. Зябко поежившись, заставила себя не думать о тех чувствах, которые вспыхнут в глазах глав магических родов и кланов, когда я появлюсь перед ними. «Важны только искры жизни», — так говорил папа. Я достаточно их погасила, теперь должна сберечь те, что еще пылают, даже если они готовы испепелить меня. Шумно выдохнула и тряхнула головой, приводя мысли в порядок. Время вспомнить воспитание Вайториса и то, что рядом со мной

будет стоять Скайрен Аквей.

И словно отклик на мои мысли, за спиной зажурчала вода. Я обернулась. Посреди гостиной появился источник. Он разлился нешироким кругом, сохранив четкие границы. Время пришло. Я шумно выдохнула.

— Да воссияет свет Жизни, — произнесла я и шагнула в центр круга.

Место, где собрались на Совет маги, представляло собой круглую залу, где вдоль стены имелось возвышение. Оно тянулось на протяжении всей залы. На возвышении стояли стулья с высокими спинками, на них восседали гости и обитатели замка, имевшие право находиться на Совете. У самой двери, стояло особняком кресло, на нем размещался особый гость, входивший на Совет по особому приглашению.

Хозяин замка оставался на ногах всё время, пока шел Совет. Он стоял в центре, вещая о том, для чего собрал благородных леоров, и принимал ответы, возражения и замечания, разворачиваясь лицом к говорившему — так предписывал свод правил. От гостей же требовалось тем же сводом, не говорить нескольким леорам разом, чтобы хозяину не пришлось вертеться, подобно флюгеру. Вообще, выкрикивать и перебивать, не дожидаясь своей очереди, считалось дурным тоном. Выражать свою мысль полагалось согласно очередности, или же получив разрешение хозяина, для чего его внимание привлекали стуком трости об пол. Трость была заготовлена рядом со стулом, и заботиться о ее наличии гостям не требовалось, это входило в обязанности того, кто созывал Совет.

Ни хмельных напитков, ни яств во время Совета принимать не полагалось. «Голове должно быть чистой, дабы быть в разуме и внимании», — так гласило одно из правил, входивших в описание поведения во время проведения важных бесед и Советов. На это время в зале присутствовали слуги с кувшинами, полными простой воды, и если пересыхало горло, их подзывали однократным стуком трости об пол. Подзывать голосом запрещалось, чтобы не сбить с мысли говорившего в этот момент, как и стучать больше одного раза. Это могло отвлечь хозяина замка от значимого разговора. Слугам же полагалось быть внимательными и расторопными, чтобы не пропустить означенного знака, и не вызвать этим неудовольствие и нарушение течения Совета.

И вот на такое собрание я отправилась, через водный переход, открытый мне Скаем. Должно быть, уже одно мое появление выглядело ошеломительно. Негромкий ропот я слышала, еще выходя в зале, но он донесся до меня, словно водяную толщу, потому что вышла я в зале Совета не сразу. Сначала посреди зала разлился источник, не растерявший четких границ, как и в моих покоях. После вода, против всех законов, потекла вверх, формируя мою фигуру. Сначала подол платья, затем поднялась до талии, дальше вверх. От плеч разлилась на два потока, устремившихся вниз, но не уронивших ни капли на пол. И пока вода продолжала отливать шею, голову, черты лица и волосы, из отделившихся потоков сформировались руки, ладони, пальцы. Гости мгновение взирали с изумлением на прозрачную объемную женскую фигуру, а затем водяная оболочка обрела плоть...

Я стояла, расправив плечи, взирая на магов прямым взглядом, отмечая, как в их глазах появляется узнавание. Оторопь — это было первым. Значит, Скай постарался, чтобы до благородных леоров не дошло известие о том, кто находится в замке, раньше времени. Но вот оторопь спала, и лица гостей исказились. Кого-то покрыла бледность, кто-то побагровел, но спокойным не остался никто. В глазах я увидела целую гамму чувств: от ненависти и брезгливого презрения до страха, вьевшегося в кровь.

— Игнис Сиел... — пронеслось по залу.

— Сука Темного...

— Черная тварь!

Почти одновременно их руки взметнулись. От избытка энергетических шаров, огненных луков и стрел, водяных плетей и мечей, искрившихся силой, зарябило в глазах. Я опустила голову, улавливая завихрившиеся потоки стихийной магии. Затем раскинула руки в стороны и отпустила силу. Золотистое свечение разлетелось по зале быстрее, чем маги успели выпустить в меня свои снаряды. А когда подняла голову, не смогла удержаться от улыбки, глядя на вытянувшиеся лица леоров и нескольких лейд, присутствующих на Совете.

— За какой Тьмой? — выдохнул огневик справа от меня, когда вместо пытающего клинка в его руке оказался красный цветок с лепестками, похожими на языки пламени.

Лейда-воздушница взвизгнула, когда вместо воздушного вихря вокруг ее ладони закружились светлячки. И пока маги отмахивались от насекомых, отбрасывали цветы, я любовалась своей работой, раздумывая, куда всё это пересадить, когда закончится Совет, чтобы растения не погибли.

— Что здесь творится?! — наконец, в гневе вскричал один из землевиков.

— Леор Аквей, что за представление? — вторил ему водник.

— Скай, ты привел в свой замок эту дрянь!

— Что всё это означает?!

— Ты предал нас?

— Зачем здесь убийца?!

Я осталась невозмутимой, слушая все эти возгласы, и только Скай знал, что каждый взгляд, каждое обвинение вонзились иглой в мое сердце, напомнив о тех горестях, которые я принесла людям. И тут же меня окутала волна нежности, вытесняя холод болезненных уколов совести. Я повернула голову к моему воднику. Он стоял рядом. Аквей едва заметно улыбнулся, а затем произнес голосом, наполненным силой:

— Довольно!

И зала стихла. Маги, оглушенные громовым раскатом, затихли, кто-то втянул голову, но они по-прежнему стояли, готовые к новой попытке нападения.

— Вернитесь на свои места, — велел Аквей. — Сядьте! Здесь нет врагов, благородные леоры и лейды. — Кто-то попятился к стулу, но часть магов остались стоять, и Скай вновь прогрохотал: — Я созвал вас на Совет! Свод правил велит вам выслушать причину, по которой вас собрали. Когда мы закончим, я никого неволить не буду, но сейчас вам придется выслушать меня, иначе гибель ждет весь мир!

— Зачем... — начал один из огневиков, но Аквей мотнул головой и ответил ему тяжелым взглядом.

Еще несколько магов вернулись на свои стулья, стоять остались пятеро. Они сверлили Скаю взглядом, он скрестил руки на груди и вопросительно приподнял брови, больше не произнеся ни слова. Маги еще какое-то время мерились взглядами, а когда напряжение возросло настолько, что, казалось, в воздухе затрещали искры, не выдержала воздушница.

— Ни минуты не останусь рядом с темным отродьем, — бросила она, передернув плечами, и устремилась к выходу из залы.

— Я тоже ухожу, — худошавый водник последовал за воздушницей.

— Если бы ты сразу сказал, кого притащил на Совет, я бы не стал тратить силы на переход, — буркнул еще один водник.

Кто-то еще встал со стульев и направился на выход. Скай развернулся им вслед, разглядывая с нескрываемым любопытством. На губах его застыла едва заметная ироничная ухмылка, потому что дверь не открылась. Стихийники развернулись, в их глазах появилось негодование, и Аквей... отвесил своим гостям изящный поклон.

— Никто не покинет это залы, пока мы не закончим, — произнес почти равнодушно. — Прошу всех занять свои места, и мы, наконец, начнем.

— Что всё это значит, Аквей? — воскликнул коренастый землевик.

— Мы доверились тебе!

— У тебя нет власти неволить нас!

— Мы пленники?

— Немедленно откройте двери, леор Аквей.

— По какому праву...

— Неужели ненависть к одной женщине стоит жизни целого мира? — вдруг послышался негромкий голос. И, тем не менее, он пробился сквозь возмущенный ропот. Все головы повернулись к невысокой хрупкой пожилой провидице, сидевшей у дверей, как и полагалось специально приглашенному гостю. — Кто готов поставить жизни своих детей против собственного страха?

— Если кто-то думает, что я шучу, — нарушил свое молчание Скай, — то он сильно заблуждается. И говоря о гибели мира, я имею в виду не нечто призрачное для красного словца. Спустя несколько дней всё, что вам дорого, прекратит свое существование. Вернитесь на места, господа, вам предстоит узнать много нового и невероятного, о чем мы не знали еще год назад, и о чем вы не догадываетесь по сей день.

— Но... — вновь подала голос воздушница.

— Прекратите, лейда Винд, — вмешался пожилой воздушник, не покинувший своего места даже в момент моего появления. — Леор Аквей прав, хотя бы из уважения к «Своду» мы обязаны его выслушать. Что до этой женщины... пока она не проявила враждебности, и бросаться на нее глупо и, возможно, небезопасно. Не скажу, что мне нравится ее присутствие, но я желаю узнать, зачем нас собрали.

— Если бы вас собирались убить, вы бы уже были мертвы, леор Фэйр, — вновь вмешалась Тейда, глядя на одного из огневиков, до сих пор не произнесшего ни слова.

Леор заметно смутился, и я поняла, что провидица увидела его мысли. Скай кивнул тетушке, благодаря за поддержку. Маги, еще с минуту топтались у двери, но все-таки, ворча себе под нос, вернулись на места, с которых не так давно вскочили. И лишь землевик не дошел своего стула. Он вдруг развернулся и ударил выплеском магии по двери. Волна силы ударила о тяжелые створы, не причинив им вреда, и умчалась назад, сбив с ног своего хозяина.

— Бессмысленно, Гресс, — ровно произнес Скай. — В этой зале есть только один человек, кому под силу открыть эту дверь, но она этого не сделает.

Взгляды магов тут же обратились ко мне, я осталась стоять изваянием, глядя вверх их голов.

— Да, вы верно поняли, — кивнул Аквей. Землевик поднялся с пола, бросил на моего водника упрямый взгляд, и Скай усмехнулся: — Хорошо, Гресс, попробуй еще раз. Есть еще желающие проверить мои слова? Или все-таки перейдем к делу?

— Я бы предпочел начать Совет, — ответил пожилой воздушник. — Время не бесконечно.

— Верно замечено, леор Гаст, — поклонился ему Аквей. — Гресс?

Землевик, рыкнув что-то себе под нос, вернулся на пустеющий стул.

— Приступайте, леор Аквей, — подал голос водник с белоснежными волосами.

— Благодарю, — вновь поклонился Скай. — Итак, начнем. Позвольте представить вам мою гостью — лейда Ирис. Нет, лейда Винд, я не ошибся в произнесении имени. Настоящее имя известной всем вам правой руки Темного — Ирис. Ее истинная стихия — земля, и она... Созидающая. Вы никогда не слышали о силе Созидания, и, тем не менее, в нашем мире трое Созидающих. Один бывший, утерявший свой дар почти девятьсот лет назад. Вам всем он известен, как Темный властелин. Творец, ставший Разрушителем и врагом этого мира. Вторая — лейда Ирис. До недавнего времени она находилась под властью темного. Мерзавец немало потрудился, чтобы извратить ее суть и заставить слепо исполнять свои приказы. Но он совершил ошибку, и к Игнис начала возвращаться память. Дар огня, никогда не принадлежавший ей, окончательно покинул кровь Ирис, и ее суть Созидающей пробудилась ото сна, что вы имели честь увидеть. Вы можете сколько угодно язвить и клеймить ее позором, но больней, чем осознание собственных деяний, ваши уколы уже не сделают. Созидание — сила, дающая жизнь, и лейда Ирис хочет искупить вину перед живыми и сохранить искры, пылающие в вас и ваших близких. Благодаря ей, я узнал, то, что поведаю и вам.

Водник замолчал, давая людям осознать сказанное. Я немного расслабилась и огляделась, Эйволин на Совете не было. Впрочем, как объяснил мне Скай, забежавший ненадолго в течение дня, ее присутствие было не обязательным, потому что вел Совет глава ее клана. Но если изъявит желание, запретить войти в зал воднице никто не сможет. Однако пока ее не было. Мне хотелось надеяться, что лейда Аллиерт не появится.

Маги смотрели, в основном, на меня. Напряженные лица, тяжелые взгляды. В них было полно недоверия. Конечно, поверить вот так сразу, что извечный враг может стать другом, было слишком сложно. Однако и спор пока никто не затевал. Они ждали продолжения. Я перевела взгляд на Аквея, он к чему-то прислушивался. Затем кивнул сам себе, и за нашими спинами поднялась водяная арка.

— Прошу прощения у благородного собрания, — произнес он. — Прибыли еще два участника Совета. И пусть их присутствие покажется вам непривычным, но они такие же жители этого мира, как и мы с вами, и имеют право услышать то, что услышите вы.

Все взоры обратились на арку. Кое-кто из магов привстал с мест, вновь активируя силу. После моего появления доверие к леору Аквею заметно снизилось. Но вот вода пошла рябью, за ее текучим вертикальным слоем появились две тени, и в залу Совета слаженно шагнули Рварн и Оэн Быстрокрылый. Они остановились, с не меньшим напряжением разглядывая сборище магов, чем те рассматривали неожиданных гостей. И вновь ропот понесся по зале. Никогда существа, подобные тригам и айрам не появлялись в замках благородных леоров. Их привыкли считать полумрачными, дикими, скорей, досадной помехой на землях, где обитали стаи, но никогда не видели союзников. Но вот полуживотное и крылатый стоят здесь, как равные против равных.

Арка с шумом льющейся воды ухнула на пол и исчезла, не оставив ни единого влажного пятна. Рварн и Оэн, расправили плечи и шагнули к нам с водником. Крылатый, не изменяя своим традициям, опустился перед нами на одно колено и склонил голову:

— Ясноглазая Ирис, я счастлив, что вновь могу смотреть на тебя. Повелитель вод земных и небесных, велика сила твоя, — это уже относилось к Аквею.

— Прости, Создательница, — Рварн просто приложил мощную длань к груди. — Я не знал, кого посмел назвать своей самкой. Триги склоняют головы перед Дочерью нашего Отца.

Я улыбнулась им:

— Приветствую вас, дети лесов и гор.

— Для вас приготовлены места, займите их, — мягко велел Аквей, указывая на стулья, живо поставленные прислугой, стоило хозяину сделать знак.

Притихшие, было, маги зароптали с новой силой. Они не понимали ни приветствия, которому стали свидетелями, ни самого решения моего водника пригласить трига и айра. Стустки силы исчезли из их рук, но возмущения во взорах прибавилось. Несколько человек уже даже не возвращались на свои места, готовые к новым протестам.

— Аквей, ты вконец решил нас унижить? — воскликнул порывистый Гресс. — Что здесь делают дикари?

— Леор Аквей, — подала голос лейда Винд, — что это всё, в самом деле, такое? Сначала вы приводите на Совет нашего врага и пытаетесь убедить нас, что перед нами друг. Теперь появление этих существ.

Стук трости об пол привлек внимание Ская, невозмутимо взиравшего на негодующих магов. Он обернулся и склонил голову, показывая, что готов слушать:

— Говорите, леор Гаст.

Пожилой воздушник, уже показавший мудрость и терпение, склонил в ответ голову, благодаря за разрешение.

— Вы видите в тригах и айрах союзников, леор Аквей? — спросил маг, и остальные стихийники замолчали, ожидая, что скажет хозяин замка.

— В совершенно правы, леор Гаст, — ответил Скай. — Наши предки и мы сами зря пренебрегали союзом с детьми этого мира. История уже много раз показала, что одни маги бессильны против темного...

— Неслыханно! — воскликнул худощавый огневик.

— Возмутительно!

— Как можно сравнивать магов с неодаренными дикарями?

Я с тревогой обернулась на тех, о ком шла речь, но Рварн и Оэн хранили молчание. Кажется, их вовсе не задевали выкрики благородных леоров и лейд. После взглянула на Ская, он переводил взгляд с одного мага на другого, оставаясь по-прежнему спокойным.

— Всё хорошо, — негромко сказал водник, заметив мой взгляд. — Я ожидал такой реакции. Пусть прокричатся. Когда поймут, что только теряют время, начнут слушать.

Новый стук трости привлек внимание Аквея. Он обернулся:

— Лейда Личфиелд, говорите.

— Благодарю, леор Аквей, — ответила женщина-землевик. Она была еще молода, но достаточно сдержана для того, чтобы вскакивать с места, подобно воздушнице Винд, заметно превосходившей по возрасту землевичку. — Я хочу заметить, что Темный обладает немалой силой, триги и айры ничего не смогут противопоставить ему или его рати. Против него всегда сражались маги по той причине, что нам есть, чем ответить.

— Вы, несомненно, правы, любезная лейда Личфиелд, — поклонился Скай. — Я, как и обещал, расскажу уважаемому Совету обо всем, как только воцарится молчание.

— Понимаю вас, — едва заметно улыбнулась лейда. — У некоторых совершенно нет ни воспитания, ни такта, ни терпения, ни уважения к своим братьям. Зато гордости и

высокомерия через край.

— А вас совсем не возмущает то, что нас ставят вровень с дикарями? — воскликнул красавец-огневик.

Лейда Личфиелд даже не повернула головы в сторону мага, обратившемуся к ней. Женщина расправила на коленях платье и ответила, так и не посмотрев на огневика:

— Меня возмущает то, что я теряю время из-за чужой несдержанности. Если нам объяснили, что дело серьезное, и пока леор Аквей не выскажется, двери не откроются, не вижу смысла в сотрясании воздуха.

— Благодарю за понимание, Камилл, — улыбнулся ей Скай.

— В самом деле, благородные леоры, лейда Винд, вернитесь уже на места, и пусть Совет состоится, — поморщился еще один огневик.

— Поддерживаю, — приподнял свою трость леор Гаст.

— А я не просто поддерживаю, я настоятельно прошу всех успокоиться и позволить леору Аквею сказать то, для чего он созвал вас, — подал голос черноволосый землевик. — Мне и без того хватает потрясений на землях моего клана.

Аквей тут же развернулся в его сторону, и по тому, как он подобрался, я поняла, что это известие имеет ценность.

— Что происходит на землях вашего клана? — спросил Скай, и кратко пояснил мне: — Эта территория граничит с землями рыжего.

Теперь и я выжидающе смотрела на землевика. Тот бросил на меня короткий ответный взгляд, после посмотрел на Аквею, но отвечать не спешил.

— Энгет, эти игры в гляделки ни к чему, — не без раздражения произнес Скай. — Дело слишком серьезное, чтобы умалчивать, возможно, о важном. Ты ближе всех к рыжему, — кто-то поперхнулся. Даже маги не позволяли себе столь непочтительно отзываться о том, кто вселял в них страх. — Что происходит на твоих землях?

Землевик поджал губы, снова стрельнул в меня глазами, но все-таки преодолел то, что сдерживало его, и ответил:

— Мы поначалу думали, что это Темный. Неожиданно загорелась Столетняя роща. Вспышка была столь неожиданной и мощной, мы даже не успели ничего сделать. От рощи ничего не осталось, одни головешки. Еще мой дед... Ладно, — он махнул рукой и продолжил: — Огонь потух с последним деревом, сам. Это случилось два дня назад, а сегодня налетел смерч. Ни с того, ни с сего. Светило солнце, чудесное утро. И вдруг поднялся ветер. Он с ревом пронесся через два села и один город. Есть погибшие и пострадавшие, я всех целителей отправил в помощь. И главное, небо даже тучами не затянуло. Смерч при ясном небе.

— А у нас тоже такой смерч был, — подал голос водник, стоявший среди возмущенных леоров. — Вчера ночью пронесся. Хвала Создателям, что не зацепило поселения, но Лес Духов уничтожен почти полностью, деревья с корнем повырывало. Зверья много погибло под завалами.

— Земли леора Дайма примыкают к рыжему с противоположной стороны, — негромко пояснил для меня Скай.

— У меня река вышла из берегов без видимых причин, — произнес леор Гаст. — Затопило пастбище, скот пришлось перегонять ближе к горам.

— Горы трясет, — неожиданно для всех произнес Оэн. — Ночью было.

— И у меня три дня назад случилось землетрясение, — леор Фэйр посмотрел прямо на

меня, словно подозревая в случившемся. — Землетрясение на Белой равнине, нелепица! Но я стал тому свидетелем.

— Еще один сосед Вайториса, — мрачно сказал Скай. — Ближе всех к замку.

И у меня перехватило дыхание от осознания происходящего. У нас не было времени, совсем не было! Мне следовало немедленно мчаться в черный замок. «Вскоре ты сама вернешься ко мне», — так сказал Вайтор, и теперь я точно знала, что имел в виду, как знала, что так оно и есть. А следом вспомнились другие слова: «Он лежал мертвый... Его сердце было разбито...».

Уйду сейчас, Скай последует за мной. Вайторис может ждать его, и тогда мы проиграем, не начав битвы. Мир будет спасен, но мой водник... «Его сердце было разбито». Зачем мне мир, если его не будет? Зачем сама жизнь без Аквея? Я невесело усмехнулась. Скорей всего, я даже не вспомню о нем, потому что лже- Вечный убьет меня, как только я исполню то, что должно. Убьет, а после возродит и покажет Скаю куклу без памяти, чтобы насладиться его страданиями. А после убьет и его... «Крови не было». Если убивать вообще потребуется. Что происходит после слияния, если гибнет один из пары?

— Ирис, что?! — Аквей тряхнул меня, и я очнулась. — Не молчи.

— Я знаю, что это, — тяжело сглотнув, произнесла я. — Это только начало. Дальше будет хуже.

— Это...

— Откат, Скай. Идет откат, — хрипло закончила я его догадку. — Отзвуки первой волны. Всего лишь отзвуки.

— Откат, — эхом повторил водник. Он тряхнул головой и отбросил прочь эмоции. — Сколько у нас времени?

— Я... не знаю. — Призналась я, хватая его за руки и с силой сжимая ладони. — Отражения появились шестнадцать дней назад. Вайторис говорил, что появилось десять отражений, значит, сила отката равняется удесятеренной мощи затраченной энергии на создание Отражений. Если первый предвестник дошел три дня назад, значит... тринадцать дней. В последующие дни сила отката усилилась, но пока проявилась рядом с Гранями. — Я мучительно поморщилась, пытаюсь сообразить. — До первой волны у нас есть дней десять, в лучшем случае. А потом накроет. Спустя несколько дней пройдет еще волна, и еще, и еще. Сейчас энергия отката уничтожает другие Отражения, и это хорошо с одной стороны. Мощь волны снижается, но с другой...

— Новые Отражения, а после следующий откат, — понял водник.

— И остатки освободившейся энергии... Скай, Кристалл Реальностей сомнет, как писчую бумагу. Потом взрыв и... Хаос. Но нас уже не будет. Я должна перенаправить...

Водник стремительно накрыл мне рот ладонью и едва заметно отрицательно покачал головой, призывая к молчанию.

— Десять дней — это уже что-то, — глухо ответил он.

— О чем вы говорите, леор Аквей? — теперь и леор Гаст поднялся с места. Все поднялись, кроме провидицы и Рварна с Оэном. — Поясните нам.

— Чтобы нас снова начали морочить... — начал кто-то, но замолчал, не найдя поддержки.

Кажется, реальная угроза заставила магов задуматься.

— Говори, Скай, — потребовал невоздержанный Гресс.

— Наконец-то, — пробормотал себе под нос мой водник и повернулся к Совету. —

Присаживайтесь, благородные леоры и лейды. Разговор будет долгим. Как я уже сказал, вам предстоит узнать то, о чем вы не подозревали. Прошу вас об одном, выслушать нас до конца, и лишь потом высказывать свои сомнения, если таковые останутся.

Скай замолчал и выжидающе посмотрел на магов. Немного поколебавшись, они вернулись на места, все. Удовлетворенно кивнув, Аквей взглянул на меня, подбадривая, и я, отринув прочь переживания, шагнула вперед. Но только открыла рот, чтобы поведать обо всем, что вспомнила, перед внутренним взором вдруг появился Зеленый холм, и рот я закрыла. Мне так ясно привиделось место, знакомое с детства, и папа, сидевший в густой траве напротив меня...

— Сегодня я расскажу тебе одну очень старую историю, Ирис. — Я шире распахиваю глаза, готовая слушать нечто важное. То, что это важно, я понимаю сразу, потому что отец сейчас серьезен. В его глазах нет лукавых огоньков, а значит, стоит закрыть рот и внимать ему, запоминая каждое слово. И папа начинает: — Это случилось давно. Так давно, что мир уже не вспомнит, каким он был прежде, — отец отворачивается, устремляет затуманившийся воспоминаниями взор куда-то вдаль, и продолжает свой рассказ: — Жизнь не ограничивается только нашим миром, Ирис. Существует много миров, где живут существа похожие и не похожие на нас. Одних создало Мироздание, другие появились при помощи тех, кто владеет даром Созидания.

— Как мы? — округляю я глаза.

— Как мы, — улыбается отец. — В этом мире живут Созидающие: творцы, всевозможные хранители, смотрители и даже разрушители. Там, где есть Сотворение, должно быть и Разрушение. Это сохраняет равновесие. Миры, или же новые сущности, не оправдавшие своего существования, переходят под ведение Разрушителей, и они устраняют ошибку, порой, до полного уничтожения. Всё, что имеет начало...

— Имеет и свой конец, — подхватываю я.

— Верно, малыш, — папа снова улыбается и поддевает кончик моего носа согнутым пальцем. — Но вернемся к нашей истории. В мире Созидания жили четыре творца, сдружившиеся еще во время обучения. Идеальный союз четырех стихий, разве может быть дружба крепче? Огонь, воздух, земля и вода — вчетвером они были дополнением друг друга и видели прекрасное будущее, но... Устройство общества в мире Созидания мало чем отличается, от уклада в других мирах, и зачастую, менее талантливые и одаренные, но имеющие связи и богатых родственников незаслуженно достигают высот, на которых им нет места. Другие же, лишённые помощи со стороны, должны пробивать себе дорогу сами, или же смириться с участью простых смотрителей, когда могут творить... Однако вернемся к нашей четверке. Они все были творцами, каждый в совершенстве владел своим даром. Наши Созидающие не пожелали прозябать в неизвестности, они решили доказать, что способны на многое, и их положение в обществе не сможет стать помехой в блистательном будущем.

— Какое у них было положение?

— Не слишком завидное. Один — безродный сирота. Он владел стихией земли. Воздушник и огневик — потомки обедневших знатных семей, младшие из сыновей. Четвертый — водник был из богатого рода, прославленного предками, но опального, а потому не почитаемого. И вот четверо юношей, пробравшись в зал перехода между мирами, выбирают самый удаленный, к сотворению которого Верховные творцы не имели отношения. Мир был хорош тем, что имел токи Изначальной энергии. Однако уровень развития его жителей был крайне примитивен. Люди жили родами и общинами. Магией

почти не владели. Провидцы, заклинатели, знахари, ведуны. Им еще предстояло пройти долгий путь обучения и самопознания. Для четырех Созидающих открывалась великолепная возможность осуществить задуманное. И них был почти дикий мир и бесконечный океан неиспользованной дармовой силы.

— А что они хотели сделать? — я подвигаюсь ближе к отцу и с любопытством смотрю на него.

Папа усмехается и качает головой.

— Они хотели прыгнуть через голову, Ирис, превзойти Верховных творцов, об уровне которых приходилось еще только мечтать. Но молодость не ведает преград и долгих раздумий. Она самонадеянна, себялюбива и наивна настолько же, насколько честолюбива. Наши творцы уверовали, что смогут создать в свои года то, что Верховные творили, достигнув пика силы. В общем, друзьям удалось без труда совершить переход и остаться незамеченными. Попав в нужный им мир, они начали изучать структуру магических потомков, готовились...

— Ты не сказал, что они хотели создать, — напоминаю я.

— Грани, малыш, — отвечает папа. — Копию Граней Реальностей из мира Созидания. Верховные творцы создавали миры, населяли их новыми формами жизни. Этим реальностям, связанным переходами, велся учет. За ними наблюдали, изучали. Вот и мы... те четыре молодых творца хотели сотворить свои Грани на основе уже существующего мира, заселить их, а после предъявить Верховным. Изначальные токи должны были дополнить Созидающим нехватку их сил. Друзья смаковали, как вернутся домой с триумфом. Глупые мальчишки, — отец вновь усмехается. — Они долго готовились, проверяли и перепроверяли свои расчеты, прописали изначально условия, чтобы ничего не спутать. А когда оттягивать уже не было смысла, дружно перешли в подпространство, чтобы выплести основу их первого нового мира. Они сделали всё в точности, как их учили, не допустили ни одной ошибки. Перенесли в плетение изначально условия, не отошли от расчетов ни на шаг. И единственное, что отличало их закладку — это то, что они использовали естественные энергетические потоки. Верховные творцы плели основы своих миров из заготовок преобразованных магических токов. И когда друзья взглянули на то, что у них вышло, оказалось, что ничего нового они не создали, всего лишь повторили уже имеющийся мир. Каждое дерево, каждую травинку, каждое живое существо. Зеркальное отражение, ничего больше. Немного подумав, творцы решили внести поправку в плетение.

— И что у них вышло?

— Еще один мир-близнец. Творцы назвали близнецов Отражениями, основу же, от которой они пошли, Истинной Реальностью. Это был любопытный результат, но вовсе не то, чего хотелось нашим друзьям. Они решили продолжить изучение Отражений, чтобы при новой попытке исправить погрешность, влияющую на итог Сотворения. Впрочем, эта погрешность была им известна — Изначальная энергия, непредсказуемая сила, которой молодые Созидающие так неосмотрительно решили довериться. Они даже пробовали преобразовать потоки и создать заготовку, как предписывало учение, но добились лишь появления еще одного Отражения. Это было единственное Отражение, негодное для жизни. В скором времени это Отражение превратилось в пустоту, которую изменить уже не удалось. Однако открытия на этом не закончились. — Папа ненадолго замолкает, чтобы перевести дыхание. — В скором времени было сделано новое наблюдение — ход событий в Истинной Реальности и Отражениях мог иметь различия, как незначительные, так и

существенные. Так, например, Созидающие обнаружили, что свадьба, сыгранная в изначальном мире, не состоялась в одном из Отражений. Погиб жених, в то время как в Истинной Реальности он продолжал свое счастливое существование с молодой женой. Так друзья сделали открытие о вариантности событий. Следующим открытием стало то, что рождение Отражений уже не зависит от них. Грани начали умножаться сами по себе в ходе судьбоносных событий, менявших ход истории. К примеру, обнаружив появление неучтенных Отражений, творцы просмотрели все реальности и недосчитались целого рода. Из-за кровной вражды он был уничтожен в Истинной Реальности. В Отражениях междоусобица имела иные исходы: от решения дела миром, до гибели другого рода. Но это породило целую серию Отражений, и тогда пришел черед еще одного открытия, самого неприятного. Образование миров-близнецов несет в себе круговорот энергетических токов. И сила, затраченная на рождение Отражений, пройдя оборот Созидания, возвращается назад, волной чистой стихийной энергии. Последствия первого отката оказались непредсказуемы. Разрушения, гибель людей, кое-где изменение земного строения. Созидающим пришлось спешно вмешиваться, чтобы принять на себя всю мощь возвратной волны, и не скажу, что это далось легко. Их едва не разорвало от переизбытка энергии. Но друзьям удалось рассеять поток между Отражениями и Истинной Реальностью. — Папа снова переводит дыхание и возобновляет рассказ: — Мир развивался, появлялись новые судьбоносные события, они порождали новые Отражения, возвратной энергии стало так много, что справляться с ней становилось всё трудней. Друзьям пришлось признать, что они проиграли. Не создав ничего из того, что хотели, они поставили чужой мир под угрозу уничтожения. Пришло время умерить гордость и просить помощи у Верховных творцов. Собравшись с духом, уже давно не юнцы годами, но по-прежнему молодые обликом и статью, они вошли в арку перехода, чтобы вернуться домой. И тут ожидало очередное открытие... они вышли в Отражении. Творцы пытались покинуть подопытный мир снова и снова, но перемещались между Отражениями и Истинной Реальностью, не в силах предугадать, куда их вынесет в следующее мгновение. Осознание катастрофы ошеломило друзей. Они загнали в ловушку не только чужой мир, но и себя самих! Отразив Истинную Реальность, они отразили и путь домой. Закрыли себя в своих Гранях.

— Ого, — я округляю глаза. — И что было дальше?

— Дальше? Дальше, пережив страшное потрясение, они успокоились, приняли, что навечно застряли в Гранях собственного детища, и занялись тем, чем и полагалось заниматься Созидающим творцам — начали творить. Создавать новые формы жизни было неразумно, это породило бы очередные Отражения, а энергия так и продолжила бы скапливаться. Это как бесконечно разливающаяся река, малыш. И чтобы она не затопила все вокруг, нужно было создать каналы, по которым бы утекали излишки воды. Творцы начали менять не реальность, а ее жителей. Мало кто отказывался от предложенной возможности стать сильнее. Друзья поделили изначальный мир и приступили к делу. Они перестраивали источники одаренных под собственную стихию, так появились маги-стихийники: водники, огневики, воздушники, землевики. Однако, Созидающим пришлось столкнуться с новыми трудностями. Оказалось, что энергия стихий в чистом виде для людей столь же опасна, как Изначальная для Созидающих. Творцы начали преобразовывать энергию, облегчать ее, подстраивая потоки под человеческие возможности. Творцы учили первых магов пользоваться их силой, вступив в постоянный контакт, чего избегали очень долгое время, и ускорило развитие мира. Маги определенной стихии начали собираться в кланы. За магами

потянулись люди, не имевшие источника. Дикари превращались в цивилизованное общество. Менялось всё. Поселения разрастались в города, общины становились княжествами, затем начались объединения земель в королевства. Всё это вело к образованию Отражений, и Созидающие стали хранителями Граней. Опыта, полученного на собственных ошибках, и силы, бьющей полноводным фонтаном, им хватало для новых деяний. Они смогли облечь свое детище в подобие кристалла, сотворив еще одну реальность — всего лишь замок, но в нем они заключили Кристалл Реальностей. Место, куда невозможно попасть без разрешения хранителей. Это было нужно для того, чтобы держать под контролем энергию откатов. Замок вырос вокруг арки перехода. Через нее творцы переходили в Отражения, чтобы порой сдерживать события, которые вели к росту Граней. Также поступали и в Истинной Реальности. Чуть позже, когда вопрос с возвратной энергией был решен, Созидающие создали и новые формы жизни. Люди-звери, люди-птицы, люди-рыбы — всем нашлось место в Гранях.

— А огненные люди?

— Огневик создал существ, способных изрыгать огонь. Ему помогали воздушник и землевик. Им подарили крепкую броню, как задумывал их создатель, и крылья. Однако существа вышли опасными, ярость огня дала себя знать. В результате, их лишили пламени и крыльев. Они живут на другом конце мира, в пустынных землях.

— А дети? Дети у Созидающих были?..

— Ирис, — я охнула и очнулась от своих воспоминаний. — Ты должна начать. Они ждут.

— Ты видел? — севшим голосом спросила я.

— Видел, — ответил Скай, и я только сейчас заметила, что взгляд у него диковатый. — Последний вопрос... Ты помнишь, что он ответил? — я кивнула. — Потом ты мне расскажешь.

Я вновь кивнула и повернулась к магам, на чьих лицах уже читалось раздражение. Да, не стоило тянуть дальше, и я начала:

— Около трех тысяч лет назад четверо Созидающих: землевик Терраис, водник Регинис, воздушник Орканис и огневик Вайторис — покинули родной мир, чтобы создать Грани Реальностей, подобие Граней в их родном мире...

Меня слушали. Это уже было что-то, это ободряло и вселяло веру в то, что хоть кто-нибудь из магов, если и не поверит полностью, то хотя бы задумается о том, что им говорят правду. Я рассказывала им, ничего не утаивая, не приукрашивая и не надумывая. Сухое изложение фактов, без эмоций, кипевших внутри меня. Говорила и смотрела на лица незнакомых мне людей. Одни мрачнели по мере моего рассказа, на других застыло недоверие, на третьих я и вовсе читала насмешку.

Скай стоял за моим плечом, и его близость была лучшей защитой от колючих подозрительных взглядов. Ближе к концу своего рассказа я уже понимала, что услышу в ответ, но горячиться и что-то доказывать я не собиралась. Знала, что сейчас не только открываю им страшную тайну их мира, но и ломаю святую веру в Создателей, сотворивших мир и подаривших людям магию. Знала, что это станет одной из причин неверия «детей богов», как порой именовали себя маги.

Наконец, подошла к концу своего рассказа:

— Я — Ирис, единственная Созидающая, чья суть принадлежит двум мирам. Я рождена в этом мире женщиной-магом со стихией земли и Созидающим Терраисом. Единственное

дителя, унаследовавшее дар своего отца. Я умерла, когда мне исполнилось семнадцать лет почти тысячелетие назад, и была возрождена Вайторисом, чтобы управлять энергией Граней, потому что ему они больше не подчинялись.

— Почему? — подал голос леор Гаст и запоздало постучал тростью об пол. — Почему Грани перестали подчиняться ему?

— Он перестал быть Созидающим, стал Разрушителем, — ответила я.

— И куда же делись наши Создатели? Я верно понимаю, что мы сейчас узнали правду о тех, кого почитали богами? — задал вопрос Гресс, нервно потерев ладони.

— Они и были почти богами, — ответил за меня Скай. — От богов их отличало лишь то, что они были смертны. Они подарили миру ту силу, которой вы, маги успешно пользуются по сей день.

— Дар становится слабей от поколения к поколению, — ворчливо заметила Винд. — Летописи говорят, что наши предки были намного могущественней нас.

Мне было, что ответить на это замечание. Я обернулась к воздушнице и встретила с ней взглядом. Женщине стало заметно неуютно, и она отвернула голову.

— Вайторис сдерживает развитие мира, чтобы не допустить образование новых Отражений. Нет Отражений, нет отката. Нет отката, возвратная энергия не преобразовывается в потоки магии. Вы пользуетесь тем, что попадает в Истинную Реальность после малых выплесков. Вашим предкам не ограничивали количество силы...

— Какая чушь! — громко воскликнул водник, молчавший до этого. — Неужели вы все верите в то, что нам сейчас пытаются навязать за истину?! Убийцу выдают за хранителя жизни, Темного называют Создателем! А нашу веру смешивают с грязью! — глаза водника полыхнули гневом. — Грани! Красивая и страшная сказка — приманка, на которую пытаются заманить цвет магического общества, вот что это такое. Я не верю ни единому слову! Более того...

— А тому, что говорили Фэйр, Гаст, Дайм, элдр Быстрокрылый — ты тоже не веришь Айгет? — не скрывая насмешки, спросил Скай. — Быть может, у тебя есть объяснение происходящему?

— Происки Темного, что же еще? — картинно изломил бровь Айгет.

— То есть, леор Мендак, вы свято верите в то, что огневик может повелевать стихией воды? Кто-нибудь, — Аквей развернулся на каблуках сапог и оглядел собравшихся, — когда-нибудь слышал, или видел собственными глазами, чтобы Темный управлял водной стихией? — Совет ответил молчанием. — Или же ему подчинялась стихия воздуха? А быть может, ему подвластна земля? Его чудовища — это огонь. Его сила — огонь, его суть — огонь. И единственное, в чем можно подозревать вмешательство рыжего — это пожар в роще. Как объяснить остальное?

— И все-таки слова Айгета звучат намного правдоподобней, чем рассказ этой... женщины, — негромко пробормотала воздушница Винд.

— А я вам скажу кое-что еще, благородная лейда, — Айгет Мендак поднялся со стула и спустился с возвышения. Он с нарочитой медлительностью оглядел собравшихся магов, и развернулся в нашу со Скаем сторону. Впрочем, на меня леор не смотрел, только на Аквея, и я вспомнила слова моего водника о его противниках. Теперь мне было ясно, кого он имел в виду. — Где твоя невеста, Аквей? Где лейда Аллиерт?

Скай недоуменно приподнял брови:

— А почему тебя заботит лейда Аллиерт? Если ты спрашиваешь о моей невесте, то

каков твой интерес?

— Действительно, леор Мендак, — произнесла леди Личфиелд, — странный вопрос. Какой бы ни была причина отсутствия лейды Эйволин, глава ее клана здесь, этого вполне достаточно.

— Хорошо, — склонил голову неприятный водник, — спрошу иначе. На каком основании ты унизил женщину, предназначенную тебе, отказом от женитьбы на ней? Чьи объятья ты предпочел объятьям твоей невесты? Уж не ее ли? — указующий перст уперся в меня. — Благородные леоры и лейды, я обвиняю Скайрена Аквея в предательстве! Да! — вскричал Мендак, перекрывая поднявшийся ропот. — Я обвиняю Аквея в предательстве!

Я обернулась к Скаю, но на его лице не дрогнул не единый мускул. Насколько горячился Айгет Мендак, настолько оставался спокойным Скайрен Аквей.

— Что это означает, Айгет? — нервно спросила Камилл Личфиелд, вдруг растеряв свою невозмутимость. — Скай? О чем говорит Мендак?

— Что за чушь? — поморщился один из огневиков.

— Мы хотим слышать правду!

— Аквей, почему ты молчишь? Поясни!

Но Скай лишь развел руками и указал взглядом на торжествующего водника, предлагая выслушать, что он скажет. Невольно обернулась на лейду Тей, однако провидица имела скучающий вид, и даже зевнула, прикрыв рот платочком, зажатым в пальцах. Рварн и Оэн слушали магов с любопытством, на этом выражение их эмоций заканчивалось. Заметив мой взгляд, айр почтительно склонил голову, для него, похоже, после моей речи мировоззрение не изменилось. Я улыбнулась ему, кивнула и вновь вернула внимание Мендаку.

— Вы хотите доказательств? Мне есть, что вам ответить, — произнес Айгет. — Мы все знаем, чем закончился последний поход против Темного, — водник выдержал трагическую паузу, а после продолжил, понизив голос: — Никто не вернулся. Наши братья, лучшие из нас, пали... Осиротел клан Фэйр, потерял старших наследников клан Гаст. Не вернулись Личфиелд и Аллиерт. Погибли все... но не он! — голос Мендака вновь набрал силу, и теперь указующий перст уткнулся в Скаю. — Он выжил. Единственный из всех, самый могущественный, кто вел за собою несметную рать, выжил, когда те, кто доверился ему, погибли. А он вернулся! И не один... Аквей привел с собой убийцу! Тварь, уничтожавшую нас, не слушая ни стонов мужей, ни криков жен, ни плача младенцев! Мне говорили, какими голодными глазами они смотрели друг на друга, так глядят лишь любовники! Любовники, которые делят ложе долгое время. Позабыв стыд, Аквей бесстыдно брал черную мразь на глазах своей невесты, берег ее, охранял, как пес! Он угрожал смертью тому, кто тронет ее, ЕЁ! Потомок благородного рода, оваянного славными деяниями, готов сложить наши головы к ногам своей поганой любовницы. Что делал он этот год, так называемого пленения? Зачем сей известный леор привел за собой проклятое отродье, в чьих жилах течет яд вместо крови?! И кто же на самом деле Скайрен Аквей? Он — предатель!

В зале повисла тишина. Все без исключения взоры были устремлены на нас с Аквеем. Я тоже взглянула на Скаю, но с тревогой, которую едва удавалось скрыть. Если маги поверят тому, что услышали, а в это поверить проще, чем в конец света и существование Граней, и, тем более, в мои добрые намерения, то удар можно ожидать с любой стороны и в любое мгновение.

Однако непробиваемый водник по-прежнему хранил молчание. Он прикрыл зевок и щелкнул пальцами, подзывая слугу.

— Леор Мендак слишком долго драл глотку, подай ему воды, — велел Скай.

Слуга, одарив хозяина ошалелым взглядом, бросился исполнять его приказание, но, скорей, по привычке, чем желая услужить.

— Однако, леор Аквей, — произнес леор Гаст, — то, что мы сейчас услышали... Признаться, выглядит убедительней рассказов вашей... женщины. Если сложить всё воедино, то вы и вправду выжили там, откуда еще никто не вернулся. А вы вернулись, да еще и с... союзницей. Мы слишком хорошо знаем ее, чтобы доверять... Вы действительно разорвали помолвку с лейдой Аллиерт?

— Действительно, — кивнул Скай. — А скажите мне, почитаемый мною, леор Гаст, отчего вы думаете, что правда на стороне Мендака? Вы знаете, что он издавна порывается занять место главы моего клана. Вам известно, что он соперничает, не упуская ни единой возможности, которую можно использовать против меня. И вы были свидетелем неоднократных выпадов сего неблагородного леора не только в мою сторону, но и в сторону всего моего рода. Так почему же вы, заведомо зная о подлой душонке Айгета, все-таки склонны верить ему?

— Слава твоей спутницы слишком хорошо нам известна, Скай, — ответил Дайм.

— И лишь поэтому вы готовы пойти на поводу честолюбивого лгуна и склочника? — усмехнулся Аквей. — Вы хотите дождаться доказательств правоты Ирис, когда мир захлестнет высвободившаяся сила возвратной волны и уничтоженных Отражений? Что ты скажешь, когда всё это погибнет на твоих глазах, унося жизни родных и друзей? Кого проклянешь за неверие?

— Прекрати лить нам в уши яд, Аквей, — вновь заговорил Мендак. — Она убила столько, что мир уже содрогается от ужаса. Шавка Темного, его оружие...

Воздух коротко свистнул. Никто не понял в первое мгновение, что произошло. Лишь изумленный взгляд Мендака устремился куда-то нам за спины. Лицо его исказилось, и залу сотряс вопль:

— За какой Тьмой?!

Только сейчас я увидела уже знакомую мне рукоять клинка айра, торчавшую из плеча водника. Я обернулась к Оэну. Тот преспокойно вернулся на свое место, не обращая внимания ни на крик раненого водника, ни на усиливающийся ропот, катившийся по зале Совета. В руках магов вновь заискрилась сила.

— Дикарь, ты посмел поднять руку на мага!

— Аквей, как ты осмелился привести на Совет айра?!

— Я удавлю тебя, крылатая тварь!

— По какому праву...

— Тихо! — гаркнул Скай, и маги невольно втянули головы в плечи от силы в его голосе. — За какой Тьмой, спрашиваете вы? Да, за какой Тьмой, вы обвиняете Оэна Быстрокрылого?!

— Он бросил нож...

— Так вините нож! — рявкнул Аквей. — Вы же привыкли обвинять в своих горестях слепое орудие. Так почему бы вам и сейчас не сделать то, к чему привыкли? Кричите на клинок, назовите его убийцей. Если вам плевать на волю, направившую нож, если не желаете узнать, каких еще бед можно ожидать от хозяина клинка, тогда орите на нож, а не на почтенного айра.

— Ты упрощаешь...

— Всего лишь показал вам пример, — язвительно произнес мой водник. — И что же? Вы поняли, что я хочу вам показать? Вы сами сейчас спешите уподобиться слепому клинку, который летит в открытую грудь, не раздумывая о причинах руки, направляющей вас. Чем вы лучше Ирис? Она хотя бы не осознавала себя, вам же известны устремления Мендака, но вы не останавливаете свой полет и всё равно мчитесь к цели. Она погубила в своем ослеплении сотни, вы погубите всех! Так поняли ли вы мой пример?

— Аквей, ты доказал... — начал морщившийся от боли водник, но его вновь перебил Скай:

— Что вы слепы и глухи. Именно в это мгновение творится будущее. На одной чаше весов твоя корысть, мелочная мстительность и слепота участников совета, на второй жизнь всего мира. Что перевесит? Готовы ли вы, — Аквей обвел взглядом Совет, — довериться лжецу, или же, наконец, прозреете и увидите то, что лежит прямо перед вами? Готовы ли вы слушать и слышать?!

— Причина нашей глухоты одна, — высокомерно возразила Винд. — Перед нами стоит кровожадное чудовище. Как можем мы поверить в то, что зло вдруг обратилось добром?

— Хорошо, — кивнул Скай. — Оэн, какое имя носит ваш бог?

— Бескрылые не смеют... — начал было айр, но Аквей отмахнулся:

— Не время для традиций и запретов. Его имя?

— Орканис. Свободный Ветер.

— Рварн, что говорят ваши легенды о сотворении твоего народа?

— Великий Отец, повелевающий земной твердью, спас погибающее племя, вселив в нас дух зверя, — ответил триг.

— Как его звали?

— Терраис. Это имя почитается каждым тригом, как и имя дочери его — Ирис. Легенды гласят: Великий Отец обещал, что его дочь закончит наше превращение, и мы получим третью личину — личину настоящего зверя.

— Орканис говорил нашим предкам о ясноокой богине Ирис. Ее лик от начала времен украшает собой Свободные горы, — встрял айр и указал на меня: — И это она.

— Вам ведь мало их слов, не так ли, благородные леоры и лейды? — усмехнулся Аквей. — Конечно, всего лишь дикари. Тогда взгляните вокруг. Сотворенные вначале Совета создания до сих пор порхают над вами. Жизнь, а не смерть родилась на ваших глазах. Думаете, иллюзия? Протяните руку, и вы ощутите, что они настоящее. И этого мало? Венн!

Послышалось журчание воды, и все головы, даже голова страдающего, но не сломленного Мендака развернулись на шум. Из-под запертой двери бежал поток воды. Он стремился к центру зала, туда, где стояли мы со Скаем. Поток достиг нас, окружил кольцом, и часть его поднялась кверху. Затем ширина и плотность начали меняться, формируя контуры знакомого тела. На поднятой кверху части потока появились два белесых глаза, очертания головы уже невозможно было не узнать. Еще немного, и прозрачная фигура из воды застыла, оглядывая ошеломленных магов.

— Пока останься так, — велел Скай и обратился к Совету. — Это новая сущность в нашем мире, ей всего пятнадцать дней от создания. Сущность водная, сложилась в форме змея. Вполне жизнеспособная особь, кто сомневается, может попробовать раздражить его. Создан был Венн мною случайно, в порыве гнева. Прости, малыш,

— Венн повернул голову к Скаю, и тот потрепал его по макушке. — Он достаточно разумен, чтобы понимать, что ему говорят. Имеет отменный аппетит, может охотиться,

добывая себе пищу. Лоялен к тем, кто настроен дружелюбно. Чувствителен, послушен, предан. Забавный мальчишка получился. Венн, будь любезен, закончи превращение.

Тело змея затянуло белесой мутью, она уплотнилась, сформировав гладкий кожный покров. Глаза налились голубым цветом, и Венн стал самим собой.

— Закончила его создание Ирис. Еще не помня себя настоящую, она дала ему имя — Венн. Порождение зла назвала водяное создание, в тот момент сторожившее ее, другом, и змей получил плоть. Он не временная сущность, каких мы все умеем создавать для выполнения задании, змей — такой же настоящий, как мы с вами. У него есть характер, потребности, как у всех живых существ.

— Он тоже породил Отражение? — усмехнулся кто-то в толпе магов, но голос его нервно подрагивал.

— Нет, — ответила уже я. — Венн — единственная особь. Он не несет в себе изменения для истории. Если таких, как он, появится множество, их начнут использовать, это оставит след, поменяв предначертанные события, тогда Отражение появится.

— Скай! — неожиданно звонко прозвучал голос лейды Личфиелд. — Ты говорил о трех Созидающих. Один бывший, вторая — Ирис, а кто третий?

Чуть помедлив, Аквей пожал плечами:

— Третий я. Вот уже шестнадцать дней как моя суть начала меняться. Если сказать точнее, просыпаться.

— И что повлекло за собой изменения? — немного глухо спросил леор Гаст, глядя не на Скаю, а на меня.

— Очередная ложь! — воскликнул Мендак, не дав моему воднику ответить.

— Согласна, — кивнула лейда Винд. — Чем больше мы слушаем, тем сильнее мне кажется, что для нас разыгрывают представление. Этот змей... Это морок? Нас чем-то опоили?

— Хотите убедиться в истинности существования Венна? — любопытно спросил Аквей.

Воздушница мотнула головой.

— Благодарю покорно. Не хочу после отрезвления чувствовать себя глупо. Это что-то из шучек Темного?

Позади нас раздалось утробное рычание. Вздвогнув от неожиданности, я обернулась и с недоумением взглянула на Рварна. Вожак тригов глядел на Винд тяжелым взглядом исподлобья. Черты его еще больше загубели, наметив начало превращения, однако триг сдерживал его, но было заметно, что он в ярости.

— Рварн, — позвала я и отрицательно покачала головой.

— Я не понимаю, — рычащим голосом ответил он. — Не понимаю, почему люди так глупы? Я видел, как на месте поселения моей стаи появилось озеро. Видел, как реки поменяли течение. Я — зверь, и я чую надвигающуюся опасность. Запах угрозы разлит в воздухе. Его ощущают все триги. Наша шерсть встает дыбом от того, что мы чувствуем. Сейчас я слышу, что звериное чутье не врет, и мне этого хватает, чтобы верить. Но я не понимаю, почему человек не может поверить, что дичь вкусна, пока не разделает и не поджарит ее? Я вижу их, — когтистый палец ткнул в двух бабочек, круживших вокруг задранного кверху любопытного носа Венна. — Вижу змея, и знаю, что они настоящие.

— Я тоже всё видел, и тоже верю, — поднялся на ноги Оэн. — А еще видел, как склон из мертвого камня покрылся зеленой травой. И как из ничего вырос сад, я тоже видел. А еще

я видел, кто это сделал, и точно знаю, что боги не лгут.

— Боги, — пренебрежительно фыркнул Мендак. — Кто здесь бог, крылатый? Она, — палец водника ткнулся в меня, — проклятая убийца. Он — предатель, рожденный человеком. Я знал его с детства...

Крылья айра с шорохом распахнулись, и в ладони упали новые клинки.

— Бескрылый, ты посмел оскорбить мою богиню! Я с рождения взирал на ее застывший лик. Я знаю каждую ее черту! И видел, как она дарит жизнь! Ты, маг, можешь ли ты взрастить из мертвого семени дерево? Сделай это, и я назову тебя богом. Но если не можешь, то молчи до скончания времени, потому что ты грязный лжец! Ты обвиняешь Повелителя воды в предательстве, но предаешь здесь только ты, маг! Я верю ясноокой Ирис и всемогущему Скайрену, и все элдры поднимут за ними свои клинья. Айры встанут на борьбу с огненным демоном.

— Стаи тригов не отстанут, — Рварн взял себя в руки, и теперь стоял рядом с Оэном, горделиво выпятив грудь. — Нам не нужно жарить лань, мы и так знаем, что у нее вкусное мясо.

Кто-то усмехнулся. Я обернулась, это оказался леор Гаст.

— Порой дети природы бывают мудрей людей, даже мудрей магов.

— Или наивней и доверчивей, — буркнула лейда Винд. — Я люблю прожаренное мясо, триг. И не вижу смысла верить на слово...

От двери послышался негромкий кашель. После об пол несколько раз стукнула трость, и все головы повернулись к лейде Тей. Она накрыла набалдашник трости обеими ладонями, и поверх них уселась ярко-оранжевая бабочка с фиолетовыми крапинами. Насмешливый взгляд светло-голубых глаз прошелся по всему Совету. Затем кончик трости взмыл вверх и ткнул в упрямую воздушницу. Бабочка вспорхнула и уселась на плечо Тейды.

— Прости, милая. — улыбнулась бабочке женщина. После вернула свое внимание лейде Винд. — Исель, твоё мясо скоро станет углями и станет несъедобным. Сколько тебе еще нужно доказательств? Этот змей появился в нашем замке на второй день после возвращения Ская из плена. Тому есть свидетели — служанки. После темницы, куда мой племянник отправил пленницу, Венн вернулся уже таким, она закончила его обращение. Мы все отнесли к змею, как к непонятному созданию. Слишком увлеклись страхом перед Игнис Сиел, никто не задумался, что живое существо может оказаться голодным, пока он не сожрал стражника. Точней, попытался его проглотить, Скай спас бедолагу. Получив запрет, Венн больше никого не тронул, хоть его и продолжают опасаться. А вот это милейшее создание подарила мне Ирис. Она создала бабочку из ничего, прямо у меня на глазах. Сегодня она из вашего оружия сотворила цветы. Айр рассказывает о склоне, на котором вместо камней теперь растет трава, и я верю. Как верю и тригу, что реки изменили свое течение. Возможности моего племянника растут день ото дня. Он уже не тот, каким отправлялся год назад в поход...

— Одно мгновение! — воскликнул Мендак.

Светлые брови провидицы приподнялись вверх, на лице появилось выражение удовлетворения. Кажется, она знала, о чем скажет водник и ждала этого. Впрочем, я тоже догадывалась, о чем поведет речь Мендак. Тот сделал шаг вперед, склонился перед провидицей, чуть поморщившись от затягивающейся раны на плече, стрельнул злым взглядом в айра и, распрямившись, заговорил:

— Лейда Тей, мы все почитаем вас и верим вашим предсказаниям. Они ни раз выручали

нас. И то предсказание, которое вы сделали своему племяннику, мы приняли безоговорочно. Поверили Аквею, собрали рать, когда пришло время. Теперь мы узнаем, что его сила растет, по крайней мере, нас убеждают в этом. И если это так, то и это предсказание сбылось. Его женщина подарила силу своему жениху. Так почему же он, получив заветное могущество, бросил бедную Эйви? Как можете вы, лейда Тей, потворствовать Аквею в его мерзких шашнях с Игнис Сиел? Нам всем известна ваша любовь к племяннику, но вы, провидица, становитесь слепы. Эйволин Аллиерт воспользовались и сбросили, как ненужный башмак...

— Мендак! — прогрохотал взбешенный Скай.

Я накрыла его плечо ладонью, спеша успокоить. Не стоит показывать мерзавцу слабое место, иначе он еще ни раз ударит по нему. Тетя Тейда укоризненно покачала головой, глядя на племянника, и поднялась со своего места. Она неспешно приблизилась к воднику, продолжавшему мутить воду, и остановилась, с интересом изучая его. Под пристальным взглядом глаз провидицы Мендак поежился и отступил. Женщина оперлась на прихваченную трость.

— А с чего ты взял, мой мальчик, что в предсказании говорилось об Эйволин? — с любопытством спросила она. — Разве я когда-то произносила ее имя? Я даже не говорила, что женщина из моих видений — водница. Я лишь предсказала, что женщина, которая полюбит Ская, принесет ему небывалое могущество, и он сможет одолеть Темного. Так звучали мои слова, сказанные кузену. Дальше он додумал сам и выдал желаемое за действительное.

— Но лейда Аллиерт сделала Аквея сильнее! — воскликнул упрямец.

— Когда? — изломила брови Тейда. — Год назад он уходил в поход таким же, каким был с рождения. Эйви обычная девушка, она не принесла Скаю ни могущества, ни победы. Иначе бы он не пробыл год в плену, а мы не оплакивали бы его гибель.

— В плену?! — Мендак расхохотался. — Он выжил! Вернулся цветущим и довольным жизнью. Да еще и не один, приволок за собой свою любовницу...

Кровь вдруг бросилась мне в голову. Я вскинула руки кверху и выкрикнула:

— Довольно!

Сила, подгоняемая гневом, вырвалась наружу и разлилась по зале, придавливая всех, кроме Ская книзу. Я видела, как ссутулились плечи, как опустились головы и глаза сверкнули испугом. Венн юркнул за спину Аквея. Теперь мой водник накрыл мои плечи ладонями, но я освободилась от его заботы и встала перед магами, расправив плечи. Мой взгляд уперся в Мендака, водник попятился.

— Ты хочешь знать, маг, как провел этот год Скайрен Аквей? Быть может, ты завидуешь его участи? — наступала я на него. — Тогда слушай и завидуй. После битвы Вайторис подарил мне его, как игрушку. Быть может, ты думаешь, что это были приятные игры? Ты ведь столько кричал здесь о ложе! Тогда знай, что ложем Аквею служили цепи, на которых он висел и днем и ночью. У него были прекрасные покои: четыре шага в длину, и четыре шага в ширину. Ни единого окна. Каменный мешок — вот его покои. Ты утверждаешь, что он был обласкан?

— Ирис...

— Нет, Скай, я устала слушать мерзкую ложь того, кто даже не был на поле брани, — я склонила голову к плечу, с интересом рассматривая Мендака, тот отступил еще на шаг. — Так вот, о ласках. Мне бесконечно жаль одного, что дар Вайториса покинул меня, но жаль

лишь сейчас и только по одной причине — я бы с радостью показала тебе те объятия, в которых побывал Скайрен Аквей. Я бы провела тебя через все твои страхи, заставила испытать до дна чашу твоего собственного яда. Ты скулил бы, как шелудивая собачонка, моля о пощаде, ведь в тебе нет ни силы духа Ская, ни его благородства, ни терпения! Он выжил лишь благодаря своему упрямству и тому, что я не позволяла ему умирать. Ты всё еще завидуешь году в объятиях Тьмы, маг?

— Но как же тогда он смог вырваться из плена? Как принес вас в свой замок? — леор Гаст уже оправился от всплеска моего гнева.

— И как смог простить? — подала голос воздушница Винд.

— И отвергнуть чистую душу Эйволин Аллиерт, — пробормотал себе под нос Мендак.

Вот теперь мне не хотелось рассказывать, с какой целью я несла в темницу вино, смешанное с кровью. Однако мне на выручку пришел Скай.

— Всего лишь очередная шалость, которая оказалась судьбоносной. Ирис, тогда еще Игнис, подмешала в вино свою кровь и принесла его мне в темницу. Она влила его мне в рот, но результат вышел не таким, каким она ожидала. Кровь Созидающей, пусть и дремавшая, благодаря стараниям рыжего, пробудила мою спящую сущность. Более того родная стихия Ирис отозвалась на всплеск моего дара. Это стало первым проявлением притяжения стихий. Вайторис взбесился, не осознав, что происходит на самом деле. Меня приказал убить, Ирис лишил своих даров, сделав обычной смертной на некоторое время. Стражники сняли меня с цепей и бросили на пол, думая, что изможденный пленник никуда не денется. Но силы прибывали, и я смог не только покинуть камеру, но и призвать свою стихию там, где была заблокирована любая магия. Ирис я нашел по возникшей между нами связи. Заманил в ловушку и унес с собой.

— Но как ты прости ее?! — воскликнул Фэйр. — Сейчас вы стоите, как хорошие друзья, но если она сказала правду...

— И ради той, кто издевался над тобой, ты отказался... — с насмешливым высокомерием подхватил оправившийся Мендак, но его бесцеремонно оборвала лейда Личфиелд:

— Да хватит уже, Айгет, — она раздраженно передернула плечами и подошла к нам со Скаем. — Мне хватило доказательств. Я с вами.

Леор Гаст покачал головой и сделал несколько шагов вперед.

— Однако и мне достаточно того, что видел и слышал. Сложно довериться, но отвергать совсем то, что увидел собственными глазами, глупо. Леор Аквей, у нас есть время подумать?

— Но предсказание! — воскликнула лейда Винд.

— Оно сбылось, Исель, — устало отмахнулась Тейда. — Скай встретил женщину, которая подарила ему истинное могущество. Вот она, стоит перед вами. Ни Эйви, ни кто-либо еще, только эта лейда — Ирис, Игнис, какая разница? Она его истинная избранница, и никто другой.

— Нужно быть слепцом, чтобы этого не увидеть, — произнесла Камилл Личфиелд. — Никогда раньше Скай не проделывал ничего подобного. И мы можем сколько угодно не верить тригу и айру, но одного у них отнять невозможно — эти создания не умеют лгать, особенно триги. И я вижу, как и они, и змея, и все эти легкокрылые создания, и цветы.

— Но она же убийца!

— Когда на чаше весов лежит жизнь моих детей, я выберу их жизнь. К тому же нрав

Мендака многим из нас хорошо известен, ему я доверяю еще меньше, чем Игнис Сиел. Но главное, я доверяю Скайрену Аквею и своим глазам. Мое решение неизменно.

— Я тоже верю Аквею и своим глазам, — к нам присоединился Дайм.

Рварн и Оэн Быстрокрылый приблизились и встали за нашими спинами. Еще несколько магов вышли из общей массы магов, заняв места рядом с нашими сторонниками. Гаст так и остался стоять в стороне от всех.

— Ну, хорошо! — воскликнул один из землевиков. — Пусть пророчество сбылось, и Игнис, или Ирис, именно та женщина, которая усилила Аквея. Я тоже видел и арку, и змея, и появление самой... Ирис. И бабочек со стрекозами я тоже вижу. Но если поверить, то перед нами стоят новые боги, так что ли?! Скайрен Аквей, с которым мы выпили ни один кувшин доброго вина, Создатель? Но это же...

— Глупость, — закончил за него с нажимом противный Мендак.

Скай закатил глаза и одарил кровожадным взглядом надоевшего водника.

— К Тьме, какие боги? Наличие дара Созидания не делает нас богами. Это всего лишь иная сила, имеющая иные законы возникновения и управления. Более могущественная, да, но так же основанная на стихиях. Я по-прежнему водник, Ирис

— землевик. Откуда у меня в крови этот дар, я не знаю. Возможно, наш род идет от Региниса, но утверждать этого нельзя, потому что ни подтверждений, ни опровержений этой теории нет. Возможно, ответ есть у Ирис, но ее память еще не полностью восстановилась. И история исчезновения прежних Созидающих, как и причина, почему Созидающий Вайторис стал Разрушителем, нам сейчас неизвестна. Но то, что рыжий приложил к этому руку, мы уверены. Айры видели его сражение с Орканисом, после этого воздушник исчез. Что случилось с Терраисом и Регинисом, мы тоже не знаем, но точно одно — их нет. Что еще вы хотите увидеть или услышать? — маги безмолвствовали, даже Мендак. — Если вы хотите сохранить наш мир, если мечтаете вернуть прежнюю силу магов, если желаете избавиться от власти Вайториса, мы призываем вас услышать нас призыв. Сейчас, как никогда, мы близки к этой цели.

— Но эта женщина...

— Да что вы знаете о ней?! — неожиданно зло воскликнул Скай. — Вы ничего о ней не знаете!

Я вздрогнула, вдруг услышав совсем другой голос, когда-то в горячности кричавший эти слова. Перед внутренним взором вновь встал совсем другой Совет, даже не Совет, а тайная встреча магов. И Торн Айер, защищавший меня. Аналогия произвела жуткое впечатление. Сомнения захлестнули меня, сомнения и страх, что я потеряю и этого мужчину, сдавил сердце ледяной ладонью. Тут же рука Скай легла мне на талию, и я оказалась прижата к воднику.

— Я не буду никого неволить, не буду убеждать и уговаривать, — продолжал Аквей. — Но я прошу задуматься обо всем, что вы узнали. Кто считает, что его гордость и спесь важнее жизни, могут покинуть мой замок. С теми, кому нужно время, я буду рад встретиться завтра и услышать его решения. На этом мы закончим Совет, больше нам добавить нечего. — Затем обернулся к айру и тригу: — Оэн, Рварн, вы придете завтра, или останетесь в замке?

— Каменные стены давят на плечи, — ответил вожак тригов.

— Мне тоже дышится легче среди Свободных гор, — поддержал айр.

— Тогда завтра призовите меня также, как сегодня, и я открою вас ворота, — кивнул

Скай.

С пола поднялась уже знакомая арка, и первые гости распрощались с нами до завтра.

— Тетушка, — Аквей подал руку провидице, второй рукой сжал мою ладонь. — Я провожу женщин и вернусь. В пиршественной зале уже накрыты столы для вечерней трапезы. Прислуга проводит вас, благородные леоры и лейды. Если желаете, ужин вам принесут в покои. До скорой встречи.

Мы покидали залу Совета втроем, и кроме стука каблуков да шороха змеиного тела по каменным плитам пола иных звуков не было. Маги безмолвствовали.

Глава 16. День семнадцатый

Ночь зажгла звезды над Долиной трех озер. Замок стих, утомленный тяжелым днем. Часть магов покинули Совет, как только двери залы открылись, часть разошлась по покоям. В пиршественную залу спустились немногие, остальные предпочли остаться с собой наедине, чтобы принять решение, независимое от мнения остальных. Это было верно. То, что было озвучено на Совете, требовало осознать, не опираясь ни на обличительные возгласы кого-то вроде Мендака, ни на совместные рассуждения.

Скай пришел ко мне тогда, когда все оставшиеся гости разошлись по отведенным им покоям. Он был молчалив и задумчив, но на мой встревоженный взгляд ответил усталой улыбкой:

— Возможно, завтра их останется еще меньше. Мир в одночасье не меняется, ягодка, им сложно осознать и принять новости. Но есть те, кто уверен в своем решении уже сейчас, и мы будем опираться на них. Если учесть айров и тригов, это уже немало.

— Мы можем создать свою рать, — заметила я. — Противовес браннерам. Это проще, чем менять два племени. Я много размышляла об обновлении зверей и крылатых, единственное, что мы можем им дать — это водяной источник. Винд права, магии в мире осталось не так уж и много, это не сильно поможет делу. Но сущности, подобные Венну, станут существенной подмогой. Чтобы упростить задачу, нам нужен полноводный источник, откуда мы возьмем материал для сотворения, это поможет не растратить силы. В плетение их сущностей не обязательно закладывать разум, даже не нужно делать их постоянным, лишь для выполнения своей задачи.

— Принцип временной сущности, но облеченной в плоть? — Аквей задумчиво потер подбородок. — Это уберезет от появления Отражений, так?

— Так, — согласно кивнула я. — Временная рать — не новая форма жизни. Только оружие.

Скай скинул одежду и прошел в умывальню, я последовала за ним. Подождала, пока мой мужчина погрузится в теплую воду со скайренами, плавающими на поверхности, и присела рядом, взяв в руку мочалку.

— Как думаешь, твой отец и его друзья сознательно оставили свои создания в положении дикарей, живущих особо от людей? — спросил водник, пока я намыливала плечи.

— Скорей всего, да, — кивнула я, не удержалась и поцеловала затылок Ская. Он улыбнулся, прикрыл глаза и умиротворенно вздохнул, продолжая слушать. — Думаю, они старались не только растратить излишки энергии, но и уберечься от Отражений...

— Тьма, — негромко выругался Аквей. — Эти проклятые Отражения... Неужели

невозможно предотвратить их появление? Если мы одолеем... Когда мы одолеем рыжего, всё это ляжет на наши плечи, любовь моя. Их было четверо, нас двое. Благодаря усилиям Вайториса, Отражений почти не появлялось на протяжении нескольких веков, но мы не будем убивать тех, кто несет развитие миру, и это может вызвать мощный скачок вперед. Может?

— Не обязательно мощный, но он будет, — согласилась я.

— Мы сможем справиться с возвратной волной?

— Хорошо бы найти место для ее выплеска, — мечтательно вздохнула я. — А лучше заблокировать Грани. Убрать имеющиеся Отражения нам не под силу, это противоречит нашей сути, но вот запретить образование новых близнецов...

— У нас нет знаний, Ирис, — возразил Скай, перехватывая мою руку на своей груди. Он развернулся и заглянул мне в глаза. — Они не смогли за две тысячи лет что-то исправить, вряд ли мы сможем найти решение.

— Вряд ли, — согласилась я.

— И что делать?

— Я не знаю, жизнь моя, — рассеянно улыбнулась я. — Возможно, когда мы освободимся от власти Вайтора, я смогу прорваться на Зеленый холм и поговорить с отцом.

Аквей поцеловал мое запястье, вздохнул и позволил продолжить собственное омовение. Он безмолвствовал, я исподволь разглядывала уставшие черты своего водника. Между светлых бровей залегла складка, под глазами наметились темные круги. Ему нужен был отдых, но Скай не желал терять ни одной минуты понапрасну.

Я потянулась и коснулась пальцем хмурой складки. Водник приоткрыл глаза, взглянул на меня осоловелым взором, и я улыбнулась, до того он был сейчас трогательным.

— Спи, — шепнула я, и веки вновь смежились.

После спустила с плеч лямки сорочки. Ткань легко скользнула вниз, застыв у ног невесомым облаком тонкого белоснежного материала. Я перешагнула сорочку и вошла в бассейн. Приблизилась к Скаю, осторожно опустилась рядом с ним на колени и склонила голову к плечу, скользя взглядом по обнаженной груди. Там билось его сердце, горячее, любящее, отбивающее удар за ударом, и я точно знала, что для меня. Теперь для меня.

Стараясь не разбудить измотанного водника, я провела по его телу мочалкой. Улыбка вновь коснулась моих губ, когда рука добралась до его бедер.

— Не останавливайся, — сонно пробормотал Скай, пошевелившись. — Ирис...

— Конечно, милый, — хмыкнула я.

Подождала, когда он провалится в сон, и возобновила омовение, время от времени поглядывая на лицо спящего мужчины. Нет, есть в этом что-то умиляющее. Сильный лев, поверженный дневными заботами, становится похожим на мирного котенка, растянувшегося кверху брюшком у уютно потрескивающего камина. Правда, мой лев-котенок, сидел в воде, но картинка, родившаяся в моем воображении, вызвала тихий смешок. Тут же зажала рот ладонью, но Скай даже не пошевелился.

— Не останавливайся, Ирис, — шепотом повторила я его слова, сказанные в дремоте, и снова спрятала смешок в ладонь. — Вечный борец.

— Угу, — промычал со вздохом водник.

— Чудо мое, — умиленно вздохнула я и выбралась из бассейна.

Оделась и прокралась к выходу из покоев. Затем, открыв дверь, позвала:

— Венн, ползи за мной.

Змей ринулся было следом, нагнал и обвил кольцами, спеша обмусолить мне лицо, но я шикнула на него:

— Тихо, не балуйся. Мне нужна твоя помощь.

— У-у? — выжидающе поглядел на меня наш малыш.

Искра, спавшая в кресле, подняла голову, проводила нас со змеем взглядом и вновь улеглась, дернув хвостом. Должно быть, решила, что в ночных развлечениях мы обойдемся без нее.

— Вот, — шепнула я, указывая Венну на Аквея. — Нужно перенести в постель. Только не разбуди.

Змей поглядел на меня умным взглядом голубых глаз, после на Ская, опять на меня и плавно нырнул с бортика в воду. Я с интересом наблюдала за ним сверху до тех пор, пока над бортиком не поднялась головы Венна, теперь он смотрел на меня с явным возмущением.

— Никуда без меня, — шепотом проворчала я, вновь раздеваясь.

Мы некоторое время рассматривали безмятежно сопящего Аквея, вновь переглянулись, но умного решения, как дотащить водника до постели, так и не придумали. Это сейчас он милый котенок, а если Венн потащит своего создателя по полу, то проснется уже точно лев. Мы снова переглянулись. Я вздохнула, Венн удрученно покачал головой из стороны в сторону, немало удивив меня новым выражением эмоций.

Вскоре я сидела на бортике, свесив ноги в воду, змей свернулся клубком рядом, опустив хвост рядом с моими ногами. Притопала Искра, разместилась с другой стороны от меня, и теперь мы втроем с досадой и возмущением смотрели на бессовестно дрыхнущую громадину. Аквей, не подозревая о том, что сейчас его испепеляют три пары глаз, чему-то радовался во сне, мило улыбаясь и вздыхая.

— С этим надо что-то делать, — наконец, решила я.

— Брль, — поддакнул Венн.

И крыса подвела итог нашим размышлениям, тоненько пискнув и весомо дернув хвостом. Я поднялась на ноги, деловито потеряла ладони и велела:

— Отойдите.

Живность споро отползла в сторону, с интересом наблюдая за тем, что я буду делать. Поджав губы и закатав несуществующим на сорочке рукава, я простерла руки над бассейном, прислушиваясь к невидимым сейчас энергетическим потокам. Если мне отзывается водная стихия, то почему бы не только капли дождя, но и целый бассейн? Пользуясь знаниями об управлении родной стихией, я потянулась к стихии приобретенной.

Вода, повинувшись мне, пошла рябью. Хорошо, контакт установлен, действуем дальше. Управляя потоками, я заставила приподняться небольшую волну у дальнего бортика, но не рассчитала силу, и над водником нависла вся толща воды, утянув его вниз.

— Ой, — я бросила вороватый взгляд на Искру с Венном. Крыса встала столбиком, змей накрыл глаза хвостом. — Так и должно быть, — шепотом соврала я, осторожно опуская волну на место.

Приподняла воду со стороны Аквея, она послушно взбугрилась, поднимая на свою поверхность водника. Тот даже умудрился повернуться на бок и подложить ладонь под щеку, уютно покачиваясь в водяной люльке. Я повела ладонями, и волна, вскарабкавшись на бортик, вынесла наверх Ская наверх. Уф.

— Венн, — позвала я. — Подхвати, если что.

Змей с опаской пополз за водой, устремившейся в спальню, Искра никуда спешить не стала. Возле кровати водяной гребень со своей бесстыжей поклажей замер. Дело в том, что я просто не знала, что сделать дальше. Выплеснуть водника на ложе, оно намокнет, стаскивать самой — разбужу. Наконец, решила:

— Венн, снимай.

Змей округлил глаза, и мне показалось, что он сейчас покрутит кончиком хвоста у виска.

— Давай, — зашипела я, чувствуя, что вода перестает меня слушаться. Слишком резко взялась за освоение стихии.

Затем опустила гребень пониже, и Венн столкнул Аквея на постель. Волна стремительно откатилась к бассейну и ухнула в чашу.

— Что? — Скай порывисто сел на кровати, ошалело оглядываясь.

— Ничего, спи давай, — полусшепотом рявкнула я. Опомнилась, смягчила голос: — Отдыхай, жизнь моя.

Водник зевнул, почесал в затылке и развалился на животе, подмяв под себя подушку и мгновенно проваливаясь снова в сон. Я утерла пот со лба, Венн повторил мой жест кончиком хвоста. Мимо нас протопала деловитая Искра. Она запрыгнула назад на кресло и, как самая уставшая, завалилась спать.

— Отдыхай, малыш, — я потрепала змея по гладкой макушке. — Можешь остаться, я за тебя заступлюсь.

Змей благодарно булькнул, но в опочивальне не остался, уполз в гостиную. Я взглянула на Скаю, усмехнулась и отошла к окну, спать мне не хотелось.

Обитель в честь твою воздвигнул,

Одна богиня среди богов.

Оковы дружбы я отринул,

Избрав нетленную любовь...

Отчего мне вдруг вспомнились эти строки? Я протяжно вздохнула и вгляделась в темноту за окном. За спиной слышалось ровное глубокое дыхание водника. Я некоторое время прислушивалась к нему, и вдруг в голове всплыли слова Ская: «Ты помнишь, что он ответил?». Да, помню. Папа сказал, что дети у творцов были. После того, как им пришлось смириться с тем, что навсегда застряли в своих Гранях, Созидающие попытались жить обычной жизнью. Они даже женились по законам чужого мира на магинях, обладающих даром их стихии, надеялись, что это даст им потомство с даром Созидания.

Первым был мой отец, еще задолго до мамы и нашего с Кайем рождения. Папа, сирота от рождения, всегда мечтал о семье. Его примеру последовал Регинис, затем Оркан. Вайторис единственный отказался от идеи иметь наследников. За свою бесконечно долгую жизнь он так и не захотел увидеть свое продолжение. Возможно, уже тогда он жил по своему принципу вечности.

Впрочем, история с семейной жизнью закончилась быстро. Созидающие не старели и секрета своей истинной сути открывать не хотели. В мире уже жила легенда, которая легла в основу религиозных верований о четырех Создателях, одаривших людей магией. Разрушать ее творцы не стали. Они ушли, создав видимость собственной смерти, и издалека наблюдали за тем, как старели и умирали их жены, как росли и умирали в свою очередь дети, внуки, правнуки. Это оказалось тяжело для тех, кто дарит жизнь. К тому же дар Созидания не проявился ни в одном из потомков творцов. Второй раз повторить печальный опыт решился

только мой папа.

Он говорил, что мама покорила его с первого взгляда. После рождения Кая отец мог думать только о том, как удержать маму на этом свете подольше. Тогда же он решил, если опыт выйдет неудачным, то уйдет вслед за ней. Но идея продлить маме жизнь настолько захватила отца, что он на время совсем отошел от общих дел. В конце концов, папа решился на ритуал слияния. Точней, на его подобие. Первым этапом была перестройка маминого источника, отец хотел изменить его под чистую энергию стихии, какой пользовался он сам. Можно сказать, что он создавал нового творца с ограниченными возможностями. Отцу помогали его друзья. Удачный результат опыта давал и им надежду на будущее, лишённое одиночества. Не знаю, что думал в это мгновение Вайторис, возможно, его преследовал больше исследовательский интерес. Как рассказывал папа, Вайтор не верил в успех, не особо верил и Регинис. Только порывистый и быстро увлекающийся Орканис был преисполнен энтузиазма.

Созидающие очистили источник от преобразованной магии, внесли изменения в его строение на уровне энергетического подпространства. Это удалось без особого труда. И чтобы мама смогла легче перенести первый контакт с чистой стихией земли, отец поделился с ней кровью. Творцы помогли двум разным сущностям смешаться в одну, не нанеся вреда ни организму, ни самой жизни моей матери. Завершающим этапом стал контакт с чистой стихией. Они заполнили пустующий источник и принялись ждать, готовые остановить процесс и развернуть его вспять в любой момент. Мама смогла перенести привыкание к новому источнику. Она выжила, но пользоваться своим новым даром мама не смогла. Кровь отца помогла выдержать мощь новой силы, однако взаимодействия между энергией и магом не произошло. Мама не чувствовала новый дар.

При попытке использовать его, она разом выплеснула всю силу, а приток новой едва не убил мою мать. Отец сам заполнил ее источник заново, и магия для мамы осталась воспоминанием. Впрочем, когда лет в четырнадцать я спросила ее, не жалеет ли она о том, что потеряла, мама ответила: «Всё, что можно назвать чудом, у меня уже есть. Я могу творить истинное волшебство — дарить жизнь своим детям».

В общем, итог эксперимента показал: перестроить мага-стихийника под дар Созидания можно, но сам дар остается неподвластен. Творцом можно только родиться. Насколько это продлило жизнь моей матери и продлило вообще, осталось неизвестным. И все-таки положительный результат имелся — я. Спустя несколько лет у моих родителей родилась девочка с даром Созидания. А вот что стало с первым потомством творцов?..

— Тер, это он! Я говорю тебе — это наш жаркий дружок, чтоб его Хаос пожрал!

Я слышу голос Регина и выхожу на лестницу, удивляясь, почему Созидающий ничего не сказал о своем появлении у нас. С того дня, когда меня мотало между древесных стволов по воле Оркана, я уже совсем оправилась. Впрочем, восстановилась я быстро, дольше избавлялась от страха перед необузданной яростью некогда любимого мужчины. Он несколько раз пытался прорваться ко мне, я слышала его надрывные крики и призывы. Но смелости и желания для встречи так и не нашла, как не нашла сил для прощения. Зеленый холм защитили от проникновения воздушника, и к дому он не мог приблизиться всё то время, пока я пряталась в своей комнате, окруженная заботой родителей и Региниса.

Он сильно испугался за меня, я это видела. Теперь Регин почти переселился к нам, уходил ненадолго, не пропал ни на один день. И его я всегда была рада видеть. Мне было с водником спокойно. Я тянулась к нему с каждым днем всё больше, всё сильнее ждала, когда

услышу его шаги на лестнице и стук в дверь. Встречи с этим Созидающим стали для меня не просто отрадой, они уже почти потребность. И я вижу, как его это радует. Он стремится ко мне в любую минуту, проводит рядом свое свободное время. Нам не скучно вдвоем, даже если молчим. Пальцы Регина перебирают мои волосы, или поглаживают ладонь, и на моей душе в эти мгновения сверкает золотой свет счастья...

Однако вот он в доме, но я даже не знала о его появлении. Мне становится обидно. Я спускаюсь ниже, выжидая момента, когда Регинис выйдет из кабинета отца, но он не спешит выходить. В его голосе ярость, и это так непривычно. Немного пугает, но я знаю, что ярость направлена не на меня и решаюсь выйти на улицу, сесть недалеко от окна кабинета и послушать. Не подслушать, нет. Хочу услышать, когда они закончат. Если ждать под дверями, то опять решат, что я подслушиваю, и мне станет стыдно, а я не хочу краснеть перед Регином, как маленькая девочка. Поэтому я выбираюсь на улицу, располагаюсь рядом с приоткрытым окном и невольно вслушиваюсь в гневные слова.

— Ты действительно настолько уверен? — спрашивает папа.

— Тер, у меня есть доказательства, — голос водника звучит хриловато, и я слышу плеск воды в стакан. Наступает недолгое тишина, Регин пьет, чтобы промочить пересохшее горло. Затем я слышу глухой стук, стакан поставлен на стол, и Созидающий продолжает: — Два месяца назад мой правнук не вернулся с охоты. Я просмотрел Отражения, осмотрел место, где на него напал зверь. Тьма, Терраис, это была травля. Зверей натравили на парня. Осталась его жена и сын, мой последний потомок.

— И как к этому причастен Вайторис? — недоумевает папа.

— Я прошел по следу, нашел того, кто травил волков. Нашел его. Наемник рассказал мне про того, кто заплатил за работу. Его я тоже нашел. Прошел шестерых, уже думал, что так и не узнаю, кому не угодил мой мальчик. Но седьмой рассказал о красноволосом мужчине с карими глазами.

— Любой огневик подходит...

— А проклятый черный камзол с золотым цветком огня? Кто еще носит этот знак? — Ну...

— Говорит вкрадчиво, глаза с хитрым прищуром. Высокий, статный, таких красивых мужиков не бывает. Это я тебе повторяю слова седьмого в цепи нанимателей. Тер, только не говори, что у Вайтора есть враг-огневик, который знает про наших детей. Это рыжий ублюдок, Тьма! Я только одного понять не могу — почему? Они ведь просто маги, обычные смертные. Жили своей жизнью, никому дурного не делали, кому как не нам это знать? Он уничтожает наших потомков, Тер. Вырывает под корень все три дерева. Сколько осталось твоих? Кайрен и Ирис? Оркан три года назад попрощался со своим последним правнуком, который, о чудо, замерз зимой в снегу. А до этого утонула моя правнучка пятнадцати лет от роду. За год до этого упал с крепостной стены твой правнук. Десять лет назад сгорел замок с еще одной ветвью потомков Оркана. Стража, слуги смогли спастись, к господу — нет. Пожри его Хаос, Тер, там были дети!!! Младшему всего месяц, как он появился на свет! Так цинично и жестоко Созидающий уничтожает жизнь чужими руками. Какое обоснование эта тварь придумала для себя, чтобы не лишиться дара? Как он оправдал уничтожение нашего семени? Сколько этих смертей случилось за последние семнадцать лет? Я уже давно не верю в роковые совпадения и ищу причину.

— Мы все искали, Регин, — едва слышно отвечает отец.

— И Вайторис нам так усердно помогал, — язвительно восклицает водник.

Он замолкает, папа тоже не спешит заговорить. Я внимаю в смысл слов Региниса и зажимаю рот ладонью. Ужас переполняет меня, когда я осознаю, что погибли все, ВСЕ потомки трех Созидающих.

— Ты оплакал их, Тер? — тихо спрашивает Регин.

— Мое сердце разрывается от горя, — также тихо отвечает папа, — но я не буду этого показывать. Ты знаешь, Созидающему нельзя останавливаться на одном переживании, это выжигает дар, а мы не можем себе позволить такое расточительство. Пока существуют отраженные Грани, мы обязаны охранять мир от гибели, на которую его обрекли своим тщеславием. Жена и дети спасают.

— Да, — соглашается водник. — Ирис — моя маленькая отрада, она греет душу. Безумно хочу ее увидеть, но прежде нужно решить вопрос с предательством Вайториса. И как бы мне не было противно, но нам нужен Оркан. Он должен узнать, кто уничтожил его потомков.

— Непременно. Орканис слишком доверяет Вайторису, — замечает папа.

— Мы все ему слишком доверяли, — в голосе Регина вновь вспыхивает раздражение.

— Не видели, что он творит прямо под нашими носами. Эта его идея с встряской мира и последующей заморозкой... Тьма! Тер, Тьма!

Я вздрагиваю от неожиданного вскрика, и папа просит:

— Тише, дружище, ты переполошишь мне жену и дочь. Что такое?

— А ты не видишь? Вот сейчас, когда стал известен главный наниматель? Семнадцать лет, Тер, семнадцать! После рождения Созидающей он начал уничтожать наше потомство. Опасается, что в ком-то может проснуться дар? Или наших новых опытов? В отличие от твоей жены, нашим детям может с перестройкой повезти больше... Могло бы повезти больше. Почему мы раньше не подумали об этом? Приняли то, что дар передается только по чистой линии, но ведь могли попробовать...

— В душе мы были рады тому, что им не передан дар, — отвечает папа, и мне кажется, что я слышу в его голосе грусть. — От нашей силы этому миру больше вреда, чем пользы.

— Ты прав, дружище, — усмехается Регин, но вновь взрывается: — Но, кажется, нашему рыжему приятелю не хотелось рисковать. И что дальше? Он позаботился о наших потомках, убрал всех, кроме малыша, которого я спрятал, и твоих младших детей. Теперь он придет за их жизнями? Если доберется до Ирис...

Голос водника срывается, и мне до безумия хочется сейчас обнять его, прижать к своей груди и уничтожить тревогу, даже страх, который я слышала в его словах.

— Как думаешь, что он задумал на самом деле? Тех, в ком, как он опасался, может пробудиться дар, уже нет. Мы его цель? Но что Вайтор выиграет? Хочет один жить вечно? Эти его слова: «Мы почти боги». Однако ему одному может оказаться сложно справиться с возвратной энергией...

— Наша смерть породит огромное количество Отражений, мы сейчас ось этого мира,

— задумчиво произносит папа.

— И последующая заморозка. Ему хватит не на одно тысячелетие... И всё равно, — я слышу шаги, похоже, Регинис прохаживается по кабинету. — Всё равно не понимаю. Силы у него столько, что он может лопнуть от нее. Жизнь не имеет ограничений. Дар при нем. Живет, как хочет...

— Нет, не как хочет. Мы сдерживаем его, ставим ограничения. Вайтор вынужден

равняться на нас.

— Мы — сила, которая легко раздавит его, если он решит противопоставить себя нам,

— подхватывает водник. — Он равен каждому из нас, но если мы объединимся, Вайторис окажется между жерновами. Всё-таки стихия определяет суть, ему нужен простор...

— Даже Орканис, которого легко направить по нужному пути, не поддерживает честолюбивых замыслов Вайтора, — добавляет мой отец. — Мы уже давно для него помеха. Я предлагаю погасить это пламя. Вайтор становится угрозой для мира и для жизни его обитателей. Не хочу рисковать Ирис.

— И я не хочу, — соглашается папа. — Нужно найти Оркана. Он один из четырех, и его голос важен.

— Тьма, Тер, порой ты меня раздражаешь своей дотошностью, — ворчит Регинис.

— Я — земля, — наверное, папа пожимает плечами. — Мне свойственная основательность. Ты — вода, и в норове мало уступаешь огню и воздуху.

Неожиданно они замолкают, а я чувствую, как поднимается ветер. Волосы, выбившиеся из косы, бросает в лицо, задирается подол платья, а слуха касается невесомое:

— Наконец-то...

Я вскрикиваю, осознав, кто прорывается к дому.

— Ирис! — Регинис, услышав мой возглас, выглядывает в окно. Через краткое мгновение он уже закрывает меня собой, отесняя к дверям дома. — Испугалась?

— Да, — нет смысла скрывать то, что я чувствую.

— Не бойся, — водник оборачивается ко мне, и я вижу ласковую улыбку. — Он тебя больше не тронет.

— Оркан! — грохочет папаин голос.

Дальше я ничего не вижу. Регин заталкивает меня в дом и закрывает двери, но я не стремлюсь открыть их. Забегаю в кабинет отца и осторожно выглядываю в окно. Из-за поднявшейся бури и стены песка с дождем я не могу понять происходящего, но вдруг всё прекращается, и к дому направляются уже трое. Посередине папа, воздушник и водник по обе руки от него. Взгляд Орканиса скользит по окнам. Я отступаю к дверям, не желая встречаться с ним.

Уже поднимаясь по лестнице, я слышу, как мужчины входят в дом, и в спину мне несется восклицание Орканиса:

— Ирис!

— Прекрати, — припечатывает папа. — Дело серьезное и времени на эти игры нет.

— Я хочу поговорить...

— Она не хочет, — отрезает Регинис.

— Мы без тебя разберемся, — враждебно отвечает воздушник, но его вталкивают в кабинет, и я остаиваюсь. Вновь спускаюсь вниз и теперь уже точно подслушиваю.

Спор, возникший при входе в дом, мгновенно прекращается, как только Регин произносит:

— Я знаю имя убийцы наших детей.

За дверями кабинета наступает короткая тишина, а затем я слышу глухой голос Оркана:

— Кто?

И вновь тишина. Никто не нарушает ее, словно опасаясь произнести одно единственное

имя, потому что это уничтожит их собственный мир, и без того трещащий по швам. Я не выдерживаю и заглядываю в малюсенькую щель. Трое мужчин стоят напротив друг друга и смотрят, кажется, не моргая. В центре их треугольника воздух густеет, мне даже слышится потрескивание разрядов. Вот-вот, и произойдет взрыв. Мне становится тяжело дышать, до того становится тяжелым и густым сам воздух. Хватаюсь за грудь, не в силах отвести взгляда от трех Созидающих, вижу, как кулак Орканиса сжимается, разжимается, и воздушник, так и не услышав ответа, догадывается сам. Он сипло выдыхает:

— Нет.

— Да, — жестко отвечает Регинис.

И вновь тишина. Орканис закрывает лицо ладонями, Регин сверлит его взглядом, папа накрывает плечо воздушника ладонью.

— Мы все были слепы в своем доверии, — говорит отец. — Пока Регин, повинувшись своей стихии, был занят Ирис, пока я упивался покоем и равновесием мира, пока ты развлекался, паук ткал свою паутину, затягивая туда наших потомков.

— Ирис... — эхом повторяет Орканис.

Я невольно отшатываюсь от деверей, но споров за меня не возобновляется.

— Он стравил вас, использовав мою дочь, как наживку, — зло произносит папа.

— Сделал из друзей врагов, — кивает Регинис.

— Отвлек на борьбу за малышку, — бесцветно добавляет Оркан.

— И уничтожил за это время почти все наше потомство. Следующие...

— Мы.

— Да.

И вновь тишина. Она похожа на предгрозовое облако, так же давит, пугает скорой грозой. Кажется, еще мгновение, и кабинет отца расколется пополам молнией.

— Слепец, какой же слепец, — с мучительным стоном произносит Орканис, закрывая лицо руками. — Я сам позволил ему управлять мной. Доверял, всё доверял, все свои помыслы, опасения, надежды. Слушал, раскрыв рот, глотал его слова, верил... Он привел меня в тот день, когда я... Бесконечный Хаос! Регин, он мог знать, что ты идешь сюда?

— Да, — неожиданно хрипло отвечает водник. — Он был у меня, уговорил появиться на Холме. Сказал, если увидишь ее хотя бы издалека, уже будет легче.

— Мне сказал, что нужно поговорить с Тером и потащил за собой, по той же причине: «Хоть издалека поглядишь, страдалец», — невесело усмехается воздушник.

— И знал, что Ирис уже тянется к Регинису. Знал, что она тоскует... Он отвлекал меня, чтобы ослабил внимание за дочерью, — кулак отца с силой опускается на стол.

— Мы видели, как Ирис и Регин поднялись на вершину холма, — добавляет Орканис.

— «Мне нужно поговорить с Тером наедине», — вот что он сказал. Дал понять, чтобы я не мешался, и меня понесло на холм. Эта тварь хотела моими руками убить малышку? Да?! — от яростного вскрика воздушника я снова вздрагиваю. — Вайтор отлично знает мою вспыльчивость, знает, что в ярости разум может мне отказать. Он надеялся на то, что я сам убью ее?!

Тяжело сглотнув, папа отрицательно качает головой:

— Не обязательно. Регинис был с ней рядом... А вот окончательный раскол... Но если бы убил, это сломало бы Регина, оставалось бы просто добить. Это был бы удар по всем нам разом. Тьма...

— Ирис — потомок с даром. Она под прямой угрозой, — Регин вдруг становится

собранным. — Пока Вайтор не понял, что нам все известно, и не наделал пакостей, его нужно устранить. Никаких разговоров, Тер. Он Созидающий и не смел отнимать жизни даже чужими руками. Творец, преступивший черту, приговаривается к смерти. Это истинное обоснование. Он преступил и должен быть наказан.

— Согласен, — кивает отец.

Они смотрят на Орканиса. Воздушник стоит, опустив голову, он сейчас похож на сломанное дерево. Он молчит. Папа и водник переглядываются.

— Оркан, — зовет Регинис.

— Не годы, полторы тысячелетия бесконечного доверия, — вместо ответа произносит воздушник едва слышно. — Он был мне ближе всех. Я слушал его, верил, поддерживал, и что? Нож в спину? Предал... И ради чего? Власть? Ненавижу... Ненавижу!

— Оркан...

— Я удавлю его своими руками без всяких обоснований.

— Орканис, стой! — выкрикивает Регинис, но мощный порыв ветра заполняет кабинет, распахивает дверь, и я отлетаю в сторону.

За ревом стихии не слышно моего вскрика. Через краткий миг от вихря не остается даже воспоминания, кроме разбитой мебели и вывороченных рам с разбитыми стеклами. Ветер исчез и Орканис вместе с ним.

— Тьма! — в ярости выкрикивает Регин. — Несдержанный дурак! Один он не одолеет Вайториса. Тот поймет, что мы знаем о его намерениях...

— Догоним, — едва не рыча от злости, бросает отец.

Когда я вновь заглядываю в кабинет, там уже никого нет...

— Бесконечный Хаос, — выдохнула я, хватаясь за грудь. — Битва с огненным демоном...

Ухватила рукой за стену. Так вот почему Орканис не вернулся, он помчался к Вайторису, и эту драку видели айры. Значит, в тот день он пришел, чтобы выкрасть меня, так? Кажется, так. Но его остановили, рассказав о том, что... Я бессильно сползла на пол, запустила пальцы себе в волосы, сжала их в кулаках и уставилась перед собой бездумным взглядом.

— Чудовище, — прохрипела я. — Какое же чудовище.

Семнадцать лет целенаправленно убивал потомков трех Созидающих, потому что испугался, что в любой момент с ними могут повторить опыт, который проделали с моей матерью. И если не это поколение, то следующее могло родиться с даром Созидания. Соперников и противников у Вайториса могло прибавиться, и он начал выводить семя своих друзей под корень. Но... Но тот младенец, которого спрятал Регин! Что стало с ним?

Мой взгляд метнулся к кровати. Скай спокойно ворочался. Возможно, он смотрел во сне мои воспоминания? Тем лучше, не хочу повторять всё это вслух. Слишком тяжело, слишком ужасно то, что я подслушала в тот день.

— Младенец... Я спрятал младенца, — машинально прошептала я, повторяя слова Региниса.

Скайрен Аквей потомок выжившего младенца? Наверное. Скорей всего, иначе откуда дар? Но! Но от магов рождались только маги! Сколько выросло поколений после того, как отец, Регин и Оркан решили связать свою судьбу с женщинами из этого мира? Не десять и не двадцать лет. Сто? Пятьсот? Достаточно для того, чтобы они с уверенностью говорили, что в детях нет дара Созидания. Были уверены в том, что это невозможно. Тогда как? Дети

спасенного малыша должны быть магами и не больше. Но Скай — творец... Непонятно. Не получается. Значит, что-то было еще? Что?! А мой брат? Что стало с ним? Вайторис убил Кая?

— О-ох, — простонала я, вспоминая лицо своего неугомонного братца. — Не хочу, нет...

Мотнула головой, отгоняя жуткое видение безжизненных карих глаз. Скай застонал вслед за мной. Я вскинула голову, мгновение смотрела на него и поползла к кровати. Добравшись, сжала свесившуюся с края ладонь своего водника, прижалась у ней щекой и зажмурилась...

— Что случилось?

Мама входит следом за мной в разгромленный кабинет.

— Они ушли, — бесцветно отвечаю я.

— Куда?

— Кажется, убивать Вайториса, — произношу я и порывисто оборачиваюсь к маме.

— Чего? — недоуменно переспрашивает она.

Потрясение от услышанного, от всего, что здесь произошло, наконец, сказывается, и я бросаюсь на шею матери. Мне страшно. Страшно и до безумия жалко тех, кто умер по злой воли того, кто должен хранить жизнь. Проходит немало времени прежде, чем я успокаиваюсь и начинаю рассказывать маме, что сумела узнать из-за своего вечного любопытства. Мама бледнеет, она до боли стискивает мои пальцы, но больше никак не проявляет своего потрясения. Затем вытирает мне слезы и деловито говорит:

— Мужчины сами разберутся, а мы пока наведем здесь порядок. Неси веник, воду и тряпки. Хотя нет, сначала вынесем хлам.

— Мам, — мой голос дрожит. Я не понимаю маминого спокойствия, но она лишь сводит брови и указывает мне на хлам.

— За дело.

Постепенно раздражение и даже злость на маму заставляют меня перестать думать о том, что сейчас где-то там папа и Регин, возможно, сражаются с огневиком. И Оркан... Успокаиваясь, я не знаю, как относится к нему. Вспоминаю, каким сломленным он казался. Понимаю его боль. Ему пришлось узнать о предательстве лучшего друга. Наверное, Орканису больней всех, но, кажется, он подвел папу и Региниса своим порывом. А еще мне до конца не верится, что Вайторис мог так поступить.

Я вспоминаю его лукавый взгляд, извечную ухмылочку. Он тоже приносил нам с братом игрушки и сладости, когда приходил в гости. Играл. Со мной реже, чаще с братом. Они устраивали скачки, сражались в дурашливых поединках на мечах, иногда боролись, и веселый огневик поддавался. Я маленькая смеялась, глядя на их возню. И вдруг говорят, что он хочет нас убить? Но это же невозможно! Или возможно?

Мне вдруг вспоминается оценивающий взгляд, которым однажды Вайторис смотрела на меня. В нем в тот момент не было ничего от прежнего дяди Вайтора. А еще вспоминается недавнее прошлое, когда меня мотало между деревьями. Ведь и вправду он мог задержать папу разговором. Отец, так или иначе, но всегда следил за тем, чтобы я была в безопасности. Весь Холм и лес за ним — глаза и уши Терраиса. И если рядом со мной становилось жарко, он всегда появлялся. Да, к Тьме! Последние несколько лет папа только и делает, что наблюдает за мной. Водник и воздушник грызутся, землевик следит за ними, а огневик плетет свои сети.

И вновь мне становится страшно. Если это всё так, если добрый дядя Вайтор вообще не добрый, то Регинис может уже не вернуться ко мне! Или папа... Я порывисто оборачиваюсь к маме и замечаю, что она совсем не спокойна. Думая, что я поглощена своими мыслями, она останавливается и бездумно смотрит в пространство перед собой. Мама кусает губы — это верный признак тревоги. Она тоже переживает. Подхожу к ней со спины, обнимаю, укладываю голову на плечо. Мама вздрагивает, словно вырывается из глубокой задумчивости. Она целует меня и велит:

— Продолжай.

Мы выносим с ней весь хлам. Выметаем мусор, отмываем кабинет. Мама не может использовать магию, а мне папа запретил использовать дар там, где можно поработать руками.

— Это кощунство — тратить силу стихии там, где достаточно провести один раз тряпкой. Наша сила — это великий дар, а не облегчение мелких нужд.

Я привыкла к этому правилу и уже давно не спорю, приняв папино учение за истину. Поэтому уборка занимает уйму времени. Мама решает прибраться и в других комнатах, и когда мы заканчиваем, на улице уже начинает темнеть.

— Принеси зелени, — велит мне мама, когда перебирается на кухню.

— Хорошо, — киваю я и спешу на огородик.

Мама обожает все свои посадки. Она холит их, лелеет. Как любой землевик, моя родительница относится бережно к любым дарам земли. Она даже просит прощение у цветов, когда срезает их. Правда, делает это крайне редко, мама любит смотреть из окна на сотворенную ее руками красоту. И тем она дороже моей матери, что всё возвращено без единой капли магии. Это плоды ее трудов.

Я захожу на огородик, смотрю на аккуратные кустики зелени. Мне жаль срезать их. Я слышу их голоса, вижу свет искры жизни и отчаянно жалею, что Созидающие имеют те же потребности, что и все остальные. Вздохнув, я присаживаюсь, провожу ладонью по кудрявым верхушкам пряной травы, вдыхаю ее запах...

Огненная вспышка раскалывает небо надвое. Я резко оборачиваюсь, не удерживаюсь и падаю вперед. Кусты с ягодами скрывают меня, и тот, кто появился на Зеленом холме, проходит мимо, так и не заметив меня. Зато я вижу знакомую темную одежду и длинную красную косу. Зажимаю рот ладонью, чтобы не вскрикнуть и перебираюсь на четвереньках ближе к дому.

Мама появляется с черного хода. Она озирается по сторонам, и я поднимаюсь на ноги.

— Прячься, — шипит мама. — Сейчас же!

Она тут же отворачивается и спешит прочь от дома. Следом появляется Вайторис.

— Элиа, — зовет он.

Мама прибавляет шаг, она уводит за собой огневика.

— Элиа!

Он останавливается, но я успеваю снова упасть за кусты.

— Ирис! — кричит мама. Осторожно раздвигаю ветви и вижу, как она машет рукой туда, где меня нет. — Беги, Ирис! Убегай!

Вайторис тут же срывается с места и бежит за мамой.

— Беги!!! — изо всех сил кричит мама, продолжая махать руками в ту сторону, где меня нет.

Мама уводит огневика всё дальше, и я, наконец, могу выбраться из кустов и убежать в

противоположную сторону, но... Не выдерживаю. Огибаю дом с другой стороны, выглядываю из-за угла и вижу, как в маму летит огненная плеть, обвивает ее горло и рывком откидывает назад.

— Не пуцу! — вскрикивает мама, стремительно поднимаясь на ноги. Она сбивает с себя огонь и скидывает руки. Волна чистой энергии земной стихии сметает Вайториса с ног.

Земля трясется, трава высыхает в мгновение ока, змеятся трещины. Они разрастаются, и огневик едва успевает перекатиться, чтобы не попасть в ловушку, из которой уже лезут корни деревьев, чтобы опутать его. Мама выплескивает всё, что было скоплено в ней. Несколько мгновений она еще стоит на ногах, покачивается, но держится. Даже с расстояния мне заметна ее бледность.

Вайторис поднимается на ноги. Корни деревьев, извивающиеся рядом, вспыхивают ярким пламенем. Огневик приближается к маме. Я вижу, как она вытаскивает из кармана передника нож и выставляет перед собой. Руки ее слабы, и нож выпадает из пальцев, а следом падает и мама. Вайторис склоняется над ней...

— Нет!

Огневик стремительно оборачивается. Я выхожу из-за угла. Под натиском ярости, охватившей меня, отступает страх перед убийцей. То, что я сейчас чувствую, не должно руководить Созидающем. Это уничтожает дар, но остановиться я уже не в силах. Призываю стихию, и она откликается, закружив вокруг меня ласковым зверем. У моих ног и вправду уже лежат два зверя. Они призрачны, всего лишь сгустки силы, но они послушны моей воле, и я спускаю их.

Две бесплотные сущности срываются с места. Они почти с меня ростом, не похожие обликом ни на одно существующее животное. Звери мчатся огромными скачками, и следом за ними начинается клубиться пыль. Земля вновь содрогается, трещины разрастаются. Мои посланцы перепрыгивают их, продолжая свой стремительный бег. Их пасти оскалены. В пыльном облаке особенно хорошо видны контуры их могучих тел. Навстречу им устремляются огненные змеи, перекрывая путь к огневику.

— У котенка прорезались зубки?! — весело кричит Вайторис.

Подвластные мне, пыльные облака сворачиваются в вихрь, налетают на «змей», сталкивают в ширящиеся трещины, и звери уже рядом с убийцей. Он смеется. Забавляется. Я для Вайториса такая же соринка, как миллионы других, кружащиеся вокруг. Он даже позволяет моим порождениям приблизиться, а затем вспыхивает пламя, и за моей спиной раздаётся:

— И все-таки еще котенок.

Я разворачиваюсь. Вайторис стоит за моей спиной. Он с интересом разглядывает меня, а у меня нет сил сдвинуться с места, я пришпилена к месту этим взглядом. Огневик поднимает руку, проводит кончиками пальцев по моему лицу, затем опускает ладонь к шее.

— Прости, так нужно, — тихо говорит он, и пальцы сжимают мое горло.

— Твое обоснование... — сипло выдавливаю я, цепляюсь за руку убийцы, пытаюсь отодрать ее от своего горла, но мне не тягаться с ним.

И когда сил на борьбу не остается, Вайториса отрывает меня невидимая сила, а затем яростная волна захлестывает огневика. Вода собирается вокруг него плотным коконом, заключая в свою прозрачную темницу. Я падаю на землю, со свистом втягивая воздух. Надо мной склоняется папа.

— Там мама, — сиплю я.

Отец срывается с места. Он спешит к маме, а я сижу на земле и смотрю, как красноволосый мужчина сражается с водной стихией. Он не может разорвать кокон, как не старается. Поворачиваю голову, и мой взгляд упирается в Региниса. Водник совсем не похож на себя обычного. Его лицо искажено бешенством, глаза сияют бликами света, грудь тяжело вздымается. Даже взгляд... Исподлобья, с примесью ненависти. Такой Регин меня пугает, но я сижу тихой мышкой, опасаясь отвлечь его, и пропускаю момент, когда Вайторис освобождается.

Водяной кокон исходит паром, огневик вскипятил его, и пар пропустил пленника. Но отдышаться он не успевает, Регинис снова атакует. Вайторис вспыхивает, но не успевает исчезнуть, водник блокирует ему отход. У меня не хватает ни сил, ни смелости смотреть на их драку. Я отворачиваюсь и вижу, как отец прижимает к себе маму. Она свисает с его рук безжизненной куклой. Осознание приходит сразу — мамы больше нет. Это как удар под дых. Воздух в одно мгновение покидает мои легкие. Слезы текут по щекам, и я даже не понимаю, что кричу, бесконечно повторяя:

— Мамочка!

Мой крик отвлекает Регина, она пропускает удар огневика. Оборачиваюсь, водник оплетен огненными жгутами. Регинис на глазах превращается в человека, состоящего из воды. Его тело исчезает в траве, но огненные силки вынуждают вновь проявиться.

— Регин, — с ужасом шепчу я, и мои звери, растаявшие, когда я почти умерла в руках огневика, вновь рядом.

Они набрасываются на Вайториса, валят с ног...

— Уходи, — папин голос подобен удару плети. Сухой, резкий.

Он выступает вперед, закрывая меня собой.

— Регин, уводи ее, — всё также сухо велит отец.

— Ты один не справишься, — водник уже на ногах.

— Уводи! — голос отца гремит громовым раскатом. — Я знаю, что делать. Драка ни к чему не приведет.

— Тер...

— Спаси мою дочь! И сына... Они всё, что у меня осталось.

— Не пойду, — я мотаю головой. — Никуда...

Договорить не успеваю. Регинис рывком поднимает меня с земли и привлекает к себе. Я пытаюсь вырваться, но водник прижимается к моим губам, и всё меняется, Зеленый холм исчезает. Там остаются только Вайторис и мой отец...

Кажется, я кричала. Сказать сложно, потому что очнулась от хлесткой пощечины. Задыхнувшись, я уставилась в сияющие бликами света глаза Скайрена Аквея. Я по-прежнему сидела на полу, он стоял на коленях напротив и держал меня за плечи. Заметив, что я очнулась, Скай прижал меня к себе, его ладонь накрыла мне затылок, но вскоре уже скользила по спине. Движения водника были нервными, дерганными. Он ничего не говорил, только гладил, и сердце его билось в груди так быстро, словно Аквей только что остановил долгий и стремительный бег.

— Бедная моя, — наконец произнес он, вновь зарываясь пальцами в волосы. — Бедная...

Голос водника подрагивал, похоже, он не просто просмотрел со мной воспоминания, он пережил и весь мой ужас. Я высвободилась из объятий и заглянула в глаза Ская. Мы

некоторое время смотрели друг на друга, и Аквей вновь привлек меня к себе.

— Больно? — спросил он.

— Да, — сипло ответила я.

— Прости...

За что он извинялся? За то ли, что не мог защитить от воспоминаний, или еще за что, я не уточняла. Винить Аквея мне точно было не за что. Только себя... За то, что я столько времени прожила с убийцей бок о бок. Была влюблена в него, делила ложе, боготворила и послушно исполняла все его желания. «Мой Господин»... Бесконечный Хаос! Он же был для меня центром Мироздания! Я же умерла бы, если бы он сказал мне — умри! Мой воздух, мой поток воды, мой теплый отсвет огня — Вайторис был для меня всем этим! А что же оказалось истинной? Все догадки и подозрения о том, что случилось в мои далекие семнадцать лет, наконец, обрели плоть. Он и вправду уничтожил всех, кто мне был дорог...

Моя мама. Она ведь знала, чем обернется для нее использование силы. Знала, что не протянет долго без помощи, но сделала всё, чтобы отвлечь от меня Вайтора. Моя милая добрая мама... Перед глазами вновь встала тарелка с пряничными человечками. Я так ясно слышала ее смешок, и на мгновение показалось, что это ее пальцы ворошат мне волосы. Мама... Она отдала за меня свою жизнь, не задумавшись ни на один миг.

Папа. Что случилось после того, как Регинис увел меня? Он сказал, что сражение не имеет смысла. Означает ли это, что, потеряв без мамы опору, отец сдался? Или же он попытался сделать что-то такое, что должно было остановить предателя? Почему отказался от помощи друга? Вдвоем они были бы сильнее... Или же опасался подлости Вайториса? Возможно, папа понимал, что огневик может снова нанести удар по мне, зная, что против двух Созидающих, не уступавших ему ни в силе, ни в опыте, он бессилён. Скорей всего, отец защищал так единственное, что у него осталось — своих детей. «Спаси мою дочь и сына». Папа... Его глаза, его голос — я помню их так ясно, словно еще вчера смотрела на родное лицо... теперь помню. Моя крепость, моя защита и опора. Отец был для меня целым миром, и что осталось? Даже воспоминания о нем стерты.

Орканис. Моя первая любовь и первое разочарование. Ветренный возлюбленный, которому не было места в моей жизни. Он ворвался в нее по наущению огневика, боролся и проиграл. Оркан верил в то, что и он еще может быть счастлив и не одинок в чужом ему мире. Он хотел иметь то, что уже принадлежало другому, едва не разрушив жизнь своего друга, но не смог удержать в руках. Не смерился, и это чуть не стоило жизни мне. И все-таки и за всем этим стоит Вайторис. Этот паук не пожалел своего друга, который верил ему, не ожидая подвоха. Мой милый Ветер, ты был ласков со мной, заботился, как мог и готов был уничтожить всё, что было дорого во имя своей любви, у которой не было будущего. Я прощаю тебя за всё, и ты прости меня за то, что моя душа от рождения принадлежала другому.

Регинис... Я так плохо помню тебя. От тех чувств, что проснулись слишком поздно, не осталось и следа. Я всецело принадлежу другому мужчине, но в нем твоя кровь, я ведь не ошибаюсь? Судьба была щедра к тебе, и даже в чужом мире подарила избранницу. Ты мог быть счастлив, мы могли быть счастливы, но у нас отняли нашу жизнь. Нам не позволили быть вместе, и все-таки мы слились с тобой — твоя и моя кровь. Я не познала всей силы твоей любви, но клянусь, что в моей душе для тебя навсегда останется потаенный уголок, где будет жить твой образ. И пусть мое сердце отныне бьется для другого мужчины, но я не забуду, что ты был в моей жизни. Добрая нянька, преданный поклонник, нежный жених, так

и не ставший мужем. Я пока не помню, что случилось с нами после того страшного дня, но уже плачу, понимая, что и тебя настиг проклятый предатель.

— Ирис!

Слезы, застывшие в глазах, наконец, прорвались наружу, и теперь катились по щекам в безудержном рыдании. Меня трясло от горя, от ненависти и от омерзения. Словно проклятье, перед глазами вновь и вновь вставали картины моего наслаждения в объятиях Вайториса. Никогда я не чувствовала себя столь грязной. Хотелось содрать с себя кожу, лишь бы очиститься от отвратительных воспоминаний Его рук на своем теле. Бесконечный Хаос! Я сидела у ног твари, отнявшей у меня всех, кого я любила, и возносила ему хвалу!

— Не трогай меня! — я вырвалась из рук Ская, плохо соображая, что делаю.

— Ирис...

— Игнис, зови меня Игнис, — сдавленно прохрипела я, пятась к стене. — Я утратила право носить имя, данное мне от рождения. Я мерзкая тварь, такая же, как тот, кому я служила. Иди, Скайрен Аквей, уходи! Я не заслуживаю тебя! Верни Эйволин, она больше подходит тебе, а я...

Мой вскрик оборвался на высокой визгливой ноте, когда на голову из ниоткуда хлынула ледяная вода. Я ошалело уставилась на Ская. Он уже поднялся на ноги и мерил меня тяжелым взглядом. И пока я задыхалась, приходя в себя, водник неспешно приблизился.

— Теперь ты чистая, — произнес он ледяным тоном. — Я могу остаться?

— Скай, — начала я и оборвала саму себя, в бессилие опуская голову.

Аквей сдавил мои щеки пальцами, не причинив боли, задрал голову кверху и велел:

— Смотри на меня, Ирис. Смотри мне в глаза и посмей повторить то, что уже сказала.

— Я предала...

— Кого?

— Их...

— Сама? По доброй воле? Памятуя обо всем, что рыжий сотворил с тобой и с ними? Отвечай.

— Я не помнила, — прошептала я.

— Так в чем же твое предательство? Быть может в том, что умирала, чтобы возродиться чистым листом, и Вайторис писал на тебе всё, что считал нужным? А может в том, что, вспомнив, желал смерти убийце? А может в том, что вновь умерщвлял тебя? Ну, же Ирис, не молчи. Я желаю слышать, ради чего я должен вырвать из своей груди сердце. Объясни мне, любовь моя. Отвечай!

У меня не было ответа. Я мотнула головой, но от захвата освободиться не удалось. Пронзительный взгляд водника продолжал сверлить меня. Он не пытался быть нежным и достучаться до меня уговорами. Хлестал вопросами и ждал ответов. А их не было. Мой разум говорил: «Скай прав». Душа продолжала стелать от боли.

— Ну же, Ирис, — уже тише произнес Аквей. — Ответь мне.

— Не могу, — выдохнула я.

Лицо водника исказилось, и он произнес хрипло:

— Тогда заberi мою жизнь, потому что исполнить то, что требуешь от меня, я не в силах.

— Ох, Скай, — всхлипнула я и, обвинив его шею руками, прижалась к сильному телу водника. — Мне так тяжело, так гадко...

— Я знаю, — совсем тихо ответил он, обнимая меня. — Твоя боль — моя боль. И не

смея даже в запале кидаться словами, которые я никогда не услышу.

— Прости, — прошептала я. — Это слабость...

— Будь слабой, — Скай взял мое лицо в ладони и вновь заставил смотреть на себя. — Я твоя сила и крепкое плечо. Твоя память — твой стержень. Она возвращается к тебе, чтобы ты знала правду, чтобы вспомнила, кто настоящий виновник. Будь слабой, но не хрупкой. Оплачь и будь готова к драке. За них, за себя, за всех нас, за этот мир, Ирис. Он принадлежит тебе, а не предателю и убийце. Вайторис не должен больше погубить ни единой жизни. Довольно он пировал на костях. Пролей свои слезы, освободись от боли, а я подставлю плечо, когда пошатнешься.

— Ты мой стержень, — вымучено улыбнулась я.

— Древняя неженка, — хмыкнул Аквей.

— Мерзавец, — я снова улыбнулась и стерла слезы.

— И весь твой.

— Мой, — эхом повторила я и потянулась к его губам.

Скай ответил на поцелуй, после отстранился, заглянул в глаза и поднял на руки.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал он, укладывая меня на постель. — Я буду с тобой.

Аквей лег рядом, я устроилась на его плече и закрыла глаза. Лежала и прислушивалась к мерным ударам сердца водника. Его ритм был успокаивающим, а может всё дело в том, что Скай окутал меня волной нежной заботы, и это уняло огонь, бушевавший в душе. Нужно было обдумать всё, что вспомнилось на свежую голову, потом...

— Я люблю тебя, — услышала я шепот Скай. Крепче обняла его и, наконец, провалилась в беспокойный, но все-таки сон.

Когда я проснулась, Аквей уже не было рядом. За окном уже давно рассвело, и солнечные лучи залили опочивальню сиянием нового дня. Открыв глаза, я встретила взгляд голубых змеиных глаз. Венн уместил голову с края постели и смотрел на меня, не мигая.

— Доброе утро, мальчик, — хриплым со сна голосом произнесла я.

Змей заворчал, подбираясь ближе. Он почти уткнулся носом мне в подбородок, лизнул и затих. Я улыбнулась ему, подняла руку, желая погладить, и тут же под боком кто-то закопошился. Это оказалась Искра. Она выбралась из-под мягких складок покрывала, которым я была укрыта, и уселась рядом с Венном.

— И тебе доброе утро, — сказала я крысе.

— И тебе доброе утро, ягодка, — последовал ответ.

Я подняла взгляд и встретила с глазами-озерами. Скай приблизился к ложу, присел на его край, не потревожив наших питомцев, и сплел свои пальцы с моими:

— Прости, мне пришлось ненадолго уйти, — сказал он, поглаживая мое запястье. — Как ты?

На миг прикрыла глаза, прячась от пристального взгляда.

— Я выгляжу чудовищно, да? — спросила я, думая о том, что после ночных слез мое лицо опухшее, глаза, наверное, красные...

— Красивей женщины я не видел, — ответил Скай, и я вновь посмотрела на него.

Аквей был серьезен, и лишь уголки губ едва заметно приподнялись, наметив легкую улыбку.

— Врун, — проворчала я и уткнулась лицом в подушку, снова спрятавшись, теперь уже по-настоящему.

— Лежебока, — парировал водник.

Он ухватил меня за плечи, вынудив развернуться, затем усадил и укоризненно покачал головой, как только я вновь попыталась сбежать в уютные объятия подушки и покрывала. Мне не хотелось никуда выходить, не хотелось вновь кому-то что-то доказывать. И всё, что мне было нужно — это побыть наедине с собой. Но Аквей остался глух к моим желаниям. Он окончательно вытащил меня из постели, поднял на руки и направился в сторону умывальни.

— Я без тебя не справлюсь, — негромко сказал он.

— Они будут слушать тебя лучше, если меня не будет рядом, — попыталась я возразить, но Скай отрицательно покачал головой и произнес

— Ты нужна мне.

И я не смогла не ответить:

— Я с тобой.

— Это лучшие слова на свете, — улыбнулся водник.

Продираясь сквозь внутреннюю опустошенность, я заставила себя умыться, одеться, собрать волосы. Убрала с лица следы ночных рыданий. После обернулась к Скаю, ожидавшему меня, сидя в кресле, и кивнула, показывая, что готова.

— Созидающему нельзя зацикливаться на своей боли, иначе она выжжет его изнутри, — Аквей повторил слова моего отца, услышанные через подслушанные воспоминания. — Действие — враг уныния. Скоро тебе станет легче.

— Да, — кивнула я, соглашаясь. — Ты, как всегда прав, жизнь моя.

— Рад, что истину ты ухватила сразу, — хмыкнул водник, ненадолго прижался к моим губам и, отстранившись, велел: — Нос кверху, творец. Мир ждет великих деяний, и мы дадим ему их.

— Напыщенный индюк, — помимо воли улыбнулась я.

— Живоглот по-прежнему твой, грубиянка, — надменно возвестил Скай. — Но потом.

Он подтолкнул меня к дверям, и вскоре мы уже шли по переходам замка, спеша навстречу с магами. С теми, кто решил поверить нам и остался. Что-то изменилось. Пока мы направлялись в трапезную, где собрались гости замка, я начала замечать перемены. Древние стены мне вдруг показались холодными и безжизненными. Я нахмурилась, озираясь вокруг себя в попытке отыскать, что меня смущает, а затем поняла — свет живых искр исчез. Еще вчера он лился отовсюду, сегодня ненавязчивый след присутствия людей в старом жилище потух. Сразу стала заметна мрачная тишина и отчужденность. Сам воздух, казалось, пропитался унынием и одиночеством.

— Они ушли, — отстраненно пояснил Скай, заметив мою тревогу. — Челядь, знать, кое-кто из воинов. Поэтому я был вынужден уйти. Я не стал удерживать. Кто верен, тот остался. Кто не верит своему господину, не нужны мне.

— Они верят тебе, — невесело улыбнулась я. — Но не верят мне.

— Большая часть из них о тебе знала только из страшных сказок, в которых больше вымысла, чем правды. Ты не причиняла им зла, но люди предпочли не слушать разум, им привычней застарелые страхи. Пусть идут с миром.

— Тебя расстроил их уход.

— Меня расстроило то, что я столько лет доверял трусам и предателям, — неожиданно зло ответил Аквей. — Если челядь я могу простить, то леоров нет. Они бросили главу своего клана в тот момент, когда он больше всего нуждался в их преданности. Пускай катятся к

Тьме. И это даже хорошо, что они сбежали сейчас, а не с поля брани. За спиной мне такие не нужны.

— Отвага и честь, мой мальчик, давно стали лишь красивыми словами.

Скай и я, остановившись при первых звуках голоса лейды Тей, дружно развернулись ей навстречу. Я полуприсела, приветствуя пожилую женщину, Аквей тепло улыбнулся.

— Ты давно подслушиваешь, родная? — спросил он.

— Вы не так много сказали, чтобы назвать это столь громким словом, — отмахнулась провидица.

Водник подставил тетушке локоть. Она оперлась на его руку, второй взяла под руку меня, немало удивив, и велела:

— Шевелите ногами, дети, иначе и эти тараканы разбегутся. Мерзавец Мендак всё еще в замке и продолжает плести свою паутину.

Ее «дети» умилило и позабавило меня. Как ни крути, но старше меня в этом замке никого не было. Возможно, и сам замок уступал в возрасте, но не буду врать, слова Тейды упали на мою душу целебными каплями. Однако улыбку я спрятала и прислушалась к беседе, которую вели тетя с племянником.

— Я не ждал, что он уберется. Это было бы слишком благородно для такой мерзостной гниды, — ответил провидице Скай. — Его еще кто-то слушает? Мне казалось, все вислоухие уже насытились лживым ядом и убралась подальше от моего замка.

— Те, кто принял решение еще вчера, вряд ли услышат его бляение, а вот сомневающиеся прислушаться могут, — сказала женщина.

— Вот так и узнаешь, кто на самом деле друг, а кто всего лишь собутыльник и пустослов, — усмехнулся водник. — Что Эйви?

Я вскинула на Скаю удивленный взор. Нет, это была не ревность, но, узнав о том, что люди предпочли покинуть своего господина, я думала, что Эйволин тоже ушла. У нее для этого было оснований больше, чем у остальных, но водница осталась. Это меня изумило. Аквей поймал мой взгляд и едва заметно улыбнулся. Его тетушка передернула плечами.

— Тьма поймет эту девчонку, — сказала она. — Я навещала ее перед тем, как пойти спать. И сегодня тоже зашла. Вечером постаралась побыстрее избавиться от меня. Утром я застала ее перед зеркалом в ночной сорочке. Она вздрогнула, заметив меня в отражении. Взгляд был испуганный. Побледнела, запинаясь, сослалась на недомогание и снова попросила оставить ее одну. Так ведут себя, когда есть что скрывать. Полагаю, в покоях Эйви была не одна.

— Не одна и в сорочке? — усмехнулся водник. — К тому же испугалась. Лейду Аллиерт было кому утешить. Что еще так сближает, как не обида? Думаю, там был Мунн. Его я, кстати, не видел ни среди ушедших, ни среди оставшихся. Да, скорей всего.

И вновь я вскинула глаза на Скаю. Да, теперь это была, если и не ревность, то опасение увидеть, что его заделали известия. Однако Аквей умел хранить эмоции под маской, и его лицо осталось невозмутимым. Я тут же прислушалась к тому, что он чувствует, но и в эмоциях не нашла горечи.

— Ирис. — водник укоризненно посмотрел на меня.

Я поджала губы и отвернулась, делая вид, что не понимаю, о чем он. Мы уже спустились по лестнице, когда я все-таки решила спросить:

— Почему она осталась?

— Еще не осталась, — ответила тетя Тей. — Утро Эйви прошло в томных объятьях, не

скажу, что она выглядела раздавленной или несчастной. Не сияла, конечно, но и горести в глазах я не увидела. Однако же, мой мальчик, тебе стоит избавиться от этого соседства. Еще не хватало, чтобы отвергнутую невесту возвели на пьедестал мученицы. Предана ради исчадия Тьмы, вынуждена жить под одной крышей...

— Но если я выставлю ее из замка, итог будет тот же, — задумчиво ответил Аквей. — А вот... — Он вдруг остановился и бережно снял со своего локтя руку тетушки. — Ты давно заходила к Эйви?

— Да нет, — провидица пожала плечами. — После нее догнала вас.

— Отлично. Скоро присоединюсь к вам.

Одно мгновение, и Скай исчез, сверкнув бликом на воде.

— Ого, — одновременно произнесли мы с Тейдой. После переглянулись, и провидица похлопала меня по руке: — Идем, Ирис. Гости не должны долго ждать. — Я невольно передернула плечами, оказаться без поддержки Ская перед леорами и лейдами мне как-то не хотелось. — А ты трусиха, — с улыбкой отметила лейда Тей. — Вот уж от кого не ожидала.

— Скорей, имею оправданные опасения, — поправила я.

— Старше тебя только Время, сильнее лишь Хаос, — заметила женщина.

— Но родилась я снова всего семнадцать дней назад, — кривовато усмехнулась я. — Однако вы правы, лейда Тей, у нас слишком мало времени, чтобы тратить его на опасения. Идемте.

Мы дошли до уже знакомой мне малой трапезной залы. Перед дверями стояли два стража и прислужник, все-таки замок покинула не вся челядь. Воины склонили головы при нашем приближении, слуга открыл резную створу, согнувшись в пояском поклоне. Я не обманывалась, все эти почести предназначались лейде Тей, но унывать по этому поводу я не собиралась. Если сравнить с тем, что пережила этой ночью, людское недоверие было сущей мелочью. Изменить прошлого я не в силах, так лучше уж приложу усилия ради будущего. Довольно прятать глаза, долой неуверенность, пора вернуть себе уверенность. А человеческое прощение... Возможно, когда-нибудь я получу его.

С этими мыслями я шагнула в пиршественную залу. Тетя Тей, несмотря на возраст, шла рядом, величественно расправив плечи. Я скосила на нее глаза и улыбнулась, любясь пожилой женщиной. Она приподняла бровь, явно заметив мое внимание, и я отвернулась, натягивая на лицо отстраненно-вежливое выражение. Тейда незаметно ущипнула меня, ее намек я поняла.

— Доброго дня, благородные леоры и лейды, — произнесла я.

— Доброго дня, — машинально ответил нестройный хор нескольких голосов. На лицах магов застыла растерянность.

Понимаю. Благодаря понуканию провидицы, я сейчас выступила на правах первой женщины этого дома. Не соратник, не друг, не гость — жена. Даже невеста не смогла бы первой приветствовать гостей, это должна была сделать лейда Тей. Так что недоумение магов было оправдано. Вчера им открыли, что женщиной из пророчества оказалась Игнис Сиел, а сегодня она уже выступает на правах хозяйки замка. Не было объявленной помолвки, никто не называл меня невестой. Еще вчера утром ею была другая. События развиваются слишком стремительно для людей. И всё же... Прочь маски. Я — Ирис Аквей, и этого не изменить.

Провидица одобрительно похлопала меня по руке. Я пожала ее пальцы и направилась к столу, провожая тетушку до ее места. Угадать, где оно, было несложно. Во главе стола

стояло три свободных деревянных кресла с высокой спинкой. По центру должен был сидеть хозяин замка. Тей села по левую руку от него. Почтительно склонив перед ней голову, как только женщина заняла свое место и расправила складки платья на коленях, я направилась к креслу, стоявшему справа. Однако сесть так и не успела. Неожиданно скрипнуло отодвинутое кресло, и послышались шаги. Они отдавались гулким эхом под высокими каменными сводами.

Я повернула голову и с некоторым удивлением воззрилась на уже хорошо знакомого мне леора. Войтер приблизился ко мне, приложил ладонь к груди и склонился, обозначая уважение. Он взялся за спинку кресла, отодвигая его. Я кивнула, благодаря за помощь, и заняла свое место.

— Рад служить моей госпоже, — негромко произнес водник.

— Благодарю, — рассеянно ответила я, не глядя на молодого леора.

— Позвольте выразить вам... — начал он, но лейда Тей перебила:

— Мой мальчик, вели-ка принести мое снадобье. Что-то мои старые кости сегодня слишком беспокойны.

— Разумеется, лейда Тей, — Войтер склонил голову и направился к выходу из залы.

Мы с провидицей переглянулись, она весело подмигнула и переключила внимание на гостей.

— Хорошо ли вам почивалось? — спросила женщина, отдавая очередную дань вежливости.

— Ночь была непростой, — отозвался леор Гаст. — Было много раздумий, и сну почти не осталось места, но в гостеприимстве леору Аквей не откажешь. Покои уютны, постели мягки, даже отсутствие огня не причинило неудобств.

— Полностью согласна с вами, леор Гаст, — кивнула лейда Личфиелд. — Леор Аквей хорошо позаботился о нашем удобстве.

Постепенно трапезная заполнилась негромкими человеческими голосами. Я молчала, не спеша привлечь внимание к себе внимание. Управляла беседой лейда Тей, вовлекая в нее молчавших магов. Она поглядывала на меня время от времени, но я отрицательно качала головой, показывая, что пока мне не стоит вступать в разговор, и провидица возвращала свое внимание гостям. О деле не говорили, ожидая появления хозяина замка.

— Но где же Скай? — первой не выдержала лейда Личфиелд. — Лейда Ирис, — я едва не вздрогнула от неожиданности, но нашла взглядом женщину и ответила:

— Слушаю вас, лейда Личфиелд.

— Куда запропастился леор Аквей? Время идет, а мы проводим его в пустой болтовне.

— Он скоро присоединится к нам, — сказала я с вежливой улыбкой. — Леор Аквей был вынужден отвлечься на неожиданное, но срочное дело.

— Любопытно узнать на какое, — послышалось с другого конца стола. Я даже наклонила голову, до того оказалась изумлена присутствием Мендака. Вот уж кого не ожидала увидеть. — Аквей никогда не был образцом...

— Вы сидите за его столом, леор Мендак, — прервала я. — Стоило бы проявить уважение хотя бы к правилам благородного воспитания.

— И мне это говорит... — вспыхнул вдруг побагровевший водник, но я вновь прервала:

— Да, леор Мендак, даже я вам это говорю, — насмешливо произнесла я, сделав ударение на слове «даже».

— Не могу не заметить справедливость замечания лейды Ирис, — сказала лейда Тей.

— С языка сняли, дорогая Тейда, — подхватил леор Гаст. — Кое-кому, раз уж он, несмотря на свои убеждения, решил остаться с нами, стоило бы взять себя в руки и усмирить гонор. Иначе не вижу повода для его присутствия.

— Как вы верно заметили, леор Гаст, — лейда Личфиелд сделала небольшой глоток из стаканчика с водой.

— Кстати, Мендак, с чего ты вдруг решил остаться? — в сторону водника обернулся леор Дайм.

— Уж не желаете ли вы выпроводить меня? — возмущенно спросил Мендак.

— Я не хозяин этого замка, чтобы выпроваживать чужих гостей, — Дайм откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки. — Однако если Аквей решит это сделать, я не осужу.

— Я тоже, — произнес молчавший до этого огневик Фэйр. — Бесконечно удивлен тому, что ты остался.

— Но ты тоже остался, хоть и был на стороне тех, кто покинул замок, — Мендак направил на огневика палец.

— Мои земли уже пострадали, и я не желаю быть глупцом, который отвергает очевидное. Как бы я не относился к тому, что нашим союзником является правая рука Темного, но на мне ответственность за людей, живущих на землях клана. А вот ты зачем здесь? Если намерен и дальше сеять смуту, то лучше уберись прямо сейчас. Мне хочется слушать о деле, чтобы окончательно составить мнение, а не участвовать в вашей вечной грызне с Аквеем.

— То есть мне в разуме отказано? — ворчливо, но уже без прежнего гонора спросил Мендак. — У меня, как и у всех вас была ночь, чтобы обдумать произошедшее на Совете. Не скажу, что уверовал, но зерно сомнений в мою душу упало. И я, как и все вы, хочу выслушать то, что нам сегодня собирается сказать Аквей. В любом случае, если его доводы покажутся мне не убедительными, я всегда могу развернуться и покинуть вас. А пока, — он развел руки в стороны и склонился, скривив губы в язвительной ухмылочке, — терпите.

Я порылась в памяти, вспоминая, что гласят страницы «Свода» об изгнании нежеланных членов Совета. От скуки я читала всё, что попадалось под руку. Попадался мне и «Свод», его я случайно увидела в замковой библиотеке Вайториса. Кто и зачем притащил несколько пухлых томов прописных истин для знати, для меня осталось тайной, да и не было интереса выяснять это, но прочитав я всё прочитала. Так вот статьи «Свода» о собраниях и Советах гласили: «Изгнанному быть с Совета с позором и хулением лишь тому, кто не чтит законов и уважения должного не проявляет, ни к главе Совета, ни к его дому, ни к иным благородным мужам. Тому же, кто слово скажет, что в сердце таит, и оно не по нраву придется главе, изгнанием не грозить, ибо в Совете каждый свое слово сказать может, на то и Совет». Так что поводов к изгнанию Мендака у Ская не было, если, конечно, он не желал, чтобы в последствие его обвинили в том, что он избавился от склочного леора лишь из-за личных разногласий и не желания слышать его мнение. И как это было ни прискорбно осознавать, но оппозиция имела полное право на существование. К счастью, высказывания других магов показали, что на новые споры они не настроены.

— Однако же Скай всё больше задерживается, — заметил один из гостей. — Не случилось ли дурного?

Я прислушалась к себе, но тревоги не было. Мой водник был сейчас доволен и спокоен. Похоже, то, что он задумал, вышло без особого труда. До зубовного скрежета захотелось

подглядеть за ним, но, во-первых, я обещала этого больше не делать, а во-вторых, не хотелось обнадеживать некоторых своим кратковременным умерщвлением. Поэтому мне оставалось изнывать от неизвестности и любопытства, как и всем остальным. И когда в трапезную вернулся Войтер, я порывисто развернулась в его сторону и улыбнулась, но уже через мгновение накал радости потух, и я, досадливо поджав губы, отвернулась от просиявшего в ответ леора.

— Не послать ли за леором Аквеем в самом деле? — немного нервно спросил Фэйр.

— Быть может, наш гостеприимный хозяин улаживает дела с невестой, — хмыкнул Мендак. — У него ведь тоже была ночь на размышления...

— Ты себе не изменяешь, Айгет. Если уж льешь помои, то не задумываясь, — прозвучал насмешливый голос Ская, появившегося из водяной арки за моей спиной. — Приношу нижайшие извинения за задержку, благородные леоры и лейды, дело не терпело отлагательств. Но теперь все вопросы улажены, и я с вами.

Аквей занял свое место во главе стола, накрыл мои пальцы ладонью и спросил:

— Всё хорошо, любовь моя?

— Не волнуйся, мой мальчик, — лейда Тей опередила меня с ответом, — твою жену никто не обидел ни словом, ни взглядом, ни делом.

— Жену? — несколько голосов, прозвучавших вразнобой, были наполнены изумлением.

— Ах, оставьте, — отмахнулась лейда Личфиелд. — Это было ясно еще вчера. Коли уж Игнис Сиел оказалась женщиной из пророчества, то достаточно вспомнить, о чем там велась речь, чтобы понять — эти двое предопределены друг другу. И называет ли Скай лейду Ирис женой по собственному разумению, или же по свершившемуся обряду бракосочетания — это уже дело десятое.

— Да и приветствие, как и местоположение лейды указывают на то, кем она приходится хозяину замка, — вмешался один из оставшихся землевиков. — Так что изумление сейчас выглядит, по крайней мере, лицемерием.

— Любовницу он также мог посадить...

— Мендак, дай мне повод, — равнодушно прервал гадкого водника Скай, — и я им воспользуюсь, будь уверен. Оскорбление чести моей супруги приравнивается к оскорблению меня и моего дома. Ты знаешь, я буду только рад избавиться от тебя. Продолжишь в том же духе, и я не только выпровожу тебя из замка, но и брошу вызов. Поверь, даже для моей новой сути не будет запрета на убийства, обоснование у меня прочнее самого твердого камня. А теперь, если леор Мендак, наконец, выплеснул весь свой яд, я предлагаю перейти к дружественной беседе, не ограниченной правилами и положениями «Свода».

— Самое время, — кивнул леор Гаст.

Однако еще какое-то, пока гости утоляли голод, беседа велась ни о чем. На меня поглядывали. В основном, с любопытством. Кажется, маги начали привыкать к мысли, что отныне я с ними. И даже если кто-то продолжал сомневаться в моей искренности, виду он не показывал. Я даже расслабилась и рассеянно слушала голоса, мягко струившиеся по трапезной зале, потому вопрос леора Гаста застал меня врасплох.

— Однако же хотелось бы подробней узнать о Гранях, — сказал он. — Лейда Ирис, чем они опасны для нас, кроме возникновения Отражений.

Я моргнула, осознавая, что вопрос обращен ко мне. После откашлялась и посмотрела на пожилого мужчину.

— Иной опасности нет, если не считать того, что они питают Вайториса. Энергия, скопленная Отражениями, поддерживает его жизнь и силу.

— То есть без Граней...

— Он будет смертен, слаб и уязвим, — подтвердила я. — Могущество и бессмертие Вайториса заключено в Гранях.

— Но Грани уничтожить...

— К сожалению, — подтвердила я. — Грани исчезнут только с Истинной Реальностью. Творцы пытались исправить свою ошибку, но у них это не вышло. Я не обладаю их знаниями в полной мере, по крайней мере, пока. Моя память восстанавливается постепенно.

В трапезной ненадолго воцарилась тишина. Фэйр барабанил пальцами по столу, Войтер переводил взгляд с меня на Ская и обратно. Провидица с невозмутимым видом заканчивала свой завтрак. Дайм нервно передернул плечами.

— М-да, — произнесла лейда Личфиелд. — И как же вы собираетесь победить Темного? Это будет очередная бессмысленная битва.

— Вы не правы, Камилл, — мягко улыбнулся Скай. — Как раз сейчас мы близки к избавлению, как никогда. Да, мы не можем уничтожить Грани, не уничтожив весь мир, но мы можем лишить рыжего доступа к его кормушке. Это может сделать Ирис, могу я, но... не представляю как. Кристалл Реальностей находится внутри Черного Замка, и нужно отвлечь внимание огневика, чтобы мы смогли подобраться к Граням. Когда приток энергии исчезнет, вытащить занозу из нашего общего зада, простите, будет намного проще.

— То есть мы пойдем на корм тварям Темного? — подал голос Мендак.

— Айгет, закрой рот, — скривился Фэйр. — Ты меня изрядно утомил за эту ночь своими речами.

— Я имею право...

— Итак, леор Аквей, — перебил водника леор Гаст, — наша задача отвлечь на себя рать Вайториса, пока вы с супругой проберетесь в замок и лишите Темного его могущества. Однако выстоим ли мы долго против браннеров и прочей нечисти?

— Об этом мы с Ирис позаботимся, — ответил Скай. — Не забывайте, теперь против Темного не простая магия. У нас, наконец, появились знания. Мы знаем природу силы лже-Вечного, знаем, что он обычный смертный, продлевающий свою жизнь за счет энергии Отражений. Вайторис лишился мифического ореола темного бога. К тому же мы не только знаем, но и можем уничтожить его.

— Звучит убедительно, — заговорил молчавший до этого землевик с высокими залысынами. — Но... Еще гложут сомнения. Темный все-таки уже привычное зло, а что ожидает нас, если его не станет...

— А я вам расскажу, — Аквей ударил ладонями по поверхности стола. — Продолжат умирать люди. По одному, семьями, селениями, городами. Рыжий убирает тех, кто несет прогресс, так он удерживает мир от развития и, как следствие, от образования новых Отражений.

— Чушь... — фыркнул Мендак, и мне захотелось ударить его по голове тяжелым позолоченным блюдом.

Аквей сделал вид, что не услышал. Он продолжал:

— Знаете ли вы, что на вас надета та же одежда, что и на ваших предках девятьсот лет назад? Это не выдумки и не рассказы Ирис, я сам видел, как был одет Тетраис.

— Он поднял руку, предвеляя вопросы, и дал короткое пояснение: — Возможности

Созидающего. Так вот, единственная разница между нами в причёске. Девятьсот лет назад мужчины носили длинные косы. Вы понимаете, что это значит? Вайторис не позволил изменить даже одежду! Мы застряли в одном временном периоде, и даже сложно представить, как далеко бы мог уйти наш мир за тысячелетие навязанного ему сна. Итак, если Темный останется у своей кормушки, мы получаем: первое — истребление передовых умов, второе — продолжение застоя, третье — лишаемся магии. Да, благородные леоры и лейды. На Совете уже было отмечено это. Наша магия — это преобразованная стихийная энергия. Ее приток идет благодаря Отражениям. Лейда Винд вчера справедливо заметила, что наши предки были могущественней нас, и Ирис дала пояснение, в чем причина того, что сила покидает наш мир. Мы попросту расходуем те крохи, что нам еще остались, но со временем исчезнут и они. Чтобы была магия, нужны откаты, откаты невозможны без Отражений. Отражения не появятся без судьбоносных событий, а им мешает свершиться рыжий. В какую сторону не уйди, но мы вновь и вновь возвращаемся к нему. Он лишает нас свободы выбора, лишает наших сил, которыми когда сам же и одарил вместе со своими друзьями, но ничего не дает взамен. Он — пиявка, которая присосалась к телу нашего мира и жиреет день ото дня.

— Вайторис всегда хотел быть богом, — кривовато усмехнулась я. — Он хотел вызвать большой всплеск Отражений и погрузить мир в сон. Отец и остальные Созидающие были против... И Вайторис избавился от них. Предал, использовал и...

Я поднялась с места и отошла к высокому узкому окну, чтобы спрятать свои чувства.

— Да, именно так, — Скай откашлялся и продолжил. — Он избавился от остальных Созидающих, но утерял свою суть творца. Ирис необходима ему, чтобы она выполняла работу, которую сам сделать не в силах... Но сейчас не об этом. Вернемся к тому, для чего я вас собрал. — Я уже справилась с эмоциями и развернулась лицом к магам. Они все смотрели на Аквея. — Наша главная цель — Грани. Добравшись до них, мы лишим силы Вайториса. Это наша первая задача. Иначе он вновь завладеет Ирис, потому что так или иначе она будет вынуждена вернуться к нему, чтобы распределить откат. Если кто-то сейчас думает, что стоит просто вернуть мою жену рыжему, и тогда мы будем спасены, я хочу напомнить, что этим вы сами дадите ему возможность продолжать творить кровавое беззаконие. Возможно, ваши дети или внуки станут его следующей целью. Вы готовы на то, что однажды за их жизнью придет Игнис Сиел? А она придет, потому что Темный вновь лишит ее памяти, задавит сущность и принудит исполнять грязную работу вместо себя. Я предлагаю избавиться от него раз и навсегда. После этого, когда откат дойдет до нас в полную силу, он будет рассеян, не причинив никому вреда. Появится приток свежей магии, и люди, наконец, вздохнут спокойно. Теперь вы знаете всё. Нужно время для размышлений?

— Я могу дать ответ сейчас, — Фэйр откинулся на спинку стула. — Мой клан с вами.

— Мой тоже, — чуть помедлив, произнесла Камилл Личфилд. — Я знаю, что это против правил, но я позволила себе использовать камень правды, — она достала из-под одежды кулон — белая жемчужина в серебряной оправе. — Камень чист, Скай не лгал.

— Да он просто хочет защитить свою женщину...

— Вполне понятное желание, — отозвался Войтер. — Особенно, если от жизни этой женщины зависят и наши жизни. Я с моим господином.

— Или идешь за юбкой его жены? — прищурился Мендак.

— Довольно, Айгет! — от громового раската голоса немолодой провидицы вздрогнули,

кажется, даже стены. — Ты глупый и мстительный щенок! Когда на чаше весов жизнь всего мира, ты думаешь лишь о том, как бы насолить моему племяннику! Думаешь, твоя игра столь тонка, что ее подлой сути не видно? Не смог отвернуть от Ская всех магов, так будешь сталкивать лбами? Так вот знай, ты сам себя приведешь на край могилы. Ты уже близок к нему! Если не образумишься, сдохнешь. Как пес сдохнешь, вот тебе мое предсказание, Айгет!

— Леор Мендак, — Аквей заговорил ровно и сухо, — ваши слова не идут от сердца и не могут быть приняты за мнение. Ваше присутствие на Совете не несет пользы для общего дела, потому предлагаю вам покинуть мой замок. Лучше прямо сейчас. Думаю, благородные леоры и лейды одобряют мое решение.

Мендак медленно поднялся из-за стола. На щеках его появились красные пятна, желваки ходили на скулах, показывая, что водник уязвлен произошедшим, однако он быстро взял себя в руки и нагло заявил:

— Я не могу покинуть замок, пока здесь находится лейда Аллиерт. Я поклялся защищать ее честь и интересы. Пока она остается здесь, я останусь при ней, как ее охранник.

Бровь Ская насмешливо изломилась.

— Вот как, — он тоже поднялся на ноги. — Тогда мне приятно вам сообщить, что ваша защита лейде Эйволин более не нужны. С задачей охраны успешно справится ее супруг. Лейде Мунн есть на кого положиться.

— Что? — изумлен был не только Мендак.

— Не думал, что судьба лейды Эйволин имеет первостепенную важность, но если вы желаете подробностей, то это и было причиной моей задержки. Леор Мунн попросил руки моей бывшей невесты, я отказывать не стал и соединил их, как глава клана.

— Решился все-таки, — хмыкнул Войтер. — Бедолага давно сгорает от нежных чувств к лейде Эйволин, но держал свою страсть в тайне, опасаясь навести тень подозрений на чужую невесту. Не удивлен.

Вольно или сознательно, но Войт уничтожил сейчас все лишние вопросы и подозрения. Лица магов посветлели.

— Оно и к лучшему, — кивнула лейда Личфиелд. — Девочке будет не так тяжело. Мунн избавит ее от переживаний.

— Да уж, — Тейда подняла руку, и с ее волос слетела бабочка, тут же усевшись на протянутую ладонь. — Душа болела смотреть на его страдания. Теперь они утешат друг друга. Пусть будут счастливы.

Аквей вновь перевел взгляд на Мендака.

— Теперь у тебя нет причин оставаться. Доброго пути, Айгет.

Мендак поджал губы, с силой ударил кулаком по столу и скривил губы в улыбке.

— Счастливо оставаться, — сказал он. — Надеюсь, когда Аквей подведет вас к пропасти, вы хотя бы тогда прозреете.

И я не выдержала. Пол под ногами мерзкого водника разверзся, и он провалился в образовавшийся ход, выкинувший мага уже за стенами замка.

— Не люблю долгих прощаний, — невозмутимо заявила я и вернулась к своему месту.

— Я их тоже не терплю, — ответила тетушка Тей и умиротворенно вздохнула.

Маги еще с минуту смотрели на то место, с которого исчез склочник, после встрепнулись и обсуждение продолжилось.

Глава 17. День девятнадцатый

Копыта Цветика резво выстукивали дробь по каменистой дороге, я восседала сверху, подставив лицо теплым солнечным лучам, умиротворенно улыбалась и... хулиганила, да. Точней, производила впечатление на сопровождавших нас с Аквеем леоров. Маленький отряд направлялся к месту встречи с айрами и тригами. Лица воинов суровые с того момента, когда мы выехали из замка, теперь сменили каменные маски на удивление, а всё потому что там, где пробежал Цветик, выростали цветы. Скай поглядывал на мою забаву, качая головой и пряча улыбку. А когда я вскинула руки, и с пальцев сорвались бабочки, водник не удержался и хмыкнул, припечатав меня кратким:

— Воображала.

Фыркнув, я передернула плечами, показывая, что думаю о выводах супруга, и сотворила двух пичужек с оперением радужного окраса. Птицы взлетели, оглушительно зачирикав, и за спиной рассмеялся Войтер. Он по-прежнему оставался единственным, кто не обращал внимания на мое прошлое. Накал своей симпатии он не спешил снизить, несмотря на известие о том, что я теперь, вроде как, его госпожа. Однако же и не лез на рожон, особенно после того, как вчера у него под ногами замковый двор превратился в небольшое озерцо.

Дело было так. Войт, желая услужить мне, поспешил помочь слезть с коня, когда мы с Аквеем вернулись с небольшой прогулки к озерам. Оценив количество воды в озерах и источниках, именно это было целью прогулки, мы решили оставить долину в покое и искать для создания нашей рати водоем побольше, море, например... В общем, мы въехали в замок, и Войтер, как верный слуга своего господина и его супруги, подошел к нам. Он протянул ко мне руки, и я, думая о предстоящем переходе на берег одного из морей, машинально протянула руки благородному леору, позволяя снять меня с Цветика. Из-за рассеянности я не заметила, как осветились бликом света глаза моего водника. Однако Скай стерпел, потому что в первое мгновение Войтер не перешел границ, но леор замешкался и из объятий меня сразу не выпустил, умудрившись превознести мою красоту. Это Аквей тоже стерпел... так подумалось мне. Скай кашлянул, привлекая внимание. Этого хватило, чтобы Войт тут же отступил, склонив голову. Я оперлась на поданную мне руку мужа, мы чинно направились к жилой части замка, но мужской вскрик и плеск воды за спиной заставил обернуться. Войтер барахтался в маленьком, но явно глубоком озере, ошалело оглядываясь вокруг себя. Я насмешливо вздернула бровь и перевела взгляд на Аквея. Тот стряхнул с рукава невидимую пылинку и деловито произнес:

— Всего лишь спасаю верного леора от удара... солнечного.

— Само собой, жизнь моя, — не менее деловито кивнула я, поглядывая на небо, затянувшееся облаками.

Скай мой взгляд заметил, тоже взглянул на небо и просветил:

— Лучше не рисковать. Предупредить удар проще, чем разбираться с его последствиями.

— Ты совершенно прав, Ручеечек, — кивнула я, весело поглядывая на ревнивца. Ревнивец надменно вздернул подбородок и увел меня в замок, уже не обращая внимания на то, как Войтер выбирается из неожиданной ловушки.

Вообще вчерашний день стал маленькой передышкой. Маги, оставшиеся с нами на следующий день после Совета, покинули замок в Долине трех озер ближе к вечеру. Еще до

того, как гости отправились по домам, из замка уехала чета Мунн. Не скажу, что личико Эйволин сияло от счастья. Кажется, она была не слишком довольна своим замужеством, но теперь все зависело от ее супруга. В руках влюбленного леора Мунна было заставить глаза водницы вновь засиять. Пока же она была немного бледна и надменна. Даже тетушке Тей сказала что-то резкое, когда та вышла попрощаться. Провидица пожала плечами и ушла, уже не дожидаясь, когда супруги выедут за ворота. Скай коротко и сухо попрощался с Муннами еще во время их сборов. Сама я не лезла к ним, но отъезд наблюдала из окна покоев супруга. Уже почти выехав за ворота, Эйволин вдруг обернулась, поджала губы и сделала то, что вовсе не подобало нежной лейде — плюнула на каменные плиты. Ее супруг на замок не оборачивался.

Уже вечером, когда мы остались наедине, я пристала к Скаю, требуя рассказать, что произошло в покоях его бывшей невесты. Впрочем, водник не особо сопротивлялся. Он сидел в кресле перед холодным камином, в котором плясала иллюзия огня, создавая привычный уют вечерних покоев, я удобно устроилась на мужских коленях. Перебирала пальцами короткие светлые волосы и ощущала умиротворение, ставшее искуплением двух тяжелых дней и одной невыносимоболезненной ночи.

— Расскажи, — потребовала я повторно, потому что Скай молчал. Однако стоило взглянуть на его физиономию, лучившуюся довольством, чтобы понять — водник тоже наслаждается затишьем и нашей близостью.

— Да там особо нечего рассказывать, — лениво отозвался Аквей, поглаживая мое бедро. — Вошел в покои без стука, они целуются. Прощались уже.

В общем, произошло следующее. Проныра-водник, расставшись со мной и своей тетей, первым делом посетил умывальню лейды Аллиерт. Обнаружил, что любовники уже готовы к прощанию, и поспешил переместиться к дверям покоев, в кои и вошел, не удосужившись постучать и назвать себя. А что? Его замок, его дверь. Хочет стучится, а хочет нет, дело хозяйское. Вошел леор Аквей, значит, в двери, а там голубки слились в сладостном поцелуе. Эйви в ночной сорочке, волосы распущены, леор Мунн лейду к себе нежно прижимает, ласковые слова говорит, целует. Она отвечает, так что ошибиться в происходящем сложно. Разумеется, Скайрен Аквей, как мужчина взрослый и опытный, понял всё верно.

— Стало быть, не лгала молва, когда говорила, что мой верный леор влюблен в мою дорогу невесту.

— Бывшую! — воинственно воскликнула Эйви.

— Теперь, да, — двусмысленно ответил Аквей. — И что же дальше? Будешь по ночам любовника принимать, а днем сидеть с постным лицом, обвиняя меня в вероломстве? Я из себя дурака делать не позволю. Не хватало еще мне выслушивать о своем вероломстве от благородных леоров и покрывать твои шашни под моей крышей. А ты, — грозный господин обернулся к своему леору: — Скор же ты оказался, мой верный Мунн. Не успел я расторгнуть помолвку, как ты уже навел осиротевшую опочивальню.

— Это вышло случайно! — нервно воскликнула Эйволин.

— Всю ночь и утро? — усмехнулся Скай. — Случайность за случайностью.

— Ты ревнуешь, — утвердительно произнесла лейда Аллиерт.

— Отнюдь, — пожал плечами мой водник, — просто изумлен, насколько быстро верная невеста, еще вчера кричавшая о своей любви и преданности, приняла в свои объятия другого мужчину.

— Это моя вина, — ответил благородный леор, закрывая собой возлюбленную. — Да, я

люблю лейду Аллиерт, давно и безнадежно. Можете считать, что я воспользовался ее горем, чтобы получить желаемое...

— Вот как, — Аквей сплел на груди руки. — Стало быть, ты признаешься, что бесчестно воспользовался женской слабостью и соблазнил лейду Аллиерт?

— Признаю, и готов понести наказание, — Мунн покорно склонил голову.

Скай прошелся по покоям, задумчиво потирая подбородок, после вновь развернулся к любовникам.

— Понимаешь ли ты, глупец, что наказание повлечет за собой огласку того, что свершилось в этих стенах? Понимаешь ли ты, что я буду вынужден огласить причину, по которой тебя настигла кара? Ты предлагаешь мне опозорить мою, пусть и бывшую, невесту, обвинив ее в блуде? Так ли сильна твоя любовь, как ты говоришь, если готов отдать ее на поругание?! Что прикажешь делать мне?

— Отдайте за меня лейду Аллиерт! — с горячностью воскликнул Мунн. — Я люблю эту женщину и готов исцелить ее раны.

— Эйви? — Скай посмотрел на опешившую лейду. — Что скажешь? У тебя есть выбор. Ты можешь покинуть мой замок свободной от всяких уз женщиной, но тогда имей совесть и прекрати разыгрывать жертву. Учти, если кто-то еще подобный Мендаку кинет мне в лицо обвинения в вероломстве, я молчать не буду о том, чему стал свидетелем. Можешь принять мое предложение, которое я сделал тебе вчера, и тогда мы выберем тебе мужа, которого ты захочешь. Или же ты даешь согласие леору Мунну, твоему давнему поклоннику и почитателю. Он знатен, далеко не беден, недурен собой, но, главное, искренне любит тебя.

— А она? — хмуро спросила Эйволин. — Она останется рядом с тобой?

— Место жены рядом с мужем, Эйви, — ответил Аквей.

— Жены?!

Скай промолчал, давая бывшей невесте осознать тщетность надежд, если таковые еще оставались у нее.

— Однако ты тоже не медлишь, — рассмеялась уязвленная женщина.

— Скажу больше, в замок мы уже въехали супругами.

— Ах, вот как, — Эйволин передернула плечами. — Что ж, я рада, что судьба показала, кому я доверяла столько времени. Ты не достоин даже моего мизинца!

— Ты совершенно права, Эйви, — кивнул Скай.

— Я выйду замуж за леора Мунна, потому что он, по-настоящему, благородный мужчина. А ты оставайся со своей гадюкой...

— Я вам тоже желаю счастья, лейда Аллиерт, — склонил голову учтивый Аквей. — И раз согласие благородной лейды получено, мы можем огласить помолвку прямо сейчас...

— Нет уж! Хватит с меня помолвок, я хочу замуж! — в запале выкрикнула Эйволин, и это сыграло на руку моему воднику, он не стал возражать. Обряд единения свершился, как только лейда оделась. На том история и закончилась.

Не скажу, что сильно сочувствовала Эйволин. С одной стороны мне было, конечно, жаль водницу. Ее растили с твердой верой в исключительность ее будущего, готовили в жены главе клана, но вместо счастливой обещанной судьбы, она столкнулась с разочарованием и предательством. Жених предпочел другую женщину, да не просто другую магичку, а само воплощение Зла. Для водницы я должна была стать главным врагом. Мужчину увела, женой главы клана стала, даже пророчество, и то оказалось обо мне. Так что предназначения я Эйви тоже лишила.

Однако стыдиться мне было нечего. Напротив, при мысли, что мой мужчина долгое время принадлежал лейде Аллиерт, кровь вскипала в жилах, уничтожая всякое сочувствие. И в моих глазах Эйволин превращалась из жертвы в воровку, с детства примерявшей на себя чужую одежду. И пусть ей внушили, что эта одежда с ее плеча, но все-таки она принадлежала мне, а своего отдавать я никому не собиралась. Так что после того, как чета Мунн покинула пределы замка Аквея, я вздохнула полной грудью.

Следующие ночь и день прошли спокойно, если не считать происшествия с купанием Войтера. Воспоминания, должно быть, щадя меня, не спешили вновь выбить почву из-под ног, давая время свыкнуться с тем, что уже успели показать. Сживалось плохо, тяжело, и, не будь со мной рядом Ская, я бы ушла в себя, отдавшись застарелому и забытому горю. Но водник не давал мне остаться наедине с собой ни одной минуты. Подозреваю, что он и без личного осмотра озер знал, что материала нам на сотворение не хватит. Потому прогулка была предназначена для того, чтобы отвлечь меня и занять мысли делами, а не воспоминаниями. Мой милый Скай... Даже страшно представить, что его могло не появиться в моей жизни. Не войди я в тронный зал в черном замке, куда притащили пленников, не отдай мне пленного Вайторис, и сейчас я не тонула бы без оглядки в глазах-озерах. Хвала всем Высшим Силам, что всё вышло именно так, и никак иначе!..

С обитателями замка мои отношения пока никак не складывались. Из всех, кто остался в древней твердыне, со мной без всякого напряжения общались только трое: сам Скайрен Аквей, лейда Тей и Войтер. Остальные оставались подозрительными и отчужденными. Я не лезла к людям, давая возможность просто привыкнуть к тому, что я рядом, и что угрозы от моего присутствия никому нет. Чтобы ухаживать за собой мне хватало собственных рук. Для общения у меня были Скай и Тейда. Провидица охотно вступала в беседу, отвечала на вопросы и даже немного рассказала мне о моем супруге, когда мы встретились за вечерней трапезой.

А всё началось с бахвальства нашего старшего леора. Заметив в коридоре Войтера, Скай вспомнил о недавнем происшествии, которое привело к купанию молодого леора. И если до этого мой водник крепился, то тут, заметив, как я кивнула бедолаге, не выдержал. Сварливый и желчный супруг оказался мил до крайности и вместо того, чтобы оскорбиться на замечание:

— Что-то ты не спешила осадить наглеца, — я расплылась в улыбке, любуясь фыркающим Аквеем. Заметив мой счастливый оскал, Скай и вовсе превратился в ежа: — Чему ты радуешься, женщина? А негодую, а она млеет!

— Ты такой милый, — призналась я.

— Я не милый, — заупрямился суровый творец. — Я киплю от гнева, не смей умиляться!

— Не могу, — повинилась я, продолжая улыбаться.

Но в покоях его тетушки, куда мы были приглашены на вечернюю трапезу, водник меня все-таки довел. Устав слушать его шпильки, я проворчала:

— Если человек родился с дурным характером, его уже ничего не исправит. Представляю, каким противным мальчишкой ты был в детстве.

— Неправда, — тут же задрал нос Аквей. — В детстве я был милым ребенком.

— Сорванцом ты был, невыносимым сорванцом, — усмехнулась провидица. — Непоседливый, упрямый, неугомонным и спорым на выдумки и проказы.

Водник возмущенно округлил глаза:

— Какая невероятная ложь, родная! — воскликнул лицемер. — Я был хорошим мальчиком.

— Угу, — кивнула Тейда, орудуя ножом и вилкой. — Очаровательным ребенком ты действительно был, одни глаза чего стоили. Гадость сделаешь, а как попадешься, так глазами своими хлоп-хлоп, и вроде сердце оттаяло. Чем и пользовался маленький негодяй.

— Ну, это уж и вовсе оговор, — независимо передернул плечами Аквей, не желая признавать грехи детства. — Не помню ничего подобного.

— А я помню, — Тей сделала глоток из кубка и вновь взялась за нож. — Например, как с дружкой своим, Эйвиллом, учителю в его снадобье сонного зелья подмешали. И как в суп накидали мыльных шариков, а потом ждали, пока у благородных леоров пена изо рта пойдет. Думали, что те будут разговаривать, а с их языков буду срываться мыльные пузыри. И как спящему архивариусу покрасили его прекрасную белоснежную бороду, пока он спал, разморенный сытным обедом. Старик так гордился своей бородой, а они ему ее в радугу превратили. А постарше стал...

— Довольно!

— Что же творил наш благородный господин, когда стал постарше? — полюбопытствовала я.

— Да что делал? Подпоил ночную стражу и сбежал в деревню на танцы. Утром пьяного и полуголового в замок на возке доставили. Спал стервец. Мордаха довольная, залюбуешься.

— А полуголый отчего? — я с интересом посмотрела на супруга.

— Жарко было, — соврал он, не моргнув глазом. — Упрел...

— Угу, — вновь кивнула провидица. — Уж больно коленца деревенские выделывают шустрые, угнаться пытался. А уж в танцах, или за дочкой старосты...

— Тетя!

— Так там была еще и дочка старосты? — живо откликнулась я.

— Да кого там только не было! — сварливо воскликнул водник. — Хватит уже!

— Хватит так хватит, — пожала плечами тетюшка. — А был еще случай. С тем же Эйвиллом...

— Ты же согласилась закончить, — досадливо покривился Скай.

— Так я и не рассказываю, что тебя в возок из сарая загрузили, где ты с дочкой старосты... упрел.

— Какие любопытные танцы вышли, — хмыкнула я. — А с Эйвиллом что?

— За деревенскими девушками на реке подсматривали, — тут же откликнулась провидица. — Эйвил-то с берега, а наш наглец форму сменил, всех перещупал...

— Всё! — ладонь водника с громким стуком опустилась на стол. — Как старший мужчина в роду и глава клана, повелеваю прекратить обмывать мне кости. Оставьте мое детство и юность в покое.

— Значит, про то, как лазал в окно к вдове...

— А вот это не мой грех, — усмехнулся Аквей. — Это уже Эйв чудил, кстати, поддавшись на призыв веселой вдовушки. Я тогда всего прикрыл друга.

— За дружбу пострадал? — с сочувствием спросила я.

— Да какой там, — отозвалась Тей. — Затрещину от отца получил, да день в конюшне отработал, навоз выгребал.

Поглядев на высокомерную физиономию водника, я решила не остричь. Потом... успеется. Лейда Тей, весело сверкнув глазами, вновь стала невозмутимой. Скай, посопев еще

немного, расслабился. Дальше беседа потекла в иное русло, но на тетушку Аквей до конца ужина косился с подозрением, что дало понять, провидица обладает и более «страшными» тайнами из прошлого моего супруга. Я решила как-нибудь порасспросить ее, когда уже можно будет вздохнуть спокойно.

Пока же расслабляться было рано. То, что Вайторис никак не проявляет себя, не означало, что он беспечен и не ожидает нападения. Ожидал, и мы со Скаем это прекрасно понимали. Пятьсот лет назад я уже приводила под стены черного замка рать магов, чтобы уничтожить ложного бога. Сколько раз пыталась убить его в одиночку? Наверное, столько же, сколько умирала сама. Разумеется, Вайтор предвидел наше появление, как и то, что я вновь пойду к башне с Кристаллом Реальностей, потому что иного пути не было. Как не было времени на долгою и тщательную подготовку.

Однако это не давало повода смириться и позволить убийце и дальше вести свой кровавый учет отнятых им жизней. Откат был всё ближе, и к первой волне нужно было уже стоять на башне, чтобы принять на себя удар стихийной энергии. Это также понимали мы трое: я, Скай и Вайторис. Так или иначе, мой путь лежал в черный замок. И если даже я не появлюсь, Вайтору не останется выхода, как самому выбраться за пределы своего укрытия, чтобы вернуть беглянку. Его слабой стороной была зависимость от Граней. И он будет зубами держаться за них, чтобы не расстаться со своей драгоценной жизнью. У нас же со Скаем стало такой стороной слияние. Могущество и уязвимость смешались в равных долях. И если Вайторис боялся только за себя, то нам приходилось переживать друг за друга.

— Нельзя позволить разделить нас, — говорил водник.

— Нельзя, — соглашалась я. — Если перестанем видеть друг друга, начнем прислушиваться.

— Да, — кивал Аквей, — это приведет к потере внимания, и, как следствие, к провалу не только для нас, но и для всех, кто доверился нам. Только вместе. Рука об руку.

— Думаешь, всё выйдет, как задумали? — с тревогой спрашивала я, вновь и вновь повторяя про себя то, что мы уже столько раз обговаривали наедине.

— Должно получиться, — убежденно отвечал Скай, не допуская и толики сомнения. Иначе сейчас было нельзя. На сомнения и ошибку у нас права не было.

До отката оставалось времени всё меньше, и те, чьи земли граничили с землями, на которых пряталась маленькая реальность в виде черного замка, уже уводили своих людей, чтобы новые проявления возвратной волны не зацепили их. Это тоже не могло укрыться от глаз Вайтора, благодаря чему, даже не общаясь со мной, он знал, что вспомнила я не мало, и с магами поговорить успела. Но оставить людей там, где в любой момент мог вспыхнуть пожар, случиться наводнение или землетрясения было невозможно.

Странная выходила ситуация. Мы, словно скалящиеся псы, наблюдали друг за другом, зная, что схватка неизбежна, но продолжали кружить, не спеша нанести первый удар. Вайтор охранял Грани, ожидая, когда мы придем под стены его замка. Мы с Аквеем продолжали готовиться к решающему сражению, зная, что нас ждут. Стоит признать, что об этой части происходящих событий магам известно не было. Впрочем, скажи мы, что Темный властелин выглядывает нас со стен, кто бы согласился добровольно сунуться в пасть к голодному льву? То-то и оно. А люди нам были нужны. Однако это не означало, что мы собирались отдать их на съедение. Кое-какие сюрпризы были уже продуманы, но об этом не знал никто, кроме нас со Скаем.

Слабость, корысть, малодушие — всё это ведет к предательству. У нас уже был такой —

Айгет Мендак. Он ушел, унеся с собой то, что узнал на Совете и на следующий день. Однако это были мелочи. Даже если бы он сумел прорваться к черному замку, Вайторис не услышал бы ничего нового, потому отпустили мы его с легким сердцем. Однако имелось кое-что еще, чего лже-Вечному знать не полагалось. И об этом пока не знали даже те, кому мы доверились. Вольно или невольно, но выдать тайну всегда легко, особенно не до конца веря в невероятное, о котором тебе рассказывает извечный враг, такой как я. Так что наиболее откровенны мы были с нашими союзниками — айрами и тригами. И встреча, на которую спешил наш отряд, была необходима.

Мы могли бы встретиться наедине, не привлекая людей Ская в свою компанию, но это была необходимая ширма. Чтобы сохранить доверие магов, необходимо было соблюдать видимость того, что скрывать нам от них нечего, однако ничего серьезного обсуждать сегодня мы не собирались. Настоящие переговоры пройдут позже, когда лишних ушей уже не будет рядом. Оэн и Рварн знали об этом. И вот что я скажу, иметь дело с существами, в чьих жилах текла только часть человеческой крови, было гораздо приятней, чем с людьми. Никаких лишних всплесков гнева и недоверия, никаких обвинений и споров. Выслушали, приняли к сведению, задали уточняющие вопросы и всё. Приходить с ними к согласию оказалось просто.

Дорога стелилась впереди сухой пыльной лентой, позади шлейфом из цветов. Над головой сияло полуденное солнце, где-то высоко в небе надрывались радужные пичуги, а на душе царило недолгое, но умиротворение. Я поглядывала на супруга, таившее в душе те же чувства, и не прятала улыбку. Скай не оборачивался, но я видела, как подрагивают уголки его губ в ответной улыбке, и душа и вовсе взмывала под облака, где сейчас парили новые жители этого мира.

В стороне от отряда резвились еще две новые сущности, и их присутствие не способствовало полной расслабленности воинов. Если Венн был уже им хорошо знаком, и к змею обитатели замка Аквея уже успели более-менее привыкнуть, то его дружок навевал на леоров и челядь трепет. Что их пугало в моем милом зверьке, я понять не могла. Ну, ладно. Он был почти с человеческий рост, ну, клыкаст и когтист, но! Но он же вышел милым! Лохматый, большеглазый, со смешным умильным носом, за который его хотелось потаскать. Больше всего малыш напоминал громадного пушистого волка с дурашливо обвислыми ушами. И когда он склонял голову набок и вываливал язык, не рассмеяться было сложно, до того мое создание казалось забавным.

Скай, оглядев мое творение, потрепал того между ушей и хмыкнул:

— Еще один дурень.

— У-у-у? — вопросительно проворчал лохматый недотепа.

— Брль, — поддержал его Венн, успевший опробовать нового соседа на язык и запах.

— Два дурня, — остался неумолим водник.

— Ты просто ничего не понимаешь, — вздохнула я и позвала: — Шейг, иди ко мне.

— Его имя? — любопытствовал Скай.

— Пока, да. Потом доведу до ума и создам еще подобных. Это будет их название.

— Лохматые? — насмешливо вздернул брови Аквей.

— Почему бы и нет? — я пожала плечами и посмаковала: — Стая шейгов.

— Развлекайся, любовь моя, — хмыкнул Скай, поцеловал меня и оставил Шейгу, счастливо мусолившему мне лицо.

Поселить новый вид животных я хотела в местах, где не было людей. Нужно было

подобрать для своего детища идеальные условия обитания, проследить за тем, как буду развиваться... В общем, всё это откладывалось до поры, пока не будут решены более насущные проблемы, а пока Венн и Шейг существовали в единственном экземпляре. Может это и сдружило их. Впрочем, два малыша остро нуждались в приятеле, и они как-то разом потянулись друг к другу, к ночи поставив замок на уши своими игрищами. Пришлось вмешаться строгому Аквею. И если Венн сразу понял и притих, то Шейг угомонился только тогда, когда получил по ушам. Долго жаловался мне, страдал и изображал агонию. Признаться, мое создание, оказавшееся неженкой с недюжинным актерским талантом, изрядно утомило меня, и я усыпила его до утра. После этого мы с водником и весь замок вздохнули с облегчением.

Зато утром, выспавшийся и полный новых сил Шейг, вновь устроил суету с коротким перерывом на завтрак. Он достал Искру до того, что крыса, изменив себе, сбежала прочь, потому сегодня ее со мной не было. Скаю было проще,хватило сурово свести брови к переносице, и лохматое чудо повалилось кверху брюхом, преданно глядя на водника огромными карими глазищами. Единственный, кто встретил шального Шейга с радостью — это Венн.

— Берем с собой обоих, — решил Аквей, поглядев на клубок из тел, катающийся по полу. — Пусть в дороге дурью маются. Глядишь, к вечеру выдохнутся. — После поглядел на меня: — Любовь моя, о чем ты думала, когда создавала это чудо?

— Вспоминала рассказы Тей о твоём детстве, — призналась я.

— Э... хм. Ну, тогда всё ясно, — усмехнулся Скай.

И вот теперь два недоросля мотались вокруг отряда, то вовсе исчезая из вида, то вновь возвращаясь, едва не доводя до сердечного приступа благородных леоров, когда две громадины неслись прямо на них.

— Лейда Ирис, — не выдержал Раф, — почему такой большой? Если пес, то мог бы быть и поменьше.

— Он создан по подобию моих стражей, — ответила я, обернувшись.

— Браннеров? — помрачнел воин.

— Нет, — я отрицательно покачала головой. — Они были со мной от рождения, а браннеры...

— Нежная моя, — ладони скользят по моим обнаженным плечам. Я закрываю глаза и откидываю голову назад, подставляя шею под обжигающе-горячие губы.

Вайторис проводит языком дорожку от ключицы до мочки уха, прихватывает ее губами, и я прерывисто вздыхаю, тесней прижимаясь к нему.

— Люблю тебя, — хрипловато шепчет он.

— Милый, — всхлипываю я. У меня нет слов, чтобы описать всю глубину моих чувств.

Разве бывает на свете любовь сильнее нашей? О, нет! И это вовсе не благодарность глупой неосторожной девчонки к своему спасителю, это нечто большее. Оно выжигает меня изнутри, и каждый раз, когда я смотрю в его необыкновенные вишневые глаза, мне не хватает дыхания. Грудь сдавливает, и только его жаркий шепот:

— Дыши, — заставляет меня сделать вдох.

Вайторис... Какое невероятное имя! Я впервые услышала его, когда пришла в себя на его руках в этом замке, куда он принес меня. Открыла глаза и увидела мужчину красоты столь яркой, что на мгновение мне показалось, будто я уже умерла, и моя душа попала в какой-то сказочный мир. Такими бываю только боги. Он и стал моим богом, ради которого я готова

на многое. И это оказалось настоящим чудом, когда я услышала от него:

— Не покидай меня.

— Почему? — спросила я.

— Я без тебя не выживу, Ирис.

— Почему? — дыхание перехватило от невероятной догадки. Я застыла, ожидая ответа, и он последовал:

— Я люблю тебя.

Нежный, заботливый, любящий, страстный. Таким оказался мой муж. Не помню, кто я и откуда, не помню, мечтала ли о ком-то прежде, столь же сильно, как об этом мужчине, но ему я отдала себя без остатка, не желая вспоминать о своей прежней жизни. Вайторис стал для меня центром моего мироздания. Наверное, где-то остались мои родные, и я обязательно однажды найду их и покажу лучшего мужчину на свете, взявшего меня в жены, а пока... Пока я растворяюсь в своем обожаемом супруге без остатка. И всё, что я знаю о своем прошлом — это то, что я маг-землевик. Сейчас этих знаний вполне хватает. А как я оказалась в реке, откуда меня вытащил возлюбленный, уже неважно. Важен лишь он и наша любовь.

— Сделай мне подарок, любимая.

Я выныриваю из омута упоительных ласк.

— Какой? — на моих устах улыбка. Я готова отдать ему всё, что у меня есть.

— Подари мне тех зверей, что порой кружат вокруг тебя. Если, конечно, тебе не жалко...

— О, нет! — восклицаю я со смехом. — Всё, что принадлежит мне, принадлежит и тебе. Мне приказать им, чтобы они служили тебе?

— Не совсем, — с улыбкой отвечает Вайторис. — Мы вместе изменим их. Согласна?

— А это возможно?

— Я объясню тебе, — Вайтор подхватывает меня на руки и относит к ложу. И как только моя спина касается прохладной простыни, мир исчезает за огненным вихрем страсти моего супруга...

— Бесконечный Хаос, — выдохнула я и порывисто обернулась к Скаю.

— Жена, — бесплотным эхом отозвался водник.

Я испытующе глядела на Аквея, вдруг испугавшись бледности на мгновение покрывшей его лицо. Но вот краски вернулись на лицо водника, и он отмахнулся:

— Ерунда. Брак заканчивается со смертью одного из супругов. Он убивал тебя несколько раз. Даже если женился несколько раз, сам же эти узы и уничтожил. В последний раз он сотворил из тебя рабу. Да к Тьме! Плевать мне на прочие обряды и ритуалы, мы прошли слияние.

— Скай, — позвала я с улыбкой. — Он искал разные способы привязать меня. Любовь, брак, дружба, служение ему. Это всё не имеет значение. За всю свою долгую жизнь я только раз соединила себя с мужчиной по собственному желанию, и этот мужчина

— ты. Не думай о том, кем я считала его в очередное возрождение. Меня больше угнетает то, что я отдала ему своих стражей и в своей слепоте помогла сотворить из них чудовищ с возможностью размножения. Браннеры не подчиняются никому, кроме Вайтора. Даже я, их создатель для них никто. Они уже однажды гоняли меня по лабиринту в черном замке, когда я решила проявить собственную волю и вместо уничтожения, как велел Вайторис, вершила суд, щадя и оправдывая. После этого я уже не смела нарушить приказ.

— Почему они огненные? — спросил Скай. — Он ведь утерял к тому времени дар сотворения.

Только сейчас я заметила, что мы стоим, и воины подъехали к нам, ловя каждое слово. Я не стала делать тайны из истории создания браннеров, потому ответила, невзирая на чужие уши:

— Меняла стражей я. Соединила их с сутью Вайториса. Он подсказывал, что и как я должна сделать. Знания с даром не исчезли.

— Соединила с огненной стихией, — понял Аквей.

— Да. Но не только. Я связала их на энергетическом уровне.

— Как это? — вмешался один из леоров.

— Долго объяснять, — улыбнулась я. — Это связано с природой Созидающих. Мы можем видеть не только существующую реальность, но и ее энергетическую основу, сами токи силы. На этом уровне я и связала измененных стражей с Вайтором. Очень хотелось угодить... — я кривовато ухмыльнулась. — Пока не вспомнила, кто я на самом деле, и кто лишил меня моих близких и самой жизни.

— И что тогда случилось? — спросил Войтер.

— Должно быть, попыталась уничтожить убийцу...

— Но вновь была убита им и возрождена пустышкой без памяти, — мрачно продолжил Скай.

— Услышала очередную сказку и поверила в нее, пока не начала возвращаться память, — закончила я и тронула поводья.

— И сколько он так убивал вас и возрождал, госпожа? — окликнул меня Войт.

— Пять раз за девятьсот лет, — ответил за меня Аквей. — Закончили разговоры. Вперед!

Он нагнал меня, но следом уже летел новый вопрос:

— Зачем он заставил вас убивать, лейда Ирис? Если вы можете сотворить жизнь, то возможно ли ее отнимать?

Я остановилась. Вопросы — хорошо. Это лучше шепотка за спиной и хмурых взглядов. Пусть спрашивают, сплетни и догадки принесут лишь вред. Скрывать мне нечего. Я увидела, что мой водник готов осадить своих леоров, но я отрицательно качнула головой и развернула Цветика мордой к отряду.

— Созидающие берегут жизнь и забрать ее могут, только имя обоснования, иначе дар исчезнет. Вайторис дал мне такое обоснование — слово Господина закон. Он говорит, я исполняю. Так он воспитывал меня в последнее возрождение.

— А зачем сделал убийцей?

— Он не только сделал меня убийцей, он уничтожил во мне всякие чувства. Стыд, совесть, сочувствие, любовь. Всё это вело к очередному витку воспоминаний. Через убийства отдалил от людей. Сделал ненавидимым всеми изгоем, приложил старания, чтобы не позволить мне завязать с кем-то дружбу. Это тоже могло спровоцировать воспоминания. У меня не было питомца, не было тех, с кем могла поговорить. Не было права покинуть господина дольше, чем того требовал его приказ. Только он, всегда он один и никого больше. Он — хозяин, я — его клинок. Верная псина, живущая догмами, которые хозяин вложил ей в голову. Но Вайторис допустил ошибку, первую за четыреста с лишним лет после последнего возрождения, и Скай пробудил то, что так упорно подавлял лже-господин.

— Зачем вы ему, госпожа? Он вас... любит? — это вновь был Войтер.

Злой смех Аквея стал ответом на вопрос младшего леора.

— Любит?! — воскликнул Скай. — Он живет, благодаря Ирис. Она его ключ к бессмертию и могуществу! Она — ключ к жизни всего нашего мира! Не станет ее, Вайторис исчезнет, а вместе с ним и мы все. Надеюсь, этого достаточно, чтобы осознать всю ценность вашей госпожи. Я даже рад, что вы, наконец, оказались готовы услышать ее историю. Теперь вы понимаете, что должны беречь ее пуще собственной жизни. Не по моему приказу, а по собственному разумению. Если остались вопросы, вы зададите их после.

Воины склонили головы, повинуясь словам господина, и отряд возобновил движение. Наши питомцы, нетерпеливо ждавшие, когда мы тронемся с места, вновь помчались вперед, то набрасываясь друг на друга, то снова устремляясь вперед. Я некоторое время наблюдала за ними, с тоской вспоминая своих стражей. Их я создала под руководством и наблюдением отца в период, когда Созидающие начали борьбу за меня. Правда, впервые воспользовалась бестелесными зверями, чьей сутью была чистая сила земли, только тогда, когда Вайторис пришел, чтобы забрать мою жизнь. Великолепные звери, призванные охранять меня, были извращены и отданы негодяю и убийце. Тьма...

— Ты не осознавала себя, — негромко произнес Скай, легко уловивший мои переживания. — Не стоит себя корить за то, что делала, когда находилась во тьме забвения.

— Ты прав, — ответила я. — Просто... грустно. Ты ведь видел их в изначальной сути, и знаешь, во что они превратились. Такие же бездушные и покорные чудовища, каким была я. Порой мне кажется, Вайторис отравляет сам воздух своим дыханием.

— Из согревающего огня он превратился в ненасытное смертоносное пламя. Честолюбие стало для Созидающего топливом. Оно пожрало душу, творившую жизнь, не оставив даже угля от былой сути. Но мы погасим это пламя, оно слишком долго полыхает за стенами его логова, уже не принося ни тепла, ни пользы. Одни только разрушения.

— И вновь ты прав, жизнь моя, — улыбнулась я.

— Как всегда, — хмыкнул водник.

— Честолюбие может превратить мирный ручеек в бушующий океан, — усмехнулась я, насмешливо поглядывая на зазнайку.

Он перегнулся с седла и произнес завораживающим глубоким голосом:

— Только в твоих объятьях, ягодка.

Я закатила глаза, но вскоре рассмеялась, ответив игриво:

— Сегодня ночью ты был всего лишь рябью на озерной глади.

— А вот это уже оскорбление, — насупился водник. — За него придется держать ответ.

— Мне опасаться или надеяться?

— Ох, доиграешься, лейда Аквей, — прищурился Скай. — Закончим с делами, и ответишь за все сполна. Пощады не будет.

— Даже не надейся на мои мольбы, — хмыкнула я.

— Завяжу тебе рот, чтобы их не слышать.

— Кажется, мой рот, леор Аквей, вам чрезвычайно нравился.

— Я найду, чем его заменить. Хвала Высшим Силам, они одарили женщину достаточным количеством потаенных местечек для изливания страсти.

— Пошляк! — возмутилась я, вдруг отчаянно краснея.

— Правда? А еще сегодня ночью называла находчивым и жадным до удовольствий...

— Ясноокая Ирис. Повелитель воды.

— Вот Тьма, зачем так подкрадываться, Оэн?! — возмущенно воскликнул Аквей, когда к нам подлетел айр и опустился прямо перед мордами Цветика и Бурана. Жеребцы остались спокойны, им приходилось проходить и не через такое. — Мы вели важную беседу, не предназначенную для чужих ушей...

— О, — летун сложил крылья и возвел глаза к небу. — Не знал, что люди держат в секрете то, чем мужчина и женщина...

— Довольно, — сухо велел Скай. — Забудь о том, что услышал.

— Мои уши закрыты и память чиста, Повелитель воды, — заверил айр. — Элдры уже в сборе. Триги еще не подошли.

— Они ждут, когда я открою им врата, — ответил водник, спешиваясь.

Он снял меня с седла, покосившись на Войтера. Тот с интересом рассматривал айров, и до господина и его жены молодому воднику не было никакого дела.

— Ты злопамятен? — спросила я, пряча улыбку.

— Я внимателен, — ответил Аквей, по-хозяйски обнял меня за талию и увлек за собой, предоставив леорам разбираться с нашими жеребцами.

Мы находились на равнине без единого деревца. Открытое пространство простиралось, насколько хватала взгляда. Подсохшая из-за прямых солнечных лучей трава тихо шуршала под ногами. Я подняла взгляд к бесконечному голубому небу, совсем такому же цветом, как глаза Региниса. Редкие облака почти не двигались по небосводу. Реальность вдруг показалась мне нарисованной картиной, и мы были нарисованы на этом полотне. И огромный круг высоких камней, внутри которого расположились белокрылые мужчины, гармонично дополнял пейзаж. И когда появилась водяная арка, из которой вышли зверолоды, это стало очередным мазком, лишь дополнившим общую композицию. Само место дышало какой-то мистической мощью. От нее сердце замедляло свой бег, дыхание прерывалось, и говорить хотелось только шепотом.

Даже озорники Шейг и Венн вдруг притихли. Они осторожно подбирались к каменному кругу, настороженно разглядывая входивших туда. Наконец совсем остановились. Шейг уселся и тихо заскулил, переставляя передние лапы, змей свил кольца, поднял над ними голову и застыл, не издав ни звука.

— Невероятно, — выдохнула я. — Что это за место?

— Здесь элдры собираются на свой Совет, — приглушенно ответил Скай.

— Сумасшедшая мощь, — я прикрыла глаза, насыщаясь ощущением силы. — А в древности? Что было здесь в древности?

— Я не знаю, — пожал плечами водник и поежился. — Странное ощущение. Кажется, меня сейчас разорвет на части.

— Откройся, — улыбнулась я. — Не пытайся защитить себя от внешнего потока, прими его, пропусти через себя.

Аквей остановился, закрыл глаза. Я видела, как подергиваются мышцы его лица, будто Скай пытается сопротивляться непривычному ощущению.

— Так и с Гранями? — спросил он чуть хриловато.

— Да, похоже, — ответила я и накрыла его плечи ладонями. — Просто расслабься, это не страшно.

— Договорись, ягодка, — проворчал Аквей, вдруг судорожно вздохнул и распахнул глаза, сиявшие энергетическими всполохами.

— Не пытайся удерживать, просто пропусти поток сквозь себя, — шепнула я.

И мой водник расслабился. Он встряхнулся, вновь ощущая себя свободно, и произнес только одно краткое:

— Уф.

Уже входя в каменный круг, я продолжала думать об энергетических потоках, заполнивших пространство. Нужно будет изучить это место из подпространства, если, конечно, Скай позволит мне это. Такой выброс неспроста...

— Оэн, — позвала я, всё еще находясь во власти размышлений.

— Я здесь, ясноокая Ирис, — айр вынырнул перед нами со Скаем.

— Почему вы выбрали это место для Советов?

Крылатый недоуменно посмотрел на меня. Он пожал плечами и оглянулся назад, словно искал ответ на лица своих товарищей.

— Что тебя смущает? — тихо спросил Аквей.

— Пока не знаю, — ответила я. — Но такой мощный поток чистой энергии должен иметь смысл. Нужно подумать... Любопытно, это единственная точка выхода силового потока наружу, или же имеются подобные источники?

— Это может быть важно?

— Не знаю, но... Меня терзают сомнения, только я пока не могу облечь их в форму, — я выдохнула и потерла виски. — Подумаю после. Сейчас у нас иные заботы.

Аквей кивнул, соглашаясь, но сам еще некоторое время прислушивался к токам силы, о чем-то напряженно раздумывая. И когда началось представление элдров и тригов, явившихся с вожаком, пришлось заставить себя собраться и оставить размышления. И все-таки рассеянность не отпускала. И пока Скай держал слово, в который раз повторяя то, что мы уже говорили магам, пока выслушивал мнения собравшихся, я вновь погрузилась в свои размышления...

— Любое сотворение, естественное или намеренное, имеет начальную точку. — Папа держит на коленях широкую дощечку, на которой закреплен лист бумаги. Он снова будет писать свои формулы. Эту часть наших занятий я не люблю, но строгость моего учителя не позволяет увильнуть. — Смотри, малыш, перед нами чистый лист

— ничто. Мы можем нарисовать на нем дом, можем нарисовать цветы, можем нарисовать звезды. Но любой рисунок начнется с начальной точки, который превратит ничто в нечто. — Я наблюдаю за тем, как отец ставит в центре чистого листа точку. Грифель упирается в маленькое черное пятнышко и начинает движение. Папа рисует лепесток, затем второй, еще и еще, и вот уже в центре листа расцвел простенький цветок. Отец поднимает на меня взгляд. — Теперь мы можем двигаться дальше и продолжить наш рисунок. — У цветка появляется ножка, на ней листики. Затем рядом вырастает еще один цветок. — Понимаешь, что мы сейчас делаем? Мы развиваем наш нарисованный мир, дочь. Так же и с Сотворением. Собираемся ли мы создать отдельную особь, ложную реальность или целый мир. Всегда необходима изначальная точка.

— Из ничего создавать невозможно, — возражаю я, вспоминая другой урок.

— Верно, Ирис, — улыбается папа. — Пустота порождает лишь пустоту, но абсолютной пустоты не бывает. Она всегда заполнена энергетическими токами разной степени интенсивности. В случае с нарисованным миром, грифель стал нашим потоком силы, благодаря которому мы начали творить. Сейчас я объясню тебе сам процесс образования. Он берет следующий чистый лист, и я вздыхаю. Теперь точно формулы...

— Бесконечный Хаос, — я порывисто поднялась с места, не сразу заметив, что в каменном круге повисла тишина. На меня смотрели айры, триги, леоры. — Прошу простить.

— Ирис, — позвал меня Скай.

— Мне нужен тот, кто знает, что было здесь в древности, — я прошлась по айрам нетерпеливым взглядам.

— Это место Совета элдров, — не особо уверенно ответил один из летунов.

— Но что было до этого? — я огляделась и указала взглядом на остатки каменных плит под ногами. — Это явно создавали люди. Идеальный круг. Камни расставлены на равном расстоянии. Следы строения на лицо. А если оно было возведено, то имело какой-то смысл. И почему именно здесь? Как давно это было?

— Да что так взволновало тебя? — в недоумении спросил Аквей, поднимаясь с места.

— Древних строений полно по всему миру. Если бы мы задались целью, то нашли бы немало следов...

— Но само место. Скай! — возбужденно воскликнула я. — Оно слишком напоминает изначальную точку! И если это так, то этот мир начал свое рождение отсюда. И тогда было правильно начинать создавать Грани именно здесь, пользуясь потомками энергии, уже прошедшей преобразование. Это же естественный вариант заготовки для Сотворения мира, которые создавали Созидающие в его родном мире. Отец мне рассказывал об этом. А если так, то почему они, обученные творцы, использовали для плетения основы подпространство с его непредсказуемыми токами Изначальной Силы? Что помешало? Уж не это ли строение, стоявшее здесь? Созидающие не могут разрушать ради Сотворения. Ну не могли же они не найти этого места!

— Тогда почему так сильно отделились? — задумчиво произнес Скай. Все, кто находился в каменном круге, молчали, переводя взгляд с водника на меня и обратно. — Пусть тут стояло это строение, пусть Созидающие не могли захватить это место, но потоки разливаются далеко. Я чувствовал их давление, еще не доехав досюда. Почему они не начали формирование Граней на границе? Или поток становится слишком слабым для Сотворения?

Я поджала губы, обняла себя за плечи и прошлась по каменной площадке под взглядами собравшихся мужчин. Дельный вопрос. Зачем ушли далеко от энергетического выплеска? Самоуверенность? Собственные расчеты, построенные на Изначальных токах? Почему не воспользовались самым удобным вариантом? Не могли ведь творцы начать творить, не исследовав мир. Не могли не найти этого места. Тогда почему взялись работать с энергией, заведомо зная, что результат может быть непредсказуем? Ведь если у нас есть заготовка под создание нового мира, значит, можно создать...

— Новые Грани, — сдавленно прошептала я.

— И возвратная волна, как строительный материал, да? — хрипло спросил Скай, оказавшийся за моей спиной.

Я порывисто обернулась к нему, встретила с шальным взглядом глаз-озер и кивнула.

— Но если выйдет нечто подобное? Что если мы повторим опыт первых творцов? Тогда мир окажется между жерновов, — Аквей утер ладонью пот, выступивший на лбу.

— И мы не знаем, почему они не воспользовались основой, несмотря на то, как щедро она сама течет в руки, — глухо отозвалась я. — Ах, кто бы ответил...

Шальная, глупая мысль вдруг завладела моим сознанием. Я вновь сорвалась с места,

меряя шагами каменные плиты. Аквей с тревогой наблюдал за мной, и когда я стремительно обернулась к нему, мотнул головой:

— Не вздумай. Ирис, не вздумай!

Я вернулась к нему, взяла за руки и заглянула в глаза:

— Потом будет некогда спрашивать, — жарко заговорила я. — Только сейчас. Вместе. Ты будешь охранять меня. Пожалуйста, Скай! Отец расскажет мне о прошлом, но ответит ли он на вопросы не о моем прошлом?

— Ты собралась к... Нему? — водник до конца осознал, что я задумала, и стиснул мои запястья. — Ополоумела? Ирис, нет!

— Да послушай же меня, — я попыталась вырваться из захвата. — Я не приближусь, ты станешь для него преградой. Помнишь его горящий замок? Стань вновь рекой, раздели нас. Мы уже знаем, что там он совладать с нами не в силах, тем более, сейчас.

— Почему именно та реальность?

— Там он услышит призыв. Ты станешь преградой меж нами, но услышать его ответ я смогу. Это важно, Скай! Возможно, мы стоим на пороге спасения этого мира! Если то, о чем мы говорили, возможно, значит, больше не будет угрозы от отката, мы сможем перенаправить его сюда. Скай! Но пока мы не знаем причины, по которой творцы пренебрегли самым лучшим место для создания Граней, мы не осмелимся сделать этот шаг. Ну же, жизнь моя! Если появится угроза, мы покинем ту реальность и вернемся в Истинную.

— С чего ты решила, что он расскажет тебе? — хмуро спросил Аквей.

— Я не буду спрашивать у него совета. Лишь хочу узнать, почему они начали Сотворение в наиболее неподходящем месте. Только и всего. К отцу он не даст прорваться, но там...

— Тьма, Ирис, — раздраженно ответил Скай. — Ты хоть понимаешь, что ты рискуешь всем за несколько дней до сражения? Нам осталось сделать пару шагов, и мы можем избавиться от Вайториса и опасности для мира.

— Поэтому и спешу, — я прижалась к нему. Мгновение слушала, как учащенно бьется сердце моего супруга, а после вновь посмотрела в глаза: — Мы не дадим ему и шанса, чтобы забрать меня. Доверься...

Водник поднял глаза к небу. Он не хотел идти у меня на поводу, я это видела, но терпеливо ждала. Наконец, Скай выругался и шумно выдохнул.

— А если после уничтожения рыжего твой отец сможет ответить?

— А если не сможет? Скай, мы будем вечно привязаны к Граням, чтобы охранять этот мир от уничтожения. Не скажу, что я готова умереть быстро, но и жить вечность не имею желаний. Всё, что имеет начало, должно иметь и свой конец. Любой путь однажды заканчивается, а блуждать по кругу удел истинных богов. Ты хочешь, чтобы твоя жизнь превратилась в бесконечное рассеивание откатов? Ты хочешь пережить их, — я обвела рукой пространство вокруг себя, — их детей, правнуков? Кто знает, во что мы сами превратимся через пару тысяч лет? Не хочу становиться той, в ком будут видеть врага всего сущего. Не хочу превращаться в Вайториса.

— Ты им точно не станешь, — улыбнулся Скай, вновь привлекая меня к себе. — Я послушаюсь тебя. Но если мне что-то не понравится...

— Вытащишь нас в то же мгновение, — ответила я.

Водник вздохнул:

— Мне до зубовного скрежета не нравится твоя идея. Но в ней есть зерно истины. — Он обернулся к напряженно застывшим участникам сегодняшнего Совета: — Не расходитесь, мы вскоре вернемся и продолжим.

— Куда вы уходите? — Рварн вскочил с места. — Я слышал имя выродка! Я хочу идти с вами!

— Мы должны оберегать нашу Мать! — айры тоже оказались на ногах.

— Господин, мы ваши телохранители, мы не отпустим... — заговорили леоры.

— Готова? — тихо спросил Скай, я кивнула, и реальность изменилась.

Передо мной рокотала широкая река, на другом берегу полыхал черный замок. Огляделась, водника уже рядом не было, но я чувствовала его, и это успокаивало. Протяжно вздохнув, я простерла в сторону правую руку, и берег изменился. Землю тряхнуло, и меня понесло вверх. Утес, только что созданный мной, навис над рекой, и ее яростные волны ударились в каменную твердь.

— Всё хорошо, жизнь моя, — негромко произнесла я. После приложила ладонь ко рту, и мой голос разнесся по ложной реальности громовым раскатом: — Вайторис! Вайторис!!! — и уже тише: — Покажись, мразь.

Он появился. Спустя несколько томительных минут из замка вышла черная тень. Красные волосы вспыхивали в отблесках огня, и казалось, что голова Вайториса тоже пылает, как и стены проклятого замка. Я ждала, когда он подойдет к самой кромке воды.

— Ты успела соскучиться по мне? — крикнул Вайтор, и я разглядела на его лице улыбку.

Что мне хотелось в этот момент? Мне хотелось вцепиться в его физиономию и разодрать ее в клочья. Зло не может быть столь прекрасным, оно должно быть уродливым и мерзким, как душа, таящая его. Тьма! Да мне просто хотелось уничтожить его, хотелось, чтобы он прошел через все мои агонии, чтобы испытал хотя бы сотую доли той боли, которую успел причинить не только мне. Но ничего этого я сделать не могла, потому, подавив бессильную злобу и ненависть, я заставила себя вспомнить о том, зачем пришла сюда.

— Мне нужен ответ, — крикнула я.

— Какой ответ, нежная моя? Почему жена не рядом с мужем? — насмешливо спросил Вайторис, и река вздыбила воды, облив огневика с головы до ног.

— Я рядом со своим мужем, Вайтор, — сказала я, кривовато ухмыльнувшись, когда лже-Вечный открыл рот, судорожно вдохнув от неожиданности. — Теперь я, наконец, знаю, что значит быть любимой, но я хотела поговорить не об этом.

— А как же Регин и Айер? Разве же ты не знала с ними, каково быть любимой? А я Ирис? Я ведь к твоим ногам весь мир положил.

— Ты украл у меня память, я забыла, как быть любимой кем-то кроме моего супруга, — я постаралась сохранить равнодушный вид. — О твоей любви я слышать не желаю. От твоей лжи сводит зубы.

— И все-таки ты дорога мне...

— Я знаю, Вайтор! — выкрикнула я. — Без меня ты не выживешь. Я — ключ к твоему бессмертию.

— Как низко ты ценишь меня, — усмехнулся убийца.

— Я вообще тебя не ценю, Вайторис — убийца и предатель!

— Вспомнила?

— Многое. Почти всё, но я не буду спрашивать тебя о том, чего еще не помню. Я хочу знать лишь одно — почему вы не воспользовались начальной точкой? Почему сотворили Грани из Изначальных токов?

— Ищешь ключик к спасению этого мирка? — усмехнулся Вайторис. — Бесплезно. Мы два тысячелетия с лишним его искали.

— Ты не ответил.

Вайтор усмехнулся своим мыслям, тряхнул волосами, но все-таки ответил:

— Мы нашли три источника, которые можно было считать за начальную точку. Один источник посреди океана, на него наткнулся Регин, когда шел по следу Силы. Второй нашел я, он оказался на месте действующего тогда вулкана. На третий набрел Тер, там стоял храм языческого бога. Мы хотели использовать третью точку, но дикари не позволили нам приблизиться.

— А границы распространения Силы?

— Это был слабый источник. Мы даже не были уверены, что его можно считать за начальную точку. Нам пришлось покинуть землю, на которой стоял храм, потому что жрецы объявили нас святотатцами и объявили награду за головы.

— А первые два источника?

— Еще хуже, чем Изначальная Сила. Не было статичности. Мы не смогли точно определить точку выхода энергии на поверхность. К тому же, что лава, что океан неудобны в работе. Вода для меня, огонь для Регина. Храм был почти идеален, если бы источник был силен. Мы выбрали центр между тремя точками. Грани создавались в самом сердце треугольника, чьими вершинами стали точки выхода энергии.

— Но использовали Изначальную Силу...

— Стихийной не хватало на Сотворение, решили дополнить Изначальными потоками.

— Постой! — я вскинула руку, осмысливая сказанное. — Три точки выхода, но начальной может быть только одна?

Вайтор отставил ногу в сторону и скрестил на груди руку.

— Начальная одна, но чем больше площадь сотворения, тем больше шансов на появление вспомогательных источников. От начальной их отличает то, что со временем источник иссякает и закрывается, начальная продолжает выплескивать энергию, пока формирование мира не заканчивается. После того, как закроется и начальная, прекращается энергетическая подпитка. Созидание переходит в разрушение, и когда силовой слой истончается, мир умирает. Это не менее долгий процесс.

— Модель рождения и смерти однотипна, — кивнула я. — Я помню, отец рассказывал.

— Тогда должен был обучать и про вспомогательные источники.

— Папа был хорошим учителем, тебе это хорошо известно, — сухо ответила я и задала новый вопрос: — Возможно ли усиление энергетического выплеска в точке, где раньше источник был слабым?

— Если закрылись вспомогательные источники, или один из них. И если то, что поглощало силу, исчезло. — Вайтор вдруг стал задумчивым. — Место, где стоял старый храм? Там усилился поток? Полторы тысячи лет назад, пока стоял храм, выброс по-прежнему был слабый... Хочешь перенаправить поток из Отражений?

— Это ведь возможно, да? Почему вы...

— После того, как рост Отражений увеличился, мы уже не рисковали делать лишних

движений, — скорее машинально ответил Вайторис. — Если ты перенаправишь откат, Отражения перестанут скапливать энергию и по силовому запасу сравняются с Истинной Реальностью, а я лишусь своей подпитки... Нет, маленькая, не выйдет. Этого сделать я тебе не позволю.

— Отправишься уничтожать источник? — осклабилась я. — Давай, Вайтор! Довольно сторожить Грани, словно злобный пес! Выберись из замка...

— И ты отомстишь мне? — Вайторис покачал головой и вдруг воскликнул с яростью: — Как же я устал от тебя, Ирис! От тебя и твоего пронырливого папаши! Если бы не поганец Тер, ты бы ела с моих рук. Но раз уж нельзя иначе, тогда начнем всё заново.

Земля вдруг задрожала, зазмеились трещины, прочертив дно стремительной реки, раскололи утес, и наверх понеслась обжигающая лава. Вокруг заплясали языки пламени, подбираясь все ближе, захватывая в ловушку. Река, озаренная огненной лавой, заполнившей дно, взбурлилась высокими волнами. Они поднялись почти до края утеса, но прыгнуть вниз я не успела, огонь отрезал путь.

— Да пошел ты, Вайторис, — ухмылка вышла злой.

Трещины, повинаясь мне, сошлись, отрезая путь лаве. Река бросилась на огонь, гася его, и я бросилась вниз. Вода подхватила меня, утянула за собой, унося прочь из лже-реальности, а еще через мгновение мы со Скаем вернулись в центр языческого храма. Он с силой прижал меня к себе и отчеканил:

— Больше никаких безумных идей.

— Скай, он может уничтожить источник, — не слушая, с тревогой произнесла я. — Вайторис — Разрушитель, ему это под силу.

— Он не решится оставить свой насест, — не особо уверенно произнес Аквей. — Если мы подозреваем, что он может уничтожить нашу надежду, то рыжий боится, что мы можем выманить его и уничтожить связь с Гранями. Вспомни, он всегда брал тебя именно этим. Запугивал, ты верила и сама шла в ловушку. Нужно найти другие источники, возможно, они еще не закрылись.

— А возможно, открылись новые, — немного успокоившись, ответила я. — Из-за Граней мир поглощал много энергии, если формирование еще не закончено, значит, могли появиться. В любом случае, лучше заканчивать Совет и уходить отсюда. Мы еще не готовы к встрече с ним в Истинной Реальности.

— Эта мысль здравая, — кивнул мой водник. — Соберемся позже и в другом месте.

Спустя четверть часа мы уже стояли под воротами замка в Долине трех озер. Айры разлетелись по своим селениям, триги ушли через Водные врата. Скай не стал испытывать судьбу и открыл вторые, которые вывели нас в долину. Однако у источника теперь располагалось озеро, и если бы Вайторис появился, мы бы узнали об этом. Однако ложный бог не спешил уничтожать хрупкий шанс для нашего мира. Похоже, Скай вновь оказался прав, и Вайтор решил не рисковать. Ну что ж, пусть так и будет.

Глава 18. День двадцать первый

— Шейг! Помогите!

Пронзительный визг из-за двери, державшийся на высокой ноте, подкинул нас со Скаем с кровати. Земля просыпалась, и рассветные лучи еще только позолотили верхушки деревьев, а замок уже гудел потревоженным ульем. В коридор выскочили не только мы с Аквеем.

Тетушка Тей сонно терла глаза, по лестнице грохотали шаги стражи. Испуганно выглядывали из-за углов слуги. Венн растянулся вдоль стены и усиленно спал, Искра... Искра осталась в кресле, наплевав на все происшествия.

На полу на животе лежал начальник стражи, мощный детина с лицом, заросшим щетиной, и этот высокий пронзительный визг принадлежал поверженному великану. Над ним навис Шейг, исходивший на любовь. Мое создание уже обмусолило бедолагу с ног до головы, но всей полноты чувств еще не выказал. Стоило начальнику стражи попытаться уползти, как громадная лапа прижимала его к полу, и вылизывания продолжались.

— Господин, — просипел бородач, — он хочет сожрать меня.

— Какая глупость! — всплеснула руками провидица. — Ребенок всего лишь решил поиграть, и не стоило так голосить и ставить весь замок на уши. Никакого покоя.

Она покачала головой и ушла к себе, хлопнув дверью.

— Свободны, — махнул рукой Скай.

Стража, немного потоптавшись, покинула этаж с хозяйскими покоями, следом за ними исчезли слуги. Только леоры еще некоторое время наблюдали за счастливым до изнеможения Шейгом, наконец, махнули рукой и тоже ушли. Остались только мы с Аквеем, начальник стражи и два громадных дитяти. Один радовался новому другу, второй подглядывал одним глазом, но как только на него обращались взоры, тут же продолжал тщательно спать.

— И кто выпустил дурня из покоев? — спросил Скай.

Он повернулся ко мне, я возмущенно округлила глаза. Искру избавили от подозрений сразу, она не вышла ростом и силой, чтобы открывать двери, а вот... Мы снова посмотрели на Венна. Змей таял на глазах, становясь ручьем воды. Ручей неспешно потек по коридору, но только водник рявкнул:

— Стоять! — как поток воды стремительно исчез за первым же углом. Аквей с негодованием шлепнул себя по бедру и воскликнул: — Утек! Ну, змей...

Я поманила к себе Шейга. Глупыш вывалил язык и рванул ко мне, но вдруг остановился, обернулся к жертве своей любви, издал огорченное:

— У-у-у, — и плюхнулся на лохматый зад, не зная кого выбрать.

— По ушам, — бросил Скай, и для Шейга всё встало на свои места.

Он подлетел ко мне, облизал лицо и помчался скачками в открытые двери покоев. Аквей проводил зверя взглядом, после свел брови и зашагал прочь, ворча:

— Найду негодя и... не знаю, что с ним сделаю. Но точно сделаю. Только сначала найду.

— Не обижай его, — попросила я вслед.

— Я тебя не слышу, — откликнулся водник, закрывая уши ладонями, а затем, должно быть для верности, сфальшивил фривольную песенку, не утруждаясь словами: — Ла-ла-ла...

— Скай, он твое творение!

— Тра-ла-ла...

— Не, не обидит, — хмыкнула я и повернулась к начальнику стражи. Тот несмело сел, вытер подрагивающими руками лицо, скривился и поднял на меня несчастный взгляд:

— Госпожа, он хотел меня сожрать?

— Вы ему понравились, — улыбнулась я. — Шейг полюбил вас с первого взгляда.

— Какой ужас, — простонал мужчина. — Впервые я не рад, что Создатели одарили

меня привлекательной внешностью.

— Несите свое бремя с достоинством, — строго сказала я и скорей скрылась в покоях, чтобы не обидеть бородача смешком. О своей внешности он был явно высокого мнения. Впрочем, забавным было не это, а то, что стражник отнес желание Шейга дружить к своей привлекательности.

Но стоит заметить, у Шейга все-таки появился еще один друг, неожиданный такой друг. Рварн пришел в неопиcуемый восторг от нашего шалуна и после небольшого Совета носился с ним по близлежащему лесу, чем вызвал ревнивую обиду Венна. Змея позвать забыли. Так что, не берусь утверждать точно, но то, что Шейг оказался вдруг за дверями покоев, могло быть и маленькой мстью его водянистого приятеля. Что же до трига, тот не просил прямо, но жирными намеками дал понять, что был бы счастлив, если бы у его стаи появились такие звери.

— Зачем вам звери? — удивилась я.

— Охранять. Помощники на охоте, — тут же нашелся с ответом Рварн.

— Я подумаю, — пообещала я, и триг ушел, сияя от удовольствия. Кажется, будущее место обитания шейгов уже было определено.

В покоях меня встретил возмущенный писк Искры и запредельно счастливо ворчание моего создания. Я поспешила на выручку крысе, метавшейся по гостиной, куда его загнал неугомонный Шейг. Сам шалун прыгал вокруг, преграждая Искре дорогу. На полу валялись осколки, и чем они раньше были, определить уже было невозможно. Я перехватила Шейга, позволил крысе сбежать, и лохматый дурень обиделся.

— Агр-ру-у, — прорычал-провыл он, получил щелчок по носу и уткнулся мне в грудь, переходя к жалобам. — У-у-у... У-у...

— Не притворяйся, — строго велела я. — Есть хочешь?

Конечно, он хотел, и не успела я опомниться, как Шейг уже топтался у выхода. В это мгновение дверь открылась, и мое творение вынеслось прочь с довольным урчанием. Откуда-то из-под него послышалась отборная брань главы клана водников. Я охнула, вытянула шею и с сочувствием спросила:

— Больно, милый?

— Убью, — непонятно кому пообещал благородный леор, и я сочла за благо последовать примеру змея.

Рванула к умывальне, на ходу меняя форму. Даже удивиться не успела тому, как легко это вышло, до того хотелось скорей сбежать из-под гневных очей собственного супруга. Шейг чей? Мой. Норов ему кто заложил? Я. Стало быть, кто виновен в том, что шальное создание затоптало второго и последнего в этом мире творца? Аквей! А нечего было становиться на пути жизнерадостной громадины. Так-то. Но ведь это же еще надо объяснить, а как объяснить, когда водник за спиной ревет раненым в зад медведем? Нет уж, пусть сам догадается, что был неправ.

Вода сомкнулась над головой, скрывая мои очертания, и я попробовала перенестись в одно из озер, но...

— Куда бежим? — полюбопытствовал Скай, глядя на меня сияющими синими глазами.

— В озеро, — сообщила я, пытаюсь разобраться с тем, как водник открывает переход.

— И как? — с заметным интересом спросил Аквей, плавая вокруг меня, словно хищная рыба.

— Еще немного, — деловито сообщила я и...

Вынырнула в озере. Не одна. Рядом счастливо скалился вероломный супруг. Между виной за прыть Шейга и обидой на Аквея за то, что не дал мне самой разобраться, я выбрала последнее.

— Да как ты смел? — надменно спросила я.

— Желание супруги...

— Было самой разобраться с переходом! — отчеканила я и выбралась на берег. — Я оскорблена твоим недоверием. Скайрен Аквей, отныне и до полудня я с тобой не разговариваю...

— И не надо, — отмахнулся гадкий водник, делая мне подсечку. — Мне твоих стонov вполне хватит. До полудня говоришь? — тут же ладонь его накрыла мне рот, и глаза-озера полыхнули коварством: — А вот нарушать обет нельзя. То ни есть доблесть, то есть слабость и бесчестье. — Он накрыл мои губы своими губами, и обет молчания вступил в силу. Ну, по крайней мере, о Шейге не вспомнил... Ох, Шейг!..

Что вытворял шалун, мы узнали, когда вернулись в замок. На удивление, ничего страшного. Перепугал кухарей, когда примчался на замковую кухню, сожрал всё, что только можно было сожрать, а после завалился спать, там же, на пороге кухне, взяв этим в плен кухарей и их помощников. В отличие от Шейга, его приятель, как хороший мальчик, позавтракал вместе с Войтером, у которого всё это время прятался под кроватью. Корыто ему принесли прямо в комнаты молодого леора. А затем отправился на свой пост и сторожил пустые покои. Никого не трогал, не пугал, в общем, вел себя прилично, выслуживаясь перед сердитым создателем. Кстати, в лице Войта Венн нашел полное взаимопонимание, хорошего собеседника и хлебосольного хозяина. Впрочем, я угомонила зверя на берегу озера, ну, или он угомонился сам, так что все провинившиеся выжили. Венну потрясли перед носом пальцем, спящего Шейга закрыли во внутреннем дворе, и все вздохнули спокойно. На этом происшествия первой половины дня закончились.

— Ваши намерения не изменились? — спросила за обеденной трапезой лейда Тей.

— Нет, разумеется, — ответила Скай. — Мы отправляемся к океану.

— Не потратите ли вы силы?

— Дар Созидания хорош тем, что ограничений, как магия, не имеет, — пояснила я. — Мы черпаем силу из своей стихии, чистую силу, а она бездонна. Но усталость в конце дня будет сильной.

— Телесная усталость проходит с крепким сном и доброй трапезой, — пожал плечами Аквей. — Это не опустевший источник. Но почему ты спросила, родная? Что встревожило тебя?

Провидица промокнула рот и задумчиво посмотрела на свой перстень. Она некоторое время молчала, и мой водник отложил нож и вилку, испытующе глядя на тетушку.

— Не могу сказать точно, мой мальчик, — наконец заговорила Тейда. — Терзает меня предчувствие, не великой беды, но чего-то нехорошего.словно червь засело под кожей. Видений не было, потому не могу понять, что так мучит меня. Но... Что-то случится, мой мальчик, и скоро случится. Только вот кому это видение предназначено... Быть может, и не вас оно касается, быть может кого-то из леоров или черни. — Она вздохнула и сделала глоток воды из любимого стаканчика. — Не люблю предчувствий, порой они обманывают.

— Мы будем осторожны, родная, — улыбнулся провидице Скай.

— Благословят вас Высшие Силы, — ответила Тей, накрывая наши с водником руки.

Едва закончилась дневная трапеза, мы покинули замок в Долине трех озер. Вошли в одно из озер, а вынырнули посреди бескрайних водных просторов.

— Чувствуешь? — спросил Аквей.

— Нет, — я разочаровано мотнула головой. — Если тут и был источник, то он закрылся.

— Не закрылся, — ответила Скай, прислушиваясь. — Моя стихия, я ее чувствую, но поток слабый. По сравнению с храмовым, этот источник капля в океане. Нужно проверить третью точку. Судя по карте, она находится на Зубастой горе. Там человеческое королевство, магов не особо жалуют, но чуть что бегут к землевикам, этот клан ближе всего к людям.

— Да, помню, — согласно кивнула я. — Доводилось... бывать там. Но сейчас лучше заняться делом.

— Угу, найдем сушу.

Я прислушалась к себе, отыскивая следы родной стихии, и уверенно указала направление. Вскоре мы уже выбирались на милый островок без следов человеческого обитания.

— Маловат будет, — задумчиво произнес Аквей. — Нам войско создавать.

— Увеличим, — я пожала плечами.

— Нет, мы и так сейчас всколыхнем энергетические потоки, — Скай огляделся. — В воде постоят, не размокнут. Итак, подобие человеческое... Уверена? Браннеры — звери.

— Зверьем своих перепугаем, — возразила я. — Посмотри, как они от Шейга шарахаются. Не стоит людей во время боя смущать ликом тех, кто призван быть союзником, а не врагов.

— Ты права, — улыбнулся водник, обнимая меня за плечи одной рукой. — Человеческое подобие будет уместней. Значит, начальная точка, основа, изначальные условия, форма, плоть. Так?

— Ты хороший ученик, жизнь моя, — ответила я, потрепав его по влажным волосам. — Приступаем.

— Да, тянуть ни к чему, — согласился Скай.

Он отошел от меня, присел на корточки перед самой кромкой воды, протянул руку, и небольшая волна, словно ласковый кот, нырнула под раскрытую ладонь, накрыла ее перчаткой и откатила, готовая внимать Созидающему. Однако Аквей не спешил приступать к сотворению. Он опустился на колени, накрыл их ладонями и произнес, вроде ни к кому не обращаясь:

— Я чувствую вас, покажитесь.

Нахмурившись, я подошла к нему, встала за спиной, и Скай, полуобернувшись, поймал мою руку. Он кивнул на океан:

— Они там.

— Кто? — удивилась я, прислушиваясь к голосу стихии, но моя звучала сейчас голосом острова и его обитателей.

— Они, — вдруг улыбнулся мой водник, и над поверхностью волн показались две светловолосые головки. Скай махнул свободной рукой: — Плывите сюда, не бойтесь.

Девушки послушно приблизились, но на берег не вышли, и я только сейчас разглядела блеснувший отсветом солнца на чешуе хвост.

— Его создания, — шепнула Аквей. — Творения Региниса и твоего отца, я уверен.

— Люди-рыбы, — приглушенно откликнулась я.

— Тоже его потомки...

— Какой славный, — Регинис держит на руках младенца.

Это мальчик, ему не больше полугода от роду. Пухлые румяные щечки, ясные голубые глаза, светлый пушок на голове. Регин смотрит на него с нежностью, и я где-то внутри чувствую детскую ревность, но заставляю себя отмахнуться от нее, напоминая себе, что я уже взрослая и должна принимать любовь моего водника к своему потомку с уважением. Когда родился сын Регина, пращур этого младенца, даже бабушки моей мамы не было на свете. И все-таки я нервничаю, когда понимаю, что дети рождаются не сами по себе, и далекую бабушку малыша мой мужчина держал в объятьях, а может даже и любил...

— Ирис, — зовет меня Созидающий. Я подхожу к нему, и Регин осторожно передает мне младенца. Невольно отступаю назад, просто страшно взять малыша на руки, он кажется таким хрупким...

— Что, сестрица, трусишь? — насмешливо спрашивает Кай.

Брат с нами с того страшного дня, когда Регин перенес нас к воротам магического училища, которое заканчивал Кайрас. Известие о трагедии произошедшей на Зеленом холме брат перенес стойко, скрыв от меня свою боль. Впрочем, он мужчина, и открыто слезы пролила только я, но позже, ночью, я слышала, как Кай разговаривал с родителями, и вновь беззвучно плакала, опасаясь помешать ему. Регин заменил нам отца, мать, Каю брата, мне стал почти мужем. Он заботится о нас, но его что-то угнетает, я чувствую. Но самое непонятное — это то, что Регинис отказался от ритуала слияния, обещав объяснить причину позже.

А вчера, спустя десять дней после трагедии, он привел нас к домику деревенской знахарки, где оставил жену своего правнука с их сыном. Женщина, потерявшая не только мужа, но и привычную ей жизнь, оказавшись в бедном доме, не вынесла перемен и малодушно сбежала, оставив сына на попечение знахарки, уже давно достигшей преклонного возраста. Куда сбежала слабовольная лейда, нас уже не интересовало. Скорей всего, к своим родственникам. По крайней мере, тела знахарка не видела, а вот вещи исчезли. Домик пожилой женщины мы покинули уже вчетвером: Регинис, я, Кайрас и младенец с именем — Стром.

— Я не трушу, — сердито говорю я и все-таки принимаю младенца на руки. Он не такой легкий, каким казался со стороны, но и не тяжелый. Даже не такой хрупкий, как мне казалось. Стром смотрит на меня, широко распахнув глаза, он протягивает ручку и дотрагивается до моей щеки, и мое сердце вдруг наполняется восторгом и умилением. Я целую его в румяную щечку и воркую едва слышно: — Маленький, хорошенький.

Неожиданно нас с малышом обнимают надежные руки Региниса. Он утыкается мне в макушку, и мне кажется, что Созидающий произносит:

— У нас могло бы быть такое будущее. Как же жаль...

Вскидываю голову и смотрю на него во все глаза:

— Что ты сказал?

— Я сказал, что дети наше будущее, — отвечает Регин с улыбкой, но я вижу в его глазах затаенную тоску.

— Ты врешь, — мой голос дрожит. — Ты сказал другое.

— То, что я сказал...

— Не смей мне врать, Регинис! — вскрикиваю я, и Стром пугается. Он плачет, а я растерянно моргаю, не зная, как успокоить ребенка.

— Дай сюда, недотепа, — ворчит Кай, отнимая у меня малыша раньше, чем это делает Регин. Брато смотрит на него и произносит: — Она должна знать. Скажи.

— Не могу, — отвечает творец. Он вдруг кажется мне уязвимым и беспомощным перед тем, чего я не знаю.

— Однажды тебе придется сказать, — жестко говорит мой брат и отходит, чтобы успокоить Строма и дать нам поговорить.

В первое мгновение меня обжигает осознанием, что Регинис что-то скрывает меня, но не таится от брата, однако в следующий миг я забываю об этом, потому что вспоминаю и отказ от слияния, и странные взгляды, которые порой ловлю на себе. В них тоска и боль, но я всегда относилась это насчет того, что Регин переживает случившееся с его друзьями и предательство Вайториса, а теперь со всей отчетливостью понимаю, что всё это касается меня и только меня. Страх ледяной змеей вползает в сердце, сжимает его оковами, и я прижимаю руки к груди, пытаюсь сдержать пропасть, вдруг разверзшуюся внутри.

— Что? — сипло выдыхаю я. — Что, Регин, что?

— Ирис...

Он начинает, но сразу же замолкает и отворачивается. Я приближаюсь к нему, останавливаюсь за спиной, в первую секунду не решаясь дотронуться. Но все-таки протягиваю руки и прижимаю к широкой спине ладони. Мне страшно... Мне так страшно!

— Не молчи, — всхлипываю я. — Пожалуйста...

Регинис вновь разворачивается лицом ко мне, обнимает и втискивает в свое тело.

— Прости, — шепчет он. — Прости.

Вскидываю к нему лицо, но из-за мутной пелены слез не могу разглядеть дорогих мне черт. Мужские пальцы скользят по моему лицу, собирая соленую влагу.

— Регин, — мой голос срывается, и я договариваю уже шепотом, — Расскажи мне.

Он прижимает мою голову к своей груди. Я слушаю быстрый бег его сердца, а потом до меня долетает тусклое:

— Я умираю, Ирис. Моя долгая жизнь подходит к концу.

— Что? — я вырываюсь и широко распахиваю глаза, ловлю его взор. — Повтори! Регинис невесело усмехается:

— Вайтор достал меня на расстоянии. Я больше не слышу Грани. Он отсекает меня от них. Энергия Отражений больше не поступает ко мне. Мою жизнь и силу уже ничего не питает, маленькая. Не знаю, сколько мне осталось, но в волосах уже появилась седина. Приглядишься, за несколько дней я стал выглядеть старше. Энергия Граней может остановить мое стремительное старение, но я не могу найти дорогу к замку, теперь не могу. Поэтому я отказался от слияния. Я хочу его больше всего на свете, но я не посмею утянуть тебя за собой. Хочу, чтобы ты жила...

— Но если слияние поможет? Что если оно продлит тебе жизнь?!

— А если нет? Возможно, мне осталось дней десять — пятнадцать, может больше, может меньше. Мы никогда не интересовались тем, что будет, если утратить связь с Гранями. И я слишком мало знаю о слиянии, чтобы рисковать твоей жизнью.

— Нет! — я ожесточенно мотаю головой, но Регинис ловит мое лицо в капкан своих ладоней.

— Милая моя, любимая, — жарко говорит он, целуя меня, — желанная, слишком юная. Я не заберу твоей жизни, она слишком дорога мне, чтобы рискнуть и проиграть. Ты будешь жить, а я сделаю тебе дар.

— Не хочу...

— Однажды ты скажешь мне спасибо, только мне будет нужна твоя помощь. Боюсь, один я сейчас не справлюсь, а мне не хочется уйти, пока могу быть вам защитой.

— Что ты хочешь сделать? — сквозь всхлипы спрашиваю я.

Регинис вновь прижимает меня к себе, успокаивающе гладит по волосам, по спине, целует в макушку и молчит. Он дает мне выплакаться, ждет, когда успокоюсь. Только мне не хочется успокаиваться. Как я могу успокоиться, когда моя душа готова покинуть меня? Как я могу выплакать свое горе, когда знаю, что мой любимый умирает? Как я могу не думать о том, сколько времени потратила на то, чтобы оттолкнуть его, и как поздно поняла, кто действительно живет в моем сердце? Он ждал меня семнадцать лет, а был любим не больше пары месяцев... Несправедливо! Нечестно...

— Не отпущу-у-у, — вою я, вжимаясь лицом в твердую мужскую грудь. — Не отда-ам!

— Тьма, — хрипло выдыхает Регин. Его пальцы сжимаются на моем затылке, комкая волосы. — Как же жаль...

Я вскидываю к нему лицо, и горячие губы возлюбленного находят мои. Не поцелуй, это остервенелая борьба на грани пропасти. И крик брата:

— Мы прогуляемся, — едва касается сознания.

Но этого хватает, чтобы решиться на отчаянную мольбу:

— Я хочу познать тебя, — шепчу, разрывая поцелуй. — Я хочу познать твою любовь. Прошу!

— Ирис, — растерянно отвечает Созидающий. — Милая...

— Я хочу познать тебя, Регинис! — восклицаю я, судорожно дергая тесемки на его рубашке.

Он перехватывает мои руки, удерживает, но я мотаю головой и снова бросаюсь на него:

— Регин, сделай для меня это. Я хочу познать тебя. Ну, я прошу тебя!

Созидающий несколько мгновений смотрит на меня шальным взглядом, и вдруг сам дергает ворот рубашки, срывая неподатливые тесемки:

— Но ведь моя же, моя! — хрипло восклицает он. — Всегда для меня...

— Для тебя, — шепчу я, и наши губы вновь встречаются.

Снова сумасшедший напор, который вдруг утихает. Водник отрывается от меня и, мотнув головой, и, задыхаясь, произносит:

— Нет, не так.

— Что? — я не понимаю, что он хочет сказать. Боюсь, что остановится, передумает, но Регин подхватывает меня на руки и несет к заброшенному охотничьему домику, в котором мы хотели остановиться на ночлег.

— Не хочу, чтобы ты запомнила меня, как торопливого юнца. Я отдам всё, что берег для тебя, моя единственная. — На его устах улыбка, а мне хочется выть от боли, но всего один поцелуй, и мир вновь разлетается на осколки. Только я и мое первое настоящее, но такое короткое счастье...

— Ирис, — я открыла глаза, ошалело посмотрела на Ская, перевела взгляд ему за спину, где стояли несколько мужчин и женщин. Краем сознания отметила, что хвостов уже нет, и опять посмотрела в глаза-озера: — Ирис...

— Ирис.

Я стою на коленях посреди лесной поляны. Недалеко от меня расположился Кайрас, он

баюкает Строма. Отвожу от них рассеянный взгляд и смотрю на Региниса. Прошло еще пять дней наших блужданий, и теперь отчетливо видно, как его волосы из светлых превращаются в белоснежные. Седина уже покрывает половину головы. Вокруг глаз морщинки, тело увядает, но пока еще сохраняет свою крепость и силу. Мне тяжело смотреть на него. Нет, не неприятно видеть, как уходит долго удерживаемая молодость, мне тяжело осознавать, что каждый день всё стремительней приближает Созидающего к концу. Я теряю его час за часом, секунда за секундой, и не в силах изменить что-либо.

— Я люблю тебя, — вырывается у меня.

— Моя нежная девочка, — улыбается в ответ Регинис.

Он проводит тыльной стороной ладони по моему лицу и шепчет:

— Спасибо.

— За помощь? — всхлипываю я. Теперь я плачу так часто, что Регин подшучивает, будто из моих слез он мог бы создать новую сущность. Мне не смешно, мне становится только хуже.

Созидающий отрицательно качает головой.

— За счастье быть с тобой, — отвечает водник.

— Да разве же это счастье, когда ты... — нет сил произнести вслух страшные слова.

— Истинное, — говорит Регинис, коротко целует меня, и его тон неуловимо меняется:

— Приступаем. Когда остановится сердце, следи за изменениями. Не позволяй мне уйти, удержи, ты сможешь.

— Зачем ты это делаешь?! — с мукой восклицаю я.

— Для тебя, — Регинис опять улыбается. — Так нужно.

Он больше не позволяет мне говорить, закрывает глаза, и я слежу за тем, как меняется его дыхание. Оно становится размеренным, затем затихает, сердце останавливается, и Созидающий ничком падает на траву. Я готова голосить от ужаса, но заставляю себя успокоиться. Регину нужна моя помощь, а не истерика. Подползаю к его телу, усаживаюсь рядом, беру за руку. Она теплая, почти живая, только нет пульса. Сейчас Созидающий в подпространстве и творит свое последнее деяние. И об этом я тоже заставляю себя не думать, чтобы не сорваться в черную пропасть отчаяния.

— Ирис, — негромко зовет брат, — пора?

Я отрицательно мотаю головой, хоть и готова выдернуть Регина в каждую секунду, но понимаю, что он еще не закончил, и что еще сам держится. Тело, хоть и лишенное признаков жизни, продолжает хранить следы недавнего существования. Еще не покрылись пепельной бледностью щеки, еще сохраняется тепло, нет и намека на окостенение. Несмотря на увядание. Регинис еще достаточно силен, и я всего лишь слежу за ним, а не поддерживаю.

— Долго, — нервно произносит Кай.

— Он еще с нами, — отвечаю я. — Значит, не закончил.

— Жутковато быть творцом, — передергивает плечами брат. — Магом проще.

Перестаю его слушать. Теперь мне тоже тревожно. Всё чаще кажется, что Регинис бледнеет. Я вглядываюсь в него, шупаю тело, боясь обнаружить, что оно холодеет. Сгибаю ему пальцы, руку в локте, а после облегченно выдыхаю.

— Ну же, — нервно шепчу я. — Регин, прошу тебя.

Наконец, сердце Созидающего ускоряет бег, и он открывает глаза, жадно вдыхая.

— Ненавижу возвращение, — ворчливо говорит водник, сжимая мои пальцы.

— Дурак! — слезливым голосом восклицаю я и бросаюсь ему на шею.

Регинис смеется, сжимая меня в объятьях.

— Умница моя, — говорит он весело. — Смогла, не выдернула раньше времени.

— Едва сдержалась, — признаюсь я. — Что ты сделал?

— Подарил тебе будущее, — улыбается Созидающий. — Я связал наши сути со Стромом. — Я не до конца понимаю, и Регинис поясняет: — Если я всё рассчитал верно, то малыш получил мое наследие. Сбереги его, а когда придет время, пробуди.

— Не понимаю...

— Дай ему поток своей крови, слияние должно сработать, как катализатор, и в нем проснется Созидающий. Он получил от меня дар творца и мою любовь к тебе. Когда он проснется, ты получишь то, чего не смог дать тебе я.

— Но...

Ладонь водника накрывает мой рот:

— Сила притяжения стихий должна быть такой же, как наша. Я хочу, чтобы ты была счастлива, если не со мной, то с моим потомком. Сейчас ты не понимаешь меня, но в будущем...

— Не хочу я будущего без тебя!

— Время покажет...

Вынырнула из очередного воспоминания. Наверное, я плакала, потому что глаза горели, влага на лице ощущалась отлично. Осознала себя сидящей на коленях Ская. Он обнимал меня, рассеянно перебирая пряди моих волос. Открывать глаза было страшно. Последнее воспоминание, оно... Выходит, Регин принудил своих потомков любить меня, и Аквей мог бы быть счастлив с Эйви, если бы не его предок-Созидающий, да? Он хотел сделать меня счастливой и сделал, но как же добрая воля целого рода? Им ведь не оставили выбора...

— Прости, — шепнула я, освобождаясь из рук водника. Он не удерживал. Отпустил, но повернул голову вслед.

Огляделась. Недалеко стояли те самые мужчины и женщины. Они с интересом следили за нами со Скаем, не вмешиваясь, но и не стремясь уйти. Я направилась к полоске зелени, видневшейся за песчаным берегом. Позади послышался шорох песка, меня догоняли. Не обернулась, знала кто это. Аквей поравнялся со мной. Мы дошли вместе до дерева, давшего тень, и остановились там. Я глядела в сторону зарослей, Скай на меня.

— Ты злишься, да? — спросила я.

— За что? — голос водника звучал хрипло.

— Ради меня Регин заставил своих потомков любить свою женщину. Он...

— Сделал нам отличный дар, — прервал меня Скай, и я обернулась к нему. Ветер трепал светлую челку уже сухих волос, придавая воднику слегка разгильдяйский вид, но глаза его смотрели серьезно, испытующе.

— Ты был обречен выбрать меня.

— Да, — кивнул Аквей и сократил расстояние между нами. — Ты была предназначена мне, и я рад, что из всей череды моих предков дар Региниса достался именно мне.

— Он навязал...

— Подарил, — возразил Скай. — Ирис, я ведь не зеленый юнец, и ты не первая женщина, с кем я был не только близок, но и любил. Поверь, я не откажусь от тебя даже за все свои влюбленности вместе взятые. То, что я чувствую с тех пор, как ты рядом, это... Тьма, какое сравнение мне дать своим чувствам? Вспышка света среди тьмы, или глоток воды в пустыне? Всё это будет так, и всё неверно. Та мощь, что кипит в моей душе, для нее

нет ни названия, ни сравнения. Во мне нет ни обиды, ни зла на своего предка, только благодарность, но ты...

Я слушала его, опустив взгляд и жадно ловя каждое слово, теперь же подняла голову, почти испуганно ожидая продолжения.

— Ты ведь полюбила не меня, да? Ты чувствуешь во мне его дар, и к нему ты тянешься, а не к его носителю. Каким бы ни был маг, ты всё равно выбрала бы его, потому что в крови живет сила принадлежавшая тому единственному, кого ты по-настоящему...

Моя ладонь накрыла рот Аквея. Я ожесточенно мотнула головой и произнесла имя:

— Торн Айер.

— Что — Торн Айер? — хмуро спросил Скай, убирая от лица мою руку.

— Он не был носителем дара Региниса. Он вообще был воздушником, но я любила его также искренно, как любила Орканиса и Региниса. Я даже Вайтора любила, пока мне не открылась правда о нем, а потом он и вовсе сам уничтожил мое чувство к нему, не желая повторять прежних ошибок. Мне почти девятьсот лет, жизнь моя, и за это время я тоже была не только близка, но и любила других, но знаю точно, что сейчас, глядя на тебя, я не вижу Регина. Ты совсем не похож на него ни лицом, ни нравом, но я люблюсь каждой твоей чертой и могу рассказать о них по памяти. Глядя на тебя, я не думаю о том, что скрывается в твоей крови. Я думаю о Скайрене Аквее — справедливом, сильном, мужественном, благородном, порой невыносимом и надменном, вредном, непримиримом, разумном, мудром и бесконечно дорогим мне мужчине. Чтобы не подтолкнуло нас друг к другу, но любят не стихии, они лишь помогают сделать верный выбор, связывают и дают могущество, но сердце принадлежит людям, и мое сердце поет, когда я думаю о тебе, Скай.

— Тогда за что ты просишь прощения, ягодка? — усмехнулся Аквей, блуждая взглядом по моему лицу. — Ты опровергла собственные страхи и помогла мне увидеть, что мои подозрения пусты.

— За то, что ради меня, Регин изменил судьбу всего своего рода. Кто знает, не будь силы, толкавшей нас друг к другу, кого бы ты выбрал между мной и Эйволин?

Я отошла от него, но вслед тут же понеслись слова, приправленные добродушной насмешкой:

— Чтобы не подтолкнуло нас друг к другу, но любят не стихии, они лишь помогают сделать верный выбор, связывают и дают могущество, но сердце принадлежит людям, и мое сердце разрывается от нежности, когда я думаю о тебе, Ирис.

Порывисто обернувшись, Аквей вновь приближался. Он взял меня за руки и склонил голову к плечу, заглядывая в глаза:

— Как много магов в моем роду получили наследие Региниса? — я не ответила, понимая, что он хочет сказать. — Никто, Ирис. Созидание спало в крови потомков Строма крепким сном. Мы влюбились, женились, рожали детей, сражались, умирали. Были чуть сильнее остальных, но не больше. Помешало это кому-то жить? Никому, ведь так? Так что же сделал Регинис? Если не думать о тебе, то он дал потомкам возможность получить небывалую силу. Но Судьба не свела тебя ни со Стромом, ни с кем-либо еще, она свела нас, именно нас, ягодка! Вайторис, не подозревая того, стал орудием в ее руках. Он не позволил тебе соединиться с Регинисом, но отдал мне. Так была ли ты предназначена древнему Созидателю? Теперь мне кажется, уже тогда ты была предназначена мне, недаром Тей увидела будущее и предсказала его. Ты от рождения была для меня и долгие века ожидала нашей встречи, чтобы свершилось предначертанное.

— Ты тоже умеешь опровергать собственный страхи, Ручеечек, — улыбнулась я.

— Именно так я и буду думать, — сказал водник. — Минута слабости минула, и я больше не позволю сомнениям влезть в мою душу. Подумай сама, Ирис. Регинис передал роду магов свой дар, Вайторис сохранил тебе жизнь, свел нас и отдал мне в руки... Ну или меня тебе. Тейда всё это увидела, когда я только появился на свет, и предсказала нашу встречу. Ты дала мне свою кровь... Ты хоть кому-нибудь давала свою кровь хоть раз за это тысячелетие? Я уверен, что нет! А мне дала, пробудила дар и очнулась сама. И вот мы рядом, прошли слияние, как мечтал Регинис, и готовы исправить ошибки, которые совершили наши предки. Не это ли судьба и предначертание?

— В твоих словах есть здравая мысль, — я обняла его. — И я теперь тоже это вижу и буду так думать.

— Потому что это — истина, — заверил меня Аквей, и я согласилась:

— Ты прав.

— Как всегда.

— Да, — я хмыкнула и встрепала ему волосы. — Почему ты всегда оказываешься мудрей меня?

— У меня больше жизненного опыта, любовь моя, — улыбка Аквея вышла невеселой.

— Что ты знаешь о жизни? Тебе не позволили набить шишек, достигнуть каких-то свершений, научиться на собственных ошибках. Твою жизнь остановили на семнадцати годах, а после для тебя начались сплошные представления от рыжего. Каждая жизнь — ложь. Всегда у него под боком, всегда под его властью. Даже последние четыре столетия ты существовала во сне, где царило сплошное однообразие. Тебе почти девятьсот лет, но я старше и опытней тебя, вот и весь секрет, ягодка.

Он поцеловал меня в кончик носа и развернул к людям, так и не покинувшим берег острова. Наконец я их рассмотрела более подробно. Они были не высоки, с развитыми руками и плечами. Женщины, как и мужчины имели широкоплечие фигуры, но это было обусловлено их передвижением в воде и под водой. А то, что они плавают под водой, я поняла по закрытым сейчас жабрам. На суше люди-рыбы дышали через нос.

— На время плавания, — тихо сказал мне Скай, — их ноздри закрываются так же, как сейчас жабры. На пальцах рук перепонки, но они исчезают, когда выходят на берег, а вот ноги ничем не отличаются от человеческих, потому что в воде они обращаются в хвост. Невероятная работа Региниса и твоего отца. Всё продумано, всё учтено. Они одинаково легко могут существовать в воде и на суши, но любят воду больше. У них там целый город на дне океана, это я успел узнать, пока тебя совсем не накрыло. Но главное... Ты себе не представляешь, Ирис! — в голосе водника лучился настоящий восторг: — Я почувствовал их приближение, а они приплыли, почувствовав меня. Регинис связал их с собой, чтобы всегда знать, когда им нужна помощь. Я восхищен своим предком, любовь моя! Какая тонкая работа, невероятно! И я даже понимаю, зачем эта связь. У амфиев, так они себя называют, в океане врагов намного больше, чем у тригов и айров на земле. За последнюю тысячу лет их вид значительно сократился, но я займусь их возрождением, когда закончим более важные дела. Ты погляди на них, они же восхитительны!

Я невольно улыбнулась. Сейчас в Скае кричала стихия, родственная созданиям Региниса. Они были, так сказать, из одного теста, и для Аквея амфии, наверное, были даже ближе, чем маги-водники, потому что в водных созданиях жила та же сила, что и в его крови. Поэтому я отнеслась к восторгу своего супруга с добродушной усмешкой. Он словно

попал на ярмарку полную чудес, и теперь не знал, на чем остановить свой взор. Но главное, это отвлекало от новых тяжких подробностей прошлого.

— Идем, ты должна познакомиться с ними, — Скай потянул меня за собой, и я не нашла повода отказаться. — А потом, наконец, сделаем то, зачем пришли сюда.

Я улыбнулась ему, но, не успев сделать и пары шагов, вновь ушла в свои мысли. Если Кайрас был с нами с Регином, если младенец Стром был взят под наше покровительство, то что могло случиться дальше? Как малыш оказался в роду Аквеев, если у него не осталось дома? Быть может, нашлась его мать? А Кай? Куда исчез мой брат? Как я сама попала к Вайторису? И как... как умер Регин?

Попыталась отогнать эти размышления, чтобы все-таки прикоснуться к творению древних Созидающих, взгляделась в волосы, заплетенные в косы, в голубоглазые открытые лица. Успела улыбнуться и дотронуться до прохладной ладони одного из амфиев...

Холодно. Дождь поливает уже не первый час, но мы с Каем не останавливаемся ни на минуту. Строма уже не прячут тряпки, которыми мы укутали его, чтобы защитить от влаги, и мальчик надрывается во всё горло. Брат уговаривает его потерпеть, но, разумеется, младенцу плевать на уговоры. Ему холодно, мокро и страшно. Мне тоже страшно, но не за себя. За спиной остался Регин. Он обещал догнать, но сердце чувствует — я больше его никогда не увижу.

Слез нет, я давно их все выплакала. Мне вообще всё равно, что со мной будет. Если моего возлюбленного нет, то и мне жить не за чем. Хочу лечь под какой-нибудь корягой, и пусть меня задерет зверь, или же убьет сам Вайторис. Мне наплевать на то, как я умру, потому что сил жить больше нет. И только бесконечные понукания брата еще гонят меня вперед. Он ругается на меня, даже дал пару затрещин, недавно тряс так, что я прикусила губу до крови, но это помогает ненадолго. Я вновь плетусь позади, спотыкаясь о корни деревьев, торчащие из земли.

«Сбереги Строма», — так сказал Регинис, прогоняя нас прочь.

А я смотрю на младенца и понимаю, что Кайрас с ним справится намного лучше. Я не понимаю, что мне делать с мальчиком, да и зачем мне это, я не хочу понимать. Чтобы не придумал Регинис, его это не заменит. Не заменит... Не выдерживаю и опускаюсь на раскисшую землю. Я смотрю вслед удаляющемуся брату и думаю, что так будет хорошо, так будет правильно. Пусть уходит, без меня он быстрее. Прижимаюсь затылком к дереву, закрываю глаза и все-таки плачу, беззвучно, содрогаясь всем телом.

— Ирис! — крик брата долетает до меня. — Прекрати валять дурака! Когда Регин догонит нас...

— Он не догонит, — шепчу я и выкрикиваю: — Его больше нет!

— А ты есть, — жестко отвечает Кай, останавливаясь рядом. — Он сделал всё для того, чтобы ты была. Отец и мать сделали всё, чтобы мы жили, а как ты благодаришь их? Размазня!

— Кай, я не смогу...

— Сможешь! Всё сможешь, когда поднимешь свой зад. С тобой слишком долго возились, пора взрослеть, сестрица. Погляди на мальчишку, ему нужно тепло и кров, а мы стоим тут, потому что взрослая женщина размазывает по подолу сопли. Хватит! Еще немного, и я подумаю, что ты подкидыш. Мама защищала тебя до последнего, папа принял на себя удар, чтобы ты могла уйти. Регинис сейчас, почти обессиленный, но сражается за то, чтобы его Ирис продолжала смотреть на этот свет не из мира Духов. Встань, дрянь! Встань!

Опешив от слов брата, я поднимаю на него глаза. Он смотрит зло, но я вижу, что губы Кайраса подрагивают. Он на пределе. Ему тоже несладко, и после Регина тяготы защитника легли на него.

— Родная моя, — смягчается брат. — Прошу...

— Хорошо, Кай, — я киваю и встаю, потрясенная неожиданным открытием. Не только у меня горе. Брат, как и я, потерял родителей, и он боится потерять еще и сестру. Как бы не было мне плохо, но сердце щемит от нежности и чувства вины. — Я больше не буду отставать.

Мы возобновляем наш путь, а я снова думаю о том, как Вайторис нашел нас? Нам удалось сбежать от его разбойников, напавших на нас после прохожего тракта, который мы пересекли всего один раз.

— Вайторис-с, — со злым шипением, полным ненависти, произнес тогда Регин. — Нашел, гадина.

А потом пришел и сам огневик. Цветущий, полный сил и молодости. Его увидел Кай, бегавший в ближайшую деревню за припасами.

— Уходите, — велел Регин, не допуская возражений. — Я смогу задержать его на некоторое время. Вам этого хватит, чтобы скрыться. У тебя отлично получаются иллюзии, Кай, воспользуйся этим даром, отведи глаза псам Вайториса. Их он отправит по следу.

— Я не уйду! — воскликнула я, но мое слово уже не имеет веса.

Регинис строг, он чеканит слова, наставляя нас с братом. Потом говорит:

— Сбереги Строма, — целует меня и отталкивает от себя. — Прочь!

Подавленная и ошеломленная я позволяю брату увлечь меня за собой, и вот мы в этом лесу под проклятым дождем. Надрывается Стром, а мы всё идем и идем. Лесу, как и дождю, нет конца, но нет возможности ни задержаться, ни остановиться. Мы не знаем, когда наши преследователи поймут, что следы и маячащие впереди фигуры — всего лишь обман, и ринутся искать настоящий след. Но пока за спиной никого, и мы продолжаем наш выматывающий путь.

Он неожиданно заканчивается, мы выходим к дороге, на которой застряли возки.

— Поможем и попросимся взять нас с собой, — говорит Кай. — Это водники, гляди, почти все светловолосые, и на карете знак водного клана. Мы землевики. Им не обязательно знать, почему стихия слушается тебя, как верный пес. Я предложу помощь, ты вытащишь. Мы муж и жена, это наш сын.

— Мы похожи...

— Это мы знаем, что похожи, а для них мы разные. Уже цвет глаз говорит о многом. В семьях обычных магов дети рождаются с одним уровнем и направлением силы. На Строма наложу иллюзию, вряд ли в такой суете поймут. Иначе его светлые волосы нас с головой выдадут. У землевиков сын водник, — Кайрас хмыкает и передает мне мальчика. — Идем.

Нас встречают раздраженно, но от помощи не отказываются, и когда возки и карета выныривают из грязи, подвластные моей воле, раздражение сменяет облегчение и благодарность. Нам даже дают сухие пеленки и одеяло. В карете оказывается младенец примерно одного возраста со Стромом. Рядом со мной нянька, когда я переодеваю нашего младенца. Она не маг и видит то, что ей показывают. Светлый пушок сменяется темным, глаза из голубых превращаются в карие, настоящий маленький землевик. После дают молока с хлебом, и я, размочив в молоке пшеничный мякиш, скармливаю его Строму. Малыш так

голоден, что съедает всё, а затем затихает. Это лучшее за сегодняшний день. Слушать его охрипший от криков голосок уже тяжело. Сердце разрывается от жалости к ребенку, больно от потери возлюбленного, но ради брата я держусь.

Чуть погодя, меня приглашают в карету, где едет лейда Аквей. Она супруга одного из леоров, чьи земли входят в клан водников, глава в котором леор Мендак. Мне эти имена ни о чем не говорят. Я просто смертельно устала и засыпаю под болтовню лейды. Если она искала в моем лице собеседницу, чтобы скоротать время в дороге, то ошиблась. Нас со Стромом так и оставляют в карете. Она большая, тут хватает места и на дорожную люльку, в которой спит хозяйский младенец, и на лежанку для лейды, и мягкое кресло для няньки, и даже нам с потомком Региниса.

Брат где-то за пределами кареты, он болтает с леорами, сопровождающими лейду Аквей в поездке от родителей, где она гостила с рождения сына, до замка ее супруга. Пока я не уснула, я успела уловить, что под родительским кровом женщине было веселей, и мрачные чертоги родового замка ее супруга угнетают юную ветреницу, выданную замуж ради выгоды. Она не особо воркует со своим ребенком, этим больше занята нянька, сама лейда всё еще порхает на каком-то недавнем балу, устроенном в честь ее отъезда. Остальное я уже прослушала, потому что засыпаю.

А просыпаюсь уже утром. Карета стоит, лейда Аквей куда-то удалилась, нянька клюет носом возле люльки. Стром еще спит, и я даже поражаюсь тому, что младенец так долго не просыпается. Должно быть, он сильно перенервничал во время нашей беготни под дождем. Я трогаю его, но малыш здоров, и я вздыхаю с облегчением. После выглядываю в окошко и вижу, что к карете направляется Кайрас. Он замечает меня и машет рукой. Дождя уже давно нет, светит утреннее солнце. Мне стыдно, но я выбираюсь наружу, не меняя пеленок и одеяльца нашего младенца. Семейство Аквей не обеднеет, а нам другого взять не откуда, лишь бы Стром подольше не пачкал свое единственное белье, пока мы не найдем сменного. То, что мы забирали от знахарки, уже давно выброшено.

— Уходим, — тихо говорит брат. — Тут развилка, свернем к Водяной мельнице, там, говорят, село. Перекусим и разберемся с одеждой для мальчика.

Я киваю, и мы, коротко попрощавшись, сворачиваем от указателя налево. Вскоре слышно звук уезжающего обоза. Кай заметно расслабляется, и до меня доносятся его слова:

— Лишь бы продержалась.

— Что продержалась? — спрашиваю я.

— А? — он оборачивается ко мне. — Ничего, потом скажу.

— Кай!

Мой возглас будет Строма. Поспешно закрываю рот и некоторое время успокаиваю мальчика. Кайрас хранит молчание, он занят своими мыслями, и я не мешаю ему. Мои мысли возвращаются к Регину. Вновь внутри меня разрастается пустота, но сегодня немного легче. Я уже приняла его скорую смерть, и вчерашняя гибель закономерна. Впрочем, где-то в душе еще теплится надежда, и я даже несколько раз оборачиваюсь, в надежде увидеть его, но моего возлюбленного нет. Однако осталась моя клятва беречь его потомка, остался Кай, и ему нужна моя помощь, потому я держу себя в руках.

Уже в селе, найдя корчму, я вспоминаю о том, что Кайрас что-то скрывает от меня. И пока помытый и переодетый Стром обсасывает кусок хлеба, я спрашиваю брата:

— Что ты хотел рассказать?

Он глядит на меня исподлобья, затем устало вздыхает и машет рукой:

— Ладно, скажу сейчас. Хаос знает, когда и что произойдет с нами. В замок Аквей отправился Стром. Ты держишь на руках дитя пустоголовой лейды.

— Что? — восклицаю я, но тут же сбавляю тон и шиплю: — Ты с ума сошел, Кай? Мы должны сохранить...

— Вот именно, — черты брата становятся жестче. — Так мы сбережем потомство Региниса. Один младенец сменил другого, только и всего. Мы пришли с ребенком, мы ушли с ребенком, в люльке также лежит младенец. Мальчик, водник. Они почти похожи. Я наложил иллюзию, она будет исчезать постепенно, и когда растает окончательно, все решат, что черты младенца поменялись. Для малышей это нормально. Лейда не заметила бы даже, если бы их положили рядом, взяла бы первого попавшегося. Только нянька, но она видит то, что видит. Отец своего сына после рождения видел всего несколько раз, так что Строма примет, как родного.

— Кай, ты безумец, — шепчу я. — А что нам делать с этим ребенком?

— А чтобы мы сделали с нашим? — брат хмурится, ему не нравится то, что он сделал, и я хоть убей, не понимаю, когда он успел подменить младенцев. — В конце концов, подбросим в другое семейство, выберем познантней. Их тут навалом, клан водников. Он маг. Примут, воспитают. Возможно, рыжая тварь, когда найдет и не опознает в нем крови Регина, оставит мальчика в покое.

— А если нет?

— Значит... Тьма, Ирис, будем молиться за то, чтобы предатель вовсе не нашел наших следов.

Мы замолкаем. На душе гадко. Умом я понимаю, что Кай сделал правильно, и так больше шансов спасти потомство Региниса и его дар в их крови, но жертвовать ни в чем неповинным дитя... Мерзко и горько, но бежать за обозом и кричать, что нужно поменять детей и вовсе глупо. Чтобы немного отвлечься, я спрашиваю:

— Когда ты успел?

— Ночью, — Кайрас выглядит измотанным. Похоже, он совсем не отдохнул. — Мы проезжали постоялый двор. Водница потребовала, чтобы ее там высадили. Сказала, что хочет помыться и выспаться в постели. Дитя велела не трогать, сказала: «Он так мило спит», — брат делает неприятный высокий голос. Кажется, лейда Аквей ему совсем не понравилась. Впрочем, мне тоже. — Бросила сына с нянькой в карете и упорхнула с охраной на постоялый двор. Наверное, уже скоро догонят обоз, они взяли верховых лошадей. Пока карета стояла, я забрался в нее под предлогом проверить жену и сына. После легкомыслия лейды Аквей мне только одобрительно покивали. Няньку усыпил покрепче, детей тоже, после передел и поменял местами. Меня не выгоняли, так что время было. На Стrome сменил иллюзию, на второго младенца наложил такую же, какая была на нашем мальчике. После дернул шнурок, меня выпустили, всё. Утром попросил остановить на развилке, ты как раз проснулась, и мы ушли. Если нас не оставят Высшие Силы, то и дальше сможем убраться так же удачно. Теперь нам нужно оставить этого младенца, нечего ему мотаться по дорогам, и нам будет проще. После найдем, где укрыться. Я тут подумал, что нам стоит перебраться в человеческие королевства, лучше за океан. Там засядем в глуши, выждем время, а когда Стром подрастет, вернемся, и ты пробудешь его дар. Уничтожим рыжую тварь и будем жить спокойно.

Мне вроде как и нравится то, что говорит Кайрас, но вот связывать себя с потомком Регина нет никакого желания. Это словно предательство. Заменить любимого его

подделкой... Не хочу! Если не Регин, то лучше проживу в одиночестве.

— Дар пробудить нужно, — повторяет Кай.

— Но это не обяжет меня быть с ним, — отвечаю я. — К тому же между нами семнадцать лет разницы, я буду для него старухой.

— Ты будешь стареть намного медленней обычного мага. Твой дар не зависит от источника, тебя питает чистая стихия...

— Хватит, — отрезаю я. — Сначала нужно скрыться. Об остальном будем думать в тишине и покое.

— И то верно, — согласно кивает брат, и мы покидаем корчму...

В это раз я очнулась сидя на песке. Амфии столпились у берега, закрыв его от меня. Их стало еще больше. Кто-то обернулся ко мне, и я услышала возглас:

— Создатель, твоя жена пришла в себя!

— Знаю, — донесся до меня хриплый голос Ская.

Я поднялась на ноги, покачиваясь дошла до амфиев и выглянула из-за их спин. Картина, представшая мне, оказалась впечатляющей. Вздрыбленные волны застыли десятками холмов, и мой водник, словно скульптор отсекал от них лишнее, превращая в человеческие фигуры. Движения рубленные, резкие, и фигуры выходили такие же. Аквей пытался преодолеть мои эмоции и воспоминания, не тратя время на ожидание, но выходило явно плохо.

— Скай, — позвала я.

— Значит, Мендаки и вправду были у власти? — спросил он, не оборачиваясь. — Выходит, не врет подлец. Никаких свидетельств не сохранилось, мы всегда думали, что это честолюбивые потуги Айгета и его семейки.

— Глава клана всегда тот, кто сильнее, — я пожала плечами. — Благодаря Строму Аквей стали сильнее. Значит, власть поменялась.

— Что стало с настоящим Аквеем? — Скай обернулся. Он был мрачен. — Он стал платой за нашу жизнь?

— Я не знаю, Скай, — призналась я. — Ты видишь мои воспоминания вместе со мной. Кай надеялся, что...

— А Строма нельзя было так подкинуть? Так было бы честней.

— Да, честней, но Вайторис мог узнать о подкидыше. Скай, если бы он нашел Строма, мы бы сейчас не разговаривали. Мой брат не был доволен тем, что сделал, но он спасал наследие Региниса!

— И спас, — кривовато усмехнулся Аквей.

— Ты так недоволен? — я невесело усмехнулась. — Прости.

Я развернулась и направилась прочь. Несмотря на то, что я понимала его чувства, мне было неприятно. За брата, за себя. Мы ведь были так молоды, мы бежали от смертельной опасности и не знали, что нам делать дальше. Кай нашел единственный разумный выход для спасения младенца с даром предка в крови. И да, бесконечный Хаос! Брат оказался прав! Спустя почти тысячу лет в этот мир вернулся Созидающий со стихией воды! Теперь для всех появилась надежда на избавление от гнета Вайториса, на то, что ловушка, наконец, откроется, и откаты перестанут быть смертельной угрозой. Что было бы, если бы Кай тогда не подменил младенцев? Осталась бы только я — вечная раба Вайтора. Его игрушка, бегущая по одному и тому же кругу. Однажды мой дар бы покинул меня, и не осталось ничего. Ни лже-Вечного, ни меня, ни Граней, ни самого мира. Так дурно ли сделал Кайрас, когда принял решение о подмене?!

— Тьма! — выругался за моей спиной Скай. — Ирис, подожди! Да, Тьма-а-а...

Он все-таки догнал меня и заступил дорогу.

— Ирис, послушай...

— Нет, ты меня послушай, — я поджала губы и смерила водника взглядом. — Да, наверное, мы поступили подло, поменяв одну жизнь на другую. Да, из двух младенцев наш был наиболее ценен. Да, мы исполняли клятву. Прости нас за это, Скайрен Аквей! Прости, что ты живешь и смотришь на это солнце. Прости, что твои родные рядом с тобой. Прости, что за это заплатили жизнями другие. Прости за...

Он накрыл мой рот своими губами, больше принуждая молчать, чем целуя. Забилась в его руках, пытаюсь освободиться, но меня накрыла волна тепла, нежности, и затихла. Лишь всхлипнула, и тогда поцелуй стал иным, более привычным, ласкающим. Скай оторвался от меня, после прижал мою голову к своей груди, зарылся пальцами в волосы:

— Ты прости меня, — произнес он. — Это снова минутная слабость. Просто видеть беззащитное дитя, которое стало разменной монетой... Надеюсь, что плата оказалась соразмерной. И надеюсь, что он выжил.

— Я тоже, — прошептала я, с силой сжимая талию Аквея. — Я тоже, Скай...

— Беги, сестрица, со всех ног беги!

Я прижимаю к своей груди младенца Аквеев. Мне страшно, даже страшней, чем тогда, когда мы бежали с Регинисом. До одури, до крика! Нас окружают разбойники. Они ухмыляются. Перед ними два мага и младенец, среди них тоже есть маги, потому бояться нечего.

— Я отвлеку их, Ирис, беги, — Кай собран, он один против десятерых.

— Я могу помочь!

— Только привлечешь змея, — отмахивается брат.

Но я не слушаю. Злюсь. Зачем гнать меня, когда я сильнее всех них вместе взятых? Вайториса невидно, так зачем прогонять меня? Тьма, зачем мы вообще заходили в ту проклятую деревушку? Три дня успешно скрывали следы, а туда зашли среди белого дня и привлекли к себе внимание. Если бы снова обошли, могли бы добраться до города и затеряться там, но малышу требовалось молоко, и мы рискнули. Кайрас вернулся с добычей и тревожным сообщением, что видел лица, похожие на разбойничьи, которые напали на нас, еще когда Регин был жив.

Мы попытались уйти, но нас нагнали. И теперь брат гонит меня, но разве я могу оставить его?

— Ирис...

— Сейчас, — рублено отвечаю я и взываю к своей стихии.

Мои стражи сейчас не нужны, я всего лишь ускоряя рост травы, опутываю ею ноги разбойников, вяжу, как веревками. Древесные корни вырываются из-под земли, сплетаются и накрывают врагов, словно клетка. Они обездвижены, и мы можем бежать вместе.

— Неплохо придумала, — бурчит мой отважный брат. — Уходим.

Скрываемся в чаще леса, и вновь Кай творит иллюзию и путает наших преследователей. Еще день блужданий выводит нас к деревушке из трех домов. Кайрас о чем-то говорит с хозяином хутора, после отдает ему мешочек со всеми нашими деньгами, подходит ко мне и забирает мальчика.

— Куда? — испуганно спрашиваю я.

— Он его отвезет к замку леора, тут недалеко, — хмуро говорит брат. — Нам с ним

далеко не уйти. Самим соваться, только на след наводить. Неплохой мужик, согласился.

— А если...

— Я наложил заклятье на это «если», — усмехается Кай. — Довезет и отдаст. Скажет, молоденькая лейда денег дала, на воспитание оставила. Такое случается, поверят. А то, что простой мужик к леору привез, так это тоже понятно, младенец — маг. В любом случае, так лучше, чем его с нами...

Брат замолкает, а я вдруг выдыхаю. Всё верно, уйти нам, возможно, не удастся. Так пусть уж младенец обретет кров вместо того, которого мы его лишили. Я в последний раз смотрю на чистое детское личико, целую его и шепчу:

— Прости нас и... выживи.

Брат смотрит на меня короткое мгновение, после уносит мальчика мужику. Тот уже запряг телегу, с ним женщина. Брат что-то говорит ей, и я понимаю, что он делает новое внушение. Женщина согласно кивает, ее муж хлопает брата по плечу, и я слышу его добродушный басок:

— Ну что уж поделать, благородный леор, такая вот лейда объявилась. Ничего, мы его в замок определим, при учебе будет. Маги своих не бросают.

— Уж такая у него мать, — качает головой женщина и в сердцах сплевывает, после склоняется к мальчику, воркует с ним, жалеет.

Я отворачиваюсь. Усталость просто невероятна. От вынужденного вранья, от всего, что мы успели сотворить. Проклятый Вайторис! Гадкий, низкий, мерзкий предатель и убийца! Если бы не он! Почему он не свернул себе шею? Почему не умер он один вместо всех, кого он успел погубить? Дети Созидающих, мои родители, Орканис, Регинис... Стром стал чужим сыном, а истинный Аквей будет подкидышем в чужом замке. Еще немного, и не станет нас с братом. Ради чего? Почему? Почему ядовитая гадина живет, а все остальные гибнут? Кто дал ему право ломать наши судьбы?! Ненавижу! Ненавижу настолько, что готова рвать его своими зубами! Проклятый убийца, проклятый...

Закусываю костяшку пальца, чтобы не завывать в голос. Раз уж сумела быть сильной, нужно быть сильной до конца.

— Идем, — ладони брата накрывают мои плечи. — Здесь нам делать уже нечего.

— Ты... — он бледен, это немного пугает.

— Они все расскажут одну историю. Если нам удалось провести всех, значит, этот мальчик выкарабкается из западни, в которую мы его загнали. Да будет так.

— Ты почти обессилел, — с тревогой говорю я.

— Ничего. Тут где-то есть заброшенный охотничий домик. Там передохнем и в путь. Выберемся, сестрица. Должны.

— Ох, братец, — вздыхаю я, сжимая его ладонь. — Почему ты не даешь мне пользоваться стихией? Я же сильнее, я могу больше.

— Пока моими силами обходимся, — отмахивается Кай. — Кстати, про нас они не вспомнят. Ну, идем же. Меня ноги еле держат...

Я подняла взгляд на Ская, смотревшего на меня, не отрываясь, и виновато улыбнулась:

— Похоже, я сегодня совсем не помощник. Этот поток не остановить. Лучше займись делом.

— Не хочу тебя оставлять, — ответил Аквей.

— Я рядом, только витаю в облаках прошлого, — смешок вышел неестественным. — Мы так никогда не закончим, а оставлять замок...

— Ты права, — кивнул Скай. — Я займусь пока нашей ратью, а ты... возвращайся поскорей.

— Я постараюсь, — улыбнулась я, потянулась к нему, коснулась губ легким поцелуем и отошла к дереву, прячась в его тень.

Водник еще некоторое время смотрел на меня, но вскоре вернулся к берегу. Я видела, как он, потеряв ладони, протиснулся сквозь амфиев и скрылся в океане. После откинула голову на древесный ствол и прошептала:

— Ну, давайте, добивайте меня...

Рассвет. Утренняя прохлада проникает в небольшой домишко. Я ворошу угли в очаге, но их тепла уже не хватает. Нужно собрать хворост и разжечь огонь заново, чтобы разогнать сырость. В углу на полусгнившем тюфяке стонет брат. Он в бреду. Усталость и магическое истощение добила его, когда до домика осталось совсем немного. Кай упал и уже поднялся. Мне не хватило сил, чтобы дотащить его, и я призвала стихию. Деревья, оплетая тело брата ветвями, бережно передавали его друг другу. Одинокий волк указал путь к нашему укрытию. Белки натаскали целебных трав, на которые я указала. Это мой дар. Животные всегда понимали меня. Папа говорил, что моя сила пробуждает в них разум. Сейчас это кстати, у меня целый лес помощников и защитников.

Где-то недалеко бродят несколько медведей, они охраняют подступы к охотничьему домику. Стая волков залегла в кустах, они предупредят, если почуют чужаков. Звери чувствуют мою силу и стараются держаться поближе, свет их искр озарял лес ночью, давая поддержку и веру в то, что мы с братом еще можем кому-то довериться.

— Ирис, — я оборачиваюсь. Кай смотрит на меня, но глаза его затянуты мутной поволокой. Лицо покрыто нехорошей испариной. — Уходи.

— Еще чего скажешь? — ворчу я. — Твой резерв немного восстановится, и я смогу тебя исцелить.

— Не глупи, — брат прикрывает глаза. — Он идет за тобой, я для него сошка.

— Кай, — я приближаюсь и присаживаюсь рядом, — твое самопожертвование ни к чему. Я тебя не оставлю, и довольно об этом.

Он снова смотрит на меня, пытается хмуриться, но выглядит сейчас совсем как мальчишка, больной, смертельно уставший мальчишка, который пытается взвалить на себя ношу, которую не сможет унести. Я провожу ладонью по спутанным влажным от пота волосам. Сердце затапливает болезненная нежность. Нет, не уйду, не брошу. У меня никого не осталось, и брат — последний, кто имеет для меня настоящую ценность. Его знобит, и как бы Кайрас не пыжился, его тело трясет крупной дрожью. Я вытягиваюсь рядом, укладываю голову Кайя себе на плечо и затихаю, обняв его так крепко, как только могу. Брат обнимает меня в ответ. Больше не гонит, лежит молча. Думает ли о чем, я не знаю, а я стараюсь думать лишь о том, что дождусь, когда он уснет, и я наберу хвороста, разожгу огонь и сварю настой. Он снимет жар. К сожалению, ничего иного я пока для брата сделать не могу. Как бы ни была я сильна, но разница в восприятии стихии дает себя знать. Пока Кай магически истощен, я не могу использовать чистую стихию, она только навредит.

Чтобы отвлечься от тяжелой раздумий, которые лезут в голову, несмотря на сопротивление, я начинаю петь. Всего лишь колыбельная песенка, которую нам пела мама:

Спит, дитя, закрылись глазки Утомился мой малыш Ему ночь нашепчет сказки...

Голос срывается, я всхлипываю, но пытаюсь петь дальше:

Ночь ему... нашепчет...

— Мне так их не хватает, сестрица, — хрипло произносит Кай, и тело его содрогается уже не от дрожи. Он плачет, уткнувшись лбом мне в плечо, громко, горько, навзрыд, выплескивая разом всё, что таил в себе это время. — Даже не попрощался...

В отличие от брата, я плачу молча, почти не всхлипывая. Слезы текут по щекам, но я их почти не замечаю, придавленная силой его... нашего горя. Одни. Теперь мы совсем одни. Нет никого, к кому мы могли бы пойти, не опасаясь навлечь опасность. Наше благополучие казалось незыблемым, семья крепкой, мы думали, что мама и папа всегда будут рядом, что мы можем в любой момент прийти к ним за помощью, за советом, просто посмотреть на них, услышать голос, увидеть улыбку, но вот их нет. Нет Зеленого холма и нашего уютного домика. Нет маминого сада, нет папиных уроков, нет его друзей, ставшими нам родными. Ничего нет. Рухнуло в одночасье, исчезло, испепеленное огнем предательства. Только мы: я и Кайрас — на старом тюфяке, от которого несет плесенью. Мерзко.

Мерзко и горько. А еще страшно. Когда ты юн, когда рядом близкие, ты не понимаешь, что твой мир слишком хрупок, чтобы пережить удар исподтишка. Мы не понимали, мы верили, что это навсегда. Но наша Вечность оказалась невозможно коротка. Время больше не имеет смысла, потому что каждое новое мгновение грозит стать последним. Нет смысла в надежде, она ушла вместе со счастливым прошлым. Нет смысла в любви, она принесла только боль. Нет смысла в вере, боги отвернулись от нас. Но у нас остались мы сами. Кай — моя опора и стержень, и я буду цепляться за него и тащить за собой. Чтобы не ожидало нас, но мы вырвем себе каждую секунду, до которой сможем дотянуться...

— Братец?

Кайрас затих. Он все-таки уснул, побежденный болезнью и слезами. Я осторожно выбираюсь из его объятий, смотрю еще раз, после наклоняюсь и целую в щеку. Мой старший брат, единственный, бесконечно любимый. Строгий, добрый, веселый, заботливый, отважный. Мой Кай. В это мгновение мне кажется, что, потеряв его, я окончательно потеряю себя. Решительно встряхиваю волосами. Ну уж нет! Не потеряю!

— Я скоро, — обещаю я и выхожу из домика.

Приходится отойти дальше, чем я думала, чтобы набрать воды в старую флягу, найденную мной ночью среди старого хлама. Подбираю по дороге сухие ветки, вдыхаю сыроватый лесной запах, радуясь этому маленькому удовольствию, иных мне теперь недоступно.

— У-у-у...

Волчий вой останавливает меня на полдороги. В нос резко и неприятно ударяет запах горящего дерева. Я хмурюсь, втягивая запах дыма, и вдруг руки разжимаются, ветки и фляга летят на землю. Сердце, еще минуту назад бившееся ровно, замирает. Тело покрывается противным холодным потом страха, и я срываюсь с места:

— Ка-ай!

Домик горит, я это вижу еще издалека. Нет, не горит, он полыхает! А вместе с ним исчезает в пламени мой брат.

— Кай!

Земля вздыбливается, отшвыривая в сторону людей, стоящих недалеко от горящего дома. Краем глаза я вижу издыхающего медведя, он пытался остановить врага, но лесного великана сразили, не позволив встать на защиту жалкого жилища. В кустах скулят и воют волки, огонь их пугает, но я не виню своих случайных друзей. Мне вообще сейчас нет до них

дело. Все мое существо стремится к пылающему дому. Землю вновь трясет, и порыв моей силы сметает с места старые бревна, объятые пожаром, крышу, еще чудом не обвалившуюся, и я влетаю в то, что осталось от охотничьего домика.

— Кай!

Он здесь, конечно, он здесь. Куда было деться спящему обессиленному мужчине? Кай даже не успел понять, что горит уже не в огне в лихорадки, а в настоящем беспощадном пламени. Мне остается верить лишь в то, что он успел задохнуться раньше, чем...

— Ка-а-ай...

Его имя — стон. Нет больше сил, ни бежать, ни бороться. Я падаю на колени перед обгорелым остовом того, кто был мне старшим братом. Кай... Упираюсь ладонями в землю и вою, вкладывая в свой вой боль последней потери.

— Вайторис! Вайторис! — надрывный вопль улетает в небо. — Тварь! Чтоб ты сдох, Вайторис!

— Это вряд ли, — негромкий хриплый голос раздается совсем рядом. — Я собираюсь жить вечно.

Оборачиваюсь. Он стоит позади. Бледный, лицо искажено. Кажется, он сам в ужасе. В ужасе? Меня трясет от истерического хохота. Откуда ужас у каменного истукана? Разве есть чувства у ледяной глыбы?

— Вайторис-с-с, — шиплю я, делая к нему шаг. Ненавижу... Ненавижу-у-у!!!

Земля проваливается под ним, предатель летит в бесконечную бездну. Пусть сдохнет там, пусть сгорит в собственном огне. Не хочу, чтобы от него осталось даже воспоминание! Земля вновь сходится ровным слоем, скрыв под собой убийцу и предателя. Лес становится могилой огневику, возмечтавшему стать богом. Я отупело смотрю на опустевшее место, после разворачиваюсь и, покачиваясь, бреду к останкам моего брата. Опускаюсь на землю подле него, гляжу на ныне уродливый оскаленный лик, протягиваю руку и дотрагиваюсь... Пусть меня выжжет боль, пусть заберет дар и меня вместе с ним. Не хочу ничего, только умереть рядом с Каем. Я закрываю глаза и...

Земля взрывается, обдав меня грязными комьями. Столб огня бьет в небо, наш мучитель вернулся. Он налетает на меня. Горящие руки обхватывают за плечи. От обжигающей боли я кричу, но вырваться уже не в силах.

— Хочешь умереть? — шипит в ухо разъяренный Вайторис. — Умрешь. Но сначала кое-что отдашь мне.

И мир чернеет. Благословенная боль лишает меня сознания...

Судорожно вздохнув, я отлепилась от ствола дерева. Поднялась на ноги и зашагала к кромке воды. Бесцеремонно раздвинула притихших амфиев и шагнула в воду. Передо мной, лицом к океану, стоял Скай. Он закинул руки за голову, пальцы собрали светлые волосы в кулаки, и до меня донесся странный горловой звук. На плеск воды Аквей обернулся, я успела заметить влагу, затянувшую глаза-озера.

— Ирис, — сдавленно произнес водник.

— Готово? — глухо спросила я.

— Ирис...

Я посмотрела мимо него. Передо мной покачивалось на волнах водяное войско. Безликие призраки, чей удел нанести удар и вновь обратиться водой. Поджала губы, шагнула вперед. Теперь моя очередь. Я на мгновение прикрыла глаза, ощущая поток своей стихии, шумно выдохнула и Сотворение началось. Я отдавала водяным войнам свою боль и

ненависть, вливая в них жажду мести. Я творила беспощадных убийц... или благородных мстителей.

— Ох, Тьма... — сипло произнес за моей спиной Скай.

Я открыла глаза и взглянула на плод своих стараний. Мама, папа, Кай, Регинис, Кай, Торн Айер и весь его род — они все были здесь. Все, кого я могла вспомнить. И девочка из рода Айеров, которую я не захотела убить, и бургомистр Темнограда, и рудокопы из уничтоженного поселения. Целитель и его сын, вместе со всеми, кто погиб с ними в доме. Целая рать мертвецов, которые придут, чтобы предъявить свой счет единственному виновному в их смерти.

Мой взгляд блуждал по знакомым лица, помимо воли отыскивая хотя бы намек на узнавание. Конечно, его не было. Передо мной стояли лишь подобия ушедших, их тени, чей век будет недолгим, а смерть останется никем не оплаканной. Но я хочу, чтобы огненная тварь смотрела в их глаза! Чтобы Вайторис видел каждого, кто пал от его воли. Преданным друзьям, жителям этого мира, чьи родные до сих пор оплакивают их гибель. Не уверена, что его сердце хотя бы дрогнет, у камня нет сердца, и все-таки мне до крика хочется, чтобы он видел, кто карает его и его слуг.

Мне на плечи легли ладони Ская. Он прижал меня спиной к своей груди.

— Пора, — негромко сказал мой водник.

— Да, — ответила я и развернулась к нему лицом. — Надо их пока спрятать.

— Они поплывут за нами и будут ждать своего срока, — сказал Аквей. Он обнял мое лицо ладонями, несколько мгновений с тревогой вглядывался, а затем прижал голову к своей груди. — Он получит свое, любовь моя. Не бывает так, чтобы один ублюдок постоянно брал над всеми верх. Не может быть, чтобы Мироздание допускало это бесконечно.

— Он сдохнет, — ожесточенно ответила я. — Так или иначе, но в этот раз точно.

— Ты устала, нужна маленькая передышка, — совсем тихо ответил Скай. — Я унесу тебя.

Я кивнула, обняла его за шею, и мир растворился в водном потоке. Если есть на этом свете справедливость, то кровавый путь Вайториса прервется, и в этот раз я не позволю ему одержать над собой верх. Только не в этот раз...

Глава 19. День двадцать второй

Мы уходили. Покидали замок в Долине трех озер. Челядь распустили по домам, сказав, что их призовут, когда придет время. Воины и лейда Тей шли с нами. Это было не бегство, но причина убраться подальше имелась. На месте древнего храма появились браннеры. Они никого не трогали, никуда не убегали, просто лежали в каменном круге, однако было ясно, что Вайторис, не решаясь оставить Грани, поставил своих псов охранять источник.

Браннеры пришли еще вчера днем, пока мы со Скаем находились на острове посреди океана. Когда вернулись, озера Аквея отразили пришельцев. К полуночи все уже были в седлах и готовы к новому недолгому переходу. Слуги исчезли немногим раньше. Маги, участвовавшие в нашем заговоре, были оповещены, что замок опустел. До встречи с ними оставалось еще три дня. Три дня до решающего часа...

— Ирис, — я подняла взгляд на супруга. Мы с провидицей ехали в карете, окруженной воинами. На Цветика мне не позволили сесть. Что Скай, что лейда Тей высказались жестко, не желая слушать возражений. Аквей всё еще поглядывал на меня с тревогой, Тейда просто

видела, какой ее племянник принес меня в замок. Впрочем, я особо и не спорила. — Как ты?

— Уже лучше, — завершила я и устремил взгляд за спину воднику. Там еще виднелся замок. Он стал мне домом. Мой первый дом за долгие столетия, где меня любили, где я была нужна. Пусть это касалось всего одного творца, двух новых созданий и одной самостоятельной крысы с чувством собственного достоинства, но это ведь так не мало. Это целое богатство!

Скай проследил за моим взглядом.

— Мы еще вернемся сюда, ягодка. Когда разберемся со всем, обязательно вернемся. Я улыбнулась, послала ему воздушный поцелуй и откинулась на спинку сиденья.

— Поспи, любовь моя, — сказал водник, склоняясь к окошку. — Тебе нужен отдых.

— Мне уже страшно закрывать глаза, — усмехнулась я из сумрака кареты. — Воспоминания, как лютые звери. Они словно только и ждут, когда я расслаблюсь и поверю, что всё страшное уже позади. Р-раз, а чаша по-прежнему не опустела.

Лейда Тей пересела ко мне, взяла за руку.

— Девочка моя, если в чаше остались еще глотки, ты должна их выпить. Это твое снадобье от забвения. Память — это дорога к себе. Прошое — есть основа для настоящего и будущего, как корни для дерева. Твои воспоминания питают тебя, очищают через боль, возрождают. Сделай последний глоток, и ты вновь будешь готова смотреть вперед. Пусть больно, пусть тяжело, пусть снадобье кажется горьким, но ты пей. Пей и не бойся. Закончи дорогу к себе, Созидающая Ирис.

— Да, — я накрыла ее руку свободной ладонью. — Вы правы, Тейда. Всего несколько шагов, и я буду дома.

Слабо улыбнулась сквозь темноту и закрыла глаза. Без прошлого нет будущего, с этим не поспоришь, и чтобы знать, что в конце, нужно вернуться к началу. Тогда стоит ли тянуть? Почему бы не закончить эту пытку? Что там мне осталось? Все уже мертвы, очередь за мной? Чем еще может напугать меня моя память? Не проверишь, не узнаешь, так?

— Тетушка, будь рядом, — донесся до меня голос Ская.

— Да куда ж я денусь отсюда, мой мальчик? — усмехнулась провидица.

— Поддержи. Ирис очень ранима.

— Я сильнее, чем ты думаешь, — отозвалась я с улыбкой.

— Поезжай спокойно, дорогой, — хмыкнула Тейда. — Сберегу твое сокровище.

— И ты не ошиблась ни в одном слове, — серьезно ответил водник, пришпорил Бурана и, наконец, отъехал от кареты.

— Я могу помочь тебе, — сказала Тейда уже без всяких ухмылок. — Если хочешь, я стану твоим проводником.

— Не надо, — я погладила ее по плечу. — Мои воспоминания слишком тяжелые, чтобы обрушить их на ваши плечи.

— И все-таки, если понадобится, ты только скажи.

— Хорошо, лейда Тей, — согласилась я, чтобы прекратить разговор. Хотелось остаться наедине с собой, провидица это поняла.

Она не отсела, но выпустила мою руку и выглянула в окошко со своей стороны, а я вновь задумалась. Что же еще важного таит в себе мое прошлое? Что произошло после того, как Вайторис утащил меня из развалин дома, в которых осталось тело моего брата?

— Ох, — судорожно вздохнула я и открыла глаза. — Не могу. Страшно. Лучше уж

забыть навсегда, как кошмарный сон.

— За ночью приходит утро, Ирис, — отозвалась Тейда. — Любой кошмар отступает перед первыми лучами солнца. Но чтобы наступило облегчение, кошмар нужно пережить. Прости.

Тонкие пальцы сжались на моем запястье. В темноте блекло сверкнул фиолетовый камень и...

Каменные стены давят на плечи. Я заперта в небольшой комнате. Здесь есть узкое окошко, кровать, стол, даже удобное кресло. Мне исправно приносят еду и питье, но пределов комнаты я покинуть не могу. Вайторис бросил меня сюда, как только притащил из леса. Целыми днями я брожу от стенки к стенке, бездумно, без всякой цели. Я опустошена, нет никаких желаний. Еду уносят нетронутой, но воду я иногда пью, когда жажда становится невыносимой.

Сколько я здесь? Вроде всего несколько дней. Может дня три или четыре... Да, точно, четыре. А сколько прошло времени со дня гибели родителей? Я ненадолго останавливаюсь, мучительно морщусь, вспоминая, и, наконец, произношу вслух:

— Тридцать дней. Да, точно. Сегодня тридцатый день.

Всего тридцать дней назад у меня был дом, были родители, был брат, был возлюбленный, а теперь... Что у меня есть теперь? Только тень воспоминания. Ничего не осталось. Всего тридцать дней, а словно прошло лет сто. Была жизнь, теперь ее подобие. Неожиданно встряхиваюсь. Зачем я здесь? Почему? Что еще нужно от меня огненной твари? Разве можно еще что-то забрать у меня?

Ярость ослепляет меня в то же мгновение. Это первая эмоция за последние дни. Она захлестывает меня с головой. Бросаюсь к двери, остервенело дергаю ее, но гадкая створа не поддается. Призываю стихию, она отзывается двумя стражами.

— Убрать! — приказываю я.

Мои звери налетают на дверь, выносят ее, и узкий коридор заполняет грохот.

— Вайторис! — мой вопль отскакивает от стен, обрушивается эхом. — Я уничтожу тебя, уничтожу! Искать!

Я уже делаю несколько шагов, когда из-за следующей двери слышу изумленное:

— Ирис?

Порывисто оборачиваюсь, прислушиваюсь к голосу и потрясенно переспрашиваю:

— Оркан? — теперь я спешу к узилищу моего первого возлюбленного. Вместе мы сильнее, чем я одна. Нет, вру. Я просто рада, что он жив. — Отойди, — прошу я, и один из моих зверей выбивает и эту дверь.

Орканис появляется в дверном проеме. Он выглядит плохо. Стал старше, седина серебрит и без того светлые волосы, глаза потускнели, и я понимаю, что ему не хватило сил, чтобы выбраться.

— Он отрезал тебя от Граней, — со стоном произношу я.

— Похоже на то, — улыбка вымученная. Воздушник медлит, но потом срывается с места и с силой стискивает меня в объятьях. — Я так рад, что ты жива, малышка. Где Регин? Где Тер? Я ничего не знаю о них.

Я утыкаюсь ему в грудь, мои слезы красноречивей всяких слов.

— И мама, и Кай, — всхлипываю я. — Никого не оставил.

— Какая же тварь, — шипит Орканис.

Он сминая в ладони волосы на моем затылке, гладит, но я слышу зубовой скрежет.

Созидающий в ярости. Нет времени на долгие размышления, и я выпутываюсь из объятий Оркана. Он понимает меня без слов. Берет за руку, чтобы увести, но вдруг...

— Я еще жив, — голос совсем слабый, он звучит из-за двери напротив. — Только...

— Регин! — мой крик оглушает Орканиса, но он даже не кривится.

— Друг, ты здесь! — восклицает воздушник, дергая ручку. — Тьма, Регин, прости меня.

Если бы не я...

— Не открывайте, — требует мой водник. — Я не хочу, чтобы она видела меня.

Но я не слушаю. Мой зверь уже выдирает зубами дверь за железную скобу.

— Не смотри! — восклицает Регинис.

Меня не остановить, и я налетаю на него. Обнимаю, прижимаюсь всем телом к дряхлому старческому телу. Целую его лицо, изборожденное морщинами.

— Не надо, — Регин пытается увернуться.

— Нужно к Граням, — говорит Орканис. — Их энергия должна все исправить.

— Ирис, не смотри на меня, пожалуйста, — мой водник лишь на короткий миг ловит мой взгляд, с жадностью вглядывается и тут же отворачивает голову. — Он все-таки нашел тебя.

— Потом, — прерывает нас Оркан. Он подхватывает Региниса на руки и стремительно выносит из узилища.

— Подождите! — восклицаю я. — Если вы здесь, может и папа...

Не договариваю, и так понятно, что я хочу сказать. Мы озираемся, в этом коридоре еще несколько дверей. Мои звери выламывают все, и я мечусь между комнатками, отыскивая следы присутствия своего отца, но их нет. Папа или где-то в другом месте, или его нет здесь вообще.

— Ирис, время уходит, — Оркан вынуждает меня остановиться. — Если всё получится, мы найдем Терраиса, если он... жив. — Он вновь устремляется вперед с Регином на руках.

Я бегу следом. Цепляюсь за руку, покрытую старческими пятнами. Не хочу даже на мгновение отпустить его. Не могу потерять снова. Пусть такой, но во мне все кипит от счастья, что жив, что рядом. Регинис все-таки отвечает слабым пожатием.

— Мы всё исправим, дружище, — немного задыхаясь, произносит воздушник. — Я виноват. Мой норов опять нас подвел. Я должен был слушаться...

— Перестань, — отвечает Регинис. — Что произошло, того не изменить. Нужно вытащить отсюда Ирис.

— Чтобы вытащить, нам нужно вернуть нашу силу, иначе рыжий выродок вновь посадит всех под замок. Это даже хорошо, что Тер не успел привести малышку к Граням, она полна родной силы, и Вайторис не может сделать то же самое, что с нами. — Орканис вдруг останавливается. — Вы прошли слияние?

— Нет, — отвечаю я. — Регин отказался.

В моем голосе проскальзывает обида, но это больше от дикой усталости.

— Не хочу рисковать ею.

— Зря. Слияние отчистило бы тебя от влияния Граней. Ты сейчас был бы молод и полон сил, — возражает воздушник.

— Никто этого точно не знает, — отвечает Регин. — У меня нет права на ошибку.

Мы замираем, прислушиваясь к далеким голосам. Кажется, папа говорил, что в замке прислуги не было. Это всего лишь вместилище Кристалла Реальностей. Только четыре творца были вхожи сюда. Но теперь замок стал обитаем. Шаги, голоса... Это усложняет нам

задачу. Оркан ставит Региниса на пол, и тот вновь отворачивается от меня. Я обнимаю его со спины. Глупый...

— Ты не прав, — шепчет воздушник. — Слияние — это обновление. Кровь Ирис может возродить тебя. Она очистила бы тебя от энергии Отражений, а родная стихия...

— Неизвестно, — жестко отвечает Регинис. — А если бы нет? А если бы не успел войти в силу, и Вайторис убил меня? Нет. Ее жизнью я рисковать не буду. Если доберемся до Граней...

— Доберемся, — убежденно отвечает Орканис.

Я слушаю их и начинаю закипать. Трус! Он мог сейчас быть со мной за пределами этого замка, мог спасти моего брата, но вместо этого испугался за меня. Да я же умереть была готова от сознания, что теряю его! А он... он... Просто любил и берег меня. Осознание этого выпускает из меня гнев, как воздух из мыльного пузыря. Я утыкаюсь лбом в спину возлюбленного и сильнее сжимаю руки.

— Ирис, мои старые кости слишком хрупкие, — с добродушной усмешкой произносит водник, и я отвечаю плаксиво:

— Дурак!

— И все-таки дурак счастливый, — улыбается Орканис. В его глазах читается легкое сожаление и, наверное, зависть. А еще сожаление: — Если бы не мои притязания...

— Оставь, — отмахивается Регинис. — Вроде ушли. Идем.

Я отпускаю своих зверей, и они бегут впереди бестелесными, едва различимыми силуэтами. Там, где идут звери, кажется, будто плавится воздух, как в жаркий зной. Они вертят головами, принохиваются, иногда скалятся, но пока мы не встречаем помехи. Наш путь, наконец, выводит нас на белоснежную крепостную стену.

— Замок белый, как облако, — с улыбкой говорит Орканис, щурясь от яркого солнечного света. — Здесь всегда много света. Мы хотели, чтобы он парил...

— Оркан, всё потом, — прерывает его Регинис.

— Идемте же, — я нервно повожу плечами, настороженно озираясь вокруг.

Спускаемся в замковый двор, проходим совсем немного, и нам навстречу вдруг выходят знакомые мне разбойники, только теперь они одеты, как стражники. Гнев вновь захлестывает меня, и звери срываются с места, чтобы расчистить нам путь. Разбойники-стражники отлетают к стене, удар столь силен, что я слышу хруст костей. Передернув плечами, стараюсь не думать, что я, кажется, погасила несколько искр.

— Чтобы расчистить путь и помочь вернуть силу твоему избраннику и его другу, — помогает мне Орканис найти обоснование для этого убийства. — Тогда мы сможем остановить предателя.

— Да, — отвечаю я. — Нужно остановить этого... божка.

До башни, где заключен сам Кристалл, нам уже никто не встречается. Орканис подмигивает мне, но Регин насторожен. Он хмурится, качает головой. Наконец останавливается и некоторое время отдыхает. Ему тяжело, слишком... стар.

— Слишком просто, — говорит водник, отдышавшись. — Нам встретились всего несколько человек.

— Замок пуст, — пожимает плечами Орканис. — Удача на нашей стороне, друг.

— Вайтор никогда не был беспечен. Он хитрый и изворотливый, — возражает Регинис.

— Мне не хочется, чтобы Ирис шла дальше. Ты можешь открыть ей врата. Пусть уйдет.

— Нет! — восклицаю я. — Я больше никуда от тебя не уйду, даже не проси!

— Я не прошу, — сердито отвечает водник. — Я требую, чтобы ты ушла отсюда. Будь разумна...

— Я уже достаточно была разумна, — упрямо смотрю на него. — Теперь я хочу быть рядом с тобой. Так или иначе, но я жена тебе. И пусть наши стихии не смешались, но души уже связаны.

— Ирис, — беспомощно выдыхает Регин все-таки разворачиваясь ко мне. При солнечном свете его старость заметна еще больше. Но мне плевать. Поджимаю губы и делаю шаг к нему.

— Или спасемся, или погибнем, но вместе.

— Моя, — слабо улыбается водник.

— Всегда, — отвечаю я, беря его за руку.

— Тогда вперед, — подводит итог нашему спору Орканис. — Проиграем или выиграем, иного не дано.

Мы поднимаемся на башню. Я поддерживаю Региниса. Он пытается делать вид, что подъем ему ничего не стоит, но я-то вижу, как он то и дело прикладывает руку к груди.

— Надо было делать подъемник, — тихо ворчит воздушник.

Наконец долгий подъем закончен. Звери сейчас сидят у входа в башню, охраняя ее. Впереди Оркан, он первым делает шаг на широкую круглую площадку, посреди которой неспешно вращается большой кристалл. Он похож на камень из перстня папы. Такая же плоская верхушка и удлиненное тело с тысячей мелких граней. Грани искрятся от преломленного света. Впрочем, нет, это не свет, это скопленная в них энергия, именно она заставляет Кристалл Реальностей сиять. И если увеличить любую из граней, то можно увидеть целый мир, скрытый за ней. Невероятное творение! Я так давно мечтала его увидеть, и вот довелось...

Оркан вдруг останавливается, и с его уст срывается брань. Я выглядываю из-за плеча Регина. Скулы сводит от желания выразиться похлеще воздушника, возле Кристалла стоит огневик. Он разводит руки в сторону в приветственном жесте, на красивых губах издевательская ухмылочка:

— А вот и вы, друзья. Как же приятно, что вы сами дошли до меня. Теперь не придется тащить сюда всех по отдельности.

— Ублюдох, — с ненавистью произносит воздушник.

— Где мой папа?! — визгливо вскрикиваю я.

Вайторис переводит на меня взгляд карих глаз.

— Если бы здесь был твой отец, Ирис, ты бы была уже мертва, — отвечает предатель.

— Тер покинул нас, ты заняла его место.

Регинис выступает вперед. Он прищуривается, глядя в бывшего друга, затем криво усмехается:

— А ведь ты лжешь, Вайтор, — говорит водник. — Трешь ладони, отводишь взгляд. Мы слишком хорошо знаем друг друга, чтобы не распознать прямой лжи. Что произошло, когда мы с Ирис покинули Зеленый холм?

Огневик усмехается, грозит Регинису пальцем.

— Это ведь ты меня раскусил, не так ли? Тер всегда был добряком, но мало видел дальше собственного носа. Наш ветреный друг слишком порывист и эмоционален, чтобы стать ищейкой. А вот ты как раз мог начать подозревать и выследить. Вода камень точит,

как говорится.

— Слишком нарочито, чтобы не подозревать, — отмахивается Регинис. — Так что с Терраисом?

Вайторис отходит в сторону. Сейчас он стоит в опасной близости от края. Путь вниз ему преграждают только металлические перила. Кажется, только подтолкни... Нам с Орканисом одновременно приходит в головы эта мысль. Мы одновременно срываемся с места, бросаемся на огневика, но он легко уходит в сторону, перехватывает меня и толкает к краю. Теперь я наполовину свешена через перила. Орканис отступает, Регин хрипло вздыхает и сползает на пол, держась за сердце. Это я вижу, потому что в борьбе с Вайторисом умудряюсь вывернуться.

— Ты не убьешь ее, — хрипит Регинис. — Ирис тебе нужна, как все мы.

— Умненький Регин, — усмехается огневик. — Разумеется, иначе вас бы тут не было. Но, можешь мне поверить, больно малышке мне сделать ничего не мешает.

И в доказательство своих слов Вайторис ставит меня на ноги, его рука, сжавшая мое горло, превращается в живой факел. Огонь лижет мою кожу, и крик мне сдержать не удается.

— Хватит! — выкрикивает Орканис. — Зачем? Ты же Созидающий! Ты не можешь причинять боль!

Вайторис откидывает меня в сторону, после отвечает воздушнику:

— Ради спасения мира? — он весело подмигивает. — Отражений так много, и они плодятся день ото дня, однажды сдержать откат будет невозможно. Вы ведете мир к гибели, я его спасаю.

— Обосновал, тварь? — горько усмехается Орканис.

— Еще бы, — отвечает Вайторис и перестает играть. — А теперь к делу. Регинис, того гляди, развалится, медлить не стоит.

Он щелкает пальцами, и нас разносит в стороны. Я призываю свою стихию, Орканис ловит ветер, только Регинис остается безучастен. Он смотрит на меня, смотрит, не моргая, не отводя глаз, словно пытается наглядеться напоследок. Не думать. Сейчас не думать. Нужно остановить, нужно... Земля и воздух сплетаются, на площадке башне бушует смерч. Вихрь захватывает Вайториса, вдруг ставшего живым огнем, но ветер стихает, огневик гасит этот всплеск воздушной стихии, слишком не равны силу.

Но еще осталась я, и башню трясет, по стенам змеятся трещины.

— Хочешь завалить своих друзей обломками? — кричит мне Вайторис. — Давай, девочка! Я-то выживу, а вот им уже ничего не поможет.

И я отзываю стихию, понимая, что он прав. Я просто убью нас всех, и тогда у Региниса и Оркана не останется и малейшего шанса.

— Зря, — голос водника звучит совсем слабо. — Нельзя ему верить, Ирис. Он первый лжец из всех, кого я знаю.

— И в чем я солгал? — усмехается огневик.

— Что стало с Терраисом? — неожиданно задает прежний вопрос Регин.

— Ладно, расскажу, — пожимает плечами Вайторис. — Только сделаю кое-что.

Он приближается к Оркану, и запястья того оказываются в захвате огненных оков. Теперь воздушник прикован к перилам. Он кривится, но терпит, похоже, огонь не жжет в полную силу. Региниса огневик не трогает, и так понятно, что у воздушника не осталось сил на борьбу. После подходит ко мне, поддевает пальцами подбородок и задирает голову:

— Дернешься, больно будет твоему ненаглядному. Не уверен, что это перенесет.

Я с тревогой смотрю на Региниса, после перевожу взгляд на Вайтора:

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь стать богом, дорогая, — усмехается огневик.

— Он хочет получить наши стихии, — тихо произносит мой водник. — Ради этого он всё затеял. Четыре стихии, объединенные в одном теле — истинное могущество.

— Но это же миф! — восклицает Орканис. — Невозможно объединить четыре стихии, для этого должны быть идеальные условия! Слияние четырех, Вайтор, ты безумец!

Вайторис разворачивается в его сторону.

— Отчего же? Вполне возможно. Сначала воздух, он идеально совпадет с огнем, затем земля, она примет первые две стихии. Последней будет вода. У нас вода и земля составили пару, так что противоборства не будет.

— Ты это придумал, когда узнал, что я чувствую притяжение к малышке? — хмуро спросил Регин.

— Почти.

— И детей наших уничтожал, чтобы...

— Чтобы обезопасить себя. Во-первых, я должен быть единственным творцом этого мира. Во-вторых, если бы дар все-таки проснулся в ком-то из ваших потомков, одна из стихий, заключенных во мне, могла бы отозваться.

— На женщину, — криво усмехнувшись, отозвался Орканис.

— На женщину. Чувства — это слабость, мне не нужны слабости. У богов их нет. Итак, я собираюсь провести самый любопытный опыт из всех, что мы когда-то ставили. К сожалению, результат вы уже не увидите, но, думаю, вряд ли это вас расстроит.

— Терраис, — настойчиво повторил Регинис.

Огневик досадливо поморщился.

— Ты тянешь время, и я не понимаю, зачем. Спасти вас некому. Тера действительно больше нет, но он подсказал мне отличную идею. Этот мерзавец не стал драться. Он всадил мне в грудь нож и помчался напрямик к Граням. Я едва не опоздал. Наш самый любознательный друг уже перекрывал мне доступ энергии Отражений. Вот тогда мы все-таки подрались. Поначалу я берег его, но потом вспомнил про малышку Ирис и подумал, а за какой Тьмой, собственно говоря? В этом мире два Созидающих-землевика. Тер так хотел оставить после себя дочь, так почему бы не поменять одного на другого? Но подлец ускользнул. Почти. Я потом понял, что он позволил мне добить себя, и когда умирал, этот выдумщик ускользнул в подпространство. Назад не вернулся, растворился в энергетических токах. Что он сотворил, не знаю. Но я всё еще здесь, вы тоже, так что, думаю, чего бы не хотел сделать Терраис, у него ничего не вышло.

— У Тера всегда всё получалось, — усмехнулся Орканис. — Поглядим, выйдет ли что-то у тебя. Из всех нас ты был менее прилежным учеником.

— Зато получал удовольствия от жизни, — пожал плечами Вайторис. — Собираюсь их получать и дальше. А теперь хватит болтовни. Приступим.

Он отцепляет от пояса узкую чашу, висевшую там всё это время, достает кинжал и подходит к Орканису. Меня сковывает ужас, потому что сейчас огневик убьет вечельчика-воздушника, отнимет еще одну дорогую мне жизнь. Дыхание перехватывает, поэтому вопрос звучит сипло:

— Почему?

— Что? — Вайторис оборачивается.

— Почему ты столько тянул? Почему именно сейчас?

Предатель останавливается, и я перевожу дыхание. Он делает пару шагов ко мне, останавливается и задумчиво трет подбородок:

— Тоже решила поиграть в эту игру? Хорошо, подарю вам еще несколько минут жизни. — Вайторис скользит по мне заинтересованным взглядом: — А ведь ты и вправду через несколько лет могла бы расцвести. Всё, что мне нравится. Даже странно, что нет притяжения. Лицо, фигура, идеальное сочетание...

— Прекрати, — обрывает его Регинис.

Вайторис разворачивается в сторону водника на каблуках своих щегольских сапог:

— Да брось. Всего лишь наблюдение. Я же не виноват, что у меня есть глаза, и они видят то, что видят. А видят почти идеальное сочетание того, что меня привлекало в женщинах. При иных условиях...

— Ты просто хочешь взбесить меня, — вновь обрывает его Регин. — Мы всегда были соперниками, во всем, несмотря на дружбу.

— Противостояние стихий, — кивает Вайторис. — Магам это не мешает, но мы — часть своей стихии и потому подвластны ей.

— Ты выбирал женщин, которые нравились мне, чтобы доказать, что привлекаешь их больше. И твой интерес к Ирис всего лишь отражение моего притяжения. Ты вновь соревнуешься, хоть и собираешься использовать ее. Пройди мы с ней слияние, ты бы воспылал страстью, я знаю. Я даже уверен, что расписывая прелести жизни с Созидающей Орканису, ты выдавал свои собственные затаенные мысли. И если бы я просто увлекся малышкой, когда она повзрослела, ты бы непременно вступил в борьбу за нее. Но появилось притяжение, и тебе нечего было противопоставить, поэтому ты мечтал издалека. Рано или поздно, но стихия подтолкнула ее ко мне. Но ведь это же было моим усилением, как ты мог такое допустить? Поэтому ты втравил в свою игру Оркана, и он, послушный своей природе, помчался ломать наши судьбы, прекрасно понимая, что однажды его ждет расставание, потому что от рождения это была моя женщина. В результате, наше вечное соперничество сыграло тебе на руку. Слияния не произошло, а мы увлеклись дележом Ирис. Ты же, как паук, продолжал вить свою паутину. Если бы я не открыл твоих козней, когда бы ты начал действовать?

— Вскоре. Орканис должен был выкрасть девочку. Это бы окончательно выбило почву у тебя из-под ног. Вообще, Орканис должен был бы выкрасть ее, пока малышка бегала от вас обоих, но она вдруг очухалась и поняла, кого стоит выбрать. Это подпортило мне игру. Представь. Отвергнутый, ты окончательно теряешь голову из-за потери возлюбленной. Терраис в бешенстве, зол на вас обоих. Оркан верным псом охраняет свое сокровище. И я — ваш друг, который соперничает каждому. Разделить вас и заманить каждого в ловушку был бы так легко, но... Женщины всегда всё портят. А почему не раньше, — Вайторис обернулся ко мне. — Думаю, ты сама понимаешь, малышка Ирис. Во-первых, после обретения всех четырех стихий, я бы уже не стал отлавливать и убивать потомков своих друзей, я бы берег свою новую силу, как величайший дар. А во-вторых, кусок мяса для кобелей еще только наливался сочностью. Ты была мала для того, чтобы внести раздор в нашу крепкую и искреннюю дружбу. — Негодяй усмехнулся и направился к Орканису. — Можете спрашивать, что хотите, я не отвечу.

Воздушник дернулся, когда Вайтор остановился рядом. Я видела, как ходят желваки на

скулах Оркана. Он злился, но вырваться из огненных пут не мог. А через мгновение и вовсе вскрикнул, когда огонь запылал ярче.

— Прости и прощай, мой старый друг, — коротко произнес Вайторис, и кинжал вспорол горло Орканису.

Я вскрикнула, закрыла лицо руками, когда кровь воздушника щедро полилась в чашу. Убил! Все-таки убил! Своего самого преданного друга, мужчину, который подарил мне радость первой влюбленности и боль первого разочарования. Убил Созидающего! Вырвал с корнем часть своей души...

— Ирис...

То ли стон, то ли всхлип коснулся моего слуха. Я оторвала ладони от лица и встретила со взглядом Региниса. На его губах была улыбка.

— Выживи, — прошептал мой водник, и взор его померк.

Он умер сам, проклятый убийца так и не коснулся его горла. Брань Вайториса осталась где-то за краем моего сознания. Метнулась к Регинису, упала перед ним на колени. Не звала, что толку звать, зная, что не услышишь ответа? Я схватила его за плечи, с силой прижала к себе, и мгновенно усохшая плоть рассыпалась под моими пальцами. Мой возлюбленный, мой избранник... обратился прахом. Слишком долгая жизнь, быстрое старение и смерть, не оставившая даже тела. Всего лишь прах на моих ладонях. Тридцать дней! Всего лишь проклятые тридцать дней, и молодой, полный сил мужчина обратился прахом!

— А-а-а!!!

Мой крик улетел в небо. Я ведь верила, что мы сможем всё исправить, я позволила себе надеяться, что на свете есть справедливость! Всего лишь несколько мгновений, но я верила в это, а теперь верить не во что. Восторжествовало зло. Прекрасное внешне и уродливое в своей сути. Порывисто обернулась к Вайторису. Он все еще держал в руках чашу с кровью Орканиса.

— Три стихии — это ведь тоже неплохо, — глухо произнес он и сделал глоток...

Мгновение на башне царила тишина, и вдруг мир взорвался огненным всполохом. Всего лишь секунду я видела искаженное болью лицо огневика:

— Вот Тьма, — прохрипел он. — Совсем забыл, что стихия должна быть отдана добровольно. Мог использовать девчонку, они бы сами всё... Забыл... Дурак...

А затем его надрывный крик утонул в ревушем пламени. Оно в один миг охватило стены, башни, внутренние покои, навсегда превращая Белый замок в Черный. Испепелило всех, кто оставался в под крышей хранилища Граней. Огонь опалил меня, и стихия, стремясь сохранить свою носительницу, накрыла меня плотной сферой. Как и куда делся Вайторис, я не видела. Вообще ничего не видела, сознание плавало в вязкой топи боли от ожогов. Но родная сила исцеляла, латала раны на моем теле.

Очнулась я, когда уже все стихло. Открыла глаза и не узнала замка. Гарь, копоть, разрушения, запах паленого мяса. Только Кристалл Реальностей висел в воздухе на прежнем месте. От Орканиса тоже ничего не осталось. Там, где он умер, ныне остались лишь покореженные оплавленные перила. Плохо соображая, оглушенная я спустилась вниз по лестнице, прошла по почерневшему замковому двору, но остановилась, зябко обняв себя за плечи. Не понимала, куда идти, что делать дальше? И как вообще выбраться из Хранилища Граней, я тоже не могла понять. Разум отказывался повиноваться. Слишком много всего...

— Живая.

Я обернулась и уставилась на огневика. Он все-таки выжил, только... Еще недавно

красно-рыжие волосы окончательно покраснели, став похожими цветом на кровь. Карие глаза налились цветом спелой вишни. И я вдруг поняла. Изменение сути! Вайторис силой забрал чужую силу. Для этого нет и не может быть обоснований. Дар можно только передарить, но не украсть, ни отнять его нельзя, это преступление, которое карается утратой собственной сути! Вайторис утратил дар Созидания, преступив закон Мироздания. Он больше не творец. Но... кто же он теперь? Огляделась вокруг, вновь рассмотрев разрушения, устроенные пожарищем.

— Разрушитель, — прошептала я.

— Похоже на то, — ответила Вайторис, не сводя с меня взгляда. — Но теперь мне не обойтись без тебя, Ирис. Ты будешь жить, и будешь жить столько же, сколько и я, а я собираюсь жить вечно. Только ты ведь не будешь помогать мне, да, маленькая? Непременно решишь отомстить за всех. Можно просто подтереть тебе память, но это так ненадежно. Ты должна забыть всё раз и навсегда, а когда память исчезает? Правильно, когда умирает тело. Возродить смогу. Не обязательно быть Созидателем, чтобы вернуть жизнь в тело. Было бы только тело, а оно есть. Тьма, а идея была ведь хороша. — Он усмехнулся, ухватил меня за руку и откинул к стене, после подошел вплотную, оглядел в очередной раз: — Всё, как я люблю. Мы обязательно поладим, Ирис, уверен в этом. До встречи, моя будущая любимая.

Пальцы убийцы сдавили мне горло.

— Будь проклят... — просипела я, и жизнь, теплившаяся во мне, прервалась...

Запястье обожгло болью. Дернула руку, кто-то упал рядом, и я расслышала сипение. Тейда лежала на дне кареты, впившись пальцами себе в горло. Она задыхалась, и сквозь хрипы до меня донеслось:

— Будь... проклят... будь... проклят...

Провидица застряла в моем воспоминании. Она всё еще переживала то, что я пережила.

— Тьма, — выдохнула я и рванула дверцу кареты. — Скай! Ска-ай!

— Господин! Что с ним?

Карета остановилась, я выскочила наружу и бросилась вперед, туда, где слышны были возбужденные голоса леоров. Но еще не добежав, услышала приглушенный голос Аквея:

— Я в порядке.

— Вы упали, господин...

— Что случилось, Скай?

Я остановилась на мгновение, понимая, что мой водник тоже пережил мгновения прошлого, снова увидел всё своими глазами.

— Я видел прошлое, — словно отзываясь на мои мысли, ответил Скай.

— Скай! — выкрикнула я, привлекая внимание. — Тейда! Ей плохо!

— Тьма, — выругался водник. — Все-таки влезла...

Он вырвался из кольца своих людей, на мгновение остановился, обжег меня полубезумным взглядом и помчался к карете. Леоры последовали за ним, а я осталась стоять, пригвожденная к месту осмысливанием увиденного, благодаря провидице. Из горла вырвался хриловатый издевательский смех. Один из магов остановился, с недоумением и настороженностью разглядывая меня, и я вцепилась в его рукав. Заглянула в лицо, толком не видя его.

— Противостояние стихий! — выкрикнула я. — Понимаешь? Всего лишь проклятое противостояние стихий!!! Он позавидовал усилению соперника и решил стать

могущественней его! В этом всё дело, понимаешь?!

— Лейда Ирис, я не понимаю...

— А я понимаю! Понимаю, Тьма его задери!!! Проклятый предатель уничтожил всех, кто был ему близок только ради того, чтобы доказать, что он может стать еще сильнее, чем его друг! Слияние подменил воровством и был наказан! Убил всех, ВСЕХ!!! И себя он тоже убил, и всё из-за вечного противоборства огня с водой! А я была для него вызовом, всегда вызовом! Потому что принадлежала извечному сопернику... Бесконечный Хаос! — я снова расхохоталась. — «Я тебя сотворил». «Я сотворил тебя для себя». Лжец! Всегда лжец!!! Он ничего не мог во мне изменить! Чтобы менять, нужно быть творцом, а он утерял этот дар. Я не изменилась ни на толику со дня своего рождения. Тело, лицо — они всегда принадлежали только мне! «Всё, что мне нравится...». Да ему нравилось всё это, — я ударила ладонями по бедрам, — потому что он помнил, что меня любил Регинис! Даже после смерти водника мерзкое чудовище продолжает соперничать с ним! Он мог просто использовать меня для встречи возвратной волны, но женился, влюблялся, желал, ревновал, тащил в свою постель, хотя для утех у него целое крыло наложниц. Противостояние стихий, понимаешь?! Всё дело в противоборстве воды и огня! День за днем, год за годом Вайторис продолжает соревноваться с мертвецом! И боится сдохнуть. Цепляется за свою никчемную пустую жизнь зубами, вырывает себе еще один год, еще одно столетие. Высасывает энергию Отражений, чтобы не утратить свою поганую красоту, чтобы оставаться молодым вечно! Гадкий червь, который грызет плоть этого мира. Он хотел стать богом, а стал тенью. Как же ты был разочарован, ублюдок, да?! Вайторис, ты всего лишь падаль! Ненавижу. Ненавижу и проклиная каждый твой вдох, каждую минуту бесконечной и никому не нужной жизни... Проклинаю!!!

Оттолкнув от себя ошеломленного водника, я, покачиваясь, побрела в темноту. Да как такое возможно? Как?! Стоп! Я остановилась и, мучительно морщась, потеряла виски. Значит, папа первым решил использовать Грани, как оружие уничтожения Созидающего. Мудро. Зачем побоища и драки? Всего лишь отсеки от потока, и творец умрет сам. Не вышло, Вайторис успел. Это я уже знаю. Он решил заменить отца мной, и папа позволил убить себя, чтобы уйти в подпространство. Так что же он там успел сделать?

— Мир с холмом, — прошептала я.

Мир с холмом не воспоминание, это маленькая реальность, и она всегда со мной. Что там сказал Вайтор? Если бы не твой папаша... Отец связал нас! Он стал тем воспоминанием которое всегда возвращает меня. Великая Тьма, папа не умер! Он избрал иную форму существования! Вайторис убил его тело, но дух жив, пока жива я, и он обитает в реальности с Зеленым холмом! Мой отец всегда был рядом, всегда направлял и помогал, учил, подсказывал... Понял ли папа задумку бывшего друга еще тогда? Скорей всего, да. Хотя и Вайторис мог сказать, считая, что Терраис у него в руках, он ведь так любит восхищение. Слишком охотно делился с нами на башне с Гранями своими откровениями, хвастал. В любом случае, это уже не важно. Отец понимал, что открыл огневику еще одну возможность, как легко и достаточно быстро ослабить и избавиться от творцов. Понимал, что они проиграют. «У Тера всегда всё получалось», — так сказал Орканис. Должно быть, папа уже знал, что Вайтор обречен на утрату своей сути, и знал, что потребуется Созидающий. А я самый верный вариант! Тогда он и решил стать моей памятью и помощником. И Скаю подсказал, как избавиться меня от дара огневика!

— Цветы! — воскликнула я, останавливаясь.

Злой смех снова сорвался с губ. Лжец! Низкий мерзкий лжец! Но как-то придумал! Отсек от Граней! Он всего лишь отсек меня от Граней и заблокировал силу, полученную благодаря его крови. У меня же начали сесть волосы, даже сомнений не было, что наказание работает. Но это всё были мелочи, потому что, дождавшись, когда я начну увядать, он бы вновь позволил потоку из Отражений соединиться со мной. И тогда вернулась бы и молодость, и красота, а моя вера в его могущество только еще больше укоренилась. Проклятый кукловод! Всегда дергал за веревочки, всегда вел так, как ему было выгодно. Нет, останься я под крышей черного замка, и мне бы ничего не угрожало, уж точно не смерть. Но...

Но Скай, который оказался потомком Строма, выкрал меня. И по мере пробуждения моей родного дара, моя сила заполняла опустевшее от энергии Отражений места. «Слияние — это обновление». Слияние завершило очищение, и естественная стихия заполнила меня, полностью остановив разрушения тела. Бесконечный Хаос! Орканис был прав, и Регинис мог бы жить... Но он опасался, что может проиграть, и тогда для меня это закончится плохо, потому позаботился о будущем и отдал свой дар малышу Строму и его потомкам. Тьма! «Дар можно только передарить». Вайтор не смог бы получить стихию воды, потому что она уже была отдана! Там на башне уже всё было зря...

И вновь я расхохоталась. Смеялась, содрогаясь всем телом, утирала набежавшие слезы и никак не могла остановиться. «Выживи», — вот что мне сказал Регин, и он знал, что я буду жить, потому что: «Ты был из всех нас менее прилежным учеником». Регинис и Орканис понимали то, что у Вайториса ничего не получится. «Зато получал от жизни удовольствия», — он предпочел развлечения, а потому забыл, что дар Созидания невозможно забрать силой, и вспомнил слишком поздно. Зато его друзья знали, что придет расплата, и она пришла! Наверное, они думали, что украденный дар уничтожит вора, но Вайторис был слишком силен, и его отбросило в последнюю лже-реальность, которую он создал на грани жизни и смерти — вечно горящий замок. Должно быть, именно это и спасло его, защитило, как скорлупа от собственной стихии, утратившей контроль. Что лучше разжигает пожар, как не приток воздуха? Выжил и вернулся с измененной сутью, нашел меня, убил, чтобы уничтожить малейшую угрозу воспоминаний и мести. После возродил, однако тут начал действовать другой паучок, засевший в моем сознании. Папа заставил вспомнить, и покатило колесо по бесконечному кругу. «Если бы не ты и твой папаша...».

— Ха-ха, — я обессилено опустила на траву, утирая слезы. — Каков дурак! Так обмануться в своих надеждах! Ха-ха...

— Ирис!

Я вздрогнула от неожиданности и обернулась. Это был Войтер. Он немного запыхался, похоже, бежал за мной. Огляделась. Вдали виднелись магические светляки, освещавшие отряд. Удалилась я немало.

— Где Скай? — спросила я.

— Занимается лейдой Тей. С ней такого еще никогда не было, — ответил Войт.

— Не для нее были эти воспоминания, — я покачала головой и отвернулась от маленьких фигурок, сновавших вдали.

— Зачем вы ушли? Одна, во тьме, — Войтер приблизился. — Я слышал ваши вскрики... Плохо?

— Не так, как девятьсот лет назад, — усмехнулась и сделала еще несколько шагов вперед. — Мне нужно побыть одной, Войтер.

— Я не помешаю, — заверил меня молодой леор. — Просто побуду недалеко, пригляжу за вами.

Почувствовав легкое раздражение, я вновь развернулась к нему, сократила разделявшее нас расстояние и заглянула в глаза. Водник смотрел открытым честным взглядом.

— Зачем тебе это нужно, Войт? — спросила я, не скрывая досаду.

— Вы моя госпожа, и я должен заботиться о вашем благополучии, это подразумевает не только помощь, но и охрану, — ответил маг.

— Мне никто не угрожает, — отмахнулась я. — А от того, кто действительно опасен, ты бессилен. Оставь меня наедине с собой. Я скоро вернусь к отряду. Если я понадоблюсь Скаю, он найдет меня...

— Нет, — коротко, но непреклонно ответил Войтер.

— Тьма, Войтер!

— Я предан моей госпоже и послушен ее воле, но мой долг велит мне сейчас остаться глухим к приказу лейду Аквей, — ответил водник, разом отмахиваясь от моих пожеланий.

Я поджала губы, испепеляя его взглядом, после махнула рукой:

— Да и Тьма с тобой, твердолобый.

— В гневе вы так же хороши, как и в радости, — с неожиданной обезоруживающей улыбкой ответил леор. — Отчего вы так хороши, лейда Ирис?

Снова остановилась. Уже более осторожно вернулась к нему, но встретила всё с тем же открытым взглядом, протяжно вздохнула и постаралась говорить как можно мягче:

— Войт, тебе лучше не задавать мне таких вопросов.

— Я знаю, — кивнул он. — Скайрен злится. Но я ведь не встречаю меж вами, всего лишь люблюсь издали. Со стороны отлично видно, что и вы глаз с господина не сводите, как и он с вас, терзать вас притязаниями я не буду. Даже обещаю разлюбить однажды.

— Тьма, Войт! — воскликнула я. — С чего ты влюблен? Когда я целовала тебя, мне отказал разум. В то мгновение я вообще себя не осознавала, так зачем же ты держишься за то воспоминание?!

— Оно лучшее, что у меня есть, — он ответил улыбкой. — Но я влюбился в женщину сильную духом, против которой восстал весь свет. Меня восхитила и покорила сила вашего духа. Давали отпор всем и каждому. А то, что случилось в тот раз... Это заставило кровь вскипеть, и я бы вновь сжал вас в объятьях, но... Я не буду умолять вас — это унижительно. Не буду вырывать силой — это мерзко. И не посмею добиваться ухаживаниями — это предательство, а я верен своему господину. Нет, Ирис, я продолжу любоваться издали и однажды, наверное, этот день настанет, когда я проснусь и пойму, что к тебе в моей душе осталось лишь восхищение. Если Мунн смог любить, не приближаясь, то с чего не смогу этого делать я?

— И это было худшей из пыток, — прозвучал мрачный голос за спиной Войтера. Следом на голову молодого леора обрушился удар, и он повалился на землю.

— Войт! — воскликнула я, но передо мной тут же выросла мужская фигура. Я вгляделась в знакомые черты и изумленно произнесла: — Леор Мунн?!

Он криво ухмыльнулся:

— Не ожидала, гадина? А я за тобой. Довольно ты нас всех водила за нос. Зачаровала Аквея, прельстила.

Я сделала шаг назад, помимо воли давась смешком. Трава, повинувшись мне, потянулась к ногам мужчины, оплели их, мешая сделать следующий шаг.

— Хорошо, — произнесла я, останавливаясь. — Я — гадина. Я зачаровала, обольстила, обманула. Но разве ты не выиграл от этого? Сейчас ты женат на женщине, которую так долго любил, так почему идешь за моей жизнью, вместо того, чтобы наслаждаться ею? Разве не пристало молодым супругам воздавать честь страсти на ложе?

— Честь страсти?! — Мунн повысил голос. — Она несчастна! Эйволин плачет целыми днями, гонит меня прочь. Она говорит, это я виновен в том, что мы женаты.

— И за это ты решил отомстить мне? — усмехнулась я.

— Она была почти женой главы клана, женщиной, которая стала легендой еще при жизни, — ожесточенно произнес несчастный муж. — Но явилась ты и забрала у нее и мужчину, и славу...

Не выдержала. Я расхохоталась в лицо еще одному мстителю и убийце. С этого мгновения я окончательно перестала сочувствовать Эйволин. Она ведь уже знает, что не имеет отношения к пророчеству, увидела, что это правда, но всё еще льет слезы по утраченной доли великой спасительницы мира?!

— Да пожри тебя Хаос, Мунн! — воскликнула я. — Возвращайся и передай своей жене, что спасительницами не становятся за просто так. Это целое испытание. Увлекательное и совершенно безобидное. Ей стоит потерять всех родных и близких за тридцать дней, увидеть их гибель своими глазами. Повыть над сгоревшим телом любимого брата, которого оставила живым всего четверть часа назад, увидеть, как погибает мать, спасая ее, держать в руках прах своего возлюбленного, стать свидетелем того, как перерезают глотку другу, обгореть в пожарище, потом умереть и воскреснуть ненавидимой всем миром. Вот тогда она может считать себя достойной чести спасти мир и мечтать о любви лучшего мужчины. А пока она всего лишь пустоголовая кукла с непомерными желаниями и верой в собственную значимость.

— Она — лучшая из женщин! А ты лишь ядовитая тварь! — выкрикнул слабовольный дурак.

— Ты думаешь, моя смерть подарит тебе ее любовь?

— Я думаю, что твоя смерть подарит ей покой. Она будет отомщена, — я услышала, как звякнула сталь, но осталась стоять на месте, глядя в глаза Мунну.

— Ну, вот и всё, — усмехнулась я. — И плевать на мир, и на господина, и на всех остальных. Всего лишь желание добиться благосклонности от юбки. Только ведь она не повернется к тебе, она помчится утешать вдовца. Ты готов вернуть любимую другому?

— Я всего лишь хочу, чтобы она была счастлива! — выкрикнул водник, и в меня полетел нож...

Напоролся на водяную фигуру и упал на траву. Одновременно с броском, Мунна обхватил сзади Войтер, успевший прийти в себя. Он повалил на землю несостоявшегося убийцу и просто несчастного мужчину, ударил по лицу, но голос Аквея остановил молодого леора:

— Оставь его, Войт.

Войтер нехотя слез с Мунна и отошел в сторону. Скай неспешно приблизился к воднику, еще недавно служившему ему, сжал пальцами горло и вздернул вверх, ставя на ноги.

— Ты хотел убить мою жену, — пугающе спокойно произнес Аквей. — Ты пришел за жизнью моей женщины... Ты сильно дорожишь своей супруги?

— Ты не тронешь ее! — вскрикнул Мунн, бледнея.

— А почему нет? — вздернул брови Скай. — Ты же можешь трогать мою жену, почему

я не могу трогать твою? Она всё еще принадлежит моему клану, и решать ее судьбу могу только я. Так вот я вижу в лице Эйволин Мунн подстрекателя к убийству. Это преступление приравнено к самому убийству, так что умрете вместе, как и полагается добрым супругам.

— Ты и так сделал ее несчастной, ты отнял всё...

— Это «всё» принадлежало мне! — заорал вдруг Скай. — И только мне решать, кому отдать себя, свой замок и свою любовь! Не честолюбивая курица, ни ее идиот-муж не смеют указывать мне, кто должен носить мое имя! Вы признаны виновными и приговорены. На этом всё.

— Из-за этой твари...

Мунн не договорил, он захрипел в руках главы своего клана.

— Не смей поносить эту женщину, — отчеканил Скай. — Свою жену называй, как хочешь, но мою не смей оскорблять даже в мыслях!

— Скай, — позвала я. — Он просто запутался.

Аквей резко обернулся, обжег меня яростным взглядом и ответил, четко разделяя слова:

— Со своими леорами я разбираюсь сам. Когда-то ты не имела ничего против.

Я подняла руки.

— Делай, что хочешь.

— Благодарю, — ответил Скай. — Войт, проводи мою супругу к карете. И, — тон Созидающего чуть смягчился, — спасибо, что не позволил ей уйти одной.

Войт приложил ладонь к груди и поклонился. После предложил мне руку.

— Достаточно просто идти рядом, — тут же произнес Скай. — Я скоро вернусь.

Он и Мунн исчезли, мы с Войтером переглянулись, я все-таки взяла его под руку, и леор хмыкнул. Но склонил голову и сделал приглашающий жест вперед.

— Что с головой?

— Уже даже не болит, благодарю, лейда Ирис, — ответил мужчина, улыбнувшись, и мы направились к отряду.

Глава 20. День двадцать пятый

Начало этого дня мы встретили со Скаем вдаль от всех. Сидели на берегу острова посреди океана, смотрели на лунные блики в воде, слушали шелест волн и молчали. На душе царил миротворение, несмотря на то, что решающий час всё ближе. Пальцы наших рук переплелись сами собой, но даже без этого ощущение близости было невероятно сильным. Я опустила голову на плечо моего водника и тихо вздохнула.

Последние дни оказались неожиданно спокойными. Впрочем, возможно, дело было в том, воспоминания больше не терзали меня, теперь я знала всё, что когда-то произошло со мной. И то, как познакомилась с Торном во время своего появления на землях его клана, чтобы передать послание Вайториса, и то, как восторженный взгляд зеленоглазого юноши стал толчком к пробуждению воспоминаний. Вспомнила другие свои жизни, и ту ложь, которую каждый раз рассказывал мне Вайтор. Дважды жена, один раз наложница, один раз помощница, друг и любовница, и один раз верная слуга. Но как бы ни изворачивался змей, а его лжи наступал конец, и я, опомнившись, спешила к Граням и к своей новой смерти. Однако воспоминания о прожитых жизнях дались мне намного легче, чем те, что стали началом моей долгой истории.

Тейда, пережившая со мной ужас последнего дня моего семнадцатилетия, вдруг превратилась в наездку. После того, как Скай помог тетушке вернуться из мира моего прошлого, и я появилась у кареты, пожилая женщина обхватила мое лицо ладонями, гладила его и всё повторяла: «Бедная... бедная... бедная девочка... бедная». Признаться, несмотря на уважение, меня порядком утомили ее причитания, и после небольшого вранья об усталости и желании уснуть, я смогла вырваться из объятий сердобольной провидицы. Уж не знаю, сыграло ли это какую-то роль, но леоры перестали бросать на меня настороженные взгляды, то ли проникнувшись повышенной заботой провидицы, то ли просто поверив ей. Теперь, если кто-то намекал на мое прошлое, лейда Тей превращалась в ядовитую гадюку и жалила сомневающегося, не ведая ни пощады, ни меры.

Когда вернулся Скай, он вытащил меня из кареты, Усадил на своего Бурана и не отпускал уже до привала, которого мы достигли после рассвета. Тейда опеку отдала племяннику с ворчанием, но перечить не стала. После происшествия с провидицей и покушения на меня, отряд передвигался в молчании, зорко посматривая по сторонам в ожидании нового нападения, но больше смельчаков... или дураков не нашлось. Зато это принесло свободу нашим питомцам.

Во избежание неприятных происшествий, как выразился еще в замке в Долине трех озер Скай, Шейг дрых в отдельном возке, усыпленный моими чарами. С Венном Аквей церемониться и брать еще один возок не стал. Бедолага ехал в большом горшке, установленном в той же телеге, да-да, в жидком виде, и из глиняного нутра на меня смотрели два несчастных глаза, когда я туда заглянула. Уговорить отпустить Венна не вышло, перед отъездом они с Шейгом опять успели разозлить нашего главу клана. Змей был «арестован и посажен в темницу». Но после встречи с Мунном наши питомцы были освобождены и деловито сопровождали отряд, отпугивая своим видом случайных прохожих, попавшихся нам на рассвете. Однако вскоре наша дорога свернула прочь от проезжего тракта, и два оболтуса окончательно получили свободу. Что до Искры, то она отсыпалась половину дороги в карете, заняв целую подушку. Тей восприняла наличие этой спутницы спокойно.

К вечеру двадцать второго дня мы достигли селения, расположенного на живописном берегу неширокой реки. Здесь тоже жил леор из клана Аквея, с ним его семья и обычные смертные. Леор оказался другом покойного отца Ская. Мое появление он встретил взметнув руки, готовый к защите людей, но так и застыл, скованный путами главы своего клана.

— Ты хочешь напасть на мою жену? — любопытствовал Скай.

— Это же...

— Лейда Ирис Аквей, — представил меня супруг.

— Но Эйволин...

— Даже не говори мне этого имени, — скривился мой водник. — Если хочешь узнать новости, которые пропустил, лучше приюти нас. И перестань коситься на мою супругу, я ревнив до одури.

Историю гибели старших леоров Аквея и Аллиерта я уже знала. Несчастный и нелепый случай. Во время грозы лошади понесли карету, в которой сидела лейда Аллиерт, мужчины пытались остановить перепуганных лошадей. Впереди была пропасть, леоры спешили. Возможно, поспешность, а возможно, мгновенно размокшая скользкая земля стала причиной несчастья, но спасатели так и слетели вниз вместе с лошадьми, в чью упряжь успели вцепиться, и с каретой, в которой кричала от ужаса мать Эйвилона и Эйволин Аллиерт. К

сожалению, даже магия бывает не всегда способна на чудеса... Леор Вер, сопровождавший друзей и не сумевший помочь им, посчитал себя виновным в гибели главы клана и удалился, испросив у молодого главы разрешения.

Разумеется, он был наслышан об Игнис Сиел, и, конечно, знал, как я выгляжу. Но спорить с Аквеем не решился и пригласил в дом. Впрочем, я лезть в разговор мужчин не стала, и мы с лейдой Тей, в сопровождении Венна, Шейга, Искры и двух леоров, одним из которых оказался, конечно же, Войтер, отправились на небольшую прогулку. Наличие живности и вооруженной охраны хватило, чтобы отбить всякую охоту приближаться ко мне с любимыми целями. Так что нашему мирному любованию окрестностями ничто не помешало. А когда вернулись, леор Вер и его домочадцы встретили меня поклонами. Но не скажу, что подозрительность исчезла из глаз. Однако к этому я уже успела привыкнуть и внимания не обращала.

Уже ночью, когда мы со Скаем остались одни, и водник не спешил ускользнуть в сон, я оседлала его бедра и потребовала:

— Рассказывай.

— Тьма, Ирис, как можно быть такой бессовестной? — возмутился супруг. — Ты сидишь столь пикантно, но требуешь не проникновения и ласк, а всего лишь изложение скучных событий.

— Если будешь точен и краток, то мы быстрее перейдем к более интересному занятию, — пообещала я.

— Женщина, тебе бы в пыточной работать, — проворчал водник. — Хорошо. Я буду точен и краток.

И он действительно рассказал, чуть больше, чем собирался. Появление Аквея в доме, где остановилась чета Мунн, вызвало настоящий переполох. Впрочем, всполошилась только Эйволин, с трепетом ожидавшая возвращения супруга с добрыми вестями. Однако злющий Скай и глухое Мунновское: «У меня не вышло, Эйви», — уничтожило всякую надежду на месть. Но еще страшней стало воднице, когда Аквей швырнул ее на пол и достал свой родовой кинжал.

— За подстрекание к убийству, — равнодушно произнес мой супруг, — ты, Эйволин Мунн, приговариваешься к немедленной смерти. Можешь помолиться Создателям. Я даю тебе минуту.

Обездвиженный Мунн рычал и выл в углу, где его оставил господин, однако помешать казни не мог. Эйволин, осознав, к чему привела ее затея, увидев окровавленного мужа, на чьем лице оставил след кулак Войтера, подползла к Скаю и принялась каяться.

— Это не мы, Скай, клянусь! — кричала она, обливаясь слезами. — Это Мендак! Он так складно говорил, а я верила! Он учил, как заставить Флима исполнить то, чего я хочу. А я не хотела, Скай! Я же не убийца! Но он так складно говорил, что мне начало казаться, что всё так и есть. Пощади, умоляю тебя!

— Тебя пощадить? — уточнил Аквей.

— Меня... И Флима тоже. Он не виноват! Я извела его, измучила... Флим, я всего лишь хотела, чтобы мне не было так больно...

— Дура, — холодно ответил мой муж. — Он и был твоим утешением, а теперь умрет, потому что ты не пожелала мириться со своей участью. Я не прощу покушения на свою жену.

— Пощади!

— Тебя пощажу, с женщинами не воюю. Ты жалела об этом браке? Что ж, я освобождаю тебя, отныне ты вдова. Но и жить здесь не позволю, мне не нужны предатели и лживые твари. Услышь и запомни меня, Эйволин Аллиерт, старшая в своем роду. Отныне род Аллиерт изгнан с земель моего клана, и любого вернувшегося без дозволения, будет ожидать смерть.

— Но куда же я пойду?!

— К своему покровителю и благодетелю. Коли Мендак теперь тебе господин, то пусть он и позаботится о твоём благе.

— А Флим?

— Флимен Мунн признан виновным в покушении на лейду Аквей и умрет. И что же ты не стала счастливой, Эйви? Ты больше не жена, радуйся! У тебя был дурной муж, я избавил вас от него, лейда Мунн, урожденная Аллиерт. А теперь ступай прочь.

— Пощади! — завывала Эйволин, упав в ноги бывшего жениха и господина.

— Тебя пощадил. А теперь ступай и помни, что на твоей душе смерть того, кто любил тебя больше жизни. Убирайся!

И Эйволин смыло в Водные врата.

— Ты казнил? — тихо спросила я.

— Нет, конечно, — ответил Скай, поглаживая мои бедра. — Посадил дурака под замок. Наговорил кучу всего, чтобы было, о чем подумать. А заодно, может, в пустой голове Эйволин уляжется, кого и ради чего она потеряла. Пусть помыкается, Мендаку она не нужна. Хлебнув лиха, легче понять ценность такой малости, как любящее сердце рядом. Придет время, отправлю к ней Мунна. А Мендак... — Аквей скрипнул зубами, — он умрет. Довольно с него каверз. Жаль, что успел сбежать, его бы шадить не стал, и обоснование для кары у меня отличное. Но я найду его. И доволен о них. Я исполнил уговор, — и я полетела на кровать. Больше разговоров не было.

В последующие дни Скай часто отлучался, занимаясь подготовкой к известному событию. Я отправлялась с ним только тогда, когда дело касалось тригов и айров. И пусть моей жизни уже не угрожали пресловутые тридцать дней, но откат был совсем близко. То там, то здесь появлялись разрозненные выплески стихийной энергии. Теперь невозможно было просчитать, где в следующий раз произойдет прорыв. Леоры, решившие нам довериться, передавали Скаю послания от тех, кто покинул Совет, некоторые спешили присоединиться к нам.

Однако оставались те, кто уверял, что всё это «проделки Темного и его шавки, а Аквей продан за бабьи ласки». Супруг не говорил мне этого, но я слышала порой его беседы с леором Вером. Не знаю, что точно таил на душе наш хозяин, но поддержать своего господина старался по мере своих сил.

— Тьма, Лим, меня от тупости уже трясет! — приглушенно восклицал Скай. — У соседей безобидный лесной ручеек превратился в бурную реку. В Агро молнии били с ясного неба. Более двух часов, Лим! Города больше нет, жертв много, а они всё подвох в моей жене видят. Порой мне кажется, что для таких баранов откат стал бы благом, хотя бы перед концом прозрели. Но даже ради науки мы не можем допустить его проникновения в наш мир.

— Лейда Аквей действительно может спасти нас?

— Будь моя воля, я бы близко ее не подпустил к логову рыжего поганца, но без нее и вправду не обойтись. Она имела дело с возвратной волной, я же пока как слепой котенок.

— Если Темный нуждается в ней, то ей вред ли...

— Или ты глух, Лим, или с возрастом твой сметливый разум потерял остроту. Я всё рассказал тебе, а ты думаешь, что Ирис ничего не грозит?

— Прости меня, Скайрен, но мне всё еще сложно до конца уверовать, что в этой женщине нет зла.

— Могу понять, — ответил Аквей. — Но не могу принять. Я своими глазами видел, через что она прошла. Для меня нет чище души, чем у моей ягодки. И оттого еще сильнее ненавижу Вайториса. Превратить Созидающую, дарующую и охраняющую жизнь, в проклинаемую всеми убийцу...

— Скай, твои глаза, они сияют...

— Это приток энергии. Я в бешенстве. Доброй ночи, Лим.

— Д-доброй ночи, мой господин.

В тот вечер я нашла Ская у реки. Воды ее вздыбились, образовав большой круг, и вода неслась по этому кругу, всё ускоряя свой бег. Я накрыла плечи мужа руками, прижалась к спине, и водоворот начал утихать. Вскоре вода с грохотом упала в реку, и ее течение восстановилось.

— Дольше медлить нельзя, — сказал Аквей.

— Нельзя, — согласилась я.

— Завтра я оповещу тех, кто идет с нами.

— Маги знают, что будет на самом деле?

— Те, кому я доверяю.

— Что они сделают, когда поймут, что были обмануты? — я обошла водника и заглянула ему в глаза.

Скай устроил ладонь на моей талии, заправил за ухо выбившуюся из прически прядку:

— У них уже не будет выбора, но иначе нельзя. Мы не можем повторять прежних ошибок. Если нам удастся задуманное, им будет не до обвинений в вероломстве.

— Нам будет непросто.

— В жизни вообще просто не бывает, — он улыбнулся и поддел пальцем кончик моего носа.

— И не поспоришь, — усмехнулась я.

— Еще бы ты спорила, — надменно ответил водник, получил тычок кулаком под ребра, растерял всю спесь, но только хмыкнул, покрепче обнял меня за плечи, и мы направились обратно к селению.

Это было в конце двадцать третьего дня. Весь двадцать четвертый день прошел в суете последней подготовки. В поселении ненадолго объявились айры и триги, чем привели в немалое смятение жителей. Кто-то с испугом смотрел на мощного великана Рварна, кто-то с любопытством на крылья Оэна. Особое впечатление произвело то, что зверь и летун по своей привычке не упустили возможности склониться передо мной. Для них я по-прежнему оставалась древним всемогущим божеством. И, как всегда, я приняла их поклонение без смущения, одарив обоих приветливой улыбкой. Вот она, прелесть дикарей, для них ничего не изменилось после того, как узнали, что божественности во мне столько же, сколько в дереве, на которое я опиралась плечом. Им было достаточно того, что я такая же, как их создатели, и никаких доказательств больше не требовалось.

Впрочем, не могу не рассказать о том, что успела заметить совсем необычного при встрече людей с представителями этих двух рас. Младшая дочь Лима Вера рассматривала

Оэна Быстрокрылого не просто с восхищением, в ее глазах был восторг, и мой слух уловил, как она шепнула подруге:

— До чего же хорош этот айр.

— Утренняя заря уступает прелести юной девы, — не глядя на девушку, произнес Оэн.

И вроде бы случайно брошенные слова, не имевшие оснований, достигли цели. Юная лейда Вер зарделась, потупила взор, на устах ее расцвела улыбка. И летун вновь сказал, ни к кому не обращаясь: — Солнце сегодня особенно ярко сияет.

— Ты ослеп, крылатый? — хмыкнул Рварн. — Небо затянуло облаками.

— Это твой взор затянут мутью, животное, — ответил Оэн. — Тому, кто высоко летает, видно больше, чем тому, кто бегают, уткнувшись в землю носом.

Триг демонстративно повел носом:

— Но приближение весны я чувствую отлично.

После снова усмехнулся, подмигнул лейде и ее подруге и прошел дальше. Невозмутимый Оэн покачал головой и последовал за ним, но вдруг обернулся и скользнул задумчивым взглядом по дочери Вера:

— Весна... — покачал головой и уже не останавливался.

А мне подумалось, а почему бы и нет? Было бы любопытно посмотреть, к чему приведет зародившееся влечение заносчивого айра и благородной лейды. Если они смогут превратить это в любовь и преодолеть непонимание и возмущение айров и магов, то, при желании и помощи творцов, такая связь может привести к рождению новой сущности. В любом случае, я им в своей помощи и поддержке не откажу, думаю, Скай будет со мной согласен. Этот мир заслужил больших перемен. Но всё это после... А пока нас ждала важная битва, которую проиграть мы не имели права.

Остаток дня мы провели в поселениях айров и тригов, заканчивая то, что начали еще после Совета. Ощущение предстоящего уже витало в воздухе. Тревога, напряжение, но вместе с тем нечто торжественное, важное и неизбежное, от чего было невозможно убежать, нельзя было отвернуться, отмахнуться или отложить. Душа трепетала в ожидании, но не от страха. Это было предвкушение.

Чем бы ни руководствовался Скай, но для меня это было еще и возможностью поквитаться с Вайторисом за родных, за любимых, за загубленную жизнь, за долгое рабство, за жизни, которые я отнимала в своем ослеплении и почитании проклятого убийцы. Да, я желала помочь этому миру выбраться из ловушки Граней еще раз, хотела дать ему шанс на развитие и собственную жизнь, но еще я жаждала мести.

— Не позволяй чувствам захлестнуть себя, — повторял мне супруг. — Потеряешь над собой контроль ты, потеряю его и я. Ярость хороша лишь тогда, когда она придает силы. В ослеплении же толку не будет. И он знает об этом.

И это было так. Вайтор давно научился управлять мной, это было слабое место. Но теперь и я знала, куда стоит ударить, чтобы вывести Разрушающего из равновесия. Благодаря Скаю, я научилась отличать настоящие угрозы от пустых. А после того, как ко мне вернулась память, я осознала, что мой бывший «господин» вовсе не всемогущ. И пусть сила его велика, благодаря Граням, но это не делает его менее уязвимым, чем любое живое существо.

Однако не стоило забывать и того, что слияние, сделавшее нас с водником почти равными по могуществу Вайторису, оно же и ослабляло нас.

— Он не тронет тебя, пока жива я, — сказала я в один из дней после размышлений. — Ему нужно, чтобы я вернулась.

— Да, — согласно кивнул Скай. — Я тоже об этом думал. Регинис отказался от слияния, опасаясь, что его смерть уничтожит и тебя. Стало быть, для возрождения ты должна умереть, зная, что я жив. Скорей всего, рыжий захочет оставить меня до твоего возвращения. С этим он затягивать не станет, тебе нужно успеть рассеять откат. И лишь после твоего возрождения, пока ты без памяти, убьет. Но это в случае, если мы проиграем, а этого мы не допустим.

— И все-таки нужно помнить об этом, — возразила я. — Мы знаем, что смерть одного может повлечь за собой смерть другого, а Вайтору нужно сохранить только одного из нас. Он знает, что я не смогу остаться равнодушной, если тебе будет грозить опасность, и удар будет направлен на тебя.

— Но пока ты жива, мне ничего не угрожает, — вновь кивнул Аквей. — Этим стоит воспользоваться. Я стану твоим щитом. А ты вспомни его уроки, кое-что в них есть полезное. Например, умение сохранять трезвый ум и невозмутимость. Он ломал тебя, уничтожал чувства, но научил быть бесстрастной. Вот и вспомни, каково это. И когда будешь стоять за моим плечом, не забывай, что бы мне не грозило, рыжий не посмеет убить меня, пока жива ты.

— Стать Игнис у меня не получится, — усмехнулась я, — но я буду стараться, мне есть, чем обосновать себе это.

— Знаешь, что мне нравится в сути Созидающего? — спросил Аквей, весело сверкнув глазами. — Обоснование. Оно дает возможность творить, что угодно, нужно лишь подобрать верный ключ, и дверь откроется.

— Путь Вайториса, — предостерегающе ответила я.

— Я по этому пути не пойду, — сказал с улыбкой водник. — Но мораль Созидающих слишком гибка и извилиста.

— Так кажется только на первый взгляд. Ты не можешь использовать обоснование для собственной выгоды, не можешь использовать ради убийства...

— Вайторис столько лет убивал потомков...

— И всё время у него было лишь одно обоснование — спасение мира от умножающихся Отражений. Обоснование — это не просто оправдание своему поступку. Это целый перечень условий. Причина обоснования — гибель мира, чем вызвано — угрозой умножения Отражений, кто порождает угрозу — творцы, как уничтожить угрозу — уничтожить тех, кто порождает ее, кто повторит ошибки друзей — их потомки, кем станут потомки — угрозой миру, как избавить мир от угрозы уничтожения — искоренить всё, что порождает причину обоснования, значит, убрать творцов и их потомков. Обоснование — целая цепь условий, связанных между собой последовательно и логично.

Водник потер подбородок.

— Хорошо. Тогда так. Причина обоснования — гибель мира, что приведет к гибели — смерть моей жены, кто хочет убить ее — Мендак, значит, я должен искоренить угрозу гибели мира, уничтожив мерзавца раньше, чем он убьет мою жену. Всё верно?

— Очень так... обосновательно, — усмехнулась я.

— Вот и отлично.

Леор Айгет Мендак стал для моего супруга настоящей занозой. Правда, Скай об этом не говорил, но забыть о своем давнем недруге уже не мог. Мне и не нужно было словесных подтверждений, я и так чувствовала то, что чувствовал Аквей. Он только раз обмолвился, что неприятный водник провалился, словно сквозь землю. Я поняла, что Скай пытался его

найти, и теперь раздосадован тем, что Мендак сумел скрыться.

— Насколько легко можно попасть в Черный замок? — задумчиво спросил меня Аквей.

— Думаешь, он отправился напрямик в стан врага? — с сомнением спросила я.

Одно дело устраивать пакости среди своих, другое — предать.

— Я не могу отмахиваться от такого предположения. Он пошел на подстрекательство к убийству, значит, мог шагнуть еще дальше. Так возможно?

— Вайторис не ведет разговоров со смертными, но есть его приближенные, которые живут за пределами замка. Если Мендак знает, к кому обратиться, тогда возможность попасть к Вайторису у него есть, — ответила я, немного подумав.

— А ты еще сомневаешься, верно ли мы скрыли свою задумку. Теперь я уже сомневаюсь, что об этом стоило говорить даже тем, кому я верю, — Аквей досадливо покачал головой. — Надо было его давить сразу после Совета. Тьма, из-за доверия остальных приходится рисковать, это бесит.

— Никто до конца не знает нашей задумки, — успокоила я мужа.

— И в этом наш шанс, — кивнул Скай.

Решающий день приближался с неумолимостью снежной лавины. Остановить нарастающий ком событий было невозможно. И когда пробила полночь двадцать пятого дня, мы с водником, не стовариваясь, взяли за руки и покинули селение на берегу реки. Мы не отправились в наш мир, он не мог дать того, в чем отчаянно нуждалась сейчас душа, поэтому выбрали уединенный островок в океане, наполненный сиянием искр жизни. Сели на берегу, прижавшись спина к спине, и смотрели на лунные блики. Возможно, это был последний день для нас и этого мира, возможно, лишь очередной в череде многих дней, и завтра мы встретим с улыбками на устах. Предсказать исход не брались ни я, ни Скай, но нам нужны были эти минуты затишья перед предстоящей бурей.

— Красиво, — негромко произнес Скай, глядя на океан.

— Красиво, — согласилась я.

— И пусто, — подвел неожиданный итог водник, разворачиваясь ко мне.

Я последовала его примеру, и, перевернувшись, застыла на коленях, уперев кулаки в мягкий песок. Аквей замер в той же позе, не сводя с меня глаз, озаренных бликами света.

— Не могу потерять тебя, — чуть хриловато сказал он.

— Не потеряешь, — я попыталась улыбнуться, но лишь прерывисто вздохнула.

— Не хочу жить один в красивой пустоте, — вновь заговорил водник.

— Я рядом, — все-таки улыбнулась и выпрямилась, протянув к нему руки.

Скай поймал мои ладони, сжал их в своих ладонях. Мы одновременно поднялись на ноги, и я оказалась прижата к телу супруга.

— Мне страшно, Ирис, — сказал Скай. — Мне так страшно не было ни разу в жизни. Даже когда впервые отправлялся под черные стены проклятого замка. А теперь боюсь. Боюсь проиграть... Боюсь, что не справлюсь. Меня пугает цена, я не готов заплатить ее. Даже ради жизни всего мира, не готов...

— Ты стал совсем нежным, Ручеечек, — с фальшивым весельем ответила я, Аквей лишь поморщился, и я отбросила шутливый тон: — Я боюсь того же, Скай. Не знаю, что принесет этот день, но точно знаю, если свет моей души погаснет, даже сияние всех искр не разгонит тьмы моего горя. Ты мой свет, Скай, и та единственная жизнь, которую я отдать не в силах.

— Остается победить и быть счастливыми, — слабо улыбнулся мой водник.

— Выбора нет, — сказала я, скользя ладонями по его груди. — Один путь...

— Одна судьба...

— На двоих.

Я, заглянув в его глаза, задохнулась от головокружительного водоворота чувств, в одно мгновение затопивших сознание. Потянулась к нему... Ноги оторвались от земли, когда Скай рывком приподнял меня вверх. Наши лица оказались на одном уровне, я опустила взгляд на губы водника, прерывисто вздохнула и вновь заглянула в глаза, прошептав:

— Зажги меня снова, Скайрен Аквей.

— Ты пылаешь ярче солнца, — ответил он.

— Тогда я отдам тебе часть своего сияния.

Аквей мотнул головой:

— Я возьму его целиком, но только вместе с тобой.

— Скай, — всхлипнула я и поймала его губы.

Провела кончиком языка, протиснула его в рот водника и застонала, почувствовав его ответ. Аквей перехватил меня, удобней взяв на руки и, не разрывая поцелуя, отошел дальше от берега. Прервав поцелуй, я заглянула в глаза водника. Белый блик вдруг окрасился зеленью, и ветви деревьев, плетями висевшие к земле, раздвинулись, откликаясь на стихию земли, призванную Скаем. Восторженно охнув, я откинула голову и рассмеялась.

Из травы вспорхнула небольшая птица с длинным радужным хвостом, возмущенно пискнула и скрылась в ветвях. Я проводила ее взглядом и тут же забыла, потому что водник опустил меня на ковер из пышной мягкой травы. Его взгляд блуждал по моему лицу, скользнул по подбородку к шее, я тяжело сглотнула. Облизала вдруг пересохшие губы и тихо застонала, не вынеся острого предвкушения его прикосновений к своему телу.

Воздух сгустился, став горячим и вязким. Исчезла прохлада, которой веял легкий бриз с океана. Исчезли рокот волн, шелест листвы на деревьях, щебет испуганной нами пичуги. Ничего не осталось кроме прерывистого дыхания и горящего взгляда глаз-озер, сейчас полыхавших зеленым свечением. Скай провел ладонью по лифу, и ткань зашуршала, расползаясь на тонкие стебли, кружева собрались в белоснежные хрупкие чашечки цветов. Они окружили меня, очертив контур тела. Вдохнула приятный сладковатый аромат, не спуская взгляда с Аквея.

— Так пахнешь ты, ягодка, — улыбнулся водник.

— Как ты их назовешь? — хрипло спросила я.

— Как можно назвать цветы с запахом Ирис? — он изломил бровь и закончил, склоняясь ко мне: — Только ирисами.

Вновь облизала губы, Скай проследил за движением моего языка, а после накрыл мой рот своими губами. Его язык коснулся моего языка, и я судорожно вздохнула, отзываясь на первую ласку. Ладони накрыли мужской затылок, пальцы зарылись в волосы, не позволяя воднику отстраниться и прервать поцелуй. Я чувствовала, как его ладонь легла мне на бедро и поползла по ноге вниз. Добралась до колена, огладила его и неспешно двинулась назад, чуть сдвинув мою ногу в сторону. Я согнула ее в колене и отвела в сторону, бесстыдно открываясь Скаю. И протяжно застонала, когда умелые пальцы проникли в лоно.

— Горячая моя, — с улыбкой шепнул водник, оторвавшись от моих губ.

Я закусила губу и опустила взгляд на его расстегнутый камзол. Посмотрела в глаза Аквею, и он рассмеялся, когда его одежда стекла в траву ручейками воды. Я вновь подалась к нему, надавила на плечи и перевернула на спину. Нависнув сверху, заскользила взглядом

по сильному телу, любуясь им. Снова вскинула взгляд на лицо Ская, мгновение рассматривала дорогие мне черты, чуть задержалась на затуманенных желанием глазах, после коснулась губами шеи. Я улыбнулась, услышав прерывистый вздох. Прочертила языком влажную дорожку до ямки между ключицами и оседлала бедра Аквея...

— Не так быстро, — задохнувшись, произнес мой водник, снова опрокинув меня на спину. — Нектар полагается смаковать.

Он лизнул меня в шею.

— Пить маленькими глотками, задерживая вязкую жидкость на языке, чтобы лучше ощутить его вкус.

— Никогда не пила нектар.

— Зато я выпью весь, до последней капли, — ответил Скай и вернулся к своим ласкам.

Я закинула руки за голову, закрыла глаза и отдалась во власть жадных губ, всё больше погружаясь в тягучее, словно мед, удовольствие. Охнула, когда горячий язык тронул наверх груди, задохнулась, ощутив, как язык сменяют губы, и застонала, когда по крови промчался жар возрастающего возбуждения.

Пальцы запутались в светлых волосах, когда мужской язык вырисовывал влажные узоры на животе. Сладкая дрожь пробежала по телу, как только водник спустился еще ниже...

— До последней капли, — хрипло произнес он.

И тело отозвалось истомой. Вскрик сорвался с моих приоткрытых губ и растворился в далеком звездном небе. Я металась под ласками языка и губ водника, впивалась пальцами в плечи, и его имя слетало с уст бесконечными стонами:

— Ска-ай... Ска-ай... Ска-а-ай...

Волна наслаждения захлестнула с головой, разметала сознание, превратила тело в невесомую пену и схлынула, чтобы наброситься с новой силой, вырвав из груди протяжный крик:

— Ска-ай!

И он пощадил. Вновь навис сверху, глядя на меня совершенно пьяным взглядом. Задыхаясь, потянулась к нему, поймала губы. Моя рука скользнула по мускулистому животу, ладонь сжалась на возбужденной мужской плоти, и стон Аквея я выпила с его губ. После откинулась на спину, направила член к средоточию своего желания и задохнулась, когда Скай плавно заполнил меня собой.

— Люблю тебя, — прошептал он и сделал первое движение бедрами.

— Люблю тебя, — ответила я, срывающимся голосом.

Я отдавала ему себя, всю, без остатка, не оставляя себе ни единого потайного уголка. Разве можно что-то спрятать, когда в объятьях сплелись не только тела, но и души? Толчок, еще толчок. Резко, глубоко, до предела, до рваного горячего дыхания, протяжного стоны, до крика наслаждения, рвущего грудь в клочья. До хрипа, когда сил на стоны уже нет. Пальцы впиваются в упругие мужские ягодицы, принуждая двигаться быстрее. Мало, мне всё еще мало, я хочу больше, я не могу насытиться ни его поцелуями, ни стонами, ни толчками, то замедляющимися, то вновь резкими и грубыми. И только едва слышная мольба:

— Еще, Скай, еще.

Вынуждаю водника перевернуться на спину, вновь насаживаю себя на твердый, как камень член, и двигаюсь. Извиваюсь, задыхаюсь и срываюсь в очередной оргазм, как только его пальцы пробегают по моей груди. Бессильно падаю ему на грудь, но Скай вновь шепчет:

— До капли, — и я опять под ним.

Теперь не мешаю, лежу, распластанная на траве, позволяю волнам нашей страсти подхватить мое безвольное тело и нести туда, куда ведет меня мой водник. Он наслаждается каждым толчком, плавным, неспешным, тягучим. Я открываю глаза. Хочу видеть его сейчас. Хочу смотреть на сладострастную муку, исказившую его лицо. Хочу увидеть тот самый миг, когда Скай достигнет предела. Хочу, но... загораюсь, потому что он сейчас невозможно прекрасен, потому что чувствую, как зарождается его волна, как она набирает скорость, как мчит его, поднимает на гребень и обрушивает в бездну, и я мчусь следом, упиваясь его вскриком наслаждения. Ловлю его губы и смешиваю свой стон с его затихающим стоном. Вот теперь действительно ни осталось ни капли. Обессиленная я валюсь на траву, Скай утыкается лбом мне в плечо. Я слушаю его хрипкое прерывистое дыхание и в голове только одна мысль: «Разве можно быть еще счастливей?»...

Мы возвращались в реальный мир медленно. Ступали по хрупкой кромке между единением и всем остальным светом неспешными шагами. Сначала разгоряченной кожи коснулось прохладное дуновение бриза, просушившее капельки пота, еще покрывавшие тела. Затем до слуха донесся шорох волн по песку и шепот листвы на деревьях. Мир обрел очертания и краски, ознаменовав окончание волшебной ночи первыми проблесками зари над океаном.

Дыхание восстановилось, сердце умерило свой безумный бег, застучав в груди размеренными ударами. Скай, успевший перевернуться на бок, притянул меня к себе. Я обняла его и закрыла глаза, стремясь еще хоть немного продлить миг нашего уединения.

— Потерпи еще немного, ягодка, — услышала я голос Ская. — Закончим все первостепенные дела, и будем наслаждаться друг другом.

— Да, — коротко ответила я сразу на всё. Говорить мне тоже не хотелось. В ушах всё еще слышалось хрипкое тяжелое дыхание водника, и это наполняло тело приятной негой.

Сейчас я наслаждалась каждой секундой, проведенной рядом с супругом. Кто знает, будет ли у нас «потом». Хотелось взять от уходящей ночи всё-всё, не оставив ей даже толики упущенного мгновения. Я льнула к своему любимому мужчине, вдыхала знакомый запах его тела, прислушивалась к каждой эмоции и улыбалась, радуясь тому, что он рядом, что узнала его, что сумела подарить минуты бесконечного счастья. Мечтала, чтобы завтрашнее утро встретить в его объятиях и отчаянно гнала прочь даже тень мысли, что завтрашнего дня может уже не наступить для одного из нас, или для обоих разом. Нет-нет, непременно будет и новый день, первые солнечные лучи, которого мы непременно встретим, прижавшись друг к другу. Будет шорох змеиного тела за дверями, и нетерпеливые повизгивания Шейга тоже будут, и писк Искры, и приветливая улыбка тетушки Тей. И усталая улыбка на открытом добродушном лице Войтера — всё это непременно произойдет. Мы создадим новую светлую жизнь, где исчезнет память о Темном властелине и его верной слуге Игнис Сиел.

— Скай...

— Да, ягодка.

— Я знаю, где хочу встретить завтрашнее утро.

Приподнялась на локте и посмотрела на своего водника. Он ответил внимательным взглядом.

— На Зеленом холме. Когда всё будет кончено, хочу вернуться туда и окончательно попрощаться со своим прошлым.

— Отличная мысль, Ирис, — Скай повернулся на бок, подложив голову на согнутый

локоть. — Мне нравится. Обязательно отправимся туда.

— Спасибо, — я потянулась к нему, коснулась губ легким поцелуем. — А потом вернемся к старому храму и сделаем первые плетения основы для нового мира.

— И эта идея мне тоже нравится, — он поднял руку, пальцы скользнули по моей щеке, задела губы, затем накрыл ладонью затылок и привлек к себе. Поцеловал коротко, но вдруг навалился, перевернув на спину и нависнув на спину.

Взгляд синих глаз, словно лаская, прошелся по моему лицу и остановился на глазах. Мгновение мы смотрели друг на друга, а после я обхватила Скаю за шею, прижалась к нему, и он поймал мои губы в капкан отчаянного поцелуя. Я отвечала неистово, жадно, насыщаясь его губами, будто в последний раз. На мгновение задохнулась, когда супруг с силой втиснул меня в свое тело. Задержал и отпустил, разрывая поцелуй.

Он повернул голову в сторону солнца, чей диск уже показался над поверхностью воды. Поджал губы и поднялся на ноги. Затем протянул мне руку, я сжала его ладонь, встала рядом, и Скай произнес только одно слово:

— Пора.

Я кивнула, ощутив вдруг бешенное сердцебиение. Грудь часто вздымалась от прерывистого дыхания, но я закрыла глаза, выдохнула и взяла себя в руки.

— Один путь.

— Одна судьба.

— На двоих.

Мы переплели пальцы и шагнули в водяную арку, перебравшись сразу в комнате, выделенной нам леором Вером. Здесь привели себя в порядок, оделись. Я подняла на ладонях Искру. Мгновение смотрела ей в глаза, и крыса вдруг жалобно пискнула, взбежала по руке на плечо, но я вернула ее на стул, откуда взяла, и отрицательно покачала головой:

— Не в этом раз, девочка.

Мы вышли из дома. Я подозвала Шейга, сжала его голову ладонями, заглянула в умные глаза и кивнула. Мое создание заскулил, лизнул меня в нос и улегся на землю, преданно глядя мне в глаза. Обернулась, Скай что-то говорил Венну. Змей оплел его кольцами, что-то тихо булькнул в ответ и отпустил. После подполз ко мне, сжал в кольцах, ткнулся носом в плечо и затих.

— Всё будет хорошо, — улыбнулась я, Венн лишь тесней сжал кольца.

Из дома вышла лейда Тей. Аквей подошел к ней, опустил на одно колено, и провидица накрыла его голову ладонями. Ее перстень ярко сиял, но женщина досадливо покривилась, словно увидела не то, что хотела увидеть, или же ничего не увидела вовсе. Отрицательно покачала головой, когда Скай поднял на нее взгляд.

— Я ничего не скажу тебе в этот раз, мой мальчик, — произнесла Тейда. — Но я жду вашего возвращения. Сберегите друг друга.

— Спасибо, родная, — ответил мой водник, поднялся на ноги и коротко прижал к себе тетушку. Поцеловал ее в щеку и повернулся в мою сторону.

Я освободилась от хватки змея, уже сделала несколько шагов, когда на меня снова налетела Искра. Посадила ее себе на плечо, но когда дошла до провидицы, та кивнула, поняв мой взгляд, и я передала ей встревоженную крысу.

— Мы будем их ждать вместе, дорогая, — сказала Тей, погладив Искру пальцем между ушей. Женщина перевела на меня взгляд: — Да хранят вас Высшие Силы.

Я обняла тетушку Скаю, и она шепнула мне:

— Не поддавайся ему.

— Я больше не позволю ему взять над собой верх, — пообещала я.

— Помни, между тобой и жизнью Скай выберет тебя.

Отступила от провидицы, нахмурилась, пытаюсь понять ее слова. Тейда улыбнулась:

— Это не предупреждение, а напоминание. Возможно, оно еще пригодится.

— Спасибо, — повторила я за супругом. — Молитесь, Тей, Мироздание слышит тех, чья душа открыта.

Провидица кивнула, снова погладила крысу и отступила назад. Я приблизилась к Скаю, он помог мне забраться в седло. Обернулся к отряду своих леоров, к которым примкнул и Лим Вер со своими двумя сыновьями.

— До встречи, — только и сказал Аквей. Махнул оставшимся в селении людям рукой, а после скомандовал: — Вперед!

Отряд дружно тронул поводья и въехал в водные ворота, скрываясь от взора тех, кто остался верить, надеяться и ждать...

Глава 21. День двадцать пятый (Черный замок)

Врата выпустили наш отряд неподалеку от Черного замка. Его не было видно, пока не было видно, но когда все будут в сборе, исчезнет тонкая материя, разделяющая Истинную реальность и мирок, скрывающий Хранилище Граней, и тогда черный исполин предстанет во всей своей подавляющей красе. Впрочем, не только мы не могли видеть Вайториса, но и он не видел нас, потому что место, куда вывел переход Аквея, появилось совсем недавно. Еще одна маленькая реальность, вмещавшая в себя нашу рать.

Мы не рассчитывали на то, что появление войска с двумя Созидающими во главе станет для Вайтора неожиданностью, мы готовились к этому и готовили остальных. Если Скай и я были скрыты от ока Разрушающего, то маги, триги и айры оставались под его надзором, который лже-Вечный мог вести через Грани. К тому же предположение о предательстве никому не казалось неправдоподобным. И если кто-то искал подвох во мне и моем супруге, то оставались и те, кто понимал, что сейчас самое удобное время для сведения личных счетов, и вероломства со стороны кое-кого из магов не исключал.

— Одного не пойму, — сказал один из леоров, когда мы вышли в точной копии Бескрайней пустоши, среди которой находилось обиталище Вайториса и немного отделились от остального отряда.

— Чего? — спросил Скай, оглядываясь по сторонам.

— Если Темный знает, что мы можем собрать рать, почему не предпринял ничего, чтобы предотвратить сражение?

К нам обратились взгляды остальных водников. Их недоумение было понятно. Маги, да и не только маги, и даже не совсем люди, ожидали ответных действий. Айры спрятали своих женщин и молодняк, триги тоже. Стихийники, пусть и не все, покинули земли своих кланов, но к ним никто так и не явился. Напади Вайторис хоть на кого-то, и часть наших союзников могла бы рассеяться. Однако огневик не предпринял ничего, кроме того, что отправил несколько браннеров к развалинам древнего храма. А это говорило о том, что мой «господин» не видит для себя опасности и уверен в своей очередной победе.

Что были для Вайториса все рати мира? Ни-че-го. Мошкара, жужжащая у ног исполина. При желании, он мог просто не размыкать границу между миров, и войны, потоптавшись,

уши ни с чем восвояси. И только такие же, как он, могли обнаружить скрытое и без разрешения хозяина. Из всех, кто собирался встать под стенами его замка, только я и Аквей представлять угрозу. А то, что Вайторис не двинулся с места, тоже было объяснимо.

Во-первых, он опасался, что мы ждем его отлучки из замка, и можем попытаться завладеть Гранями, пока он будет гоняться за нами по миру. Во-вторых, было ясно

— особой угрозы для себя лже-Вечный в нашем союзе не видел. Даже пройдя слияние, у нас была чистая стихия и предел возможностей, у него вся энергия Отражений. Наш предел должен был наступить на много раньше. Главной и единственной задачей для Вайтора было не отстоять замок, а разделить нас со Скаем и убить меня, уничтожив этим и водника. Всё остальное: осада, битва, даже захват — развлечение, одно из самых ярких, которые были доступны огневику, скованному условиями порождения новых Отражений. Вайторис мог уничтожить разом не только всех нападающих, но и целый мир, если бы это не влекло угрозу жизни для него самого.

— Он всегда знает, когда собирается рать, и всегда позволяет подойти к своему замку, — ответила я, глядя на первую арку, открывшуюся справа от нас. — Он не принимает угрозы всерьез.

— Но в этот раз он просчитался, — закончил за меня Скай. — Беспечность Темного нам только на пользу.

Вайторис не был беспечным. Это знала я, это понимал Аквей, потому тревога отравляла веру в благополучный исход. И все-таки наши шансы были не так уж и малы, да и терять нам было намного больше, чем жизнь и могущество. Как бы ни боялись друг за друга, сколько бы не говорили, что с потерей части своей души, жить уже не за чем, за нашими спинами оставались обитатели всего мира. Их вина состояла лишь в том, что им не посчастливилось родиться там, где четверо юнцов- Созидающих решили провести свой честолубивый эксперимент. На наших плечах лежал долг, который нужно было исполнить.

— Он так силен... — послышался несмелый голос.

Скай обернулся и взглянул на леора.

— Кто слаб и не готов к бою, пусть покинет поле брани прямо сейчас, — велел Аквей.

Он открыл Врата, но никто не подъехал к ним. Даже говоривший недавно маг застыл с упрямым выражением на лице. Никто не хотел бежать. Они остались верны своему господину, когда от него отвернулись другие леоры, не хотели бросать его и сейчас, когда смерть казалась неминуемой. Еще раз оглядев свое маленькое воинство, Скай кивнул, принимая решение своих воинов, и Врата исчезли.

Исчезли это, но открылись теперь слева от нас, выпуская леоров Земляного клана, во главе которого стояла лейда Личфиелд. Губы женщины были плотно поджаты, глаза светились решительным огоньком. Эта женщина мало напоминала изнеженный цветок, хоть и казалась хрупкой на вид. Камилл направила коня в нашу сторону и, подъехав, склонила голову, приветствуя и признавая главенство главы клана водников.

— Отличного дня, лейда Личфиелд, — улыбнулся ей Скай. — Сегодня скуке не будет места.

— Я готова к увеселениям, — ответила Камилл.

— Дождемся, когда наполнятся все кубки, — усмехнулся мой водник и обратил взор на следующие Врата, через которые входили маги Огненного клана во главе с леором Фэйром.

Врата появлялись снова и снова, открывались, пропуская воинов разных кланов. Водники, землевики, воздушники, огневики. Их одежда носила цвета своих стихий, но

различалась оттенками, соответствующими определенному клану и направлению.

Я увидела черный стяг, с которого, оскалив зубы, светил красными глазницами череп — некроманты. Изумрудный стяг с головой волка — заклинатели. Темнозеленый с белоснежным деревом — те, кто повелевал растениями. Коричневый с алыми ломанными линиями — те, кому повиновалась сама земная твердь. И все это маги-землевики. Одежда соответствовала цветам стяга, так что запутаться было сложно.

Водники были одеты в цвета от насыщенного синего до белоснежного. Наш цвет был голубым, эмблема — гора с ледяным водопадом, что означало — в клане есть не только те, кто повелевает водой, но и снежники, и ледники. Про то, что этот клан был смешанным, я знала уже давно. На мне тоже была надета мужская одежда голубого цвета с водопадом на груди. Отныне я принадлежала своему супругу, и мой наряд это только подчеркивал.

Признаться, наш союз был странным не только потому, что главная надежда мира связался с его проклятием, но и потому, что маги стихии не смешивали. Случались браки между представителями разных направлений одной стихии, но такой, как у нас: водник и землевик — такого не бывало. Пару искали среди своих, не желая ослабить или потерять дар в своих потомках. Особенно сейчас, когда магические потоки уже не обладали прежней мощью.

Вольно или невольно, но стоило очередному клану появиться в пустоши, как взгляды воинов искали нас со Скаем. И здесь было вовсе не желание приветствовать и занять свое место. Никто, кроме глав кланов и родов не видел близко саму Игнис Сиел, мало кому верилось, что одна из самых страшных легенд может встать на стороне тех, кого уничтожала столько времени, и уж совсем сомнительно было то, что Аквей оказался связан со слугой Темного пророчеством, и что именно она стала той женщиной, что принесла своему возлюбленному небывалое могущество.

Ничего нового я не видела во взглядах, устремленных на меня. Удивление, недоверие, подозрительность — всё это было, есть и еще долго будет терзать людские умы и память. Я это знала, потому держалась прямо, глаз не опускала. Не пыталась извиняться или заискивать. Не людская ненависть имела сейчас для меня главное значение. Чем больше собиралось магов, тем быстрее близился час, когда спадут пологи с двух параллельных миров, и мы окажемся лицом к лицу со своим общим врагом. Я незаметно покусывала губу, гладила Цветика, когда он улавливал мое волнение, и поглядывала на Ская, разговаривавшего с подъезжающими леорами. Аквей, почувствовав мой взгляд, оборачивался и дарил ободряющую улыбку. После возвращался к прерванному разговору.

Последними прибыли айры и триги. Они прошли, как и все остальные через врата. Элдры гордо выступали впереди свих клиньев. Белоснежные крылья были сложены на спине, грудь и плечи затягивали кожаные доспехи с нашитыми на них металлическими пластинами. На груди каждого круг, в центре которого красовался знак Орканиса. Я без труда узнала его, Созидающие носили свои знаки, вышитыми на одежде. У моего отца было древо с пышными ветвями, у Региниса капля воды, отливавшая бликом света, у Орканиса горизонтальные волнистые линии, у Вайториса золотой огненный цветок. Знаки содержали символы их мира. И на нагрудных пластинах айров в линии были вплетены те же символы. Я успела прочесть «дети Свободного Ветра», когда элдры, а следом и их клинья опустились передо мной на колени.

— Благослови нас, ясноокая Ирис, — произнес Оэн, говоривший от лица всей стаи.

— Пусть Свободный Ветер расправит крылья своим детям и понесет их в потоках

удачи, — произнесла я.

— Наши жизни принадлежат нашей Матери, — ответил Оэн.

— И пусть они радуют вашу Мать и после боя, — закончила я.

Айры почти одновременно приложили сжатые кулаки к груди, на мгновение так застыли со склоненными головами, и, наконец, повернулись к Скаю, терпеливо ожидавшему их внимания. На место крылатых встали триги, дети моего отца. Для них я спешила, подошла к Рварну и накрыла его плечи ладонями.

— Не жмет ли шкура, вожак? — спросила я с улыбкой.

— Села, как влитая, — расплылся он в ответной ухмылке, обнажив крепкие зубы.

— Что думают триги? — я отступила назад, пристально разглядывая главу зверей.

— Триги готовы рвать плотки за дочь своего отца. Наши клыки и когти расчистят тебе путь.

— Усмирите горячий норов до времени, ваш черед придет не скоро.

— Нет никого более кроткого, чем триг на охоте, — осклабился Рварн, и его стая отозвалась порывиванием и смешками.

— Удержи их, — без тени улыбки произнесла я. — Вам захочется сцепиться с браннерами, но это не ваша добыча. Жизнь стаи в твоих лапах, вожак.

— И я сберегу мою стаю, — также серьезно ответил Рварн, перестав скалиться.

— Дух земли не оставит своих детей, — напутствовала я их, и триги опустили на одно колено, уперли кулаки в землю и склонили головы, признавая за мной право повелевать ими.

— Мы будем счастливы преклонить колени перед тобой после драки, — сказал вожак, заглядывая мне в глаза. Я снова положила ладонь на его плечо, улыбнулась и указала взглядом на Скаю.

Триги направились к нему, но Рварн еще несколько раз обернулся, чтобы взглянуть на меня:

— Всё будет хорошо, Рварн, — пообещала я.

Вскоре Скай вновь стоял рядом. Он сжал мои пальцы, я взглянула на него и кивнула. Открылись Врата, и мы шагнули в них...

— Всё получится, — сказал Скай, как только мы оказались на берегу океана.

— Иначе и быть не может, — ответила я. Он кивнул и призвал свою стихию...

Посреди Бескрайней пустоши из-под земли ударил источник. Он появился несмелым тонким ручейком, побежал по траве, журча еле слышно. Постепенно набрал силу, и вот уже по земле мчится полноводный поток, рокоча наплывающими волнами. Маги, поднявшие ропот, едва заметили исчезновения тех, кто обещал вести их в бой, затихли, изумленно глядя, как поток мчит по пустоши, как пенится вода. Реки здесь отродясь не было, и взяться ей было не откуда. Однако же вот она, уже не поток, а полноводная река несла свои воды, играла волнами, переливалась бликами на солнце. Вдруг замерла, противясь всем законам природы, повернула назад и закрутилась бешеным водоворотом.

Чей-то крик паники потерялся в оглушительном водяном рокоте. Водоворот всё набирал силу, взметнув в порыве поднятого ветра людские волосы, залил брызгами. Поднялся так высоко, что закрыл солнце, вдруг замер и обрушился вниз. Волны, домчавшись до замерших в испуганном изумлении людей, остановились, скалясь пенными гребнями, и схлынули.

— Создатели, — сипло выдохнул леор Дайм, когда перед магами замерло мирное озеро

невероятных размеров.

Водная рябь весело искрилась, ловя солнечные лучи. Казалось, что на этом всё и закончится, но вот вода вновь взволновалась, поднялась небольшим бугром в одном месте, затем появился такой же бугор в центре, затем еще один, еще, еще и еще. Бугров становилось всё больше, они росли, втягивая в себя озерные воды.

— Это же... — потрясенно прошептал Войтер и накрыл рот ладонью.

Человеческие фигуры поднимались всё выше, искрились в солнечных бликах, формировались, уплотнялись, покрывались плотью...

— Создатели, — выдохнул вдруг кто-то среди воздушников, — это же Трим... Он погиб, когда мне было десять... Это же Трим. Трим!

Никто в рати мертвецов не отозвался. Они стояли, глядя перед собой пустыми взглядами. А впереди водяного войска стояли...

— Вернулись, — облегченно вздохнула Камилл Личфиелд.

— Они ошеломлены, — шепнула я Скаю.

— Думали, что мы сбежали, — он укоризненно покачал головой.

— Наш уход был для них неожиданным, — отмахнулась я.

— Начинаем, — подвел итог нашим коротким переговорам Аквей.

— Да воссияет Искра Жизни, — тихо произнесла я.

Мой взгляд скользнул по знакомым лицам давно умерших людей. Конечно, они не могли мне ответить, но я всё-таки ободряюще улыбнулась и повернулась к мужу. Из-под земли ударил струя воды, поднимая вверх, наши пальцы переплелись, и голос Ская прокатился над притихшей пустошью:

— Сейчас полог исчезнет, и вам предстанет логово нашего врага, которого вы боялись и ненавидели вы, ваши отцы, отцы ваших отцов. Почти тысячу лет он держит наш мир в заточении, диктует свою волю и уничтожает каждого, кто несет нам нечто новое. Открытия магические и человеческие, снадобья, зелья, всё, что помогает развиваться людям и магам. Создатели одарили вас источниками, и Он был одним из них. Созидающий. Творец. Мы поклонялись ему и его друзьям долгие столетия. Терраис! Созидающий со стихией земли. Он одарил источником вас, землевики, создал тригов. Регинис! Созидающий со стихией воды. Водники, именно он одарил нас силой и создал амфиев. Они живут в далеком океане. Орканис! — Гул голосов айров в едином порыве отозвался на имя своего создателя. — Воздушники, он научил вас, как обуздать самую невесомую стихию — воздух. Он подарил крылья айрам. Вайторис... — голос Ская помрачнел. — Это ваш Создатель, огневики. Он подарил вам огонь, и он же забрал жизни тех из вас, кого посчитал опасными. Но он забрал не только жизни своих созданий, но и друзей, оберегавших наш мир. Из четырех Созидающих не осталось никого! Они погибли, преданные своим другом. Вайторис возжелал стать богом, но в погоне за чужой силой утерял собственную суть. Он больше не творец! Он не может создавать, не может помогать, не может зажигать искры жизни. Теперь он может лишь гасить их! Вайторис предал не только доверие друзей, не только тех, кого создал, он предал саму Жизнь! Я — Скайрен Аквей, потомок Созидающего Региниса и моя жена — Ирис, дочь Созидающего Терраиса, мы призываем вас на бой! Пришло время расплаты! Я зову вас за собой не во имя тщеславия, не ради земель и богатств. Не ради славы, ее принесет лишь победа. Я зову вас за собой ради ваших родных, ради ваших друзей, за наш мир, за Жизнь! Я зову вас на смерть ради Жизни! Что вы ответите мне?!

И рокот тысячи глоток прокатился над пустошью, вознесся к небу в едином порыве:

— Да-а!!!

— Да воссияет свет ваших Искр! — воскликнул Скай. И полог, разделявший три мира, истаял.

Словно свечной воск, он оползал, открывая истинную Бескрайнюю пустошь, а следом и навечно закопченные стены Черного замка. Логово Вайториса и нашу рать разделяло выжженная земля, усеянная костями тех, кто пал здесь год назад. Войско, которое шло побеждать, осталось под стенами так и не взятого им замка, как предупреждение — здесь ждет Смерть.

— Тьма, — сипло выдохнул Аквей.

Маги вдруг притихли, в миг подавленные жуткой картиной. Это были их родные, близкие, знакомые, друзья. Они шли сюда за славой и остались лежать на земле бесславной грудой костей, чьих имен уже невозможно узнать. Воодушевление, только что рожденное невиданной мощью водника и его словами, начало таять, уступая место скорби, мрачным размышлениям и затаенным страхам. Издалека слышалось порывивание тригов, чуживших запах смерти.

— Скай! — я вцепилась в запястье своего супруга. — Скай, это ловушка. Вайтор никогда не оставляет трупов. Запах разложения, гниющая плоть — он уничтожает их, как только всё закончится. Выжигает. А сейчас здесь кости...

— Понял, — Аквей стряхнул с плеч минутную слабость и к черноволосым магам под черным стягом понеслось: — Некроманты!

И маги очнулись. Не только те, к кому был обращен призыв, всё наше войско встрепенулось, отгоняя прочь свое горе и ненужные сейчас размышления. Миг, и некроманты уже стоят рядом. Амулеты, усиливающие магию, полыхают алым сиянием, маги были готовы к встрече с нежитью.

— Чего ждать? — спросил глава их клана, обращаясь к Скаю.

— Ирис, ты знаешь повадки рыжего лучше, — Аквей посмотрел на меня.

— Только не шагающие костяки, — ответила я. — У него богатая фантазия. Я могу...

— Нет, — Скай сжал мое запястье. — У тебя другая задача. Мы сами справимся.

Леор Морт поджал губы. Все взгляды устремились вперед, но ничего нового не произошло. На выжженной земле лежали кости, скалились черепа, ничто не шевельнулось, не восстало. Черный замок хранил безмолвие, его стены были пусты, и казалось, что его обитателям нет никакого дела до войска, готового к сражению. Я нашла взглядом самую высокую башню, на вершине которой переливался в лучах солнца Кристалл Граней, кривовато ухмыльнулась. Он был там. Стоял на площадке, где потерял свою суть, и следил за нами.

— Нет действия, нет противодействия, — негромко произнес Скай. Он вновь посмотрел на меня и нехотя велел: — Тряхни.

И обожженная земля дрогнула. Леор Морт порывисто обернулся, я подарила ему легкую улыбку и указала взглядом вперед. Некромант отвернулся и посмотрел туда, где среди золы и пепла появлялись следы. Сотня невидимых ног шла в сторону черного замка. Хрустнул чей-то костяк, отлетел в сторону череп, словно кто-то пнул его. Незримое воинство прошло уже половину пути до замка, их слаженный топот отчетливо разносился по пустоши.

— Что за... — приглушенно произнес один из некромантов, и глава клана вновь посмотрел на меня.

— Я могу создавать не только цветы и бабочек, — пожалала я плечами, невольно красуюсь

перед магом. Мне нравилось изумление, написанное на строгом лице Морта.

А в следующее мгновение стало не до разговоров. Над пустошью разнесся гул. Черная земля взбурлилась, и на ее поверхность высочили три белокожих великана в два человеческих роста. Они одновременно бросились вперед, повалились на землю, «давя» тех, кто сейчас шел между ними. После сели, один недоуменно почесывая голый череп, и переглянулись, издав обиженное:

— У-у-у...

— Гигсы, — сдавленно охнул Скай. — Я думал, это легенда.

Я о таких не знала. Вайторис ни разу не использовал их раньше. В них не горел свет искры, эти существа не были живыми, но и мертвыми их тоже назвать было нельзя. Они не были рождены, скорей, созданы, но не силой Сотворения. Подобных уродцев мог слепить и обычный маг. Приглядевшись, я поняла — их суть — камень. Временные сущности, неповоротливые, но способные уничтожить многих прежде, чем их время истечет. И полностью лишённые разума. Гигсы продолжали переглядываться, подвывая, что делать, когда вокруг никого нет, они не понимали.

Из рядов магического воинства послышался взрыв хохота, но он мгновенно оборвался, потому что появлением великанов ловушка не ограничилась. Вокруг трех гигсов закрутились воздушные воронки, поднимая с земли копоть, пыль и кости. Вихри уплотнились, спиральные потоки, явственно заметные в общем мельтешении грязи и костей, переплелись, и вот уже не вихри, а пара десятков сущностей стояли перед нами, чьими телами были спаянные воедино останки. Они не превышали роста гигсов, но и не уступали им.

— Так и будем стоять? — нервно спросил леор Морт.

— Подождем остальные сюрпризы, — отозвался Скай. — Как думаешь, еще что-то будет?

Вопрос был обращен ко мне, и маги полуобернулись, тоже ожидая ответа:

— Появление сущностей идет поэтапно, — заметила я. — Значит, он заложил условие нарастания угрозы. Три гигса, двадцать костяных, что-то еще должно быть. Слишком мелко для Вайториса. Должно быть что-то подлое...

Договорить не успела. Еще кружившая в воздухе пыль начала оседать на землю... Кто сказала, что в разные головы не могут прийти одновременно одинаковые мысли? По мере того, как воздух становился прозрачней, стало заметно, как начали открываться ворота. Послышался топот множества ног, и из замка вышли... мертвецы.

— Вот тварь, — выругался Скай.

Я узнала их. Эйвилон Аллиерт, замученный мною, землевик с отрубленной головой в руках, воздушник, огневик — все те, кто стоял на коленях в тронной зале, они выступали впереди, ведя за собой всех павших в последней битве.

— Надо было наступать, — буркнул Морт.

— Мы уже неслись, сломя голову, на эти стены, — мрачно ответил Аквей. — Ты знаешь итог. Превжних ошибок не будет.

— Он будет смущать магов, — шепнула я.

Скай кивнул и обратил взор приблизившемуся воинству. Маги вновь застыли, потрясенные новым зрелищем. Они узнавали каждого. Я услышала, как леор Морт гулко сглотнул и сипло выдохнул:

— Отец... Там мой отец.

— Там нет твоего отца, — оборвал его Аквей. — Одна видимость. Клан Вечного леса!

Немного помедлив, но землявики все-таки присоединились к некромантам.

— Берете на себя костяных и гигсов. Они по вашей части, — говорил Скай, уже не обращая внимания на происходящее. — Морт, что видишь? Морт!

— Некротической энергии нет, — переведя дыхание, ответил леор. — Я пока не вижу никого, кого нужно упокаивть.

— Ирис.

— Они не иллюзия в полной мере, там что-то скрыто, но я не вижу, — ответила я, всматриваясь в мертвое воинство.

— Скайрен Аквей!

Открывший было рот Скай замер и порывисто развернулся в сторону своего погибшего друга. Эйвилон Аллиерт шагнул вперед.

— За что? — спросил мертвец. — За что ты предал нас, Скай? Ты назвал своей женщиной ту, что убила меня. Ты отверг мою сестру, Скай! Почему?

— Предатель! — отрывисто рявкнула голова землявика, поднятая телом на вытянутых руках. — Он заманил нас в ловушку, а теперь новые дураки пошли за ним. Они тоже сдохнут, как мы. Все. Все до единого.

— Братья! — огневик, бывший среди верхушки павшего воинства, вскинул руки. — Вы поверили предателю! Он заманил в ловушку нас, привел на погибель и вас! Не верьте ему! Мы были верны ему, но нас убили, а он жив! Откажитесь от сражения, братья! Если хотите жить, отрекитесь от Аквея и приведите его и темную мразь к воротам замка! Они лгали вам!

— Они ведут вас к гибели! — выкрикнул воздушник. — Нет никаких Граней, нет отката! Это всё их происки! Они служат Темному! Отдайте ему двух предателей, и он простит вас за бунт!

Живые оборачивались к нам со Скаем, их глаза зажигались сомнением, подозрением, ненавистью. Так легко поверить в то, во что поверить так просто, что лежит где-то в глубине собственной души. Так легко узреть лживую истину, если обман кажется правдивей истины. На лице Аквея не дрогнул ни один мускул. Он скользнул взглядом по двум кланам, стоявшим рядом, и спросил с явным любопытством:

— Темному доверя больше?

За нашими спинами появилось шевеление, и три фигуры, безучастно стоявшие до этого, вышли вперед, растолкав магов, пришедших в смятение.

— Вайторис! — прогрехотал голос один в один похожий на голос Региниса. — Мразь! Теперь я хочу спросить тебя — за что?! За что ты предал нас? За что уничтожил столь изощренно и жестоко?!

— Вайтор! — «Орканис» устремил горящий ненавистью взор в сторону замка. — Ублюдок, я доверял тебе! Ты был мне ближе всех! Я доверял тебе, доверял во всем. Слушал, верил. А ты предал! Ты предал мою дружбу и убил моих потомков. Ты убил всех наших детей. Искоренил под корень! Детоубийца!

— Мерзкий завистник! — Регинис расхохотался. — Ты всю жизнь завидовал мне! В силе, в родовитости! Меня любили лучшие женщины, а ты подбирал за мной объедки! Огневик... Пш-ш-ш...

Издавательский хохот несся над пустошью. Рассмеялся Орканис, подхватил Терраис, отозвалось все водяное войско.

— Ты просто пшик! — заходился в хохоте Регинис.

— Глупец! — закричал «папа». — Что ты чувствовал, когда понял, что проиграл? Пустышка! Чего ты добился? Ты хотел стать богом, но даже не сохранил своей сути! Ты — ничто, Вайторис!

— Каково было понять, что тебя обвели вокруг пальца?! — крикнул Орканис. — Регин обставил тебя, отдав свой дар последнему потомку! Ирис и Кай подменили младенца, и ты потерял след! Тер стал памятью нашей малышки, и ты никогда, НИКОГДА не сможешь окончательно подчинить ее себе! И я, твой самый преданный друг, на доверии которого ты играл, стал твоим палачом! Моя стихия выжгла твой дар!

— Ты всегда был последним среди нас! — Регинис снова расхохотался. — Завистник!

— Завистник!!! — в едином порыве закричали водные войны. — Завистник!!!

— Но я жив, а вы сдохли! — прогремел в ответ голос Вайториса.

Я сжала пальцы Ская, и он ответил мне. Мы все-таки достали его, сумели!

— Ты с рождения ходил вокруг нее, Регин, а досталась она мне!

— Всего лишь вор! — отозвался Регинис.

— Ты не живешь, — произнес «отец». — Ты существуешь, пока существует моя дочь. Не станет ее, не станет этого мира, и тебя тоже не станет.

— И все-таки живу! — выкрикнул лже-Вечный. — Они все подчиняются мне. Я здесь бог, я! И этот мир мой. Я здесь хозяин... Тьма! — голос Вайториса наполнился яростью. — Ирис, гадина! — Вдруг рассмеялся. — Ты знала, куда ударить, девочка, умница! Но я тоже знаю...

И мертвецы истаяли, открывая оскаленные пасти браннеров.

— Надеюсь, глухих и глупцов здесь нет, — сказал Скай и рявкнул: — Все назад!

Еще мгновение, и ярко-рыжая шерсть тварей запылала огнем, глаза превратились в черные провалы, и браннеры сорвались с места, заполняя воздух удушливым черным дымом. Молча, они мчали на остолбеневших магов. Еще немного, и два клана исчезнут с лица земли, превратившись в пепел.

— Прочь! — заревел Аквей.

Мощная волна налетела на магов, накрыла их с головой и исчезла, перекинув землевиков к остальному войску. Глядела на приближающихся чудовищ, с горечью думая, что это сотворила я. Исковерканная суть защитника, изуродованный лик...

— Ирис, — рявкнул мне в ухо Скай.

Я кивнула, и мы оказались за нашим водной ратью. Тела, только что имевшие человеческие очертания стремительно менялись, оплывая, словно тающий лед. Люди падали на четвереньки, раздавались в размерах, и вот уже не воинство, а огромная стая водяных зверей, размером, не уступавшие браннерам, рычали, мотали гривами, готовые встретить огненных тварей.

— Вперед! — заорал Скай, и звери рванули на встречу браннерам, почти достигших трех первых фигур.

Их очертания не изменились. В руках подобий Созидающих сверкнули мечи. Мне хотелось, чтобы они сражались, как есть, чтобы Вайторис мог смотреть на них, чтобы вспомнил всё, что сотворил с ними, чтобы пережил каждую минуту своих надежд, и их крушение. Чтобы осознал, насколько велик был его проигрыш еще тогда! Чтобы оценил всё, что сделали Созидающие, лишив предателя вожака победы.

— Ненавижу, — выдохнула я, глядя на сети, сияющие в лучах солнечного света.

И они ненавидели, так же как я, как Скай. Перед моими глазами вновь и вновь

проходили видение: падает мама, отец отправляет нас с Регинисом прочь с Зеленого холма, Регин, оставивший на моих ладонях лишь прах, вспоротое горло Орканиса и сгоревшее тело Кая. И Торн Айер, кричавший от бесконечной боли, когда Вайторис забирал его жизнь, и та девочка из рода воздушника, доверчиво глядевшая на меня. Каждая жизнь, каждая угасшая искра — я видела их все, и моя боль заполняла водяных зверей, налетевших на браннеров. Остервенелая ярость моей души выплескивалась во взмахах мечей трех погибших творцов, рубивших огненных тварей, рвавших их горящие пасти голыми руками. Всё, что скопилось в израненном сердце, заполнило водяные сущности.

В них было всё — ярость, сила, беспощадность, не было только страха. Этого чувства мы со Скаем нашим созданиям не подарили. Они нападали на браннеров, вскипали от соприкосновения с огнем, гасили пылающие тела, вгрызались в их плоть и падали сами под напором псов Вайториса. Но я следила лишь за тремя фигурами, ожесточенно прорубавшими себе путь к черному замку. Мой взгляд неустанно следовал за ними, и когда я перестала их видеть в мешанине тел, земля вздыбилась, выросла возвышением, поднимая меня вверх.

Я уже не замечала, как затопали в нашу сторону гигсы и костяные уроды. Не слышала криков Ская, не видела, как остолбеневших магов окатило ледяной водой, выводя из ступора. И как, взмыв вверх, айры помчались к замку, я тоже не увидела. Мой взгляд продолжал следовать за тремя копиями творцов, и когда первым пал Орканис, я закричала, пережив его гибель заново, словно стояла на проклятой башне и видела, как кровь из перерезанного горла заливает грудь Созидающего. Призвав стихию, я отправила ее в помощь оставшимся водяным фигурам.

— Ирис, Тьма тебя задерит! — заорал на меня Скай, хлесткой пощечиной приводя в себя. — Прекрати!

Я ошалело посмотрела на супруга. Он коротко прижал меня к себе.

— Очнулась? — спросил Аквей.

— Да, — кивнула я, только замечая, что водник убрал мой холм. — Что происходит? — Деремся, — сверкнув глазами, с шальным весельем ответил Скай. — Начинай.

— Поняла, — ответила я, превращаясь в стороннего наблюдателя.

Над замком, навстречу айрам поднялась стена пламени. Жар огня почти достиг летунов, но добравшись до них, разбился о поднятые водяные щиты.

— Работает, — удовлетворенно кивнул Аквей.

И тогда над стенами черной твердыни взмыли ventры. Уродливые твари с кожистыми крыльями, как у летучих мышей. Они и были похожи на них мордами, но тела имели человеческие, почти. Мощные когтистые узловатые пальцы, звериные лапы — воплощение ночных кошмаров. Бесконечный Хаос! Это же я создала их! Опять я... Изменяла, растила, соединяла, делала всё — что хотел Вайторис. Он же и объяснял, а я слушала и радовалась, что могу угодить.

— Не отвлекайся, — велел Скай. — Мы знали о них.

— Да, — хрипло ответила я. — Я уже почти готова.

— Я скоро присоединюсь к тебе. Продержишься?

— Еще бы, — усмехнулась я.

— Люблю тебя. — Аквей порывисто прижался к моим губам и вернулся к битве.

Отстраненно я смотрела, как схлестнулись айры и ventры, как закипел воздушный бой. И когда первый сын Вольного Ветра полетел на землю с изломанными крыльями, я лишь зажмурилась, не позволяя себе вернуться назад. Я уже не видела, как смешались клинья, как

не видела, как из ворот замка выбежали маги Вайториса, за ними последовали фраксы — огненные создания, лишённые огня, но не потерявшие своей ярости. О том, что Вайторис не потерял с ними связи, я вспомнила за пару дней до битвы, и противник тригам был найден.

Я услышала рычание, и все-таки открыла глаза. Не сдержала улыбки, глядя на окончательное превращение тригов. Я закончила то, что начал мой отец. Звери, как они есть. Огромные, покрытые шерстью, с мощными клыками. Полные ярости, они едва сдерживались, чтобы не броситься на запах крови. И только громоподобный рев вожака и его клыки, время от времени трепавшие самых нетерпеливых, удерживали ещё стаю на месте. Но вот место расчистилось, и триги, ведомые Рварном, сорвались с места. Я проследила за их бегом, махнула рукой на миг обернувшемуся вожаку и снова закрыла глаза.

Дальше я толком не слышала ни грохота битвы, ни надрывных криков Аквея, успевавшего управлять ходом сражения в разных ее частях. Замок ещё стоял, но нападающие были все ближе к воротам. Айры, исполненные гнева за гибель своего божества, продолжали рваться вперед, раз за разом налетая на стену из ветров, пробивая в ней бреши.

От водяной рати мало что осталось, но и браннеры находились на последнем издыхании, и я надеялась лишь на то, что Регинис и папа первыми войдут в ворота замка. Никогда ещё огненные звери не сталкивались с такой яростью и противостоянием. Кажется, кто-то из браннеров побежал к замку, но упал, накрытый водяной сетью, и меч Региниса воткнулся в глотку твари. Но это мне потом расскажет Скай, самой мне было не до этого.

Маги вели свою битву. Теперь им было легче и привычнее. Землевики разметали в пыль двух гигсов, сумели разбить костяных уродов, и некроманты превратили кости в труху, не дав им собраться заново. Огневики, водники, воздушники вели магическую битву со своими собратьями, служившими Вайторису. Завывала вьюга посреди жаркого лета, огненными лентами извивалось пламя, ревели ветра, схлестнувшиеся, словно злобные псы. Сверкали молнии, полыхали потоки силы. Но и этого страшного и завораживающего зрелища я не видела.

Триги и фраксы кружили друг вокруг друга, порывивали, пригнув голову. Искали слабые места, скалились, угрожая противнику, и, наконец, сорвались навстречу друг другу, превращая боли брани в мельтешение бесформенных остервенело рычащих клубков. Пахло кровью, слышались крики боли, скулеж, вновь переходящий в злобное рычание, но кому оно принадлежало, разобраться уже было невозможно.

Окончательно потеряв внимание, я занималась тем, чем должна была, и о чем не знал никто, кроме Ская. В конце концов, я осталась одна и не заметила летевшей в меня стрелы. И лишь когда она вошла мне в сердце, я распахнула глаза и опала на землю потоком воды...

— Ирис!

— Всё хорошо, — ответила я, судорожно вздохнув. — Но моего двойника нет. Я больше не вижу пустоши.

— Я вижу. Заканчивай.

— Да, жизнь моя.

Я перевела взгляд на последнего браннера. За спиной, на отдалении остался сидеть на земле Скай. Он сейчас смотрел глазами своего двойника, сотворенного вместе с водяным воинством, передавая через него свою силу, и вел битву у Черного замка. Мы поменялись местами с двойниками, когда вели нашу рать, призванную принять на себя удар самых

опасных существ из тех, кто имелся за стенами Хранилища Граней. Отправив их в пустошь, сами перешли на равнину, где стоял древний храм, не привлекая к себе внимание браннеров-стражей до поры, когда можно будет ослабить внимание за полем брани. Теперь я там была не нужна, у меня имелась иная задача, и я почти закончила с ней. Одно было жаль, обман раскрылся раньше, чем мы хотели. Приходилось действовать быстрее.

Браннеры встретили меня настороженно. Разумеется, огненные создания узнали меня. Они замерли, не спеша нападать. К Тьме, мне было жаль их! Это были мои стражи, мои создания, чью суть я исковеркала в угоду Вайторису. Но они закрывали мне дорогу к храму, и я нашла обоснование. И я шагнула навстречу браннерам.

Первого подозвала. Он осторожно подошел, повел носом, отыскивая на мне запах своего хозяина, но не нашел, ощетинился и зарычал. Изменились мы одновременно. Браннер покрылся огнем, я сменила плоть на водяное тело. Клинок вошел в разверстую пасть раньше, чем тварь прыгнула на меня. И когда огненный зверь упал к моим ногам, издыхая, из моей груди вырвался издевательский смех. Убивать научил меня Вайторис. За четыреста лет я в совершенстве овладела этим искусством.

Второй клинок вытянулся из ладони, и начался смертельный танец Игнис. Браннеры больше не признавали меня, они кинулись разом. Я выскользнула из огненных клещей, перерезав глотку следующему. Присела, пропуская над головой полыхающую тварь, выставив над собой меч, и браннер покатился по траве с распоротым брюхом. Сколь не были они сильны, но подыхали, как обычные дворняги. Забыла жалость, забыла сострадание. В это мгновение вернулась та, кого ненавидели люди и маги. Я кружила между огненными телами, точно зная, как и куда ударить. И лишь на миг потеряла контроль над последним браннером, когда моего двойника подстрелили. Нет, я не почувствовала боли, но исчезнувшие отдаленные звуки боя оказались подобны короткому ослеплению, и я, охнув, застыла на месте.

— Ирис! — окрик Ская привел меня в чувство.

И вот мы кружили с последним браннером, внимательно наблюдая друг за другом. Ему хватило времени, чтобы подобраться совсем близко, пока я замешкалась, но Скай вовремя вернул мне внимание, и я успела увернуться от броска пылающего тела. Бросаю тело вперед, увернулся, нападаю снова, и вновь он успевает отпрыгнуть в сторону, но тут же бросается вперед, едва успеваю скользнуть вправо. И опять затянувшийся танец. Время дорого, я пробую то, что еще не делала ни разу. Растекаюсь водой, ухожу в землю и снова пробиваюсь на поверхность, попав почти под тело браннера. Из земли резко вырывается клинок и входит в брюхо зверя. Рывок и снова в землю, появляюсь на поверхности целиком.

— Готова? — Скай уже стоял рядом. — Айры прорвались в замок.

— Много погибло?

Аквей мрачно кивнул. Я спрашивала не только об айрах, он это понял.

— Вайторис еще там?

— Видел его мгновение назад, потом айра с моим зеркалом...

Я кивнула, поняв, что не договорил водник.

— Начинаем плетение, он уже должен понять, что его твари сдохли, — заметила я, разворачиваясь к тому, что осталось от храма.

Скай сжал мою ладонь, и мы побежали. Нет, мы не собирались создавать новый мир прямо сейчас, но Вайтор должен был именно так и подумать.

— Что там? — спросила я, подхватывая энергетические токи.

— Бежит к башне, — чуть задумавшись, ответил Аквей. — Потеряли. Нет, снова нашли он уже на верхушке. Тьма! Заметил айра.

— Выжил?

— Да, выстрелил для вида и умчался, другой наблюдает. Ого...

— Открыл Грани?

— Да! Уходим!

— Поверил?

— Вот и проверим на месте. От меня ни на шаг!

— Скай, я твой хвост.

— И только попробуй вильнуть в сторону, сам придушу.

Но перед тем, как исчезнуть, я успела уловить, как полыхнуло пламя. Вайторис поверил. Времени было совсем мало. Да что там, его не было вовсе! Сейчас он поймет, что мы всего лишь выманили его из замка, и помчится назад. Лишь бы добраться до башни, лишь бы добраться...

— Прорвались, — удовлетворенно заметил Скай, когда мы появились посреди замкового двора, в спешке не совсем точно определив точку выхода.

Как раз в это мгновение в ворота вбегали Регинис, «папа» так и не появился. Злорадно ухмыльнувшись, я помчалась за Аквеем, дорогу к башне он знал еще из моих видений. В ладони Ская скользнули два длинных легких глинка, я прикрывала нам спину, но пока никто не спешил напасть на нас. В замке царил хаос. Подобного сражения здешние обитатели еще не видели. И первый, кто все-таки попытался к нам приблизиться, был сражен с воздуха Оэном Быстрокрылым. Аквей отсалютовал ему мечом, но уже через мгновение сцепился с стражем, выскочившим на нас из-за угла. Голова стража покатила по каменным плитам, и мы помчались дальше.

Я слышала Камилл Личфиелд, что-то кричавшую своим воинам. Лейда сорвала голос и теперь хрипела, как несмазанное колесо, но, главное, выжила, и это было одной из хороших новостей. Усиленный магией хрип смешался с рычанием тригов, влетевших в ворота следом за магами. Сражение теперь кипело не только снаружи, но и в стенах древней твердыни. Мы уже приближались к башне. Скай перестал отмахиваться мечами, и волны просто смывали с пути все препятствия, будь то люди или какая-нибудь телега.

— Почти, — выдохнула я. Еще никогда мне не удавалось подобраться так близко к башне с Гранями, сколько я не спешила к ней, стремясь избавиться от Вайториса.

— Уф, — веселый голос остановил нас перед самым входом. — Успел.

Из всполоха пламени, озарившим нутро башни, вышел Вайторис.

— И снова я успел, нежная моя, — жизнерадостно ухмыльнулся убийца, глядя мимо Аквея прямо на меня. — А я скучал. По твоим стонам особенно сильно.

Скай не стал выяснять отношения, тело его утратило человеческую плоть, сменив ее на водяную сущность, и водник пошел на огневика. И вновь противостояние двух стихий, наверное, Вайтор скучал по нему, потому что встретил нападение коротким:

— Ну, наконец-то.

Затем его взгляд скользнул на меня, и лицо лже-Вечного исказилось.

— С-слияние, — прошипел он.

Я, молча, отсалютовала ему прозрачной рукой. Попробуй теперь убить меня, мразь. Фальшивую жизнерадостность Вайториса сменила ярость. Тело его вспыхнуло, превращаясь в огонь, и удар водной стихии он отразил без особого труда. Две стихии схлестнулись. От

мощи, щедро разлившейся в воздухе, задрожали стены замка. Огонь и вода — извечные враги и соперники с яростью накидывались друг на друга. Потрясающее зрелище сплетения обжигающего пламени и сверкающих в отблесках огня потоков воды. Я на мгновение позволила себе увлечься чужим сражением, но вскоре отвернулась от противников, сцепившихся ни на жизнь, а на смерть.

В нашу сторону мчались браннеры, выжившие в схватке с водным войском и откликнувшиеся на зов своего хозяина. В ладони скользнули клинки, и я, стараясь не удаляться от Ская, бросилась им навстречу. Разъяренные схваткой твари, были наполнены злобой. На одного бросился триг, и его визг, когда огонь охватил зверя не только снаружи, но проник внутрь, разнесся над замком, болезненно резанув по ушам. Горестно вскрикнув, я с яростью, в мгновение ока охватившей всё существо, снесла голову первому из браннеров.

А дальше всё смешалось, мир расцвет незатухающим огнем. Он был вокруг, его жар проникал в каждую пору, и даже водяная суть не спасала, я чувствовала пламя внутри себя. Но это было лишь гнев. Он полыхал во мне, толкая вновь и вновь поднимать и опускать свои клинки. Рубить, колоть, резать, вонзать в горящую плоть и упиваться визгом очередной сдыхающей твари.

Я настолько поддалась своей ярости, что ослепление стало мне наказанием. И когда сверху навис браннер, оскалив пылающую пасть, я вдруг оказалась беззащитной. Тварь зарычала, глядя на меня черными провалами глаз и... голова ее покатила по земле. Я вскинула глаза и встретилась со взглядом «Региниса». И мир вдруг перестал существовать. Я, словно та семнадцатилетняя девочка, смотрела в лазоревые глаза и не смела вдохнуть...

— Ирис! — крик Ская привел в чувство.

Я кивнула водяному воину и вскочила на ноги. Созидающий и Разрушающий уже сдвинулись от входа в башню, и теперь Аквей закрывал его собой, не давая подойти Вайторису. Я сорвалась с места и помчалась к башне, чтобы завершить начатое. Вайтор попытался достать меня всполохом огня, но Скай отразил, закрыв меня.

— Ирис! — выкрикнул огневики. — Хороший у тебя защитник. Ему плевать на всё, что я ему говорю. Не сердце, а кусок льда! Наверное, также плевать на то, что ты никогда не подаришь ему детей.

И я остановилась, оглушенная тем, чему никогда не придавала значения в минуты счастливой близости. Вайторис рассмеялся:

— Ты забыла, нежная моя, что сама себя лишила счастья быть матерью? Тебе так хотелось мне угодить, что ты уничтожила для себя эту маленькую радость, да, Ирис?

— Мы — Созидающие, исправим, — отмахнулся Ская, наступая на огневика.

— О, нет, Аквей! — снова рассмеялся Вайторис. — Она изменила себя на энергетическом уровне. Даже ее возрождение ничего не изменит. Ты никогда не станешь отцом, Аквей! Ты выбрал себе пустышку!

— Здесь только одна пустышка, и это ты, рыжий, — ответил водник, нанося удар веселящемуся лже-Вечному. — Ирис, не медли!

— Скай...

— Любовь моя, ты опять позволяешь ему завладеть своим разумом! — с яростью воскликнул мой супруг. — Меня не сразила эта новость, спеши!

И я больше не медлила. Взлетела по ступеням башни потоком воды и вновь собралась в единое целое на проклятой площадке. Кристалл Реальностей висел в воздухе на прежнем месте, переливаясь гранями. Он разросся с того времени, когда Вайторис пытался

заполучить все четыре стихии, Граней стало больше. Я посмотрела на единственную темную Грань. «Здесь будущее еще неизвестно», — так сказал мне Вайтор, когда лгал четыреста с лишним лет назад.

— Там просто нет жизни, — в гневе произнесла я.

После посмотрела туда, где умер Регинис, затем на перила, где предатель перерезал горло Орканису, мотнула головой, отгоняя видения прошлого, и вернула себе плоть, чтобы Кристалл узнал меня. Я всегда приходила к нему такой, какой меня родила на свет мама. Не буду скрывать свой лик за чужой стихией и в этот раз. Я обошла Грани по кругу, отыскивая энергетический жгут, который связывал Вайториса с Отражениями.

Найти его оказалось несложно. Сейчас он сиял из-за силы, бесконечным потоком лившейся в огневика.

— Ну, вот и все, Вайтор, — усмехнулась я. — У тебя осталось тридцать дней, но сдохнешь ты раньше. Прощай, убийца и предатель. — И я отсекала лже-Вечного от Кристалла.

Освобожденная энергия хлынула в Истинную Реальность. Оставалось закрыть эту Грань. Я простерла к ней руку... Шаги за спиной я слышала, когда поток еще щедро выплескивался из Отражений. Его напор оглушал, и обернуться было, значит, позволить высвобожденной силе и дальше выливаться в мир. К каким последствиям это могло привести, предсказать было сложно. Я продолжала закрывать Грань.

Шаги приблизились, чья-то ладонь легла мне на плечо, и я услышала:

— Прощайте, лейда Аквей.

Острие вошло со спины, вырвав из груди короткий вскрик боли. Ноги подкосились, и я осела на пол...

— Мендак, — просипела я, глядя на склонившегося надо мной мужчину. — Ты не понимаешь...

— Я вернул Господину его шавку, — сказал еще один предатель, и мое сознание начало мутиться.

— Ирис! — крик Ская прокатился громовым рокотом над захваченным замком, став последним живым звуком.

Больше ничего не слышала. Я уходила. Жизнь утекала с каждой новой секундой, просачивалась, словно вода сквозь пальцы. Если Скай сейчас даст слабину, Вайторис победит, и проклятый круг опять замкнется... Не хочу! Не могу больше служить ему, не желаю вернуть и продлить, наконец, отнятую жизнь!

И я нырнула в подпространство, где не было звуков сражения, не слышны были крики умирающих, где царил тишина, нарушаемая лишь тихим перезвоном плетений, да сияла безжизненная красота энергетических токов. Мне оставалось сделать только одно, и именно этим я и собиралась заняться...

То, что она сделала это, Скайрен Аквей понял сразу. Огневик вдруг пошатнулся, ошалело взглянув на него. Накал его огня стал затухать, уже не слепя и обжигая. Кривовато усмехнувшись, Аквей напал вновь. Он жал Вайториса, выжимая из него последние силы. Мстил за Ирис, за ее боль, за исковерканную жизнь и тысячелетнее рабство. Мстил за Эйвила Аллиерта, за тех, кто пришел под стены этого замка год назад и уже не вернулся домой, за тех, кто умирал сейчас. Он воздавал убийце по заслугам, не помня о жалости и сострадании.

Вайторис оступился и полетел на каменные плиты, испещренные трещинами от их сражения. Водная стихия взвилась, чтобы нанести последний удар и погасить пламя, питавшееся чужими жизнями, когда мир пошатнулся. Нет, ничего не произошло. Стены древней твердыни устояли, и небо не упало на землю, даже солнце, хоть и скрытое дымом бушевавшего пожарища, разожженного стихией лже- Вечного, продолжало так же сиять, давно перевалив за вторую половину дня. Но... Мир вдруг дал трещину и разлетелся на осколки, рана до кости, проникая в самое сердце безжалостными острыми гранями.

— Ирис!!!

Надрывный крик, разорвав грудь, взвился к далекому молчаливому небу. Ее не было. Он больше не чувствовал своей жены. Стихия земли, еще мгновение назад согревавшая его своим уютным теплом, таяла, словно утренний туман. Исчезала, оставляя внутри пустоту, холод и боль...

— Умерла?! — вопрос Вайторис показался нелепым.

Он откатился из-под удара, вскочил на ноги и бросился к башне. Однако вернулся, губы огневика исказила злая насмешливая ухмылка, и стихия огня обрушилась на Скаю. Сбила с ног, придавила, уничтожая жизнь того, кому она и без того оказалась вдруг не нужна. Аквей протяжно застонал и затих. Сердце болезненно ударилось о ребра и затихло...

— Ска-ай...

Сердце вновь болезненно дернулось. Веки дрогнули, и Аквей тяжело сел.

— Закончи... — голос был бесплотен и невесом. Да и был ли он, или это шептало его сознание, водник сказать не мог.

И чужая стихия, покинувшая его, затопила существо Созидающего, смешалась со стихией воды, заполнила каждую клеточку, подталкивая его, заставляя шевелиться. Покачиваясь, Скай добрал до входа в башню.

— Скай! — он обернулся. Израненный, но живой Войтер спешил к нему. — Мой господин, мы взяли замок. Победа!

Аквей непонимающе моргнул.

— А где лейда Ирис?

— Ирис, — эхом отозвался Созидающий и очнулся. — Ирис!

Он сорвался с места, исчезая в стремительном водовороте, и вышел уже на площадке с Кристаллом Реальностей. Она лежала рядом с Кристаллом. Безжизненно бледная. Одна рука вытянулась в сторону Граней, словно Ирис всё еще пыталась добраться до него.

— Тьма, — сипло выдохнул Аквей, сделав в телу жены неверный шаг.

— Не тронь, — зашипел за его спиной Вайторис. — Моя!

Скай обернулся, и глаза его сузились. Огневик сжимал пальцами горло Мендака. Он поднял предателя над полом, и тот хрипел, вращая в ужасе выпученными глазами.

— За... что? — прохрипел Мендак.

— За глупость, — ответил Вайторис. — Она не закрыла Грань. Этот мир разнесет к Хаосу, и всех нас вместе с ним!

— Скай...

— Сдохни, — равнодушно ответил Аквей на призыв вечного недруга.

— Закрой Грань! — воскликнул огневик. — Сейчас закрой!

Скай приблизился к Кристаллу. Тому, что он точно знает, что и как нужно сделать, Созидающий не удивился. Знания жили в нем, они заполнили его сознание, и перед внутренним взором вдруг появился Зеленый холм, творец Тетраис с доброй улыбкой на

устах, и он произнес, обращаясь, кажется, прямо к Аквею: «Внимательней, малышка, этот урок важен для любого Созидающего».

И водник всё понял. Она отдала ему свой дар. Слилась с ним. Была рядом, но уже внутри него. Можно было почувствовать стихию Ирис, но не ее саму. Скай поднял лицо кверху, сдержав набежавшую влагу в глазах. Хрипло выдохнул и накрыл открытую Грань ладонями. Поток энергии, давивший на него, ослаб, он наполнил творца, установил связь, соединяя еще одного Созидающего с Отражениями и их силой.

— Нет! Ирис!!! Дрянь... Дрянь!!!

Скай открыл глаза. В нос ударил запах горелого мяса, и сознание вяло отметило — Мендак сгорел. Взгляд скользнул к телу Ирис, глаза, чистые, словно горные озера, расширились. Ее тело старело. Стремительно. Годы, вырванные у Мироздания, исчезали, стирая Созидающую с лица земли, старя тело, выбеливая волосы. Вайторис сжал плечи женщины и теперь тряс ее, выкрикивая ей в лицо бессвязные обвинения. Его надежда на возрождение таяла вместе с телом своей вечной жертвы. И надежда Аквея на возвращение Ирис тоже исчезала на глазах.

Боль и гнев смешались в нем настолько плотно, что сознание на мгновение затмилось. И вновь ласкающей волной отозвалась стихия земли, теперь тоже его стихия...

— Закончи...

Разум очистился. Аквей опять повернулся к Граням и открыл одну из них. Проход, скрытый мраком, развернулся хищным зевом, заполненным клубящимся туманом. Вайторис вскинул голову, обернулся, и его глаза наполнились ужасом понимания.

— Нет, — выдохнул он. — Не хочу.

— Плевать, — безжизненно ответил Скай.

Разрушающий вспыхнул огнем, призывая остатки своей стихии, но огонь тут же угас, скованный мощью Созидающего.

— Береги силы, рыжий, — с невеселой усмешкой произнес Аквей. — Тебе предстоит протянуть там тридцать дней. Прощай и... будь проклят.

Сплетенные воедино стихии воды и земли, подхватили лживого бога, так и не получившего настоящего могущества, и втокнули в проход. Грань закрылась. Скай запечатал ее, мгновение смотрел на человеческую фигуру с красными волосами, напряженно озирающуюся вокруг себя. Затем грань Кристалла осветилась вспышкой огня, и Созидающий потерял к ней интерес.

Он приблизился к телу своей жены, опустился на колени и сжал в объятьях старую женщину, от былой красоты и молодости которой не осталось и следа.

— Как мне жить без тебя, — прошептал Скай, зажмурившись изо всех сил. — Зачем мне жить без тебя?

«Живи...», — ответило сознание: «Сбереги...».

Неожиданно тело в мужских ладонях окончательно потеряло вес. Аквей распахнул глаза и сдавленно охнул. Она рассыпалась прахом, его подхватил ветер и развеял, ничего не оставив. Скай закусил губу, попытался сдержаться, но не смог. Он закрыл лицо ладонями, и плечи творца дрогнули, его горе все-таки прорвалось наружу...

Глава 22. День тридцатый

Он лежал на траве. Пустой взгляд потухших глаз был устремлен в вечернее небо. Если

бы кто-то сейчас видел его, то решил, что смотрит на мертвеца. Впрочем, Скайрен Аквей думал о себе также. Он умер в то мгновение, когда острое клинка предателя вошло в тело Созидающей. Аквей умер, но по какой-то странной причуде всё еще продолжал жить с разбитым вдребезги сердцем. Он дышал, ходил, разговаривал, но не видел красок мира, освобожденного от угрозы уничтожения, не слышал смеха ликующих друзей, даже не понимал их радости. Скай существовал вопреки собственной воле и душе, разлетевшейся на тысячу осколков. Сколько прошло времени? Ему казалось — целая вечность. Вечность, в которой не было Ее. Было одиночество, была незатухающая боль, была пустота, больше ничего не было. Но разве не так должно быть после смерти?..

Скай моргнул и повернулся на бок. Взгляд его остановился на белом цветке ириса. Его ажурные лепестки трепетали на ветру. Нежные, прекрасные, их аромат так напоминал запах кожи той, чьим именем они была названы... Аквей потянулся к цветку, вдохнул и стремительно отпрянул.

— Тьма, — сипло выдохнул Созидающий и порывисто сел.

Он перебрался сюда, на остров, где провел последнюю ночь со своей женой, как только все дела были закончены. Наверное, тетушка была права, и стоило остаться с ней. Возможно, лейда Тей сумела бы отвлечь... Но разве же можно отвлечь от небытия?! Разве может заполнить пустоту беседа о погоде или о свадьбе какого-нибудь родственника? Разве вернут жизни краски турниры и празднества? Люди ликовали, и ему в этом ликование не было места.

Водник поднялся на ноги и направился в сторону берега. Там в немом ожидании застыли амфии. Они не оставляли творца. Не лезли к нему, не спешили развлечь разговорами, но бесшумными немymi тенями следовали за ним, то ли желая поддержать, то ли опасаясь оставить в одиночестве. Глупцы... Скай усмехнулся. Разве можно удержать от смерти мертвого? Его уже не было, и изменить это было невозможно.

— Какой сегодня день? — вдруг спросил себя Аквей, проявив слабый интерес, который тут же угас. Созидающий вновь обернулся к ирисам и ответил: — Тридцатый день. Тьма, тридцатый! — он расхохотался и крикнул амфиям: — Тридцать дней! Вы думаете это мало? Порой, это целая вечность, целая жизнь! И ничто... — закончил мужчина шепотом, вновь бессильно опускаясь, теперь на песок. До воды он так и не дошел. — Проклятые тридцать дней...

Скай снова откинулся на спину, подложил под голову руки и закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать. Но мысли все-таки были, они лениво перебирались с одного на другое ни на чем не задерживаясь особо. Возвратная волна достигла Истинной реальности на двадцать седьмой день. Остаток двадцать пятого, двадцать шестой и начало двадцать седьмого дня Аквей провел на башне с Кристаллом, покинув ее всего несколько раз. Сначала, когда остатки его воинства ждали, что скажет их предводитель.

Скай спустился к ним, мазнул взглядом по уставшим перепачканным лицам. Оглядел вымотанных айров, израненных, но не сломленных тригов, еще переругивавшихся между собой, за неимением иного противника, кивнул хмурым магам и вяло махнул рукой, и провозгласил:

— Победа.

— А Темный? — спросил кто-то из магов.

— Его больше нет. Наш мир свободен, — бесцветно ответил Созидающий.

— А Ирис? — вперед выступил Войтер. Его грудь тяжело вздымалась, и волнение леора

отозвалось щемящей болью потери. — Скай, где Ирис?!

Аквей, уже собравшийся уйти, остановился. Он обернулся, вновь окинул свое войско пустым взглядом и прижал ладонь к груди:

— Здесь, — ответил творец и побрел назад к башне.

За его спиной кто-то охнул. Завыли, зарычали триги. Айры безмолвствовали, они уже знали, видели, летая над башней. Аквей уже успел отойти, когда в спину ему, словно клинок, ударил крик Войтера:

— Как же так, господин?! Скай! Ты не сберег ее!

— Да, — ответил Созидающий, останавливаясь на мгновение, — не сберег.

Других обвинений не было. Впрочем, и Войтера Скай тоже не винил. Понимал причину его выкрика и... принимал обвинение. Не сберег. Это было так. Именно так думал и сам творец.

— Создатель.

Скай открыл глаза и поглядел на амфия.

— Ваш змей.

Аквей перевел взгляд туда, куда указывал амфий. Венн лежал на песке. Он вытянулся во весь рост, закрыл глаза и не двигался. Кажется, не двигался уже давно.

— Венн, — позвал Скай. — Ползи ко мне, мальчик.

Змей пошевелился, открыл глаза и заскользил к своему создателю. Амфий удовлетворенно вздохнул и отошел. Когда Создатель разговаривал со своим змеем, он снова казался живым. Не таким, каким был, когда впервые пришел на берег этого острова, но все-таки проявлял хоть какой-то интерес к происходящему. И когда Венн опустил голову на колени Созидающему, мужчина обнял его, прижался щекой к прохладной гладкой макушке и застыл, шепнув:

— Мне так ее не хватает, малыш...

— У-у-у, — тихо ответил змей, соглашаясь с Аквеем.

— Если хочешь, я верну тебя назад, и ты снова будешь играть с Шейгом.

Вено поднял голову, заглянул в глаза своего создателю, а затем вновь прижался к нему, показывая, что одного его верный друг не оставит.

— Спасибо, — сказал Скай и снова замолчал.

В следующий раз Созидающий сошел с башни ночью. Он бродил по опустевшему замку. Нашел свое узилище, и некоторое время стоял там, вспоминая не пытки, но Игнис Сиел, вечно юную и прекрасную, приходившую к нему раз за разом, сама не понимая, что ведет ее к узнику. Истязала и заботилась. Убивала и берегла, пока ей в голову не пришла самая неожиданная и судьбоносная забава — напоить пленника своей кровью... Мотнув головой, Аквей отогнал видение их первого поцелуя. Еще в путях, еще пропитанного ненавистью, но желанного, сколько бы он тогда не твердил обратного.

А потом Скай нашел покои Вайториса, вошел в спальню и долго смотрел на кровать, вспоминая спавшую женщину, прекрасную, как сама жизнь, и такую же ужасную, как смерть в муках. Несчастную, одинокую, обманутую, жившую лишь для того, чтобы жил ее палач и мучитель...

— Ох, Ирис, — протяжно вздохнул Аквей и спешно покинул жилую часть замка, стараясь не думать, что когда-то она ходила здесь, дышала, страдала, надеялась... умирала и возрождалась, чтобы однажды снова всё вспомнить и умереть.

Так начался двадцать шестой день. Маги ушли, улетели айры, остались лишь несколько

летунов, и триги решили не покидать проклятого места, пока Созидающий не решит вновь скрыть замок. Да несколько верных леоров, оставшихся от его отряда, остались ждать, чтобы вернуться назад со своим господином. Остался и Войтер. Он попросил прощения за свое обвинение уже на следующий день, однако Аквей отмахнулся. Зла на молодого водника у него не было.

А на двадцать седьмой день пришел откат. Скай ощутил его сквозь дремоту. Разлепил веки и поднялся с пола. Подошел к Кристаллу и принял на себя удар возвратной волны. Первой мыслью было позволить стихийной энергии разорвать его тело, но вновь сознание потребовало сберечь осиротевший мир, и он уступил. Промчавшись через его тело, часть волны вновь рванула в Грани, чтобы там рассеяться по Отражениям, превратившись в мирную магию, которой пользовались жители параллельных реальностей, остальное, отдав чистую силу творцу, устремилось в Истинную реальность, насыщая магические токи и возвращая стихийникам их былую мощь. Еще не такую, какой обладали их предки, но еще несколько откатов, и прежнее могущество магов должно было вернуться.

Перемены стали ощутимы сразу. Тот же Войтер, поднявшись на башню, узнать, не нужно ли чего-нибудь господину, с изумлением и восторгом показывал равнодушному Скаю, как на его ладони расцветает водный цветок. Аквей кивнул и отправил верного леора прочь. Ему эти перемены были неинтересны. До конца двадцать седьмого дня Созидающий еще перехватывал остаточные выплески отката. А когда всё закончилось, Скай в последний раз взглянул на мутную Грань, нашел Вайториса, убежавшего от жуткой твари, чьим порождение мог быть только ночной кошмар, и нашел слово для этого мира — Преисподняя. Ни злорадства, ни ликования не было. Лживый «бог» отдавал дань своими муками тем, кого заставил мучиться сам.

После этого, в начале двадцать восьмого дня, Аквей покинул Хранилище Граней, скрыв проклятое место от посторонних глаз. Он перебрался с остатками своего войска и тригами к селу, где его ждала лейда Тей. Она всё поняла сразу. Прижала ладонь к дрожавшим губам, но этим и ограничилась, не желая терзать племянника своими слезами. Перенеся всех в замок в Долину трех озер, Скай оставил старшей Тейду, как второй по праву рождения, поручил ее заботам Войтера, после передал Шейга Рварну. Триг склонил голову, молчаливо обещая сберечь дар Созидающего. Искру Аквей оставил тетушке, а Венна забрала. Он был ему дороже всех остальных. Змей последовал за создателем, вдруг забыв прежние озорство и забавы.

Двадцать девятый день прошел на острове в уединении и умиротворяющей тишине. Венн уползал, охотился и возвращался, делаясь добычей со Скаем. Мужчина слабо улыбался ему, благодарил и возвращал свою часть. Амфии тоже выносили свои яства, но и от них Аквей отказался, втолкнув в себя лишь немного, чтобы не обидеть водных созданий. Он почти не покидал поляну с ирисами, вдыхая их сладковатый аромат.

Так начался и тридцатый день. Вяло дотек до своего заката, не принеся ни облегчения, ни освобождения, ни разумных мыслей. Устав от соседства амфиев, Скай потормошил Венна, и они ушли с берега. На поляну с белыми цветами Аквей не стал возвращаться, он добрался до источника, чьи хрустальные воды выбивались из-под камней, напился и уселся на траву неподалеку от звонкого ручейка. Змей свернулся в клубок рядом, прижался головой к бедру создателя и затих, не мешая мужчине придаваться тяжким думам.

Скай легко пробежался пальцами по голове Венна, закрыл глаза и... вдруг оказался на Зеленом холме. Изумленно тряхнув головой, Созидающий сошел вниз, туда, где виднелся

уютный домик. На пороге стоял черноволосый мужчина и приветственно махал Аквею рукой. Скай приблизился к нему, с неожиданной жадностью вглядываясь в узнаваемые черты. Если раньше воднику казалось, что Ирис все-таки больше похожа на свою мать, то теперь он ясно видел, что дочь была точной копией отца, разница была лишь в женственной прелести ее черт. Взгляд Созидающего остановился на ярко-зеленых глазах Терраиса, обрамленных черной густотой длинных ресниц. «Совсем как у нее», — подумалось Аквею.

— Пройдемся? — предложил Терраис и повернулся к воднику спиной, не дожидаясь, когда он за ним последует. Однако через несколько шагов обернулся, иронично изломив бровь, и Скай очнулся.

Он догнал своего... тестя и пристроился рядом.

— Чудесный день, — заметил землевик и негромко рассмеялся приятным глубоким смехом: — Здесь всегда чудесный день. Дождей и зимы не бывает. Мне хотелось, чтобы Ирис всегда было приятно навещать меня.

— Ирис больше нет, — хмуро ответил Скай. — Она... умерла.

— Я знаю, — кивнул Терраис. Он коротко вздохнул и поднялся на склон холма. После уселся и похлопал ладонью собой, приглашая Аквею. — Мы всегда занимались с ней на этом самом месте.

— Не надо, — глухо попросил водник. — Больно.

— Понимаю, — ответил землевик. — Терять всегда больно. Я свою жену не уберег. Сейчас уже не болит, а первое время было совсем тяжело. Я хоть и превратил себя в эту лже-реальность, но сознание осталось. Ради сознания я и остался с дочерью. Прожил с ней все ее жизни, в последний раз дозваться было совсем непросто. Всегда был нужен какой-то толчок. Со временем она начала напоминать, что я существую, как ее память, и начала бегать от меня. Я приносил ей воспоминаниями боль, рушил мир, который создавал для малышки Вайторис, она начала бояться, хоть и не понимала этого. Я рад, что стихия подтолкнула Ирис к тебе, и она начала слияние. И рад, что Регин оказался мудр и предусмотрителен. Он создал будущее, которого у моей дочери не было. И Орканису благодарен, что он переиграл Вайтора, вынудив его оставить ей жизнь. Наш огненный друг сам загнал себя в ловушку и поплатился за это. Значит, ты решил отправить Вайтора в мир без жизни?

— Там есть жизнь, — пожав плечами, Скай. — Я видел сущность, которой нет в нашем мире.

— Мы так и думали, — кивнул Терраис. — Мир был создан иначе, чем Отражения, его основа иная, поэтому не выживали те формы жизни, которые мы туда отправляли. Этот мир сформировался и начал свое развитие. Возможно, однажды мрак рассеется, и там появятся разумные сущности. Но пока он лишь в начале своего пути.

— Я закрыл проход, но у меня слишком мало опыта и знаний. Вайторис может вернуться?

— Его силы тают, Скай, — улыбнулся Терраис. — Однажды он вернется, как и все мы. Энергия, освобожденная от телесной оболочки, никуда не исчезает. Она смешивается с остальными силовыми токами, очищается от примесей, скопленных за время существования. Отдает познания Мирозданию, и, пройдя свой круг, возвращается. Кто-то называет это душой, мы, Созидающие, энергетической основой сущности. Возможно, Вайторис вернется в этот мир магом, возможно, он получит шанс на повторение своего пути, чтобы исправить ошибки, а может, родиться обычным смертным, или хотя бы, вон, — землевик указал на бабочку, пролетающую мимо, — станет легкокрылым мотыльком. Всё решает Мироздание,

Созидающий.

— Не слишком-то его решения справедливы, — невесело усмехнулся Аквей.

— Отчего же? — Терраис поднялся с земли, отряхнулся и, знакомо склонив голову к плечу, произнес: — Законы Мироздания равны для всех. Оно не дает кому-то больше, кому-то меньше. Каждый получает ровно столько, сколько может снести. Но иногда слепцы не видят того, что лежит у них под носом и пеняют на несправедливость вместо того, чтобы приложить немного усилий.

Землевик развернулся и направился к дому, насвистывая себе под нос. Аквей некоторое время смотрел ему вслед, вдруг вскочил на ноги и побежал, громко позвав:

— Терраис! Тер, стойте!

Тот остановился, обернулся и вновь насмешливо приподнял брови. Скай догнал творца и взволнованно заговорил:

— Я понимаю. Вы хотите сказать, что я творец и могу создать себе Ирис. Я думал об этом. Даже с закрытыми глазами, я точно назову каждую ее черту, но ведь это же будет не она! Не хочу обманываться подделкой, Тер. Мне нужна моя Ирис, настоящая, и никто больше...

— Ты ведь разговариваешь со мной, Скайрен Аквей, не так ли? — прищурился Терраис. — А я привязан к ее сути. Исчезни Ирис безвозвратно, исчез бы я. Я ее воспоминание, Скай, и я всё еще здесь. Она подарила меня тебе. А дар ведь можно и... — землевик подмигнул и весело рассмеялся, глядя на вытягивающееся лицо зятя.

— Вернуть. — Выдохнул водник. — Дар можно вернуть хозяину!

— Или передарить, это как тебе угодно, сынок. Дар нельзя лишь вырвать силой, а всё остальное — дело хозяина.

— Спасибо! — воскликнул Созидающий, устремляясь к вершине холма.

— Только помни, Скайрен Аквей, подобное тянется к подобному! — крикнул вслед Терраис и вновь рассмеялся.

— Я понял вас, Тер! — выкрикнул Скай, не оборачиваясь, и вынырнул в Истинной реальности.

Венн, метавшийся в поисках создателя, уронил голову на землю и закатил глаза, что-то булькнув.

— Не ворчи, Венн! — со смехом воскликнул Аквей.

Змей изумленно посмотрел на него, но мужчина уже не обращал внимания на свое создание, он мчался на поляну с ирисами.

— Подобное тянется к подобному, — повторил творец. — Стихия Ирис — земля, значит, я должен использовать именно эту часть своей силы, чтобы она смогла принять назад свой дар. Да-да, вода тут будет лишней, — всё это он говорил, падая на колени посреди нежного цветочного аромата. Венн ткнулся в плечо Аквея, но тот лишь фыркнул. — Не мешай.

— У-у, — проворчал змей и отполз подальше.

Он свернулся в кольца, уложил поверх них голову и замер, наблюдая за создателем. Подошли ближе амфии, с любопытством выглядывая из-за кустов.

— Начальная точка, изначальные условия, затем привязка сути, — продолжал говорить сам себе Созидающий, лихорадочно сверкая зелеными бликами в синих глазах. — Лишь бы получилось. Лишь бы вернуть...

Он творил. Впервые он творил не для кого-то. Это не было случайной сущностью, вроде

Венна. Не было временной формой жизни, как водяное войско. Он творил свою собственную судьбу. Формировал контуры знакомого тела, рисовал черты любимого лица, не добавлял ничего, что могло бы исказить его Ирис, вкладывал всё, что помнил о ней. С трепетом смотрел на то, как из ничего рождается его женщина, чей образ накрепко впаялся ему в сердце. Словно скульптор, Скай ваял свою душу, возвращая ее из небытия. Но не спешил вдохнуть в нее жизнь, потом.

— Еще рано, — уговаривал он себя, с нежностью водя ладонью по черным волосам. — Еще немного, любовь моя.

После лег рядом, закрыл глаза и позволил своему сердцу остановиться, это знание тоже нашлось в глубинах его сущности. Подпространство встретило Аквей умиротворяющей красотой сверкающих энергетических потоков. «Если забудешься, можешь раствориться в токах, и останешься там навсегда», — вспомнил Скай. Нет, он не хотел оставаться здесь. Всё, что могло усладить его взор, осталось в реальном мире. Творец оглядел себя, сейчас сотканного из нитей силы, как и всё вокруг, посмотрел на женское тело, лежавшее рядом, и принялся за дело. А когда понял, что сделал всё, что мог, вернулся и приподнялся, нависая над черноволосой женщиной.

— Ирис. — позвал Аквей. — Очнись.

Он с затаенным трепетом ждал, когда ее грудь наполнится первым вздохом, когда дрогнут веки, и глаза откроются.

— Здравствуй, любовь моя, — улыбнулся ей Скай, подавая руку.

Она не спешила. Мучительно поморщилась, словно пытаясь что-то вспомнить. После вновь посмотрела на Созидающего и неуверенно произнесла:

— Скай...

— Да! — он откинул голову назад и счастливо рассмеялся. — Скай! Я — Скай! А ты — Ирис. И я больше никогда не отпущу тебя, слышишь? Слышишь?!

Рывком поднял ее на ноги, прижал к себе, приподняв над землей.

— Венн? — спросила она, глядя на встрепенувшегося змея. Затем перевела взгляд на улыбающиеся лица, заметные среди зелени. — Ам... Амфии. — Взгляд Созидающей опустился на траву: — Ирисы... Как можно назвать цветы с запахом Ирис? Только ирисами...

— Верно, — ответил водник с улыбкой, ставя Ирис на землю. — Всё верно, ягодка.

— Ягодка... Ручеёчек. Скай! — и она бросилась ему на шею, но тут же отпрянула, испуганно вскрикнув: — Вайторис!

— Его больше нет, — Аквей вновь притянул ее к себе. — Мы победили, Ирис. Ты смогла, любовь моя. Мир свободен от его власти, откат рассеян, и ты со мной. Тьма, — его голос сорвался, и мужчина спрятал лицо, прижавшись к черноволосой макушке. — Со мной...

— Ты потом мне всё расскажешь подробно, Скай, — ответила она. — Всё-всё расскажешь, я пока мало вспомнила. А где...

— Потом, Ирис, потом, — оборвал ее Аквей. — Я всё тебе расскажу. И мы вернемся к Тейде, она будет тебе безумно рада, и Искра, и дурень Шейг. Айры, триги, маги — они все будут рады увидеть тебя, но сейчас ты только моя, и я никому не отдам и мгновения, которое могу провести рядом с тобой.

— Скай...

— Довольно, — отмахнулся Созидающий и накрыл ее губы своими губами, запутался

пальцами в черных волосах, не позволяя отстраниться. Руки Ирис уперлись в плечи водника, но уже через мгновение обвили его шею, и лейда Аквей ответила на поцелуй...

Амфии бесшумно отошли от кустов, переглянулись и, прикрыв смехи ладонями, вернулись в океан. Венн накрыл глаза кончиком хвоста, что-то булькнул себе под нос, но уже через пару секунд пополз прочь. У него неожиданно разыгрался аппетит, и змей решил, что подкрепиться самое время.

Только Скай и Ирис остались стоять на поляне, покрытой нежными белыми цветами. Время текло где-то за зеленой порослью, шумели океанские волны, набегавшие на белый песок, шелестел листвою деревьев ветер, солнце, окрасив небо в алый цвет, спешило укрыться за горизонтом и отдохнуть от дневных забот. Мир дышал, мир жил, благословляя приближение нового дня, и лишь мужчине и женщине сейчас не было до мира никакого дела. Они насыщались вновь обретенной близостью, друг другом и своей любовью...

Эпилог

Капельки дождя рисовали на поверхности озера свой затейливый рисунок. Кружок, еще кружок, словно звенья бесконечной цепи, переплетались друг с другом, таяли и вновь собирались, стоило новым каплям достичь водной глади. Я оперлась ладонями на мокрую траву, откинула голову, подставляя лицо под теплый летний дождь, и блаженно улыбнулась. Мне было хорошо. На душе царил миротворение и тихое бесконечное счастье. А еще покой...

— Ирис!

Жаль, недолгий. Гневный вскрик, слившийся с громким плеском воды, когда посреди озера вынырнул суровый, порой противный, еще чаще вредный, но любимый настолько, что иногда мне казалось, что мое дыхание, прервавшись при взгляде в глаза-озера, уже никогда не возобновится. Я таяла и таяла от щемящей нежности, стоило его ладонями сжать мои плечи, или бесилась и злилась на него также неистово, как любила, но никогда, ни на единый краткий миг не оставалась равнодушной.

— За какой Тьмой, я тебя спрашиваю, женщина? — водяное чудище, сверкая взором, выбралось на берег, окончательно испортив полотно, которое рисовали дождевые капли.

— Что вас так прогневило, леор Аквей? — полюбопытствовала я, приоткрыв один глаз.

— И ты еще спрашиваешь! — он с пафосом вскинул руки к небу.

— Иначе мне не узнать причины, по которой ты нарушаешь миротворение этого места.

— Лейда Аквей, — надменно начал Скай, но махнул рукой и уселся рядом. Он потрянул волосами, обдав меня брызгами, но я лишь улыбнулась и прижалась головой к плечу супруга. Созидающий устало вздохнул: — Ирис, лекари велят...

— Да что они понимают, твои лекари?! — вдруг взорвалась я, но ладонь водника скользнула мне на спину, и я успокоилась. — Жизнь моя, его стихия — вода. Мы у озера, под дождем, слушаем мелодию капель, и нам хорошо. Наконец, я могу посидеть без всех этих успокаивающих зелий. — Я огладила рукой объемный живот и улыбнулась: — Ему замок, как тюрьма. Порой мне кажется, твой сын мстит мне за то время, пока я держала тебя в темнице. И характер у него твой, такой же непоседа.

— Еще бы, — фыркнул Аквей. — Его отец все-таки я. Но ты не переживай, он первые

лет двадцать восемь только непоседой будет, потом немного утихнет.

— Хвала Мирозданию! — воскликнула я. — Хвала Мирозданию, что столько детей не носят, так что все его шалости будешь обуздывать ты, а я останусь доброй и милой. Буду баловать его, портить и любить изо всех сил.

Водник снова мотнул головой и заявил тоном, не терпевшим возражений:

— Ну уж нет. Баловать и портить его буду я. А ты поучай, наставляй, надоедай — это у тебя выходит лучше всего. — Я возмущенно округлила глаза, и творец передразнил:

— Скай, ты суешь нос в развитие мира. Скай, мы следим, а не мешаем. Скай, ты сотворишь чудовище. Скай...

— Но ведь ты и вправду разошелся! — воскликнула я. — Новый мир и его развитие — это не игрушки, а ты, как маленький мальчик...

— Во-от, — удовлетворенно протянул водник. — Зануда — ты. Я балую, ты поучаешь и не даешь нам жизни. А мы любим тебя изо всех сил. Согласна?

— За мальчишками нужен глаз да глаз, — усмехнулась я и щелкнула мужа по носу.

Он смешно поморщился, клацнул зубами, «пугая» меня, и вытянулся на мокрой траве, уместив голову на моих коленях.

— Да, и вправду хорошо, — блаженно вздохнул Скай.

Хорошо... Всё действительно было хорошо. После стольких веков, наполненных болью, ложью и борьбы за освобождение из-под власти Вайториса я, наконец, могла наслаждаться каждой новой секундой и просто ЖИТЬ рядом с любимым мной мужчиной. Без людской ненависти, без изматывающего чувства вины, без боли, выжигавшей душу. Просто жить и быть счастливой.

По началу, после того, как Скай воссоздал меня из ничего, вдохнул жизнь и вернул дар, полученный им в мгновение моей последней смерти, я еще какое-то время просыпалась по ночам с ощущением тревоги. Мне всё казалось, что мой мучитель вернется, чтобы вновь всё отнять. И пусть Вайторис исчез в энергетических токах Мироздания даже раньше, чем миновали проклятые тридцать дней, но ввевшийся в кровь страх и вера в его могущество отступили не сразу. Однако наступило утро, когда я проснулась на плече супруга и поняла, что свободна.

Моя память, полностью восстановившаяся, больше не тревожила меня. Ушла боль, утихла горечь, оставив по близким мне людям лишь добрую грусть, и в этом мне помог Скайрен Аквей и его окружение. После сражения у Черного замка они больше не видели во мне врага. Наше возвращение встретили недоверием, вскоре сменившимся радостным изумлением, а после и вовсе криками ликования. Их господин вновь жил, а я... я просто заслужила их доверие и прощение. Говорят, смерть может искупить грехи прошлого, и я свои грехи перед людьми этого мира искупила, когда помогла освободиться от тирании Разрушающего ценой своей жизни.

А потом по дорогам, по трактирам, площадям, бедным и богатым домам магов и обычных смертных разнеслась песнь-легенда о двух сестрах: Игнис и Ирис. В той балладе говорилось, что злая сестра с черной душой, служившей Темному властелину — Игнис, позавидовала красоте и доброму сердцу Ирис и заточила ее в подземелье Черного замка. Но благородный леор Скайрен Аквей, когда был пленником Темного, услышал как-то печальную песню, которую пел нежный женский голос. Песня проникла леору в самое сердце, и он, желая освободить пленницу, сломал двери своей темницы, спас деву и полюбил, как только увидел ее. После они, рука об руку, победили Темного властелина и

злую сестру Игнис, как две капли воды похожую на свою сестру.

Услышав эту песнь, я усмехнулась. Пусть так, пусть близнецы... Впрочем, в чем-то тут имелась истина. Ирис и Игнис — две половины одной сущности. Скай, выкрыв меня, спас из темницы — Черного замка, полюбил, разглядев истинную суть, хоть и пытался сопротивляться самому себе. И пусть подтолкнули нас друг к другу стихии, но они всего лишь помогли создать наиболее выгодный союз, который преумножил наши силы, но полюбило все-таки сердце. С тех пор темную Игнис проклинали, благословенной же Ирис возносили хвалу.

Мир продолжал жить, больше не сдерживаемый в оковах лже-Вечного, развивался, мчался вперед, и вскоре появились новые легенды, новые герои, новые красавицы, чудовища и благородные спасители. И это оказалось самой лучшей благодарностью двум Созидающим, отступившим в тень, как только их роль освободителей была исполнена.

Скай покинул клан, избрав его новой главой моего доброго поклонника и верного друга — Войтера, сироту, воспитанного отцом моего водника. И чтобы сгладить разногласия, Скайрен Аквей стал названным отцом Войта. Войтер Аквей принял власть в свои руки и вот уже тридцать два года крепко держал ее бразды. Он обзавелся очаровательной супругой, двумя детьми и уже одним внуком, со временем забыв безнадежную, но искреннюю влюбленность в жену своего господина.

Войтер позволил воссоединившейся чете Мунн вернуться в клан. Не сразу. Наш пасынок долгое время не мог простить Флиму покушения на меня. Он отпустил узника, как велел Скай, и встреча супругов была даже трогательной, когда терзавшаяся виной за смерть мужа, Эйволин бросилась ему на шею. Совесть ли, или все-таки водница сумела переоценить свое отношение к верному ей мужчине, но больше она не роптала и не сожалела о потерянном. Они зажили тихо, удалившись от всех, довольствуясь тем, что у них осталось. Но однажды я, забывшая обиды и прежнюю ревность, попросила Войта за супружескую чету, уже имевшую на руках младенца. Глава клана упрямо поджал губы, но согласился, что младшему Мунну нужна поддержка не только родителей, но и сородичей, и изгнанникам было позволено вернуться. Отказываться они не стали. Жить в клане было намного проще, чем отшельниками.

Тетушка Тей осталась помогать новому главе клана водников. Она еще жива, и грозитя перебраться к нам, как только маленький Созидающий огласит свет первым криком, но такой угрозой нас не испугать, мы всегда ей рады, и покои провидицы готовы принять свою постоянщицу. Ее источник уже мало теплится, но от предложения племянника пополнить его и продлить жизнь Тей отказалась.

— Я прожила хорошую жизнь, мой мальчик, — сказала она в один из своих визитов. — Мои года у меня никто не отнимет, а лишних мне не надо. У меня осталось лишь одно желание — взять на руки твое дитя.

Это желание казалось почти несбыточным. Несмотря на воссоздание и обновленное тело, для меня ничего не изменилось. Энергетическая основа осталась прежней, и именно в нее я когда-то внесла изменения в угоду Вайторису. Нам понадобился ни один год и помощь моего отца, чтобы развязать проклятый узел, казалось, навсегда уничтоживший надежды на материнство. Впрочем, забот у нас хватало, и помимо личных желаний оставались нужды мира, которому мы были обязаны за ошибку, совершенную четырьмя самоуверенными юношами — творцами.

Отражения плодились теперь с невиданной скоростью, и приходилось встречать откат

за откатом, это сильно усложняло жизнь. Устав от того, что не можем надолго оставлять Кристалл Реальностей без присмотра, мы приступили к самому важному своему Сотворению. И вновь нам помогал мой отец. У него было достаточно времени всё обдумать, рассчитать, переосмыслить. Сознание, не загруженное повседневными заботами, страстями, горестями и радостями, имеет ценную возможность — анализировать без спешки. Его советы оказались бесценны, и наш собственный мир, сотворенный из начальной энергии Истинной Реальности, остался самостоятельным, не получив привязки к Граням. Он не стал Отражением, и не уничтожил первые ростки жизни, как тот, в котором окончил свои дни Вайторис. Наш мир был тем самым белым листом, на котором мой отец, когда-то рисовал цветок, а мы со Скаем стали грифелем, заполнившим чистое пространство.

Тогда-то и открылся истинный нрав моего супруга. Строгий, порой даже суровый, он увлекся, как мальчишка, с упоением ринувшись в Сотворение. Горящие глаза, полный жажды новых открытий, однажды он доигрался до того, что невинного ящера, питавшегося водорослями, превратил в кровожадного хищника с двумя рядами острейших зубов. Наверное, такой же энтузиазм переполнял четверых творцов, решивших, что могут переплюнуть всех и создавших Отражения вместо Граней параллельных миров. Тогда-то мне и пришлось вмешаться, долго увещевая своего водника в неразумном использовании возможностей и собственной силы. Он пытался ворчать, фыркать, даже рычать, но я осталась глуха, и экспериментатор, пообещав в сотый раз скормить меня дереву-живоглоту, угомонился. После этого развитие нового мира пошло более упорядоченно. И именно энергия отражений, чья львиная доля уходила теперь в наше детище, использовалась на Созидание, пронося пользу. Остальное же расходилось магическими потоками по Истинной Реальности и Отражениям. Не так щедро, как рассчитывали стихийники, но в достаточной мере, чтобы пополнить запасы и не сотворить случайно новое честолюбивое чудовище уже среди магов.

Айры, триги, амфии — все они были и остаются нашими друзьями, чей призыв мы услышим всегда и везде. Они вновь обрели своих «богов», и как мы с супругом не противились подобному именованию, детища древних Созидающих остались глухи. Однако, пожалуй, лишь это и осталось неизменным. Территории тригов теперь не столь закрыты, как раньше, но они строго охраняют свои границы и не позволяют ни людям, ни магам диктовать им законы и правила. Свободолюбивый зверь всегда останется свободолюбивым зверем, даже если он позволяет пройти по своей территории.

А вот для айров наступили перемены, которые я подозревала еще в день самой великой битвы в жизни этого мира. Оэн Быстрокрылый все-таки вернулся в поселение, где осталась юная лейда Вер. Не желая слушать возражений ее родни и своих сородичей, айр выкрал девушку, и источник со скайренами соединил два любящих сердца. Летуны отступились первыми, узнав, что высшее благословение было получено. С магами оказалось сложнее, и Скаю пришлось обрушить на них всю мощь своего гнева, когда простые увещевания не принесли ощутимой пользы. И водники смирились. Это положило начало новым союзам, результатом которых стали потомки, обладавшие не только крыльями, но и даром магии. Мы предложили им перебраться в наш новый мир, и кое-кто уже осваивался там, положив начало первой разумной расе — ангелсам, так мы называли их.

А что же наши первые создания, спросите вы. И я вам отвечу, что им нашлось не только место в старом мире, но и произошло развитие. Шейги, размноженные мной, жили на землях тригов и служили... няньками. Да-да, эти добродушные вислоухие чудаки с веселым

нравом оказались лучшими воспитателями для подрастающего поколения звероловцев. Они могли охотиться и охранять, но лучше всего ладили с молодняком, выматывая их в играх и заботливо оберегая от опасности.

Венн... Водяные змеи — веннеры, получили неожиданную славу. Ее раздули водники, полностью захватив право на содержание веннеров, указывая на то, что суть этих змей — вода. Их использовали как телохранителей, и это было неудивительно. Имя, полученное первым змеем при его создании, означало друг, и это заложило основу сути веннеров. Преданные и верные они оберегали своего хозяина, поддерживали, становились молчаливыми спутниками в горестях и радостях. А вот измен не прощали, и горе-хозяин, обидевший водяного змея, мог оказаться в его желудке... Ну, ярость, в которой был создан Венн, тоже стала частью его сути, как и умение дружить. Так что маги, заполучив веннера, раз и навсегда принимали главное условие — не предавай.

Искра... Ее потомки быстро расплодились по нашему замку, получив от прислуги название: Королевские крысы. Ничего в них не было королевского, абсолютно. Тот же окрас, те же повадки, что у остальных сородичей, только нахальные, ленивые и отожравшиеся в хозяйских закромах. В результате, пришлось переселить их в заброшенный замок, найденный Скаем в горах айров, где наглые серые морды быстро прижились и обиды на нас не держали, потому что запасов им оставили немало. А чтобы крысы не стали бедствием, пришлось ограничить их плодовитость.

С самой Искрой мне было расставаться жалко, и она, против всех законов природы, продолжала жить рядом с нами. Это, наверное, единственное, за что я получила нагоняй от папы. Кажется, он никогда еще так на меня не сердился. Отец не выпускал меня с Зеленого холма, пока не выговорился полностью. Расхаживал передо мной, чеканил слова, заставив повторить все законы Созидания. И, как наказание, я делала то, что ненавидела с самого детства — писала формулы, а папа продолжал расхаживать вокруг меня и произносить свою речь, наполненную праведным негодованием. И это меня Скай называет занудой! Ну... если только самую малость, я ведь дочь своего отца... Впрочем, на Искре всё это никак не отразилось, она продолжала жить в своем любимом кресле, иногда поругиваясь с Венном, который порой донимает крысу, когда ему становится скучно. Он еще молод и полон сил, продолжает служить нашему маленькому семейству, но, главное, он был и остается нашим другом и первым совместным детищем.

Папа тоже ждет рождение нашего первенца. И, как и Тей, называет это своим последним желанием. После он уйдет, наконец, готовый к очищению и новому рождению, когда-нибудь. Мне грустно, но не горько. Отец был рядом со мной почти тысячелетие. Его время давно миновало, и теперь, когда я обрела покой и долгожданное счастье, он считает свой долг исполненным. Я просто попрощаюсь с ним и отпущу, сохранив в душе его образ и память, которую у меня уже никто не отнимет.

Возможно, они вновь встретятся — четыре друга, и может быть, в этот раз для них всё сложится иначе, возможно... А может, моим родителям дадут новый шанс прожить жизнь до глубокой старости, и может, у них родится сын, которому суждено не только повзрослеть, но и познать свое маленькое счастье. Хочется верить, что мой горячо любимый брат, получит на это право. Впрочем, кто знает, может быть, он уже жил, и его потомки ходят где-то совсем рядом. Ничто в Мироздании не исчезает бесследно. Круговорот энергии бесконечен и абсолютной пустоты нет. Ничто — это просто слово, потому что в нем всегда есть точка, из которой однажды вырастит Нечто.

— Ну, хватит, — Скай резко сел. — Ты уже достаточно вымокла и перепачкалась. Думаю, наш сын доволен этим валянием в грязи.

— Спроси у него сам, — ответила я, пожав плечами. — Вы с ним лучше понимаете друг друга. Даже о том, что он уже есть, ты узнал раньше меня.

— Слияние, любовь моя, лучшая штука, которую придумали Созидающие, — усмехнулся Аквей. — Он прижался ухом к моему животу и спросил: — Ты нагулялся, счастье мое?

Это было маленькое представление, Скай чувствовал сына на уровне стихии, но мне безумно нравилось, когда они разговаривали именно так, через меня.

— Счастье нагулялось, — уверенно произнес будущий отец.

— С чего так решил? — с подозрением спросила я. Это счастье на всё имело собственное мнение.

— Отец и сын всегда поймут друг друга, — заносчиво ответил Аквей, но хмыкнул и сбавил тон: — Не дрался. Наверное, насытился стихией и угомонился.

— Тогда точно можно возвращаться, — согласилась я. — Поднимай.

— Пузырь ты мой, — Скай спрятал смешок. — Захребетница.

— Нахал, — беззлобно огрызнулась я, протягивая руку. — Еще слово, и будешь таскать меня всю жизнь.

— Так ведь у нас один путь, любовь моя, — с улыбкой ответил супруг.

— Одна судьба, — эхом отозвалась я.

— На троих, — рассмеялся Скай, погладив мой живот.

— А может и больше, — хмыкнула я. — Это как пойдет.

— Мне нравится ваш подход к делу, лейда Аквей!

Скай обнял меня за талию, открыл Врата, и мы шагнули в них. Наше Нечто продолжало развиваться. Надеюсь, Мироздание будет к нам милостиво, и ничего крупней маленькой семейной ссоры нам не больше не грозит.

Что я еще хочу сказать? Только одно — пусть свет ваших искр сияет ярче солнца.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net